

В. Э. Маркитков,
З. В. Молодцова,
С. С. Маркерт

ИСТОРИЯ ЯПОНИИ

XX ВЕК

ИСТОРИЯ СТРАН ВОСТОКА XX ВЕК

Серия основана в 1999 г.

Редакционная коллегия

Р. Б. Рыбаков (главный редактор),
В. М. Алпатов, А. З. Егорин, В. А. Исаев,
И. Л. Тимонина, Е. Л. Катасонова,
Ю. В. Чудодеев (ученый секретарь серии)

В. Э. Молодяков, Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарьян

ИСТОРИЯ ЯПОНИИ

XX век

Москва ИВ РАН
Издательство «Крафт+»
2007

ББК 63.3(5Я)
М75

Отв. редактор тома
В. М. Алпатов

М75 Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б.
История Японии. XX век. – М.: ИВ РАН; Крафт+,
2007. – 528 с.

ISBN 5-89282-295-8

Коллективный труд ведущих российских японоведов является первым за много лет в отечественной литературе комплексным изложением истории Японии XX века, построенным по проблемно-хронологическому принципу. Основываясь на богатой документальной базе, лучших научных работах прошлого и результатах новейших исследований, авторы дают читателю полномасштабное представление о внешней и внутренней политике, экономике и культуре Японии. Книга свободна от идеологической ангажированности и содержит пересмотр устоявшихся оценок ряда событий прошлого. В монографии просматриваются две модели развития Японии в XX веке - по пути милитаризации, которая привела ее к сокрушительному поражению во Второй мировой войне, и по пути демократизации, в результате чего она превратилась в экономическую супердержаву мира и стала равноправным членом «восьмерки». Книга насыщена фактическим материалом и сочетает строго научный анализ с общедоступным изложением, что делает ее интересной и полезной широкому кругу читателей, включая преподавателей гуманитарных дисциплин, аспирантов, студентов, любителей истории.

ББК 63.3(5Я)

ISBN 5-89282-295-8

ISBN 978-5-89282-295-4

© В.Э.Молодяков,
Э.В.Молодякова,
С.Б.Маркарьян, 2007

© Институт востоковедения
РАН, 2007

Главы I–III написаны Молодяковым В.Э.;
IV – при участии военного историка Брылевского Г.Б.
Введение, главы V–VIII и Заключение – Молодяковой Э.В.
и Маркарян С.Б.

При написании имен собственных, географических названий и названий политических партий авторы придерживались следующих правил:

1. Японские имена собственные пишутся в соответствии с японскими правилами – сначала фамилия, потом имя.

2. Во избежание искажений японские имена и географические названия не склоняются. Исключение составляют немногие географические названия, утвердившиеся в русском языке, например, Окинава или Иокогама.

3. Для написания японских имен, географических и иных названий используется принятая в русских научных изданиях транскрипция Е.Д. Поливанова. Исключение составляют слова Токио (вместо Токё), Киото (вместо Кёто), Иокогама (вместо Ёкохама), Тодзио (вместо Тодзё).

4. Названия японских политических партий довоенного времени даются в японском звучании без перевода, как было принято в отечественной довоенной литературе, например, Сэйюкай или Минсэйто.

ВВЕДЕНИЕ

Япония накануне XX века

События 1868 года, известные в истории как реставрация Мэйдзи¹, сформировали ту структуру, с которой Япония вступила в XX век. Они открыли путь капиталистического развития и ускоренной модернизации, радикально изменили облик общества и определили дальнейшие направления развития страны. Можно сказать, что основы процветания Японии в современном мире были заложены свержением режима сёгуната (военное правление) и последующими реформами, осуществленными новой властью. И в этом смысле реставрация Мэйдзи была близка к революциям европейского типа, ибо по сути своей имела поистине революционный характер. Но при этом она не сделала многого из того, что, казалось бы, надлежало сделать, и сохранила немало «реакционного». Она провозгласила возвращение всей полноты власти императору и опору на традиционную религию. Политическая акция сводилась к реставрации монархии, и последующая вооруженная борьба велась за утверждение прерогатив императора как верховного правителя страны. Движущей силой выступала не буржуазия, поскольку она в то время еще не была влиятельной частью общества, а низкоранговое самурайство из кланов Сацума, Тоса и Тёсю, которое сыграло основную роль в реставрации Мэйдзи. Это была революция в традиционном восточном обществе, и ее можно квалифицировать как консервативную революцию².

Реставрация императорской власти была вполне логическим итогом борьбы оппозиционных сил с изжившим себя тоталитарным феодальным режимом сёгуна, против угрозы потери национальной независимости. В стране уже было невозможно осуществлять подмораживание прежних институтов власти и консервацию существующих порядков. Необходимы были коренные духовные, политические и социальные преобразования.

¹ (Мэйдзи Исин). Мэйдзи – в дословном переводе – Просвещенное правление, девиз годов правления императора Муцухито, его посмертное имя.

² Подробнее см.: В.Э. Молодяков. Консервативная революция в Японии. М., 1999.

По многим параметрам японское феодальное общество периода *бакумацу*³, как и европейское в свое время, было подготовлено к модернизации. Склонная к образному мышлению, социолог Накано Тиэ писала: «колеса к повозке были сделаны задолго до модернизации; требовалось только сменить возницу и направление движения»⁴. Император стал своеобразным знаменем возрождаемого самосознания, символом национального единства.

Новая власть делала максимум возможного для сохранения независимости страны и создания государства, обладавшего равным статусом с европейскими. В событиях Мэйдзи исин, как и в последующих реформах, все время присутствовал неявный компромисс между консервативными силами и оппозицией – сторонниками обновления. Первые поддерживали в принципе реформирование общества, вторые – не были против сохранения и поддержания традиций. Элемент исторического компромисса в событиях, связанных с реставрацией Мэйдзи, наряду с особенностями экономической и социальной структуры тех лет предопределили специфику капиталистического развития страны при сохранении значительных феодальных пережитков.

Духовным орудием новой власти стал государственный синто, во многом способствовавший становлению империалистической Японии. В отличие от народного, в нем был очень силен идеологический аспект – почитание императора. Возрождение синто преследовало не только сугубо религиозные цели, но и политические. Основанный на территориальном принципе адептов синто содействовал реализации политических целей по сплочению нации и укреплению государственности на основе религиозного сознания.

Очередность реформ определялась правительством исходя из поставленных задач. Прежде всего, были проведены реформы, направленные на создание централизованного государства. Вначале был создан унифицированный аппарат управления княжествами, представленный правительственными уполномоченными. Затем, в 1871 г., была проведена весьма важная реорганизация системы административно-территориального деления: ликвидированы княжества и созданы префектуры. Были сформированы институты местного самоуправления, которые подчинялись ведомству внутренних дел. Все это создавало базу для упорядочивания сбора налогов. Важной составляющей частью этих реформ стала ликвидация прежней сословной системы и введение трех сословий – высшее дворянство, дворянство и простой народ.

³ Последний период правления токугавского сёгуната – с 40-х годов XIX в. до реставрации Мэйдзи.

⁴ Nakane Chie. Japanese Society. Tokyo, 1987, p. 19.

Задача сохранения национальной независимости потребовала нестложной реорганизации вооруженных сил и создания регулярной армии на основе всеобщей воинской повинности. Наряду с реформой вооруженных сил, формировалась полицейская система, ставшая важной частью мэйдзийских преобразований.

Огромное значение для развития страны по капиталистическому пути имели проведенные в 1871–1873 годах аграрные преобразования, которые изменили систему землевладения и землепользования. Была ликвидирована феодальная зависимость крестьян, отменена феодальная собственность на землю, введена система купли-продажи земли, провозглашена свобода выбора возделываемых культур, проведена реформа поземельного налога, теперь он уплачивался непосредственно центральному правительству. Проведение всех этих мероприятий привело к созданию частной собственности на землю и созданию нового класса землевладельцев, росту посевных площадей и сельскохозяйственного производства, которое в тот период стало основой создания материальных ценностей. Средства поземельного налога составляли от двух третей до трех четвертей государственных доходов⁵. Важную роль сыграл и рост вывоза шелка-сырца (за 20 лет он увеличился в шесть раз), одного из основных экспортных товаров того времени.

Новая власть буквально сразу же поставила перед дипломатией задачу борьбы за отмену неравноправных (так называемых ансэйских⁶) договоров, заключенных сёгунским правительством с западными странами (США, Голландией, Англией, Францией и Россией) после «открытия» Японии в середине века. Этим во многом диктовалось создание централизованной судебной системы, организация адекватных западным юридическим институтов. Этот процесс был завершён только в 90-е годы с принятием гражданско-процессуального и торгового кодексов. Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы вошли в силу уже в начале 90-х годов.

Отмена ограничений на выбор профессии и места жительства, ликвидация цехов и гильдий, объявление свободы торговли, передвижения людей и перевозки товаров, введение единой денежной системы – все эти преобразования значительно ускорили развитие экономики. Отставание от европейских стран особенно ощущалось в области техники и технологии и именно в этой сфере динамично пошел процесс модернизации. Усвоение западной науки

⁵ Норо Эйтаро. Нихон сихонсюг хаттацуси (История развития японского капитализма). Токио, 1930, с.192–193.

⁶ Период Ансэй – 1854–1860 гг.

и техники стало государственной политикой. При этом из иностранного опыта использовалось лишь то, что, по мнению правящих кругов, отвечало потребностям страны. Прагматизм японцев давал им возможность воспринимать все нововведения, которые они считали нужными, не поступаясь традиционными ценностями. Это одна из причин, почему Япония сумела успешно ответить на вызов Запада в отличие, скажем, от Китая и сохранить свою независимость. Модернизация проходила под лозунгом «богатая страна — сильная армия» (*фукоку-кёхэй*), приоритет отдавался военной промышленности.

Практически все функции по модернизации экономики выполняло государство, одновременно стимулируя развитие частного предпринимательства (оказывало финансовую помощь, обеспечивало заказами и предоставляло различные льготы, например, привилегии на выпуск ценных бумаг, на сбор налогов). Была проведена перестройка системы сообщений: открывались пароходные линии, строились железные дороги, были открыты телеграфные и телефонные линии, организована современная почтовая служба. Главным направлением в развитии экономики стало создание промышленных предприятий, оснащенных западной техникой (за два десятилетия их появилось больше, чем за четыре века до этого). В качестве консультантов приглашались иностранные специалисты и одновременно велась подготовка отечественных (внутри страны и за рубежом). В 1880 г. был издан закон о передаче государственных заводов, многие из которых были нерентабельными, в частные руки. Это было сделано на исключительно выгодных для новых владельцев условиях. Отдав промышленные предприятия на откуп частному капиталу, правительство сосредоточилось на развитии чисто военных отраслей. Под правительственным же контролем была создана по американскому образцу национальная банковская система.

Коренная перестройка коснулась не только экономики и политики, она затронула науку, образование, все области культуры, календарь, нормы поведения, обычаи, моду. Наиболее важной стала реформа образования, уровень которого в феодальный период был весьма высок даже в сравнении с европейскими странами. Ко времени реставрации Мэйдзи примерно половина мужчин и около 15% женщин получали систематическое образование. Но его содержание сводилось главным образом к изучению классических конфуцианских книг и основ математики, что уже не соответствовало требованиям времени. Полнокровное приобщение к западной цивилизации было невозможно без проведения крупномасштабной реорганизации системы образо-

вания и просвещения в целом. В 1870 г. был принят закон об образовании, предоставивший равные возможности его получения представителям всех сословий, мужчинам и женщинам. Новая система (начальные, средние, высшие и технические школы, а также университеты) уже не была жестко увязана с каким-либо социальным слоем. Успехи Японии на этом поприще были столь значительны, что на Парижской выставке 1878 г. ей была присуждена первая премия за организацию школьного дела. С 1886 г. было установлено обязательное четырехлетнее начальное образование, с 1900 г. оно стало бесплатным. На рубеже веков его получали 90% мальчиков и 80% девочек, и по охвату детей начальным образованием Япония сравнялась с Англией. Помимо государственных, появлялись частные учебные заведения, некоторые из которых затем стали престижными университетами, существующими и поныне, например Васэда или Кэйо. В Токио и Киото были созданы государственные императорские университеты.

В то же время в стране появляется много недовольных реформами во всех слоях общества. Крестьяне хотя и получили землю, но были обременены высоким налогом, самураи были не удовлетворены недостаточно высоким положением в обществе, на которое они могли претендовать как основная движущая сила на начальном этапе мэйдзийских преобразований. Начались крестьянские выступления и волнения среди самураев. Под влиянием западных политических учений в стране начинается оформляться либеральная оппозиция. С середины 70-х годов зарождается так называемое «движение за свободу и народные права» (*дзюю минкэн ундо*). Оно отражало недовольство всех слоев населения — от высшего дворянства до крестьян. Главным требованием этого движения было учреждение представительной власти (как в центре, так и на местах) и расширение политических прав населения. Его лидеры выдвинули ряд проектов перевода страны на конституционные рельсы. Основной формой этого движения была подача петиций в центре и на местах, устройство митингов. В начале 80-х годов XIX в. лидеры движения создали первые политические партии — Дзююто (Либеральная партия) и Кайсинто (Партия реформ и прогресса). Это движение стимулировало появление в 1881 г. императорского указа об учреждении парламента в 1890 г. Спустя несколько лет движение за свободу и народные права пошло на убыль.

Расширение связей с западными странами способствовало проведению в середине 1880-х годов очередной реформы госу-

парламентского аппарата по германскому образцу. Первым премьер-министром стал Ито Хиробуми, который затем руководил разработкой первой японской конституции, принятой (а точнее, «пожалованной» императором) в 1889 г. При ее подготовке японцы ознакомились с конституциями других стран, в частности американской и германской. Лишь три ее статьи, касающиеся императорского дома, были оригинальными, остальные – заимствованными. Но японская конституция оказалась наименее демократической из всех тогда существующих. В соответствии с ней были введены представительные органы власти, но избирательное право распространялось на очень ограниченное число лиц, кабинет министров нес ответственность не перед парламентом, а перед императором, он был объявлен «священным и неприкосновенным» (т.е. законодательно было закреплено его «божественное» происхождение), ему были предоставлены неограниченные права главы государства (объявлять войну, заключать мир, договоры, назначать высших должностных лиц, созывать и распускать парламент; император был главнокомандующим армией и флотом). По удачному выражению английского социолога Дж. Фалчера, она была принята для придания Японии респектабельности в глазах Запада. Высшими консультативными органами при императоре стал тайный совет, который был создан еще до принятия конституции для обсуждения предложений, и *гэнро* – группа пожизненных советников. *Гэнро* стал чрезвычайно важным институтом в системе государственной власти. Он получил право влиять на решения важнейших вопросов внутренней и внешней политики – назначение премьер-министров, объявление войны и заключение мира, подписание международных договоров. Прекратил существование лишь в 1910 г. со смертью последнего из *гэнро* Сайондзи Киммоти.

Внешняя политика правящих кругов новой Японии была аналогична политике развитых стран того времени. Они старались заявить о своей стране на международной арене как о серьезной военной державе и отменить неравноправные договоры. В эпоху колониальных захватов единственным путем занять достойное место в мире была агрессивная внешняя политика. Япония нацелилась, прежде всего, на территории сопредельных государств, стремясь на путях внешней экспансии снять рост социального недовольства, переключив внимание на внешнюю политику. Уже в начале 1870-х годов Япония присоединила к своим территории острова Рюкю, которые получили в 1879 г. статус префектуры, а также сумела в начале 1880-х годов заклю-

чить неравноправный торговый договор с Кореей. По Тяньцзиньскому договору с Китаем 1885 г. Япония получила в Корее те же права, что имел Китай. В результате японо-китайской войны 1894–1895 гг. она сумела получить значительную контрибуцию. Эти средства явились серьезным источником финансирования отраслей военной промышленности и расширения вооруженных сил в конце века.

Путь к отмене неравноправных договоров занял не одно десятилетие, и Япония шаг за шагом добивалась уступок. В 1878 г. она сумела добиться на переговорах с США таможенного суверенитета, что стало первым шагом на пути пересмотра договора 1858 г. Первый равноправный торговый договор был заключен в 1888 г. с Мексикой, а в следующем году – с Германией, Россией и США (но при этом положения о смешанных судах оставались), а в 1894 г. – с Великобританией (но ликвидация экстерриториальности была отложена до 1899 г.). Первым равноправным международным соглашением, подписанным Японией, стал русско-японский договор 1875 г. об обмене Южного Сахалина на Курильские острова.

Многие цели, поставленные мэйдзийским правительством, были к концу века выполнены, и Япония по ряду параметров начала активно догонять Запад. На этом фоне усвоение духовных западных ценностей встречало подчас серьезное сопротивление. В целом в процессе вестернизации были свои приливы и отливы. В первые два десятилетия после реставрации царил эйфория от всего западного, которое считалось передовым, достойным внимания, в то время как восточное – отсталым, ничего не значащим. Все и вся старались перестроить на европейский манер. Появился даже девиз – «уйти с Востока и присоединиться к Западу». Но с конца века нарастает внутренний протест, по большей части националистически настроенных сил против европеизации, нацеленный на возрождение традиции, на защиту собственных ценностей.

Прежде всего, это очень ярко проявилось в системе образования. Преподавали откровенно прозападные школьные программы. Почти полный отказ от традиционного предмета – морали вызывал недовольство сторонников национальной системы воспитания. Уже с 1880-х годов в школах вновь обязательным предметом становится моральное воспитание, конфуцианская этика, вводится цензура на учебники, а на их страницах появляются назидательные рассказы из мифологизированной истории страны. Происходило объединение, казалось бы, несовместимых ве-

щей — европеизации и сохранения древнейших национальных элементов.

Но нельзя не признать, что, проведя серьезные реформы внутри страны, успешно развивая экономику, практически ликвидировав неравноправные договоры и продемонстрировав военные достижения, к концу XIX в. Япония уже была готова к тому, чтобы бороться за полноправное место среди развитых стран того времени. И путь к этому выбрала единственно возможный в то время путь ускоренной модернизации всех сфер жизнедеятельности общества.

СТАНОВЛЕНИЕ ИМПЕРИИ (1900–1918)

На пути в «клуб великих держав». – Русско-японская война: причины и ход. – Портсмутский мир и изменение баланса сил на Дальнем Востоке. – Власть и «политика компромисса». – Экономическая экспансия и создание колониальной империи. – Эволюция социалистического и рабочего движения. – Япония в Первой мировой войне. – Старое и новое в японской культуре.

На пути в «клуб великих держав»

К концу XIX в. Япония решила главную внешнеполитическую задачу, которая стояла перед ней со времени *Мэйдзи исин* – добилась отмены неравноправных договоров. Теперь, вслед за формальным равноправием, она стремилась войти в «клуб великих держав». Экономический и технологический рывок, совершенный Японией за последние тридцать лет XIX в., доказывал успех выбранной модели модернизации, но еще не позволял претендовать на статус мировой державы. В финансовом отношении страна оставалась должником; тяжелая промышленность была слабо развитой; внешняя торговля имела пассивный баланс вплоть до начала Первой мировой войны. Низкий уровень жизни значительного большинства населения также не способствовал международному престижу. Поэтому попытаться встать рядом с Великобританией, Францией или Германией, служившими образцом для мэйдзийской Японии, можно было только за счет проведения экспансионистской внешней и колониальной политики, какую к тому времени активно вели все эти страны и пытались вести менее значительные.

В начале XX в. экспансия и территориальные захваты воспринимались не только политиками и военными, но и общественным

мнением «цивилизированного мира» как нечто само собой разумеющееся. Великобритания и Франция создали колониальные империи глобального масштаба. Нидерланды, Испания и Португалия стремились сохранить то, что осталось от «былой роскоши». В колониальный раздел мира включились новые страны — Германия, Италия, Бельгия. Даже Соединенные Штаты стали колониальной державой в результате испано-американской войны 1898 г., сыгравшей в истории США роль аналогичную роли японско-китайской войны 1894/95 гг. в истории Японии. Несколько иной тип представляла собой Российская империя, в которой не было четкого разделения на метрополию и колонии, но в правящей элите которой тоже подумывали о колониальных захватах в Корее и Маньчжурии. Однако подобная политика считалась прерогативой «оселых» держав, призванных не только захватывать, но и «цивилизовать» занятые территории. Поэтому Японии предстояло показать, что она способна не только на экспансию, но и на осуществление «цивилизаторской миссии».

Для проведения активной внешней экспансии требовалось определить ее перспективные направления и заручиться поддержкой или хотя бы нейтралитетом «великих держав», т.к. ни с одной из них Япония к 1900 г. не состояла в союзнических отношениях. Главное направление определилось уже в 1880-е годы — Корея и Китай, особенно Маньчжурия, которые рассматривались как сфера жизненных интересов Японии и даже линия ее обороны. Осуществляя экономическое и политическое проникновение в этот регион, Япония, естественно, сталкивалась с Россией, которую с середины 1890-х годов стала рассматривать как наиболее вероятного противника. Именно в России японская элита справедливо видела инициатора Тройственного вмешательства (23 апреля 1895), лишившего Японию плодов победы над Китаем, а затем добившегося аренды того самого Ляодунского полуострова, в контроле над которым Японии было отказано. Нечего было рассчитывать и на Францию — союзницу России. Кайзер Вильгельм II, пустивший в обиход выражение «желтая опасность», также не испытывал желания искать союзников на Дальнем Востоке, хотя престиж Германии как военной державы в японской армии был очень высок. Участие японских войск вместе с европейскими в «боксерской экспедиции» (подавление антиинострannого восстания ихэтуаней в Китае) в 1900–1901 гг. было призвано сгладить обиду от Тройственного вмешательства и показать способность и готовность Японии участвовать в «миротворческих операциях» «цивилизированного мира».

Наиболее перспективным союзником выглядела Англия, заключившая с Японией первый равноправный договор (16 июля 1894)

и считавшаяся главным противником России. Она не участвовала в Тройственном вмешательстве, хотя и не выступила в поддержку Японии. В то же время расширение русской экспансии и жесткая позиция правящих кругов Петербурга толкали Токио на союз с Лондоном, к чему влиятельные круги обеих столиц призывали еще с 1895 г. В Японии это была атлантистская группа, тон в которой задавали лидер либералов Окума Сигэнобу и дипломаты Хаяси Тадасу и Като Такааки, в разное время занимавшие посты посланника в Лондоне и министра иностранных дел. В Англии идею союза пропагандировали главным образом русофобские круги, рупором которых была газета «Таймс». Активную поддержку им оказал премьер-министр А. Бальфур, хотя министр иностранных дел его кабинета лорд Ленсдаун был настроен более скептически.

В Токио ориентация внешней политики на союз с Англией и потенциальное обострение отношений с Россией была поддержана большинством правящей элиты; с возражениями выступил только бывший премьер-министр, а ныне влиятельный *гэиро* Ито Хиробуми, не оставлявший надежды полюбовно договориться с Россией о разделе сфер влияния в Корее и Маньчжурии. Осенью 1901 г. Ито посетил Петербург, где ему «русские деятели, в том числе и сам царь, устроили более чем королевский прием»¹, и вел переговоры с Николаем II, министром иностранных дел В. Н. Ламздорфом и министром финансов С. Ю. Витте, контролировавшим всю дальневосточную политику России с середины 1890-х годов. Несмотря на усилия Ито, переговоры не дали конкретных результатов. Причин было две: ориентация большинства правящей элиты Японии на союз с Англией и позиция Витте, апологета экспансии в Маньчжурии без оглядки на Японию. Кроме того, Витте имел сильное влияние на молодого и недостаточно опытного в политике Николая II.

7 декабря 1901 г. министр иностранных дел Комура Дзютаро представил совещанию *гэиро* меморандум о выборе партнера между Петербургом и Лондоном, отметив, что приходится выбирать по принципу «или-или», но решительно склоняясь в пользу второго. Соглашение с Россией он считал временным и краткосрочным, а с Англией долгосрочным, потому что первая ориентирована на расширение экспансии, а вторая заинтересована в сохранении *status quo*. Россия не согласится на японское доминирование в Корее, а Британия хотя бы закроет на это глаза. Далее, англо-японский союз, декларирующий сохранение и гарантии территориальной целостности Кореи и Китая, будет бла-

¹ Исин К. Дипломатические комментарии. М., 1942, с. 39.

пожелательнее принят в мире. Эти положения и составили основу будущего договора, наряду с условием сохранения строгого нейтралитета в случае войны партнера с любой третьей державой и участия в войне, если противников будет больше одного. Кроме того, Комура утверждал, что союз принесет Японии экономические выгоды и обеспечит ее проникновение в британские колонии и доминионы. Однако эти надежды не оправдались и вряд ли могли оправдаться с учетом возросшей самостоятельности доминионов в выработке иммиграционной и таможенной политики, которая как раз и задевала интересы Японии.

Решение о заключении союза было принято во время отсутствия Ито в Токио, хотя он настоятельно просил повременить до его возвращения, поскольку договор с Англией сделает невозможным сближение с Россией. Премьер-министр Кацура Таро предлагал привлечь в союзники еще и Германию, но его идея не получила поддержки ни в Токио, ни в Берлине. Настроенный в то время антирусски, Кацура активно поддерживал идею отправки Ито в заграничное путешествие, в чем современники видели стремление временно удалить из страны наиболее влиятельного противника нового внешнеполитического курса.

Подписание англо-японского соглашения Ленсдауном и Хаяси 30 января 1902 г. было подано в обеих столицах как крупный дипломатический успех. Для Японии это было особенно важно, тем более что многие представители британской элиты сомневались в уместности равноправного союза с «не-белой» нацией. Осенью 1904 г. В. Я. Брюсов, не только выдающийся поэт, но и зоркий политический аналитик, писал: «Союз Англии с Японией — искусственный и случайный. Англия готова ссужать деньги, чтобы помочь в борьбе со своей вековой соперницей, но, конечно, англичане первые откажутся признать желтокожих одинаковыми с собой существами. Англичане в своих восточных колониях никогда не садятся за один стол с туземцами, будь то и японцы»². Союз с Англией усиливал позицию Японии в отношении России, но не снимал имеющихся противоречий. В апреле 1902 г. Россия отказалась эвакуировать из Маньчжурии вторую очередь оставшихся там после «боксерской экспедиции» вооруженных сил, как это было предусмотрено русско-китайским соглашением, выполнения которого настойчиво требовали Англия и Япония. Не теряя надежды на улучшение своих позиций в Маньчжурии, Япония 8 октября 1903 г. подписала новый договор о торговле и морепла-

² Брюсов В. Мировое состязание. Политические комментарии 1902–1924. М., 2003, с. 89.

вании с Китаем, по которому Мукден открывался для международной торговли. Япония получала право на создание там экстерриториального селтльмента, но вся территория признавалась находящейся под китайским суверенитетом, что противоречило претензиям России на исключительные права. Одновременно аналогичный договор был заключен между Китаем и США. Российский посол в Вашингтоне А.П. Кассини, бывший посланник в Пекине, выступил против него, утверждая, что положение в Маньчжурии делает международную торговлю там невозможной.

Перед лицом жесткой позиции России японское правительство и *гэнро* вернулись к идее Ито о разграничении сфер влияния, которая 23 июня 1903 г. была принята императорской конференцией в качестве основы для переговоров с Россией. 31 июля посланник в Петербурге Курино Синъитиро официально передал министру иностранных дел Ламздорфу предложение вступить в переговоры по спорным вопросам, которое было принято.

Русско-японская война: причины и ход

Война с Россией в 1904–1905 гг. стала второй войной современной Японии и первой, в которой она столкнулась с «белой» державой. Более того, это был первый в эпоху колониализма пример победы «не-белых» над «белыми», что – с учетом важности расовых моментов не только в политике, но и в массовом сознании того времени – имело поистине историческое значение не только для Японии.

Глубинной причиной войны было столкновение империалистических интересов Японии и России. После Тройственного вмешательства главным объектом японской экспансии была избрана Корея. В Токио сделали ставку на поддержку корейских реформистских сил, рассчитывая произвести в этой стране модернизацию по образцу *Мэйдзи исин* и взяв на себя руководство ею. Однако политика Японии, отличавшаяся жесткостью и агрессивностью (убийство королевы Мин в 1896 г.), потерпела неудачу и в прямом смысле толкнула корейского короля в объятия России: после убийства королевы он в течение года проживал под охраной в русской миссии в Сеуле. Напряженность была отчасти ликвидирована соглашением, которое 25 апреля 1898 г. заключили министр иностранных дел Ниси Токудзиро и русский посланник в Токио барон Р. Р. Розен, понимавшие необходимость двустороннего партнерства, но глубинных причин конфликта это не устранило.

Россия еще в 1896 г. заключила с Китаем секретный оборонительный договор, направленный против Японии, и получила право на постройку Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) — кратчайшего пути от Читы до Владивостока через Маньчжурию. В 1898 г. Россия вынудила Китай сдать ей в аренду Ляодунский полуостров с торговым портом Дальний и незамерзающей гаванью Порт-Артур, которая была занята русским флотом. Вслед за этим было подписано русско-китайское соглашение о строительстве южной ветки КВЖД от Харбина до Дальнего. Главной движущей силой этого курса был министр финансов Витте, деятельность которого стала одной из главных конкретных причин войны с Японией. Дальнейший ход русской экспансии был закреплён созданием в 1903 г. Особого комитета Дальнего Востока и назначением 12 августа³ того же года адмирала Е. И. Алексеева наместником Дальнего Востока с резиденцией в Порт-Артуре. МИД во главе с Ламздорфом был отстранен от выработки дальневосточной политики; упало и влияние Витте, перемещенного 24 августа с поста министра финансов на пост председателя Комитета министров. В мае 1903 г. звание статс-секретаря получил приближенный императора А. М. Безобразов, владелец лесных концессий на реке Чжу (Ялуцзян) вблизи русско-кореической границы, которые рассматривались как потенциальный плацдарм для вторжения в Корею.

В день назначения Алексеева посланник Курино передал Ламздорфу предложения своего правительства о разделе сфер влияния в Корее и Маньчжурии на основе взаимного признания «преимущественных прав». Однако националистические круги обеих стран толкали правительства к войне. Морской агент в Токио А. И. Русин 2 сентября докладывал, что переговоры «едва ли приведут к соглашению: ненормально приподнятое самомнение японцев, при нравственной поддержке Англии и Америки, не позволит кабинету графа Кацура принять условия, сколько-нибудь допустимые для интересов государства Российского, разграничения сфер влияния на Дальнем Востоке. Враждебная против России агитация, производившаяся почти без перерыва в течение последних лет японскими политическими деятелями и прессой, вместе со лстивыми заискиваниями Англии, Америки и даже Германии не могли не создать в конце концов серьезного препятствия к прочному соглашению между Россией и Японией. Тем более что даже грандиозные уступки с нашей стороны, скажу для примера, создающие отношения Кореи и Японии вроде вассаль-

³ Даты, относящиеся к России и русско-японским отношениям, приводятся по новому стилю.

ных и предоставляющие японцам многие права на Маньчжурию, не обеспечат надолго мира на Дальнем Востоке, так как и эти условия покажутся японцам недостаточными и Япония начнет домогаться новых уступок. Отрезвит Японию лишь твердый отпор с нашей стороны, отпор, основанный на наличии такой русской военной силы на Дальнем Востоке, которая делала бы проблематичным даже в глазах японцев их успех, хотя бы первое время, на поле военных действий. Японцы, зная наличие наших военных сил и их распределение на Дальнем Востоке, сильно рассчитывают и даже, можно сказать, уверены в своем успехе в первый период войны. Этими первыми успехами японцы ожидают утвердить свой политический и военный престиж, благодаря которому мечтают заключить скорый, выгодный и почетный для себя мир»⁴.

Ответ из Петербурга, составленный на основании личных указаний Николая II и согласованный с Алексеевым и Ламздорфом, был представлен Розеном 3 октября. Россия соглашалась признать Корею зоной исключительных прав Японии только южнее 39 параллели и требовала полного подчинения Маньчжурии с правом постоянного размещения там войск. 30 октября японское правительство внесло ответное предложение создать нейтральную и демилитаризованную 50-мильную зону по обе стороны корейско-маньчжурской границы и, признавая преимущественные интересы России в Маньчжурии, потребовало гарантировать соблюдение там своих прав. 29 октября русские войска, без ведома наместника Алексеева, заняли Мукден. Россия настаивала на сохранении status quo, закрепившись в Маньчжурии лучше, чем Япония в Корее, в то время как Япония рассчитывала улучшить свои позиции. «Япония предлагала не корейско-маньчжурский обмен, как на том настаивала «мирная» партия в Японии, да и в Англии, а признание ее протектората над Кореей, как того требовала военная партия в Японии, без аналогичного признания тех же прав России над Маньчжурией. Ясно, что такая политика не имела шансов на успех и была лишь удобной ширмой для «оправдания» оборонительной войны. Конечно, не могла не понимать этого и английская дипломатия, которая не сделала ни одного шага, для того чтобы сдержать Японию»⁵.

12 ноября Ламздорф заявил Курино, что, хотя отношения между странами обострились прежде всего из-за маньчжурского вопроса, императорское правительство считает его лежащим

⁴ Из предыстории русско-японской войны: донесения морского агента в Японии А.И. Русина (1902–1904 гг.) // Русское прошлое. Кн. 6. 1996, с. 73–74.

⁵ Гальперин А.Л. Англо-японский союз, 1902–1921 гг. М., 1947, – с. 194.

поглочительно в сфере русско-китайских отношений. Курино ответил, что Япония признает специальные интересы России в Маньчжурии и не имеет претензий к ним, но настаивает на сохранении независимости и территориальной целостности Китая и на гарантии своих интересов и прав там. 22 ноября Ламздорф сказал посланнику, что по вопросу о Корее соглашение вполне постижимо, но маньчжурские дела возможно решить только после того, как Китай даст России необходимые гарантии сохранения ее интересов. Тогда Россия выведет войска из Маньчжурии, где будет полностью восстановлен китайский суверенитет. Китай гарантии дать отказался, поэтому оккупация продолжалась. 11 декабря Розен представил Комура очередные предложения Петербурга, которые по-прежнему не содержали ничего конкретного относительно Маньчжурии. Их текст был немедленно сообщен в Лондон, и британское правительство пришло к выводу, что война неизбежна. 6 января 1904 г. последовал новый вариант русских предложений, но совещание *генро* и кабинета министров 11 января согласилось с мнением Комура о бесперспективности продолжения переговоров и необходимости готовиться к войне. Окончательно решение начать военные действия было принято правительством и Тайным советом 3 февраля и днем позже получило санкцию императора.

Необходимо отметить еще два фактора. Во-первых, правящая элита России, в том числе высшие военные круги, не смогли адекватно оценить военный потенциал сторон и возможности его использования в случае конфликта на Дальнем Востоке. Военный министр генерал А. Н. Куропаткин, известный своими успехами при покорении Средней Азии, предлагал сделать из Маньчжурии «вторую Бухару», хотя его позиция становилась все более умеренной по мере нарастания реальной военной угрозы. Министр внутренних дел В. К. Плеве, обеспокоенный ростом оппозиционного движения внутри страны, бросил печально знаменитую фразу о необходимости «маленькой победоносной войны» для ликвидации этой опасности.

Во-вторых, Япония, решительно и четко готовившаяся к войне, отважилась на нее только будучи уверенной в поддержке Великобритании хотя бы в виде максимально благожелательного нейтралитета. Консервативное британское правительство если не подталкивало прямо Японию к войне с Россией, то, по крайней мере, ничего не предприняло для предотвращения конфликта, поскольку считало любой исход выгодным для Англии. Победа Японии означала поражение главного стратегического противника «туманного Альбиона». Победа России – с учетом

возможных территориальных приобретений — надолго отвлекла бы ее внимание от событий в Европе и в Центральной Азии, а также поддержала бы престиж «белых» перед «желтыми», в чем хозяева крупнейшей колониальной империи мира были, конечно, заинтересованы.

Японская армия после мобилизации насчитывала 13 пехотных дивизий и 13 резервных бригад (свыше 375 тыс. человек и 1140 полевых орудий); всего в ходе войны было мобилизовано около 1,2 млн. человек. Армия комплектовалась на основе всеобщей воинской повинности, распространявшейся на возраст 17–40 лет. Военно-морской флот насчитывал 6 новых и 1 старый броненосец, 8 броненосных крейсеров (2 прибыли уже после начала войны), 17 легких крейсеров (из них 3 старых), 19 эсминцев, 28 миноносцев, 11 канонерских лодок и т.д. В экономическом и военном отношении Япония была значительно слабее будущего противника, но отдаленность дальневосточного театра военных действий от центра России существенно снижала мобилизационные возможности последней. Напротив, территориальная близость облегчала ведение войны как армии, так и флоту Японии.

Располагая кадровой армией в 1,1 млн. человек и запасом в три раза больше, Россия к началу войны, возможность которой учитывала и на которую сознательно шла, имела на Дальнем Востоке всего около 100 тыс. человек, 148 орудий и 8 пулеметов; пограничная стража, в том числе находившаяся на территории Китая для охраны КВЖД и арендованных территорий (Заамурский округ), составляла 24 тыс. человек и располагала 26 орудиями. Эффективности использования имевшихся сил препятствовала их большая разбросанность и недостаточная пропускная способность Сибирской железной дороги (в начале войны всего 3 пары воинских эшелонов в сутки). Всего за время войны в Маньчжурию было направлено около 1,2 млн. человек. Русский флот на Дальнем Востоке имел 7 броненосцев, 4 броненосных крейсера, 10 легких крейсеров (из них 3 старых), 2 минных крейсера, 35 миноносцев, 7 канонерских лодок. Большая часть кораблей базировалась на Порт-Артур, остальные на Владивосток, где располагался отряд крейсеров, предназначенных для того, чтобы в случае войны «серьезно угрожать неприятельской торговле, коммерческим судам, складам и колониям»⁶. Не были закончены и оборонительные сооружения Порт-Артура, который по своему географическому положению имел гораздо большее значение для контроля над Пекином, нежели для войны с Японией.

⁶ Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991, — с. 321.

Все это говорило как о недооценке противника (Куропаткин считал достаточным выставить одного русского солдата против полутора японских, оценивая численность японской армии в 125 тыс. солдат и офицеров и около 400 тыс. территориального резерва), так и об общей неготовности к войне. Например, в Николаевской академии Генерального штаба, где было прекрасно поставлено изучение восточных языков, японский язык не преподавали до 1905 г. Первые конкретные планы войны с Японией были разработаны только в 1901 и 1903 гг. Неэффективной была и русская разведка на Дальнем Востоке, официальная, осуществлявшаяся через военных агентов (атташе), и тем более неофициальная. Следует отметить и превосходящий моральный дух личного состава японской армии, которому внушали, что он ведет оборонительную войну на ближних подступах к метрополии, в то время как большая часть русских солдат, за исключением расквартированных на местах охранной стражи, не представляла себе, что такое Маньчжурия и зачем их туда отправляют.

Японское командование рассчитывало захватить господство на море путем внезапного нападения и уничтожения русских эскадр с последующей высадкой войск в Корее и Южной Маньчжурии. Далее планировалось взять крепость Порт-Артур, разгромить главные силы противника в районе Ляояна и продвигаться в направлении Северной Маньчжурии, Уссурийского и Приморского края. Граница продвижения должна была определяться по ходу войны и по мере успехов японской армии. Русское командование в свою очередь полагало, что японцы не смогут быстро осуществить широкомасштабное вторжение на континент, а потому предписывало войскам на Дальнем Востоке ограничиваться отступлением (боевые действия предполагалось вести в Корее и Маньчжурии, а не на территории России) и обороной, пока из центральных районов страны не подойдут основные силы, что предполагалось на седьмом месяце войны. Основанием для подобной стратегии и тактики были объявлены действия М. И. Кутузова в 1812 г. Дальнейший план был прост, но не детализирован: «Переход в наступление. Вытеснение японцев из Маньчжурии. Вытеснение японцев из Кореи. Высадка наших войск в Японии. Подавление японских территориальных войск. Овладение главными японскими городами и взятие в плен микадо».

6 февраля 1904 г. Япония разорвала дипломатические отношения с Россией и отозвала посланника из Петербурга. 9 февраля 10 японских эсминцев внезапно атаковали Порт-Артурскую эскадру, не принявшую должных мер охранения, и вывели из строя 2 броненосца и 1 крейсер. Одновременно нападению подверглись нахо-

дивившиеся в корейском порту Чемульпо крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец»; крейсер был затоплен экипажем, а канонерка взорвана. 10 февраля Япония официально объявила войну России.

Руководство японской армией осуществлял начальник Генерального штаба маршал Ояма Ивао, назначенный в июне главнокомандующим сухопутными войсками. Флот возглавил адмирал Того Хэйхатиро, получивший известность в годы японско-китайской войны. Командующим русской Маньчжурской армией был назначен Куропаткин; командующим Тихоокеанским флотом вице-адмирал С. О. Макаров; верховное командование принял наместник на Дальнем Востоке Алексеев. Гибель 13 апреля на броненосце «Петропавловск» талантливого и популярного Макарова, всего тремя неделями ранее прибывшего в Порт-Артур, не только прервала подготовку флота к активным боевым действиям, но и деморализовала личный состав. Международный резонанс этого события оказался велик: молодой японский поэт Исигава Такубоку посвятил памяти «северного витязя» проникновенные стихи, в которых назвал его «другом». Преемник Макарова на посту командующего контр-адмирал В. К. Виттефт не обладал ни талантами, ни авторитетом предшественника. В результате русский флот отказался от борьбы за господство на море, ограничившись сугубо оборонительными задачами.

Казалось, что сбываются пророчества Вл. Соловьева и Вильгельма II о «новом монгольском нашествии» и «желтой опасности». Население обеих воюющих стран охватил патриотический восторг. Близкая победа над «желтыми макаками» не вызывала сомнений в России, симпатии которой открыто высказывали Франция и Германия. Не сомневались в победе и японцы, настроения которых были подогреты националистической пропагандой последних лет. Союзница Японии Великобритания, не вступая в войну, заняла позицию максимально благожелательного нейтралитета, настраивая Токио на продолжение боевых действий.

С 6 февраля по 16 марта в Корее, все более подпадавшей под японский контроль, высадилась 1-я армия генерала Куроки Тамэмото (около 34 тыс. штыков и сабель и 128 орудий). К середине апреля она вышла к реке Ялу, в окрестностях которой располагались русские лесные концессии, и 1 мая нанесла крупное поражение Восточному отряду генерала М. И. Засулича (свыше 19 тыс. штыков и сабель, 62 орудия, 8 пулеметов). Расположение других русских сил было таково: во Владивостоке и Приамурье – 24 тыс. штыков и сабель, 56 орудий; в Порт-Артуре и на Ляодунском полуострове – 28 тыс., 56 орудий; в Южной Маньчжурии – свыше 23 тыс., 88 орудий; в районе Ляоян–Мукден – 28 тыс.,

60 орудий. В общем это составляло свыше 123 тыс. штыков и сабель и 322 полевых орудия.

Напав на поражение отряду Засулича, армия Куроки продвинулась вперед и обеспечила высадку на Ляодунском полуострове 5-й 2-й армии генерала Оку Ясуката (около 35 тыс. штыков и сабель, 216 орудий). Новые силы перерезали южную ветку КВЖД, ведущую на Порт-Артур, и отбросили к нему немногочисленные русские войска. Оставив на Ляодунском полуострове 1 дивизию, японцы развернули наступление на север вдоль железной дороги, по направлению к Ляояну. Эта задача была поставлена перед 2-й армией и образованной в июле 4-й армией генерала Нодзу Митицура (обе насчитывали по 2 дивизии). 1-я армия в составе 3 дивизий наступала на Ляоян с юго-востока, через горные перевалы.

Для осады и захвата Порт-Артура была сформирована 3-я армия под командованием генерала Ноги Марэсукэ (3 дивизии и 1 бригада). Перспектива потери крепости стала реальной, что грозило не только общим ухудшением обстановки, но и ущербом международному престижу России. Под давлением Николая II и Алексея Куропаткин направил на помощь защитникам крепости 1-й Сибирский корпус генерала Г. К. Штакельберга, разгромленный под Вафангоу 14–15 июня. Тем временем японцы развивали концентрическое наступление на Ляоян, где к началу августа русские войска сумели занять неплохие оборонительные позиции.

Ляоянское сражение 24 августа – 3 сентября продемонстрировало неумение Куропаткина воспользоваться имевшимися преимуществами и шансами на победу. Дав приказ отступить, он без необходимых оснований признал свое поражение. Подобные настроения были характерны и для большей части русского генералитета. Благодаря постоянно прибывавшим подкреплениям, Маньчжурская армия к середине сентября усилилась до 195 тыс. штыков, 19 тыс. сабель, 758 орудий и 12 пулеметов и имела численное превосходство над противником (150 тыс. штыков и сабель, 648 орудий и 18 пулеметов). Она перешла в контрнаступление, но сражение на реке Шахэ 5–17 октября в результате принесло обеим сторонам только тяжелые потери; правда, потери японцев (20 тыс. человек) были в два раза меньше потерь русской армии. В итоге образовался позиционный фронт протяженностью до 60 км, что было новым явлением в военном искусстве, но впоследствии стало одной из главных особенностей Первой мировой войны. К январю 1905 г. он достигал 100 км, а с фланговыми отрядами – до 150 км. 26 октября Куропаткин был назначен главнокомандующим на Дальнем Востоке вместо Алексея.

Внимание всего мира было приковано к Порт-Артуру, который усиленно, но безрезультатно осаждал Ноги, отправляя на смерть все новые части (два его сына погибли в боях). Душой обороны крепости был генерал Р. И. Кондратенко, гибель которого 15 декабря, как ранее гибель Макарова, пагубно сказалась и на принимаемых мерах, и на моральном состоянии защитников. 2 января 1905 г. начальник Квантунского укрепленного района генерал А. М. Стессель сдал Порт-Артур японцам, что было справедливо оценено как предательство, поскольку крепость могла обороняться еще долго. Этим он также спас репутацию Ноги, которого уже требовали отстранить от командования и даже отдать под суд за неоправданно большие потери (более 20 тыс. только убитых) при отсутствии результатов. Падение Порт-Артура позволило японскому командованию перебросить 3-ю армию на север на усиление главных сил. Флот, связанный блокадой крепости с моря, теперь получил время для подготовки к сражению со 2-й русской Тихоокеанской эскадрой под командованием вице-адмирала З. П. Рожественского, вышедшей 15 октября из Либавы, как то предполагалось планами, составленными после японо-китайской войны. Японцам досталось (правда, в небоеспособном состоянии) большинство кораблей Порт-Артурской эскадры, которые не смогли прорваться во Владивосток или уйти в нейтральные воды.

Необходимость успеха для русской армии стала, по выражению современников, «почти мистической». Стремясь упредить присоединение японской 3-й армии к основным силам на реке Шахэ, русские войска, реорганизованные в октябре 1904 г. в три Маньчжурские армии, предприняли 25–28 января 1905 г. наступление силами 2-й армии на реке Сандепу, но снова потерпели неудачу. Личный состав был измотан позиционной войной и зимой в окопах, генералитет и офицерский корпус все более теряли веру в победу. Японская разведка превосходила русскую, активно налаживая контакты с местным населением, которое использовала не только для сбора информации, но и для диверсий в тылу противника. К регулярным силам присоединялись *ронины* – «солдаты удачи», направлявшиеся на континент националистическими тайными обществами. Активно развивалось сотрудничество японской разведки с русскими оппозиционными – революционными и сепаратистскими – силами, которое курировал военный атташе в Стокгольме (до начала войны – в Петербурге) полковник Акаси Мотодзиро.

В начале февраля 3-я армия Ноги присоединилась к основным силам, которые 19 февраля перешли в наступление под Мукденом. Самое крупное сражение этой войны, продолжавшееся до 10 мар-

то окончилось поражением русских после того, как Куропаткин отдал поспешный приказ об отступлении. С большими потерями войска отступили на Сыпингайские позиции в 160 км севернее Мукдена, где и оставались до конца войны. 16 марта главнокомандующим на смену Куропаткину был назначен генерал Н. П. Линевич, ранее возглавлявший одну из армий. Прозванный в войсках «линяшкой», пожилой Линевич не смог переломить ситуацию, тем более что японцы, по характеристике историка А. А. Керсновского, «были противником высокодоблестным». Военные действия на суше практически прекратились, хотя к концу войны боевой состав русских войск по численности превосходил японские на 40 тыс. человек: 470 тыс. против 380 тыс. В июле 1905 г. японские войска заняли Сахалин, почти не встретив сопротивления.

Впечатляющей победой Японии увенчалась и война на море. Активно действовавший в первые месяцы Владивостокский отряд крейсеров, который уничтожил 15 японских пароходов, потерпел поражение во время сражения в Корейском проливе 14 августа 1904 г. Порт-Артурская эскадра оказалась запертой в осажденной крепости. Черноморский флот не мог быть послан на Дальний Восток, т.к. Турция под прямым давлением Англии воспретяствовала его прохождению через Босфор и Дарданеллы. Наконец, вышедшая из Либавы 2-я Тихоокеанская эскадра Рождественского добралась до вод Японского моря, проделав переход в 18 тыс. миль (32,5 тыс. км), который окончательно измотал и деморализовал как рядовой, так и офицерский состав. Сражение в Цусимском проливе с эскадрой Того 27–28 мая 1905 г. закончилось полным разгромом русского флота и пленением Рождественского, которого объявили (как показывают новейшие исследования, не вполне оправданно) главным виновником поражения. Слово «Цусима» стало синонимом разгрома, полного и бесславного.

Цусимское сражение привело обе стороны к пониманию необходимости немедленно вступить в мирные переговоры. Россия более не могла вести войну на море и предпринимать наступательные операции на суше, тем более что в стране полыхал революционный пожар. Что касается Японии, то она, при всех военных успехах (следует также отметить рекордно низкие для того времени потери армии от болезней), была истощена в экономическом отношении, несмотря на постоянное повышение налогов и рост цен. На войну было истрачено почти 2 млрд. иен, а государственный долг вырос с 600 млн. до 2,4 млрд. иен, т.е. в 4 раза, с перспективой ежегодной уплаты процентов до 110 млн. иен. Японию активно подпитывали американские и британские займы (Россию — французские), но правительство Кацура пришлось

к выводу, что продолжение войны чревато катастрофой. Россия, несмотря на военные поражения и внутренние неурядицы, была далека от истощения ресурсов и возможностей. Любой успех русской армии (говорить о флоте уже не приходилось) или хотя бы неуспех японской могли изменить ситуацию и подорвать престиж Токио. Скорейший выход из войны становился важным условием выгодного для Японии мира.

Портсмутский мир и изменение баланса сил на Дальнем Востоке

31 мая министр иностранных дел Комура, исполняя принятое накануне решение кабинета, обратился к президенту США Т. Рузвельту с просьбой о посредничестве и приглашении обеих воюющих сторон для мирных переговоров. Заручившись согласием Николая II, Рузвельт 8 июня послал в Петербург и Токио официальные приглашения начать переговоры, которые были сразу же приняты.

Переговоры проходили в Портсмуте при непосредственном участии президента с 9 августа по 5 сентября. Японскую делегацию возглавлял Комура, русскую — Витте, которому помогал посол в США Розен, ранее служивший посланником в Токио.

Переговоры начались в условиях нового сближения Японии с Англией. 12 августа в Лондоне Хаяси и Ленсдаун заключили соглашение, которое по настоянию Кацура было опубликовано только через полтора месяца, уже после завершения переговоров с Россией. Во-первых, оно распространялось не только на Китай и Корею, но на Восточную Азию и Индию, которые включались в зону подлежащих охране «специальных интересов» сторон. Это обеспечивало Англии военную помощь Японии на границах Индии — в Тибете, Афганистане и Персии, — там, где англичане особенно боялись русской экспансии. Во-вторых, для получения немедленной военной помощи от союзника достаточно было вступить в войну с одной, а не с несколькими странами, как ранее. Оба изменения были внесены в соглашение по инициативе Лондона, который взамен отказался от статьи о признании независимости Кореи, полностью отдавая ее на откуп Японии. На этом настоял Кацура, который вел завершающую стадию переговоров, когда Комура отправился в Портсмут.

«В 1902 г. подготовлялась и ожидалась русско-японская война, и поэтому Англия старалась остаться в стороне от нее; в 1905 г.

попытка реванша со стороны России в этом районе была на ближайшие годы маловероятной. Но силы России, как их оценивала Англия, были еще достаточно значительны, чтобы предпринять наступление против Индии, Афганистана или Персии на суше. Следовательно, угроза для Англии была реальнее, чем для Японии⁷. Хаяси так характеризовал выгоды от соглашения: Япония может рассчитывать на большие симпатии других держав во время мирной конференции; Япония может нейтрализовать русско-французскую пропагандистскую кампанию против «желтой опасности», поддержанную Германией; расширение сотрудничества с Англией может благотворно повлиять на отношение к Японии в англосаксонском мире, в частности в вопросе об иммиграции в США и Австралию. Но главное, что Япония хотела закончить войну как можно скорее, пока мир не забыл о ее победах. При поддержке лондонского кабинета и прояпонски настроенной британской прессы она могла если не диктовать условия, то, по крайней мере, изображать победителя.

Это удалось при посредничестве не только Лондона, но и Вашингтона. Президент Рузвельт эффектно сыграл роль «честного брокера», заодно положив начало улучшению отношений с Англией. Как и Бальфур, он стремился «уравновесить» русскую позицию японской, и наоборот, заставляя обе страны как можно дольше пребывать в состоянии взаимно изнуряющего соперничества, хотя его симпатии были открыто на стороне Японии. Напоминая то время, Розен в 1910 г. сделал вывод: «По впечатлению, вынесенному мною из весьма частых моих сношений с ним, Рузвельт, несмотря на все его старания высказываться всегда в самом дружественном нам смысле, несомненно не питал к России и Русскому народу искренней симпатии»⁸. В мемуарах посла в портсмутских переговорах есть любопытный эпизод. Торюя русскую делегацию с подписанием мира, который можно было считать себе в политический актив, Рузвельт настойчиво пугал ее перспективой потери всего Приморья и Восточной Сибири до Бикина. Это когда армия и экономика Японии были истощены до предела, о чем президент был хорошо осведомлен.

Японцы начали зондировать перспективу заключения мира с Россией еще летом 1904 г. через Хаяси. В августе кабинет Канмура выработал следующие предварительные условия: Россия признает право Японии на свободу действий в Корее; русские войска выводятся из Маньчжурии, как это предусматривалось

⁷ Гальперин А. Л. Цит. соч., с. 243.

⁸ Архив внешней политики Российской империи. Японский стол (далее: АВПГН. ЯС). Оп. 493. Д. 206. Л. 193.

соглашениями 1901–1902 гг., которые не были выполнены; КВЖД используется «исключительно для торгово-промышленных целей»; Япония получает арендные права на южную ветку КВЖД Харбин–Порт-Артур и Ляодунский полуостров. Программа-максимум предусматривала компенсацию Россией военных расходов Японии, уступку Сахалина и предоставления рыболовных прав в водах Приморья.

В феврале 1905 г., после падения Порт-Артура, Хаяси возобновил зондаж, добиваясь, чтобы с инициативой открытия переговоров выступила Россия, но этот вариант был отвергнут Николаем II по соображениям престижа. После Мукденского сражения Комура обратился к Рузвельту, прося его оказать давление на Россию. В то же время он отверг посредничество Франции, призвавшей созвать международную конференцию для урегулирования ситуации на Дальнем Востоке.

4 июля император Мэйдзи утвердил условия, которые должны быть предъявлены России⁹. Они были разделены на три категории: абсолютно обязательные, относительно важные и желательные, решение по которым могли принимать сами уполномоченные. Первая совпадала с главными предложениями Хаяси лета 1904 г., вторая — с его программой-максимум плюс передача Японии русских военных кораблей, укрывшихся в нейтральных портах. Третья предусматривала ограничение морских сил России на Дальнем Востоке и полное разоружение Владивостока. В дополнение ко всему этому наиболее воинственно настроенные круги требовали наложить на Россию контрибуцию в 3 млрд. долларов и присоединить к Японии Приморье.

11 июля Николай II утвердил инструкции русским представителям, подготовленные Ламздорфом. Требования об уступке русской территории, контрибуции, разоружении Владивостока, отказе от КВЖД или запрещении держать флот на Тихом океане безусловно отвергались. Взамен Японии предлагались самые широкие льготы, в том числе на Сахалине. Южную ветку КВЖД и Ляодунский полуостров предполагалось передать Китаю, чтобы он уже имел дело с Японией. Россия была готова признать преимущественные права Японии в Корее в обмен на признание ее полной независимости. Делегатам также предлагалось добиться гарантий того, что Япония не будет вводить войска в Северную Корею и строить там укрепления, а также свободы плавания русских судов через Корейский пролив. Позицию Японии укрепляли

⁹ Далее документы, связанные с переговорами, цит. или излагаются без дополнительных сносок по: Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор. М., 1961; Портсмут // Красный архив. Т. 6–7.

союз с Англией и поддержка США. России оставалось надеяться на французские займы и попытаться склонить на свою сторону американскую прессу, чем не без успеха занимался Витте.

Первый этап конференции был посвящен обсуждению японских условий. Требование о преимущественных правах в Корее было принято с минимальными оговорками о равноправии русских подданных там с другими иностранцами. Эвакуация войск из Маньчжурии также была решена, с сохранением за Россией права содержать на КВЖД железнодорожную стражу в количестве не более 15 человек на 1 км пути (Комура первоначально настаивал на 5). Россия уступила Японии большую часть южной ветки КВЖД от Куаньченцзы (Чаньчунь) до Порт-Артура (941 км пути) и все права аренды на Ляодунском полуострове (Порт-Артур и Дальний) с оговорками, что это делается с согласия Китая и что «права собственности русских подданных на вышеупомянутой территории будут вполне уважены». Стороны приняли взаимное обязательство «эксплуатировать принадлежащие им в Маньчжурии железные дороги исключительно в целях коммерческих и промышленных, но никак не в целях стратегических», кроме линии, проходящей по Ляодуну. Требования о передаче Японии Сахалина и русских военных кораблей из нейтральных портов, об ограничении морских сил на Дальнем Востоке и уплате контрибуции были отвергнуты. Витте соглашался лишь на заявление о том, что в планы России «не входит содержание в водах Тихого океана в близком будущем значительных морских сил», без какой либо конкретизации этого определения.

Комура вел переговоры дипломатично, но настойчиво. Пока были свежи воспоминания о японских победах, он стремился получить от России максимум уступок, которых требовало разгоряченное войной и националистической пропагандой общественное мнение, но в то же время не затягивать заключения мира. Позиция Витте была не менее четкой: «Здесь нет победителей, а потому нет и побежденных».

18 августа Комура заявил, что готов взять назад требование об ограничении морских сил России и выдаче ее судов в ответ на уступки в вопросах о Сахалине и возмещении военных расходов. Кацура не возражал против уступок и в сахалинском вопросе, но рассчитывал на контрибуцию для поправки критического финансового положения страны. Положение России тоже было сложным. Понимавший это Витте комментировал предложение Комура в телеграмме Ламздорфу: «Было бы удобнее отдать весь Сахалин, но ничего не платить. Но японцам нужны деньги, и на то они не согласятся». В этот же день был решен вопрос о правах

рыболовства, которые японцы получили только вдоль побережья Охотского, Японского и Берингова морей.

Компромиссное предложение Комура не решало главных вопросов, поэтому в дело вмешался Рузвельт, убеждавший Россию через Розена и своего посла в Петербурге Мейера уступить Японии весь Сахалин, а затем уплатить ей некоторую сумму за «возвращение» северной части острова, что было ничем иным, как скрытой формой контрибуции. Соглашаясь на раздел, Николай II снова отверг предложение о контрибуции. Переговоры оказались под угрозой срыва. Витте и Комура стали готовиться к отъезду домой. Однако 28 августа на объединенном заседании кабинета министров, *гэнро* и высшего военного и морского командования в присутствии императора было окончательно решено заключить мир без контрибуции. Это было сделано под влиянием многих факторов: от позиции ряда видных государственных деятелей, призывавших не забывать, что Япония и Россия все равно остаются соседями, до недвусмысленного предупреждения европейских и американских банкиров, что они не будут финансировать продолжение войны Японией.

29 августа стороны выложили карты на стол. Витте объявил об уступке — по воле императора — южной части Сахалина (которую Япония согласилась не военизировать) и о сохранении за Россией северной без всякого вознаграждения. По вопросу об обмене военнопленными и компенсации за их содержание правительства условились представить друг другу «документально оправданный счет прямых расходов, произведенных каждым из них по уходу за пленными и их содержанию со дня пленения или сдачи до дня смерти или возвращения». Следует отметить, что обе стороны в целом гуманно относились к военнопленным (однако казни шпионов и диверсантов по законам военного времени практиковались и русскими, и японцами), почему русско-японскую войну нередко называют «последней рыцарской войной в истории человечества».

5 сентября мирный договор был подписан и 14 октября одновременно ратифицирован обоими императорами; обмен ратификационными грамотами состоялся 25 ноября в Вашингтоне, поскольку соответствующие миссии в Петербурге и Токио еще не были восстановлены. Дополнительно 30 октября был подписан протокол об эвакуации войск из Маньчжурии (за исключением полосы отчуждения железных дорог и арендованной территории), которую предполагалось завершить к 15 апреля 1907 г.

Комура добился несомненных успехов, постаравшись по-лучить побольше и при этом не злить «русского медведя», но

большинство соотечественников не оценило его усилий. Ультра-националисты встретили министра оскорбительными заявлениями и демонстрациями протеста, которые в Токио переросли в настоящий бунт: несколько человек было убито и больше тысячи ранено; статуя Ито, известного русофильскими симпатиями, была сброшена с пьедестала. Беспорядками попытались воспользоваться левые радикалы, но безуспешно — выступления были оперативно и жестко подавлены полицией. 17 октября император Мэйдзи торжественно обратился к армии и флоту со словами благодарности за победу, а 23 октября принимал военно-морской парад в Иокогама.

Поргсмутский мир не решил всех проблем, связанных с войной и ее последствиями. Дипломаты и эксперты продолжали работу. 10 ноября 1907 г. Россия выплатила Японии около 46 млн. руб. (49 млн. иен) в качестве разницы в расходах по содержанию военнопленных; в августе 1911 г. Япония, в свою очередь, выплатила 580 тыс. иен компенсации русским промышленникам и торговцам в связи с изменением границ. 28 июля 1907 г. были подписаны рыболовная конвенция и новый торговый договор. Четырьмя днями позже министр иностранных дел А.П. Извольский и посол Мотоно Итиро, известный прорусскими симпатиями, заключили общеполитическую конвенцию. Предназначенный для опубликования текст провозглашал взаимное уважение территориальной целостности обеих стран и всех прав, вытекающих из существующих между ними договоров, а также признание независимости и территориальной целостности Китая и принцип общего равноправия («равных возможностей») по отношению к нему. Секретное соглашение, опубликованное только после Октябрьской революции, фиксировало раздел сфер влияния в Маньчжурии по реке Сунгари, японский контроль над Кореей (с признанием Россией ноябрьского японо-корейского соглашения 1905 г. о протекторате) и «специальные интересы» России во Внешней Монголии. В сочетании с заключенными в том же году франко-японским (10 июня) и англо-русским (31 августа) соглашениями, добавившимся к прежним англо-японским и франко-русским, конвенция Мотоно-Извольского завершила создание англо-германского «сердечного согласия» в Европе и в Азии.

Подписанный в Пекине 22 декабря 1905 г. японо-китайский договор определял и регулировал режим перехода российских прав и интересов в Маньчжурии к Японии. Китайское правительство обязало себя обязательства не строить железнодорожных линий, могущих составить конкуренцию южной ветке КВЖД, которая перешла к Японии, а также получить от Японии в виде займов

половину капитала для строительства Гирин-Чаньчунской железной дороги. 7 июня 1906 г. императорским указом была создана компания Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) с преимущественным участием государственного капитала.

Психологический эффект, произведенный военными успехами Японии на страны Азии, был огромен. «Прогрессивная, передовая Азия нанесла непоправимый удар отсталой и реакционной Европе», — писал Ленин в статье «Падение Порт-Артура»¹⁰. «Гул японских побед пронесся далеко по Азии, — вторил ему Брюсов в 1913 г., — всколыхнул не только Китай, но даже, казалось бы, чуждую Индию, нашел свой отголосок и в странах Ислама, почувствовавших, что борьба идет с общим врагом. Первая, в новое время, открытая победа не-европейцев над европейцами, быть может, самое замечательное событие последних веков»¹¹.

Рассматривая положение, сложившееся после Портсмутского мира, геополитик К. Хаусхофер писал: «Если в 1895 г. японо-китайская война принесла Японии статус великой державы в регионе, если участие в 1900 г. в боксерской экспедиции принесло ей возможность заключать союзы за пределами Азии, то победа над Россией в 1905 г. принесла ей статус мировой державы»¹². Британский историк И. Ниш корректирует эту оценку, считая, что в результате побед над Китаем и Россией Япония стала «континентальной» державой, в результате Первой мировой войны — «тихоокеанской», в результате участия в Парижской мирной конференции и в создании Лиги Наций — мировой¹³.

Власть и «политика компромисса»

В начале XX в. внимание всего мира привлекали главным образом выступления Японии на международной арене, но это не значит, что в ее внутривластной жизни не происходило ничего важного или значимого. Первый год нового столетия ознаменовался приходом к власти кабинета Кацура — первого, со времени создания в 1885 г. современной системы кабинета министров, правительства, во главе которого стоял не *гэнро*, а представитель нового поколения, лично не связанный с событиями *Мэйдзи исин*. Ранее на посту премьера чередовались *гэнро* Ито, Курода, Ямагата и Ма-

¹⁰ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 9, с. 152.

¹¹ Брюсов В.Я. Цит. соч., с. 110.

¹² Karl Haushofer. Japan und die Japaner. Berlin, 1923, s. 120.

¹³ Ian Nish. A Japanese Diplomat Looks at Europe, 1920-39 // European Studies on Japan. Tenterden, Kent, 1979, p. 134.

никага, продолжавшие после отставки сотрудничать друг с другом и занимать другие ключевые посты, например, председателя Тайного совета или палаты пэров. Летом 1898 г. к власти прорвался партийный, т.е. не опиравшийся на бюрократию и армию, кабинет Окума-Итагаки (оба исходно принадлежали к той же олигархической группе, но ушли в оппозицию и стали создавать политические партии), но он продержался у власти всего несколько месяцев. Следующее правительство возглавил *гэнро* маршал Ямагата Аритомо.

Период с июня 1903 г. по февраль 1913 г. в японской литературе называют «Кэйэн» — по китайскому чтению первых иероглифов фамилий Кацура и Сайондзи. Перед лицом возможной войны с Россией два влиятельных и относительно молодых лидера — возглавлявший правительство с июня 1901 г. консерватор Кацура (протееже *гэнро* Ямагата) и избранный главой ведущей оппозиционной партии Сэйюкай либерал Сайондзи Киммоти (протееже *гэнро* Ито) — пришли к «сердечному взаимопониманию» о преодолении партийных разногласий ради эффективной защиты национальных интересов. Иными словами, они договорились передавать власть друг другу, когда политический ресурс действующего кабинета иссякал.

Кацура и Сайондзи мало походили друг на друга. Первый — выходец из самурайской семьи относительно невысокого ранга, профессиональный военный, традиционалист, человек, по мнению современников, решительный и энергичный, но несколько ограниченный для государственного деятеля. Второй — аристократ и дипломат, широко образованный ценитель западной цивилизации и культуры, приверженец «прогрессистских» идей. Искушенный в бюрократических интригах, Кацура презрительно относился к миру партийной политики, в котором Сайондзи чувствовал себя как рыба в воде. Однако оба уже обладали административным опытом и прошли политическую выучку у покровительствовавших им *гэнро*. Оба пользовались советами и указаниями «старшин» при формировании кабинетов; консультировались они и друг с другом. У обоих были верные сторонники, которых они рассматривали как ближайших помощников и потенциальных преемников: у Кацура — Гото Симпэй, у Сайондзи — Хара Такаси. Они были сторонниками внешней экспансии и ориентировались на союз с Англией, к которому Кацура — германofil, как и большинство армейской элиты, — пытался привлечь и Германию. Расхождения в их взглядах касались преимущественно форм и сроков экспансии, а по глобальным вопросам было взаимопонимание.

В сфере внутренней политики разногласия между лидерами и силами, которые они представляли, были более серьезными. Ав-

торитарно настроенный Кацура верил в необходимость жестких, репрессивных мер против радикальной оппозиции, забастовщиков и демонстрантов, какой бы ориентации они ни придерживались. Именно его правительство в сентябре 1905 г. жестко подавило беспорядки, вызванные подписанием Портсмутского мира, которые объединили недовольных как «справа», так и «слева». Сайондзи говорил о «конституционном правительстве при конституционной монархии» и «сильной партийной системе, ответственной перед просвещенным общественным мнением»; впрочем, эти лозунги партия Сэйюкай активно выдвигала в 1903 г., находясь в оппозиции. Что касается мирного договора с Россией, вызвавшего сильное негодование разных частей политического спектра, то Сайондзи решительно выступил в его поддержку и пресек оппозиционные проявления в рядах своей партии.

Политическая карьера Кацура знала впечатляющие взлеты, но закончилась превращением его в «политический труп» после «кризиса Тайсё», что отрицательно сказалось на его оценке современниками и потомками. Напротив, слава Сайондзи с годами только росла и достигла своего апогея в 1920–1930-е годы, когда его, после смерти остальных *гэишо*, воспринимали как «последнего из могикан» *Мэйдзи исин* и «великого старца» японского либерализма.

Четвертый кабинет Ито Хиробуми (октябрь 1900 – май 1901), при котором Япония вступила в двадцатое столетие, в основном состоял из представителей партии Сэйюкай, которую возглавлял премьер. Кабинет пользовался поддержкой нижней палаты парламента, в то время как палата пэров под влиянием Ямагата была настроена против него, однако назвать его «партийным» в полном смысле слова нельзя. Ито возглавил правительство не как лидер партии большинства, а как наиболее влиятельная фигура придворных и бюрократических кругов, которую поддерживали мастера закулисных партийно-политических интриг Хоси Тору и Хара.

Кабинет оказался недолговечным из-за антагонизма между двумя палатами и сильными разногласиями внутри самой Сэйюкай. В отличие от Хара, Ито не был настоящим «партийным» лидером, и его авторитарный стиль руководства вызывал недовольство в партийных рядах, особенно среди депутатов. С другой стороны, военные круги были недовольны тем, что Ито, которого трудно назвать пацифистом, не всегда поддерживал их проскты интенсивного перевооружения Японии. Отказавшись от дальнейших поисков компромисса, премьер подал в отставку. По совету Ямагата император поручил формирование правительства «новых людей» бывшему военному министру Кацура.

Во главе от своего предшественника, первый кабинет Кацура (апрель 1901 — январь 1906) имел ярко выраженный военно-бюрократический характер и пользовался активной поддержкой императора и националистических кругов. В его составе не было ни одного из членов политических партий или депутатов парламента, ни одного из палаты пэров. Кабинету пришлось заниматься решением преимущественно военных и внешнеполитических задач. При нем Япония заключила союз с Англией, закончила создание флота, который позволил ей одержать победу над Россией, подписала с ней вместе с Россией Портсмутский мирный договор, сделала Корею своим протекторатом и получила бывшие арендные права России на Ляодунском полуострове. Кабинет ушел в отставку, только закончившись ратификации соответствующих договоров с Россией, Германией и Китаем, а также принятия новой программы вооружения, несмотря на большой дефицит бюджета из-за военных расходов и иностранных займов. Ее выполнение должно было укрепить положение Японии среди великих держав. Несмотря на экономические трудности, общий политический климат в стране после победы над Россией в целом благоприятствовал наращиванию военного потенциала.

Необходимо упомянуть еще два события, повлиявшие на политическую ситуацию на Дальнем Востоке. Первое — тайное «Маньчжурское соглашение», заключенное Кацура в июле 1905 с американским военным министром У. Тафтом. По нему США соглашались на установление японского протектората в Корее в обмен на гарантии безопасности Филиппин. Второе — отказ японского правительства от предложения американского «железнодорожного короля» Э. Гарримана об «интернационализации» маньчжурских железных дорог под фактическим контролем США. Летом 1905 г. Кацура, в отсутствие министра иностранных дел Комура, находившегося в Портсмуте, дал Гарриману гарантии необходимого американского участия в Южно-Маньчжурской железной дороге. Гарримана активно поддерживал Государственный департамент и американский посланник в Токио, что придавало его миссии полуофициальный характер (он был даже принят императором). 12 октября Кацура и Гарриман оформили итог переговоров письменным соглашением. Однако вернувшийся несколько дней спустя из Портсмута Комура решительно выступил против него. Министр указал, что соглашение нарушает статью 6 Портсмутского договора о том, что Япония может распоряжаться своими новыми правами и интересами и тем более передавать их третьей стороне только с согласия Китая. В начале 1906 г. японское правительство в одностороннем порядке объявило об

аннулировании соглашения. В результате японо-американские отношения, достигшие апогея дружбы во время переговоров в Портсмуте, существенно осложнились. Некоторые авторы даже утверждали, что Кацура сознательно обманул Гарримана, чтобы заручиться поддержкой США во время мирных переговоров с Россией, но эта версия не получила необходимого документального подтверждения.

Первый кабинет Сайондзи (январь 1906 — июль 1908) включал не только профессиональных бюрократов, но и политиков из Сэйюкай во главе с Хара, получившим ключевой административный пост министра внутренних дел. За время пребывания у власти правительство полностью нормализовало отношения с Россией, чему Кацура и его сторонники нисколько не препятствовали, заключило соглашение о союзе с Францией, навязало Корее соглашение, по которому фактическая власть в стране сосредоточилась в руках японского генерального резидента, но столкнулось с кампаний дискриминации японских иммигрантов в Калифорнии, дошедшей до погромов. Визит американской тихоокеанской эскадры в Японию в 1908 г. формально был обставлен с большой пышностью как проявление дружбы, но эта неприкрытая демонстрация силы вызвала у большинства японцев негативные эмоции. Вашингтону был дан негласный совет поскорее отозвать корабли, чтобы не спровоцировать военный конфликт. В обеих странах начали появляться алармистские книги о будущей японо-американской войне.

5 мая 1908 г. была заключена японо-американская арбитражная конвенция, по которой стороны обязались обращаться к Гаагскому третейскому суду в случае возникновения между ними конфликтов, которые не удалось бы решить полюбовно. Однако в тексте имелась примечательная оговорка, что это возможно только в тех случаях, когда спор не затрагивает «жизненных интересов, независимости и чести договаривающихся сторон и если не является заинтересованной третья держава». Последнее могло относиться прежде всего к России, Великобритании и Китаю. Во второй половине того же месяца, после трех лет переговоров, Япония и США заключили конвенции о взаимной охране патентов и торговых марок с целью борьбы с фальсификатами в Китае и Корее. Вашингтон пошел на некоторые уступки Токио, но его позиция становилась все более антияпонской и прокитайской. Ухудшение японо-американских и улучшение англо-американских и русско-японских отношений лишало основного смысла существующий англо-японский союз, горячим сторонником которого были сам Сайондзи и его министры иностранных дел Хаяси и Като.

Принятием 27 марта 1906 г. соответствующего закона, подготовленного еще при Кацура, кабинет Сайондзи начал национализацию железных дорог, споры о необходимости которой шли уже более десяти лет. Сторонниками национализации выступали военные круги и министерство путей сообщения, где доминировали сторонники Ямагата (в кабинете Сайондзи его возглавлял пришедший сын маршала). Главным противником было министерство финансов, считавшее, что национализация окончательно подорвет финансы страны, ослабленные войной с Россией. Тем не менее после долгих прений представленный правительством законопроект был одобрен. Национализации подлежали 17 важнейших частных железных дорог: 5 национальных и 12 местных. Ее планировалось провести как можно быстрее с расчетным сроком в десять лет, но весь процесс занял два года. В результате в руках частных владельцев осталось не более 10% дорог. За выкупленные дорожки государство внесло 456 млн 195 тыс. иен против номинальной стоимости их акций в 217 млн 590 тыс. иен, т.е. в 2 раза больше, обеспечив акционеров пятипроцентными государственными обязательствами, по которым они начали получать дивиденды уже в мае 1907 г. Правительство и казначейство сумели добиться того, что их выпуск не нарушил баланса на рынке ценных бумаг. Кроме того, в 1906–1912 гг. государство вложило более 450 млн. иен в их инфляцию и модернизацию. Несмотря на все затраты, национализация, по мнению большинства руководителей страны, оправдала себя как экономически, так и с точки зрения национальной безопасности. Высвободившийся же частный капитал с успехом инвестировался в другие отрасли, в том числе в развитие колоний.

Несмотря на компромисс с *гэнро*, бюрократией и армией, отношения правительства с ними далеко не всегда складывались легко. Деятельность Хара на посту министра внутренних дел была направлена на дальнейшее укрепление позиций Сэйюкай и своих ставленников во властных и силовых структурах, в том числе через подчинение министерству ранее автономного Департамента полиции. Однако законопроект о ликвидации уездов, подготовленный Хара под предлогом рационализации управления на местах, был провален *гэнро* во главе с Ямагата и палатой пэров, которые видели в нем угрозу не только своим конкретным интересам, но и всей бюрократической системе назначений, которая в будущем могла смениться выборной. Это, разумеется, не устраивало консерваторов, опасавшихся растущей популярности не только радикалов, но и либералов.

Уходя в отставку, Сайондзи сам рекомендовал императору Кацура в качестве преемника. Второй кабинет Кацура (июль 1908 —

август 1911), как и первый, состоял из бюрократов, причем исключительно титулованных; в его составе был один пэр и ни одного представителя нижней палаты парламента. Шесть министров, включая самого Кацура, входили в первый кабинет. Новое правительство — в соответствии с репутацией премьера — провело ряд решительных мер, многие из которых, впрочем, были подготовлены его предшественником. В области внутренней политики кабинет взял курс на снижение расходных статей бюджета и сокращение его дефицита, для чего увеличил срок реализации военной программы и начал реформу налогообложения. Премьер действовал в тесном контакте с представителями финансовых и промышленных кругов, неоднократно выступая перед ними и стремясь заручиться их поддержкой. В эти же годы первые результаты дала национализация железных дорог, завершенная в конце 1907 г.: были унифицированы путевое хозяйство и подвижной состав, расписание и тарифы (последние во многих случаях снижены). В 1908 г. Железнодорожное бюро, ранее бывшее подразделением министерства путей сообщения, стало самостоятельным Агентством с подчинением непосредственно главе правительства. Рационализация и модернизация железных дорог обошлись казне почти в такую же сумму, что и их выкуп, но высвободившийся капитал стал активно инвестироваться в промышленность метрополии и колоний. В начале 1910 г. Япония, действуя в согласии с Россией, отвергла выдвинутый госсекретарем США Ф. Ноксом новый план «коммерческой нейтрализации» железных дорог Маньчжурии, т.е. прежде всего ЮМЖД и КВЖД, путем выкупа их международным синдикатом под американским контролем.

Кабинет Кацура завершил аннексию Кореи, чему правящая элита придавала огромное значение. 30 ноября 1908 г. было подписано соглашение Рут-Такахира, по которому США и Япония обязывались сохранять статус-кво на Тихом океане и равные возможности для торговли и промышленности в Китае; по конфиденциальному «джентльменскому соглашению» Токио брался ограничить иммиграцию в США, ставшую источником антияпонских настроений и выступлений, особенно в Калифорнии. В связи с истечением в 1910 г. ранее действовавших торговых договоров японское правительство предложило заключить новые, но под давлением промышленников и с учетом пассива торгового баланса решило повысить ввозные пошлины. Новый тариф был утвержден парламентом в апреле 1910 г. и вступил в силу 16 июля 1911 г. Первыми новый торговый договор с Японией подписали Соединенные Штаты в феврале 1911 г., затем Великобритания. Заключенное 4 июля 1910 г. русско-японское соглашение содер-

что обязательства взаимно поддерживать и уважать статус-кво в Маньчжурии, в случае угрозы этому договориться о мерах для сохранения существующего положения и оказывать друг другу содействие в улучшении работы железных дорог. В секретной части подтверждалось разграничение сфер влияния, причем Россия и Япония обязались «не нарушать специальных интересов каждой из них в вышеуказанных сферах», «воздерживаться от всякой политической активности в сфере специальных интересов другой стороны в Маньчжурии», а также взаимно признавали право свободно принимать в своей сфере «все необходимые меры ограждения и защиты этих интересов». Формально новое соглашение говорило только о Маньчжурии, но подтверждало прежнее, где речь шла также о Китае, Монголии и Корее. Наконец, 13 июля 1911 г. был торжественно обновлен англо-японский союз, но обе стороны уже не придавали ему такого значения, как раньше.

Именно в эти годы сотрудничество Кацура и Сайондзи становится наиболее тесным: они часто встречаются и постоянно переписываются, обмениваются мнениями и дают друг другу советы. Уходя в отставку перед лицом растущей оппозиции в парламенте по ряду законопроектов, Кацура официально предложил поручить Сайондзи формирование правительства, заранее решив с ним этот вопрос. *Гэнро*, авторитет которых, казалось, несколько пошатнулся после убийства Ито в 1909 г. корейским националистом в Харбине (куда он прибыл для переговоров с российским министром финансов В. Н. Коковцовым), даже не явились для обсуждения нового назначения, потому что возражений ни у кого не было.

Второй кабинет Сайондзи (август 1911 — декабрь 1912) был сформирован практически без участия «старейшин» и без консультаций с Кацура. Сделано это было по настоянию Хара, вновь ставшего министром внутренних дел. Фактический «генсек» Сэйюкай, он не только не хотел попадать в зависимость от других, но и желал усилить партийную «окраску» кабинета, в который вошли 4 члена Сэйюкай (в первом правительстве Сайондзи их было 3). Сам же Сайондзи, по характеристике его биографа, «ни бюрократ, ни человек партии, продолжал выступать в качестве регулятора между действующими силами японской политики»¹⁴. Положение его второго кабинета было менее прочным, чем первого: убийство Ито лишило его главного покровителя, а назначение Ямагата на смену ему председателем Тайного совета

¹⁴ Leslie Connors. *Emperor's Adviser: Saionji Kinmochi and Pre-war Japanese Politics*. London, 1987, p. 35.

и фактическим главой «государственных старейшин» осложнило выполнение некоторых задуманных мер.

На время пребывания у власти второго кабинета Сайондзи при-
шлась Синьхайская¹⁵ революция в Китае: системный кризис, в ко-
тором находилась цинская монархия, перешел в активную фазу с
началом Учанского восстания 10 октября 1911 г. Пытаясь спасти
положение, принц-регент Чунь назначил главой правительства
генерала Юань Шикая, что было сделано по прямой рекоменда-
ции США и Великобритании. Поначалу Япония, акцентировав-
шая внимание на важности поддержки монархии как института,
выступила в защиту цинской династии и даже призвала державы
к вооруженной интервенции, но не получила никакой поддержки.
12 февраля 1912 г. последний император Китая Пу И отрекся
от престола, поручив Юань Шикаю создание республиканского
правительства. 15 февраля Юань Шикай был избран временным
президентом Китайской республики. Японии пришлось пойти на
признание его режима (формально оно состоялось только после
того, как 6 октября 1913 г. он был избран постоянным президен-
том). 18 марта 1912 г. Япония присоединилась к Четверному кон-
сорциуму банкиров США, Великобритании, Германии и Франции,
созданному в конце 1910 г. для предоставления займов Китаю с
целью реорганизации его финансов.

Успешно развивались и отношения с Россией, присоединение
которой к Четверному консорциуму 6 апреля 1912 г. должно было
окончательно обеспечить согласованность политики великих дер-
жав в Китае. Японским представителям в консорциуме было осо-
бо предписано координировать свои действия с русскими парт-
нерами. Обособившаяся в ходе революции от Китая Внешняя
Монголия (современная МР) оказалась под контролем России,
что создавало новый источник трений с Японией, стремившейся
закрепиться там. В итоге Токио отказался от претензий на Вне-
шнюю Монголию, а разграничение сфер влияния во Внутренней
Монголии было закреплено секретной конвенцией, подписанной
Сазоновым и Мотоно 8 июля 1912 г.

В ночь с 29 на 30 июля в возрасте 60 лет скончался импера-
тор Мэйдзи, находившийся на престоле сорок пять лет. В стра-
не воцарился траур, имевший не только официальный характер.
Большинство японцев почитало императора как бога, многие
были искренне преданы ему, многие любили. Многие просто
тревожились — как жить дальше, без него. Слова «эпоха Мэйдзи»

¹⁵ Название происходит от того, что революция началась в год Синьхай по ста-
рому китайскому календарю.

... не только период царствования конкретного монарха в официальной историографии, но Эпоху с большой буквы — эпоху времен, раз и навсегда изменивших течение японской истории. Покойный император не только обладал государственными талантами, но и умел подбирать советников — администраторов, военных, ученых, которые составили славу мэйдзийской Японии. Он прислушивался к их мнениям, которые не раз противоречили друг другу, но, за исключением «годов учения» (первые 12–15 лет царствования), оставлял последнее слово за собой.

Следующим, будущим императором Тайсё, дело обстояло по-другому. К моменту смерти отца ему исполнилось 33 года, но плохое здоровье и проявившаяся уже через несколько лет неизлечимая болезнь (последствие перенесенного менингита) практически исключали реальное участие монарха в управлении страной. В августе 1912 г. Гото, ближайший политический союзник Кацура, объяснял российскому послу Н.А. Малевскому-Малевику: «Молодой Император с детства отличался слабым здоровьем, часто хворал и провел всю свою юность вне всякого общения с государственными делами и интересами. Его берегли всеми мерами и не допускали до серьезных занятий, щадя его слабые физические силы. Вследствие таких условий молодой Император, ныне значительно окрепший, не имеет, однако, ни опыта в государственных делах, ни знания людей и обстоятельств. При нем необходим человек, умудренный многолетним политическим опытом, знающий все отрасли государственного управления, имеющий близко на деле всех главных государственных людей своего времени. Совет, руководство такого человека драгоценны для молодого, неопытного правителя»¹⁶.

Таким человеком стал Кацура, срочно вызванный из Петербурга, где он вместе с Гото находился с неофициальным визитом (самую первую поездку по европейским столицам пришлось отменить). Еще до его возвращения Ямагата решил продвинуть своего ставленника одновременно на посты лорда-хранителя печати и обер-камергера, что позволило бы ему стать главным и единственным ментором монарха. 13 августа Кацура был официально назначен на обе должности и включен в состав *гэнро* вместе с Сайондзи; больше ряды «государственных старейшин» не пополнялись.

Вслед за этим Кацура совершил фатальную ошибку. Уступив годом раньше пост премьера Сайондзи, он не оставлял надежды вновь стать главой правительства, но вряд ли мог рассчитывать занять одновременно две высших придворных должности, да еще

¹⁶ АВП РИ. ЯС. Оп 493. Д. 1284. Л. 61–61 об.

при монархе, полностью зависевшем от его советов. Премьеры приходят и уходят, а лордом-хранителем печати и обер-камергером он мог оставаться до смерти или, по крайней мере, пока это физически было в его силах. Однако властолюбивого Кацура потянуло в атмосферу «политических треволнений и парламентской борьбы партий» (выражение Малевского-Малевича), о нелюбви к которым он не раз говорил.

В конце ноября 1912 г. разразился политический кризис из-за настоятельных требований армии сформировать две новых дивизии со ссылкой на согласие покойного императора, данное еще в 1907 г. Кабинет отверг предложение: Сэйюкай одержала убедительную победу на последних выборах именно под лозунгом экономии государственных средств, и премьер потребовал от всех министерств сокращения расходов на 10–15%. Поддержанный Ямагата, военный министр Уэхара Юсаку ушел в отставку, а предоставить новую кандидатуру армия отказалась (министром мог быть только генерал на действительной службе). Тогда Сайондзи сложил полномочия.

Пресса и общественное мнение осудили обструкционистские действия армейского руководства, но Ямагата, несмотря на советы и предостережения друзей, продвинул Кацура в премьеры, чем погубил его репутацию. Во-первых, тому пришлось отказаться от постов лорда-хранителя печати и обер-камергера, что выглядело непочтительно по отношению к императору. Во-вторых, становиться премьером в такой ситуации значило обрекать себя на критику по любому поводу. Бывший морской министр адмирал Ямамото Гоннохё и бывший министр юстиции Киёура Кэйго, к которым *гэиро* обращались с предложением возглавить правительство, решительно отказались.

Третий кабинет Кацура (декабрь 1912 – февраль 1913) оказался одним из самых недолговечных в истории Японии. Трудности начались уже при его формировании, поскольку премьер стал подбирать сотрудников по принципу личной преданности, не стесняясь общественным мнением. Министр путей сообщения Гото, которого называли вице-премьером, хотя официально такой должности не существовало, поспешил разъяснить российскому послу не только то, что общий курс правительства будет прорусским, но и то, что определять его будут Кацура и Гото, а не министр иностранных дел Като.

Уже через несколько дней после создания кабинета оппозиционные депутаты организовали Общество защиты конституции и заявили о решимости положить конец господству бюрократов. Оживилось и соперничество кланов, но премьер вел себя так, как

будто ничего не происходит. Не дали нужных результатов и попытки Кацура и Гото создать свою партию. Их детище Риккэн-досикай, рождение которой было торжественно провозглашено 1 февраля в присутствии 81 депутата и всех министров, было по сути «партией власти», не имевшей массовой поддержки. Нечувствительный самоуправством премьера, Ямагата и его окружение отнеслись к этой затее отрицательно. Кацура добился императорского указа о продлении новогодних каникул парламента и не скрывал, что в случае вынесения вотума недоверия распустит нижнюю палату и назначит выборы, собираясь использовать «административный ресурс». Возобновление сессии 5 февраля началось с предложения о недоверии. Вооружившись новым указом о прекращении сессии на пять дней, Кацура пытался уговорить Ямагата повлиять на оппозицию, а Сайондзи — добиться отзыва вотума, но оба предпочли выжидать. Возобновление работы парламента 10 февраля вызвало массовые демонстрации в столице и крупных городах, которые переросли в беспорядки. Демонстранты оскорбляли и избивали сторонников Кацура (в том числе депутатов), громили редакции проправительственных газет и полицейские участки. Полиция применила оружие, появились жертвы и арестованные. К вечеру порядок был восстановлен, но на следующий день правительство ушло в отставку. Эти события, получившие название «кризис Тайсё», положили конец эпохе «компромисса». В октябре того же года Кацура умер.

Новым премьером по общему согласию «силовых центров» стал Ямамото, которого поддержала Сэйюкай (Хара вновь был назначен министром внутренних дел). Созданная Кацура и Гото Риккэн-досикай оказалась в оппозиции; смерть Кацура и падение популярности связанного с ним Гото привели к руководству Като. Пребывание у власти кабинета Ямамото (февраль 1913 — март 1914) не было ознаменовано какими-либо знаменательными событиями. В области внешней политики правительство отошло от сотрудничества с Россией, поскольку сам премьер и ряд влиятельных министров придерживались антирусских взглядов. Назначение премьером влиятельного адмирала вызвало увеличение расходов на морские вооружения, что, в свою очередь, повлекло за собой рост налогов. В начале 1914 г. достоянием общественности стали факты коррупции среди морского офицерства, связанные с борьбой иностранных фирм за получение в Японии выгодных заказов. В Токио и ряде крупных городов снова вспыхнули волнения, подавленные силой, как и год назад. Принимая на себя ответственность за случившееся, кабинет подал в отставку.

После краткой закулисной борьбы формирование правительства было поручено ветерану партийной политики Окума Сигэнобу. Новый премьер был известен как лидер наиболее оппозиционного крыла либералов, однако сумел без особого труда договориться и с бюрократией, и с армией. При этом правительстве Японии вступила в Первую мировую войну.

Экономическая экспансия и создание колониальной империи

Последняя четверть XIX в. стала эпохой окончательного оформления великих колониальных империй — «раздела мира и начала борьбы за его передел», как говорили марксисты. Американский историк М. Питти удачно назвал это «спазмом имперской экспансии, примечательным своими глобальными масштабами и краткой продолжительностью»¹⁷. Поэтому расширение внешней экономической экспансии и создание колониальной империи стали в начале XX в. обязательным «патентом на благородство» для любого государства, претендовавшего на самостоятельную роль в мировой политике, т.е. на статус «великой державы».

Возможности японской экспансии были ограничены географическими и экономическими факторами. Только к концу XIX в. она сумела добиться отмены неравноправных договоров и построить флот, пригодный не только для обороны метрополии, но и для ведения наступательных операций. С другой стороны, территориальная близость к материку ставила Японию в более выгодное положение по сравнению с европейскими державами и США, которые также вели экономическую, торговую и военную экспансию в регионе. Нуждалась в улучшении и финансово-кредитная репутация страны, которой иностранные банкиры или давали займы под большие проценты, чем другим странам, или уклонялись от этого, даже несмотря на прояпонскую позицию их правительств, как это было в Великобритании и США. В этом смысле весьма показательно донесение российского посланника в Вашингтоне Кассини от 29 января 1902 г.: «Различные попытки Японии, всегда нуждающейся в деньгах, поместить свои займы в Соединенных Штатах неизменно заканчивались полным неуспехом, несмотря на высказываемую в этих случаях добрую волю

¹⁷ The Japanese Colonial Empire, 1895–1945. Princeton, 1984, p. 3.

федерального правительства и его искреннее желание протянуть Японии руку помощи... Если симпатии, внушаемые Японией Соединенным Штатам несомненны, то не менее несомненно и недоверие, внушаемое здесь этой страной в отношении ее финансового положения и кредитоспособности»¹⁸.

В 1900–1910 гг. перед правительством стояла задача реализовать программу вооружения, промышленного развития и развития колоний и найти на это деньги, чтобы не подорвать экономику и финансы страны. Популярный лозунг «богатая страна, сильная армия» (*фукоку кёхэй*) грозил обернуться тем, как его перефразировали оппозиционеры – «бедная страна, сильная армия». После войны с Китаем Япония получила внушительную контрибуцию, потом, вместе с другими державами, компенсацию за «боксерское восстание». После русско-японской войны ощутимого финансового «допинга» не было.

Оставляла желать лучшего и тяжелая промышленность, развитие которой во многом определяло мощь государства: она давала в десятки раз меньше продукции, чем в Англии или США. Поэтому в 1905–1912 гг. на строительство новых предприятий и модернизацию старых было затрачено 3,8 млрд. иен; капиталовложения в промышленность увеличились на 100%. Япония стремилась преодолеть технологическое отставание от США и европейских стран. Вот всего несколько примеров: 1903 г. – появление дизельного двигателя и открытие электротрамвайного движения в Токио; 1905 г. – начало производства азота, пуск нефтеперегонного завода в Иокогама и постройка электролампового завода; 1907 г. – пуск первой линии электропередачи; 1909 г. – начало производства автомобилей; 1910 г. – начало применения в угольных шахтах врубовых машин, открытие первого самолетостроительного завода и первый полет на отечественном дирижабле; 1912 г. – сооружение первого аэродрома и т.д.

Интенсивное развитие промышленности требовало соответствующего уровня научных исследований. Для изучения природных ресурсов страны и путей их освоения в 1900 г. основан Промышленный научно-исследовательский институт; возникают Географическое и Гидрологическое общества, Ассоциация борьбы с землетрясениями, Институт сельскохозяйственных исследований Охара и многие другие – преимущественно практической, прикладной направленности. Совершенствуется система высшего образования: были основаны императорские университеты в Киото (1899) и Сэндай (1907), государственные университеты

¹⁸ Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917. М., 1999, с. 26–27.

Кюсю (1910) и Хоккайдо (1918), высший Токийский колледж преобразован в университет Васэда (1902)¹⁹.

В 1913 г. внешнеторговый оборот Японии составлял 1361 млн. иен (1 доллар США был примерно равен 2 иенам): экспорт – 632 млн. иен, импорт – 749 млн. иен. Бедность сырьевыми ресурсами и относительно слабое развитие тяжелой и обрабатывающей промышленности приводили к тому, что баланс внешней торговли был, как правило, пассивным. Выручали демпинговые цены, обеспеченные высокой производительностью, неплохим качеством и низкой стоимостью труда, и обширный азиатский рынок, за который Япония отчаянно боролась с другими державами. Японский экспорт в Восточную Азию в 1897–1902 гг. составлял около 50 млн. иен, а в 1912–1915 гг. более 278 млн. иен (43% от общей суммы). Изменения происходили за счет роста доли колоний, ставших не только источником сырья или продовольствия для метрополии, но и растущим рынком сбыта. Основным направлением экономической экспансии стал Китай, куда к 1915 г. было вложено 385 млн. иен. Общая же сумма японских инвестиций за границей в 1920 г. достигла 2200 млн. иен против 460 млн. иен в 1914 г.

Мощнейший импульс внешней торговле и экономической экспансии Японии придала Первая мировая война, полностью вытеснившая Германию с рынков Китая, Индии, Африки и ослабившая позиции других участников конфликта. За 1913–1918 гг. японский экспорт вырос в 3,1 раза (1962 млн. иен), а импорт в 2,3 раза (1668 млн. иен). В Европу вывозились преимущественно вооружение и военные материалы (много потребляла Россия), в другие регионы – промышленные товары, заменившие недостающие европейские. Внешнеторговый баланс, наконец, стал активным: за годы войны импорт превысил экспорт в общей сложности на 1,4 млрд. иен. Золотые запасы страны увеличились с 350 млн. иен в 1914 г. до более чем 2 млрд. иен в конце 1919 г. Выгодная конъюнктура стимулировала промышленное развитие Японии: общая продукция ее промышленности за годы войны, как минимум, удвоилась.

В первые два десятилетия XX в. Япония приобрела статус полноправной колониальной державы. Первым территориальным приобретением были острова Рюкю, занятые в 1872 г., когда они были независимым королевством, и в 1879 г. превращенные в префектуру Окинава (через два десятилетия США так же аннексировали Гавайи). Санкт-Петербургский трактат 1875 г. закрепил японский суверенитет над Курильскими островами взамен отказа

¹⁹ Попов К. М. Япония. Очерки развития национальной культуры и географической мысли. М., 1964, с. 306–313, 453–456.

претензий на Сахалин. По Симоносекскому мирному договору 1895 г. Китай передал Японии Формозу (Тайвань) и Пескадорские острова (Пэнхуледао). Напомним также, что по условиям Портсмутского мира она приобрела южную часть Сахалина, а по Пекинскому договору с Китаем — права аренды на Ляодунском полуострове, ранее принадлежавшие России.

17 ноября 1905 г. Япония, склонив на свою сторону часть правящей элиты, навязала Корее договор, по которому последняя передала ей полный контроль над своими внешними сношениями; иностранные державы ликвидировали дипломатические миссии в Сеуле, заменив их консульствами. В январе 1906 г. было ликвидировано МИД Кореи; 1 февраля учреждено генерал-резидентство Японии в Сеуле (первым эту должность занял Ито). 26 августа Япония учредила в Корее свой Верховный суд как «чрезвычайный и высший орган», которому были подсудны и корейцы, и японцы. Корейский император попытался обратиться за помощью к международной мирной конференции в Гааге, но под давлением Японии был вынужден отречься от престола в пользу последнего принца. Выступления протеста, которыми сопровождалось расформирование остатков корейской армии, были жестко подавлены японцами. Договор 24 июля 1907 г. передал всю власть в стране генеральному резиденту. Несмотря на фактическое господство в Корее, Япония была вынуждена соблюдать видимость законности, поскольку на переговорах в Портсмуте Россия настояла на включении в протокол конференции обязательства японских представителей принимать меры, ограничивающие или нарушающие суверенитет Кореи, только с согласия правительства последней.

Убийство Ито в 1909 г. подтолкнуло кабинет Кацура к решительным действиям. 30 мая 1910 г. генеральным резидентом был назначен бывший военный министр генерал Тэраути Масатакэ. 19 августа он вынудил корейского императора подписать договор, по которому тот «полностью и навечно» уступал японскому императору всю власть в стране. Корея была окончательно аннексирована и стала генерал-губернаторством; корейский королевский дом был приписан к японскому императорскому дому в качестве «младшей ветви»²⁰. Так было положено начало японской колониальной империи.

Европейские державы стали с интересом наблюдать, как «небелые» справятся с ее управлением — с тем, что считалось исклю-

²⁰ Тексты договоров: Севостьянов П. П. Экспансионистская политика США на Дальнем Востоке (в Китае и Корее в 1905–1911 гг.). М., 1958, гл. 3.

чительной привилегией «белых». Л. Гэнн пишет: «Когда японцы создавали свою заморскую империю, они имитировали внешний облик имперской славы в понимании их западноевропейских соперников... Однако японский колониализм, в отличие от британского, был полностью военным по своему характеру»²¹. Это верно, хотя роль гражданских администраторов в истории японской колониальной империи тоже нельзя преуменьшать.

Основной «кузницей кадров» для колоний стали основанное в 1898 г. Тайваньское (с 1907 г. Восточноазиатское) общество и созданная два года спустя его Высшая школа (ныне Университет Такусёку); Кацура возглавлял их с момента основания до 1912 г. Тайвань — первая японская колония — стал «лабораторией» и «витриной» ее колониальной политики. Гото, гражданский губернатор Тайваня в 1898–1906 гг., говорил: «Мы смотрим на управление генерал-губернатора как на своего рода университет, где можно изучать теорию и принципы колонизации, в чем мы, японцы, пока еще не очень сильны. Генерал-губернатор — ректор, я — проректор, комната, в которой мы сидим, — университетская библиотека»²². В 1908 г. по инициативе Гото в Токийском университете была создана первая в стране кафедра колонизации, которую возглавил известный ученый и публицист Нитобэ Инадзо; сам Гото в 1919–1929 гг. был главой Восточноазиатской ассоциации и ректором университета Такусёку. Правящая элита также уделяла большое внимание освоению Хоккайдо, который в XIX в. рассматривался как своего рода «внутренняя колония». На Хоккайдо в 1900-е годы появились первые в Японии доменные печи и заводы по производству корабельных орудий, однако на его жителей право избирать депутатов нижней палаты парламента распространилось только в 1902 г., а верхней — в 1918 г.

Колонизация Тайваня, как позднее Кореи, началась с подавления сопротивления местного населения; китайцам было разрешено покинуть Тайвань по желанию, часть корейцев мигрировала в Россию. Следующим после «замирения» мероприятием стала «инвентаризация» полученных территорий — проведение переписи населения и земельного кадастра, в ходе которого все выявленные «бесхозные» земли, включая неосвоенные, были объявлены собственностью государства, а затем по большей части проданы японским компаниям. Земли и собственность активных противников новой власти конфисковывались. На Тайване пришлось начать с проведения масштабной кампании санитарно-гигиеничес-

²¹ The Japanese Colonial Empire, p. 503.

²² Yosaburo Takekoshi. Japanese Rule in Formosa. London, 1907, p. 21–22.

мероприятий, которые позволили в течение нескольких лет покончить с опустошавшими остров эпидемиями холеры, чумы, тифа, черной лихорадки, трахомы и других болезней. За этим последовали формирование местной администрации всех уровней, упорядочение административного деления, реформы полиции и судебных органов.

Для эффективного управления колониями их было необходимо населить японцами. В начале 1920-х годов на Тайване проживало 1/8 тыс. японцев (5% от общей численности населения), в Корее 46 тыс. (2%), на мандатных островах 3,7 тыс. (7%). Только Южная Сахалин, откуда эвакуировалось русское население, был компактно заселен японцами: более 200 тыс. человек (98%). Для сравнения в метрополии в это время проживало: 43 млн 847 тыс. (1900 г.), 49 млн 184 тыс. (1910 г.), 55 млн 473 тыс. (1920 г.) человек.

С появлением первых колоний встал вопрос об их статусе. Ориентируясь на опыт других стран, японская элита рассматривала два варианта: британский и французский. Первый предусматривал отделение колоний от метрополии, с возможной перспективой предоставления им самоуправления, вплоть до создания собственных законодательных ассамблей. Французская модель была ориентирована на интеграцию колоний в состав метрополии в качестве «заморских департаментов» (Алжир) с предоставлением им не только местного самоуправления, но и права на участие во всеобщих выборах и представительство в парламенте. По этому же пути развивалась и Российская империя, у которой после продажи Аляски не было колоний в традиционном понимании этого слова. Вхождение в состав Японии островов Рюкю создало прецедент использования французской модели, но верх одержал британский вариант.

Тайванем, Кореей и арендованной территорией Квантун управляли генерал-губернаторы, наделенные широкими полномочиями, вплоть до законодательных. Губернаторов назначал лично император по представлению премьер-министра, который согласовывал кандидатуры с *гэнро* и армейским командованием. С 1919 г. на Тайване и в Квантуне на эту должность назначались гражданские чиновники, но в Корее власть до самого конца находилась в руках военных. Для Сахалина и мандатных островов в Тихом океане (после Первой мировой войны), известных под собирательным названием «Нантё», были созданы отдельные управления, которые возглавляли гражданские чиновники более низкого ранга; Сахалин находился в ведении МВД, а Квантун и мандатные острова – МИД. Единая эффективная система управления колониями, в необходимости которой Гото убеждал

правительство еще в 1909 г., появилась только в июне 1929 г. с созданием Министерства колонизации. В июне 1910 г., при втором кабинете Кацура, было создано Колонизационное бюро, которое можно считать его предшественником, но уже в 1913 г. кабинет Ямамото ликвидировал его.

Роль колоний в экономике Японии прежде всего состояла в том, чтобы дополнять промышленность и сельское хозяйство метрополии. Находящийся в субтропиках, Тайвань рассматривался, главным образом, как источник риса, сахара, чая, а также камфарного масла, ставшего важным предметом экспорта с развитием производства целлюлоида. На острове были введены государственные монополии на камфару, соль, табак и опиум. Корея стала важным источником риса, табака, шелка и полезных ископаемых (каменный уголь, железная и медная руда, золото, серебро, свинец), вывоз которых особенно возрос в годы Первой мировой войны. На Южном Сахалине расположились целлюлозно-бумажные и лесопильные предприятия, добывались уголь и нефть, а в окрестных водах велся интенсивный лов промысловых рыб. Арендованная территория Квантун, по которой проходила ЮМЖД, имела не только огромное транспортное значение, но стала важным источником угля (Фушуньские копи). На мандатных островах в Тихом океане выращивались сахарный тростник и кокосовые орехи, добывались фосфориты.

Колониальная политика Японии мирного времени началась с модернизации хозяйства и транспортной инфраструктуры приобретенных территорий, которые в ряде случаев создавались с нуля. Относительно развитой в этом отношении к моменту формального вхождения в состав Японской империи была только Корея, и то во многом благодаря японскому капиталу, который начал активно проникать туда с середины 1890-х годов. С наступлением относительной стабильности (полностью антияпонские вооруженные выступления местного населения Тайваня, Кореи, а позднее Маньчжурии не прекращались никогда) начался приток в колонии частного капитала из метрополии, который сыграл значительную роль в их развитии. Так, на Тайване активно действовали концерны Мицуи и Мицубиси, на Южном Сахалине системообразующим фактором стали целлюлозно-бумажные фабрики концерна Одзи и предприятия рыбной промышленности.

Местное население использовалось как источник рабочей силы, по большей части неквалифицированной или малоквалифицированной. Однако перспективные планы колониальной администрации были рассчитаны на многие десятилетия и даже столетия, а потому предполагали постепенное задействование

местного населения в органах власти. Для этого они использовали политику «кнута и пряника», сочетая принуждение и репрессии с возможностью пользоваться такими благами цивилизации, как медицинские и образовательные учреждения, транспорт и связь. Такую же долгосрочную перспективу предполагали и японские инвестиции в колонии, не рассчитанные на скорое получение прибылей. Большое внимание колониальные власти уделяли созданию системы школьного образования в соответствии с принятыми в метрополии стандартами как для детей японских чиновников и переселенцев, так и для местного населения, прежде всего для детей состоятельных родителей — того класса, который в перспективе хотели сделать своей опорой. В 1923 г. на Тайване произошла формальная «унификация» школ для местного населения и для японцев. В 1926 г. был открыт императорский университет в Кэйдзё (Сеул), в 1928 г. в Тайхоку (Тайбэй).

Если опыт Тайваня и Южного Сахалина высветил скорее положительные стороны колониальной политики Японии, то в Корее отчетливо проявились ее отрицательные стороны. Здесь она была откровенно репрессивной, особенно в губернаторстве Тэраути (1910–1916 гг.), проводившего курс на тотальное подчинение и принудительную японизацию местного населения. Большинство корейцев, как элиты, так и простого народа, еще в 1890-е годы отвергли модернизаторские проекты реформ по образцу *Мэйдзи исин*, которые открыто поддерживались Японией. Несмотря на развитое национальное самосознание, переходящее в чувство национальной исключительности, корейцы не смогли отстоять государственную независимость, но и безропотно подчиняться новой власти тоже не собирались. Периодические антияпонские выступления происходили в Корее в течение всего колониального периода, несколько раз выливаясь в массовые вооруженные восстания, например 1 марта 1919 г. На Тайване же японцы сумели найти общий язык с местной элитой, а вооруженное сопротивление им оказывали преимущественно жившие в горных районах аборигены малайского происхождения, известные как «охотники из голов» и не признававшие вообще никакой власти.

Обращаясь к колониальному прошлому Японии, мы сталкиваемся с проблемой не столько исторического, сколько морального характера — как оценивать ее наследие. Действительно, в нем немало того, что достойно осуждения. Однако в последние годы и в Японии, и за ее пределами все чаще говорят о том, что колониальная эпоха имела не только отрицательные последствия, но и заложила основу послевоенного экономического взлета Тайваня и Южной Кореи.

Эволюция социалистического и рабочего движения

Первые выступления японских рабочих с экономическими требованиями относятся к началу 1869 г., первые рабочие объединения возникли в 1881–1882 гг., но и те и другие имели локальный характер. В политике они ориентировались на оппозиционную Либеральную партию и «движение за свободу и народные права». Как и в европейских странах, в Японии организаторами и идеологами рабочего движения выступали почти исключительно интеллигенты. Из их среды вышли пионеры социалистического движения Сакаи Тосихико, Котоку Сюсуй, Абэ Исоо и Катаяма Сэн, чьи взгляды сформировались на рубеже 1880–1890-х гг. под влиянием идеологии Второго Интернационала и «христианского социализма».

3 марта 1901 г. состоялся первый в истории Японии социалистический митинг. 20 мая было объявлено о создании Социал-демократической партии, а ее манифест, составленный Абэ, опубликован во многих газетах. Он призывал к уничтожению классов, защите беднейших слоев населения и достижению всеобщего мира; главной ареной деятельности объявлялся парламент. Важнейшие цели партии были сформулированы в «основной программе»: 1) распространение принципа «все люди – братья» независимо от политических и расовых различий; 2) установление мира во всем мире путем полной отмены военных приготовлений; 3) полная ликвидация деления общества на классы; 4) обобществление земли и капитала, необходимых как средства производства; 5) обобществление средств связи: железных дорог, судов, каналов и мостов; 6) равное распределение богатств; 7) равные политические права всему народу; 8) возложение бремени всех расходов по образованию на государство в целях предоставления всему населению возможностей в получении образования. Более конкретные требования излагались в «программе действий» из 28 пунктов: передача в общественную собственность железных дорог; муниципализация трамвая (дороговизна проезда вызывала к нему особую неприязнь), электричества и газа; ограничение платы за аренду жилья; обязательное и бесплатное обучение в начальной школе; запрещение труда детей школьного возраста на производстве; отмена ночной работы для женщин и детей; издание рабочего профсоюзного законодательства и закона о защите прав крестьян-арендаторов; осуществление всеобщего избирательного права при пропорциональном представительстве, пря-

дом и тайным голосованием; отмена смертной казни, закона «Об охране общественного порядка и спокойствия» (1900 г.) и правил об ограничении печати; и т.д.²³

Образцом для японских социалистов служили германские социал-демократы, действовавшие легально и имевшие представителей в парламенте. Однако правительство усмотрело в их выступлении опасность и немедленно приняло меры: партия была запрещена, номера газет, опубликовавших ее документы, конфискованы, а издатели оштрафованы. Несмотря на это, первая в Японии попытка создать легальную социалистическую организацию и публично декларировать свои цели получила немалый резонанс среди «образованного сословия». Пропаганда социалистических идей продолжалась в форме лекций и бесед, издания книг и журнала «Родо сэкай» («Мир труда»). Социалисты, особенно Катаяма и Абэ, все более активно выступали на страницах японской, а затем европейской и американской левой печати.

5-6 апреля 1903 г. в Осака проходил первый съезд японских социалистов (организаторы — Катаяма, Котоку и Абэ), которому для предотвращения репрессий была придана форма симпозиума. Он постановил делегировать Катаяма на VI конгресс Второго Интернационала в Амстердаме и принял декларацию о целях социалистического движения: «1. Мы планируем перестроить человеческое общество на базе социализма. 2. Мы должны приложить все усилия для осуществления социализма в Японии. 3. Для успешного достижения этих целей необходимы объединенные действия социалистов всех стран». В рамках съезда были прочитаны публичные лекции об истории и теории социалистических учений, рассчитанные на широкую публику.

Подъем националистических настроений в преддверии конфликта с Россией внес раскол в ряды социалистов. Катаяма, Котоку и Сакаи решительно встали на антимилитаристские позиции. 10 ноября 1903 г. они объявили о создании Общества простого народа и начали издавать «Хэймин симбун» («Народная газета»), стремясь привлечь на свою сторону не только рабочих и «разночинную» интеллигенцию, но и крестьян. В этом же году увидели свет «Наш социализм» и «Муниципальный социализм» Катаяма, «Сущность социализма» Котоку, «Теория социализма» Абэ, переводы «Социализма» В. Зомбарта, утопических романов Л. Беллами «Взгляд назад» и Э. Золя «Труд». Японская социал-демократия еще не могла оформиться в политическое движение,

²³ В данном параграфе документы цитируются или излагаются без дополнительных сносок по: Гольдберг Д. И. Очерк истории рабочего и социалистического движения в Японии в 1868–1908 гг. М., 1976.

но ее идеи прочно утвердились в среде левых интеллектуалов. Немалую роль сыграло и европейское происхождение социалистических идей, что, в соответствии с общими тенденциями периода Мэйдзи, подчеркивало их прогрессивность, с одной стороны, и потенциальную пользу для Японии — с другой.

Апогеем антивоенной деятельности социалистов стало присутствие Катаяма на Амстердамском конгрессе Второго Интернационала. 14 августа 1904 г. он публично обменялся рукопожатием с Г. В. Плехановым, представлявшим «вражескую» Россию. Новость обошла газеты всего мира. Катаяма и его товарищи налаживали связи с международным социалистическим движением, в том числе содействуя нелегальной пересылке литературы русским пленным, находившимся в Японии. Неудивительно, что за этим последовали новые преследования. Номер «Хэймин симбун» от 13 ноября 1904 г., где был опубликован первый японский перевод «Манифеста Коммунистической партии», выполненный Котоку и Сакаи, был конфискован. 29 января 1905 г. газету запретили, но на смену ей вскоре пришел еженедельник «Тёкугэн» («Прямая речь»).

В мае 1905 г. японские социалисты впервые приняли участие в парламентских выборах, выставив кандидатом в депутаты нижней палаты писателя Киносита Наоз, который не был избран. В сентябре они попытались воспользоваться беспорядками в Токио и других городах, вызванными заключением Портсмутского мира, но безуспешно: во-первых, среди недовольных тон задавали радикалы-националисты, объявившие договор «унизительным»; во-вторых, полиция решительно подавила волнения. Окончание войны, сопровождавшейся существенным ухудшением экономического положения страны в целом и малообеспеченных слоев в особенности, не принесло заметного облегчения и вызвало усиление стачечного движения и других выступлений рабочих, особенно шахтеров, в 1906–1907 гг. Однако их требования имели сугубо экономический характер, а влияние социалистических идей в этой среде было по-прежнему невелико.

25 августа 1905 г. была создана Государственно-социалистическая партия во главе с Ямадзи Айдзан; в то время идеи «государственного» и «национального социализма» (два варианта перевода японского *кокка сякайсюги*) не сыграли большой роли, но получили широкое распространение в 1920–1930 годы. Абэ стал лидером христианских социалистов толстовского толка, объединившихся вокруг журнала «Синкигэн» («Новая эра»). Общество обычных людей, к которому были близки Котоку и Сакаи,

ориентировалось на соединение идей Толстого и Кропоткина и идеологизировало в сторону анархизма.

24 февраля 1906 г. состоялся учредительный съезд Японской социалистической партии, лидером и идеологом которой стал Сагитани. Ее первым успехом стала отмена повышения платы за проезд в токийском трамвае. В том же году находившийся в США Котоку объявил о создании Социал-революционной партии и опубликовал ее манифест и программу, отмеченные сильным влиянием Кропоткина. Одновременно появилось дерзкое «Открытое письмо Муцухито императору Японии от анархистов-террористов», которое, копируя русские и французские образцы, грозило монарху смертью. Имел ли Котоку отношение к этому документу, неизвестно, но он все больше склонялся к принятию идеи индивидуального политического террора. Вернувшись в Японию в конце 1906 г., он объявил на страницах возобновленной «Хэймин симбун» об изменении своих взглядов — о бесперспективности борьбы за всеобщее избирательное право и парламентской деятельности. Новый съезд 17 февраля 1907 г. закрепил раскол социалистов на радикалов и реформистов. Бунтарские призывы Котоку вызвали очередную волну репрессий: газета была закрыта, партия запрещена, а ее руководство арестовано и предано суду. Рескрипт о манерах императора Мэйдзи (13 октября 1908), призывавший подданных «повиноваться своей совести и закону долга, быть честными и искренними в своих манерах», метил не только в «нескромных» нуворишей, но и в носителей «опасных мыслей».

Оставшиеся на свободе разделились на «твердых» во главе с Котоку и Осуги Сакаэ и «мягких» во главе с Катаяма: первые ориентировались, кроме анархизма, на радикальный антимилитаризм Г. Орве; вторые — на парламентаризм и легальные формы борьбы. Котоку переписывался с Кропоткиным, Катаяма — с Плехановым. Иногда они выступали совместно, например, при организации публичных лекций — наиболее распространенной и безопасной формы легальной пропагандистской работы, но принципиальное расхождение во взглядах на цели и методы борьбы определило их дальнейшую судьбу.

Котоку выступал инициатором антиправительственных демонстраций, из которых наибольший резонанс получил «инцидент с красными флагами» 22 июня 1908 г., входил в Анархистский интернационал, издавал нелегальную литературу. В 1910 г. он был арестован по обвинению в подготовке заговора и покушения на императора. «Дело об оскорблении трона», как его обычно называют, слушалось за закрытыми дверями; прессе было запрещено писать о нем. 24 января 1911 г. Котоку и 11

его единомышленников были казнены, остальные приговорены к различным срокам каторги. В конце того же года Катаяма был арестован как организатор забастовки рабочих городского транспорта в Токио, а по выходе из тюрьмы перешел на нелегальное положение и вскоре покинул Японию как политический эмигрант — как оказалось, навсегда.

Разгром наиболее активной части социалистического движения и слабость его связей с рабочей средой, в которой все более распространялись идеи социал-реформизма и классового мира, привел к его ослаблению в годы Первой мировой войны. Новый импульс дала революция в России. 1 мая 1917 г. группа социалистов, собравшихся в Токио на митинг, приняла резолюцию о поддержке «русских товарищей», завершавшуюся фразой: «Мы искренне верим в безостановочное распространение духа революции»²⁴. С самого начала социалисты были противниками участия Японии в союзной интервенции на Дальнем Востоке. В августе 1918 г. они попытались взять на себя руководство «рисовыми бунтами», прокатившимися по стране как стихийная реакция на вздорожание риса, спрос на который намного превысил предложение. Однако власти решительно подавили и эти разрозненные выступления, подвергнув наказаниям свыше 7 тыс. человек.

Япония в Первой мировой войне

Участие Японии в Первой мировой войне было двояким: собственно военным и политическим. Его масштаб и последствия существенно отличаются друг от друга, поэтому целесообразно рассматривать их в отдельности.

Первую половину войны у власти находился второй кабинет Окума (апрель 1914 — ноябрь 1916). Япония вступила в войну на стороне Антанты, мотивируя это верностью англо-японскому союзу, хотя часть военной и политической элиты, имевшая прогерманские симпатии, была против. 15 августа 1914 г. правительство предъявило Германии ультимативное требование вывести в течение месяца все свои вооруженные суда из территориальных вод Японии и Китая (!) и немедленно разоружить те, которые невозможно будет вывести. За ним последовало требование немедленно эвакуировать и безвозмездно передать Японии, для последующей передачи Китаю, арендованную территорию Цзяочжоу (Циндао). Для ответа был установлен недельный срок. Союзное

²⁴ ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917–1941. М., 2001, с. 250.

британское правительство было оповещено об ультиматуме только после его предъявления.

Стремление Японии захватить германские владения в Азии и на Тихом океане было совершенно очевидным, несмотря на заявления премьер-министра Окума и министра иностранных дел Кано, имевших репутацию «либералов» и «англофилов», что их действия продиктованы стремлением «сохранить мир в Восточной Азии». Японские военные корабли появились в водах Китая уже 8 августа. 23 августа, когда Берлин не дал никакого ответа на ультиматум, Япония объявила войну Германии и бомбардировала крепость Циндао. Гарнизон хорошо укрепленной крепости насчитывал всего 1,5 тыс. солдат и 3 тыс. резерва; осаждало ее около 30 тыс. японских солдат.

Операции японской армии по осаде Циндао велись на территории Китая, несмотря на провозглашенный им нейтралитет. Поскольку Токио игнорировал протесты Пекина, 3 сентября китайское правительство определило так называемую военную зону, за пределы которой боевые действия не должны были распространяться. Осада Циндао продолжалась с 14 сентября по 7 ноября 1914 г., когда, несмотря на упорное сопротивление, крепость сдалась превосходящим силам противника. Фактически Япония взяла под контроль провинцию Шаньдун, захватив всю находившуюся в ней германскую и даже смешанную германо-китайскую собственность. До конца года ею были оккупированы германские владения на Тихом океане — Маршаловы, Марианские и Каролинские острова.

На этом военные действия с участием Японии были закончены. Она достигла своих ближайших целей и не желала более активного участия в войне. В ответ на неоднократные просьбы России и Франции отправить войска в Европу для войны против Германии японское правительство не проявило никакого энтузиазма, ограничившись посылкой нескольких военных кораблей и поставками оружия, которые к концу войны приняли значительные масштабы. В результате в 1914/15 гг. японский экспорт в Россию вырос в 9 раз.

Сделав выбор в пользу Антанты, правящие круги Японии поначалу старались не проявлять особой враждебности к Германии. В течение первого года войны германские коммерсанты и другие частные лица оставались в Японии под охраной закона и продолжали свою деятельность, лишь формально переписав собственность на японских служащих или партнеров. Полностью они были удалены оттуда только в 1916 г., когда, после долгих колебаний, японское правительство 19 октября 1915 г. присоединилось

к Лондонской декларации Антанты о прекращении сепаратного мира, принятой еще 5 сентября 1914 г. Тем не менее германское правительство и в 1916 г. продолжало зондировать почву относительно возможности сепаратного мира с Японией. Несмотря на неудачу этих попыток, британские дипломаты до конца войны продолжали верить в существование в Токио мощной германофильской партии, лидерами которой они считали самого премьер-министра Тэраути (октябрь 1916 – сентябрь 1918), министра внутренних дел Гото и близкого к ним генерала Танака Гиити, будущего военного министра и премьер-министра.

Наиболее значительными политическими акциями Японии в ходе Первой мировой войны были предъявление «21 требования» Китаю, заключение союзного договора с Россией и соглашения Лансинг–Исии.

Боевые действия против германской армии в Шаньдуне закончились в ноябре 1914 г., поэтому 7 января 1915 г. китайское правительство официально объявило об отмене военной зоны и потребовало вывода японских войск с этой территории. Не получив ответа, оно повторило это требование 16 января. Два дня спустя японский посланник в Пекине Хиоки Эки вручил президенту Юань Шикаю пространную ноту, переданную из Токио еще 3 декабря. Это и были «21 требование», разделенные на 5 групп.

Первая группа касалась Шаньдуня. Японское правительство требовало, чтобы Китай передал Японии все германские права, интересы и концессии в этой провинции (статья 1), не уступал и не сдавал в аренду другим странам какую-либо часть ее территории или прилегающие к ней острова (статья 2), согласился на постройку Японией железной дороги от Чифу или Лунчжоу для соединения с линией Циндао–Цзинань (статья 3) и дополнительно открыл для иностранной торговли еще несколько портов, которые будут определены специальным соглашением (статья 4).

Вторая группа касалась прав Японии в Южной Маньчжурии и в восточной части Внутренней Монголии, которая находилась в сфере ее влияния по русско-японскому соглашению 1912 г. Требования предусматривали: продление аренды Порт-Артура и Дайрена, Южно-Маньчжурской и Аньдун-Мукденской железных дорог на срок до 99 лет (статья 1); обеспечение прав японских граждан на покупку и аренду земли для строительства и сельскохозяйственной деятельности (статья 2), на свободу проживания, передвижения, промышленной и предпринимательской деятельности (статья 3), на ведение горных разработок (статья 4); предоставление третьим странам концессий на постройку железных дорог на этой территории, получение Китаем иностранных зай-

мов для этих целей и приглашение иностранных советников только с предварительного согласия Японии (статьи 5–6); передачу на 99 лет под контроль и управление Японии Гирин-Чанчуньской железной дороги (статья 7).

Третья группа касалась участия Японии в предприятиях Халбинской компании на реке Янцзы, которые имели большое значение для китайской армии. Токио требовал создания для их эксплуатации японско-китайского концерна под контролем Японии и привлечения туда исключительно японского капитала (статьи 1–2).

Четвертая группа предусматривала, что Китай не будет уступать или сдавать в аренду третьим странам какие-либо гавани или бухты на всем своем побережье или острова близ него.

Пятую группу японское правительство позже пыталось представить скорее «пожеланиями», нежели «требованиями», так как они заходили слишком далеко, чтобы Китай мог согласиться на их безоговорочное принятие. Китайское правительство должно было: пригласить «влиятельных японцев» в качестве политических, финансовых и военных советников (статья 1); предоставить право собственности на землю японским госпиталям, храмам и школам в Китае (статья 2); создать совместную китайско-японскую администрацию в тех районах Китая, где существует угроза непонимания между представителями этих стран, и назначать там японцев офицерами полиции (статья 3); покупать оружие и снаряжение в Японии и создавать арсеналы под двусторонним управлением (статья 4); передать Японии права на строительство ряда железных дорог в Южном Китае (статья 5); консультироваться с Японией в случае привлечения иностранного капитала для строительства железных дорог, портовых сооружений или шахт в провинции Фуцзянь, находящейся по другую сторону Тайваньского пролива (статья 6); предоставить японцам (по позднейшему разъяснению, речь шла о буддистах) право на миссионерскую деятельность в Китае (статья 7)²⁵.

Несмотря на все позднейшие объяснения японских дипломатов, смысл требований был совершенно ясен: пока другие великие державы заняты войной в Европе – а события осени 1914 г. показали, что она будет долгой и изнурительной, – взять Китай под свой политический и финансовый, а отчасти административный и военный контроль. Предъявление одновременно столь большого пакета требований мотивировалось и слабостью режи-

Примм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927, с. 188–ы191.

ма Юань Шикай, который в случае их принятия мог рассчитывать на поддержку Японии.

Поначалу официальный Токио попытался опровергнуть сам факт предъявления требований, потом разъяснил, что речь идет лишь о «советах» и «пожеланиях». Требования были опубликованы в китайской печати, сначала частично, без пятой группы, потом полностью, что вызвало новый подъем националистических настроений в стране. США выразили открытое недовольство действиями Японии, напомнив о своих правах в Китае, но формально могли высказать мало претензий к содержанию требований. Недовольны были и в союзной Англии, поскольку Форин оффис не был извещен о пятой группе требований и лишь частично о третьей.

Японо-китайские переговоры по перечисленным вопросам начались 2 февраля, но зашли в тупик из-за отказа Китая принять все требования. 7 мая Токио предъявил Пекину ультиматум, объявив мобилизацию сухопутных и военно-морских сил. Два дня спустя Юань Шикай согласился. 25 мая был подписан ряд двусторонних соглашений, означавших принятие основных требований. Япония укрепила свои позиции в Китае, но политически это была «пиррова победа». Отношения с США существенно ухудшились, наступило заметное охлаждение в отношениях с Великобританией, и только Россия сохраняла благожелательный нейтралитет. Положение кабинета Окума пошатнулось. Като был вынужден уйти в отставку из-за разногласий с *гэнро*, которых он попытался отстранить от принятия решений и от которых он также скрыл пятую группу требований. Был перемещен на другой пост и Хиоки. У стран Антанты оставались сомнения в надежности японского союзника в том числе и потому, что Токио был против вступления Китая в войну, опасаясь, что это может привести к ослаблению контроля над ним. Однако важность сохранения Японии с ее военной промышленностью и «свежей» армией в составе Антанты принуждало ее участников, особенно Англию, принять японские требования — например, о сохранении за ней при заключении мира прав на Шаньдун и бывшие германские островные владения в Тихом океане к северу от экватора.

Гораздо лучше складывались отношения с Россией. 18 февраля 1916 г. Мотоно вручил Сазонову ноту, которой Япония в обмен на гарантирование неприкосновенности дальневосточных границ России, финансовую помощь и поставки оружия просила передать ей южную ветку КВЖД Харбин—Куанченцзы и предоставить льготы ее торговцам и рыбопромышленникам на Дальнем Востоке. Этим официально начались переговоры

и новым договором. Сазонов предложил включить в него взаимное обязательство не заключать, без предварительного обмена мнениями, соглашений с третьими странами относительно Центрального Китая, но столкнулся с решительным отказом. В условиях тяжелого положения на фронтах и неминуемо нараставшего внутреннего кризиса в Петрограде решили, что винтовки и патроны сейчас важнее потенциальной экспансии в Китае, и не стали настаивать.

Договор был подписан 3 июля 1916 г. Опубликованные статьи содержали обязательства не участвовать «ни в каких соглашениях и политических сочетаниях», направленных друг против друга, и «согласиться между собой относительно мер, которые они примут в видах оказания друг другу поддержки и содействия для охраны и защиты» своих взаимно признанных территориальных прав и особых интересов на Дальнем Востоке. Одновременно было заключено секретное соглашение, опубликованное только после Октябрьской революции. Партнеры признавали, что их «жизненные интересы... требуют охранения Китая от политического господства какой бы то ни было третьей державы, питающей враждебные замыслы против России или Японии, а посему взаимно обязуются впредь всякий раз, как того потребуют обязательства, поступать друг с другом в чистосердечные и на полном доверии основанные сношения, чтобы сообща принять надлежащие меры на предмет недопущения возможности наступления (в Китае. В.М.) подобного положения дел» (статья 1). Если же «принятие мер» в Китае приведет к объявлению войны третьей страной России или Японии, то «другая сторона по первому требованию своей союзницы должна прийти ей на помощь»; стороны не будут заключать мир с общим врагом без взаимного согласия (статьи 2–4). Выполнение этой статьи обуславливалось гарантиями со стороны других союзников, «что и те окажут помощь, по размерам своим соответствующую серьезности назревающего конфликта» (статья 4). Договор заключался сроком на пять лет и должен был «оставаться глубочайшей тайной для всех, за исключением обеих Высших Договаривающихся Сторон» (статьи 5–6). Из русских министров о нем был извещен только премьер Б. В. Штюрмер. По взаимному соглашению Россия должна была сообщить содержание секретной части Франции, а Япония — Англии.

Договор 1916 г. превратил Японию и Россию в полноценных союзников. Узнав о его заключении, влиятельнейший *гэнро* Ямагата сказал: «Это — осуществление моей давней мечты, и я очень счастлив». Однако перспективы сотрудничества двух стран были разрушены русской революцией.

3 февраля 1917 г. США разорвали дипломатические отношения с Германией, а 6 апреля объявили ей войну. Их примеру вскоре последовал Китай: разрыв дипломатических отношений 14 марта, объявление войны 14 августа. Обеспокоенное активизацией американской политики в Китае, японское правительство осенью 1917 г. направило в США специальную миссию во главе с Исии Кикудзиро, бывшим министром иностранных дел второго кабинета Окума. Официальной целью миссии было продемонстрировать укрепление союзнической солидарности, неофициальной — добиться от Вашингтона признания «специальных интересов» Японии в Китае. После трудных переговоров и тщательного обсуждения предлагавшихся формулировок Исии и госсекретарь Р. Лансинг 2 ноября заключили соглашение в форме обмена нотами, в котором декларировали верность принципам «открытых дверей» и «равных возможностей», намерение сохранять независимость и территориальную целостность Китая. Стороны согласились, что у Японии есть «специальные интересы», но никак не определили их. Позже Лансинг официально заявил, что соглашение имело в виду только экономические интересы, а Исии настаивал, что сказанное распространяется и на политическую сферу²⁶.

Токио поспешил оформить отношения с прояпонским правительством Дуань Цижуня в Пекине рядом соглашений и займов. 25 марта 1918 г. стороны обменялись нотами о совместном противостоянии «ежедневно растущей силе противника в пределах границ России», что явилось ответом на Брестский мир. С той же целью они заключили 16 мая военный пакт, 19 мая военноморской пакт, 6 сентября соглашение о совместных действиях. В течение 1918 г. Китай (не только пекинское правительство, но и провинциальные режимы) в общей сложности взял у Японии 29 займов на общую сумму 246,4 миллиона иен под залог железных дорог, шахт, копей, лесных массивов и т.д.; значительная часть этих средств пошла на подкуп Дуань Цижуня и его окружения. Ведущую роль в достижении договоренностей о займах сыграл банкир Нисихара Камэдзо, доверенное лицо премьера Тэраути, поэтому в литературе их часто называют «займами Нисихара» (строго говоря, к таковым относятся займы на сумму в 140 миллионов иен, сделанные с сентября 1917 г. по сентябрь 1918 г. при личном участии Нисихара). Все это происходило в рамках подготовки к заключению мирного договора, которым Япония намеревалась официально закрепить свои приобретения.

²⁶ Исии К. Цит. соч., гл. 6 («Специальные интересы Японии в Китае»).

Старое и новое в японской культуре

Интенсивная модернизация всех сторон жизни в период Мэйдзи не могла не отразиться на японской культуре самым радикальным образом. Традиционные средства передачи информации, формы и виды искусства приобрели сильного соперника в лице ежедневных газет и «толстых» журналов, романов с продолжением и свободного стиха, живописи маслом и симфонических концертов. Можно сказать, что японская культура тоже развивалась по «догоняющей модели», интенсивно осваивая духовные и культурные богатства западной цивилизации. «Сторонники вестернизации, не отрицая роли национального классического наследия, подчеркивали необходимость учиться у Запада для того, чтобы в ближайшем создать передовую современную культуру из сплава старого и нового»²⁷. Однако, как заметил Н. И. Конрад, «литература, несомненно, запаздывала сравнительно со всем ходом жизни Японии, особенно с ходом ее экономического и социально-политического развития. И запаздывала при этом сравнительно на полвека — лет на тридцать»²⁸. При этом следует отметить, что к началу XX в. в Японии ежегодно издавалось от 18 до 25 тыс. книг, т.е. не меньше, чем в крупнейших странах Запада.

Традиционные жанры не исчезли, но стали насыщаться новым содержанием: цветные гравюры на дереве изображали не только сцены «Фудзи», «станции тракта Токайдо» или популярных борцов сумо, но дымящие трубы заводов (один из главных символов прогресса в те годы), железные дороги и депутатов парламента. Считаясь «низким жанром», они тем не менее оставались более популярными в народе, нежели новомодная живопись в западном духе, так и не давшая ни одного мастера мирового масштаба.

Искусство быстро реагировало на перемены и чутко откликалось на них. Если эстетическую ценность многих романов, пьес, стихов или картин этого периода сегодня можно признать незначительной, то как исторический материал, как материал для познания жизни японского общества они незаменимы. Социальная насыщенность, нередко переходящая в идеологическую или политическую ангажированность, на много десятилетий стала одной из характернейших черт японской литературы. Повзрослел и социальный статус литераторов, особенно беллетристов, которых в *Мэйдзи исин* общество воспринимало почти как шутов.

²⁷ Долина А. А. Серебряный век японской культуры и поэтическое возрождение // Японская поэзия Серебряного века в переводах А. Долина. СПб., 2004, с. 6.

²⁸ Конрад Н. И. Очерки японской литературы. М., 1973, с. 307.

«Социальная проза» (*сякай сёсэцу*), связанная с европейской и русской традицией критического реализма, пользовалась особой популярностью в первом десятилетии XX в. Ее наиболее характерными произведениями стали романы толстовца Токутоми Рока «Лучше не жить» (1898), вышедший в 1909 г. сотым (!) изданием, и «Куросио» (1902) и христианского социалиста Киносита Наоз «Огненный столп» (1904). Крупным достижением критического реализма были новаторские романы Симадзаки Тосон, которого даже называли «японским Тургеневым», «Нарушенный завет» (1906) из жизни касты отверженных *эта*, «Весна» (1907) о романтических настроениях и духовных исканиях молодежи и «Семья» (1910) о распаде семейных традиций.

Особняком среди писателей своего поколения стоял рано умерший новеллист Куникида Doppo, книга очерков которого «Равнина Мусаси» (1901) считается шедевром лирической прозы. «Мое единственное желание – передавать голос Истины, – декларировал он, предупреждая, однако, против крайностей увлечения натурализмом. – Реальные люди и вещи используются как краски, но не составляют самой картины». Т. П. Григорьева удачно охарактеризовала его место в мэйдзийской литературе: «Doppo не был героем в общепринятом смысле. И все же именно он оказался в центре литературной Японии в середине первого десятилетия XX в. Может быть, прошло время героев и читатель потянулся к простодушным, искренним писателям, которые ничего не навязывали и лишь звали куда-то... Больше всего трогает в Doppo его открытость, чувство родственности с природой и другими людьми»²⁹.

Искания и разочарования «образованного сословия» на рубеже веков стали центральной темой прозы Нацумэ Сосэки, острого сатирика в ранних романах «Ваш покорный слуга кот» (1905–1906) и «Мальчуган» (1906) и тонкого психолога в поздних – трилогия «Сансиро» (1908), «Затем» (1909) и «Врата» (1910) о жизни студентов Токийского университета; «Сердце» (1914), «Придорожная трава» (1915), в котором силен автобиографический элемент. Прозе Нацумэ 1910-х годов присущи пессимистические настроения, избавление от которых наметилось лишь в последнем, незаконченном романе «Свет и тьма» (1916), который многие критики считают его лучшим произведением. Он одним из первых серьезных писателей стал публиковать свои романы в ежедневных газетах (в данном случае «Асахи»),

²⁹ Григорьева Т. П. Красотой Японии рожденный. Т. 2. Японская литература XX века (традиции и современность). М., 2005, с. 187.

приблизив литературу к широкому читателю и в то же время способствуя его духовному и эстетическому просвещению. 1907–1916 гг. могут быть названы «годами Нацумэ»: настолько сильно было его влияние на умы японской интеллигенции тех лет — все наиболее образованной, серьезной, независимой частью. Знаток европейской, особенно английской, литературы, Нацумэ призывал учиться у нее, но не подражать ей; сочетая влиятельную критику с мастерством стилиста, он быстро затмил приверженцев натурализма. Блестящий собеседник и прирожденный педагог, он оказал большое личное влияние на собиравшихся у него дома молодых писателей, в том числе Акутагава Рюносукэ. «Нацумэ любили за то, что он был писателем свободным, искренним, ищущим ответы на вечные вопросы. Это делало его и современным, и традиционным одновременно. Поэтому каждое поколение находило в его произведениях что-то свое»³¹. Книжки и метания молодых интеллектуалов начала века также понимали менее значительный в художественном отношении, но непонимавший роман Масамунэ Хакутё «Куда?» (1908).

Однако натуралисты не сдавались. Выдающимися представителями этого направления были Мори Огай (повести «Vitalis» (1909), «Юность» (1910), «Дикий гусь» (1913)) и его ученик — основоположник «школы эстетов» Нагаи Кафу. Приобретив известность Нагаи рассказ «Цветы ада» (1902) подражал Золя: молодой писатель начал изучать французский язык, чтобы читать основоположника натурализма в подлиннике. Однако после процесса Котоку в 1910 г. он пережил духовный кризис, осознав свою неготовность к борьбе, подобной той, которую Золя вел во время «дела Дрейфуса», и отказался от активной социальной роли, избрав амплу *гэсакуся* — сочинителя развлекательных историй в традициях эдосской литературы. Для его повестей и романов «Река Сумида» (1909), «Усмешка» (1909), «Состязание в искусстве» (1916–1917), «Карликовый бамбук» (1918) характерны декадентские и гедонистские, особенно эротические, мотивы (что не раз навлекало на него цензурные преследования, как в случае с повестью «По-летнему» (1915)), а его манера сочетала элементы современной европейской прозы и городской культуры эпохи Эдо, о которой он много и со вкусом писал. Греховные с точки зрения общепринятой морали, отношения мужчины и женщины — одна из главных тем прозы Нагаи, выдающегося знатока японской психологии. Следует добавить, что Мори первым по-

³¹ Конрад Н. И. Японская литература. М., 1974, с. 509.

³² Григорьева Т. П. Красотой Японию рожденный. Т. 2, с. 205.

знакомил японских читателей с немецкой литературой (и немецкой тематикой в рассказе «Танцовщица», опубликованном еще в 1890 г.), а Нагаи, много лет проживший за границей и подробно описавший свои впечатления («Рассказы об Америке» (1908), «Рассказы о Франции» (1909)), испытал сильное влияние французского романа и способствовал его популярности в Японии как писатель и как профессор французского языка и литературы университета Кэйо.

Влияние натурализма в сочетании с изощренным психологизмом и подчеркнутым автобиографизмом характерно для жанра «эгобеллетристики» (*ватакуси сёсицу*), основоположником которого стал Таяма Катай. Его произведения 1890-х годов, написанные в романтическом ключе, стали заметным явлением мэйдзийской литературы, однако подлинную славу ему принесли повесть «Постель» (1907) и трилогия «Жизнь» (1908), «Жена» (1908) и «Семейные узы» (1910), основанные на принципах «неприкрашенного описания» и «плоскостного изображения»: «Внутренний мир человека или внутренняя суть явлений — прямо, непосредственно, писателю недоступны. Писатель видит только то, что лежит на плоскости, и именно это и должен изображать»³². Наиболее известным и в то же время наиболее «чистым» образцом этого жанра стал «Дневник Сантаро» Абэ Дзиро (1914), вызвавший много подражаний.

Писатели группы «Сиракаба» («Белая береза»), не имевшей единой платформы, исповедовали демократические и гуманистические взгляды и считали своими учителями Толстого, Достоевского и Чехова, одновременно отталкиваясь от «бескрылого описательства» натурализма и социальной прозы. Викоит Мусякодзи Санзацу, организовавший в 1910 г. журнал «Сиракаба», пытался подражать Толстому не только в творчестве, но и в жизни, однако его эксперимент по созданию сельскохозяйственной коммуны «Новая деревня», начатый осенью 1918 г., завершился неудачей. В романе «Счастливый человек» (1919) Мусякодзи нарисовал синтетический образ идеального героя — доброго и мудрого Учителя. Увлекавшийся в молодости христианством (он был учеником Нитобэ Инадзо) и толстовством, затем социализмом и анархизмом, Арисима Такэо описал свои идейные блуждания в романе «Лабиринт» (1915–1918), раскритикованном за рыхлость композиции и неясность характеров, но ценном как выражение идей «Сиракаба». Он искал вдохновения в стихах Уитмена, которому посвятил несколько содержательных эссе, а также в истории святого Фран-

³² Конрад Н. И. Очерки японской литературы, с. 386.

и Клары Шефи, основательницы ордена кларисс («Постри-
жница Клары» (1917)). Большой общественный резонанс вызвал
роман, оказавший влияние Ибсена роман «Эта женщина» (1919), над
которым Арисима работал почти 10 лет. В нем автор защищал
право женщины на самореализацию и «выразил свой протест
против фальши мещанской морали и убожества современной ему
литературности. Писателю удалось создать новый в японской
литературе образ женщины, стремящейся к свободе действий»³³.
Интересно, что в начале 1920-х годов Арисима перешел к ост-
рой социальной критике и стал играть заметную роль не только в
литературе, но и в общественном движении. Его младший брат,
известный под псевдонимом «Сатоми Тон», получил известность
как тонкий стилист и мастер «занимательной прозы» с элемента-
ми романтизма и фантастики (роман «Роща павлоний» (1920)).

В рядах группы начал свой путь выдающийся мастер психо-
логической новеллы Сига Наоя. Для его ранней прозы – рассказы
«Оцу Дзюнкити» (1912), «Смерть матери и новая мать» (1912),
«Примирение» (1917), «Смерть старшей сестры» (1920) – харак-
терны не только обостренный психологизм, но и открыто авто-
биографические сюжеты, легко узнаваемые для «посвященных»
и не раз вызывавшие гнев с их стороны. Это отчасти сближает
произведения Сига с «эгобеллетристикой» и с популярными в
1910-е годы «записками о друзьях-литераторах» (*бундан коюро-
за*), типичным образцом которой стала повесть Кикиути Кан «Сре-
дство друзей» (1918) – неоценимый источник по истории японской
литературы эпохи Тайсё.

Говоря о литературе начала XX в, необходимо отметить в ней
влияние русской классики. Основоположник современного япон-
ского романа Фтабатэй Симэй признавал, что решающее воздейст-
вие на его творчество оказали Тургенев, Достоевский и Толстой, а
его переводы из них признаны не меньшим вкладом в литературу,
чем оригинальные романы «Ильвущее облако» (1889), «Его об-
лако» (1906) и «Обыкновенный человек» (1907). Большой интерес
оказывала и новая русская литература. Пьесы Чехова, Горького и
Дантессы оказали большое воздействие на японскую драматургию
и на становление реалистического театра. Особую популярность
получили философские взгляды и этическая проповедь Толстого о
«противлении злу силою». Под их воздействием Токутоми Рока
обратился в 1911 г. с открытыми письмами к премьер-министру
Японии и даже к императору, призывая отменить смертный при-

³³ Чегодарь Н. И. Литературная жизнь Японии между двумя мировыми войнами.
М., 2004, с. 45.

говор анархисту Котоку и его товарищам. Интерес «образованного сословия», в котором удельный вес выходцев из деревни был весьма велик, к аграрной проблематике также содействовал популярности Толстого как выразителя крестьянского миропонимания.

На рубеже веков нового расцвета достигла поэзия — как традиционных жанров *танка* и *хайку*, так и новых форм *киндайси*. Расцвет *танка* был связан с журналом «Мёдзё» («Утренняя звезда»), который издавал поэт и критик Ёсано Тэкан. С его страниц начали путь в литературу его жена и муза Ёсано Акико, поэт богемы Ёсии Исаму, элегический романтик Вакаяма Бокусуй и снискавший всенародную любовь Исикава Такубоку. Сборник Ёсано Акико «Спутанные волосы» (1901) стал вызовом общепринятым нормам, сенсацией, переходящей в скандал, подобно «Цветам зла» или «Русским символистам»:

Ты не знаешь, любимый,
чем увлажняют уста,
опаленные страстью?
Ведь еще не высохла кровь.

Не менее влиятельной поэтической школой стала «Нэгиси», названная по имени района Токио, где жил ее основатель — временно умерший Масаока Сики, выдающийся реформатор обоих традиционных жанров поэзии *вака*. «Моя поэтическая установка, — провозглашал он, — выражать по возможности ясно те поэтические качества, которые лично мне представляются прекрасными». Это он называл «отражением жизни» (*сясэй*).

Сквозь стеклянную дверь
ловлю за своим отраженьем
пейзаж вдалеке —
на деревьях в роще Уэно
нерастаявший снег белеет...

Ближайшими учениками и последователями Масаока были Ито Сатио, Нагацука Такаси, Сайто Мокити и другие, издававшие журналы «Асиби» («Подбел») и «Арараги» («Тис»). Авторы, группировавшиеся вокруг этих изданий, господствовали в поэзии *танка* до середины XX в. В поэзии *хайку* признанным лидером был другой ученик Масаока — мастер пейзажной лирики и певец смены времен года Такахама Кёси. Отдали дань этим поэтическим формам и знаменитые прозаики Нацумэ и Акутагава.

Поэты новых форм *киндайси* испытали сильное влияние европейского романтизма и символизма, но не стали подражателями и эпигонами. «Симадзаки Тосон и другие поэты романтической школы предпочитали английскую лирику XIX в.: Байрона, Шел-

Вордсворта, Китса — тех авторов, чье творчество открывало внутренний мир человека в глубинном постижении природы. Дои Бансей, склонявшийся к умозрительной медитативной лирике, черпал вдохновение в поэзии Гете и Гюго. Поздние романтики Тютен и Ариакэ, ставшие затем пионерами японского символизма, питали слабость к английским прерафаэлитам, упивались красотой туманных образов Д. Г. Россетти. Китахара Хакусю, Иносита Мокутаро и прочие участники богемного «Общества Пана», естественно, ориентировались на французских декадентов, вознося хвалу музе Верлена и Рембо»³⁴. Большинство поэтов *киндайси* писали стихи на протяжении всего одного-двух десятилетий, а затем или вовсе оставляли литературную деятельность, или переходили к другим жанрам (художественная проза, критика, эссеистика). Поэтический мир Японии 1920-х годов был уже совершенно иным.

В 1910-е гг. в литературу вступает крупнейший японский поэт XX в. Такамура Котаро, входивший во многие литературные группы от декадентского «Общества Пана» до реалистической «Фреззы», но не связавший себя полностью ни с одним из них. Исторически восприняв достижения Верхарна и Уитмена, он стал мастером пластичного и «вещного» стиха, в котором мотивы современности органично соседствуют с традиционными.

Уже в период *бакумацу* японская элита столкнулась с необходимостью создания благоприятного имиджа своей страны за рубежом, начало чему было положено участием во всемирных выставках в Лондоне (1862) и Париже (1867). Популярность японского искусства в Европе, вызвавшая волну «жапонизма» во Франции, Англии и Германии, а с началом XX в. и в России, создавала безбидный и привлекательный образ «страны гейш и вееров», что привлекало элиту, пока она готовилась к борьбе с неравноправными договорами. На рубеже XIX–XX вв. возникла необходимость эффективного создания нового образа — полноправной части «цивилизированного мира», передовой просвещенной страны, сочетающей многовековую историю и верность духовным традициям с успешным использованием достижений современной цивилизации, от технологических новаций до политических институтов. Это тоже было условием принятия в «клуб великих держав».

Наиболее образованные и дальновидные представители элиты всерьез озаботились этой задачей. Так появился ряд примечательных книг, среди которых следует выделить «Бусидо. Душа

³⁴ А. Долин. Поэзия и поэтика *киндайси* // Японская поэзия Серебряного века, 1990.

Японии» (1899) и «Японская нация» (1912) Нитобэ Инадзо, «Идеалы Востока» (1903) и «Пробуждение Японии» (1904) Окакура Какудзо. Написанные по-английски, они изначально были адресованы иностранному читателю и ориентированы на понятный ему круг идей и представлений, затушевывая или сглаживая то, что могло показаться «отсталым» или «непросвещенным». Так, христианин Нитобэ стремился показать духовную близость этики *бусидо* и учения Христа, не акцентируя внимание на практике ритуального самоубийства *сэппуку* (*харакири*), полностью противоречившего христианскому отношению к этому акту. Значительную роль в формировании нового образа Японии сыграли многочисленные книги Лафкадио Хёрна, прожившего в Японии последние десять лет жизни (1895–1905). Вообще впечатления иностранцев о Стране восходящего солнца последней трети XIX – первой четверти XX вв. были в основном благоприятными, а их произведения («В дальних водах и странах» Вс. Крестовского, «От моря до моря» Р. Киплинга, «Страна хризантем» Б. Келлермана, очерки и стихи К. Бальмонта), благодаря популярности авторов, естественно, улучшали образ Японии и популяризировали ее культуру.

Так что обращаясь к Японии начала XX в., можно согласиться с выводом А. А. Долина: «Из сплава старого и нового, традиций и заимствований в жарких спорах рождалась культура обновленной Японии. Эпоха плодотворного культурного синтеза, продлившаяся с конца XIX в. почти до начала Второй мировой войны, во всех отношениях заслуживает сравнения с российским ренессансом Серебряного века»³⁵.

³⁵ Долин А. А. Серебряный век японской культуры и поэтическое возрождение, с. 5.

ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКАЯ СИСТЕМА И «ДЕМОКРАТИЯ ТАЙСЁ» (1919–1931)

Япония на Парижской мирной конференции. — Участие в «союзной» интервенции на Дальнем Востоке. — Вашингтонская конференция и ее итоги. — «Демократия Тайсё» и партийные кабинеты. — «Дипломатия Сидэхара» и «дипломатия Танака». — Радикализация политики и идеологии. — Золотой век «пролетарской культуры». — Япония в годы Великой депрессии.

Япония на Парижской мирной конференции

На Парижской мирной конференции (18 января — 28 июня 1919), завершившей Первую мировую войну и определившую основы послевоенного миропорядка, Япония была формально признана одной из «великих держав» и вошла в Совет пяти вместе с США, Великобританией, Францией и Италией. Однако от решения многих важных вопросов ее отстранили: она не попала в Совет четырех, поскольку во главе делегации был не действующий, как это предполагалось регламентом, а бывший глава правительства Сайондзи (премьер-министр Хара и министр иностранных дел Утида Косай, недавно вступившие в должность, не рискнули надолго оставить страну). Текущей работой руководили бывший министр иностранных дел Макино Нобуаки и посол в Великобритании Тинда Сутэму. Главные решения на конференции принимал Совет трех в составе президента США В. Вильсона, премьер-министра Великобритании Д. Ллойд-Джорджа и премьер-министра Франции Ж. Клемансо, которым помогали немногочисленные приближенные советники вроде Э. М. Хауза при Вильсоне и А. Тардье при Клемансо.

Перед Японией стояли две конкретные задачи: закрепить свои права на Шаньдунский полуостров, отвоєванный у Германии в 1914 г., и добиться включения положения о «равенстве рас» в Устав Лиги Наций, которую предполагалось создать в результате конференции.

Япония соглашалась вернуть Китаю суверенитет над Шаньдунским полуостровом при условии сохранения за ней всех германских экономических привилегий и настаивала на заявлении Германии, что она передает их Японии, а не Китаю. Это, несомненно, было вызвано соображениями престижа. В Шаньдунском вопросе главными оппонентами Японии были Китай, вопреки японско-китайским соглашениям 1915 и 1918 гг. считавший, что бывшие германские владения на его территории могут принадлежать только ему, и США, поддерживавшие китайские требования. Япония угрожала отказом от подписания мирного договора и от участия в Лиге Наций, если не получит требуемые права в Шаньдуне, Китай — если Германия не откажется от своих прав в его пользу. Как заметил историк К. Тамура, «так называемый Шаньдунский вопрос технически был проблемой отношений Японии и Китая, но на практике стал проблемой отношений между Японией и Соединенными Штатами»¹. Несмотря на усилия мощного китайского лобби, Вильсон принял сторону японцев, чтобы не сорвать заключение мирного договора и Устава Лиги, хотя сам явно предпочитал иное решение. «Очевидно, Вильсон... чувствовал, что, оказывая сопротивление японцам, Китаю не поможешь, а только провалишь Лигу. Он все еще боролся за ясную договоренность о том, что японцы не используют экономические концессии для фактического контроля над Шаньдуном, но в конце концов он уступил их требованиям о передаче Японии германских договорных прав»².

Передача Германией Японии всех своих прав, собственности и привилегий в Шаньдуне, включая железные дороги и подводные кабели, была решена Советом трех 30 апреля и закреплена статьями 156–158 Версальского договора. При этом японская делегация заявила: «Политика Японии заключается в возвращении Шаньдунского полуострова под полный суверенитет Китая с сохранением за собою только экономических привилегий, ранее предоставленных Германии, и права организовать на обычных условиях селтлмент в Циндао»³. Китай покинул конференцию и не подписал договор, поэтому к вопросу пришлось вернуться два

¹ Tamura Kosaku. Genesis of the Pacific War. Tokyo, 1944, p. 128.

² Архив полковника Хакуза. Т. IV. М., 1944, с. 354.

³ Там же.

половиной года спустя на Вашингтонской конференции. Кроме того, по решению Верховного Совета Антанты от 7 мая Япония получила в управление по мандату Лиги Наций бывшие владения Германии в Тихом океане к северу от экватора.

Принцип равенства рас в те годы отнюдь не был общепризнанным. Прогив него единодушно выступили делегации Британской империи, включая доминионы и Индию, а также США; чтобы избежать неизбежный конфликт, британская делегация не возражала против решения Шаньдунского вопроса в пользу Японии. Члены этих стран (особенно активен был премьер Австралии Роберт Мензиес) видели в предложении Токио прежде всего попытку устранить существующие ограничения на иммиграцию японцев. Действительно, оно не было проявлением альтруизма, но преследовало иные глобальные цели, нежели разрешение иммиграционного вопроса. Япония хотела сделать свое вхождение в «клуб великих держав», объединенных не только цивилизационной и культурной, но и расовой общностью, окончательным и бесспорным, чтобы никто более не смел поминать про «желтую опасность» и тем более про «макаку». Иными словами, она хотела признания равенства японцев с англичанами, но не китайцев с японцами, поэтому китайская делегация, послушная протектировавшим ей американцам, предложение не поддержала – в отличие от Франции и Италии. Предложение получило большинство голосов, но при имевшемся принципе единогласного принятия решений было отклонено.

Реакцию Великобритании, все еще связанной с Японией союзным договором, и ее доминионов нетрудно было предугадать, но позиция «апостола справедливости» Вильсона показала истинную цену его моралистских проповедей и вызвала лично против него кампанию нападок в японской прессе. В марте 1925 г. Г. В. Чичерин многозначительно напомнил: «Япония чувствует себя под угрозой... Теперь, когда с усилением удельного веса доминионов вражда белого человека к цветным расам играет в политике многих государств все большую роль... для Японии имеет существенное значение обеспечение тыла... Чем больше Япония чувствует враждебное отношение английских доминионов и Америки, тем больше Япония должна искать для себя опору в азиатских международных отношениях и тем большую роль для будущей политики Японии должно сыграть сближение ее с нашим союзом»⁴. Диктуя в марте-апреле 1946 г. свою версию событий и предчувствии возможного вызова на Токийский процесс в ка-

⁴ Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, т. 1, 368–369.

честве свидетеля, если не подсудимого), император Сёва заявил: «Если вы спросите про причины (Второй мировой. — В.М.) войны, то они лежат в содержании мирного договора, подписанного после Первой мировой войны. Положение о равенстве рас, предложенное Японией, не было принято державами. Дискриминация белых и желтых продолжала существовать. И еще отказ в иммиграции в Калифорнию. Этого было достаточно, чтобы прогневать японский народ»⁵.

Япония вошла в Лигу Наций и получила место постоянного члена ее Совета, как бы представляя там «небелые» страны: кроме нее, на конференции присутствовали Китай, Сиам (Таиланд), Геджас (Саудовская Аравия) и Либерия. Первым представителем Японии в Лиге стал выдающийся администратор, ученый и публицист Нитобэ, занимавший этот пост до 1927 г.

Парижская мирная конференция стала хорошей школой для японской дипломатии. В состав ее делегации входили будущие министры иностранных дел Арита Хати́ро, Сигэмицу Мамору и Мацуока Ёсукэ и будущий премьер-министр принц Коноэ Фумимаро. Ход событий для ведущих японских газет и журналов освещали видные журналисты и аналитики, включая известных впоследствии политиков Нагаи Рютаро и Накано Сэйго.

Участие в «союзной» интервенции на Дальнем Востоке

С первых дней Февральской революции японское посольство в Петрограде внимательно следило за происходящим. Положение в России весной-летом 1917 г. тревожило Японию меньше, чем другие страны Антанты. В Токио беспокоились о стабильности Дальнего Востока и о поставках вооружений, приносивших большие доходы. Отстранение Романовых от власти подрывало авторитет института монархии, но могло служить и подтверждением присущего японской государственной идеологии тезиса об особом характере власти Тэнно, принципиально отличающейся от иностранных монархий. Осенью ситуация радикально изменилась. Советская Россия объявила о выходе из войны и начале мирных переговоров. Официально признавать новую власть державы Антанты отказались, уверенные в ее недолговечности. Однако возникла угроза того, что в руки Центральных держав, еще далеких

⁵ Сёва тэнно-но докүхаку хатидзикан (Восьмичасовой монолог императора Сёва) // Бунгэй сюндзю. 1990, № 12.

и поражения, попадут находящиеся в России склады оружия и боеприпасов. Так появилась идея вооруженной интервенции, которую особенно активно выдвигали лидеры Франции премьер Клемансо и маршалы Фош и Жоффр при поддержке консервативных британских политиков Бальфура, Милнера, Керзона и Черчилля.

Из «союзных» армий японская была наименее задействована в войне. По прямой просьбе из Токио британский министр иностранных дел Бальфур предложил поручить ей оккупацию Транссибирской железной дороги по «мандату» держав Антанты, что вызвало тревогу в США. «Вильсон боялся, очевидно, одного – как бы японские войска, раз они уже попали в Сибирь, не остались там; он опасался, что трудно будет убедить их уйти оттуда. Их военные руководители, вероятно, не придавали бы интервенции большого значения, если бы они не рассчитывали, что ее результатом будет их контроль над Восточной Сибирью»⁶. В отличие от европейской части России, на Дальнем Востоке реальной угрозы захвата оружия и военных материалов противником не существовало, а транспортировка их в Германию по расстроеным до предела железнодорожным дорогам потребовала бы многих недель, если не месяцев. Японцев волновало другое – чтобы «бесхозное» оружие не попало в маньчжурскому диктатору Чжан Цзолиню или к корейским повстанцам, активизировавшимся в приграничных областях.

Против интервенции выступили бывший посол в Петрограде Уиндз, *эңиро* Сайондзи, лидер Сэйюкай Хара, бывшие министры иностранных дел Като, Макино и Исии. Они пытались подтолкнуть себе Комитет по изучению внешней политики во главе с премьером Тэраути, созданный летом 1917 г. для достижения консенсуса при выработке политического курса. Макино и Хара, не считавшие Россию перспективным партнером и тем более союзником, предлагали ограничиться мерами по защите жизни, прав и собственности японских граждан на ее территории, а затем эвакуировать их, закрыть и максимально укрепить границы, предоставив русским «вариться в собственном соку». Этих противников интервенции (социалисты протестовали против нее по иным причинам) объединяла атлантистская ориентация, в то время как среди сторонников вмешательства доминировали приверженцы евразийской ориентации, известные русофильскими настроениями, во главе с министром иностранных дел Мотоно, бывшим послом в России.

Во-первых, евразийцы стремились сохранить в России режим, с которым сумели успешно наладить сотрудничество. Во-вторых,

⁶ Архив полковника Хауза. Т. III. М., 1939, с. 291.

политическая нестабильность и изменение государственного строя мешали экономической деятельности японцев на Дальнем Востоке, поэтому интервенцию поддержали промышленные, торговые и финансовые круги, стремившиеся не только воспользоваться случаем для улучшения своего положения, но сохранить имеющееся. В-третьих, коммунистическая агитация, направленная на освобождение других народов, в том числе китайцев и корейцев, от «гнета эксплуататоров и колонизаторов», представляла опасность для колониальной политики. Наконец, левые силы России, включая часть большевиков во главе с Л. Д. Троцким, рассматривали США как «демократическую» страну и потенциального союзника в противостоянии «японскому империализму». Все эти соображения влияли и на военных, стремившихся если не прямо взять под контроль Дальний Восток и Северный Сахалин, то обеспечить там безусловное преобладание японских интересов.

12 января 1918 г. крейсер «Ивами» без предупреждения вошел в порт Владивосток. Японский консул мотивировал это необходимостью защиты своих соотечественников и заявил, что его страна не намерена вмешиваться в решение вопроса о политическом устройстве России. Аналогичные действия предприняли и другие «союзники». 26 марта Мотоно заявил в парламенте: «Правительство Японии никогда ни советовало, ни предлагало какой-либо стране осуществить военную акцию в Сибири. Однако оно с глубокой тревогой следит за нынешним положением в Сибири, особенно за угрозой продвижения германского влияния на восток. Правительство Японии не получало от союзников никакого *коллективного* предложения по этому вопросу. Если же союзные правительства в будущем обратятся к Японии с подобным предложением, оно будет подвергнуто самому тщательному рассмотрению... Если ситуация в Сибири станет угрожать безопасности Империи или ее жизненным интересам, правительство полно решимости принять надлежащие решительные меры для самообороны. Но даже если наша страна силой обстоятельств будет вынуждена направить войска в Сибирь, у правительства нет ни малейшего намерения рассматривать Россию как врага»⁷. Заявление было ответом на критику со стороны как активных сторонников, так и противников интервенции.

Лично Мотоно поддерживал идею посылки войск в Россию даже без согласия других «союзников», но с ним мало кто соглашался. Премьер Тэраути и министр внутренних дел Гото были против интервенции без согласования с Вашингтоном, боясь, что

⁷ Цит. по: К. К. Kawakami. Japan and World Peace. New York, 1919, p. 72–73.

односторонняя акция втянет Японию в длительную дорогостоящую войну, которая к тому же подорвет ее международный престиж. Даже считавшийся лидером милитаристов Ямагата предупреждал кабинет от непродуманных действий. Он понимал, что «союзники» хотят использовать японцев как ударную силу, одновременно ограничив масштабы их возможной экспансии.

1 апреля 1918 г. во Владивостоке были убиты два японца. Возможно, это было провокацией, возможно нет, но утром следующего дня в городе был высажен десант. Япония поддержала действия атаманов Г. М. Семенова в Забайкалье и И. П. Калмыкова в Приморье, 2 августа — антибольшевистское выступление чехословацкого корпуса во Владивостоке, одновременно оккупировав Николаевск-на-Амуре, а также созданное в полосе отчуждения КВЖД «правительство» ее управляющего Д. Л. Хорвата. Как и другие державы Антанты, она признала Верховным правителем Сибири адмирала А.В. Колчака, которого в Токио представлял В. П. Крупенский, посол царского, а затем Временного правительства. В соответствии с военными соглашениями с Китаем о борьбе с «общим врагом» японские войска фактически оккупировали КВЖД. По первоначальному соглашению силы каждой из стран — участниц интервенции не должны были превышать 7–10 тыс. человек. Однако к концу 1918 г. японцы имели на Дальнем Востоке и в Сибири свыше 70 тыс. человек, к концу 1921 г. — 150 тыс. Командовавший ими генерал Отани официально возглавил все экспедиционные войска Антанты.

Поражения «белых» армий в Европейской России к концу 1919 г. вынудили «союзников» пойти на сворачивание интервенции и помощи антибольшевистским силам. 16 декабря 1919 г. англичане, французы и американцы решили отозвать войска с Дальнего Востока и из Сибири, что и было сделано в начале 1920 г. Чинившись их поддержки, силы Колчака были разгромлены, а сам адмирал выдан большевикам и казнен. Однако крахом одного режима и занятием Владивостока и Хабаровска война не окончилась. Японцы начали частичную эвакуацию войск, по-прежнему уходить не собирались, так как развернули на местах активную экономическую деятельность.

Созданные при МИД Комиссия по экономической помощи Сибири и Бюро контроля за сибирскими займами должны были координировать действия властей и частных компаний, начавших добывать драгоценные металлы и другие полезные ископаемые, нефть, лес. Истекавшая в 1919 г. рыболовная конвенция была в том же уста продлена правительством Колчака на неопределенный срок, вплоть до пересмотра. Несмотря на общую нестабильность

и неясность перспектив, на «десоветизированных» территориях начали работать японские банки. В руках японцев оказались практически все рыболовные промыслы Дальнего Востока. Особое внимание уделялось железным дорогам, которые за время революции пришли в упадок. 9 января 1919 г. в Токио было подписано японо-американское соглашение о межсоюзническом контроле над Транссибом и КВЖД. На места выехали 160 американских и 130 японских инженеров. Затем японцы разработали программу строительства 12 линий стратегических железных дорог в Приморье и Приамурье, которые предполагалось соединить с магистралями в Маньчжурии, Корее и на Сахалине — путем строительства тоннеля под Татарским проливом. Партизаны всеми силами препятствовали этой деятельности, нанося дорогам большой материальный урон. Поэтому утверждения, что «хищническая эксплуатация железных дорог интервентами привела к их полному развалу»⁸, далеко не соответствуют действительности.

Экономической экспансии было необходимо политическое прикрытие. Поначалу его осуществляло правительство Колчака, хотя сам адмирал относился к японцам осторожно и даже подозрительно. Затем в Токио сделали ставку на Семенова как возможного главу «буферного государства» в Приморье и Восточной Сибири, но он пользовался очень дурной репутацией. Кабинет Хара (сентябрь 1918 — ноябрь 1921) стал осознавать, что интервенция не оправдала возлагавшихся надежд, а расходы на нее, достигнув 600 млн. иен, привели к большому росту национального долга, особенно на фоне начавшегося в марте 1920 г. экономического кризиса. Поставить под контроль Приморье, Забайкалье и Северную Маньчжурию не удалось; приобретения ограничивались Северным Сахалином, и то временно. При этом международное положение Японии и ее отношения с великими державами тоже менялись к худшему.

Важным фактором стала затяжная и кровопролитная партизанская «война без правил», к которой японская армия, тренированная для наступательных действий в полевых условиях, оказалась неготовой. Неготовой она была и к суровым климатическим условиям Восточной Сибири и Приамурья. Поэтому в Токио стали задумываться о компромиссе с «красными», которые, в свою очередь, тоже не возражали против примирения с Японией. Совнарком нотой от 24 февраля 1920 г. соглашался признать ее «особые экономические и торговые интересы на Дальнем Востоке» на условиях эвакуации войск⁹. Но контролировать положение на

⁸ СССР и Япония. М., 1987, с. 21.

⁹ Документы внешней политики СССР (далее: ДВП). Т. II. М., 1958, с. 389.

...инской окраине» Москва не могла, примером чего стал «Николаевский инцидент» — массовое убийство японцев, в том числе мирных жителей во главе с консулом, отрядом «командующего Николаевским фронтом» Я. Тряпицына в Николаевске-на-Амуре в ночь с 11 на 12 марта 1920 г.¹⁰ «Инцидент» временно уничтожил все перспективы нормализации отношений. В начале апреля японские экспедиционные силы взяли под контроль Владивосток и Хабаровск, а в мае оккупировали Северный Сахалин «до организации законного правительства и благоприятного разрешения вопроса о компенсации за «Николаевский инцидент»¹¹.

Диалог между Токио и Москвой был неизбежен, но необходимые условия никак не складывались. Так возникла идея «буферного государства» на восточных окраинах бывшей Российской империи. Японцы понимали, что удержать силой российскую территорию не удастся, но можно контролировать ее с помощью зависимой местной власти, пользующейся минимальной поддержкой населения. С «белыми» режимами ничего не вышло, поэтому нужен был другой вариант. Большевики, стремившиеся избежать войны с Японией, хотели создать «настоящий буфер, который будет открывать японскому империализму доступ в глубину Сибири»¹².

Буферное государство было решено создать в форме Дальневосточной республики, находящейся под руководством большевиков, но буржуазно-демократической по форме, что облегчало ей выход на международную арену. Дальневосточная республика должна была предотвратить войну с Японией и подготовить воссоединение Дальнего Востока с Советской Россией... Временные правительства отдельных областей и городов превращались в органы местного самоуправления. 14 мая (1920 г. — В.М.) правительство РСФСР признало Дальневосточную республику (провозглашена 6 апреля 1920 г. — В.М.)... Одновременно ДВР обратилась к Японии с предложением установить дружественные отношения»¹³.

В апреле 1920 г. Народно-революционная армия ДВР осадила Чигу, занятую Семеновым, и потребовала от находившихся там японских войск прекращения помощи «белым». 13 мая правительство Японии в принципе согласилось иметь дело с новым государством и 1 июля объявило о готовящейся эвакуации из Маньчжурии, отказав Семенову в помощи. 17 июля состоялся обмен нотами между японским командованием и правительством

¹⁰ В начале июля 1920 г. Тряпицын был казнен одним из местных «военно-революционных трибуналов».

¹¹ Цит. по: СССР и Япония, с. 25.

¹² ДВП. Т. II, с. 695.

¹³ СССР и Япония, с. 27–28.

ДВР, которое обязалось не вводить коммунистического строя и не допускать пребывания на своей территории Красной Армии. 25 июля японские войска начали уходить из Забайкалья, завершив эвакуацию к концу октября. Чита стала столицей ДВР, которая 29 октября объявила об объединении в ее составе всех областей Дальнего Востока. 15 декабря республика заключила договор с Советской Россией, передав ей Камчатку.

26 мая 1921 г. во Владивостоке при поддержке японцев произошел антибольшевистский переворот, в результате которого к власти пришло Приамурское временное правительство братьев Н. Д. и С. Д. Меркуловых. Однако кампания японских и «белых» войск против ДВР в июне-июле 1921 г. окончилась неудачей. 26 сентября в Дайрене начались переговоры между штабом японских экспедиционных войск и читинским правительством, действия которого контролировал эмиссар Москвы Ю. Ю. Мархлевский, официально назначенный Политбюро «представителем для переговоров с Японией». 22 декабря «белые» заняли Хабаровск, но уже 14 февраля 1922 г. были выбиты оттуда войсками ДВР.

Японцы предложили заключить двусторонний договор на следующих условиях: нейтралитет ДВР в случае войны «между Японией и третьей державой», т.е. РСФСР; демилитаризация Владивостока; «открытые двери» для своих товаров и капитала; закрепление рыболовных и прочих прав, полученных от разных «правительств»; получение в аренду Северного Сахалина. Чита настаивала на скорейшей и полной эвакуации войск как главном условии диалога. Переговоры продолжались до 16 апреля 1922 г., не дав конкретных результатов.

Время работало на «красных». 24 июня кабинет адмирала Като Томосабуро (июнь 1922 – сентябрь 1923) решил эвакуировать войска из Приморья до 1 ноября того же года. 30 июня читинский МИД предложил начать переговоры между РСФСР, ДВР и Японией. 6 августа, после отставки правительства Меркуловых, Приамурский земский собор во Владивостоке избрал верховным правителем Приамурского государственного объединения генерала М. К. Дитерихса. 4 сентября в Чаньчуне открылись трехсторонние переговоры, на которых японцам противостояла объединенная делегация РСФСР и ДВР во главе с А. А. Иоффе. Японскую делегацию возглавил начальник Европейско-американского бюро МИД Мацудайра Цунэо, добивавшийся принятия проекта договора с ДВР, из-за которого зашла в тупик Дайренская конференция, и не соглашавшийся ни на какие уступки. 25 сентября Чанчунская конференция закончилась так же безрезультатно.

Гражданская война на Дальнем Востоке близилась к концу. 9 октября армия ДВР подошла к Владивостоку и, во избежание инцидентов, предложила японцам эвакуироваться. 25 октября японские войска покинули территорию России, кроме Северного Сахалина. В тот же день Владивосток был занят «красными». 11 ноября на всем Дальнем Востоке была объявлена советская власть; 19 ноября ДВР официально вошла в состав РСФСР.

Вашингтонская конференция и ее итоги

11 августа 1921 г. президент США У. Гардинг, по предварительной просьбе британского министра иностранных дел Керзона, обратился к правительствам Англии, Франции, Италии и Японии с предложением созвать международную конференцию по вопросу ограничения морских вооружений и для обсуждения положения в Тихом океане и Дальнем Востоке. 4 октября он также пригласил Китай, Голландию, Бельгию и Португалию принять участие в конференции, поскольку три последних страны имели колонии или экономические интересы в регионе. Японское правительство, прежде чем принять приглашение, поинтересовалось конкретной датой, дабы не оказаться в ловушке. Это вызвало небольшую дипломатическую сенсацию, поскольку остальные страны приняли приглашение без оговорок. После отказа США предоставить необходимую информацию Токио тоже последовал примеру других. Вопреки идеалистическим официальным заявлениям, сразу было ясно, что это попытка Вашингтона и «Лондона плюс англояпонцы» любой ценой ограничить японскую экспансию.

Конференция открылась 12 ноября 1921 г. Незадолго до ее начала, 4 ноября, был убит премьер-министр Хара; формирование нового правительства было поручено министру финансов его кабинета Такахаси Корэкиё (ноябрь 1921 – июнь 1922). Формальным главой японской делегации в Вашингтоне был председатель пэров князь Токугава Иэсато; фактически ее работу возглавляли морской министр адмирал Като (будущий премьер-министр), посол в США Сидэхара Кидзюро (будущий министр иностранных дел и премьер-министр) и вице-министр иностранных дел Ханихара Масанао. В качестве секретарей в ее штат вошли известные впоследствии дипломаты Сиратори Тосио и Сайто Хироси.

Главным вопросом было ограничение военных флотов стран-участниц, принятое в соотношении 5:5:3:1,75:1,75 для США, Англии, Японии, Франции и Италии и закреплённое договором

от 6 февраля 1922 г. Цифры вызвали много дебатов и на самой конференции, и после нее. Японским националистам договор показался несправедливым — почему у нас меньше, чем у других?! — но на деле он ставил Японию в равное, если не преимущественное, положение. Сфера действий ее флота ограничивалась одним океаном, а не двумя или тремя (у Великобритании еще и Индийским), а имевшийся тоннаж позволял увеличить силы, не выходя за установленные договором лимиты (тоннаж линейных кораблей был ограничен 35 тыс. тонн, авианосцев 27 тыс. тонн). В результате договора ВМС Японии включали 2 сверхдредноута (США — 3, Англия — 0), 4 линейных крейсера (США — 0, Англия — 4), 4 линейных корабля (дредноута) (США — 15, Англия — 18). В 1921–1926 гг. японский флот пополнили 11 крейсеров, 29 эсминцев и 28 подводных лодок, большинство которых было заложено еще до конференции.

Договор также предусматривал, что США не будут укреплять Филиппины, Гуам и Алеутские острова; Англия — Гонконг и острова к востоку от 110 градуса восточной долготы; Япония — острова Формоза (Тайвань), Пескадорские (Пэнхуледао), Курильские, Рюкю, Бонин (Огасавара) и Амами-Осима. Отдельное соглашение между Японией и США было подписано в отношении стратегически важного острова Яп в Тихом океане, которым Япония управляла по мандату Лиги Наций. Через него проходил кабель из Гуама в Шанхай и на Целебес (Сулавеси), поэтому соглашение специально ограждало права американских граждан на острове.

13 декабря 1921 г. США, Англия, Франция и Япония подписали договор о своих островных владениях на Тихом океане. Державы обязались уважать права и владения друг друга, решать все вопросы на специальной конференции и консультироваться в случае наступательных действий любой другой державы в регионе. Договор формально отменил англо-японское союзное соглашение 1911 г., срок действия которого истекал 13 июля 1921 г., и положил конец союзу Лондона и Токио. Это было сделано под давлением США, опасавшихся усиления Японии. Окончательно решение о прекращении союза было принято на Британской имперской конференции в конце июня. «По крайней мере, вы устроили нашему альянсу пышные похороны», — язвительно говорили японские дипломаты британским коллегам, а один японский адмирал выразительно оценил новое соглашение как «воду вместо виски».

Договор девяти держав о Китае, подписанный 6 февраля 1922 г., закрепил суверенитет, независимость, территориальную и административную неприкосновенность Китая и действие в нем принципов «открытых дверей» и «равных возможностей».

требования пекинского правительства об отмене экстерриториальности иностранцев и о тарифной автономии не были удовлетворены. Для Японии договор обернулся поражением, лишив ее тех прав, которые она получила в Париже и подтверждения которых добивалась в Вашингтоне, т.к. Китай не подписал Версальский договор. Здесь в полной мере сработало прокитайски и антияпонски настроенное общественное мнение атлантистских стран. «Китайские делегаты преуспели в распространении яркого образа совершенно нереальной Китайской республики, которая шаг за шагом идет к конституционному правлению благодаря либеральным идеям и демократическим институтам. Во имя демократии они взывали к симпатиям западного мира, прося его моральной и материальной поддержки для впечатляющей программы реформ, существовавших только в их воображении»¹⁴. Подтвержденные фактами ссылки японских представителей на то, что в Китае отсутствует центральная власть, а в некоторых его частях нет вообще никакой власти, во внимание не принимались. Договор фактически свел на нет значение соглашения Лансинг-Иши 1917 г., которое было формально аннулировано 14 апреля 1923 г. обменом нот между госсекретарем Юзом и послом в США Мидохару. В том же году национальное собрание Китая аннулировало японо-китайские договоры 1915 г.

Видный политолог М. Рояма позже писал: «Вашингтонская конференция была полным триумфом американской дипломатии над японской. Опираясь на тщательно подготовленные документы, американские делегаты разбирали проблемы Дальнего Востока в целом и практически по каждому пункту, вызывавшему разногласия, одерживали верх над японской делегацией... Барон Мидохара... не обладавший специальными знаниями о Китае, в одиночку вел битву в защиту «специальных интересов» Японии в Китае против расплывчатых принципов «открытых дверей» и «равных возможностей». Практически не имея под рукой заранее подготовленных данных, делегация не могла оправдать японское проникновение на Азиатский материк или хотя бы заставить американцев более мягко отнестись к позиции Японии на Дальнем Востоке»¹⁵.

К. Хаусхофер считал, что Вашингтонская конференция была для Японии тем же, чем Версальская для Германии. Полностью справиться с этим трудно, но оформившийся на них мировой порядок — «версальско-вашингтонская система» — действитель-

¹⁴ J.O.P. Bland. China: The Pity of It. London, 1932, p. 20–21.

¹⁵ Masamichi Royama. The History of the Japanese Foreign Policy, 1914–1939. Tokyo, 1941, p. 33–34.

но создавал предпосылки нового глобального конфликта уже на двух океанах. Военный аналитик Г. Байуотер в первой половине 1920-х гг. пришел к выводу о неизбежности американо-японской войны на Тихом океане, попытавшись описать ее ход в ряде книг. Среди их читателей были будущий президент США Ф. Рузвельт и будущий командующий японским Объединенным флотом Ямамото Исороку.

«Демократия Тайсё» и партийные кабинеты

В политической истории Японии двадцатые годы, точнее период 1918–1932 гг., от кабинета Хара до кабинета Инукаи, принято называть «демократией Тайсё» (*Тайсё дэмокураси*), хотя официально эпоха Тайсё закончилась 25 декабря 1926 г. со смертью давно и тяжело болевшего императора и с вступлением на трон его двадцатипятилетнего сына, уже пять лет исполнявшего обязанности регента. Термин этот связывают прежде всего с системой партийных кабинетов, которая начала складываться в эти годы, а также с распространением идей демократии, интернационализма, индивидуализма и социализма, которые считались органически несвойственными японской цивилизации.

Первым партийным кабинетом в полном смысле этого слова принято считать правительство, сформированное осенью 1918 г. Хара, лидером партии парламентского большинства Сэйюкай, хотя в его состав входили также представители бюрократии и деловых кругов. Выбор Хара в качестве премьера не был автоматическим: его кандидатуру официально предложили императору *гэнро*, но их участие в формировании кабинета было незначительным. Вопреки расхожему мнению, Ямагата не был против назначения Хара премьером и содействовал сотрудничеству армии с правительством, а премьер, в свою очередь, постоянно консультировался с *гэнро* и оказывал им знаки внимания, в отличие, например, от Окума. Не все кабинеты рассматриваемого периода формировались лидерами парламентского большинства, но такая практика все более входила в правило и прервалась только после военного мятежа 15 мая 1932 г. и убийства премьера Инукаи Цуёси, когда правящая элита пришла к выводу о необходимости создания надпартийного «правительства национального единства».

Большинство постов в кабинете Хара заняли его товарищи по партии. Среди непартийных назначений следует упомянуть: министра иностранных дел Утида, занимавшего этот пост во втором кабинете Сайондзи; морского министра адмирала Като, входив-

ного в состав правительств Окума и Тэраути; военного министра генерала Танака, приближенного маршала Ямагата, который продолжал влиять на японскую политику до самой своей смерти 1 марта 1922 г. Като и Танака в скором времени сами стали пре-
ьерами. Опорой Хара были министр внутренних дел Токонами Такедзиро в бюрократических кругах и министр финансов Така-
си в деловых. Почти все они вошли в состав следующего кабинета, который после убийства Хара в ноябре 1921 г. сформировал Такахаши. Исключением был Танака, оставивший свой пост еще в июне 1921 г. из-за недовольства общественности участием Япо-
нии в интервенции на Дальнем Востоке, а также из-за разоблаче-
ний злоупотреблений в армии.

В правительстве Хара и ближайшем окружении его главы до-
минировали люди, связанные с деловыми и политическими, а не
придворными или бюрократическими кругами, с нижней пала-
той, а не палатой пэров. Хара был первым нетитулованным пре-
мьером Японии и гордился прозвищем «великого гражданина»,
позиционируя себя в качестве либерала и народного избранника.
Однако, по своему социальному происхождению он стоял выше
своих предшественников на этом посту, кроме киотосского
аристократа Сайондзи, сознательно отказываясь от предлага-
вшихся титулов для создания необходимого имиджа.

Кабинету Хара предстояло решить ряд непростых внешнепо-
литических и внутривнутриполитических проблем: определиться с про-
должением интервенции на Дальнем Востоке России; закрепить
полученное в результате Первой мировой войны и преодолеть вы-
ступавшее в ее ходе экономическое и техническое отставание; ней-
трализовать последствия «рисовых бунтов» и вспышки арендных
конфликтов; контролировать растущее оппозиционное, в том числе
рабочее и профсоюзное, движение. Выступая вскоре после вступ-
ления в должность перед членами Токийской торгово-промышлен-
ной палаты, Хара назвал четыре главных направления своей внут-
ренней политики: улучшение системы образования; укрепление
национальной обороны; регулирование транспорта и связи; поощ-
рение промышленности путем естественного регулирования цен.
Вместе ослабили контроль за печатными изданиями и легальными
формами политической деятельности, что способствовало ее акти-
визации, стали придерживаться более мягкого курса при решении
трудовых конфликтов, разрабатывали проекты распространения
владычества метрополии на колонии, что не мешало прави-
тельству жестоко подавить мартовское восстание 1919 г. в Корее.
Ветом 1919 г. по инициативе правительства было создано Обще-
ство гармонизации труда и капитала во главе с председателем па-

латы пэров Токугава и председателем Тайного совета Киёура. Оно должно было стать главным арбитром между рабочими и капиталистами, хотя представлены в нем были только вторые. Несмотря на бурную деятельность по политическому просвещению масс и попытки разработать комплекс социальных реформ, деятельность общества не дала практически никаких результатов.

В деле научно-технического прогресса большую роль сыграл Высший национальный исследовательский совет, созданный в 1920 г. для координации развития технических и естественных знаний (отделы астрономии, математики, геофизики, геологии и географии, химии, физики, техники, биологии и сельского хозяйства). Большое распространение получает «ведомственная» наука при министерствах, а затем и крупных компаниях. Ее направленность по-прежнему остается прикладной: в 1918 г. создан Исследовательский институт по авиации, в 1921 г. Совет по аэронавтике и Институт физической океанографии, в 1923 г. Институт изучения моря, в 1925 г. Центральный институт по исследованию землетрясений (отголосок трагических последствий Великого землетрясения Канто 1923 г.), в 1929 г. издан климатологический атлас Японии.

В 1919 г. правительство снизило имущественный ценз для участия в выборах с 10 до 3 иен годового налога, что увеличило количество избирателей почти вдвое, с 1,5 до 2,8 млн. человек (население Японии составляло 56 млн. человек, но о предоставлении избирательного права женщинам речь не шла в принципе). Требование всеобщего избирательного права для мужчин становится главным политическим лозунгом оппозиции во главе с партиями Кэнсэйкай (Като) и Кокуминто (Инукай), которые опирались в том числе на поддержку интеллигенции, мелкой городской буржуазии и крестьянства. Однако Сэйюкай – наиболее консервативная из парламентских партий, несмотря на весь «либерализм» Хара – посчитала нужным ограничиться этой реформой и в начале 1920 г. распустила парламент, сорвав рассмотрение законопроектов оппозиции. Выборы принесли Сэйюкай убедительную победу, и вопрос о всеобщем избирательном праве в новом парламенте не поднимался.

Кабинет Такахаси практически не отличался по составу от кабинета Хара и придерживался того же курса, но его главе, несмотря на репутацию «финансового гения», не хватало аппаратного влияния и политической харизмы предшественника. Консервативные министры во главе с Токонами считали премьера не способным справиться с ростом «опасных мыслей», как стали называть левый радикализм. Провал проекта закона об «опасных

ниях», который показался слишком жестким даже парламенту и большинством сэйюкаевским большинством, привел к отставке Такахаси. Такахаси не держался за пост премьера, предпочитая административную и финансовую деятельность политической.

Рост политического радикализма укрепил в сознании власть имущих мысль о желательности «непартийного» правительства, формирование которого было поручено адмиралу Като. В него вошли преимущественно консервативные бюрократы, типичным представителем которых можно считать министра внутренних дел Мидзуно Рэнтаро. Министр иностранных дел Утида и военный министр генерал Яманаси Хандзо сохранили свои портфели, чтокрепило традицию относительной независимости назначений на эти посты от перемены кабинета. В области внутренней политики правительство Като сосредоточило усилия на борьбе с левым радикализмом в рабочем и профсоюзном движении и приняло жесткие меры против разворачивавшейся коммунистической пропаганды.

Его главной внешнеполитической акцией стал окончательный вывод войск из Приморья, однако японо-советские переговоры 1922-1923 гг. о нормализации отношений успехом не увенчались. Несмотря на сопротивление Мидзуно и Утида, Като разрешил мэру Токио Гото пригласить в Японию для неофициальных переговоров советского полпреда на Дальнем Востоке Иоффе. Единственным конкретным результатом более чем полугодового пребывания Иоффе в Японии стало соглашение, заключенное от имени советского правительства с группой рыбопромышленников, но общественно-политический резонанс переговоров был велик. Деловые круги, понимавшие необходимость торговли и экономического сотрудничества с СССР, стали агитировать за установление дипломатических отношений с ним при условии взаимного невмешательства во внутренние дела друг друга. Гото стал одним из лидеров этого движения.

15 августа 1923 г. Като умер; временно исполняющим обязанности премьера был назначен Утида. 1 сентября Японию постигло страшное стихийное бедствие – Великое землетрясение Канто в районе Токио–Йокогама, унесшее жизни более 150 тыс. человек и причинившее ущерб более чем на 5 млрд. иен, в том числе из-за пожаров, стремительно распространявшихся по городским районам. Власти не смогли сразу справиться с ситуацией. Следствием всеобщей паники стали корейские погромы в Токио (более 4 тыс. убитых) и волна репрессий против левых радикалов, которыми начал свою деятельность второй кабинет Арамото (сентябрь 1923 – январь 1924). Он был таким же «над-

партийным» и бюрократическим, как и предыдущий, и проводил аналогичную политику. Несмотря на давние антирусские настроения премьера, военный министр Танака и министр внутренних дел Гото продолжали неофициальные контакты с советскими представителями в Токио (А. Н. Вознесенский) и Пекине (Л. М. Карахан). Одновременно Гото возглавил комиссию по выработке законопроекта о всеобщем избирательном праве. Однако правительство было вынуждено уйти в отставку после покушения анархиста на кронпринца-регента.

Кабинет Киёура (январь—июнь 1924) тоже был бюрократическим, но его непродолжительное пребывание у власти показало бесперспективность отказа от насущно необходимых реформ и неэффективность силовых методов политической борьбы. Правительство, состоявшее в основном из «бесцветных» консервативных пэров, не пользовалось никакой поддержкой в нижней палате, у политических партий и общественности. 31 января Киёура распустил парламент, но выборы 10 мая принесли убедительную победу противникам правительства, несмотря на использование «административного ресурса», местами переходившее в открытый террор. Кэнсэйкай и Сэйюкай, объединившиеся в оппозиции кабинету, получили внушительное большинство против более консервативной Сэйюхонто, отколовшейся в январе того же года от Сэйюкай. Правительству, популярность которого упала до предела, ничего не осталось, как подать в отставку. Добавим, что за время его пребывания у власти оно потерпело еще и заметное внешнеполитическое поражение. Во время обсуждения американским сенатом в апреле 1924 г. законопроекта о полном запрете японской иммиграции посол Ханихара обратился к госсекретарю Юзу с официальным письмом, в котором указал на возможные «серьезные последствия» подобного акта. Бестактный демарш посла вызвал новую волну антияпонских настроений в США и облегчил прохождение законопроекта огромным большинством, что неизбежно ударило по международному престижу Японии. Ханихара был отозван, но случившееся ясно показало, что японо-американские отношения по-прежнему остаются недружественными.

В июле 1924 г. умер давно отошедший от дел *гэнро* Мацуката. Единственным «государственным старейшиной» остался Сайондзи, сохранивший право рекомендовать императору новых премьер-министров. После отставки Киёура он остановил выбор на лидере Кэнсэйкай Като, которого Окума выдвигал на этот пост еще осенью 1916 г. Некогда известный как англофил и либерал, Като подпортил свою репутацию, будучи главным автором «21

требования». В Китае даже опасались, не предъявит ли он теперь и в Японии требования, но страхи оказались напрасными.

Кабинет Като (июнь 1924 – январь 1926) был не просто партийным, но до своей реформы 1 августа 1925 г. коалиционным, он включал представителей Сэйюкай, в том числе министра торговли и промышленности Такахаси. В составе правительства оказалось рекордное число будущих премьеров: министр иностранных дел Сидэхара (еще один зять главы концерна Мицубиси), министр внутренних дел Вакацуки Рэйдзиро, министр финансов Амагути Осати, министр путей сообщения Инукаи (лидер партии Какусин курабу). К ним можно добавить военного министра генерала Угаки Кацусигэ, единственного члена кабинета Киёура, перешедшего в состав нового правительства: в 1937 г. он получит рескрипт императора с поручением сформировать кабинет, но не сможет сделать это из-за противодействия армии сотрудничать.

Главными внутривластными акциями кабинета Като стало проведение через парламент законов о всеобщем избирательном праве для мужчин (март 1925 г.) и об охране общественной безопасности (апрель 1925 г.). Важнейшей чертой нового избирательного закона стала отмена имущественного ценза, хотя ряд ограничений сохранился: возрастной ценз составлял 25 лет для активного и 30 лет для пассивного; ценз оседлости требовал проживания избирателя в данном округе не менее одного года; за каждого кандидата в казну необходимо было внести залог в 1000 иен (значительная по тем временам сумма). Не получили избирательных прав военнослужащие, чиновники ряда ведомств, студенты и лица, содержащиеся за счет благотворительности. Общее число избирателей увеличилось до 12,5 млн. человек. Закон отражал интересы правящей элиты, не допуская до участия в выборах политически неблагонадежные и социально нестабильные, с ее точки зрения, категории – студентов, кочующих по стране сезонных рабочих, крестьян-отходников, а также препятствовал привлечению армии, полиции и государственных служащих в политическую борьбу, что можно рассматривать как превентивную меру не только против левого, но и против правого радикализма. Осуществление нового закона, встреченного общим одобрением, было отложено до 1928 г. Для подготовки «политически зрелого» населения к первым всеобщим выборам Гото весной 1926 г. начал кампанию за «морализацию политики», призывая соотечественников на борьбу с коррупцией и лоббизмом.

Закон «Об охране общественной безопасности», известный как закон об «опасных мыслях» (более жесткий, чем предшествовавший ему закон «Об охране общественного порядка и спокойствия»),

показал решимость власть имущих противостоять растущему левому радикализму и коммунистической пропаганде. Он предусматривал наказание до 10 лет каторжных работ не только для тех, кто создавал организации или вступал в них «с целью изменить государственный строй или уничтожить систему частной собственности», но и для тех, кто лишь намеревался это сделать, поэтому под его статьи в принципе можно было подвести любое оппозиционное действие (закон официально запрещал «подрывные» собрания, митинги и демонстрации) и даже высказывание. Принятое в мае 1925 г. постановление «О контроле за печатными изданиями» требовало регистрировать имя, фамилию и место жительства автора, издателя и владельца типографии, а также время и место издания и печати, что было направлено против нелегальной литературы. Полицейскому управлению Токио (где, по традиции, печаталось большинство изданий, предназначенных для продажи) давалось право «запрещать печатать те места публикаций, которые нарушают общественное спокойствие и порядок». Направленность и цели этих актов не вызывали сомнений. Тем не менее марксистская и коммунистическая литература продолжала легально издаваться и распространяться в Японии до второй половины 1930-х годов.

Недолговечные и нестабильные кабинеты Ямамото и Киёура не смогли в полном объеме решить проблему восстановления экономики и хозяйства после Великого землетрясения Канто. Эту работу завершило новое правительство, избравшее курс на экономию бюджетных средств и уменьшение численности государственного аппарата. Большой резонанс вызвало сокращение армии на 4 дивизии, предпринятое военным министром Угаки в соответствии с политической модой 1920-х годов на «разоружение». Многие уволенные офицеры испытывали трудности с устройством на работу и пополнили ряды недовольных, обвинявших правительство и министра чуть ли не в государственной измене, хотя высвобожденные таким образом средства остались в военном бюджете и были использованы на модернизацию армии.

Кабинет Като включал председателя Сэйюкай Такахаси, который поддерживал курс премьера и министра иностранных дел Сидэхара на осуществление внешней экспансии исключительно экономическими средствами. Однако большинство руководства Сэйюкай настаивало на проведении «активной» экспансионистской политики, что вынудило Такахаси в апреле 1925 г. уйти с поста председателя партии и из правительства. Новым главой Сэйюкай стал генерал Танака, отказавшийся войти в кабинет Като. Одновременно из правительства вышел Инукаи, а его партия Какусин Курабу влилась в Сэйюкай. Внутри кабинета начались серь-

ные разногласия, достигшие пика летом 1925 г., когда Сэйюкай выступила против законопроекта о реформе налоговой системы, предложенного министром финансов Хамагути. 30 июля Като пошел в отставку, но, имея за собой поддержку *гэнро* Сайондзи и большинство в парламенте, получил указание сформировать новое правительство. Оно отличалось от прежнего только тем, что министерские портфели членов Сэйюкай перешли к членам Кэнсэйкай и кабинет стал однопартийным. Ключевые фигуры остались на своих местах. То же можно сказать и о первом кабинете Вакацуки (январь 1926 – апрель 1927), который стал главой правительства и лидером Кэнсэйкай после смерти Като.

Правительство Вакацуки не проводило сколько-нибудь значительных политических реформ, занимаясь в основном экономическими проблемами, но именно они привели к его падению. Весной 1927 г. в стране начался финансовый кризис в связи с обесценением займов, выпущенных для покрытия убытков от землетрясения 1923 г. Преодоление его последствий потребовало колоссальных капиталовложений, которые «съели» все накопленные военные лет и привели к рекордному пассивному внешне-торговому балансу (который непрерывно оставался таковым с 1919 г.). С этой целью правительство выпустило заем в 1 млрд иен и приняло закон о компенсации убытков по учету векселей, по которым в результате землетрясения стали невозможными. Эти векселя учитывались государственным Банком Японии, получившим от правительства целевую субсидию в 100 млн. иен. Однако завершить учет векселей в намеченные сроки не удалось, и субсидия оказалась недостаточной.

Все это вызвало беспокойство в финансовых кругах, а затем панику среди вкладчиков, которые начали массово забирать деньги из банков. Некоторые банки прекратили работу. Одновременно Банк Японии объявил, что прекращает учитывать векселя обанкротившейся компании Судзуки, переданные ему полуправительственным Тайваньским банком, поскольку они не связаны с последствиями землетрясения. Тогда правительство предложило Банку Японии выпустить заем для покрытия задолженности Тайваньского банка общей суммой в 890 млн. иен, гарантируя покрытие убытков в размере 200 млн. иен за счет казны. Сессия парламента уже закончилась, и кабинет решил прибегнуть к императорскому указу, передав его проект, как предписывала конституция, в Тайный совет. Но консервативный Тайный совет, недоверчивый политикой Вакацуки–Сидэхара не только в финансовой, но и в международной области, отклонил проект, что вызвало отставку правительства.

Кабинет возглавил лидер Сэйюкай Танака (апрель 1927 — июль 1929), с именем которого связывались надежды на проведение «активной» политики. Имевший большой политический опыт, пользовавшийся поддержкой влиятельных государственных деятелей старшего поколения (Гото) и представителей деловых кругов, особенно «новых концернов» (Кухара Фусаносукэ, Накадзима Тикухэй), новый премьер решил наступать сразу по всем направлениям. Министром финансов он пригласил многоопытного Такахаси, пост министра внутренних дел поручил влиятельному бюрократу Судзуки Кисабуро, ставшему одним из лидеров Сэйюкай. Портфель министра иностранных дел Танака оставил за собой на все время пребывания у власти.

Первой задачей правительства стало преодоление финансового кризиса, грозившего парализовать работу не только банковской системы, но и промышленности, которая кредитовалась банками. Сформированный 20 апреля, кабинет уже через два дня ввел трехнедельный мораторий, предусматривавший отсрочку платежей и продление срока векселей. В этот день Банк Японии выплатил в качестве чрезвычайных ссуд 2190 млн. иен, что пришлось покрыть выпуском кредитных билетов на 2318 млн. иен. Иного выхода, кроме усиленной инфляции, не было, но уже 25 апреля все банки страны возобновили работу. Экстренная сессия парламента 3 мая приняла законы о единовременном кредитовании Банка Японии на 500 млн. иен и о помощи Тайваньскому Банку на 200 млн. иен. 10 мая во главе Банка Японии был поставлен видный финансист Иноуэ Дзюнносукэ, пользовавшийся доверием деловых кругов.

Как одно из последствий кризиса, в стране началась рационализация производства, ускорившая процесс концентрации и централизации капитала (в январе 1928 г. был издан закон о принудительном слиянии мелких коммерческих банков), но с неизбежностью приведшая к разорению мелких и средних предпринимателей и росту безработицы. Такого рода «шоковая терапия» с активным использованием государственных средств привела к временному оживлению экономики, но подверглась жесткой критике со стороны оппозиции, требовавшей экономии, прекращения инфляции, повышения курса иены и восстановления золотого стандарта путем снятия запрета на вывоз золота.

Жесткие, хотя и эффективные меры правительства Танака на первых порах делали его популярным. Чтобы ответить на этот вызов, оппозиция провела перегруппировку сил. 1 июня 1927 г. Кэнсэйкай и Сэйюхонто объявили о слиянии и о создании новой партии Минсэйто, председателем которой стал бывший министр финансов (и главный критик экономической политики Танака—

Токонами) Хамагути, а советниками – Вакацуки и лидер Сэйюхонто Токонами. Часть Сэйюхонто еще раньше волилась в Сэйюкай. В результате оппозиция получила в парламенте 226 голосов против 190 голосов в поддержку правительства. 21 января 1928 г. премьер распустил парламент, назначив новые выборы, которые состоялись 20 февраля. Это были первые всеобщие выборы по новому избирательному закону, по которому увеличилось и число мест в парламенте. Сэйюкай получила 219 мандатов, Минсэйто – 217, независимые пролетарские (социал-демократические) партии – 8, в результате чего сложилась фактически патовая ситуация. Правда, в августе 1928 г. позиции правительства усилились за счет консервативной группы Токонами, вышедшей из Минсэйто и поддержавшей «активную» политику кабинета.

С итогами выборов и необходимостью продемонстрировать свою решительность и эффективность была связана новая волна репрессий против левых, начавшаяся в марте 1928 г. арестами полутора тысяч человек и продолжавшаяся до конца года. В результате деятельность коммунистического движения в стране была фактически парализована, хотя как само правительство, так и советская пропаганда несомненно преувеличивали его потенциальные возможности. В июне 1928 г. императорский указ постановил закон об «опасных мыслях», введя в соответствующие статьи смертную казнь вместо десятилетней каторги.

Эти репрессивные меры вкупе с неудачами интервенционистской политики в Китае радикально испортили репутацию Танака и, таким образом, как общественного мнения, так и молодого императора. Снова, открыто выразившего премьеру свое неодобрение. 1 июля 1929 г. Танака подал в отставку и через три месяца умер. По рекомендации *гэнро* Сайондзи формирование правительства было поручено лидеру Минсэйто Хамагути. В период его пребывания у власти Япония вступила в период Великой Депрессии, мирового экономического кризиса 1929–1933 гг.

«Дипломатия Сидэхара» и «дипломатия Танака»

Хаос в Китае угрожал экономическим интересам Японии, защиту которых Вакацуки и Сидэхара считали главной целью своей политики. Выражая интересы «старых концернов», которым китайские рынки и позиция других великих держав интересовали больше, чем китайские территории, они были против

вооруженной интервенции или расширения военного присутствия. В соответствии с общей политической модой 1920-х годов, Сидэхара активно прибегал к либеральной и пацифистской риторике, пропагандируя так называемую «дипломатию иены». Первый период его пребывания во главе МИД (1924–1927) не ознаменовался сколько-нибудь заметными внешнеполитическими акциями, если не считать признания СССР и заключения с ним Конвенции об основных принципах взаимоотношений 20 января 1925 г.

Оппозиционная Сэйюкай и армейские круги выступали за интенсификацию «континентальной политики» одновременно военными и экономическими средствами. Эту идею активно пропагандировал генеральный секретарь Сэйюкай Мори Каку, много лет представлявший в Китае японские концерны, а также имевший большой опыт участия в политических интригах. Именно он стал одним из ближайших помощников генерала Танака, когда тот возглавил не только правительство, но и МИД.

Его внешнюю политику долгое время связывали главным образом с так называемым «меморандумом Танака» (25 июля 1927 г.) о целях и путях дальнейшей экспансии на континенте. Опубликованный сразу же после смерти генерала, он получил всемирную огласку, хотя Япония никогда не признавала его подлинность. К настоящему времени подложность «меморандума» полностью доказана историками, и рассматриваться в качестве исторического источника он не может. Что же касается расхожей ссылки на то, что дальнейший ход событий совпадает с изложенной в нем программой, то подобное сходство можно обнаружить, скажем, в «Завещании Петра Великого», которое от этого не перестает оставаться фальшивкой.

Повседневное руководство министерством при Танака осуществляли вице-министр Ёсида Сигэру, бывший генеральный консул в Тяньцзине и Мукдене и будущий послевоенный премьер-министр, и Мори, назначенный парламентским вице-министром. Впрочем, личная близость к Танака и связи в партийных и парламентских кругах обеспечивали второму гораздо большее влияние, чем полагалось по должности. Однако премьер не был номинальным главой МИД. Он активно проводил собственную политику, что оправдывает термин «дипломатия Танака» в противоположность «дипломатии Сидэхара». По точному, хотя и polemически заостренному определению Д. Доуэра, «Сидэхара и его дипломатия воплощали западные, рациональные, универсалистские, буржуазно-либеральные ценности в противоположность Танака, в котором персонифицировались традиционные, ирраци-

иные, партикуляристские и феодальные воззрения»¹⁶. «Главной задачей Сидэхара было установить мир, главной задачей Танака — выиграть войну»¹⁷, — афористически суммировал Н. Бамба. Если быть более точным, оба подхода включали романтические и прагматические компоненты и оба не отрицали необходимости мирисии, хотя Сидэхара и его апологеты после войны всячески стремились это затушевать.

Первыми шагами «дипломатии Танака» стали организованные Японией Ёсида Восточные конференции дипломатов и военных — 7 июля в Токио и 30 августа в Дайрене, на которых был выработан новый курс в отношении Китая. Если Сидэхара исходил из того, что права и интересы Японии на континенте ограничиваются тем, что уже принадлежит «империи» ЮМЖД, то Танака и его единомышленники рассматривали Маньчжурию и Внутреннюю Монголию как обособленный от Китая регион, который должен находиться под контролем Японии. Необходимость такого определения курса диктовалась последними событиями. 30 марта, после занятия гоминьдановской армией Шанхая, в Китае были высажены иностранные войска, в том числе японские. 16 апреля в Нанкине Чан Кайши объявил о создании «национального правительства», намереваясь подчинить ему весь Китай. Его представители сразу же отправились в Токио, где были приняты с почетом. «В беседе с ними Танака заверил новый режим в Нанкине, что если тот сосредоточит усилия на борьбе за искоренение коммунистического влияния» и установление «нового порядка» в контролируемом им районе, т.е. в Южном и Центральном Китае, Япония гарантирует ему свою «симпатию» и «моральную поддержку»... В то же время каких-либо авансов, которые можно было бы истолковать как согласие Японии на распространение контроля Нанкина на Северный Китай и тем более на завершение объединения Китая под началом нанкинского правительства, посланцы Чан Кайши не получили. Более того, японское правительство говорило о Маньчжурии как об «особом районе» Японии»¹⁸. Иными словами, Танака был готов поддерживать объединение Китая под эгидой Чан Кайши против коммунистов в пределах к югу от Великой Стены.

Когда армия Гоминьдана начала приближаться к Шаньдуну, японское правительство 27 мая решило направить туда войска.

John W. Dower. *Empire and Aftermath. Yoshida Shigeru and the Japanese Experience, 1878–1954*. Cambridge (Mass.), 1988, p. 84.

Nobuya Bamba. *Japanese Diplomacy in a Dilemma: New Light on Japan's China Policy, 1924–1929*. Kyoto, 1972, p. 207.

¹⁸ Циткова З. Д. Китай и державы, 1927–1937. М., 1995, с. 9.

Чан Кайши попытался договориться с контролирувавшим Маньчжурию «старым маршалом» Чжан Цзолинем, но безуспешно. 6 июля под предлогом охраны японских подданных в ходе возможного расширения конфликта войска были переброшены из Циндао в Цзинань, столицу провинции Шаньдун, а контингент в Циндао усилен. Эти действия вызвали единодушное осуждение как нарушение суверенитета Китая и международных договоров, поэтому войска пришлось вскоре вывести. Летом 1927 г. Чан Кайши потерпел ряд военных и политических поражений, в результате чего подал в отставку, но, рассчитывая на скорое возвращение к власти, осенью лично отправился в Токио, в том числе для переговоров с Танака. Премьер подтвердил, что готов помогать ему на основе борьбы с коммунистами и признания специальных прав Японии в Маньчжурии и Монголии, но собеседники пришли к согласию только по первому вопросу, поэтому никаких договоренностей достигнуто не было.

В ноябре Чан Кайши объявил себя президентом, а в начале января 1928 г. сформировал новое «национальное» правительство, противопоставив его пекинскому во главе с Чжан Цзолинем, которое признавалось большинством стран. Он сразу же заговорил о Северном походе против милитаристов и коммунистов, распорядившись в декабре 1927 г. ликвидировать все советские консульства и отделения торгпредства на контролирувавшейся Гоминьданом территории. Чан Кайши добился поддержки США и Великобритании, несмотря на неоднократные «инциденты» против граждан этих стран, и по тактическим соображениям на первых порах проводил осторожную политику в отношении Японии, которую считал потенциальным врагом.

Правящие круги Токио не собирались отказываться от «специальных интересов» в Маньчжурии. 10 апреля возобновился Северный поход, начальный этап которого принес успех Гоминьдану. 19 апреля японский парламент принял решение об отправке войск в Китай, чтобы преградить путь армии Чан Кайши в Шаньдуне, опять-таки под предлогом защиты жизни и имущества своих граждан. Японцы пострадали при занятии гоминьдановцами Цзинани, поэтому 2–4 мая экспедиционные войска обстреляли город и предъявили китайцам ряд ультимативных требований. Сосредоточившись на завершении «решительного боя Нанкина с Пекином», Чан Кайши решил уступить и погасить конфликт дипломатическими средствами. Одновременно Чжан Цзолинь, позиция которого становилась все более антияпонской, призвал Гоминьдан к объединению сил против Японии. Нанкин отказался. 3 июня Чжан Цзолинь был вынужден покинуть Пекин и вско-

погиб в результате взрыва поезда, который был организован японской офицерской Квантунской армией. 5 июня войска Чан Кай-ши заняли Пекин, но остановились у границ Маньчжурии. Северный поход был завершен. Лига Наций признала гоминьдановское правительство национальным. «Молодой маршал» Чжан Сюэлян убил своего отца Чжан Цзолиня в качестве диктатора Маньчжурии и стал проводить еще более антияпонскую политику.

Причастность офицеров Квантунской армии к убийству Чжан Сюэляна вскоре сделалась известной. Они открыто проявили самоуправство, выйдя из-под контроля правительства, чем не захотели воспользоваться оппозиция. В ответ на ее прямые вопросы в парламенте министры отмалчивались, ссылаясь на то, что дело «изучается» и «расследуется». Премьер попытался замять скандал и отвести ответственность от армии, но это вызвало гнев императора и в конце концов привело к отставке кабинета и передаче власти к Минсэйто.

Обычно анализ «дипломатии Танака» сводится к политике Японии в Китае. Однако в бытность его главой правительства и в ШИД произошли и другие важные события. Будучи безусловным империалистом и поддерживая всего несколькими годами ранее участие Японии в интервенции на Дальнем Востоке, Танака понимал необходимость партнерства или хотя бы благожелательного нейтралитета СССР для укрепления позиций в Китае и противостояния там США и Великобритании. В ноябре 1923 г., будучи военным министром, Танака выступал с вполне просоветскими заявлениями и высоко оценивал Красную Армию. Осенью 1927 г. он направил в Москву и Берлин специальную экономическую миссию во главе со своим другом Кухара, который встретился с И. В. Сталиным. В декабре 1927 – январе 1928 гг. в Москве находился Гото, сопровождаемый, несмотря на неофициальный характер визита, всеми советскими лидерами, включая И. В. Сталина, А. И. Рыкова, Г. П. Калинина, Г. В. Чичерина, А. И. Микояна и др.

Миссия Гото, известная прорусскими и просоветскими взглядами, была одобрена премьером и императором. Ветеран японской политики хотел убедить своих собеседников не тратить силы на «коммунизацию» Китая, а вернуться к старой политике раздела сфер влияния в Маньчжурии, а также предоставить японцам промышленно-хозяйственные концессии на советской территории, но эти усилия не увенчались успехом. Наиболее ощутимым итогом визита стало подписание 23 января советско-японской рыванной конвенции, переговоры о которой продолжались почти год: в последний момент Гото добился согласия премьера на некоторые уступки, что и решило ее судьбу. Танака не упускал

случая продемонстрировать советским дипломатам свое расположение, однако отказался, как и его предшественник, заключить СССР двусторонний пакт о ненападении, ссылаясь на необходимость предварить его торговым договором, а также на присоединение обеих стран к Антивоенному пакту («пакт Бриана–Келлога») 27 августа 1928 г. Заслуживает внимания, что такой записной «милитарист», как Танака, не просто одобрил Антивоенный пакт, но содействовал его ратификации, вопреки сопротивлению Тайного совета и оппозиции в парламенте¹⁹.

Скандал, вызванный убийством Чжан Цзолиня, был не причиной, но поводом для отставки кабинета Танака, хотя его «активная» политика в Китае не только не оправдала возлагавшихся на нее надежд, но вызвала осуждение держав. Возглавив МИД в кабинете Хамагути, Сидэхара должен был исправить ошибки предшественника и не повторить собственные. «После возвращения Сидэхара на Касумигасэки (т.е. в МИД. – В.М.) в 1929 г. его основным отличием от Танака была не сама политика, но ее методы»²⁰. Главными событиями второго периода его пребывания на посту министра стали Лондонская конференция по сокращению морских вооружений 1930 г. и «Маньчжурский инцидент» 1931 г.

После Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. вопрос ограничения морских вооружений обсуждался на Женевской конференции 1927 г., но она не дала конкретных результатов из-за разногласий между США и Англией. В начале 1930 г. Вашингтону и Лондону удалось прийти к консенсусу, результатом чего стала очередная конференция. Полномочными представителями на нее были назначены бывший премьер Вакацуки, морской министр Такарабэ Такэси, посол в Англии Мацудайра и посол в Бельгии Нагаи Мацудзо. Морские круги требовали для Японии права иметь такое количество тяжелых крейсеров и вспомогательных судов, тоннаж которых составил бы 70% (а не 60%, как ранее) тоннажа аналогичных судов США, а также установления тоннажа подводного флота в 78 тыс. тонн. Сидэхара во всеуслышание объявил, что Япония предлагает такое «сокращение флота, которое устраняло бы угрозу», т.е. чтобы флоты были достаточны для обороны, но недостаточны для нападения, а также намекнул на возможность уступок.

¹⁹ Поводом для критики стало содержащееся в пресамбуле пакта указание, что правительства подписывают его «от имени своих народов»; оппоненты указывали, что по конституции 1889 г. император Японии заключает договоры не от имени народа, а от своего собственного. При ратификации пакта правительству пришлось сделать соответствующую оговорку в специальном заявлении.

²⁰ Ian Nish. Japanese Foreign Policy, 1869–1942. London, 1977, p. 173.

Пробования Японии стали основным пунктом дискуссий на конференции. В конце концов японские делегаты, с одобрения правительства, предварительно согласилась на 60% тоннажа тяжелых крейсеров в сравнении с США, 70% тоннажа легких крейсеров и эсминцев и на одинаковое с США количество подводных лодок общим тоннажем 52 700 тонн. Начальник Главного морского штаба адмирал Като Кандзи немедленно выступил против любых уступок по первостепенному вопросу национальной безопасности, который обсуждался без его участия. При этом Като сослался на положения конституции о том, что высшее командование армией и флотом осуществляет император, верховные права которого, таким образом, были нарушены. Хамагути и Сидэхара, стремясь не допустить попадания страны в изоляцию, добились одобрения соглашения Тайным советом, на что потребовалось три месяца (подписано 22 апреля, ратифицировано 1 октября). Именно правительству пришлось согласиться на программу модернизации флота с бюджетом в 394 млн. иен.

Несмотря на несомненный международный авторитет, позиции Сидэхара в самой Японии, в том числе в собственном министерстве, неуклонно слабели. К началу «Маньчжурского инцидента» осенью 1931 г. он утратил контроль над ситуацией, а военные средства, включая Квантунскую армию, перестали считаться с внешнеполитическим ведомством.

Радикализация политики и идеологии

Десятилетие после окончания Первой мировой войны характеризовалось оформлением праворадикальных и леворадикальных групп и идей в японском обществе. Продолжали действовать националистические организации, наиболее известными из которых были Гэнъёса (Общество черного океана), созданное в 1899 г. Тояма Мицуру и Хираока Котаро, и Кокурюкай (Общество реки Амур), созданное в 1901 г. Утида Рёхэй. Некогда они представляли оппозиционные настроения в среде самурайства и были связаны с «движением за свободу и народные права», но со временем перенесли свою активность за пределы Японии, породив феномен *тайрику ронин*. Эти «континентальные солдаты удачи» сотрудничали с армией и военной разведкой, сыграв важную роль в подготовке войн с Китаем и Россией и аннексии Кореи, а также оказывали помощь китайским, филиппинским и индийским рево-

люционерам в борьбе против «белого империализма». В 1910-е годы, в результате сближения с правительственными кругами и утраты реформаторского потенциала, националистическое движение во многом приобрело казенный характер и утратило значительную часть привлекательности.

На политическую арену вышло новое поколение националистов, настроенное на радикальные реформы в самой Японии. Их первым объединением стало Росокай (Общество старых и молодых), основанное в октябре 1918 г. профессором-юристом Уэсуги Синкити, авторитетным в националистических кругах и популярным среди студентов (одним из его любимых учеников был будущий премьер Киси Нобусукэ), и переводчиком «Капитала» Такабатакэ Мотоюки, эволюционировавшим от интернационального социализма к национальному. Будучи скорее дискуссионным клубом, общество распалось уже в 1919 г., но успело сблизить будущих лидеров японского национального и государственного социализма²¹.

Виднейшим деятелем национального социализма стал Окава Сюзэмэ, выпускник Токийского университета, специалист по китайской и индийской философии, испытавший в молодости влияние христианского социализма. Годы близости к классическому национализму сделали его сторонником паназиатизма в духе Окакура и Тагора. Окава быстро завоевал авторитет в националистических кругах и зарекомендовал себя способным организатором, обладавшим обширными связями в политическом, деловом и научном мире. На роль главного теоретика он выдвинул Кита Икки, в прошлом социалиста, связанного с националистическими обществами и несколько лет прожившего в Китае. Летом 1919 г., находясь в Шанхае, тот составил «Генеральный план переустройства Японии» – манифест государственного социализма.

Его идеал – союз императора и народа, достижению которого препятствуют бюрократическая, финансовая, партийная и военная олигархии. Первым актом «реорганизации» должен стать переворот, главной силой которого является народ, а руководителем император; действие конституции приостанавливается, парламент распускается, по всей стране на три года вводится военное положение. В основе экономической программы – ограничение размеров денежной и земельной собственности, переход «излишков» в собственность государства, которое берет под контроль экономику; владения императорского дома передаются им в казну. Для управления хозяйством и рационализации экономи-

²¹ В японском языке существует единый термин *кокка сякайсюги*, который следует переводить как «национальный социализм» или «государственный социализм» в зависимости от того, к чьим взглядам он применяется.

в японской жизни создаются семь «производственных» министерств: военно-морской, гражданского морского флота, горное, земледелия, промышленности, торговли, железных дорог. Значительно расширяются права рабочих. Верховным арбитром в решении трудовых конфликтов становится министерство труда, решения которого обязательны для всех. Вводится восьмичасовой рабочий день, женский труд запрещается, женский строго ограничивается. Работники получают до половины прибыли предприятий и участвуют в управлении и экономическом планировании. В аграрной области поощряется мелкое частное землевладение (налицо сходство с аграрной реформой 1946 г.). В социальной сфере предусматривается всеобщее десятилетнее образование, государственная пенсия сиротам, инвалидам и людям старше шестидесяти лет при отсутствии кормильцев, равные с мужчинами права для женщин в отношении занятости (но не избирательные права!). Система образования должна строиться на «японском духе», сочетая интеллектуальное и физическое развитие.

Несмотря на детализацию многих положений, программа Кита оставалась утопической, не проясняя, как должна была осуществляться «реорганизация». «Левые» называли проект реакционным, акцентируя внимание на военном перевороте, роспуске парламента, сохранении частной собственности; либералов отталкивали идеи уравнилельного социализма и государственный контроль над экономикой. Корректнее всего оценить план Кита как радикальную национально ориентированную модернизацию традиционного общества, в которой его автор видел продолжение и завершение *Мэйдзи исин*.

«Генеральный план» Кита стал идейной основой Юдзонся (Общество остающихся), первой в Японии национально-социалистической организации, созданной в 1919 г. Окава и профессором университета Такусёку Мицукава Камэтаро. Окава и Мицукава не разделяли этатистских крайностей Кита и уделяли больше внимания «японскому духу» и внешней политике, но у них не было готовой альтернативной концепции. Целями общества объявлялись: «1. Движение за создание великой революционной империи. 2. Созидательная революция народного духа. 3. Провозглашение моральной внешней политики. 4. Создание военного потенциала для освобождения Азии. 5. Изучение и оценка реформаторского потенциала в других странах. 6. Духовное воспитание «торгов-воинов»²². Консервативно-революционный характер про-

²² В данном параграфе документы цитируются или излагаются по: Молодяков В. Ю. Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М., 1999.

граммы ясен, несмотря на ее высокопарность и неконкретность. Следует также иметь в виду, что призыв к конкретным внутриполитическим реформам мог повлечь за собой запрет общества, полный текст «Генерального плана» Кита так и не был разрешен цензурой и распространялся подпольно.

В 1923 г. общество раскололось из-за разности позиций его лидеров в отношении СССР: Окава и Мицукава выступали за признание Советской России, видя в ней потенциального союзника в борьбе с «белым империализмом», в то время как Кита придерживался антисоветских и антирусских взглядов (главными противниками Японии он считал Россию и Англию, а союзниками США и Китай). Сыграла свою роль и несовместимость амбиций «вождей». После этого Кита прекратил всякую активность, став гуру кружка экстремистов, не оставлявших надежды реализовать его планы, последней попыткой чего стал военный мятеж 26–29 февраля 1936 г. Окава, напротив, развернул бурную деятельность, объединяя в одном лице политика, публициста, философа и ученого.

В 1925 г. он создал Гётися (Общество действия), программа которого, также весьма декларативная, предусматривала: «1. Создание обновленной Японии. 2. Установление народных идеалов. 3. Установление свободы в духовной жизни. 4. Установление равенства в политической жизни. 5. Установление гармонии в экономической жизни. 6. Освобождение «цветных» народов. 7. Моральное объединение мира». В практической деятельности общество уделяло основное внимание пропагандистской деятельности и формированию дисциплинированных кадров единомышленников — этим целям служила созданная Окава и молодым философом Ясуока Масахиро Кинкэй гакуин (Академия золотого фазана). Окава и его единомышленники активизировали работу среди университетских преподавателей и студентов (характерный пример — Тамасий-но кай (Общество духа) в университете Такусёку), чтобы противостоять растущему влиянию леволиберальных и социалистических идей в этой среде, и установили контакты с молодыми офицерами, придерживавшимися аналогичных взглядов.

В 1927 г. майор Хасимото Кингоро, позднее лидер национальных социалистов в армейских кругах, вступил в тайный офицерский кружок Кинкикай (Общество императорского флага), планировавший государственный переворот в виде «революции под императорским флагом». В том же году он был назначен военным атташе в Турцию (возможно, его просто удалили из страны), где стал поклонником национальной революции Кемалья Ататюрка. Вернувшись в Японию в 1930 г., Хасимото возглавил русский отдел

правильного штаба и одновременно тайное общество Сакуракай (общество сакуры), призывавшее к уничтожению «коррумпированных политиканов» и созданию «твердого и энергичного национального правительства, действительно опирающегося на народные массы и на деле сплоченного вокруг императора». Бедственное положение страны, по мнению Хасимото, делало необходимым участие военных в политической жизни²³, что противоречило Рескрипту к солдатам и матросам императора Мэйдзи, имевшему не только директивный, но почти сакральный статус. Хасимото был сторонником политического насилия, к выводу о необходимости которого пришел и Окава. На рубеже 1930-х годов они стали соратниками и друзьями.

Постепенно у них завязались контакты с теоретиками *нохонсю*-аграрного варианта национального социализма, Гондо Сэйкё и Татибана Косабуро. Гондо много лет был связан с Кокурюкай, был в Китае и Корее, входил в Росокай, а затем сосредоточился на теории «народного самоуправления». Заявляя, что японская цивилизация имеет изначально аграрный характер и может основываться только на сельском хозяйстве, он призывал к отказу от индустриализации и тотальному возвращению «на землю», но не выдвигал конкретной политической и социальной программы, ограничиваясь сентенциями в духе Толстого, Кропоткина и Эмерсона. Примечательно, что этот «романтический националист-аграрий» (определение Т. Хэвенса) резко критиковал мэйдзийский этатизм и участие военных в жизни страны. Сторонник его идей Татибана выступал за сочетание теории с практикой, создав сельскохозяйственную школу Айкё дзюку (Школа любви к земле) в префектуре Ниигата, а также с «прямым действием», что привело его к союзу с Окава и Хасимото.

Одновременно оформился противоположный, коммунистический фланг радикального движения, хотя особых предпосылок для создания компартии в Японии не существовало. Там не было разностороннего, политически организованного социалистического движения, леворадикальный фланг которого мог оформиться в компартию, как в Европе. Даже в условиях «демократии Тайсё» в Японии не получили распространения идеи интернационализма, тем более пролетарского. Пролетариат отличался низким образовательным уровнем и еще более низким уровнем «классовой сознательности», поэтому коммунистическое и социалистическое движение по-прежнему оставались уделом интеллигенции. Полицейские преследо-

²³ Декларация Сакуракай: История войны на Тихом океане. Пер. с яп. Т. I. М., 1977.

вания парализовали деятельность левой оппозиции. Большинство японцев, кроме самих левых, одобряли эту политику, считая «красных» не просто опасными для общества, но «изменниками родины», служащими чужим, неапонским интересам.

Несмотря на отсутствие предпосылок, Коминтерн принял решение о создании Коммунистической партии Японии²⁴ (Нихон кёсанто). Официально она была создана на учредительном «общенациональном» съезде (8 человек) в Токио 15 июля 1922 г.; генеральным секретарем был избран Арахата Кансон. Устав партии был опубликован в сентябре 1921 г. Его составил социалист Ямакава Хитоси, взявший за образец документы английской компартии, но декларировавший нелегальный характер новой организации²⁵. На втором съезде КПЯ в феврале 1923 г. присутствовало 75 человек, на чрезвычайном съезде в марте 1923 г. — 23 человека.

Программа КПЯ была написана в Москве при участии Катаяма Сэн, с 1921 г. жившего в СССР. Он выступал против насильственных действий и предлагал сосредоточиться на борьбе за всеобщее избирательное право для мужчин, что позволило бы рабочим и крестьянам участвовать в работе государственных органов. Признавая Японию «зрелым полем для революционных действий», Катаяма не говорил о ликвидации монархии, призывая «свергнуть бюрократизм и милитаризм и установить демократическое правительство». Однако, выступая на первом съезде революционных организаций Дальнего Востока в Москве (январь 1922 г.) с платформой «Задачи коммунистов Японии», главный идеолог Коминтерна Н. И. Бухарин поставил конечной целью «замену военно-плутократической монархии властью Советов».

В партии сразу же начались разногласия: одни выступали за легальную деятельность, чтобы «подготовить почву для пролетарской революции, которая последует за революцией буржуазной»; другие считали буржуазную революцию в Японии невозможной и предлагали готовиться сразу к пролетарской. Одновременно создавались легальные организации, не связанные с Коминтерном: Рабоче-крестьянская партия во главе с Ояма Икуо (15 тыс. членов), Социал-демократическая партия во главе с Абэ (88 тыс. членов) и Японская рабоче-крестьянская партия во главе с Асо Хисаси (20 тыс. членов). Несмотря на неоднократные попытки, объединиться они так и не смогли.

²⁴ Этот вариант принят в отечественной литературе. В настоящее время официальные публикации компартии на русском языке переводят ее название как Японская коммунистическая партия (ЯКП).

²⁵ Далее все документы в этом разделе цитируются или излагаются по: ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917–1941. М., 2001.

Сильным ударом по коммунистическому движению стали высылка свыше 100 активистов и попутчиков 5 июня 1923 г. на основании Закона «О поддержании общественного порядка и безопасности». В октябре того же года в глубоком подполье была проведена конференция КПЯ. Усилившиеся к весне 1924 г. разногласия вынудили создать специальный комитет для решения судьбы партии. Большинство высказалось за ее ликвидацию в качестве нелегальной организации. Арахата информировал Катаяма о решении в партии и мотивах принятого решения: «1) партия была совершенно сектантской, утратила влияние на массы; и, как следствие, в партии отсутствует жизненная энергия, а все ее организаторы переживают застой; 3) определенная часть партии подвержена фрустрации и утратила коммунистическое мировоззрение. Руководящее ядро партии практически расколото. Эти причины относятся к числу наиболее бросающихся в глаза. В действительности существует немало иных, скрытых причин. Партия в нынешнем виде возникла не в результате широкого массового движения. Короче говоря, партия была создана искусственным образом и в первую очередь, на основе личных связей. Именно в этом коренится главная причина, в силу которой партия не могла не превратиться в сектантскую группу». Он пояснил: «Роспуск партии вовсе не означает ликвидации коммунистического движения, а только прекращение его. Наоборот, в целях перестройки партии в ближайшее время на подлинно прочной и здоровой основе мы должны породить подлинное движение, учитывая горькие уроки прошлого поражения. Мы преисполнены решимости создать совершенно обновленное движение».

Катаяма осудил самороспуск партии. То же сделал Пятый конгресс Коминтерна в июне 1924 г. КПЯ было решено возродить под новым руководством. В августе 1925 г. временное Японское коммунистическое бюро в СССР было реорганизовано в Центральное бюро по восстановлению компартии. Этому предшествовало улучшение советско-японских дипломатических отношений: в июле в качестве торгпреда был направлен эмиссар Коминтерна Г. Финсон, которому было поручено руководство коммунистическим движением в стране. Именно он увидел в молодом рабочем Итанабэ Масаносукэ перспективного лидера, подконтрольного японским, но на восстановительном съезде КПЯ в декабре 1926 г. главной партией был избран Фукумото Кадзуо, сотрудник журнала «Марксизм», выступавший против «ликвидаторских» взглядов Ямакава. Отметим, что в те годы в Японии выходило много марксистских периодических изданий и книг, включая собрания сочинений Маркса-Энгельса (в 32 томах, издававшиеся с 1927 г.)

и Ленина. Фукумото не подчинился курсу на немедленное осуществление революции, за что был осужден тезисами Коминтерна по японскому вопросу (июль 1927 г.), написанными Бухариным и Катаяма. Новым генсеком стал Ватанабэ, обещавший «под руководством Коминтерна строить японскую массовую партию».

Внесенное в тезисы как часть программы действий требование ликвидации монархии автоматически ставило КПЯ вне закона, потому что за одни разговоры об этом можно было попасть в тюрьму. После принятия Закона об «опасных мыслях» 15 марта 1928 г. по стране прокатилась волна арестов коммунистов и сочувствующих — всего 1568 человек; в июле за ней последовала новая. 10 апреля была запрещена Рабоче-крестьянская партия. 6 октября на Тайване Ватанабэ застрелился, когда полиция попыталась арестовать его. К концу года все видные коммунисты оказались в тюрьмах. Ямакава и Арахата не согласились с тезисами и были исключены из партии.

Золотой век «пролетарской культуры»

Для японской культуры 1920-х годов еще более, чем в прежние десятилетия, было характерно повышенное внимание к социальным проблемам, причем с ярко выраженным оппозиционным оттенком. Русская революция, «демократия Тайсё» и общая радикализация социально-политической жизни в стране не могли не отразиться в ней. В то же время полицейские преследования, лишавшие левую оппозицию возможности вести легальную политическую борьбу, вынуждали ее деятелей сосредотачивать внимание на более безопасных областях литературы, театра, изобразительного искусства.

Разумеется, японская культура 1920-х годов несводима к одной только «пролетарской культуре», но именно последняя придавала ей в эти годы особое своеобразие. «Образ «Революции» вдохновлял все левые течения в Японии XX в. точно так же, как это было во всем мире. Гораздо шире, чем коммунистическое движение, в мире существовало «левое» движение, враждебно относившееся к капиталистическому строю и с большой симпатией — к коммунизму и Советскому Союзу»²⁶. Именно этим объясняется всемирная популярность советской литературы в те годы, не обошедшая стороной и Японию, где активно переводили и издавали Горького

²⁶ Апарина Н. Г. Японский левый театр 20–30-х годов XX в. // Япония. Ежегодник. 2003–2004. М., 2004, с. 174.

Вересаева, Пильняка и Фадеева, Шолохова и Эренбурга. Приезд Пильняка в Японию в 1926 и 1932 гг. и его контакты с деятелями литературы и театра стали значимым событием культурной жизни страны.

Вторая половина эры Тайсё, т.е. 1918–1926 гг., считается водоразделом между новой и новейшей японской литературой. Постоянно менялись политические и социальные реалии, а потому оставалась актуальной задача «приведения литературы в соответствие с изменившейся жизнью японского общества»²⁷. Блестящий стилист Акутагава Рюносукэ, ученик и преемник Нацумэ Сосюки, прославившийся рассказом «Ворота Расёмон» (1915), сочинял в эти годы свои лучшие произведения: «Муки ада» (1918), «В чаще» (1922), «Генерал» (1922), «Зубчатые колеса» (1927), «Жизнь идиота» (1927). Его главная тема – «что такое человек, как понять движения его души, что в нем вечное, что наносное, порожденное временем, – темные и светлые его стороны... Писатель целиком сосредоточен на психике человека, на подсознании, исследует вселенную его души»²⁸. Акутагава часто обращался к историческим и фантастическим сюжетам, но не считал это самоцелью, мастерски проецируя их на современность. Заслуживший внимания его иронический рассказ «Бал» (1919), в котором он высмеял Пьера Лоти, автора романа «Госпожа Хризантема» (1887), положившего начало образу «живописной Японии» в Европе. Гуманист и скептик, Акутагава был далек от политической борьбы, но ярко выразил свое отношение к претившей ему действительности в сатирической повести «Каппа» (1927).

Самоубийство Акутагава в июле 1927 г., как и самоубийство Арисима Такэо в июне 1923 г., отразило кризисные настроения в среде интеллигенции. Отчасти предвосхитивший идеи феминизма, Арисима после Первой мировой войны резко обрушился на подчиненное положение женщины в обществе и на институт брака в его нынешнем виде: он считал, что люди принципиально полигамны, а моногамия неестественна. Первым из «буржуазных» писателей он положительно оценил социальный потенциал и роль «четвертого сословия» – пролетариата; кстати, Акутагава одним из первых с похвалой отозвался о пролетарской литературе. «Мысль о том, что борьбой рабочих за улучшение условий труда и жизни должна руководить интеллигенция, представлялась Арисима глубоко ошибочной. Он был убежден, что только сами рабочие могут изменить общество и свою жизнь, и полагал,

²⁷ Конрад Н. И. Японская литература. М., 1974, с. 478.

²⁸ Григорьева Т. П. Красотой Японии рожденный. Т. 2, с. 209.

что они не верят больше никаким теориям. Интеллигенции же остается только осознать этот факт»²⁹. Однако эти идеи подверглись резкой критике со стороны как консерваторов, так и социалистов, что вкупе с личной драмой привело писателя к трагическому концу. Его самоубийство интерпретировалось по-разному: и как акт разочарования и усталости от жизни, и как подтверждение верности своим убеждениям несмотря ни на что.

В литературе, особенно в массовой, большое распространение получили мотивы, определявшиеся формулой «эро-гуро-нансэн-су», т.е. «эротика – гротеск – нонсенс». Одним из ярких символов этих настроений стал стремительно вошедший в моду джаз. Однако молодой герой лирического романа Сига Наоя «Путь во тьме ночи» (1921–1937) преодолевает постигающие его житейские испытания и находит путь к самопознанию и духовному самосовершенствованию. Одних подобные искания приводили к религии, причем не к традиционным синто и буддизму, а к христианству или «новым религиям» (*синсюкё*): в 1924 г. в Японии было зарегистрировано 98 таких культов с 31 995 адептами; в 1930 г. их было уже соответственно 414 и 281 259 человек. Другие уходили в революцию или, по крайней мере, присматривались к идеям коммунизма и опыту Советской России.

Леворадикальным тенденциям и политической ангажированности противостоял влиятельный литературный журнал «Бунгэй сьондзю», основанный в 1923 г. Кикиути Кан, который получил известность благодаря повестям «И была любовь, и была пена-висть» (1920) и «Дама-жемчужина» (1921, в русском переводе «Портрет дамы с жемчугами»). Активный участник литературного процесса, популярный и высокооплачиваемый прозаик и эссеист, он завоевал наибольшую репутацию как критик, арбитр и наставник, стремясь сделать «чистую» литературу доступной массам, а «массовую», в которой сам охотно работал, поднять до уровня «высокой». С этой целью в 1935 г. он учредил ежегодные литературные премии имени Акутагава («чистая» литература) и Наоки («массовая» литература), которые присуждаются до настоящего времени.

В 1920-е годы в полной мере раскрылось новеллистическое мастерство Нагаи Кафу («Заметки из странного дома» (1920–1921), «Различные записки из Адзабу» (1924), «Рассказы из Ситая» (1926)), ироника и эстета, демонстративно отгородившегося от современности и социальных проблем, что привело его к конфликту с бывшими друзьями – Кикиути Кан (которого он высмеял

²⁹ Чегодарь Н. И. Цит. соч., с. 50.

и повести «В дождливый сезон» (1931)), «справа» и режиссером Осанаи Каору «слева». Нагаи в равной мере игнорировал и пролетарскую литературу, и рост националистических тенденций. Выдающимся мастером психологической прозы, склонным к эстетству и эротике, проявил себя его младший друг Танидзакэ Цюнъитиро. Его популярность началась с рассказа «Татуировка» (1910), проникнутого «желанием познать природу демонической красоты, поглощающей человека»³⁰. Подобные мотивы характерны для всего творчества Танидзакэ — от повести «Ноги Фумико» (1919) до последнего романа «Дневник безумного старика» (1962). Роман «Дзётаро» (1914), названный по имени главного героя, часто сравнивали — по мнению литературоведов, не вполне корректно — с «Портретом Дориана Грея». В предисловии к русскому переводу романа «Любовь глупца» (1925), посвященного новой, эмансипированной молодежи, Н. И. Конрад в 1927 г. писал о Танидзакэ: «Одни критики обвиняют его в болезненном умонастроении и полной безыдейности, утверждая, что его герои — какие-то ненормальные люди, другие указывают на то, что никто после Лопсунцио не ставил так остро и своеобразно вопрос о наслаждении как пути обретения самого себя. Третья группа критиков видит в его творчестве лишь упадочные декадентские черты. Четвертые же, восхищаясь его творчеством, говорят, что Оскар Уайльд мог бы гордиться столь замечательным откликом на его творчество на другом конце мира»³¹. Проза Танидзакэ двадцатых годов отмечена сильным, хотя и поверхностным европейским влиянием, отказ от которого наметился в романах «У каждого свой вкус» (1929) и «Мандзи» (1930). В 1924 г. заявила о себе группа «неосенсуалистов» (*синканкакуха*), наиболее заметной фигурой которой стал Кавабата Ясунари, прославившийся лирической повестью «Танцовщица из Идзу» (1926). Этим мастерам, оставшим уроки средневековой классики с философией Льва Шестова и художественными исканиями Пруста и Джойса (повесть Кавабата «Видения в хрустальном шаре» (1931) отмечена прямым влиянием «Улисса»), с пролетарской литературой было явно не по пути.

Зарождение японской пролетарской литературы совпало с попытками создания в стране организованного коммунистического движения. Наиболее ранние произведения из жизни рабочих («Дневник носильщика» (1907) Сираянаги Сюко или «Днище потопленного корабля» (1913) Арахата Кансон) были созданы писате-

³⁰ Григорьева Т. П. Красотой Японии рожденный. Т. 2, с. 395.

³¹ Цит. по: Чегодарь Н. И. Цит. соч., с. 105.

лями-интеллигентами, что отражало положение в социалистическом движении страны в целом. Первыми писателями из рабочих, которые описывали жизнь и борьбу пролетариата на основании личного опыта, стали Миядзи Кароку и Миядзима Сукэо, дебютировавшие во второй половине 1910-х годов и снискавшие некоторую популярность. Появление организованного «движения за пролетарскую литературу» (*нурорэтариа бунгаку ундо*) связано с журналом «Танэмаку хито» («Сеятель»), выходившим с февраля 1921 г. и пропагандировавшим марксизм и коммунизм (он познакомил японских читателей с программой и деятельностью Коминтерна). Его выпускала группа литераторов во главе с критиком Комаки Оми, который, прожив несколько лет во Франции, вдохновлялся идеями Анри Барбюса и группы «Кларте»; к этому кругу в конце жизни был близок Арисима. После закрытия «Сеятеля» его дело в 1924 г. продолжили журнал «Бунгэй сэнсэн» («Литературный фронт») и Японская ассоциация пролетарской литературы (Куросима Дэндзи, Хаяси Фусао, Хисаита Эйджиро). Разногласия и расколы в рядах КПЯ отразились и на движении за пролетарскую культуру, в котором в 1927-1928 гг. появились три центра: Ассоциация рабоче-крестьянского искусства (журнал «Литературный фронт»), Японская ассоциация пролетарского искусства (журнал «Пролетарское искусство») и Лига деятелей искусства авангарда (журнал «Авангард»).

Большинство произведений японской пролетарской литературы 1920-х годов было выдержано в документально-фактографическом ключе и не отличалось художественными достоинствами, но в силу повышенного внимания к социальным проблемам, а также интереса к идеям коммунизма и опыту «красной России» завоевало немалую популярность. Повесть Канэко Ёбун «Ад» (1922), рассказывающая о стихийном бунте крестьян, повлияла на позднейшую пролетарскую литературу о деревне. Роман Наканиси Иносукэ «Произрастающие на красной глине» (1922) о жизни Кореи открыто и честно осветил фактически запретную тему колониального гнета. Роман бывшего рабочего Хаяма Ёсикаки «Люди, живущие на море» (1926), посвященный конфликту между капитаном углевоза и его матросами, считается первым зрелым произведением японской пролетарской литературы, несмотря на «манихейское» изображение их борьбы как столкновения воплощенного Зла и воплощенного Добра. Куросима Дэндзи, служивший в армии во время «союзной» интервенции на Дальнем Востоке, получил известность как автор рассказов, открыто критикующих милитаризм и разоблачающих армейские порядки (сборник «Война войне» (1928)).

В 1926 г. Н.И. Конрад подвел итоги первого этапа развития японской пролетарской литературы: «Течение это не только уже определившееся, но уже играющее заметную роль в японской литературной общественности. Поскольку же оно зародилось в политических условиях, не так уж благоприятствующих такого рода явлениям, оно может считаться чрезвычайно жизненным и по праву претендовать на большое внимание»³²

После того как репрессии весны 1928 г. свели на нет их политическую активность, коммунисты попытались преодолеть раскол на культурном фронте. Именно после этого – и в результате этого – появились наиболее известные произведения пролетарских писателей, провозгласивших верность принципам социалистического реализма: «15 марта 1928 года» (1928), «Снегозащитная роща» (1928; опубликована посмертно), «Отсутствующий помещик» (1929), «Краболов» (1929) Кобаяси Такидзи, «Улица без солнца» (1929) и «Токио, город безработных» (1930) выходца из рабочей среды Токунага Сунао, «Предвесенний ветер» Накано Синэхару. Они реалистически рисуют тяжелейшие условия труда в городе и деревне, пассивность масс, полицейские репрессии, ломющие слабые натуры. Этому миру противостоят положительные герои – революционеры-коммунисты, ежедневно рискующие жизнью и знающие, ради чего они это делают. Наиболее ярко, хотя и патетично, они изображены в повестях Кобаяси начала 1930-х годов «Фабричная ячейка», «Организатор» и «Жизнь для партии». Возникает Общество пролетарских поэтов, выпускавшее с 1931 г. свой журнал. «Для пролетарской литературы этого периода были характерны такие черты, как высокий революционный пафос, призыв к борьбе, разоблачение буржуазного строя, гневный протест против гнета и эксплуатации, стремление к единству действий»³³. Однако пафос борьбы и протеста сочетался в ней с риторичностью и художественной неубедительностью, которые легко обнаружить и в ее советском прототипе.

Двадцатые годы, когда поколение романтиков и символистов сошло со сцены, стали временем расцвета поэтического авангарда. «Если многие японские инженеры внимательно приглядываются к Европе и Америке, – писал в 1926 г. Н. И. Конрад, – не появилось ли там новой модели какой-нибудь машины, то, с другой стороны, некоторые деятели литературы и искусства следят, нет ли там чего-нибудь нового в их области. И что же? Услышали, что во Франции появился дадаизм – объявляется и в Японии школа дадаистов; в

³² Конрад Н. И. Очерки японской литературы. М., 1973, с. 428.

³³ Коваленко И. И. Очерки истории коммунистического движения в Японии до второй мировой войны. М., 1979, с. 140.

Советской России зарождается пролетарская литература – вдруг объявляется и в Японии целая плеяда пролетарских писателей»³⁴. Разумеется, не все авангардисты принадлежали к пролетарской культуре или ориентировались на советские образцы, но революция в культуре многим виделась родной сестрой революции в политике. Такахаси Синкити объявил себя дадаистом, Хирада Рэнкити – футуристом, Хагивара Кёдзиро испытал влияние экспрессионизма, а Нисиваки Дзюндзабуро – сюрреализма. Они пытались записывать стихи латинскими буквами, придумывали новые формы, пропагандировали эсперанто, повлияв на искания пролетарских поэтов. Оказали на них влияние и более традиционные авторы демократического направления, не связанные с коммунистическим движением: например, Сэнкэ Момотаро, провозглашавший «Все стихи мои – поэзия обыденной жизни».

Все большее внимание деятели пролетарской культуры уделяли организационным вопросам. В 1929 г. состоялся первый съезд японских пролетарских писателей, годом позже – второй, поставивший задачу приближения литературы к массам, для чего по советскому образцу решено было создать сеть «рабселькоров», и даже ее «большевизации». В духе идей Ленина, рассматривавшего литературу как «часть общепролетарского дела», культурная работа прямо связывалась с общественной и революционной, выступая, с одной стороны, ее легальным прикрытием, с другой – популяризируя идеи коммунизма и романтику борьбы. Особое значение приобретает литературная критика, по сути заменившая политическую публицистику (аналогичные функции были у работ марксистов к области экономики и истории), а ее наиболее активные деятели, например Курихара Корэхито, в 1924–1926 гг. живший в СССР, выступают в качестве не только эстетических, но и идеологических наставников писателей и поэтов. В этом нетрудно увидеть влияние советской литературной политики тех лет, когда Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) – образец для созданного в 1928 г. Всеяпонского союза работников пролетарского искусства (НАПФ³⁵) – претендовала на роль единственного хранителя ортодоксии и стремилась подчинить себе весь литературный процесс.

Выдающимся явлением японской культуры 1920-х годов стал реалистический «новый театр» (*сингэки*), виднейшими организаторами которого были создатель театра Цукидзи Осанаи Каору и его последователь Хидзиката Ёси. Они стремились перенести на

³⁴ Конрад Н. И. Очерки японской литературы, с. 402.

³⁵ Аббревиатура от названия организации на языке эсперанто.

японскую сцену достижения прежде всего русского театра: пьесы Толстого, Чехова, Горького, «систему Станиславского», режиссерские находки Мейерхольда. Некоторые авторы относят весь «новый театр» к пролетарской культуре. Это преувеличение, хотя пролетарский театр, бесспорно, вышел из *сингэки*, прежде всего в отношении преемственности режиссерского и актерского мастерства. С ним была связана и пролетарская драматургия (Хисаи-и Эйдзиро, Кубо Сакаэ), сочетавшая традиции мещанской драмы *сэвамоно* или исторической драмы *дзидаймоно* — хотя на словах полностью отрицала их! — с опытом «революционного театра» Мейерхольда и Маяковского. «Невольная приверженность классике у пролетарских драматургов выразилась в том, что они оказались верны внутреннему заданию, стоявшему от века перед национальной культурой: отображать действительность не как борьбу классов, а как некий жизненный поток, полный превратностей по изначальному закону бытия... Если персонаж драмы революционер и социалист проявляет стойкость, то внутренним мотивом его стойкости является необходимость борьбы как кармическое предначертание. Поэтому японская пролетарская драматургия дает необычные типы социалистов, которые не вполне отвечают русскому или европейскому представлению о революционере»³⁶.

Рождение японского пролетарского театра относят к февралю 1926 г., когда появился Передвижной театр, или дословно «Театр в чемодане»: его реквизит помещался в одном чемодане, благодаря чему актеры могли давать спектакли где угодно, свободно перемещаясь с места на место. Позже он был переименован в Пролетарский театр, который, объединившись с Театром авангарда, положил начало Токийскому левому театру, просуществовавшему до 1934 г. Этой наиболее ортодоксально-«пролетарской» фракцией левого театра руководили режиссер и актер Сэнда Тораи и разносторонне одаренный Мураяма Томоёси, выступавший как драматург, художественный критик, плакатист и дизайнер.

Из всех левых трупп наибольший вклад в развитие театрального искусства внес Новый театр Цукидзи во главе с Хидзиката, образовавшийся в результате раскола труппы Цукидзи после скоропостижной смерти Осанаи. Новый театр стремился влиться в пролетарскую культуру: Хидзиката прямо заявлял, что его цель — создание «социалистического театра». В коллективной прокламации труппы говорилось, что она «отказывается ориентироваться на буржуазию и превращать театр в средство ее развлечения, но намерена идти радикальным путем просвещения широких

³⁶ Анарина Н. Г. Цит. соч., с. 179–180.

масс и ограждения их от влияния реакции»³⁷. Высокий уровень мастерства актеров и режиссеров Цукидзи, отбор художественно значимых, а не просто агитационных пьес наряду с четко заявленной гражданской позицией делали театр популярным как у левой интеллигенции, так и среди рабочих. Даже «буржуазная» критика признавала его достижения, хотя ее оценки пролетарского театра обычно были невысоки или в лучшем случае снисходительны.

Оппозиционность Нового театра Цукидзи в сочетании с популярностью делали его опасным в глазах властей. Цензурные преследования, в результате которых пьесы становились непригодны к постановке, сменились полицейскими (аресты, запреты публичных выступлений, принуждение к публичному отказу от убеждений). В 1933 г. Хидзиката эмигрировал в СССР; еще в 1927 г. уехал в Германию Сэнда. К середине 1930-х годов пролетарский театр практически перестал существовать, а в 1940 г. все левые труппы были окончательно закрыты.

Мощное влияние русской революции и русского авангарда, в 1920-е годы еще неотделимых друг от друга, испытало и изобразительное искусство, особенно группа Мирайха, «Группа будущего», как было переведено на японский язык понятие «футуризм». Ее возникновение непосредственно связано с работой в Японии «отца российского футуризма» Д. Д. Бурлюка в 1920–1922 гг. Лидерами футуризма в живописи стали Того Сэйдзи, испытывавший влияние кубизма и дадаизма, и Фумон Гё, репродукции картин которого украшали открытки, выпущенные к первой выставке Мирайха в сентябре 1920 г. Футуристы объединились вокруг журнала «MAVO», который современники сравнивали с «ЛЕФом», и одноименных выставок, а также развернули лекционную и издательскую деятельность. Однако во второй половине 1920-х годов интерес к ним заметно падает. Многие уже не связывали себя рамками школы: одни обратились к традиционным формам и снискали признание в этой области, другие занялись промышленной графикой и дизайном, третьи вовсе оставили творческую деятельность. Многие футуристы прожили долгую жизнь, но были забыты еще до Второй мировой войны. Интерес к их творчеству пробудился в Японии только в последние годы, во многом на волне увлечения русским авангардом. Из среды футуристов вышли такие деятели пролетарской культуры, как Мураяма Томоёси, Янасэ Масаму, Асано Мофу, Окамото Токи, открыто идентифицировавшие себя с «красными». Искания и находки футуристов, особенно в книжно-журнальной графике

³⁷ Цит. по: Одзаки К. Новый японский театр. М., 1960, с. 90–91.

и плакате, были восприняты и теми, кто не разделял их политических убеждений.

Японской пролетарской культуре, как и советской, были присущи и негативные черты: догматизм, подчинение творчества политическим задачам, травля «инакомыслящих» и «отступников». В сочетании с полицейскими репрессиями это содействовало упадку пролетарского культурного движения. В 1934 г. Хидзиката рассказывал о японской пролетарской литературе Первому съезду советских писателей, но уже в начале того же года Союз японских пролетарских писателей был вынужден объявить о самороспуске. Годом раньше в полицейском участке был убит Кобаяси, а все руководство Всеяпонской федерации пролетарской культуры (КОПФ), созданной в октябре 1931 г. на смену НАПФ, было арестовано. «Золотой век» пролетарской культуры в Японии закончился.

Япония в годы Великой депрессии

Кабинет Хамагути (июль 1929 – апрель 1931), оспаривавшего у Гакахаси звание «финансового гения», стоял перед лицом необходимости справиться с экономическим кризисом. Премьеру должен был помочь министр финансов Иноуэ, ставленник «старых концернов» и сторонник восстановления золотого стандарта.

Политика Хамагути–Иноуэ была противоположна курсу предыдущего правительства: экономия государственных средств и сокращение бюджета 1930 г. на 160 млн. иен, в том числе за счет военных расходов; дефляция и урегулирование национальной задолженности; отмена эмбарго на вывоз золота и восстановление золотого стандарта (15 февраля 1930). В обращение вновь были пущены золотые монеты, и правительство предсказывало скорое «укрепление могущества государства». Для упрочения своих позиций премьер распустил парламент; выборы 20 февраля 1930 г. принесли Минсэйто на 99 мест больше, чем Сэйюкай: 273 против 174. Это была полная и убедительная победа, главным автором которой называли, однако, не премьера, а министра внутренних дел Адати Кэндзо, некогда участвовавшего в убийстве корейской королевы, а сейчас ставшего уважаемым политиком.

Однако не все было так безоблачно. Утечка золотой монеты в связи с отменой эмбарго существенно превысила ожидаемую (230 млн. иен против 100–150) и продолжала расти, в результате чего начали падать цены на товары. Под предлогом рационализации производства и интенсификации труда, начатой еще при Ганака, предприниматели прибегали к массовым увольнениям и

сокращению заработной платы, стремясь таким образом компенсировать свои потери. Сокращение административного аппарата тоже способствовало росту безработицы. Участились случаи преступлений и самоубийств, о чем охотно писали газеты, дополнительно нагнетая страсти.

14 ноября 1930 г. Хамагути был тяжело ранен радикалом-националистом, недовольным присоединением Японии к Лондонскому договору об ограничении морских вооружений, и уже не смог вернуться к исполнению обязанностей (умер в августе 1931 г.). Кабинет решено было сохранить, поэтому премьера сначала замещал Сидэхара, а 14 апреля 1931 г. правительство вторично возглавил Вакацуки (апрель – декабрь 1931), произведя в нем лишь незначительные перестановки.

Кабинеты Хамагути и Вакацуки не смогли преодолеть последствий Великой депрессии. В 1920-е годы экономика страны развивалась поступательно за счет благоприятной мировой конъюнктуры и рационализации производства, снизившей издержки и повысившей конкурентоспособность японских товаров на мировых рынках. Мощный рывок сделали черная металлургия, машиностроение и химическая промышленность. Однако в результате общемирового кризиса в 1930 г. японский экспорт упал на 31%, а импорт на 30% по сравнению с 1929 г., а в 1931 г. – на 22% и 21% по сравнению с 1930 г. Кризис поразил не только промышленность, но и сельское хозяйство. Цены на его важнейшие продукты рис и шелк-сырец снизились не менее чем наполовину. Результатом стали рост безработицы (около 3 млн. человек в 1931 г.) и числа конфликтов в промышленности (1021 в 1928 г., 2456 в 1931 г.) и в деревне (1866 в 1928 г., 2689 в 1931 г.), «разрешение» которых нередко сопровождалось боями с полицией и массовыми арестами. В результате неурожая 1931 г. в ряде провинций крестьяне голодали, но такое же положение было и после хорошего урожая предыдущего года. Обострилась ситуация и в колониях, особенно в Корее, где экономическая депрессия усиливала незадававшееся политическое недовольство, поскольку условия жизни основной массы населения там были хуже, чем в метрополии.

Было бы несправедливо возлагать вину за случившееся только на правительство, поскольку кризис поразил все крупные индустриальные страны мира. Однако депрессия в сочетании с многочисленными коррупционными скандалами способствовала радикализации общественного сознания как «слева», так и «справа». Оно все больше склонялось к мысли о необходимости решительных действий и во внутренней, и во внешней политике. Кабинеты Хамагути и Вакацуки, открыто выражавшие интересы банков и «старых кон-

перипов», пользовавшиеся поддержкой двора и парламента, стали в глазах масс персонификацией неэффективности, с одной стороны, и продажности, — с другой. В стране зрело открытое недовольство.

В марте 1931 г. правые радикалы, группировавшиеся вокруг Окава, и группа офицеров во главе с Хасимото запланировали переворот, который должен был привести к власти непартийный военный кабинет во главе с Угаки. Выбор этого властолюбивого, но показательно «либерального» генерала в качестве диктатора был весьма странным. Впрочем, тот и сам в последнюю минуту отказался от участия в заговоре, рассчитывая мирным путем прийти к руководству Сэйюкай и стать главой правительства, не прибегая к столь рискованному способу. Задуманное не осуществилось, но при формировании второго кабинета Вакацуки Угаки пришлось уйти с поста военного министра.

Окава и Хасимото продолжали собирать силы и заручились поддержкой лидера национально-социалистического крыла социал-демократии Акамацу Кацумаро (в прошлом один из основателей КПЯ) и крестьянского идеолога «прямого действия» Тагибана. Они должны были организовать массовые демонстрации и беспорядки в столице, к которым, как полагали заговорщики, присоединятся пролетарские партии и вообще все недовольные. Это продемонстрировало бы неспособность кабинета справиться с ситуацией, недоверие народа к нему и необходимость «сильной руки». На сей раз ставка была сделана на генерал-лейтенанта Араки Садао, занимавшего скромный пост начальника управления общих дел генеральной инспекции военного образования, но уже снискавшего известность в качестве националистического идеолога и трибуна. В октябре 1931 г. правые радикалы подготовили новый мятеж, который должен был провести Араки в премьеры, но и он отказал заговорщикам в поддержке, выбрав их за «легкомыслие», хотя и сочувствовал их настроениям. Хасимото и другие военные были ненадолго арестованы, а затем без лишнего шума отправлены в отдаленные гарнизоны; Окава, Акамацу и Тагибана остались на свободе. Никакой огласки несостоявшийся переворот не получил, хотя смутные слухи о нем циркулировали в военных и политических кругах.

Произошедший в бытность Вакацуки премьером «Маньчжурский инцидент» 18 сентября 1931 г., за которым последовала оккупация Маньчжурии, стал главным водоразделом довоенной истории Японии, ознаменовав начало «чрезвычайного времени». Эта акция не планировалась в Токио и стала результатом действий группы старших офицеров Квантунской армии во главе с Итагаки Сэйси, Доихара Кэндзи и Исивара Кандзи, которые опирались

на поддержку националистических кругов. Действия Японии в Китае подверглись всеобщему осуждению за границы, что ускорило падение кабинета, пребывавшего в полной растерянности. Правительственному кризису способствовал министр внутренних дел Адати, сторонник «активной» политики, покинувший ряды Минсэйто и создавший собственную партию Кокумин домэй. Ее главным организатором и идеологом стал еще один диссидент из рядов Минсэйто Накано Сэйго, вдохновлявшийся примером Муссолини и выступавший за проведение внутривластных реформ авторитарного типа.

Правительство лидера Сэйюкай Инукаи (декабрь 1931 – май 1932) стало последним довоенным партийным кабинетом, действовавшим уже в условиях «чрезвычайного времени». Поначалу предполагалось сделать его коалиционным, но «серые кардиналы» Сэйюкай Судзуки и Мори сорвали этот план и настояли на создании однопартийного кабинета. Правительство сумело добиться убедительной победы на парламентских выборах 20 февраля 1932 г.: Сэйюкай получила 303 мандата против 171, имевшихся у нее на момент роспуска, а Минсэйто снизила представительство с 247 (после ухода группы Адати–Накано) до 146 мест.

Однако внутри самого кабинета сразу же начались серьезные разногласия. С одной стороны, министр финансов Такахаси отказался от золотого стандарта³⁸, ввел эмбарго на вывоз стремительно утекавшего из страны золота, вернулся к политике инфляции и требовал экономии бюджетных средств. С другой – новый военный министр Араки постоянно требовал увеличения расходов на оборону и расширения экспансии в Китае. Общественное мнение, подпитываемое националистическими кругами и «новыми концернами», открыто поддерживало экспансию, видя в ней – наряду с расширением государственного контроля в экономике – возможный выход из постигших страну трудностей. Премьер Инукаи, принявший назначение вопреки советам своего старого друга Тояма Мицуру, прозрачно намекавшего на «опасность» момента, тщетно пытался примирить обе тенденции.

С началом 1932 г. радикально-националистические организации перешли к террору. 9 февраля, в разгар предвыборной кампании, на митинге в Токио был убит один из лидеров Минсэйто, бывший министр финансов Иноуэ, на которого молва возлагала ответственность за неудачи экономической политики Вакацуки. 5 марта та же судьба постигла влиятельнейшего банкира страны

³⁸ 21 сентября 1931 г. это сделала Англия, что вызвало панику на мировом финансовом рынке.

Даш Такума. В обоих случаях убийцами были молодые крестьяне — члены экстремистской организации «Кровное братство», созданной буддийским священником Иноуэ Ниссо. Организованный сторонниками Окава, Хасимото и Акамацу военно-националистический мятеж 15 мая 1932 г., жертвой которого пал сам Инукаи, окончательно подвел черту под историей «демократии Тайсё».

Чего же хотели молодые офицеры и крестьяне, вдохновлявшиеся идеями Окава, Гондо и Татибана и националистической проповедью Араки? В условиях наступившего «чрезвычайного времени» действия мятежников привлекли к ним симпатии значительной части общества, однако их несомненная слабость была в полном отсутствии позитивной программы. Это четко видно из их манифеста:

«Япония мучается из-за того, что политические партии поглощены всецело вопросами политической власти и партийных интересов, что плутократы в союзе с ними выжимают пот и кровь из народа, что власти поддерживают их и с каждым днем увеличивают репрессии, что внешняя политика слаба, что народное образование находится в упадке и что имеется идейное разложение... Сейчас единственным путем к избавлению являются *«прямые действия»*. Другого пути нет. Народ! Именем императора умерщвляй дурных чиновников из императорского двора, убивай плутократов и ныне существующие политические партии, которые являются врагами народа. Карай совершающие злоупотребления власти, убивай предательский привилегированный класс!.. Сперва разрушай. Перед великим строительством необходима коренная ломка. Рискуя нынешним положением Японии, мы хотим возжечь свет реставрации Сёва»³⁹.

Наступление «чрезвычайного времени», как стали именовать период после начала «Маньчжурского инцидента», принято считать окончательным поражением либерально-демократических инцидентов, символами которых были «демократия Тайсё», партийные кабинеты и «дипломатия Сидэхара». При вялом противодействии правящей верхушки армия и националистические круги, поддержанные значительной частью общества, толкали страну на путь интенсивной внешней экспансии и противостояния с другими державами, прежде всего с США. Мировой экономический кризис и его последствия способствовали радикализации общественного сознания, однако все это в совокупности не привело к радикальной смене правящей элиты, как в Германии с приходом к власти нацистов.

³⁹ Цит. по: Япония. Сборник статей и материалов. М., 1933, с. 26–27.

«ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ВРЕМЯ» (1931–1941)

«Маньчжурский инцидент» и его последствия. – «Кабинеты национального единства». – Новые тенденции в идеологии и обществе. – «Китайский инцидент» и подготовка к «большой войне». – «Дипломатия разведенной туши». – «Новая политическая структура». – Культура предвоенного десятилетия. – «Великое противостояние» и канун войны.

«Маньчжурский инцидент» и его последствия

«Маньчжурский инцидент», как в историографии принято называть оккупацию Маньчжурии Квантунской армией, начался в ночь с 18 на 19 сентября 1931 г. взрывом у полотна линии ЮМЖД в Лютяогоу, к северу от Мукдена. «Даже по сравнению с инцидентом в Сараеве, который разжег пламя Первой мировой войны, это было совершенно незначительное и случайное событие... Не было известно, кто и с какой целью произвел этот взрыв, но если бы даже это удалось установить, все равно этот случай не должен был привести к таким серьезным последствиям»¹. Была ли это провокация или просто случайность, но ответная реакция оказалась молниеносной: утром 19 сентября Мукден был занят Квантунской армией, к середине дня она контролировала всю полосу отчуждения ЮМЖД, а к 21 сентября оккупировала Чаньчунь, Аньдун, Инкоу и Гири (Цилин). Действия проводились по заранее подготовленному и отработанному плану, авторами которого были офицеры штаба Квантунской армии подполковник Исивара и полковник Итагаки. Они не имели санкции императора, кабине-

¹ История войны на Тихом океане. Т. I, с. 187.

га и военного министра и поставили перед фактом собственного командующего генерала Хондзё Сигэру.

Генеральный консул в Мукдене Хаяси Кюдзиро предупреждал МИД об «активистских» настроениях в штабе Квантунской армии, но Сидэхара не внял предупреждениям. М. Миякэ так оценил выбор момента заговорщиками: «1931 год, и в особенности сентябрь месяц, подходили для военной авантюры японской армии в Маньчжурии лучше, чем любое другое время. Новости об отказе Великобритании от золотого стандарта полностью затмевали любые известия из Маньчжурии»². Ситуация усугубилась отсутствием в Токио в первые дни «инцидента» достоверной информации, которой не располагал даже военный министр Мицуми Дзиро. МИД мог лишь повторять, что это локальный конфликт и что правительство прилагает усилия для его скорейшего урегулирования.

Китай – точнее, объединившиеся против общего врага режимы Чан Кайши и маньчжурского «молодого маршала» Чжан Сюэляна – предъявил протест Японии и 21 сентября обратился в Лигу Наций, членом Совета которой был только что избран. Конфликт сразу же оказался на повестке дня Совета Лиги и ее Ассамблеи. На стороне Китая немедленно выступил госсекретарь США Г. Стимсон; президент Г. Гувер был настроен более умеренно, но антияпонскую позицию госсекретаря усиливал его главный советник по дальневосточным вопросам С. Хорнбек. 22 сентября Стимсон вызвал японского посла Дэбути Кацудзи и вручил ему заявление о том, что маньчжурская проблема касается не только Японии и Китая. 24 сентября Япония заявила, что не имеет к Китаю территориальных претензий и немедленно выведет войска в пределы их прежней дислокации³.

Китай развернул в Лиге Наций и в европейской прессе активную пропагандистскую кампанию, в то время как японская делегация во главе с послом во Франции Ёсидзава Кэнкити не сумела привлечь на свою сторону ничьих симпатий. Командование Квантунской армии и его союзники в националистических кругах на словах соглашались с заявлениями о необходимости скорейшего урегулирования конфликта, но делали все по-своему. Когда генеральный консул Хаяси, получив очередной протест, попросил (даже не потребовал!) объяснений у военных, Итагаки «посове-

² Masaki Miyake. Sino-Western Rapprochement and the Response of the Japanese Foreign Policy Decision-Makers, 1928–1938: Military Intervention in Politics and Japanese Diplomacy // The Bulletin of the Institute of Social Sciences (Meiji University, Tokyo). Vol. 12 (1989). № 2, p. 9.

³ Тексты: История войны на Тихом океане. Т. I, с. 357–359.

товал» ему не лезть не в свое дело, как бы невзначай положив руку на рукоять сабли. Практически все слои японского общества одобрили действия армии как «патриотические» и обрушились на правительство за «нерешительность». Противниками экспансии оказались только «старики, политики и плутократы, окружающие трон», как называли их радикалы. Непопулярность Сидэхара достигла своего пика.

30 сентября Совет Лиги Наций принял осторожную резолюцию, призывавшую стороны к диалогу, однако напряженность не спадала. 8 октября Исивара организовал демонстративную бомбардировку Цзиньчжоу, который Чжан Сюэлян намеревался сделать своей столицей. Подобные акции окончательно определили антияпонскую направленность общественного мнения за границей. Стимсон требовал от Сидэхара гарантий, дать которые министр был не в состоянии. США заявили о поддержке усилий Лиги и готовности принять в них участие, если получат приглашение. 15 октября председатель Совета Лиги А. Бриан внес соответствующее предложение. Ёсидзава немедленно выступил против, ссылаясь на процессуальные моменты и возможность создания нежелательного прецедента (подразумевалось, для приглашения СССР). Однако предложение было принято, и час спустя представитель США присоединился к заседавшим.

Токио настаивал, что конфликт в Маньчжурии — двусторонняя проблема. Ёсидзава отверг обнародованный 17 октября проект генерального секретаря Лиги Э. Друммонда, призывавший Японию немедленно вывести войска с оккупированной территории и приступить к переговорам с Китаем при участии нейтральных стран, но 24 октября Совет Лиги принял резолюцию на его основе всеми голосами против одного. 26 октября Япония попыталась опровергнуть ее специальным правительственным заявлением с повторением всех прежних уверений⁴, но три дня спустя Бриан заявил, что резолюция остается в силе и обязательна для всех, включая Японию, несмотря на то, что она голосовала против. Вашингтон полностью поддержал Лигу.

19 ноября был занят Цицикар, главный город провинции Хэйлунцзян. 22–23 ноября японские войска начали наступление на Цзиньчжоу. Стимсон потребовал объяснений. Сидэхара, действуя в согласии с премьером и военным министром, 24 ноября заверил американского посла, что операции не преследуют агрессивных целей и направлены исключительно на защиту жизни и имущества японских граждан, о чем посол в тот же день сообщил

⁴ Текст: Там же, с. 359–362.

в Вашингтон. Стимсон не придавал значения конфиденциальному характеру информации и три дня спустя, когда стало известно о продолжении боевых действий, сообщил журналистам о заверениях японского министра. Заявление госсекретаря, искаженное газетчиками, спровоцировало кампанию против Сидэхара, подогреваемую военными и радикалами-националистами.

13 декабря лидер Сэйюкай Инукаи сформировал правительство, в котором экспансионисты были представлены военным министром Араки и генеральным секретарем кабинета Мори. Пост министра иностранных дел занял Ёсидзава, приходившийся премьеру зятем. Не успел он вернуться в Токио, как 3 января 1932 г. был взят Цзинчжоу, последний опорный пункт «молодого маршала». Ответом стала «доктрина Стимсона», изложенная в его телеграммах правительствам Японии и Китая: США заявили о непризнании «любых ситуаций, договора или соглашения», которые противостоят Пакту Бриана–Келлога, то есть являются результатом разрешения тех или иных проблем военными средствами⁵. 11 марта Лига Наций единогласно присоединилась к этой формуле (Япония и Китай в голосовании не участвовали).

18 января в Шанхае было ранено несколько японских священников, и местные японцы обратились к правительству с просьбой ввести в город войска для их защиты. 28 января в Шанхае высадился десант, который не только взял под контроль японский сегмент, как предполагалось вначале, но начал уличные бои с китайскими войсками⁶. В Китай были отправлены подкрепления, на что послы США, Великобритании, Германии и Италии заявили 2 февраля коллективный протест. 3 марта Япония объявила о прекращении боевых действий; 5 мая было подписано перемирие. Однако «маньчжурская проблема» оставалась нерешенной.

10 декабря 1931 г. Совет Лиги Наций постановил отправить на Дальний Восток международную комиссию для выяснения истинного положения дел и выработки рекомендаций по урегулированию конфликта. В комиссию вошли представители Великобритании, Франции, Италии и Германии как постоянных членов Совета Лиги и Японии и Китая как конфликтующих сторон. Предложения об участии в ее работе были посланы США и СССР: Вашингтон согласился, но из Москвы поступил отказ со ссылкой на соблюдение строгого нейтралитета. Это решение было воспринято как нежелание портить отношения с Японией,

⁵ Подробнее: Стимсон Г. Дальневосточный кризис. Воспоминания и наблюдения. М., 1936.

⁶ Заявление японского правительства: История войны на Тихом океане. Т. I, с. 362–364.

в которых с началом «инцидента» обозначились осложнения. «Комиссия Литтона», получившая известность под этим названием по имени своего председателя, прибыла в Иокогама 29 февраля 1932 г. и сразу же выехала в Токио, где пробыла больше недели, а затем отправилась в Китай.

6 февраля японские части вступили в Харбин. 1 марта было провозглашено создание государства Маньчжоу-го во главе с «регентом» — бывшим императором Китая Пу И, которое полностью контролировалось Квантунской армией; 1 марта 1934 г. Пу И официально принял императорский титул. 15 мая, когда комиссия Литтона находилась в Харбине, группа офицеров и экстремистов-националистов предприняла в Токио попытку военного переворота. После убийства Инукаи правительство возглавил адмирал Сайто Макото. 6 июля министром иностранных дел был назначен ветеран-дипломат Утида, в то время президент компании ЮМЖД. Он имел репутацию либерала, но под влиянием последних событий «сменил вехи» и превратился в сторонника экспансии.

Политическая нестабильность осложнила положение Токио перед лицом Лиги Наций: китайское правительство использовало это в ответе на отчет комиссии Литтона и на замечания МИД Японии как контраргумент против ссылок на политическую анархию в Китае. Общественное мнение Японии все более ожесточалось против того, в чем видело посягательство на жизненные интересы и даже вмешательство в ее внутренние дела. Все громче стали раздаваться голоса о бесполезности членства в Лиге Наций — в том числе со ссылками на неучастие в ней СССР и США — и о желательности выхода из нее. Это мотивировалось неспособностью Лиги урегулировать конфликт и прокитайской позицией большинства ее членов, особенно малых стран, «оскорбительной» для Японии.

18 июля японские войска вторглись в провинцию Жэхэ. 25 августа при обсуждении программной речи Утида в парламенте Мори, остававшийся депутатом, но не занимавший постов в новой администрации, потребовал немедленного признания Маньчжоу-го в доказательство независимости внешней политики Японии. В ответ министр заявил, что страна пойдет до конца в выполнении задуманного и отстаивании своей самостоятельности, даже если ради этого превратится в «выжженную землю». Слова стали крылатыми, но их обычно толкуют извращенно — как готовность превратить в «выжженную землю» Маньчжурию или Китай. 15 сентября был подписан протокол о признании Маньчжоу-го и об установлении дипломатических отношений на уровне послов⁷;

⁷ Текст: там же, с. 364–365.

представителем Токио был назначен командующий Квантунской армией Муро Нобуёси. Япония утверждала, что не имеет территориальных притязаний в Маньчжурии, что ее действия направлены только на защиту собственных интересов и что Маньчжоу-го будет придерживаться политики «открытых дверей» и «равных возможностей». Но этому мало кто поверил.

30 сентября отчет комиссии Литтона был вручен представителям конфликтующих сторон и официально опубликован 1 октября⁸. МИД Японии и военное министерство заявили, что отдельные наблюдения и факты верны, но выводы и рекомендации неприемлемы. Решительному осуждению было подвергнуто утверждение, что Маньчжоу-го – создание Квантунской армии и не отражает волю населения Маньчжурии. С критикой отчета выступили не только официальные лица, но и видные либералы Иноуэ и Ёсино Сакудзо. Они осудили его за поспешность, предвзятость и применение «двойного стандарта»: по их мнению, комиссия приняла сторону Китая, не проявив должного внимания к аргументам другой стороны. Во-первых, Маньчжурия жизненно необходима Японии как сырьевая база, поэтому та больше всех заинтересована в мире и стабильности на ее территории. Во-вторых, Япония не претендует на обладание китайскими или маньчжурскими землями в качестве колонии, а лишь стремится защитить свои законные, закрепленные международными договорами права, отстоять которые оказалось возможным только военным путем. В-третьих, последние десятилетия в Маньчжурии, да и во всем Китае, царили хаос и террор. В-четвертых, японцы принесут в Маньчжоу-го стабильность и процветание, что будет выгодно всем его торговым партнерам.

Возражения Китая строились на осуждении «японской агрессии», что нашло поддержку в США и Европе, поэтому еще четыре аргумента были адресованы державам. Во-первых, по принципам и обстоятельствам создания Маньчжоу-го формально мало чем отличалось от Польши, Чехословакии или Югославии. Во-вторых, оно подавалось как надежный барьер против «коммунистической угрозы». В-третьих, политика Японии сравнивалась с ‘Manifest Destiny’ США и их экспансией в Техасе, Мексике и на Филиппинах. Наконец, Япония – лучший торговый партнер для держав, нежели Китай. Однако это не дало ожидаемого эффекта. Избранный 9 ноября 1932 г. президентом Ф. Рузвельт уже в январе 1933 г. начал понимать, что будет следовать не только панамериканской, но

⁸ Текст: Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып. 5. М., 1933.

и дальневосточной политике Стимсона; антияпонские воззрения нового президента были давними и прочно укоренившимися.

Беспомощность Лиги Наций стала очевидной, а перспектива выхода Японии из нее реальной, но правительство решило проявить видимость стремления к компромиссу. 19 ноября был опубликован японский ответ на отчет комиссии Литтона, составленный в подчеркнуто дипломатичных тонах, но содержащий резкие и неутешительные выводы о том, что комиссия была дезинформирована китайским правительством и посчитала мнения «случайных лиц» более весомыми, чем официальные японские документы. 3 декабря был обнародован еще более резкий ответ Китая.

Рассмотрение вопроса Лигой перешло в заключительную стадию. Полномочным делегатом Японии на сессию Ассамблеи был назначен бывший вице-президент ЮМЖД Мацуока, активно выступавший за выход из этой организации. 24 февраля 1933 г. настал «судный день»: Ассамблея признала суверенитет Китая над Маньчжурией и одобрила отчет комиссии 42 голосами против одного. Мацуока заявил, что усилия его правительства, направленные на сотрудничество с Лигой, исчерпаны. Делегация демонстративно покинула зал заседаний и в тот же день выехала из Женевы. 27 марта были опубликованы императорский эдикт и правительственное сообщение о выходе из Лиги⁹.

К началу марта 1933 г. японские войска заняли почти всю провинцию Жэхэ. 10 марта успешно началось генеральное наступление Квантунской армии вдоль Великой стены. Чан Кайши и Чжан Сюэлян решили пойти на компромисс с Японией и в конце мая начали мирные переговоры. 31 мая в Тангу было подписано соглашение о перемирии, завершившее военные действия¹⁰. Гоминьдан был вынужден смириться с положением, сложившимся в Маньчжурии.

С момента создания Маньчжоу-го находилось под японским контролем, но считать его частью Японской империи неправомерно. Поэтому его историю мы не рассматриваем — она требует отдельного исследования.

«Кабинеты национального единства»

«Инцидент 15 мая» положил конец эпохе партийных кабинетов. Руководство Сэйюкай, имевшей большинство в парламенте, немедленно избрало председателем Судзуки Кисабуро, расчи-

⁹ История войны на Тихом океане. Т. I, с. 365–369.

¹⁰ Там же, с. 373–374.

появляясь, что формирование правительства будет автоматически поручено ему. Однако *гэнро* Сайондзи, имевший решающий голос и в вопросе о выборе премьер-министра, высказался в пользу непартийного «кабинета национального единства» во главе с Сайто, который был морским министром в обоих его кабинетах, а позже занимал пост генерал-губернатора Кореи. Он считался умеренным и осторожным политиком, авторитетным в военных кругах, но чуждым какого бы то ни было экстремизма. Пресса сравнивала его с германским президентом Гинденбургом, призванным объединить нацию и предотвратить приход к власти радикалов как «слева», так и «справа». Справа. Сайондзи и его окружение стремились не допустить на пост премьера националистических лидеров – вице-председателя Тайного совета Хиранума Киитиро и военного министра Араки. Нежелательной для них была и кандидатура Судзуки, ставленника консервативно-бюрократической линии Хиранума, имевшей особенно прочные позиции в министерствах внутренних дел и юстиции.

Современники скептически оценивали потенциал кабинета Сайто (май 1932 – июль 1934), хотя в его составе были такие известные и влиятельные деятели, как министр финансов Такахаши и министр иностранных дел Утида, а также два будущих премьер-министра – Окада Кэйсукэ (морской министр) и Хатояма Итиро (министр просвещения). Аналитики обратили особое внимание на 48-летнего министра сельского и лесного хозяйства Гого Фумио, считавшегося лидером «бюрократов-реформаторов» (*какусин канрё*), которым предстояло сыграть важную роль в политической жизни Японии следующего десятилетия.

«Бюрократы-реформаторы» никогда не объединялись организационно, но представляли собой слаженно действующую группу молодых перспективных государственных чиновников, осознавших необходимость реформ авторитарного типа, основными направлениями которых они считали постепенное упразднение многопартийной системы, лишение парламента возможности вмешиваться в управление финансами и политикой, усиление государственного контроля в экономике и внешней торговле, искоренение коммунистической и социал-демократической идеологии. Лидерами группы считались Гого и Ёсида Сигэру (чиновник МВД и полный тезка послевоенного премьера), вокруг которых объединились Киси Нобусукэ (министр торговли и промышленности в военном кабинете Годайро и послевоенный премьер), Сиина Эцудзабуро (заместитель Киси; после войны министр торговли и промышленности, затем иностранных дел), Кая Окинори (до войны министр финансов, после войны министр юстиции), Хосино Наоки (начальник Планового

бюро кабинета Коноэ и один из творцов военной экономики Японии), Аоки Кадзуо (министр по делам Великой Восточной Азии и начальник Планового бюро кабинета Тодзио), Арима Ёриясу (друг принца Коноэ, министр сельского и лесного хозяйства, генеральный директор Ассоциации помощи трону) и др. В дипломатических кругах к ним был близок директор Департамента информации МИД Сиратори Тосио, прославившийся экстремистскими заявлениями во время «Маньчжурского инцидента», в военных — Судзуки Тэйити, будущий генерал и министр.

У «бюрократов-реформаторов» было много общего. Почти все они работали в Маньчжоу-го, руководя его экономикой и промышленностью, и рассматривали его как полигон для будущих экономических реформ в самой Японии. Они стремились к замене существующей экономической и политической системы на нечто более «рациональное», изучая опыт «корпоративного государства» Муссолини, советского планового хозяйства, однопартийной системы и Трудового фронта нацистской Германии. Они были сторонниками внешней экспансии, но отдавали предпочтение экономическим, политическим и только потом военным методам. Они не сразу стали интересоваться внешней политикой, что было в традиции специализированной японской бюрократии (внешнеэкономическая деятельность находилась в ведении МИД). Катализатором этого интереса стал иностранный опыт, для изучения которого многие из них ездили за границу, а также влияние ЮМЖД и колониальной политики.

Полученный Гото министерский пост оказался в конкретных условиях одним из важнейших: положение аграрного сектора, отягощенное неурожаем 1931, 1932 и 1934 гг. и стихийными бедствиями, было катастрофическим и требовало реформ, а недовольство деревни все более нарастало — именно из крестьянской среды происходили исполнители недавних политических убийств. Гото разработал программу государственной помощи фермерам и заручился поддержкой военного министра, который главный резерв армии видел в деревне (фабрично-заводская промышленность поглощала всего 40% образовавшегося там избытка рабочей силы) и стремился справиться с растущей социальной нестабильностью. По настоянию министра финансов проект был отклонен, но концерны Мицубиси и Мицуи пожертвовали по 3 млн. иен, концерт Сумитомо 1 млн иен на общественные нужды и помощь безработным. Они же в апреле 1932 г. предоставили первые займы правительству Маньчжоу-го.

Под давлением армии, требовавшей новых ассигнований на оборону, министр финансов Такахаси отказался от прежнего кур-

ст на экономию и перешел к политике государственных займов, общая сумма которых в 1932 г. достигла 1 млрд. иен. Араки, известный более как идеолог и трибун, нежели как администратор, постоянно твердил об «угрозе с севера» (т.е. со стороны СССР), а затем о «проблеме 1934 года» (будущая война с США), мотивируя таким образом увеличение военных расходов. Для достижения согласия и сотрудничества между заинтересованными ведомствами с осени 1933 г. внутри кабинета начал функционировать новый орган – Совет пяти министров (премьер-министр, министры иностранных дел, финансов, военный и морской), собиравшийся для обсуждения важнейших проблем перед представлением их на рассмотрение правительства, императора или Тайного совета.

Рост военного производства способствовал прогрессу машиностроения, металлургии и химической промышленности, а также развитию «новых концернов» Ниссан, Ниссо, Мори, развернувших бурную деятельность в Маньчжоу-го. В августе 1932 г. Япония вышла на первое место в мире по экспорту продукции текстильной промышленности, оставив позади Англию, но это было достигнуто за счет как «рационализации производства», так и «социального демпинга» – увеличения рабочего дня, сокращения заработной платы, поддержания высоких внутренних цен.

Постоянные конфликты между Такахаси и Араки привели к отставке последнего в январе 1934 г. и замене его более умеренным генералом Хаяси Сэндзюро. Это стало отражением внутренней борьбы в японской армии, в которой еще с эпохи Мэйдзи огромное значение имели клановые и групповые связи. К началу 1920-х годов клан Тёсю, бессменным лидером которого был *гэнро* Ямагата, утратил монополию на занятие ключевых должностей. Его сменила «фракция Угаки» (военный министр в 1924–1927, 1929–1931 гг.), сформировавшаяся по принципу единства взглядов и личной преданности. Как оппозиция ей в начале 1930-х годов оформились «фракция императорского пути» (Кодоха) во главе с Араки и его ближайшим союзником Мадзаки Дзиндзабуро, на которых делали ставку радикальные националисты. Офицеры и генералы Кодоха требовали внутривластной перестройки Японии в авторитарном и даже тоталитарном духе и широкомасштабной внешней экспансии, но, отличаясь своеобразным «самурайским романтизмом», явно переоценивали экономический и военный потенциал страны и не просчитывали возможные международные последствия предлагавшегося ими курса. Более прагматичное течение получило название «фракция контроля» (Госэйха); к нему принадлежали генералы Хаяси, Тэраути, Суги-яма и будущий премьер Тодзио.

Разразившийся весной 1934 г. коррупционный скандал с акциями компании искусственного шелка «Тэйкоку дзинкэн кайся» привел к отставке кабинета Сайто, который ранее были вынуждены покинуть министр торговли и промышленности Накадзима и министр просвещения Хатояма. Под предлогом необходимости подготовки к пересмотру Лондонского морского договора кабинет возглавил бывший морской министр Окада (июль 1934 – февраль 1936), тоже считавшийся «умеренным». Сохранили портфели министр иностранных дел Хирота Коки (с сентября 1933 г.) и военный министр Хаяси. Гото Фумио стал министром внутренних дел, добившись создания в составе кабинета Исследовательского бюро (позднее преобразовано в Плановое бюро) для координации работы других ведомств. В ноябре 1934 г. министром финансов был вновь назначен Такахаси. Стремясь к максимальному консенсусу, премьер предложил партиям принять участие в формировании правительства. В итоге в него вошли два представителя Минсэйто и три бывших члена Сэйюкай, порвавших с партией, которая отказалась от сотрудничества с Окада.

Кабинету Окада пришлось решать те же проблемы, что и его предшественнику, но к ним добавились новые. Военно-морские круги через начальника Главного штаба ВМФ принца Фусими требовали аннулирования Вашингтонского и Лондонского договоров, настаивая на равном с США и Великобританией тоннаже флота. Правительству пришлось занять жесткую позицию, которая привела к одностороннему расторжению договора и уходу Японии с Лондонской морской конференции 1935 г. Под давлением армии в октябре 1934 г. в составе кабинета было создано Бюро по делам Маньчжурии во главе с военным министром Хаяси. В результате военные получили практически полный контроль над Маньчжурией, арендованной территорией Квантун и ЮМЖД, несмотря на сопротивление министерства колоний. Военное министерство развернуло активную идеологическую и пропагандистскую работу внутри страны, в нарушение традиций заявляя о себе как о самостоятельной политической силе. Одним из инициаторов этой деятельности был генеральный инспектор военного образования Мадзаки, после отставки Араки наиболее влиятельный лидер «фракции императорского пути», метивший на пост министра. Мадзаки и Хиранума стояли за скандалом вокруг теории «император – орган государства» летом-осенью 1935 г., который показал степень политической и идейной напряженности в стране (см. ниже). Другим знаковым событием стало беспрецедентное убийство 12 августа 1935 г. подполковником Аидзава из «фракции императорского пути» начальника бюро военных

чел (ключевой административный пост) военного министерства генерал-майора Нагата Тэцудзан, считавшегося «мозгом» «фракции контроля». Убийца объяснил свой поступок «возмездием» за устранение Мадзаки с поста генерального инспектора военного образования, хотя это и было сделано императорским указом.

На парламентских выборах 20 февраля 1936 г. Минсэйто получила 205 мест вместо 127, а Сэйюкай — 175 вместо 242. Заметно увеличили свое представительство малые партии (Сёвакай, Народный союз Адати-Накано, Социалистическая массовая партия Абу-Асо) и независимые, что говорило о падении авторитета старых партий. Однако меньше чем через неделю страну потряс вооруженный мятеж в Токио, известный как «инцидент 26 февраля».

На рассвете этого дня группа младших офицеров вывела из казарм 1500 солдат, которые заняли большинство правительственных учреждений, включая военное министерство, парламент и главное полицейское управление; прекратила работу биржа, перестали выходить газеты. Ожидались нападения на императорский дворец и иностранные посольства, но этого не произошло. В первый день мятежа были убиты министр финансов Такахаси, лорд — хранитель императорской печати, бывший премьер Сайто, генеральный инспектор военного образования Ватанабэ; тяжелые ранения получил обер-камергер адмирал Судзуки Кантаро, будущий глава правительства, при котором будет принято решение о капитуляции Японии. Мятежники захватили официальную резиденцию премьер-министра Окада и по ошибке застрелили его шурина; премьер спрятался в шкафу, где провел почти сутки, но был официально объявлен убитым. Только стечение обстоятельств спасло от смерти *гэнро* Сайондзи и бывшего лорда — хранителя печати Макино.

Вдохновляясь государственно-социалистической утопией Кита Цзунгана, мятежники рассчитывали установить в стране военную диктатуру во главе с Мадзаки (не заручившись заранее его согласием) и склонить на свою сторону императора для осуществления «реставрации Сёва», но, подобно организаторам «инцидента 15 мая» 1932 г., не имели четко разработанной программы действий, что обрекало их на поражение. Генералитет и радикально-националистические круги, включая Араки, отказали им в поддержке, хотя некоторые, возможно, сочувствовали их идеям и настроениям. По инициативе вице-адмирала Ёнаи Мицумаса, командира базы ВМФ Ёкосука, эскадра Объединенного флота вошла в Токийский залив; моряки взяли под охрану здание своего министерства и изъявили готовность защитить императорский дворец в случае нападения. Наконец, император потребовал призвать солдат немедленно вер-

наться в казармы, а в случае неповиновения подавить мятеж силой. На третий день выступление захлебнулось. Личный состав подчинился приказу монарха, а руководители мятежа после переговоров с военными и националистическими лидерами, включая Хасимото и Исивара, сдались властям.

После известий о гибели премьера исполняющим его обязанности был назначен министр внутренних дел Гото. Однако новым главой правительства неожиданно для самого себя стал министр иностранных дел Хирота. «Они хотели человека в пиджаке, а не в мундире», — прокомментировал выбор *гэнро* и придворных дипломат Ёсида, которого Хирота намеревался сделать министром иностранных дел, но отказался от этого под давлением армии. Не искушенный в интригах и не имевший собственной политической базы, новый премьер оказался заложником в руках военных.

Военный министр Тэраути, один из лидеров «фракции контроля», начал с репрессивных мер: в запас был уволен ряд генералов, включая Араки, Мадзаки и Хондзё; был вынужден уйти в отставку и принадлежащий к противоположной группировке Хаяси. Мадзаки и промышленник Кухара были арестованы по обвинению в причастности к заговору, но вскоре освобождены. «Фракция императорского пути» полностью лишилась власти как в армии, так и в политике. Руководители мятежа, включая Кита, на закрытом процессе были приговорены к расстрелу. В отличие от организаторов «инцидента 15 мая», им было отказано в праве на «подвиг»: власти запретили воздвигать в их честь памятники и храмы и посвящать им спектакли и фильмы, что после войны позволило представить февральских мятежников в качестве противников режима и настоящих героев, как в повести и фильме Мисима Юкио «Патриотизм».

Доминирование армии в политике проявилось в восстановлении закона о том, что военным министром может быть только генерал на действительной службе (отменен кабинетом Ямамото в 1913 г., однако поправка, разрешавшая занимать этот пост генералу в отставке, не применялась ни разу), а также в принятии «Основных принципов национальной политики» (7 августа 1936 г.) и заключении Антикоминтерновского пакта с Германией, которые одновременно были попытками выхода из международной изоляции. Военное министерство разработало проект внутривнутриполитических реформ, предусматривавших лишение парламента и без того ограниченных возможностей влиять на политику кабинета и критиковать его. Все чаще стали раздаваться призывы перейти к однопартийной системе по германскому, итальянскому или советскому образцу. Однако эти проекты вызвали решительную

опозицию со стороны старых партий, готовых сотрудничать с бюрократией и военными, но не желавших лишаться формального права на участие в политике, что обеспечивало партийным боссам и их окружению не только социальный статус, но и материальное благополучие.

В январе 1937 г. на сессии парламента Хирота и Тэраути подверглись ожесточенной критике, вызвавшей резкую перепалку военного министра с депутатами. Военные круги высказались за его роспуск, однако Хирота предпочел подать в отставку. Формирование правительства было поручено Угаки, но армейская «большая тройка» (министр уходящего кабинета, начальник Генерального штаба и генеральный инспектор военного образования) под давлением старшего офицерства отказалась рекомендовать военного министра в новый кабинет, заявив о нежелательности кандидатуры премьера. Это мотивировалось его «либерализмом», близостью к партиям и финансовой олигархии, а также «предательством» во время мартовского заговора 1931 г. Сложность ситуации заключалась в том, что Угаки уже получил императорский указ о формировании правительства, и действия армии выглядели противостоянием высочайшей воле. Тем не менее военные сумели настоять на своем: лорд — хранитель печати Юаса Курахэй отказался просить императора о прямом вмешательстве (как это было в конце 1912 г. при отказе флота назначить министра в третий кабинет Кацура), и после пятидневных попыток Угаки сдался.

Председатель Тайного совета Хиранума отказался от должности премьера, которая вслед за этим была предложена бывшему военному министру Хаяси. Его кабинет (февраль — июнь 1937) сразу пошел на конфронтацию с политическими партиями и общественностью, а потому оказался недолговечным. 31 марта Хаяси распустил парламент, рассчитывая «наказать» его. Выборы 30 апреля дали рекордно высокий процент неучастия, но принесли сокрушительное поражение правительству, которое поддержали только небольшие партии и группы. Перед лицом «единого фронта» Сэйюкай, Минсэйто и прессы кабинет ушел в отставку. Немногое, что он успел сделать, — это существенное увеличение налогов (подходного, на проценты от капитала, на наследство, на сделки, на спиртные напитки и т.д.) и сокращение бюджетной помощи местным финансам, которую активно оказывал кабинет Хирота. В новом бюджете прямые военные расходы составили 19% (в предыдущем 43%), что вызвало оживление в отраслях, связанных с военным производством.

Преемником Хаяси стал председатель палаты пэров принц Коноэ, представитель одной из «пяти фамилий», находившихся

в родстве с императорским домом. Харизматический 46-летний принц, считавшийся учеником и потенциальным преемником престарелого *гэнро* Сайондзи, устраивал всех: он был националистом, но не экстремистом, сочетал аристократическое происхождение с интересом к социальным реформам, ратовал за гармоничные отношения со всеми странами, не исключая Советского Союза, поддерживал требования военных об укреплении обороноспособности и одновременно водил дружбу с радикалами «слева» и «справа». Коноэ нередко упрекали в слабости характера и зависимости от окружения, но он умел подбирать сотрудников. В кабинет вошли уже известные и влиятельные политики Хирота (министр иностранных дел), Сугияма (военный министр), Ёнаи (морской министр), Кая (министр финансов), а также ближайшие соратники премьера – Арима Ёриясу (министр сельского и лесного хозяйства), Кидо Коити (министр социального обеспечения), Ясуи Хидэдзи (министр просвещения), Кадзами Акира (генеральный секретарь) – для которых это стало дебютом в «Большой политике».

Первый кабинет Коноэ (июнь 1937 – январь 1939), во многом состоявший из «новых людей», был встречен всеобщим воодушевлением. Однако всего через месяц после его формирования начался «Китайский инцидент», переросший в настоящую войну и похоронивший многие из задуманных им реформ.

Новые тенденции в идеологии и обществе

«Чрезвычайное время», наступившее с началом «Маньчжурского инцидента», сразу же отразилось на идеологии и общественном сознании. Выше уже говорилось, с каким воодушевлением общественное мнение Японии – за исключением направлявшейся Коминтерном горстки коммунистов – восприняло экспансию в Маньчжурии. Оно подталкивало к решительным действиям дипломатов и министров, призывая их не считаться с давлением извне.

На рубеже 1920–1930-х годов новую популярность переживают идеи паназиатизма, глашатаем которых выступал Окава. На волне критики Лиги Наций популярность приобрел лозунг «Назад в Азию!», поддержанный не только политиками и публицистами, но и большинством «бюрократов-реформаторов». Политолог Рояма Масамити призвал к созданию «азиатской Лиги Наций» для решения внутриазиатских проблем, к числу которой

относил и маньчжурскую. Акамацу, перешедший на национально-социалистические позиции, в 1932 г. говорил: «Разумеется, я праг империалистических войн, но я убежден, что Маньчжурия незаменима для экономического будущего японских трудящихся»; агитационная поездка по деревням полностью убедила меня, что маньчжурский вопрос поднимает энтузиазм у самых забитых крестьян... Я полностью доверяю антикапиталистическому движению молодых офицеров и полагаю, что именно с их помощью мы придем к созданию социалистического государства в Японии и в Маньчжурии»¹¹. Главной идеей Акамацу было то, что долг социалистов всех стран – защищать собственный рабочий класс, а не Коминтерн или Советский Союз.

Любые выступления против «активной» внешней политики, будь то с либерально-западнической или коммунистической точки зрения, стали восприниматься как «антипатриотичные», что вызвало волну гонений на левую интеллигенцию и деятелей культуры, даже не связанных с революционным движением. Первой жертвой стал профессор уголовного права Киотосского университета Такигава Юкитоки, отстраненный от должности министерством просвещения в нарушение принципа университетской автономии. Его «преступление» заключалось в том, что он высказал мысль о необходимости делать различие между уголовными и политическими преступниками. В знак протеста еще восемь профессоров подали в отставку. Вскоре тот же университет был вынужден покинуть Каваками Хадзимэ, один из виднейших японских марксистов, которого не спасло даже заявление о полном отказе от общественной деятельности.

Наиболее заметными явлениями идейной жизни 1930-х годов, порожденными «чрезвычайным временем», стали «переход» (*тэнко*¹²) части коммунистов и сочувствующих им на националистические позиции, «дискуссия о выяснении сущности *кокутай*» (см. ниже) и введение системы «контроля над мыслями» в школах и университетах.

В июне 1931 г. начался публичный процесс над 280 членами КПЯ, завершившийся 14 июля 1932 г. Четверо членов ЦК Итикава Сёити, Сано Гаку, Набэяма Садатика и Митакура Сиро были приговорены к пожизненной каторге, хотя прокурор требовал для них смертной казни. В последний день суда Сано произнес от имени всех обвиняемых пламенную речь. Однако 7 июня 1933 г. находившиеся в тюрьме Итикава Сано и Набэяма выступили с сен-

¹¹ Andree Viollis. Le Japon et son empire. Paris, 1933, p. 150.

¹² Также переводится как «поворот».

сационным заявлением об «изменении убеждений» и отказе от прежних взглядов:

«1. Мы требуем разрыва с Коммунистическим Интернационалом по следующим трем основным причинам: во-первых, потому что теперешние коммунистические партии перестают быть партиями рабочего класса и потому что они стоят в стороне от действительных интересов и борьбы рабочих; во-вторых, потому что Коммунистический Интернационал не занимается больше вопросами жизни и борьбы рабочего класса других стран и его интернационализм потерпел крушение; в-третьих, потому что та пораженческая политика, которую в связи с приближающейся войной Коммунистический Интернационал навязывает японской партии, является вредной для японской нации и для японских рабочих...

5. Мы не должны стоять на точке зрения абстрактного интернационализма, а должны стремиться к тому, чтобы осуществить установление социализма в одной стране, а такой основной страной является Япония...

6. Мы считаем неправильным, что партия ведет борьбу против монархии, сравнивая японскую монархию с русским царизмом. Японская монархия способствует национальному единству. Мы должны считаться с естественным чувством народа по отношению к монарху. Национальное единство Японии является самой надежной гарантией для захвата власти народом снизу, и японские рабочие не верят в то, что народная власть должна прийти в столкновение с монархией, как это было в царской России...

8. Японская коммунистическая партия должна отказаться от своей антинациональной программы, должна решительно порвать с Коминтерном... С нашими новыми взглядами мы обращаемся к рабочему классу»¹³.

Японские коммунисты в Москве немедленно исключили обоих из КПЯ. В ответ Сано опубликовал ряд открытых писем, из которых, по оценкам прессы, «не видно, чтобы четыре года тюремного заключения сломили его дух или что он утратил веру в коммунизм». Он выступил против коминтерновской характеристики японского капитализма как «агрессивного» и «разбойничьего», заметив, что он принципиально не отличается от капитализма других держав: «Подобно тому, как литвиновская дипломатия Советской России похожа на политику буржуазных держав в Лиге Наций в отношении Японии и Китая, так и вожди Коминтерна, подобно европейским либералам, сильно возбуждены в связи с поведением Японии со времени маньчжурского конфликта».

¹³ ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917–1941, с. 588–590.

«По данным расследования, проведенного уголовным департаментом министерства юстиции, через месяц после заявления Сано и Набэяма от прогрессивного движения отошли или изменили ему 415 человек из 1370 подследственных и 133 человека из 193 осужденных на основании Закона о поддержании общественного спокойствия»¹⁴. Кстати, покаяние не означало немедленного освобождения и прощения: Сано и Набэяма вышли на свободу только в 1943 г. Председатель ЦК Ямамото Масаёси в 1933 г. был арестован и тоже совершил «переход». В ноябре того же года был схвачен последний остававшийся на свободе член Политбюро Норо Эйтаро. Коммунистическое движение в стране перестало существовать, тем более что вскоре были репрессированы практически все японские коммунисты, работавшие в СССР. К 1935 г. были запрещены все легальные «левые» издания.

Гонениям подвергались не только противники режима, но и благонамеренные либералы вроде профессора Токийского университета и члена палаты пэров Минобэ Тацукити, специалиста в области конституционного права, чьи идеи пользовались официальным одобрением в эпоху «демократии Тайсё» и преподавались в высших учебных заведениях.

Минобэ выдвинул теорию, по которой император является высшим органом государственной власти, а не единоличным носителем ее. Это была либеральная альтернатива популярным в начале XX в. теориям профессора Токийского университета Ходзуми Ёцука и его ученика Уэсуги Синкити, которые, постулируя божественное происхождение императорского дома, выводили его за рамки права: император — не «Сын Неба», но «Само Небо», источник права, а не его объект; суверенная власть существует и должна существовать для блага народа, но не принадлежит народу. Умело используя положения конституции 1889 г. и официальные комментарии к ней, Минобэ утверждал, что носителем верховной власти является государство, а не император. Разумеется, он не уравнивал императора с подданными и не посягал на его божественный статус, но выводил *кокутай* и другие понятия религиозно-этического характера за пределы права, куда помещала их консервативная школа Ходзуми-Уэсуги.

Однако в 1935 г. националистические круги при поддержке армии развернули против Минобэ масштабную пропагандистскую кампанию, известную как «дискуссия о выяснении сущности *кокутай*». Правительство попыталось остаться в стороне, но в результате было вынуждено запретить три книги Минобэ (которому

¹⁴ История войны на Тихом океане. Т. I, с. 290.

пришлось покинуть университет и палату пэров) и выпустить два заявления, разъясняющих официальную точку зрения. В первом (3 августа 1935) говорилось: «В императорском рескрипте, даровавшем нам Конституцию, сказано: «Верховную государственную власть мы получаем от Наших Предков и передаем Нашим Потомкам». Статья первая Конституции гласит: «Великой Японской империей правит непрерывная в веках линия императоров». Таким образом, в ней ясно определено, что верховная власть в Великой Японской империи безраздельно принадлежит императору». Не называя Минобэ по имени, правительство вынесло приговор его взглядам: «Те же, кто считает, что верховная власть не принадлежит императору, что император является лишь органом, осуществляющим эту власть, совершенно не понимают основного принципа нашего единственного в своем роде государственного строя. Императорское правительство сожалеет, что за последнее время появились теории, пренебрегающие основным принципом нашего национального государственного строя»¹⁵. Заслуживает внимания оговорка о теориях, появившихся «за последнее время», хотя они благополучно существовали как минимум два десятилетия. Видимо, она преследовала цель оградить власти от упреков в многолетнем признании и поддержке концепции, которая теперь официально осуждалась.

Критика со стороны националистов не прекращалась, вызвав к жизни новые «разъяснения». Второе заявление (15 октября 1935) содержало гораздо более серьезные предупреждения: «Подобные теории необходимо решительно искоренять, поскольку они подрывают наш священный государственный строй и ошибочно толкуют его основной принцип. Императорское правительство призывает все политические, религиозные и прочие организации содействовать разъяснению и возвышению сущности нашего единственного в своем роде национального государственного строя, исходя из его основного принципа». Косвенным результатом кампании стал уход в отставку влиятельных «либералов» — лорда — хранителя печати Макино и председателя Тайного совета Икки Китокуро.

Одним из важнейших последствий «дискуссии» стало появление в апреле 1937 г. книги «Основные принципы *кокутай*»¹⁶ (*Кокутай-но хонги*), официальной формулировки доктрины, которую современники сравнивали с «Майн кампф» и «Вопросами ленинизма». Этот пространный, насыщенный цитатами и аллю-

¹⁵ Текст: Там же, с. 374–375.

¹⁶ Перевод важнейших фрагментов: Синто. Путь японских богов. Т. 2. Тексты Синто. СПб., 2002.

ниями из древних литературных памятников, а потому не слишком понятный широким массам текст, выпущенный министерством просвещения, должен был войти в официальный духовный и идеологический канон. Общий тираж книги за восемь лет до конца войны исчислялся сотнями тысяч. «Основные принципы *кокутай*» были попыткой сочетать инструктивно-пропагандистский материал для массового распространения и канонический текст с обилием иносказаний и метафор и претензией на глубокую мудрость. Одновременно было издано большое количество комментариев, которые не только растолковывали отдельные положения текста, но и подкрепляли его статус: «это придавало официальной идеологии вид священной доктрины, не столько подлежавшей восприятию разумом, сколько рассчитанной на эмоционально-символическое впитывание, когда определенная неясность текста для непосвященных лишь усиливала эффективность идеологической обработки»¹⁷.

«Основные принципы *кокутай*» окончательно оформили официальную концепцию. В первую очередь, она утверждала единство императора, народа и населяемой им богоизбранной земли в качестве единого организма или единой семьи, но с узлами крепче и священнее любых семейных уз: это более чем отецская любовь императора к подданным и более чем сыновняя почтительность и верность подданных монарху. Для императора и равной степени дороги и любимы все его подданные уже в силу самой их принадлежности к японской нации, имеющей сакральное происхождение. Он «с великим божественным милосердием прощает проступки своим подданным». Но это, разумеется, не означает их полной безответственности в надежде на прощение — напротив, только подчеркивает их ответственность перед императором: отцом, монархом, первосвященником. Таким образом, мера этой ответственности неизмеримо больше той, понятие о которой существует в праве и этике современных европейских и даже традиционных обществ. Подданным должны быть присущи «искренность при почитании императора», чувство единства всей нации в сердечном служении императору, ответственность перед ним и беспрекословная верность ему. К верности императору приравнивается и верность государству, т. е. патриотизм и исполнение гражданского долга. Император «одухотворял» государство, а не возглавлял его; оно существовало только благодаря ему, а не наоборот.

¹⁷ Сила-Новицкая Т. Г. Культ императора в Японии. Мифы. История. Доктрины. Политика. М., 1990, с. 93.

Идеологический канон был готов. На очереди стояло создание механизма для его внедрения и одновременного противостояния оппозиционным идеям. Главным рассадником «крамолы» считались университеты и средние школы второй ступени, поэтому с 1933 г. министерство просвещения учредило систему «контроля над мыслями», ставшего обязательным для всех государственных и частных учебных заведений, которые были обязаны регулярно отчитываться о положении дел и проделанной работе. Главное внимание уделялось преподаванию общественных наук, особенно экономики и философии, поскольку это была легальная возможность не только изучать, но и пропагандировать марксизм и социализм. Если влияние философии марксизма заметно ослабло, то в области экономики он оставался популярен, например у «бюрократов-реформаторов». Заметным явлением интеллектуальной жизни страны стал выход в 1932 г. «Лекций по истории развития японского капитализма», написанных группой беспартийных марксистов (Хирано Ёситаро, Хаттори Сисо, Хани Горо) под руководством идеолога КПЯ Норо. Несмотря на постоянное ужесточение цензурных и полицейских репрессий, «левые» ученые продолжали свою деятельность, хотя многие из них дистанцировались от политической борьбы.

Для усиления контроля над обучением и воспитанием молодого поколения в 1936 г. был создан Совет по реформе образования, проекты которого предусматривали его дальнейшую милитаризацию и усиление идеологической обработки учащихся в духе следования «императорскому пути» и противостояния «опасным мыслям». Реакцией на подобный диктат стала новая волна гедонистических и декадентских настроений среди молодежи, уходившей от острых политических и социальных проблем в мир интимных переживаний и чувственных удовольствий. Это до поры до времени устраивало правящую элиту, но с началом войны в Китае летом 1937 г. во всех сферах жизни общества был взят курс на «тотальную мобилизацию». Любое несогласие с ним автоматически вело к репрессиям, которых не избежали такие «благонамеренные» интеллектуалы, как специалист в области колониальной политики Янаихара Тадао и сам главный организатор «контроля над мыслями» Каваи Эйджиро, пять книг которого были запрещены. В 1938 г. были ликвидированы последние оплоты ученых и писателей коммунистической ориентации – Общество по изучению материализма и Клуб независимых писателей. В тюрьмах оказались известные философы-марксисты Тосака Дзюн и Кодзай Ёсисигэ; арестам и запретам на публикации были подвергнуты писатели Миямото Юрико, Накано Сигэхару и другие. Обстанов-

ка способствовала окончательному «переходу» на позиции национализма и панasiatизма не только бывших коммунистов, но и интеллектуалов демократической и леволиберальной ориентации вроде философа Мики Киёси или экономиста Рю Синтаро.

«Китайский инцидент» и подготовка к «большой войне»

Случайная ночная перестрелка у моста Лугоуцяо (мост Марко Поло) 7 июля 1937 г. стала началом войны, будущие масштабы которой никто не мог предвидеть. Как и во время взрыва в Лю-тяоу в 1931 г., с которого начался «Маньчжурский инцидент», незначительное событие, подлинная причина которого так и осталась невыясненной, послужило поводом для начала японского наступления.

Несмотря на ряд перемирий и соглашений (Умэдзу – Хэ Ин-цинъ о провинции Хэбэй, Доихара – Цин Дэчунъ о провинции Чахар летом 1935 г.), в Китае и Внешней Монголии все это время было беспокойно. 17 апреля 1934 г. дипломаты и журналисты были взбудоражены заявлением начальника Департамента информации МИД Амо¹⁸ Эйди о том, что «поддержание мира и порядка в Восточной Азии, естественно, является обязанностью восточноазиатских стран», что Япония готова для этого сотрудничать с Китаем, но если тот «пойдет по пути использования других держав для устранения Японии и нарушения мира в Восточной Азии... Япония не будет молчать». «Заявление Амо» было интерпретировано как претензия на монопольное господство в Китае, что сразу же вызвало протесты держав. 20 апреля Амо заявил, что всего лишь разъяснил соответствующий фрагмент речи министра иностранных дел Хирота в парламенте. 26 апреля сам Хирота дал объяснения американскому и английскому послам: «1. Япония не только не посягает и не намерена посягать в будущем на независимость Китая и его интересы, но чистосердечно желает сохранения его целостности, единства и процветания. Однако обеспечение целостности, единства и процветания должно быть предоставлено самому Китаю. 2. Япония не намерена посягать на какие-либо интересы других держав в Китае... Япония уважает принцип открытых дверей и равных возможностей в Китае, а также все прочие действующие ныне в Китае договоры и соглашения. 3. Однако Япония не может сложить руки наблюдать за

¹⁸ Также – Амау.

действиями держав, нарушающими мир и порядок в Восточной Азии, в какой бы форме эти действия ни проявлялись...»¹⁹

Этот курс был закреплён в «Основных принципах национальной политики», принятых Советом пяти министров 7 августа 1936 г. Они предусматривали: «1. Достижение взаимного благоденствия в Восточной Азии путем искоренения осуществляемой великими державами политики господства и утверждения принципа истинного сосуществования... 2. Осуществление мероприятий по усилению государственной обороны... 3. Ликвидация угрозы с севера, со стороны Советского Союза, путем здорового развития Маньчжоу-го и укрепления японо-маньчжурской обороны; обеспечение готовности встретить во всеоружии Англию и Америку путем дальнейшего экономического развития... 4. Расширение нашего национального и экономического продвижения на юг, в особенности в район стран Южных морей». Армии предписывалось быть готовой к отражению атаки с севера, а в случае необходимости «нанести первый удар по расположенным на Дальнем Востоке вооруженным силам» СССР; флоту ставилась задача добиться преимущества над американскими силами на Тихом океане. Конкретные меры предусматривали создание «единого общественного мнения внутри страны» и руководство им, а также «стабилизацию жизни народа, его физическое укрепление и идейное оздоровление»²⁰. Коротко говоря, страна готовилась к возможному конфликту, но не планировала его начинать, рассчитывая добиться своих целей мирным путем. С этого времени Япония жила по принципу «если завтра война».

«Китайский инцидент», как стали называть новую войну, руководством Японии — ни военным, ни гражданским — не планировался. Хироита небезуспешно стремился добиться компромисса с гоминьдановским режимом и одновременно защитить японские интересы в Китае, а также сгладить имеющиеся по этому вопросу противоречия между Токио и Вашингтоном. При нем японо-китайские отношения достигли определенного прогресса, особенно в области экономики. Чан Кайши и второй лидер Гоминьдана Ван Цзинвэй не исключали возможность временного сотрудничества с Японией, но коммунисты при поддержке СССР избрали курс на конфронтацию и создание «единого национального антияпонского фронта». В то же время японская армия была занята реализацией долгосрочных мобилизационных и военно-экономических планов. Длительная и дорогостоящая война в Китае, чреватая возможным

¹⁹ Тексты: История войны на Тихом океане. Т. I, с. 369–373.

²⁰ Текст: там же. Т. II, с. 340–343.

наступлением в нее СССР и дальнейшим усилением международной изоляции, в планы правящей элиты Японии не входила. Премьер Коноэ, министр иностранных дел Хирота, морской министр Гийи и министр финансов Кая высказались за скорейшую локализацию и прекращение конфликта. В этом же направлении работал аппарат Азиатского бюро МИД и консулы в Китае.

21 июня было подписано соглашение о временном прекращении боевых действий. Правительство спешило заняться решением внутренних проблем, но позиция армии была непримиримой. Под ее давлением (дольше всех сопротивлялся морской министр) 11 июля кабинет решил направить в Северо-Восточный Китай подкрепления и развернуть там боевые действия, официально объявив об этом 15 июля. 27 июля Китаю был предъявлен ультиматум, сроком на сутки, с требованием о передаче Пекина. По истечении срока 28 июля японские войска заняли Пекин, 29 июля Тяньцзинь, а 30 июля начали наступление по всему фронту. Конфликт мог быть решен только убедительной победой одной из сторон. Два с половиной месяца шли бои за Шанхай, который пал 11 ноября. 13 декабря был взят Нанкин²¹, столица режима Чан Кайши. До конца года японская армия общей численностью шесть армий, или двадцать дивизий, заняла главные опорные пункты в пяти провинциях Северного Китая, потеряв в боях около 70 тыс. убитыми и ранеными.

С самого начала «инцидента» симпатии США, Великобритании и СССР были на стороне Китая, хотя они поддерживали разные фракции антияпонского движения. Даже Германия, несмотря на Антикоминтерновский пакт, вплоть до начала боевых действий поставляла Чан Кайши оружие и держала при нем военных советников, а позиция ее посла в Нанкине О. Траутмана была откровенно антияпонской. В условиях растущей международной изоляции Третьему Рейху было выгодно выступить посредником в урегулировании конфликта, показать себя сторонником мира и даже миротворцем, способным сделать то, чего не смогли державы и Лига Наций. Однако усилия германской дипломатии результатов не дали. 9 декабря в Маньчжоу-го был принят закон

²¹ События, последовавшие за взятием города, после войны получили известность как «Нанкинская резня»: по утверждениям различных авторов, японские войска уничтожили от 30–40 до 300 тыс. мирного населения. Случаи убийств, насилия и грабежей, бесспорно, имели место, однако в истории событий остается много неясного, а официальная версия на протяжении десятилетий подвергается убедительной критике историками. Они указывают на отсутствие современных (т.е. достоверных) свидетельств, подтверждающих эти цифры, а также дипломатических протестов Китая и поддерживавших его держав, хотя в то время они постоянно дебатировались по гораздо менее значительным поводам.

о контроле над внешней торговлей, открыто направленный против иностранцев. 12 декабря на реке Янцзы японская береговая артиллерия — по приказу небезызвестного полковника Хасимото, «сосланного» в Китай, — потопила американскую канонерку «Ранау» (выполнявшую, как были вынуждены признать представители ВМФ США, разведывательную миссию) и обстреляла английский военный корабль «Ladybird». В общей взрывоопасной обстановке это могло стать поводом для вовлечения обеих держав в войну, но Хирота сумел погасить конфликт и добиться от военных должных извинений.

Война в Китае приобретала затяжной характер. Милитаристы во главе с военным министром Сугияма и министром внутренних дел Суэцугу Нобумаса настаивали на расширении экспансии и на отказе от контактов с Чан Кайши, начавшихся после падения Нанкина при посредничестве Берлина. 22 декабря лидеру Гоминьдана были сообщены японские условия мира: отказ от «прокоммунистической» политики, создание нейтральных зон, экономическое сотрудничество с Японией и Маньчжоу-го, уплата контрибуции. По решению Императорской конференции от 11 января 1938 г. («Основные принципы урегулирования «Китайского инцидента»»), два дня спустя переговоры были прерваны. 16 января Коноэ объявил об отказе считать режим Чан Кайши партнером в любых переговорах²². 20 января Китай отозвал из Токио своего посла, а 24 января и поверенного в делах.

22 января парламент абсолютным большинством принял закон «О всеобщей мобилизации нации», создававший в стране режим военного времени (10 февраля аналогичный закон был принят в Маньчжоу-го). Он охватывал не только все отрасли экономики, но распространялся на образование, науку, средства массовой информации, ограничивая гражданские права и свободы. В декабре 1937 г. и в феврале 1938 г. были проведены массовые аресты левых интеллектуалов и общественных деятелей, обвинявшихся в распространении антивоенных идей «народного фронта». В их числе были бывшие лидеры КПЯ Ямакава и Арахата, «пролетарский» депутат парламента Като Кандзю, известный экономист Оути Хээ и многие другие.

Но ситуация не улучшалась, несмотря на активные действия армии, а также отказ Германии от поддержки Китая. 26 мая 1938 г. Коноэ реорганизовал кабинет, опираясь на поддержку императора и придворных кругов. Вместо Сугияма военным министром стал генерал-лейтенант Итагаки из «квантунской группировки»;

²² Тексты: История войны на Тихом океане. Т. II, с. 350–355.

министром иностранных дел вместо Хирота — генерал Угаки, чья кандидатура была особо одобрена Сайондзи; министром финансов вместо Кая и по совместительству министром торговли и промышленности вместо Ёсино Синдзи — влиятельный банкир Икэда Сэйхин; генерал Араки стал министром просвещения, энергично взявшись за милитаризацию системы образования, но серьезного политического веса уже не имел. Угаки и Икэда представляли «умеренных», выступавших за продолжение попыток договориться с режимом Чан Кайши; назначение Итагаки было уступкой «активистам». В качестве главы внешнеполитического ведомства Угаки демонстративно старался смягчить напряженность в отношениях с США и Великобританией, но не пользовался авторитетом ни в правительстве, ни у общественности, ни в собственном министерстве, а потому уже в конце сентября был вынужден уйти в отставку. В его бытность министром произошел японо-советский вооруженный конфликт у озера Хасан, выросший из незначительного пограничного инцидента благодаря взаимной неуступчивости сторон. Преемником Угаки стал Арита, занимавший этот пост в кабинете Хирота.

В октябре 1938 г. японские войска заняли Кантон и Ухань. 3 ноября правительство констатировало, что режим Чан Кайши теперь представляет собой лишь один из местных политических режимов»²³. В Токио стали задумываться о создании нового «национального» правительства для Китая, которое сотрудничало бы с Японией и в то же время могло претендовать на легитимность и международное признание. 30 ноября Императорская конференция рассмотрела этот вопрос, приняв «Принципы установления новых отношений между Японией и Китаем»²⁴. Наиболее перспективным кандидатом представлялся Ван Цзинвэй, бежавший 10 декабря в Ханой и заявивший о разрыве с Чан Кайши. 22 декабря Коноэ повторил прежние требования к Китаю, выполнение которых привело бы к заключению мира. 29 декабря Ван Цзинвэй обнародовал заявление «О мире, антикоммунизме и спасении родины», которое свидетельствовало о готовности к сотрудничеству с Японией, но содержало требование скорейшего и полного вывода войск из Китая²⁵.

Сославшись на то, что события вступили «в новую фазу», 4 января Коноэ подал в отставку. Формирование кабинета было поручено председателю Тайного совета Хиранума (январь — август 1939). Экс-премьер занял его прежний пост, дополнительно став

23 Текст: там же, с. 355–356.

24 Текст: там же, с. 357–362.

25 Тексты: там же, с. 362–367.

министром без портфеля, так что произошла своего рода рокировка. Ключевые фигуры — Арита, Итагаки, Ёнаи — остались на местах; министром внутренних дел был назначен Кидо, ближайший соратник Коноэ.

Столкнувшись с перспективой затяжной войны, правительство уже с начала «Китайского инцидента» приступило к реорганизации экономики путем усиления государственного контроля. Были приняты законы «О контроле в важнейших отраслях производства» (1 мая 1937), «О чрезвычайных мерах в области экспорта и импорта», «О чрезвычайном контроле над денежными фондами», а также введен в действие давний закон «О мобилизации военной промышленности» (все — 10 сентября 1937). Ограничения в области внешней торговли запрещали вывоз военных материалов из Японии и ввоз 270 товаров, не являющихся предметами первой необходимости («борьба с роскошью»), а также предусматривали ужесточение контроля за распределением импортированного сырья и материалов. Контроль над денежными фондами, преследовавший цель приостановить инфляцию, вводил нормы регулирования капиталовложений, отдававшие приоритет военной промышленности и связанным с ней отраслям производства. В целях милитаризации экономики были приняты многочисленные частные законы, например, «О производстве искусственной нефти» или «О государственном контроле над предприятиями, вырабатывающими электроэнергию». Поначалу они вызывали недовольство промышленников и банкиров, выступавших против вмешательства государства в сферу бизнеса, но им вскоре пришлось смириться с подготовкой страны к «большой войне», которая могла принести огромные прибыли. Позже появились законы и указы «О контроле за деятельностью компаний», «Об использовании банковских и других капиталов», «О контроле над заработной платой» (все — 19 октября 1940), «О контроле за потреблением риса» (24 октября 1940), «О запрещении рабочим и служащим менять место работы» (9 ноября 1940), «О контроле за ценами на землю» (1 февраля 1941), «О контроле над жизненно важными материалами» (1 апреля 1941). 1 октября 1940 г. был создан Институт исследования тотальной войны.

Правящие круги вели продуманную кампанию накопления стратегических материалов и продовольствия, сбережения энергоресурсов, замены импортируемого сырья отечественным и установления контроля над его источниками за пределами империи. Достигнутое обеспечило Японии значительный «запас прочности» при вступлении во Вторую мировую войну, но его,

разумеется, было недостаточно для противостояния совместной мощи США и Англии²⁶.

«Дипломатия разведенной туши»

Первой попыткой Японии выйти из международной изоляции, в которой она оказалась после «Маньчжурского инцидента», стало заключение с Германией в 1936 г. Соглашения против коммунистического Интернационала, более известного как Антикоминтерновский пакт. Подготовка к сближению двух изгоев «мирового сообщества» после прихода Гитлера к власти велась с обеих сторон, но неактивно и по сути неофициально. Первые достоверно известные контакты относятся к апрелю 1934 г., когда военно-морской атташе Японии Эндо Ёсикадзу встретился с заместителем Гитлера по партии Р. Гессом при содействии геополитика К. Хаусхофера, располагавшего обширными связями в Токио еще с довоенных лет. Сколько-нибудь конкретными переговоры стали только с приездом в Берлин в том же году нового военного атташе Осима Хироси, завязавшего близкую дружбу с главным внешнеполитическим советником Гитлера И. фон Риббентропом. Заметим, что советское руководство начало демонстративно бить тревогу по поводу сближения «агрессоров», когда оно еще только намечалось, например, в выступлении М. М. Литвинова на IV сессии ЦИК 29 декабря 1933 г.

Японские военные атташе могли и должны были самостоятельно вести переговоры по всем военным вопросам, в чем были независимы от послов, но они же сами и решали, какие вопросы относятся к их компетенции. Именно это определило характер подготовительного, наиболее важного этапа переговоров об Антикоминтерновском пакте, о чем посол Мусьякодзи Кинтомо не был поставлен в известность. Сейчас можно считать установленным, что инициатива исходила от Осима, а Риббентроп охотно поддерживал ее. Неофициальную, но действенную помощь им оказывал посланник в Швеции Сиратори. Осима надеялся на заключение военного союза против СССР, но не мог твердо рассчитывать на это, не имея необходимых полномочий. Риббентроп не стремился к военному союзу и не считал СССР единственным противником Германии, а потому хотел сделать будущий пакт как можно более идеологическим и открытым для других стран. В этом он видел

²⁶ Подробная сводка: Сапожников Б. Г. Китайский фронт во второй мировой войне. М., 1971, гл. 2.

залог успешного продвижения на пост министра иностранных дел. Премьер Хирота и министр иностранных дел Арита положительно отнеслись к идее сближения с Германией на почве противостояния Коминтерну, но выступили против военного союза с конкретными взаимными обязательствами. Арита предпочитал половинчатое соглашение, подписанное, по его выражению, не густой, а «разведенной тушью»: такая подпись имеет силу, но ее при необходимости можно стереть.

Соглашение было парафировано 23 октября и подписано 25 ноября 1936 г. Риббентропом и Мусьякодзи, которому был поручен заключительный этап переговоров. Его принято называть военным союзом агрессивных держав, но эта трактовка не выдерживает критики в силу неконкретности содержания пакта и ограниченности обязательств сторон. Он открывается декларацией о «подрывной деятельности» Коминтерна и ее опасности — логичный ответ на резолюции VII конгресса Коминтерна (август 1935), затрагивавшие Японию, Германию и Италию. Пакт предписывал сторонам обмениваться информацией о действиях Коминтерна, сотрудничать в деле борьбы с ним и консультироваться о принятии мер, не конкретизируя форм и методов этой борьбы. Даже секретный дополнительный протокол, опубликованный только после Второй мировой войны, всего лишь обязывал не заключать никаких соглашений с СССР без ведома партнера; если одна из сторон подвергнется «неспровоцированному нападению» со стороны СССР или ей будет угрожать подобное нападение, другая сторона обязуется не предпринимать мер, которые могли бы способствовать облегчению положения СССР²⁷. Эта статья давала равные возможности и для оказания военной помощи партнеру, и для уклонения от любой реальной помощи. Обратим внимание на отсутствие обязательств о взаимной военной и политической помощи в случае конфликта с третьей страной, лежавших в основе двусторонних оборонительных пактов, например советско-французского и советско-чехословацкого договоров от 2 мая и 16 мая 1935 г. — главного источника беспокойства Гитлера. Поэтому даже в качестве оборонительного соглашение было скорее «протоколом о намерениях», нежели конкретной программой действий.

Пакт был направлен против СССР, который и Япония, и Германия на тот момент имели все основания считать своим стратегическим противником, однако официально заявить об этом стороны не могли под угрозой разрыва торговых, а возможно и дипломатических отношений. Как не без иронии писали журна-

²⁷ История войны на Тихом океане. Т. II, с. 343–346.

пакты, уверения Москвы, что Коминтерн не связан с советским правительством и не подчиняется ему, оказались на руку не только СССР, но и Японии. Советский Союз заявлял, что не оказывает военной помощи Китаю, но не может запретить это добровольным или общественным организациям. Токио, ссылаясь на те же «разъяснения», доказывал, что его политика направлена всего лишь против некоей неправительственной организации, а не суверенного государства. Однако Москва сначала открыто осудила пакт как «тайное соглашение, направленное против Советского Союза», а затем применила против Японии более действенные меры, отказавшись в последний момент от заключения новой рыболовной конвенции, что стало поводом для резкой критики кабинета Хироита и ускорило его отставку.

6 ноября 1937 г. Италия, первой из держав, присоединилась к Антикоминтерновскому пакту. Примерно в это же время в Токио, Берлине и Риме был поставлен вопрос о его «укреплении». Если это тайный военный союз, то зачем его надо было дополнительно «укреплять»? На сей раз инициативу взял на себя Риббентроп, назначенный в феврале 1938 г. министром иностранных дел. Разочаровавшись в перспективах сотрудничества с Лондоном и Парижем, он поставил себе целью заключить с Токио и Римом пакт взаимопомощи, прямо направленный против СССР, а косвенно — против Великобритании и Франции. Его план предусматривал: двусторонние консультации в случае «дипломатических затруднений» с третьей страной; взаимную политическую и дипломатическую помощь в случае «угрозы»; взаимную военную помощь в случае нападения третьей страны. Осима поддержал проект и начал лоббировать его в Токио, но в его пользу активно выступил только военный министр Итагаки, который добился включения пункта об «укреплении» пакта в «Пожелания армии относительно текущей внешней политики» от 3 июля 1938 г. Военно-политический союз с Германией и решительные действия для достижения скорой победы в Китае должны были поднять престиж Японии, заставить атлантические державы и СССР считаться с ней и воздержаться от дальнейшей экспансии в Азии. Конкретные предложения предусматривали заключение секретных военных соглашений с Германией (превращение пакта в союз против СССР) и с Италией (против Англии).

История рассмотрения этого вопроса кабинетами Коноэ и Хиракумы свидетельствует об отсутствии единства мнений и неспособности какой-либо из сторон навязать свою волю остальным. Позиция армии была охарактеризована выше. Проекты МИД были направлены только против СССР: в случае войны в Европе

Япония свободна в выборе политики, пока СССР не вступит в войну. Об участии в военных действиях не говорилось; речь шла только о неких «мерах» и «возможной помощи», относительно характера и масштабов которой Япония не принимала никаких обязательств. Министерство финансов также возражало против гарантий, опасаясь, что участие в войне за пределами Азии подорвет экономику страны. Флот считал целесообразным направить пакт против Англии. Оба премьера были озабочены поисками консенсуса и максимально оттягивали окончательное решение.

МИД и военное министерство давали своим представителям в Берлине — послу Того и военному атташе Осима — противоречивые указания, что вызывало постоянные конфликты между ними. Уходя в отставку с поста министра в сентябре 1938 г., Угаки провел большую кадровую перестановку, в ходе которой Того был назначен послом в СССР, Осима послом в Германии, Сиратори послом в Италии. Двое последних как раз и вели основные переговоры по укреплению Антикоминтерновского пакта с конца 1938 г. по август 1939 г. Документы показывают, что Арита, с одобрения Хиранума, фактически саботировал переговоры, а самочинные действия послов, стремившихся к их скорейшему успешному завершению, вызывали неудовольствие министра, премьера и императора. Не вдаваясь в подробности, выделим основные вехи этого процесса на протяжении 1939 г.

В первой половине января Германия и Италия согласовали текст будущего договора. В конце января МИД Японии утвердил инструкции послам и направил в Европу специальную миссию. 27–29 января в Париже под руководством Сиратори прошла встреча японских послов и посланников, аккредитованных в Европе, но дипломаты во главе с послом в Лондоне Сигэмицу заняли осторожную позицию. В конце февраля — начале марта Осима и Сиратори вели переговоры в Берлине, выразив несогласие с «половинчатыми» инструкциями своего правительства. 20 апреля в Берлине, во время празднования пятидесятилетия Гитлера, Риббентроп предупредил обоих послов, что в случае дальнейших проволочек Германия будет вынуждена нормализовать отношения с СССР. Осима пропустил сказанное мимо ушей, но Сиратори немедленно сообщил о происшедшем в Токио, подчеркнув важность предупреждения и вероятность такого исхода, однако Арита проигнорировал его сообщение. 2 мая премьер Хиранума обратился с личным посланием к Гитлеру и Муссолини, но оно также не содержало конкретного ответа на предложения Берлина и Рима. 22 мая Германия и Италия подписали «Стальной пакт», который грозил оставить Японию в стороне от «Большой политики»

и без союзников. Последнее было небезопасно в свете военного конфликта с СССР на реке Халхин-Гол, начавшегося 11 мая как грандиозная «разведка боем» со стороны Квантунской армии. Юный тур трехсторонних переговоров в Берлине в июне окончился безрезультатно, после чего внимание диктаторов полностью переключилось на события в Европе. 21 августа Риббентроп сообщил Осима, что едет в Москву заключать пакт о ненападении.

Как сообщали из Токио советские дипломаты, «известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление... Газеты начинают, пока осторожно, обсуждать возможность заключения такого же пакта Японии с СССР... В высказываниях многих видных деятелей признается неизбежность коренного пересмотра внешней политики Японии, и в частности к СССР»²⁸. Аналогичная информация была у разведки: «Большинство членов правительства думают о расторжении антикоминтерновского договора с Германией. Торговая и финансовая группы почти что договорились с Англией и Америкой. Другие группы, примыкающие к полковнику Хасимого и к генералу Угаки»²⁹, стоят за заключение договора о ненападении с СССР и изгнание Англии из Китая. Нарастает внутриполитический кризис»; «Союз Японии с Германией и Италией и антикоминтерновский пакт превращаются в пустую бумагу. Вся ответственность возлагается на правительство, которое не сумело предусмотреть этого. Дипломатия Арита привела к полной изоляции Японии»³⁰. Итальянский посол в Токио Ж. Аурити, описывая крах надежд на трехсторонний пакт и вспышку националистических, антигерманских и антикитайских настроений, предсказывал: «1. Падение теперешнего правительства и новый англофильский кабинет. 2. Изменение курса японской внешней политики. 3. Отъезд посла в Берлине и, возможно, также в Риме. 4. Направление подкреплений в Квантунскую армию, чтобы уравновесить русские подкрепления в этом районе»³¹.

Получив столь неприятные, хотя вполне закономерные известия, Арита раздраженно объявил германскому послу О. Отту о прекращении переговоров и велел Осима вручить МИД Германии ноту протеста, что тот не сделал. 28 августа кабинет Хиранума подал в отставку со ссылкой на «новую, сложную и запутанную обстановку» в Европе. Причиной очевидного провала политики

²⁸ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2., М., 1990, с. 322.

²⁹ Так в тексте; очевидно, следует: Араки. – В.М.

³⁰ Гаврилов В. Некоторые новые аспекты предистории советско-японской войны 1945 года // Проблемы Дальнего Востока. 1995, № 4, с. 99–100.

³¹ Год кризиса. Т. 2, с. 315–316.

правительства был не сам курс на союз с Германией и Италией, но «дипломатия разведенной туши», нежелание принимать конкретные решения и брать на себя ответственность.

Единственным дипломатическим успехом Арита можно считать заключенное им 24 июля с британским послом Р. Крейги соглашение о положении в Китае. Англия признавала, что «пока такое положение продолжает существовать, вооруженные силы Японии в Китае имеют специальные нужды в целях обеспечения их собственной безопасности и поддержания общественного порядка в районах, находящихся под их контролем... Правительство Его Величества не имеет намерений поощрять любые действия или меры, препятствующие достижению японскими вооруженными силами упомянутых выше целей»³².

Новым премьер-министром стал неизвестный до сих пор на политическом олимпе отставной генерал Абэ Нобуюки – компромиссная фигура, на которой сошлись представители разных групп и течений, выдвигавших на пост главы правительства бывших премьеров Хаяси и Хирота, а также банкира Икэда. Кабинет воспринимался как переходный и, действительно, продержался лишь немногим более четырех месяцев (август 1939 – январь 1940).

В условиях, когда все внимание было приковано к начавшейся 1 сентября в Европе войне, особое значение имел выбор нового министра иностранных дел. Позиция Японии не была полностью прогерманской как из-за «предательства» Гитлера, так и с учетом дружеских отношений с Польшей. 4 сентября кабинет опубликовал заявление о «неучастии в европейской войне»: наблюдатели сразу обратили внимание на выбор слова «неучастие» (*мукайшио*), а не «нейтралитет» (*тюрицу*). В следующем программном заявлении 13 сентября главной задачей внешней политики было названо урегулирование «Китайского инцидента» путем поддержки тех сил, которые согласятся на союз с Японией и Маньчжоу-го. На втором месте стояла нормализация отношений с СССР: 7 сентября премьер, временно возглавлявший МИД, говорил об этом поверенному в делах Н. И. Генералову, а два дня спустя посол Того подтвердил сказанное В. М. Молотову. 16 сентября, после сокрушительного поражения Квантунской армии, командование которой было отправлено в отставку или понижено в должности, было подписано соглашение о прекращении боевых действий на реке Халхин-Гол.

Министр иностранных дел был назначен только 25 сентября: им стал адмирал Номура Китисабуро, имевший репутацию либерала и англофила. Он сосредоточил основное внимание на попытках

³² Там же, с. 122.

улучшить отношения с США и Англией, но мало что успел сделать. Малоэффективный как во внутренней, так и во внешней политике и не имевший поддержки ни в военных, ни в партийных кругах, кабинет предпочел уйти, оказавшись перед лицом неминуемого потуга недоверия, но опасаясь распускать парламент. Преемником Аю стал бывший морской министр Ёнаи. Он неохотно принял назначение, так как рассчитывал в скором времени занять более престижный для него пост начальника Главного штаба ВМФ, но уступил пожеланию императора, который, вопреки сложившейся традиции, активно вмешался в вопрос о назначении премьера.

Кабинет Ёнаи (январь — июль 1940) тоже оказался недолговечным и «переходным». Он не пользовался поддержкой армии и в конце концов пал из-за обструкционистской позиции военного министра Хата Сюнроку. МИД снова возглавил Арита, продолжавший политику лавирования между глобальными блоками Германия—Италия—СССР и Англия—Франция—США (японские аналитики того времени трактовали их отношения именно так), и потому окончательно растерявший доверие всех заинтересованных сторон. В феврале милитаристы и сторонники «активной» внешней политики добились изгнания из парламента депутата от Минсэйто Сайто Такао, не раз выступавшего с антивоенными и критическими, хотя и осторожными по тону речами. 1 июня лордом — хранителем печати был назначен Кидо, остававшийся ближайшим политическим советником императора до своего ареста в конце 1945 г.; в этом качестве он фактически сменил престарелого Сайондзи, который скончался 20 ноября 1940 г.

Военные успехи вермахта в Европе весной и летом 1940 г. обнадеживали сторонников союза с Германией, которые начали открыто настаивать на смене внешнеполитического курса или отставке правительства. Одновременно военные круги требовали развертывания экспансии на юг, в направлении французских и голландских колоний, оставшихся без метрополии. В связи с этим встал вопрос о выведении на новый уровень японо-советских отношений, которые после урегулирования конфликта на Халхин-Голе значительно улучшились благодаря усилиям посла Гого, сумевшего установить деловые отношения с Молотовым.

Летом 1940 г. перед японской правящей элитой стояли два неопложных вопроса: внутриполитическая авторитарная перестройка в рамках «новой политической структуры» и окончательное определение позиции страны в «великом противостоянии» двух блоков. Кабинет Ёнаи уклонялся от решения обоих, а потому был вынужден уйти. 22 июля 1940 г. принц Коноэ сформировал свой второй кабинет.

Концепция «новой политической структуры» (*сэйдзи синтайсэй*), или просто «новой структуры» (*синтайсэй*), стала завершающим этапом эволюции радикально-реформаторских проектов авторитарной перестройки политической системы. Она восходит к замыслам Мори начала 1930-х гг. объединить все партии страны под эгидой Сэйюкай по принципу «одна страна – одна партия». Затем идею подхватил Мацуока, выдвинувший лозунг роспуска старых партий после того, как не смог добиться лидерства в Сэйюкай. Сначала речь шла о создании именно партии, задуманной как вечно правящая. Эту идею пропагандировали лидеры националистических кругов Тояма, Кухара, Гото и Накано. Затем она нашла заинтересованный отклик у Коноэ, его приближенных (Кидо, Арима, Кадзами) и «мозгового треста» – Исследовательской Ассоциации Сёва, где и были разработаны проекты «новой структуры».

Очертания будущей партии были неясными, но Коноэ уже определился как ее лидер – единственный, кто обладал необходимыми для этого качествами. Это должен был быть не военный и не «политикан», не слишком правый и не слишком левый, не западник и не экстремист, человек, в равной степени пользующийся поддержкой двора, армии и деловых кругов, но ни в коем случае не потенциальный «сёгун». Коноэ подходил по всем показателям, в том числе потому, что не хотел и не мог быть диктатором. В 1937 г. он возглавил Лигу по мобилизации национального духа, которая была призвана объединить как можно больше политических и общественных сил, что неизбежно делало ее программу расплывчатой и неконкретной.

Вскоре стало ясно, что создать в Японии дееспособную однопартийную систему по любому из иностранных образцов не удастся. В СССР, Италии и Германии партии сложились до прихода к власти, имели опыт борьбы «против всех», что способствовало консолидации их рядов, и руководство с диктаторскими полномочиями. К власти они пришли немногочисленными, мобильными и дисциплинированными. В Японии все было наоборот. Не могло быть речи ни о каком организационном единстве или партийной дисциплине: в этом убеждал пример Сэйюкай, расколотой на враждующие фракции. Даже идейного единства можно было достичь только на основе самых общих, а потому ни к чему не обязывающих принципов или лозунгов. Создание новой партии стало бы лишь компромиссом разных групп, не собиравшихся поступаться своими амбициями. Требовалось со-

дать что-то иное, нежели партия, пусть даже авторитарного или тоталитарного типа.

Оформлению замысла способствовала концепция *кокутай*. «Новой структуре» предстояло стать политическим аналогом государственного организма: императору отводилось место над ней, а главой становился премьер-министр как его полномочный представитель в политике. Однако сразу же возникал вопрос об отношениях с государственным аппаратом: будет ли «новая структура» независимым от государства массовым общественно-политическим движением или парагосударственной структурой под контролем бюрократов. В первом случае движение могло подчинить себе аппарат, во втором само подчинялось ему. Этот вопрос стал главным в судьбе «новой структуры» и ее организационной основы — Ассоциации помощи трону (АПТ).

Авторы проектов из окружения Коноэ склонялись к первому варианту, стремясь ослабить соперников в партийно-политических и бюрократических кругах. Они рассчитывали сделать принципа главой и «новой структуры», и кабинета, взяв в свои руки ключевые посты в обеих системах. Решительными сторонниками такого варианта были и радикальные оппозиционеры «справа»: националисты и консервативные революционеры Хасимото, Накано, Адати, Сиратори, а также бывшие «левые», вроде Акамацу и лидеров Социалистической массовой партии. Они хотели видеть «новую структуру» максимально влиятельной и независимой от государства и занять в ней руководящие посты, чтобы пересесть оттуда в министерские кресла. Сторонниками полного подчинения «новой структуры» бюрократическому контролю выступали финансовый и промышленный истеблишмент во главе с Икэда, консервативные бюрократы, объединившиеся вокруг Хиранума, а также бывшие лидеры «фракции императорского пути» Араки и Янагава.

24 июня 1940 г. Коноэ подал в отставку с поста председателя Тайного совета, чтобы возглавить движение за создание «новой структуры». В тот же день Социалистическая массовая партия — первой из всех! — объявила о скором самороспуске (завершился 6 июля). В первых числах июля о том же оповестили фракции Сэйюкай во главе с Кухара, Накадзима и Хатояма. 7 июля Коноэ заявил журналистам, что движение за «новую структуру» и явственно обозначившийся кризис власти не связаны друг с другом, но все понимали, что это делается для «спасения лица». 18 июля Коноэ — уже премьер — назвал фамилии трех главных министров: Мацуока (МИД), генерал-лейтенант Тодзио (военное министерство), адмирал Ёсида Дзэнго (морское министерство). 19 июля состоялось их

первое совещание, определившее курс нового правительства. 22 июля стал известен полный состав кабинета, в котором соседствовали люди из окружения премьера (министр внутренних дел Ясуи, министр юстиции Кадзами), милитаристы из «квантунской клики» (Тодзио) и реформаторы-прагматики (начальник Планового бюро Хосино). 15 августа самораспустилась Минсэйто.

17 августа была опубликована «Программа новой структуры», которая предусматривала «полное уничтожение существовавшей в прошлом системы индивидуализма в политической, экономической и культурной областях» и базировалась «на единой государственной идеологии, помогающей народу целиком посвятить себя служению императору». «Новая политическая структура» должна быть «руководящей силой», которая, «сотрудничая с правительством, возьмет на себя роль политического руководителя народа»: она «при принятии правительством курса государственной политики через парламент или по другим соответствующим каналам окажет правительству помощь путем дачи советов и рекомендаций, а при проведении правительством в жизнь этого курса будет сотрудничать с ним, способствуя тому, чтобы народ проявлял полное понимание этой политики». Иными словами, она «будет выполнять роль посредника, доводящего мнение верхов до низов и мнение низов до верхов, органически объединяя их»³³. В «новую политическую структуру» должны были «влиться» все существующие партии, организации, профсоюзы и т.д.

23 августа был обнародован список членов Комитета по подготовке новой структуры (26 человек, в том числе Гото, Арима, Сиратори, Накано, Суэцугу, Хасимото) и его постоянного секретариата (6 человек во главе с генеральным секретарем кабинета, включая представителей военного и морского министерств). 28 августа Коноэ выступил на первом заседании Комитета, акцентируя внимание на «надпартийном» характере «новой структуры». 12 октября была официально создана АПТ, однако декларация о ее задачах и грядущей деятельности оказалась очень расплывчатой и большого энтузиазма не вызвала.

Лидеры радикальных националистов дольше всех сопротивлялись самороспуску своих партий и организаций и их растворению в «новой структуре», опасаясь, что ее инициаторы хотят сохранить в новом обличье старые партии, а не создать массовое и независимое Движение. Сразу же началась борьба «радикалов» и «бюрократов» за лидерство в АПТ. Первый открытый конфликт произошел осенью 1940 г. при обсуждении проекта «новой эко-

³³ Цит. по: История войны на Тихом океане. Т. III, с. 68–69.

номической структуры», подготовленного Исследовательской ассоциацией Сёва. Лидеры бюрократов и деловых кругов сочли его слишком радикальным и добились принятия своего варианта, что и произошло 7 декабря. Днем раньше Хиранума стал министром без портфеля. 21 декабря министры внутренних дел и юстиции Ясуи и Кадзами, друзья и союзники Коноэ, подали в отставку, а на их место были назначены Хиранума и Янагава. За этим последовало «дело красных» в министерстве торговли и промышленности, закончившееся арестом почти всех авторов «радикального» проекта. Деловые круги выступили против вмешательства АПТ в вопросы экономики и практически перестали финансировать ее.

Последний бой произошел весной 1941 г. Были опубликованы репрессивные поправки к законам «О всеобщей мобилизации нации» (3 марта) и «О поддержании общественного спокойствия» (10 марта), а также закон «Об обеспечении государственной обороны и безопасности» (7 марта). 27 марта руководство Ассоциации по главе с Арима подало в отставку. Ее руководящие органы были реформированы в соответствии с планами Хиранума, еще 22 февраля заявившего, что АПТ является не «политической», как ранее говорил Коноэ, а только «общественной» организацией. Политическое, плановое и парламентское бюро АПТ, где доминировали радикалы, были упразднены, а ее префектуральные отделения переподчинены губернаторам, т.е. МВД. В первых числах апреля Коноэ отправил в отставку инициаторов отвергнутого проекта «новой экономической структуры» — начальника Планового бюро Хосино и вице-министра торговли и промышленности Киси и ввел в правительство влиятельного промышленника Огура Масацунэ в качестве главного советника по экономическим вопросам; для соблюдения политического и административного «баланса» был вынужден уйти и главный противник проекта — министр торговли и промышленности Кобаяси Итидзо. «После реорганизации Ассоциация окончательно превратилась во вспомогательный орган бюрократической системы»³⁴ и утратила какое бы то ни было политическое значение, хотя формально продолжала существовать до января 1945 г. Выступая в 1942 г. в парламенте, правый радикал и антикоммунист Акао Бин, находившийся в оппозиции режиму, вынес ей такой приговор: «В АПТ не было души, потому что это всего лишь попытка объединить оппортунистов и бюрократов без перы и идеалов, собрать их в некое вроде бы духовное предприятие, состоящее на казенном иждивении»³⁵.

³⁴ Там же, с. 80.

³⁵ Цит. по: Маруяма Масао. Тёсакую (Собрание сочинений). Т. 3. Токио, 1995, с. 314.

Именно с правым радикализмом и «новой политической структурой» была связана концепция «японского фашизма» или «монархо-фашизма», в настоящее время отвергнутая наукой, но пользовавшаяся немалым влиянием на протяжении полувека. Она была разработана в начале 1930-х гг. идеологами Коминтерна К. Б. Радеком и О. В. Куусиненом при участии японоведов О. Танина (О. С. Тарханов), Е. Иогана (Е. С. Иолк), Е. М. Жукова и других и принята Коммунистической партией Японии.

Культура предвоенного десятилетия

Разгром коммунистического движения и «переход» значительной части левой интеллигенции на националистические позиции не мог не сказаться в сфере культуры. Показательным примером стало творчество Хаяси Фусао, одного из самых «правильных» пролетарских прозаиков двадцатых годов, впервые арестованного еще в 1930 г. Марксистская критика, включая Кобаяси и Токунага, сурово осудила за отход от классовой борьбы уже его роман «Молодые люди» (1932) о молодости мэйдзийских *гэнро* Ито и Иноуэ Каору. В 1936 г. Хаяси заявил открытым письмом, что больше не считает себя «пролетарским писателем». В августе 1937 г. он отправился в Китай, в зону боевых действий, и стал прославлять грядущее «освобождение Азии». В 1939 г. он начал публиковать 22-томный роман о Сайго Такамори (один из лидеров реставрации Мэйдзи), продолжая его и после войны. Несмотря на «чистку» в годы оккупации, Хаяси до конца жизни отстаивал идеалы борьбы против «белого империализма», так что его «переход» можно считать искренним. С началом войны в Китае автор «Улицы без солнца» Токунага заявил, что не будет перепечатывать свои ранние книги, и просил изъять их из продажи, но продолжал писать о жизни рабочего класса, а вскоре после войны снова обратился к теме революционной борьбы. Схожий путь проделал Таками Дзюн, с горечью описавший свой «переход» в повести «Старые друзья забываются» (1935–1936) и кающийся за это в послевоенных романах «Бурный поток» и «Чувство отвращения». Накано Сигэхару в автобиографических книгах середины 1930-х годов («Деревенский дом», «Новеллист, не пишущий новелл») показал кризис писателя-коммуниста, вынужденного обстоятельствами к «переходу» и подумывающего о том, чтобы вообще бросить литературу. Однако, как писали о нем левые историки, «автор имел благос намерение смягчить,

несколько возможно, хотя бы самой незначительной деятельностью, угрызания совести и попытаться оказать хоть какое-то сопротивление. В этом случае «переход» не воспринимался как постыдное предательство и моральное разложение»³⁶.

Начавшееся со времени «Маньчжурского инцидента» ужесточение цензурного гнета путем реформы существующих правил и идеологического прессинга вошло в новую фазу во время войны в Китае. Националистическое общественное мнение — в ряде случаев направлявшееся властями, в ряде случаев само подгонявшее их — требовало от деятелей искусства, особенно писателей и кинематографистов, безоговорочной поддержки военных усилий и участия в «тотальной мобилизации» общества. «Инженеры человеческих душ» быстро разошлись по трем направлениям. Первые стали активными (и в большинстве случаев — вполне искренними) сторонниками и проводниками официальной линии, включая многих из совершивших «переход». Вторые сознательно ушли в сферу «чистого искусства» или вовсе оставили литературную деятельность. Третьи, которых было меньше всего, пытались сопротивляться, но были вынуждены прибегать к «эзопову языку» или писать «в стол».

Радикальная смена ортодоксии и господствующих идеологических и социальных тенденций в послевоенные годы привела к тому, что произведения первых стали считаться не только «постыдными», но и «антихудожественными», в то время как вся «литература сопротивления» автоматически поднималась на щит вне зависимости от ее художественных достоинств. Как и любая идеологизированная схема, это односторонняя и в своей односторонности неверная трактовка. Действительно, значительная часть «партийной» литературы как националистического и милитаристского, так и коммунистического и антивоенного толка не отличалась художественными достоинствами и давно забыта читателем, равно как и «производственная литература», которую можно уложить в каноны социалистического реализма, но с обратным идеологическим знаком. Это «крестьянская литература», расписывавшая идиллическую жизнь деревни на основе патриархальных начал и ее патристические настроения (наиболее видный представитель — бывший коммунист-агитатор Симаки Кэнсаку, автор знаменитого рассказа «Красная лягушка» и официально «одобренных» романов «Восстановление» (1937) и «Поиски жизни» (1938)), «материковая литература», служившая пропаганде переселенческой

³⁶ Там же. Т. I, с. 300.

политики («Краугольный камень» того же Симаки), «морская литература», воспевавшая рыбаков, и т.д.

Однако лучшие образцы идеологизированной литературы достойны упоминания. С одной стороны, это книги-репортажи «Хлеб и солдаты», «Земля и солдаты» (обе — 1938), «Цветы и солдаты» (1939) Хино Асихэй, в 1937–1945 гг. служившего в Китае. Автор романтизировал императорскую армию и в то же время реалистически, без прикрас описывал фронтовые будни, так что его популярность объяснялась не только «социальным заказом». «Репортажная литература» быстро вошла в моду. Крупные издательства и журналы посылали в Китай известных — или, напротив, молодых амбициозных — писателей, а военное министерство оказывало им необходимую поддержку, хотя повесть-репортаж Исикава Тацудзо «Живой солдат» (1938) была запрещена за «очернение» армии. «Репортажная литература» достигла нового пика популярности в период военных успехов в конце 1941 — начале 1942 гг., но вскоре приелась читателям и потеряла привлекательность.

С другой стороны, в условиях постоянных запретов, слежки и арестов продолжали работать Миямото Юрико и Накано Сигэхару, не отступившие от принципов «пролетарской литературы», но существенно выросшие как писатели. Близкая в начале творческого пути к группе «Сиракаба», Миямото получила известность благодаря вполне традиционному автобиографическому роману «Нобуко» (1924–1926), но, выйдя замуж за видного деятеля КПЯ и движения за пролетарскую культуру Миямото Кэндзи, активно включилась в партийную работу на «литературном фронте». С 1932 г. она постоянно подвергалась репрессиям и запретам на выступления в печати, но, используя кратковременные смягчения цензурного режима, опубликовала такие заметные произведения, как «Грудь» (1936), «Четвертое воскресенье марта» (1940), и ряд острых статей о литературе. Совершив «закамуфлированный переход» под влиянием болезни, но не поступившись принципами, Накано пытался искупить этот шаг повестями «Прощание с песней» и «Фантазер и сценарий», опубликованными на рубеже 1930–1940-х годов. Следует отметить, что после войны ситуация повторилась в зеркальном отражении. Писатели-«милитаристы» подвергались не только общественному ostrакизму, но и официальным преследованиям: тот же Хино был до 1950 г. лишен возможности печататься.

Послевоенные настроения делали «сопротивление» деятелей культуры необходимым «патентом на благородство», поэтому многие из них явно преувеличивали свою оппозиционность.

Наибольшие творческие достижения этих лет принадлежали как раз писателям, далеким от идеологизированной проблематики. Этим объясняется расцвет жанров «эгобеллетристики» и исторического романа, влечение писателей к миру интимных переживаний, фантастике и мистике. Пика популярности достигли повести и рассказы «отца» японского детектива Хираи Таро, писавшего под псевдонимом Эдогава Рампо (японизированный вариант имени Эдгара По). Патриарх реалистической прозы Симадзаки Тосон в итоговой книге «Перед рассветом» (1929–1935) обратился к эпохе Мэйдзи; историческим сюжетам посвящен и его последний роман «Ворота на Восток» (1943). Такидзаки Дзюнъитиро тоже все чаще искал вдохновение в далеком прошлом и в классическом наследии («Лианы Ёсино» (1931), «Тайная история князя Мусаси» (1931–1932), «Рассказ слепого» (1931), «История Сюнкин» (1933)). Во второй половине 1930-х годов он переложил на современный японский язык «Повесть о Гэндзи», однако полностью перевод появился только в 1948 г., поскольку сюжеты, связанные с наложницами монарха, были сочтены порочащими императорский дом. Его эстетическое кредо и взгляд на японскую культуру изложены в известном эссе «Похвала тени» (1934). Демонстративно игнорируя политические события, включая «инцидент 26 февраля», Нагаи Кафу продолжал писать о гейшах и танцовщицах, жизни богемы, любовных историях и нравах городского «дна» («Цветы в тени» (1934), «Зимняя муха» (1935), «Странная история с восточного берега реки» (1937), «Превратности судьбы» (1941)), но его произведения были найдены несоответствующими «духу времени» и навлекли на автора цензурные преследования. Более благосклонными власти были к Кавабата Ясунари, ставшего видным представителем литературного истеблишмента: в 1934 г. он был назначен членом Консультативного совета по литературе, созданного под эгидой Департамента общественной безопасности МВД для противостояния «левым» тенденциям и налаживания сотрудничества между правящей элитой и литературными кругами. Практика привлечения авторитетных деятелей культуры к сотрудничеству и диалогу с властями началась в 1910-е годы, когда ее поддержал Мори Огай, а затем Кикиути Кан. Наиболее значительным произведением Кавабата этих лет стал роман «Снежная страна» (1937), действующими лицами которой являются далекий от волнений современности литератор и две женщины – воплощение реального и идеального мира. Пытаясь оправдать после войны активное участие в официальной литературной жизни, Кавабата утверждал, что

выражал протест против существовавших порядков в подтексте своих произведений.

На тридцатые годы приходится первый расцвет японского кино, ставшего исключительно популярным жанром, хотя еще не получившего признание за пределами страны. В 1900–1910-е годы в Японии показывались преимущественно иностранные фильмы; в 1920-е начали появляться отечественные. Ежегодно в стране снимались десятки фильмов, среди которых доминировали адресованные массовой аудитории мелодрамы, комедии, детективы, отмеченные влиянием европейского и американского кинематографа. Однако обостренное внимание к социальной тематике проявилось в фильмах, снятых в канун «чрезвычайного времени» под непосредственным влиянием левого театра *сингэки*: «Живая кукла» Утида Тому, «Городская симфония» Мидзогути Кэндзи и другие. Фильмы Мидзогути «Элегия Нанива» и «Гионские сестры» (оба – 1936) считаются вершиной реализма в довоенном японском кино. Сочетание европейских влияний с традициями национального театра было характерно для Кинугаса Тэйносукэ, ранее прославившегося мастерским исполнением женских ролей в театре. Его фильм «Безумная страница» (1926) отмечен влиянием экспрессионизма: действие происходит в сумасшедшем доме и частично показано глазами пациентов. Любитель всего нового, Кинугаса использовал монтажные принципы Эйзенштейна, снял первый японский звуковой исторический фильм «Уцелевшие синсэн-гуми» (1932) и первый боевой исторический фильм «Летняя битва за Осаку» (1937).

Разумеется, стремившиеся к «мобилизации духа» правящие круги не могли оставить без внимания самое массовое из искусств. 1 октября 1939 г. был принят «Закон о кинофильмах», установивший также контроль в области музыки и театра под предлогом обеспечения народа «здоровыми развлечениями», в чем усматривалось воздействие культурной политики тоталитарных стран. Закон ограничивал число выпускавшихся картин, вводил систему лицензий на производство кинопродукции и предварительную цензуру сценариев. Из кино изгонялись любовные сюжеты, индивидуализм и гедонизм, не говоря о социальной критике. Наиболее полезным жанром были признаны «военные фильмы», особенно документальные. В японской культуре «чрезвычайного времени» происходили те же процессы, что и в других странах в условиях тоталитарных и авторитарных режимов. С началом войны на Тихом океане контроль за всеми средствами массовой информации и сферами культуры стал тотальным.

«Великое противостояние» и канун войны

26 августа 1939 г., через два дня после обнародования соглашения Арита–Крейги, США объявили о денонсации японо-американского договора о торговле и мореплавании, действие которого прекращалось через полгода. Отношения вступили в фазу активной конфронтации, ставшей одним из итогов усилившегося соперничества, прежде всего экономического, этих двух стран в Азии. Действительно, в 1931 г. в Азию шло 44% японского и 40% американского экспорта, а в 1939 г. эти показатели составляли соответственно 62% и 21%, причем в абсолютном выражении японский экспорт почти в три раза превышал американский (2230 и 770 млн. иен). При этом к концу 1930-х годов доля США в японском импорте доходила до 1/3, в экспорте до 1/4; доля Японии в американской внешней торговле составляла 1,9% в экспорте и 6,9% в импорте. В 1940 г. инвестиции США в Японию составляли около 300 млн. долларов.

С началом войны в Европе противостояние усилилось. Несмотря на формальный «нейтралитет», Соединенные Штаты выступали как союзник англо-французского блока. Япония, после разрыва переговоров с Германией и Италией в конце августа 1939 г., избрала курс на «неучастие», но успехи стран «оси» делали все более популярным лозунг «Не опоздать на автобус!». Уже кабинет Ёнаи заявил претензии на контроль над Голландской Индией (Индонезия), оказавшейся в положении колонии без метрополии. 18 июня Япония ультимативно потребовала от Франции прекратить китайский транзит через Французский Индокитай. Ультиматум был принят: 20 июня на территории колонии появились японские чиновники; 22 сентября было заключено военное соглашение между Японией и генерал-губернатором Индокитая, куда были введены японские войска. Даже Англии пришлось 18 июля согласиться на требование Токио о закрытии на три месяца Бирманской железной дороги – важного источника снабжения режима Чан Кайши.

Если Арита пытался воспользоваться слабостью противников германского блока, не присоединяясь к нему, то Мацуока был полон решимости окончательно определиться в глобальном противостоянии. Одним из его первых шагов стало возобновление переговоров с Германией и Италией о заключении договора, получившего название Тройственный пакт. Мацуока хотел видеть в нем такую же долгосрочную основу японской внешней политики, как некогда англо-японский союз. Проекты предусматривали аль-лине с обязательствами по взаимному содействию в урегулирова-

нии военных конфликтов, поддержание добрососедских отношений с Москвой и совместные с Германией усилия по обеспечению координации политики «оси» и СССР.

Теперь инициатива скорейшего заключения союза исходила из Токио, но опыт прежних лет разуверил потенциальных партнеров в способности японского руководства вести последовательную политику и брать на себя конкретные обязательства. Однако Риббентроп тоже начал действовать. 23 августа он известил японского посла Курусу Сабуро, что направляет в Токио со специальной миссией посланника Г. Штамера. Ему были поставлены три задачи: 1) выяснить подлинное отношение японского правительства к Германии; 2) начать переговоры о союзе, если Япония проявит заинтересованность; 3) немедленно информировать министра по вопросам, требующим согласования с руководством Рейха. Штамер был доверенным лицом Риббентропа, что придавало миссии особый вес.

Известие о его приезде ускорило развитие событий. МИД и армия дали добро на заключение альянса, но ему воспротивился морской министр Ёсида, который 3 сентября был внезапно госпитализирован с нервным расстройством и на следующий день подал в отставку. Современники посчитали болезнь «дипломатической»: министр «сохранил лицо», а его преемник адмирал Оикава Косиро оказался более сговорчивым. 6 сентября конференция четырех министров (министр финансов более не участвовал в заседаниях) одобрила план Мацуока.

На следующий день Штамер прибыл в Токио. Первый раунд переговоров проходил 9–12 сентября в резиденции Мацуока в присутствии одного только посла Отта. Германия окончательно отказалась от претензий на свои бывшие владения в Тихом океане, но взамен потребовала от Японии конкретных военных обязательств — на сей раз в случае атаки со стороны державы, «не вовлеченной в Европейскую войну или Китайский инцидент», т.е. США, хотя формально это относилось и к СССР. Мацуока согласился и убедил в этом коллег. 14 сентября стороны перешли к обсуждению текстов документов. 19 сентября Мацуока вручил Отту и Штамеру проекты секретного протокола и двух нот к пакту, которые были нацелены на получение ответных гарантий военной помощи в случае вступления Японии в войну. Он заявил, что предложенные документы не ограничивают ее обязательств, но помогут провести пакт через Тайный совет. Партнеры возразили, что обязательства должны быть взаимными и что следует убрать из текста односторонние формулировки в пользу Японии. Мацуока согласился, полагая, что по достиже-

нии принципиального согласия урегулировать частные вопросы не составит труда. 19 сентября проект пакта был принят Императорской конференцией.

Главной проблемой стал секретный протокол, в принципе отпугнутый Германией. Мацуока предложил заменить его обменом полами, но настаивал на своих формулировках и на том, что пакт должен быть подписан в Токио. Риббентроп отказался удовлетворить эти «откровенно детские» претензии. Казалось, пакт обречен, но вечером 24 сентября Отт и Штамер согласились на предложения Мацуока, включая то, что Япония будет самостоятельно решать вопрос о вступлении в войну. 26 сентября пакт обсуждался в Гайном совете и был единогласно одобрен, хотя патриарх японской дипломатии Исии осторожно напомнил коллегам слова Бисмарка о том, что в любом союзе один является наездником, а другой лошадью и что Германия всегда должна быть наездником.

Тройственный пакт был заключен, когда европейская война еще не переросла в мировую, но возможность такого поворота событий с каждым днем становилась все больше. Страны-участницы заявили, что их цель — «сохранение длительного мира», но главным условием этого является «предоставление каждому государству возможности занять свое место в мире» путем «создания и поддержания нового порядка» в Европе и Великой Восточной Азии. Статьи 1 и 2 четко определяли географические сферы действия пакта, говоря о «признании и уважении руководящего положения» Германии и Италии в Европе и Японии в «Великой Восточной Азии» при установлении «нового порядка».

Осторожные формулировки тем не менее звучали совершенно конкретно: страны-участницы не посягают на территорию или сферы влияния США и СССР, но предупреждают, что «если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в японо-китайском конфликте, то три страны обязуются оказывать взаимную помощь всеми имеющимися в их распоряжении политическими, экономическими и военными средствами» (статья 3). В отношении СССР по предложению Риббентропа была сделана специальная оговорка, что «указанные выше статьи никоим образом не затрагивают политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников пакта и Советским Союзом» (статья 5)³⁷. Это открывало широкие возможности для сотрудничества Москвы с «союзом трех».

³⁷ Текст: История войны на Тихом океане. Т. III, с.363–364.

Пакт был подписан 27 сентября в Берлине Риббентропом, Курусу и министром иностранных дел Италии Г. Чиано. В этот же день Мацуока и Отт обменялись тремя парами секретных писем в соответствии с японскими предложениями, причем посол сделал это без ведома и согласия Риббентропа, что подтверждается отсутствием указанных документов в германских архивах. Отт ничего не сообщил министру, переложив это на возвращавшегося в Берлин Штамера, но тот, понимая, чем рискует, тоже никому ничего не сказал. Оправдывая свои действия, Отт после войны ссылался на то, что письма не противоречили общему курсу германской дипломатии, что основной текст пакта не освобождал Японию от обязательств и что ситуация требовала немедленного принятия решений.

Советский Союз был оповещен о переговорах и содержании будущего пакта только 26 сентября германским посольством в Москве. Задержка, вызвавшая недовольство Молотова, объяснялась не чьей-либо злой волей, а неясным до последней минуты исходом токийских переговоров. 13 октября Риббентроп направил Сталину большое послание, предложив ему объединить усилия с державами Тройственного пакта. 12–14 ноября Молотов посетил Берлин с официальным визитом и провел переговоры с Гитлером и Риббентропом. После напряженного обмена мнениями последний вручил ему проект «пакта четырех» о сотрудничестве и разделе сфер влияния, согласованный с Мацуока и Чиано. 25 ноября Молотов сообщил германскому послу ответ Сталина — согласие, но с дополнительными условиями, включая отказ Японии от концессий на Северном Сахалине. Советский проект не устроил Гитлера, который не только не ответил на него, но 18 декабря утвердил план операции «Барбаросса» — войны против СССР.

«Неудача визита Молотова в Берлин не оставила японцам иного выбора, кроме как еще раз попытаться заключить отдельный договор с русскими»³⁸. Мацуока с первых дней пребывания в должности подчеркивал необходимость радикального улучшения отношений с Советским Союзом и попытался совместить две главных задачи своей внешней политики, объединив пакт с Германией и Италией и пакт с СССР в рамках «соглашения четырех». Это предложение он сделал на совещании четырех министров 6 сентября. Он так активно пропагандировал этот проект, что стал считаться его автором. На самом деле в Японии идею «континентального» союза с Германией и Россией осенью 1939 г.

³⁸ Ernst L. Presseisen. Germany and Japan. A Study in Totalitarian Diplomacy, 1933–1941. The Hague, 1958, p. 277.

первым выдвинул Сиратори, главный соперник Мацуока в борьбе за пост министра.

В достижении соглашения с СССР Мацуока рассчитывал на помощь Германии, которая еще в конце августа 1939 г. предложила свои услуги «честного посредника». Узнав о предстоящей поездке Молотова в Берлин, он немедленно попросил Риббентрона о содействии. Тот подтвердил, что готов помочь, но неудачный исход визита разрушил все планы. В Москве Того и его преемник Итэкава Ёсицугу вели длительные переговоры с Молотовым о заключении двустороннего политического соглашения (пакт о ненападении или нейтралитете), но никак не могли достичь согласия в вопросе о северосахалинских концессиях, ликвидации которых требовала советская сторона.

Тогда Мацуока лично взялся за дело. 3 февраля 1941 г. заседание Совета связи представителей Главной ставки и кабинета приняло предложенные министром «Принципы ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом». 12 марта Мацуока отправился в Европу через СССР. В Берлине он узнал, что «союз четырех» в планы Германии уже не входит, причем Риббентроп попытался сделать вид, что таких планов никогда не было. Он говорил об ухудшении отношений с Москвой и даже намекнул на возможность войны, но о *принятом решении* воевать с Советским Союзом гость не был оповещен ни официально, ни неофициально, что было сделано по специальному указанию Гитлера. Визит в Рим имел протокольный характер, что вполне соответствовало подчиненному положению Италии в рамках блока. Первый заезд Мацуока в Москву ограничился обменом мнениями с Молотовым и Сталиным, но на обратном пути он устроил «дипломатический блицкриг» — 14 апреля заключил советско-японский пакт о нейтралитете, не прибегая ни к чьему посредничеству и в последнюю минуту добившись компромисса в вопросе о концессиях. 22 апреля в Токио его встречали как триумфатора.

Пакт разрядил атмосферу напряженности и взаимного недоверия, особенно в Токио, где армия начала освобождаться от навязчивой идеи о «русской угрозе». Испытали облегчение и в Москве: ни Япония, ни СССР войны не хотели и нападать друг на друга не собирались, но не исключали подобных действий с другой стороны. Хаусхофер оценил пакт как «проявление геополитической прощупательности». Реакция других стран оказалась иной. В равной мере, хоть и по разным причинам, были встревожены Чан Кайши и Ван Цзинвэй (с его «национальным правительством» Япония 30 ноября 1940 г. заключила союз), Гитлер и Рузвельт. Англо-американская дипломатия, до последнего момента не верившая в

возможность советско-японского сближения, восприняла договор как продолжение Тройственного пакта и еще один шаг к «союзу четырех», хотя такой ход событий стал уже невозможен.

Теперь главной проблемой для Японии стали отношения с США. Мацуока, проводивший юность в Америке, испытывал к ней своеобразную «любовь-ненависть», что при его неуравновешенном характере было небезопасно. Окрыленный успехом Тройственного пакта и Пакта о нейтралитете с СССР, он рассчитывал стать следующим главой правительства. Непродуманные заявления и бестактное поведение министра восставили против него коллег по кабинету, включая Коноэ и Хиранума. Особой остроты разногласия достигли с нападением Германии на СССР. Мацуока был единственным влиятельным членом правящей элиты, выступавшим за немедленное вступление в войну на стороне Германии; остальные соглашались на это только при условии полного разгрома Красной Армии вермахтом. На конкретные вопросы советского посла К. А. Сметанина о том, будет ли Япония соблюдать Пакт о нейтралитете, Мацуока, всего несколько месяцев назад поставивший под ним свою подпись, отделялся туманными и двусмысленными фразами. Когда конфликт достиг апогея, Коноэ разрубил «гордиев узел»: 16 июля он подал в отставку и два дня спустя сформировал третий кабинет (июль—октябрь 1941), удалив из него Мацуока, которого сменил адмирал Тоёда Тэйдзиро, прагматик, связанный с деловыми кругами; Хиранума и Янагава стали министрами без портфеля.

Правительство окончательно отказалось от планов участия в войне против Советского Союза, избрав «южный вариант» экспансии. Для этого требовалось обеспечить нейтралитет Вашингтона и предотвратить полное прекращение американского экспорта в Японию. Несмотря на все ограничения, Япония в 1941 г. ввезла из США металлического лома на 227 млн. фунтов стерлингов (в 4,8 раза больше, чем в 1940 г.), а чугуна и листовой стали на 5,6 млн. фунтов стерлингов (в 3,8 раза больше, чем в 1940 г.). Это было стратегическое сырье, необходимое для будущей войны.

11 февраля 1941 г. в Вашингтон прибыл новый японский посол Номура, бывший министр иностранных дел. С марта он вел переговоры с Рузвельтом и госсекретарем К. Хэллом, убеждая их, что японская экспансия преследует только экономические цели, а потому не опасна для Америки. Одновременно через неофициальные каналы началась подготовка встречи Коноэ с Рузвельтом, на которую премьер возлагал большие надежды. Однако военные успехи «оси» только укрепляли «атлантическую солидарность» и делали маловероятной нормализацию отношений США с Япони-

её как участницей Тройственного пакта. 14 июня администрация Рузвельта наложила секвестр на германские и итальянские капиталы; 26 июля та же участь постигла японские капиталы, причем не только в США, но и в Англии.

Отставка Мацуока облегчила ведение переговоров, но не привела к коренному улучшению ситуации. 1 августа США наложили эмбарго на продажу Японии авиационного бензина. 14 августа была обнародована Атлантическая хартия Рузвельта и Черчилля об «окончательном уничтожении нацистской тирании», хотя Соединенные Штаты в войне еще не участвовали. 17 августа Рузвельт вручил Номура записку с резким осуждением политики Японии, но заявил, что согласен встретиться с Коноэ, если предварительно получит четкое разъяснение позиции Токио. Требуемый документ был у него в руках 28 августа. 3 сентября президент сказал Номура, что «общественное мнение» настаивает на более жестком курсе, хотя известно, что большинство населения США было против участия в любых войнах за пределами «обеих Америк». Три следующих японских проекта (6, 22 и 27 сентября) также были отвергнуты. 27 сентября Тоёда заявил американскому послу Дж. Грю, что в случае провала переговоров к власти в Токио придут откровенные милитаристы.

Министр знал что говорил: 6 сентября Императорская конференция приняла «Принципы осуществления государственной политики империи»³⁹, решив воевать, если к началу октября на переговорах «не появятся перспективы на возможность удовлетворения наших требований». Знал он и том, что Коноэ после этого пошел на беспрецедентную тайную встречу с Грю, который стремился предотвратить войну, за что был позже заклеен как «умиротворитель».

Желаемого эффекта предупреждение не дало. Американский контрпроект 2 октября потребовал эвакуации всех японских войск из Китая и Индокитая, причем не поясняя, распространяется это на Маньчжурию или нет (США не признавали «независимость» Маньчжоу-го). 14 октября военный министр Тодзио на заседании кабинета категорически высказался за прекращение переговоров и против эвакуации войск из Китая, а затем потребовал отставки Коноэ, которая состоялась два дня спустя. 18 октября по совету Кидо премьером был назначен Тодзио, сохранивший за собой пост военного министра. Его кабинет (октябрь 1941 – июль 1944) состоял в основном из лично преданных премьеру «технократов» и «бюрократов-реформаторов»: Кая (министр финансов), Киси

³⁹ Текст: История войны на Тихом океане. Т. III, с. 228–230.

(министр торговли и промышленности), Судзуки (начальник Планового бюро), Хосино (генеральный секретарь кабинета). Министром иностранных дел стал бывший посол в Москве Того, назначение которого рассматривали как нежелание Японии осложнять отношения с СССР и тем более вступать с ним в конфликт.

Поначалу Тодзио занял более осторожную позицию в вопросе о войне и мире с Америкой, поскольку император велел ему «начать все сначала». 6 ноября в помощь Номура был направлен опытный дипломат Курусу. 5 ноября Императорская конференция приняла два варианта плана урегулирования отношений с США. Япония была готова вывести войска из Индокитая по завершении «Китайского инцидента», а затем из самого Китая, за исключением его северной части и Внутренней Монголии (на Маньчжоу-го это не распространялось, поскольку японцы не считали его частью Китая); Соединенные Штаты должны были возобновить нормальные торговые отношения с Японией, сотрудничать с ней в эксплуатации Голландской Индии, а также прекратить оказывать помощь режиму Чан Кайши. Неуступчивость США побудила японское правительство выбрать второй, более жесткий проект, который Номура и Курусу 20 ноября вручили Рузвельту. Переговоры было решено закончить 25 ноября, о чем в Вашингтоне уже знали из дешифрованных японских телеграмм.

26 ноября госсекретарь вручил послам официальный ответ, известный как «нота Хэлла». Он требовал вернуться к положению до «Маньчжурского инцидента», т.е. вывести из Китая, включая Маньчжурию, и Индокитая все японские войска и признать режим Чан Кайши как единственное «национальное» правительство Китая⁴⁰. Это был ультиматум, заведомо неприемлемый для Японии, о военных приготовлениях которой руководство США знало, но давало ей «сделать первый выстрел». На следующий день, согласно дневниковой записи военного министра Стимсона (который, напомним, был госсекретарем во время маньчжурского кризиса 1931/32 гг.), Хэлл сказал ему: «Я умываю руки. Теперь решение этого вопроса находится в ваших руках и руках Нокса (морской министр. — В.М.)». Это свидетельствует, что авторы ноты хорошо понимали ее последствия.

26 ноября ударные силы японского флота вышли в море по направлению на Пёрл-Харбор. 27 ноября Совет связи признал «ноту Хэлла» неприемлемой. 1 декабря Императорская конференция приняла окончательное решение начать войну 8 декабря (по токийскому времени). Тем не менее на ноту был дан пространный

⁴⁰ Там же. Т. I, с. 300.

ответ⁴¹, переданный в Вашингтон по телеграфу 6 декабря с приказом вручить его Хэллу 7 декабря в 13 часов (по местному времени). Расшифровка и перепечатка послания заняли больше времени, чем предполагалось, поэтому ответ был вручен на полтора часа позже, когда японская авиация уже бомбила Пёрл-Харбор. Хэлл знал о случившемся, равно как и о содержании ноты, поэтому устроил сцену «праведного гнева» послам, еще не оповещенным о начале боевых действий (в ответе говорилось только о прекращении переговоров). В Токио ноту об объявлении войны Грю получил только через 8 часов после бомбардировки Пёрл-Харбора. Японский ответ был всего лишь пропагандистским ходом, не способным что-либо изменить, как и послание Рузвельта императору, врученное Того в четверть первого ночи 8 декабря (по токийскому времени).

7 декабря был опубликован императорский эдикт о начале войны, мотивировавший это решение необходимостью противостояния политике США, Англии и режима Чан Кайши: «В создавшейся в настоящее время обстановке наша Империя в целях своего существования и самообороны не имеет другого выхода, как прибегнуть к оружию и уничтожить все препятствия, стоящие на ее пути»⁴². 78-я чрезвычайная сессия парламента (15–17 декабря) полностью одобрила избранный курс. 11 декабря Германия и Италия объявили войну США и заключили соглашение о совместном ведении войны. Конфликт стал мировым.

Послевоенная официальная историография возложила всю ответственность за начало войны на Тихом океане на Японию, как в Европе – на Германию и Италию. Однако историки-ревизионисты (преимущественно американские), не снимая с Японии очевидной ответственности, уже с конца 1940-х годов доказали следующее: руководство США считало своей главной стратегической задачей вступление в войну против стран «Оси» для поддержки Великобритании, но, вынужденно считаясь с изоляционистски настроенным общественным мнением, избрало путь к войне «с черного хода». Проводя подчеркнуто жесткий курс, оно усиливало имевшийся антагонизм в отношениях двух стран, что в результате сыграло на руку наиболее воинственно настроенной части японской военной и политической элиты.

⁴¹ Текст: История войны на Тихом океане. Т. III, с.363–364.

⁴² Ernst L. Presseisen. Germany and Japan. A Study in Totalitarian Diplomacy, 1933–1941. The Hague, 1958, p. 277.

Глава IV

ВОЙНА НА ТИХОМ ОКЕАНЕ¹

(1941–1945)

Подготовка к войне. Силы и планы сторон. – Период наибольших военных успехов Японии*. – Режим Тодзио: власть, политика и оппозиция. – Военная экономика и «сфера процветания Великой Восточной Азии». – Перелом в ходе войны*. – Культура и общество в условиях «тотальной мобилизации». – Заключительный этап боевых действий*. – «Битва за Японию» и поиски выхода из войны.*

Подготовка к войне. Силы и планы сторон

Разработанным Японией планом войны предусматривалось на первом этапе одновременное нанесение мощного удара по главной военно-морской базе США на Тихом океане Пёрл-Харбор, стремительное продвижение на Филиппины и Малайю, захват Гонконга и Сингапура. Далее планировались захват Голландской Индии (Индонезии), активные действия в Бирме и Бенгальском заливе. Удар по Пёрл-Харбору самолетами с авианосцев должен был вывести из строя главные силы американского флота, поэтому ему уделялось особое внимание. План операции был разработан командующим Объединенным флотом адмиралом Ямамото Исороку.

Ямамото, несомненно, был талантливым флотоводцем. В 1930-е гг. он одним из первых оценил огромные перспективы использования авиации в войне на море. Во многом благодаря его усилиям Япония располагала первоклассным авианосным флотом, в значительной степени способствовавшим завоеванию ею господства на море на первом этапе войны. Ямамото также хорошо разбирался в вопросах стратегии и понимал роль экономики в

¹ Разделы, отмеченные звездочкой, написаны Г. Б. Брылевским.

современной войне. Он несколько раз бывал в служебных командировках в Америке, индустриальная мощь которой произвела на него неизгладимое впечатление. Осознавая несоразмерность военно-экономических потенциалов двух стран, он выступал против войны с США. Но когда она стала неизбежной, адмирал, верный присяге, сделал все, чтобы его страна добилась успеха.

Япония на протяжении нескольких лет вела активную подготовку к большой войне и к декабрю 1941 г. располагала мощными, хорошо подготовленными вооруженными силами. Общая численность личного состава армии и флота превышала 2,4 млн. человек. Сухопутные войска состояли из 51 пехотной дивизии и 58 бригад, однако главные силы армии были сосредоточены в Китае. Для удара в южном направлении были выделены 11 дивизий (220 тыс. солдат и офицеров). Военно-морской флот по численности корабельного состава занимал третье место в мире (после Англии и США) и насчитывал 10 авианосцев, 10 линейных кораблей, 38 крейсеров, 112 эскадренных миноносцев и 65 подводных лодок. Главной ударной силой флота были авианосцы с отлично подготовленными экипажами палубной авиации (570 самолетов). Помимо этого в армейской авиации и базовой авиации флота насчитывалось еще более 1700 самолетов. Была подготовлена сеть аэродромов и военно-морских баз в Индокитае, на Тайване и ряде тихоокеанских островов. В 1940–1941 гг. для военных перевозок было мобилизовано более 500 торговых судов общим водоизмещением 1,15 млн. тонн.

Сильными сторонами японских вооруженных сил были наступательный боевой дух, стойкость, неприхотливость, способность вести боевые действия в самых сложных условиях, высокий уровень подготовки личного состава, особенно во флоте. Слабой стороной императорской армии была слишком жесткая субординация, подавлявшая инициативу и препятствовавшая тактической гибкости. Армия была недостаточно оснащена современным стрелковым оружием (не было автоматов) и средствами связи, имела слабые бронетанковые войска. Подводные силы ВМФ в качественном плане заметно отставали от сил будущих противников, надводные корабли были слабо оснащены радиолокационной и гидроакустической аппаратурой. Мало внимания уделялось противолодочной борьбе и защите морских коммуникаций, что с учетом зависимости Японии от привозного сырья было одним из крупнейших просчетов.

Экономика страны была отмобилизована, но даже при этом уступала экономической мощи США и Англии. В связи с относительно малой площадью метрополии промышленные центры

располагались скученно, что вместе с невысоким уровнем организации противовоздушной обороны делало их уязвимыми. Стратегически слабым местом Японии было и то, что она могла атаковать только колонии и отдаленные базы своих противников, не будучи в состоянии нейтрализовать их главные экономические и политические центры.

В 1941 г. США в связи с напряженностью в отношениях с Японией и Германией приняли целый ряд мер по усилению своих вооруженных сил. Увеличились ассигнования на оборонные цели, был введен контроль за расходованием стратегических материалов, начали строиться новые военные заводы, значительно возросло производство боевой техники. Например, в июле 1941 г. было выпущено полторы тысячи боевых самолетов — в три раза больше, чем в июле 1940 г. В сентябре 1941 г. началось усиление группировки на Филиппинах. К началу войны общая численность вооруженных сил США превышала 1,6 млн. солдат и офицеров. Армия насчитывала 37 дивизий, но большинство их находилось в стадии формирования, было недоукомплектовано и имело слабо подготовленный личный состав. В бассейне Тихого океана дислоцировались 9 дивизий (170 тыс. солдат и офицеров). Военно-морские силы были более боеспособны, однако значительная часть их находилась в Атлантике. Базирувавшийся на Пёрл-Харбор Тихоокеанский флот насчитывал 3 авианосца, 9 линейных кораблей, 21 крейсер, 67 эсминцев и 27 подводных лодок. Азиатский флот США (главная база Манила) насчитывал 3 крейсера, 13 эсминцев и 29 подводных лодок. Численность авиационной группировки на Тихом океане превышала 800 самолетов. Личный состав флота и авиации, уступая в некоторых аспектах уровню подготовки японских моряков и летчиков, в целом имел хорошую выучку. Поскольку экономика страны еще не была переведена на военные рельсы, вооруженные силы не готовы к широкомасштабным военным действиям, а в обществе преобладали изоляционистские настроения, американское руководство стремилось выиграть время, пока избегая прямого военного столкновения с Японией. Наиболее опасным противником из стран Оси Рузвельт и Черчилль считали Германию, против которой предполагали направить основные усилия. Поэтому оперативные планы вооруженных сил США в Тихом океане имели преимущественно оборонительный характер.

Англия также стремилась усилить свою группировку в регионе, однако тяжелая ситуация в Атлантике, в бассейне Средиземного моря и в Северной Африке не позволяла сделать что-либо существенное. Не желая получить еще один фронт, англичане

ставили перед группировкой в Азии оборонительные задачи и, стремясь избежать столкновения с Японией один на один, добивались объединения усилий с американцами. В октябре 1941 г. были несколько усилены войска в Малайе и Гонконге, но в остальном приходилось рассчитывать на уже имевшиеся силы. Всего к началу войны Англия имела в регионе 11 дивизий (170 тыс. солдат и офицеров) и около 500 самолетов; Восточный флот насчитывал 2 линейных корабля, 8 крейсеров и 13 эсминцев. Британский ВМФ традиционно имел репутацию самого сильного флота в мире, отличаясь отличной выучкой экипажей, однако авиационные и сухопутные части, расположенные в Азии, были оснащены устаревшей техникой и отличались невысоким уровнем подготовки. Командование пренебрежительно оценивало возможности японцев и отправляло в Малайю подкрепления по остаточному принципу, например, оснащая истребительные эскадрильи самолетами, которые считались непригодными для службы в метрополии. Англичане с презрением относились к японской авиации, всерьез считая, что японцы из-за узкого разреза глаз физически не могут нормально управлять самолетом. Вооруженные силы эмигрантского правительства Нидерландов в Голландской Индии насчитывали 2 дивизии (30 тыс. солдат и офицеров) и более 200 самолетов; флот — 3 крейсера, 7 эсминцев и 13 подводных лодок. Техника была в основном устаревшей, а уровень подготовки личного состава невысоким.

Японцы обладали ощутимым превосходством на море и в воздухе, в то время как у союзников было полуторное превосходство в сухопутных войсках. Однако последние были разбросаны на больших пространствах и имели невысокую боеспособность. Существенным препятствием для налаживания эффективного взаимодействия вооруженных сил трех стран было полное отсутствие единого командования. Даже армия и флот США имели собственные планы, не согласованные один с другим. Только в конце ноября 1941 г. генералу Д. Макартуру поручили начать работу по выработке плана совместных действий, в том числе с союзниками.

Руководство Японии понимало, что в затяжной войне шансы на успех невелики и что в конечном итоге экономическая мощь США проявит себя решающим образом. Расчет делался на серию внезапных, мощных, деморализующих ударов, после которых у Вашингтона должно было пропасть желание воевать дальше. Примерно таков же был и расчет в отношении Англии — японцы полагали, что у нее, связанной войной в Европе, не хватит сил и желания для борьбы еще и на Тихом океане.

В середине ноября подводные лодки из передовой завесы начали выдвижение к Гавайским островам. 26 ноября, в день вручения «пюты Хэлла», соблюдая все меры по сохранению скрытности, вышло в море и направилось к Пёрл-Харбору ударное соединение адмирала Нагумо Тюити (6 авианосцев, 2 линкора, 3 крейсера, 11 эсминцев). 1 декабря в Токио было принято окончательное решение о начале войны и определена его дата.

Период наибольших военных успехов Японии

В 06 ч. 30 мин. 7 декабря неподалеку от Пёрл-Харбора дозорный американский эсминец обнаружил и уничтожил одну из японских сверхмалых субмарин, спущенных с больших подводных лодок. Однако это не насторожило американцев, и в Пёрл-Харборе никакие меры по повышению боеготовности приняты не были. К тому времени японские самолеты, взлетевшие с авианосцев в 6 утра, уже шли к базе. Радиолокационная станция на острове Оаху засекала групповую воздушную цель, но приближавшиеся японские самолеты приняли за перегоняемые с континента бомбардировщики В-17. Второй шанс объявить тревогу был также упущен.

В 07 ч. 55 мин. самолеты появились над гаванью и начали атаку. В первой волне шли 40 торпедоносцев и 101 бомбардировщик под прикрытием 45 истребителей. Их появление оказалось полной неожиданностью для американцев. Было воскресное утро, и на кораблях только начали играть национальный гимн для церемонии подъема флага. Музыку остановили только после того, как начали падать первые бомбы. До этого моряки думали, что внезапный рев моторов над головой всего лишь неуместная выходка своих же летчиков.

По плану главной целью удара были авианосцы. В тот день их в базе не было, поэтому основная часть торпед и бомб пришла на линейные корабли, в результате чего были потоплены или получили тяжелые повреждения 4 линкора из 8. Большие потери понес личный состав, особенно на линкоре «Аризона», где в результате взрыва боезапаса погибло более тысячи членов экипажа. Японские потери в первой волне составили 9 самолетов. Сразу вслед за ней нанесла удар вторая волна (134 бомбардировщика, 33 истребителя), имевшая целью оставшиеся корабли, а также аэродромы. Работать пришлось в более сложных условиях: бухту заволакивали густые клубы дыма, намного более организо-

важным стало сопротивление. Появились в воздухе американские истребители, осложнившие, но не сорвавшие атаку. Вторая волна потеряла 20 самолетов. Вернувшись на авианосцы, летчики, воодушевленные достигнутым, настаивали на третьем налете, но адмирал Нагумо отказался от продолжения атаки. Американцы сумели организовать сильное противодействие, а местонахождение их авианосцев, с которых был возможен ответный налет, было неизвестно. Поэтому Нагумо приказал возвращаться.

Главная задача внезапной атаки на Пёрл-Харбор – аналогичными атаками начинались войны с Китаем в 1894 г. и Россией в 1904 г. – была выполнена: она подорвала мощь Тихоокеанского флота США. Пёрл-Харбор стал эталоном тщательно спланированной и практически безукоризненно осуществленной операции. В то же время учиненный погром имел характер тяжелого поражения, но не катастрофы: безвозвратно потеряны были только линкоры «Аризона» и «Оклахома», а остальные 3 выведенных из строя были отремонтированы и успели принять участие в заключительных операциях войны; снова вступило в строй и большинство других поврежденных кораблей. Потери американцев в самолетах оцениваются по-разному: 150–190 уничтоженных, 150–200 поврежденных, большинство которых также было отремонтировано. Потери в личном составе достигали 2400 убитых и более 1000 раненых. Практически нетронутыми остались огромные склады топлива, уничтожение которых, по мнению экспертов, ограничило бы активность флота США не меньше, чем потеря кораблей.

Политическим результатом Пёрл-Харбора стало решение о немедленном вступлении США в войну. Вопрос о том, знало ли высшее американское руководство о готовящемся нападении, долгое время дебатруется в литературе. Официальная историография категорически отрицает такую возможность, возлагая всю ответственность на Японию, а также командующих на Гавайях адмирала Х. Киммеля и генерала У. Шорта, не проявивших должной распорядительности. В свою очередь ревизионистская историография, не оправдывая Японию, привела убедительные данные о том, что администрация Рузвельта, зная о готовящемся нападении, ничего не предприняла, чтобы его сорвать. По мнению ревизионистов, это было сделано, чтобы вовлечь страну в войну, прежде всего на помощь Англии против Германии, выставив ее как жертву коварной агрессии. В любом случае результат был очевиден: нация стала едина, разногласия по поводу участия в войне разом прекратились, подавляющее большинство населения желало сурового возмездия за «день позора», как назвал его Рузвельт.

Без паузы японцы приступили к Филиппинской операции, задачами которой были захват архипелага, разгром группировки американо-филиппинских войск и создание плацдарма для дальнейшего продвижения к Голландской Индии и Австралии. Для проведения операции выделялась 14-я армия генерала Хомма Ма-сахару (50 тыс. человек), которую должны были перевезти около 100 транспортов под прикрытием оперативного соединения флота и 500 самолетов. Им противостояли 2 американские дивизии (22 тыс. человек) и части филиппинской армии (более 100 тыс. человек), а также 270 самолетов. Начавшая формироваться незадолго до войны филиппинская армия представляла собой скорее неважно обученное ополчение.

8 и 9 декабря авиация совершила массированные удары по военно-морской базе Кавите и аэродромам на острове Лусон, нанеся американцам большие потери. Корабли Азиатского флота находились южнее и под удар не попали, но без воздушного прикрытия противодействия десанту не оказали. Таким образом, японское командование обеспечило себе господство в воздухе и на море уже в самом начале операции. 10 декабря японцы высадились на Лусоне. На захваченные аэродромы была быстро переброшена авиация. 22–24 декабря высадились главные силы 14-й армии, начавшие наступление на Манилу. Авиация и флот тесно взаимодействовали с сухопутными войсками, в то время как американцы такой поддержки были лишены. Командование Азиатского флота не рискнуло без истребительного прикрытия использовать надводные корабли для перехвата транспортов с десантом, а действия подводных лодок были малоэффективны. В сложившихся условиях командуя войсками на Филиппинах генерал Макартур не смог сдержать натиск противника и 23 декабря приказал отходить на полуостров Батаан. 2 января 1942 г. японские войска вошли в Манилу.

Успех японцев был обеспечен быстрым захватом и твердым удержанием господства в воздухе и на море, а также грамотной тактикой десантных операций: сначала небольшие отряды захватывали наиболее важные пункты, базы и аэродромы, затем высаживались главные силы под прикрытием переброшенной на захваченные аэродромы авиации. Высадка одновременно нескольких десантов распыляла силы и внимание обороняющихся, не позволяя им своевременно среагировать на главный удар.

Чтобы лишить флот США передовых баз, в декабре японцы захватили острова Гуам и Уэйк и высадились на островах Гилберта. Захват Гуама прошел легко, и только немногочисленный гарнизон морской пехоты на Уэйке поддержал честь флага США,

оказав упорное сопротивление многократно превосходившим силам противника: только со второй попытки 23 декабря остров был взят. Этим японцы значительно улучшили стратегическую ситуацию: теперь американцы могли предпринимать серьезные действия только из Пёрл-Харбора, баз в Австралии и на Алеутских островах.

Одновременно с Филиппинской проводилась Малайская операция. Ей придавалось большое значение, поскольку захват Малайи должен был обеспечить Японию стратегическим сырьем. Замыслом операции предусматривались оккупация Таиланда, выход в Британскую Малайю и захват Сингапура, главного оплота англичан в Юго-Восточной Азии. Решение этой задачи возлагалось на 25-ю армию (70 тыс. солдат и офицеров) генерала Ямасита Томоюки и оперативное соединение из 9 крейсеров и 16 эсминцев, прикрывавшее транспорты с десантом. Малайю защищали 3 дивизии и отдельные части (100 тыс. человек) под командованием генерала А. Персиваля.

Конвои с десантом, вышедшие в море еще до начала боевых действий, были обнаружены авиацией на переходе. Британское командование привело свои в боевую готовность, но, не зная места назначения, не смогло предпринять более конкретных мер по предотвращению высадки. Первый десант высадился в ночь на 8 декабря в районе Кота-Бару. На рассвете авиация нанесла удар по английским аэродромам, а войска высадились в южном Таиланде. В течение двух дней японцы уничтожили треть авиации противника; оставшиеся самолеты улетели в Сингапур. Для борьбы с десантом были направлены линейный корабль «Принс оф Уэллс» и линейный крейсер «Рипалс». Корабли, шедшие без прикрытия истребителей, 10 декабря были обнаружены японской авиацией и после упорного боя потоплены. Потеря этих кораблей, главной силы Восточного флота, стала тяжелым психологическим ударом. Утратившие поддержку с воздуха и моря, британские войска откатывались к Сингапуру. 25-я армия преследовала, стремительно продвигаясь через джунгли по восточному и западному побережью полуострова Малакка.

Гарнизон крепости был дополнительно усилен 45 тысячами человек и 140 самолетами. Персивалю было приказано сосредоточить все имевшиеся силы на южной оконечности полуострова на подступах к Сингапуру и держаться. Англичане рассчитывали, что хорошо снабженная боеприпасами и продовольствием крепость с многочисленным гарнизоном (численность осажденных в два раза превышала численность осаждавших) выстоит. Значение Сингапура подчеркивалось еще и тем, что 25 декабря

японцы захватили Гонконг. Теперь в случае утраты Сингапура у англичан просто не осталось бы в бассейне Тихого океана значимых опорных пунктов, кроме Австралии. Но несмотря на все усилия, устойчивую оборону на подступах к Сингапуру организовать не удалось, и в конце января 1942 г. британские войска отошли в крепость. Тут англичанам стала ясна их принципиальная ошибка: Сингапур строился как морская крепость; перед войной были истрачены большие средства на его укрепление со стороны моря, в то же время с суши, со стороны считавшихся непроходимыми джунглей, он укреплен не был.

9 февраля японцы, переправившись через узкий пролив Джохор, отделяющий остров Сингапур от материка, захватили аэродромы и водохранилища. Через неделю боев вся крепость была в их руках. 15 февраля Сингапур пал. Как признают британские историки, это была самая крупная и самая позорная капитуляция за всю историю королевских вооруженных сил. Англичане потеряли убитыми, ранеными и пленными практически всю группировку сухопутных войск в Малайе — 138 тыс. человек, в то время как потери противника составили около 10 тыс. человек. Содержание военнопленных стало для японцев серьезной проблемой, к решению которой они не были готовы ни морально, ни материально. Морально — потому что уставы императорской армии с начала 1930-х годов исключали добровольную сдачу в плен как несовместимую с выполнением воинского долга, а пленные рассматривались как изменники. Материально — потому что не рассчитывали иметь дело с таким большим их количеством. Документы фиксируют немалое количество случаев жесткого обращения японцев с пленными, но это не было целенаправленной политикой.

Японская пресса окрестила Ямасита «малайским тигром» и превозносила его как великого полководца. Однако премьер Тодзио, испытывавший к генералу давнюю антипатию, не допустил его для личного доклада императору, а затем и вовсе отправил в Маньчжурию, где никакой войны не предвиделось и где этот талантливый полководец никак отличиться не мог.

К началу 1942 г. Япония добилась выдающихся успехов. Большая часть Тихоокеанского флота США была нейтрализована, основные опорные пункты американцев и англичан в регионе захвачены. Союзники снешно пытались организовать сопротивление, но это у них получалось плохо. В конце января японские войска высадились на острове Новая Ирландия, захватив морскую базу и аэродром Рабаул, в будущем ставший их важнейшим опорным пунктом. После высадки на Соломоновых островах они вышли на подступы к Австралии.

Следующим этапом стала Голландская Индия. В январе японцы высадились на островах Борнео и Целебес, ставших плацдармом для броска на Яву. Корабли союзников несколько раз пытались перехватить транспорты с десантом и помешать высадке, но без особого успеха. В феврале был высажен десант на юге Суматры, затем на Бали. Чтобы сорвать готовящуюся высадку на Яве, в море вышла союзная эскадра под командованием голландского адмирала К. Доормана, но в ночном бою с эскадрой адмирала Такахаси Корэмоти 27–28 февраля союзники потерпели полное поражение, потеряв 2 крейсера и 3 эсминца. В последующих схватках японцы потопили еще 2 крейсера, после чего уцелевшие корабли союзников ушли из этого района. Японцы обеспечили себе беспрепятственную высадку на Яве и к 15 марта овладели всей Голландской Индией.

Еще не успели завершиться бои в Малайе, как японским войскам была поставлена новая задача – Бирма. Ее захват должен был создать плацдарм для продвижения в Индию и перерезать пути снабжения войск Чан Кайши из США и Англии. В середине января 15-я армия генерала Иида Сёдзиро (35 тыс. человек) начала наступление на аналогичную по численности группировку британских войск. Поначалу англичанам удалось задержать наступление, но затем японцы совершили обходной маневр, вынудив противника отступить. Чтобы спасти положение, англичане запросили помощи китайцев, но это не помогло. 8 марта японские войска вошли в Рангун. Утрата этого важного узла коммуникаций серьезно осложнила снабжение английских войск на севере Бирмы и войск Чан Кайши. На севере китайские войска были оттеснены на свою территорию, к границе которой японцы вышли в конце апреля. На западе остатки английских войск, не сдержав натиска, бросили технику и через горы ушли в Индию.

Потеряв Малайю и Бирму, английское командование принимало спешные меры по недопущению противника в Индию, опасаясь в том числе и внутривойска неустойчивости. Новым центром обороны стал Цейлон, на котором базировались корабли Восточного флота и главные силы авиации. Японское командование решило достичь господства на море и нарушить коммуникации противника в Индийском океане и Бенгальском заливе. Главная роль в задуманной операции предназначалась отличившемуся в Пёрл-Харборе соединению Нагумо (5 авианосцев, 4 линкора, 3 крейсера, 8 эсминцев), с которым должно было взаимодействовать соединение адмирала Одзава Дзисабуро (1 авианосец, 6 крейсеров, 8 эсминцев). С 28 марта по 10 апреля

японские корабли и самолеты потопили 1 легкий авианосец, 2 крейсера и 2 эсминца англичан, а также 28 торговых судов. От налетов авиации сильно пострадали военно-морские базы Коломбо и Тринкомали. В результате судоходство в этом районе полностью прекратилось. Англичане отвели уцелевшие корабли в порт Момбаса (Кения).

С целью поднять упавший боевой дух своих войск и сдерживать активность японцев американское командование предприняло ряд мер. Авианосные ударные группы из Пёрл-Харбора совершили в феврале–апреле несколько набегов на передовые базы противника. Наибольшую известность получил набег 18 апреля, когда 16 бомбардировщиков В-25 с авианосца «Хорнет» нанесли удар по Токио, Нагоя и Кобэ, совершив затем аварийную посадку в Китае. Причиненный ущерб был крайне мал, однако эта операция, известная как «налет Дулиттла», по имени командира группы, вызвала замешательство в Японии и имела огромный морально-психологический эффект в США. В этом смысле ее можно сравнить с налетами советской авиации на Берлин осенью 1941 г. Американцы также постарались усилить активность своих подводных лодок, которые обладали хорошими тактико-техническими характеристиками, и в начале 1942 г. смогли добиться некоторых успехов. Однако эти успехи были существенно ограничены ненадежностью торпед и отсутствием опыта у командиров лодок.

К весне 1942 г. армия и флот Японии решили, причем с большим успехом, все поставленные перед ними задачи. Потеряв 3 эсминца, не более 150 самолетов и около 20 тыс. убитыми и ранеными, они нанесли тяжелое поражение союзникам. В начале апреля был занят полуостров Батаан, 7 мая после упорной обороны пала крепость Коррехидор – последний очаг сопротивления на Филиппинах. В плен попали 12 тысяч солдат и офицеров, большая часть которых впоследствии погибла. Япония захватила обширные территории с богатыми запасами стратегически важного сырья, без которого экономика страны была нежизнеспособна (особое значение имели поставки нефти из Голландской Индии). Для защиты захваченных территорий создавался оборонительный периметр Бирма – Малайя – Голландская Индия – Соломоновы острова – острова Гилберта – Маршалловы острова – Марианские острова. Теперь японцам приходилось думать, как защищать эти разбросанные территории.

«Неурегулированным» оставался и «Китайский инцидент», хотя значительная часть территории Китая контролировалась японцами. Армии Маньчжоу-го и нанкинского правительства Ван Цзинвэя даже под японским руководством и контролем были

малозффективны и выполняли преимущественно полицейские функции. Армия Чан Кайши сосредоточила внимание на борьбе с коммунистами, поэтому в Токио не переставали думать о возможном компромиссе с ним на почве антикоммунизма. Когда шансов на это практически не осталось, Япония 9 января 1943 г. отказалась от концессий и прав экстерриториальности в Китае, передав их нанкинскому режиму, а 30 октября заключила с ним пакт о взаимопомощи. Однако, несмотря на непрекращавшиеся локальные боевые действия и даже проведение японцами масштабных операций — например, в западном Хубэ весной-летом 1943 г., — китайский театр до конца войны оставался сугубо второстепенным, а Маньчжурия играла роль глубокого тыла. Не случайно именно там, вдали от боевых действий и посторонних глаз, печально известный «отряд 731» Квантунской армии занимался разработкой бактериологического оружия.

Несмотря на блестящие победы, Японии не удалось решить главную стратегическую задачу: понесенные поражения не заставили противника пойти на мир на ее условиях. Потери союзников были велики (только число убитых, раненых и пленных превысило 300 тыс. человек), они лишились передовых баз и территорий, но их военно-промышленная мощь осталась нетронутой. Все явственной вырисовывалась перспектива затяжной войны, в которой все преимущества были не на стороне Японии. Следует учитывать и то, что ее стратегические союзники — Германия и Италия не могли оказать ей никакой действенной помощи.

Режим Тодзио: власть, политика и оппозиция

В исторической литературе премьер-министра Тодзио принято называть «диктатором», уподобляя его Гитлеру и Сталину, хотя сам он категорически отрицал это: он такой же подданный Его Величества, как и все остальные, просто на него возложены обязанности главы правительства. Насколько это верно?

Политический режим, существовавший в Японии даже в годы войны, в терминах современной политической науки следует именовать авторитарным, а не тоталитарным, поскольку его господство не было абсолютным (он лишь отчасти влиял на императорский двор и не полностью подчинил себе финансовые и промышленные круги), а репрессии были направлены на открытых политических противников, а не на членов той же правящей эли-

ты. Кабинет и руководство министерств при Тодзио, действительно, подбирались в основном по принципу личной преданности, но это делало медлительную японскую бюрократию эффективной. Кроме того, многие репрессивные меры, например закон «О чрезвычайном контроле за словом, печатью, собраниями, организациями» (16 декабря 1941 г.), не столько отражали диктаторскую сущность режима, сколько диктовались условиями военного времени. Аналогичные меры, вплоть до превентивных арестов «нежелательных лиц», включая депутатов парламента, принимались в военные годы не только в тоталитарных странах, но и демократическими администрациями Рузвельта и Черчилля. С началом войны в Японии были ограничены права и свободы иностранцев, но по масштабу это несравнимо, например, с превентивной депортацией американских граждан японского происхождения как потенциальной «пятой колонны». Так что режим Тодзио точнее всего может быть назван «режимом военного времени»: в этом качестве его резонно сравнивали не с Гитлером, а с Людендорфом.

Даже опираясь на военные круги и мощный репрессивный аппарат, режим нуждался в поддержке населения. Благодаря эффективной работе СМИ, особенно на фоне успехов первого года войны, Тодзио завоевал немалую популярность в массах. В декабре 1942 г. даже убежденный антимилитарист Киёсава Киёси отдавал должное его энергии и активности: «С утра до ночи премьер Тодзио произносит речи, наносит визиты, общается с народом на улицах и работает за пятерых или шестерых. В результате мнение о нем сложилось исключительно благоприятное»². Правящие круги решили использовать этот фактор на очередных парламентских выборах: срок полномочий депутатов, избранных в 1937 г., истек в 1941 г., но был продлен еще на год из-за создания «новой политической структуры».

Двадцать первые всеобщие выборы 30 апреля 1942 г. были первыми в период ее полного господства, поэтому их называют «контролируемыми». Власти тщательно готовились к ним — новый состав парламента должен был быть не просто благонадежным, но и полностью управляемым. По инициативе Тодзио в рамках АПТ был создан Политический организационный совет во главе с бывшим премьером Абэ, на который возложили отбор «рекомендованных» кандидатов. Итоговый список включал 235 депутатов текущего созыва, 18 бывших депутатов и 213 не избиравшихся ранее — всего 466 человек в 122 избирательных округах по числу мест в парламенте, из расчета «один человек — одно место». Правда,

² Киёсава Киёси. Анкоку никки. (Дневник из тьмы). Токио, 1980, с. 27.

власти пошли на небольшую хитрость: в нескольких округах у «рекомендованных» кандидатов не было никаких шансов на избрание, поэтому 10 мест были оставлены вакантными, а в других округах для полноты картины добавили соответствующее число «лишних» кандидатов. Предполагалось, что все «благонамеренные» граждане должны проголосовать за них, обеспечив АПТ абсолютный успех.

Однако «рекомендованным» кандидатам противостояло 613 независимых, что в сумме давало рекордное для японских выборов число 1079 кандидатов. Независимые не могли выдвигаться списком, т.к. все партии и организации считались «самораспустившимися». На нарушение этого неписаного, но жесткого правила решился только Накано Сэйго, ставший непримиримым противником Тодзио. Его Общество восточного направления (Тохокай) «самораспустилось», но возродилось под прозрачным названием Ассоциация восточного направления (Тохо досикай) и выдвинуло список в 46 кандидатов. Руководители ряда местных отделений выступили против решения лидера пойти на конфликт с властями, что едва не повлекло за собой раскол партии. Несмотря на это, равно как и на давление со стороны властей, подчеркнутого нерасположенных к независимым кандидатам, группа Накано провела в парламент 7 (вместо прежних 11) депутатов.

Выборы не были ни свободными, ни полностью контролируемы. МВД ограничивало кандидатов в публичных суждениях о текущей политике, чтобы не допустить критики правительства или армии, и не стеснялось прибегать к репрессивным мерам, вплоть до кратковременных арестов, но это не обеспечило АПТ абсолютного большинства. Достойн упоминания запрет на критику в адрес не только Германии и Италии, но и СССР в ходе избирательной кампании: последнее особенно огорчило консервативные националистические круги, привыкшие строить на этом свою пропаганду.

Второй особенностью выборов стал несомненный успех оппозиции — независимых кандидатов, сам факт существования которых был вызовом властям. Система «рекомендованных» кандидатов была подвергнута критике уже парламентом предыдущего созыва, многие депутаты которого увидели в этом антиконституционное вмешательство исполнительной власти в дела законодательной, а также непосредственную угрозу своему переизбранию. Критика объединила либералов с правыми радикалами — и те и другие почувствовали, что их выводят из игры. Из 613 независимых кандидатов мандаты получили только 85, что если и не могло лишить АПТ убедительного большинства мест

(82% против 18%), то подпортило задуманную манифестацию всеобщего единства.

Несмотря на определенный успех независимых, новый парламент должен был продемонстрировать стране и миру полное единство своих рядов. 20 мая 1942 г. была создана Политическая АПТ (1300 человек) во главе с Абэ, в которую наряду с чиновниками, финансистами и журналистами вошли почти все депутаты, составившие Парламентский союз помощи трону. Выступая по радио, Абэ заявил: «В будущем парламент должен воедино слиться с кабинетом и отдать все силы активному проведению государственной политики в тесном сотрудничестве с правительством»³. В ассоциацию дерзнули не войти только 8 независимых депутатов (1,7% от общего числа!), включая либерала Одзаки Юкио, непрерывно избиравшегося в парламент с момента его основания в 1890 г. и в общей сложности прошедшего в его стенах 64 года, и трех будущих премьеров — Хатояма Итиро, Катаяма Тэцу и Асида Хитоси.

На 80-й чрезвычайной сессии парламента (27–29 мая), одобрявшей все правительственные законопроекты, впервые за всю его историю депутаты в зале заседаний сидели не по партиям, а по префектурам, от которых были избраны. В июне АПТ подверглась реорганизации: под ее контроль были поставлены все «общества служения отечеству» через различные формы деятельности, ранее находившиеся в ведении соответствующих министерств. Система «служения отечеству» должна была охватить все население по месту работы, обучения или жительства; особое внимание уделялось женским, детским и юношеским организациям. Отделения АПТ на местах были поставлены в полную зависимость от центрального аппарата. В то же время это усилило их позиции при решении местных проблем, так что их даже стали называть вспомогательными административными органами.

К числу важнейших мероприятий по «тотальной мобилизации» потенциала страны для военных нужд в 1942 г. относились: введение карточной системы на продукты питания и одежду (20 января), законы «О денежном обращении в военное время» (20 февраля), «О контроле за продовольствием» (21 февраля), отмена права на постоянную аренду земли (1 апреля), указ «Об упорядочении производства» (15 мая), решение сократить число газет до одной в каждой префектуре (1 июля), перевод государственных железных дорог на круглосуточный режим работы (11 октября),

³ Цит. по: История войны на Тихом океане. Т. III, с. 292.

ведение системы принудительной продажи (фактически реквизиции) стратегических материалов (14 октября), создание на базе Министерства колоний и Азиатского бюро МИД Министерства по делам Великой Восточной Азии (1 ноября; решение от 1 сентября⁴). В сторону дальнейшей централизации была реформирована система управления городов, поселков и деревень: права муниципалитетов сократились, а отбор служащих стал строже. В 1943 г. основные правительственные мероприятия были связаны с военной экономикой и с мобилизацией «национального духа», а потому будут рассмотрены далее.

Одновременно был принят ряд мер по «сплочению» империи, но они оказались половинчатыми и запоздалыми. В 1942 г. Корея была провозглашена частью метрополии с передачей ее управления из Министерства колоний в МВД, однако генерал-губернатор сохранил прежнюю власть, и никакого смягчения режима не произошло. В 1943 г. частью метрополии был провозглашен Южный Сахалин (Карафуто); образцом для его будущей интеграции должен был послужить пример Хоккайдо. Наконец, 86-я сессия парламента в начале 1945 г. постановила предоставить Корее 7 мест в верхней палате и 23 места в нижней, Тайваню — 3 места в верхней палате и 5 мест в нижней на выборах, запланированных на сентябрь 1946 г., но на практике это так и не было осуществлено.

На 81-й сессии парламента в конце 1942 г. кабинет попытался еще более усилить исполнительную власть путем придания премьеру диктаторских полномочий, в том числе по руководству экономикой, а также через ужесточение уголовного кодекса. Трения между кабинетом и парламентом обострились после инициативы ряда политиков объединить верхушечную Политическую АПТ с массовой АПТ, имевшей разветвленную сеть филиалов по всей стране. Исполнительная власть решительно выступила против этого плана, увидев потенциального соперника даже в такой «благонамеренной» организации. На 82-й сессии летом 1943 г. критика в адрес правительства звучала в очень резкой форме. Оппозиция «сёгуну Тодзио», как называл его младший брат императора принц Микаса, сблизила правых радикалов и либералов, задумывавшихся об отстранении его от власти. Даже в армейских кругах появились недовольные тем, что премьер, оставаясь военным министром, сосредоточил в своих руках слишком большую власть. Непримируемая позиция Накано, от-

⁴ Это вызвало отставку Того с поста министра иностранных дел; его преемником стал Тани Масаюки, главой нового министерства — Аоки Кадзуо.

крыто обличавшего Тодзио, привела к тому, что в октябре 1943 г. он был арестован военной жандармерией по личному указанию премьера, несмотря на депутатскую неприкосновенность. Вскоре он был освобожден, но помещен под домашний арест и в знак протеста совершил *сэнпуку* (*харакири*). Похороны Накано, на которых присутствовало не менее 20 тысяч человек, вылились в молчаливую антиправительственную демонстрацию.

По мере того как военные успехи сменялись отступлениями, а затем и поражениями, популярность и авторитет Тодзио постепенно падали. Для укрепления личной власти премьер прибегал к кадровым перестановкам (отметим назначение Сигэмицу министром иностранных дел и генерала Андо Кисабуро из АПТ министром внутренних дел 20 апреля 1943 г.) и к репрессиям против политических противников, но приобрел влиятельных врагов в лице «старших советников» (*дзюсин*) — совещания бывших премьер-министров, унаследовавших функцию *гэнро* при выборе нового главы правительства. Осенью 1941 г. *дзюсин* поддержали кандидатуру Тодзио, теперь они склонялись к необходимости его скорейшей замены. Стремясь спасти кабинет в условиях нарастающего недовольства, особенно в военно-морских кругах, премьер сместил с поста морского министра непопулярного адмирала Си-мада Сигэтаро, прозванного «карманным крейсером Тодзио», но оставил его начальником Главного штаба флота, а сам согласился освободить должность начальника Генерального штаба, которую также занимал по совместительству. Затем он предложил бывшему премьеру адмиралу Ёнаи войти в состав правительства в качестве морского министра или министра без портфеля, но тот решительно отказался. Не пошли на сотрудничество с одиозным премьером и бывшие премьеры Хирота и Абэ, которых поддержал лорд — хранитель печати Кидо. Кроме того, в открытый конфликт с Тодзио вступил влиятельный вице-министр вооружений Киси, принявший сторону *дзюсин*.

Вечером 17 июля 1944 г. *дзюсин* подготовили декларацию о необходимости отставки Тодзио и вручили ее Кидо для передачи императору. На следующий день кабинет подал в отставку. Формирование нового правительства было поручено генерал-губернатору Кореи Койсо Куниаки при ближайшем участии Ёнаи, который стал морским министром и де-факто вице-премьером. Из прежнего состава кабинета посты сохранили только министр иностранных дел Сигэмицу и министр финансов Исивата Сэтаро. Военным министром стал маршал Сугияма, ранее смещенный Тодзио с поста начальника Генерального штаба.

и «сфера процветания Великой Восточной Азии»

Внутри страны важнейшей сферой применения «тотальной мобилизации» стала экономика. Современную войну нельзя было вести без необходимого промышленного потенциала и запасов стратегических материалов, однако последние, несмотря на несколько лет подготовки, оставались недостаточными. Имевшихся к началу войны запасов нефти могло хватить на год, бокситов — на девять месяцев, стали — на четыре месяца. Мечтой правящей элиты Японии было достижение автаркии, поэтому расчет делался на скорейший захват и эффективное использование источников сырья (прежде всего нефти и бокситов) за ее пределами. Однако желаемый результат не был достигнут из-за резкого роста потребления сырья в условиях войны, а также длительного времени, необходимого для налаживания работы на оккупированных территориях. Основой военной экономики империи по-прежнему оставался «японо-маньчжуро-китайский экономический блок».

Ограниченность материальных возможностей и непрерывный рост военных потребностей не вызвали промышленного бума. В 1942 г. капиталовложения в военную промышленность составили 2,5 млрд. иен или на 300 млн. иен меньше (!), чем в 1941 г. Капиталовложения в невоенные отрасли сократились на 600 млн. иен (900 млн. в 1942 г. против 1,5 млрд. в 1941 г.); расходы населения уменьшились с 26 до 23,8 млрд. иен. Это не только вело к понижению уровня жизни населения, но подрывало те отрасли промышленности, которые были наиболее прибыльными. Вывоз сырья из колоний и оккупированных территорий принял значительные масштабы, но система контроля за его распределением оставалась неэффективной, в первую очередь из-за соперничества армии и флота, единства командования которыми так и не было достигнуто. В феврале 1942 г. была создана Организация по использованию важнейших материалов и контролю за ними с правом скупки излишков товаров для их более рационального использования, но это не решило проблемы.

На протяжении 1942 г. правительство приняло ряд мер по усилению административного контроля за финансовой и кредитной системой страны. Одной из ее целей было обеспечить расширение реализации государственных займов, которые — в условиях резкого сокращения внешней торговли — стали, наряду с растущими внутренними налогами, главным источником средств, необходимых для ведения войны. Одновременно была сделана попытка

создать единое экономическое и финансовое пространство на подконтрольных территориях, для чего уже 30 января 1942 г. было решено распространить действие иены на все оккупированные территории. Стержнем этой системы должен был стать Банк Японии, полномочия которого были, с одной стороны, расширены, а с другой – ограничены законом «О Банке Японии» (24 февраля 1942 г.). 18 апреля появился закон «О контрольных ассоциациях в сфере финансов», а 23 мая была создана Финансовая контрольная ассоциация для единого руководства всеми финансовыми учреждениями страны при доминирующей роли Банка Японии, который, в свою очередь, находился под жестким контролем кабинета. Контрольные ассоциации появились и во всех важнейших отраслях промышленности, сначала – тяжелой, затем – легкой, где их, как правило, возглавляли президенты крупнейших компаний. В течение 1943 г. ассоциациям были переданы многие права, ранее принадлежавшие правительству, в частности контроль за распределением сырья и масштабами производства, что должно было сделать экономику более эффективной. В результате это вело к принудительной картелизации промышленности и росту концентрации капиталов и материалов в руках крупнейших концернов *дзайбацу*.

27 ноября 1942 г. был создан Комитет по увеличению производства в условиях чрезвычайного времени, который возглавил сам Тодзио. Придерживаясь принципа «роскошь – враг», режим понизил производство товаров народного потребления до уровня ниже необходимого для поддержания жизни и запретил замену и модернизацию оборудования в соответствующих отраслях. В 1943 г. капиталовложения в военную промышленность достигли 4,5 млрд. иен, что временно оживило ее. Закон «Об административном управлении в военное время» (март 1943 г.) наделил кабинет чрезвычайными полномочиями по сосредоточению производительных сил в пяти приоритетных отраслях: сталелитейная, угольная, судостроение, авиастроение, цветная металлургия. Завершением этого процесса стало создание 1 ноября 1943 г. на базе министерств торговли и промышленности, сельского и лесного хозяйства и Планового бюро министерства вооружений во главе с Тодзио (фактическое руководство было возложено на вице-министра Киси). «В функции нового министерства входили контроль за промышленным производством, а также за распределением сырья и рабочей силы, размещение военных заказов, научные исследования в области совершенствования военной техники и др. Оно стало как бы правительством в правительстве»⁵.

⁵ Сапожников Б. Г. Цит. соч., с. 159.

Возросло значение прикладных научных исследований, щедро финансирувавшихся государством, но осуществлявшихся под контролем военного и морского министерств в условиях строгой секретности и межведомственного соперничества. В годы войны в Японии велись разработки, направленные на создание бактериологического и ядерного оружия (первый циклотрон сконструирован еще в 1936 г.), летающих снарядов, торпед с кислородным питанием. Картографы, океанографы и метеорологи были мобилизованы на интенсивное изучение завоеванных территорий. Больших успехов достигло военное судостроение.

Однако, несмотря на все эти меры, японская военная промышленность не могла даже близко сравниться с американской. В 1943 г. она произвела 16 693 боевых самолета (США — 85 898), 2780 танков и других боевых машин (США — только танков 29 497); общее водоизмещение построенных судов различалось на порядок. 1944 г. стал рекордным по выпуску самолетов и военных кораблей; общий индекс промышленной продукции составил 208,8 (1934—1936 гг. = 100), а в машиностроении 463,3. С началом 1945 г. обозначился спад военного производства, но за январь—август этого года был построен 101 корабль общим водоизмещением около 100 тыс. тонн, добыто 22,3 млн. тонн угля и выплавлено 1,1 млн. тонн стали.

Для повышения эффективности производства правящие круги начали его «рационализацию» путем «добровольно-принудительного» слияния компаний и последующего их перепрофилирования. Например, гиганты текстильной промышленности переключились на одновременное производство самолетов. Это усиливало *дзайбацу*, но разрушало мелкий и средний бизнес: оборудование его предприятий нередко шло на металлолом, а рабочие подвергались принудительной «трудовой мобилизации».

Был ужесточен контроль за производством и потреблением риса и других сельскохозяйственных продуктов, поскольку даже относительно высокий урожай 1942 г. не мог обеспечить непрерывно растущих потребностей. Несмотря на увеличение ввоза риса из колоний и мобилизацию рабочей силы в деревню, положение продолжало ухудшаться: аграрному сектору все сильнее не хватало металла, нефти, минеральных удобрений, а также квалифицированных рабочих-мужчин, число которых в 1940—1944 гг. уменьшилось почти на миллион человек. За те же годы площадь обрабатываемых земель сократилась на 8,5%. Непрерывно падало производство риса, нормированное распределение которого начали вводить уже весной 1941 г.; в рационе росла доля суррогатов, что вызывало пассивное, но явное недовольство населения. Это

вынуждало правительство прибегать в мерам внеэкономического принуждения в сочетании с интенсивной идеологической обработкой населения через объединение сельскохозяйственных организаций (март 1943 г.), создание «отрядов содействия» и введение разных форм «трудовой повинности».

Необходимо было поставить под контроль трудовые ресурсы, которые с началом войны все чаще подвергались принудительной «мобилизации»: 850 человек в 1939 г., 311 724 – в 1940 г., 623 385 – в 1942 г. Вся рабочая сила бралась на строгий учет (система «регистрации профессий»), были приняты меры по предотвращению ее миграции (указы «О запрещении рабочим и служащим менять место работы» еще в ноябре 1940 г. и «О регулировании спроса и предложения рабочей силы» в декабре 1941 г.), а указ «Об организации труда на важнейших предприятиях» фактически отменял ограничения рабочего дня и заработной платы, которые отныне устанавливались правительственными чиновниками. Вкупе с неизбежными лишениями и падением уровня жизни это вело к общему ухудшению состояния здоровья трудоспособного населения и росту смертности.

Роль колоний и оккупированных территорий в военной экономике Японии, включая сельское хозяйство, непрерывно возрастала. Политику по отношению к ним обычно характеризуют как «ограбление», и это в целом справедливо. Однако и здесь метрополии была необходима хотя бы минимальная поддержка тех народов, освобождение которых от «белого империализма» она объявила одной из главных целей войны. Обеспечить эту поддержку и координацию усилий должно было создание «сферы процветания Великой Восточной Азии».

Идея экономического и политического объединения Азии под эгидой Японии в борьбе против «белых» была не нова, но до лета 1940 г. не озвучивалась официально. 29 июня министр иностранных дел Арита заявил, что «страны Восточной Азии и страны Южных морей связаны одной судьбой – идти по пути взаимной поддержки, взаимопомощи и использования плодов сосуществования и процветания, чтобы способствовать укреплению мира и росту благополучия»⁶. Сформированный три недели спустя второй кабинет Коноэ сделал создание «сферы процветания Великой Восточной Азии» основой своей внешнеполитической программы, о чем 1 августа официально объявил новый глава МИД Мацуока. До начала боевых действий японские лидеры последовательно отрицали, что предложенный ими блок явля-

⁶ Цит. по: История войны на Тихом океане. Т. III, с. 62.

тятся прикрытием агрессивных замыслов, трактуя его как форму экономической взаимопомощи и гарант мира в регионе. Однако «Основные принципы управления оккупированными территориями в странах Южных морей», принятые 10 ноября 1941 г., не оставляли сомнений в том, что им отводилась роль сырьевой базы и стратегического плацдарма японской экспансии.

С началом «Великой Восточноазиатской войны» (Дайтоа сэнсо), как называла ее официальная пропаганда, ситуация переменялась. Выступая в январе 1942 г. в палате пэров, Тодзио прямо связал военные усилия Японии с «освобождением» Азии, назвав ее союзниками Маньчжоу-го, Таиланд и режим Ван Цзинвэя в Китае. Осенью того же года было создано Министерство по делам Великой Восточной Азии. Весной-летом 1943 г. Тодзио совершил поездку по «союзным» странам. 1 августа была провозглашена независимость Бирмы (глава правительства Ба Мо), 14 октября — независимость Филиппин (президент Хосе Лаурель); 21 октября вождь радикального крыла Индийского национального конгресса Субхас Чандра Бос объявил в Сингапуре о создании правительства «Свободной Индии» в изгнании и приступил к формированию Индийской национальной армии. Все эти режимы были связаны с Японией договорами о союзе и, конечно, полностью зависели от Токио. 5 ноября 1943 г. лидеры съехались в Токио на конференцию Великой Восточной Азии, которая должна была продемонстрировать всему миру единство представленных ими стран и решимость бороться до конца. 6 ноября было торжественно обнародовано их совместное заявление, полуофициально названное «Тихоокеанской хартией» — в противоположность «Атлантической хартии» Рузвельта и Черчилля (опубликована 14 августа 1941 г.). Заявление было велеречивым, но неконкретным и свидетельствовало об отсутствии у Японии иного политического курса в отношении оккупированных территорий, кроме военного контроля над ними в интересах метрополии.

Прежде всего, это относилось к природным ресурсам, эксплуатация которых в большинстве случаев была экстенсивной, граничащей с разграблением. Например, добыча нефти в Голландской Индии, стремление контролировать которую было одним из главных мотивов «продвижения на юг», в 1942 г. составила 25 927 тыс. баррелей, в 1943 г. — 49 614 тыс. баррелей, т.е. почти в 2 раза больше, а в 1944 г. — всего 36 916 тыс. баррелей. Аналогичная картина наблюдалась и на других территориях, кроме Маньчжурии и контролируемых Японией районов Китая, которые оставались важным источником сырья вплоть до весны 1945 г., когда

его вывоз в метрополию практически прекратился из-за действий американской авиации и флота.

Хотя ряд видных деятелей национально-освободительного движения выступил на стороне Японии, ей не удалось заручиться массовой поддержкой населения оккупированных территорий, которое явно предпочитало союзников. Провалом окончились все попытки вторжения на территорию Индии, где «освободители» не добились ничего, даже несмотря на популярность и личную харизму Боса. Непрерывная и кровопролитная партизанская война шла на Филиппинах. Аналитики считали серьезной ошибкой японского правительства запоздалую поддержку режима Бао Дая, провозгласившего 7 марта 1945 г. создание государства Аннам во Вьетнаме и отказ предоставить хотя бы формальную независимость Индонезии. Однако нельзя отрицать, что акции Японии по «освобождению» Азии повлияли на послевоенную политику союзников в регионе и ускорили получение независимости их колониями.

Перелом в ходе войны

К весне 1942 г. стратегическая инициатива была полностью в руках японцев. Угроза новых ударов заставила США на время отказаться от принятой ранее стратегии борьбы прежде всего с Германией и направить основные усилия против Японии. В то время как внимание англичан было поглощено войной в Атлантике и на Средиземном море, американцы накапливали силы, перебрасывая в зону Тихого океана новые корабельные и авиационные соединения, укрепляя существующие и создавая новые базы и опорные пункты. В самих США была начата крупномасштабная кораблестроительная программа, рос выпуск самолетов и прочей военной техники, усиленно обучался личный состав. Больших наступательных операций американцы пока не планировали, решив ограничиться набегами.

При разработке плана дальнейших действий у верховного командования Японии возникли разногласия. Флот выступал за решительный рывок на юг, на Австралию, однако армия была против, опасаясь, что для этого недостаточно сил. Отчасти это было связано с тем, что часть руководства армии продолжала считать главным врагом СССР, на границе с которым держалась многочисленная Квантунская армия. В итоге был принят компромиссный вариант: завершить захват Новой Гвинеи и Соломо-

новых островов, затем выйти к Фиджи и Самоа, нарушив линию коммуникации между Австралией и США. Одновременно флот разработал еще одну операцию: адмирал Ямамото надеялся увлечь американские авианосцы, которые он справедливо считал главной угрозой, в генеральное сражение и уничтожить. По мнению адмирала, это заставило бы Вашингтон пойти на мир, столь нужный Японии, поскольку время работало против нее. План был хорош, но имел одну принципиальную слабость: противник знал о нем благодаря успехам своих дешифровальщиков.

В начале мая 1942 г. японцы начали активные действия. Корабельное соединение с десантом направилось для занятия Тулаги, одного из Соломоновых островов, в то время как более мощные силы вторжения (3 авианосца, 9 крейсеров, 15 эсминцев с транспортами) вышли курсом на Порт-Морсби, главный опорный пункт австралийских войск на Новой Гвинее. Соединение адмирала Ф. Флетчера (2 авианосца, 8 крейсеров, 11 эсминцев) было наготове. Противоборствующие эскадры, не зная о местоположении друг друга, вели активный поиск. 7 мая американская палубная авиация потопила легкий японский авианосец, после чего транспорты с десантом были направлены обратно в Рабаул. В свою очередь японские самолеты, не обнаружив авианосцы, потопили шедшие отдельно эсминец и танкер. 8 мая стороны снова приступили к поиску соединений друг друга, которые были обнаружены с небольшой разницей во времени. Американским пикировщикам удалось повредить 1 авианосец. Удар японцев был более удачным: 2 авианосца, один из которых впоследствии затонул, получили большие повреждения — после чего американская эскадра начала отходить. В тактическом плане эта операция, названная сражением в Коралловом море, закончилась вничью: американцы понесли более серьезные потери в кораблях, японцы — в самолетах (70–80 против 60–70). Но в моральном плане это был успех американцев, поскольку им впервые удалось остановить противника, сорвав высадку в Порт-Морсби. Это было первое в истории морское сражение, в котором экипажи кораблей противоборствующих флотов не видели друг друга и не вели артиллерийский огонь, все сделала палубная авиация.

Следующим шагом стала реализация плана генерального сражения с американским флотом. Целью операции, к которой привлекался практически весь Объединенный флот, был выбран атолл Мидуэй, передовой пункт базирования американцев. Захватом Мидуэя японцы надеялись получить дальний рубеж обороны и заставить вмешаться главные силы флота США, подставив их

под удар. По мнению историков, Ямамото, страстно любивший азартные игры, пошел ва-банк, чтобы решить исход войны одним сражением. С целью отвлечения внимания от Мидуэя одновременно намечалась высадка десанта на Алеутских островах.

Благодаря дешифровке радиопереговоров американское командование знало о предстоящей операции и приняло соответствующие меры. На Мидуэе была усилена оборона, увеличена авиационная группировка, в прилегающих водах в полной готовности патрулировали два оперативных соединения (3 авианосца, 8 крейсеров, 14 эсминцев). Для атаки Мидуэя японцы направили авианосное соединение Нагумо (4 авианосца, 2 линкора, 3 крейсера, 12 эсминцев) и силы вторжения адмирала Кондо Нобутаке (1 авианосец, 2 линкора, 10 крейсеров, 21 эсминец и 15 транспортов с десантом). К северо-западу крейсировал весь остальной Объединенный флот под флагом Ямамото.

3 июня 2 авианосца нанесли удар по базе Датч-Харбор на Алеутских островах, однако командующий Тихоокеанским флотом адмирал Ч. Нимиц на это не отреагировал: из докладов радиоразведки он знал, что это отвлекающий удар, и выжидал появления главных сил у Мидуэя. Утром 4 июня Нагумо, не подозревавший о поджидавших его американских авианосцах, направил в налет 72 бомбардировщика. Истребители сопровождения разогнали поднявшиеся в воздух самолеты противника, после чего бомбардировщики прошли по атоллу. Удар был удачен, но полностью оборона подавлена не была. Поскольку об американских авианосцах ничего не было слышно, Нагумо приказал готовить второй удар. Стали подвешивать бомбы и под те самолеты, которые были вооружены торпедами и держались в резерве. Не успели техники закончить работу, как поступил доклад об обнаружении американских кораблей. Понимая, что в составе этого соединения могут быть авианосцы, Нагумо приказал снова перевооружить ударные самолеты: с фугасных бомб, предназначенных для объектов на Мидуэе, на торпеды и бронебойные бомбы против кораблей. Вскоре самолеты были готовы, но Нагумо решил дождаться возвращения первой волны. Благодаря этой задержке американцам удалось предупредить противника, и в 10 ч. последовал первый налет со всех трех их авианосцев. Он был неудачен: эскадрильи шли разрозненно, и часть самолетов не нашла эскадру противника. К тому же из-за нехватки горючего истребители по пути вернулись, поэтому, когда оставшиеся бомбардировщики и торпедоносцы приблизились к японским кораблям, они оказались беззащитны против накинувшихся на них «Зеро». Не добившись ни одного попадания, американцы потеряли 37 самолетов.

Отразив атаку, японцы приготовились поднять в воздух ударные самолеты, но в это время появилась последняя волна американских пикировщиков. Благодаря случайности американцам удалось нанести удар в самый благоприятный для этого момент, когда палубы авианосцев были заставлены готовыми к взлету самолетами: в «Акаги», флагман Нагумо, попали 2 бомбы, вызвавшие детонацию боезапаса; в «Кага» попали 4 бомбы, и на нем также начались пожары и взрывы; «Сорю» через 20 минут после попадания 3 бомб был объят пламенем от носа до кормы. Позже та же судьба постигла авианосец «Хирю». В итоге японцы потеряли все 4 авианосца и 320 самолетов; американцы — 1 авианосец и 147 самолетов. Несмотря на разгром соединения Нагумо, Ямамото не отказался от планов уничтожения американского флота в этом сражении. Отменив высадку десанта, он сосредоточил у аголла все силы, но американцы уже отошли на восток.

Действия японского командования в этом бою до сих пор подвергаются сильной критике. Действительно, Нагумо, в молодости бывший энергичным командиром, с возрастом стал склонен к осторожным действиям. Однако необходимо отметить, что критика его распоряжений во многом объясняется самим фактом поражения, когда ошибочными считаются все действия проигравшей стороны. Как сказал Нимиц, победа американцев была обусловлена в первую очередь работой криптографов, сумевших вскрыть замысел противника. В самом сражении флот США также совершил серьезные ошибки, которые могли ему стоить победы.

Сражение у Мидуэя стало переломным. Особенно велико было его психологическое значение: впервые японцы потерпели безусловное поражение, причем тяжелое. Значительными были и материальные последствия — уничтожение авианосного соединения Нагумо, главной ударной силы Объединенного флота. Тяжелой утратой стала гибель многих опытных летных экипажей, заменить которые было нечем. Господство в воздухе начало переходить к американцам.

Тем не менее японцы продолжали выполнять первоначальный план. 7 и 8 июня на островах Алеутского архипелага Кыска и Атту высадился их десант, не встретивший сопротивления; американцы вообще обнаружили его только через четыре дня. Однако в сложившихся обстоятельствах захват новых опорных пунктов уже не имел значения, хотя в США высадка вражеских войск на американскую территорию получила большой общественный резонанс.

Несмотря на поражение у Мидуэя, японцы не отказались от наступательных действий. Разгорелась борьба за Новую Гвинею

и Соломоновы острова, которым отводилась роль плацдарма для продвижения к Австралии. В конце июля они высадились на восточном берегу Новой Гвинеи и начали наступление на Порт-Морсби. Американские и австралийские войска оказали упорное сопротивление, и бои приняли затяжной характер. Для обеспечения воздушного прикрытия японцы начали строить аэродром на одном из занятых ими островов — Гуадалканале. Американцы решили этому воспрепятствовать: 7 августа там высадились морская пехота, захватившая недостроенный аэродром.

Для японцев Гуадалканал был важен тем, что давал контроль над всеми Соломоновыми островами. Американское командование, планировавшее продвижение к Рабаулу, ставило первоочередной задачей закрепиться там же. На последующие полгода этот небольшой остров стал главным фронтом войны на Тихом океане. В Китае в это время проводились операции местного значения; в Бирме не было даже этого: англичане приходили в себя после понесенных поражений.

Против высадившегося на Гуадалканале десанта японцы сразу бросили авиацию, но особого успеха не добились. Успешнее шли дела на море. К Гуадалканалу отправилась эскадра адмирала Микава Гунъити (7 крейсеров и 1 эсминец), которая в ночь на 9 августа у острова Саво застала врасплох эскадру союзников — японские корабли прошли незамеченными мимо 2 дозорных эсминцев, потопив 4 крейсера. Поражение было столь впечатляющим, что союзники обнародовали информацию о нем только спустя несколько месяцев. Однако на рассвете Микава, опасаясь атак с воздуха, отвел эскадру в Рабаул. Успех борьбы за Гуадалканал зависел от того, кто удержит господство в воздухе. Японские самолеты могли действовать только с Рабаула. Флот США пока не мог обеспечить постоянное присутствие в этом районе своих авианосцев, поэтому американцы решили перебросить самолеты непосредственно на Гуадалканал. Они достроили захваченный японский аэродром, назвав его Хендерсон-Филд, который начал действовать 20 августа. И в дальнейшем американцы значительно опережали японцев в умении быстро и качественно строить полевые аэродромы.

На острове разгорелись бои между морской пехотой и японскими войсками. Обе стороны старались доставить туда подкрепления и не дать противнику сделать то же самое. После неудачного морского боя 24 августа японцы отказались от попыток переброски войск на транспортах, пока их авиация не завоюет господства в воздухе. Функции транспортов стали выполнять эсминцы, успевавшие за короткую тропическую ночь разгрузиться и к рассвету выйти за пределы зоны действия вражеской авиации.

Американцы прозвали эти ночные походы «Токийский экспресс». Возглавлял «экспрессы» адмирал Танака Райдзо, один из лучших тактиков японского флота. Утрату господства в воздухе отчасти компенсировали успехи подводных лодок. Однако и на море преимущество начало постепенно переходить к американцам. В ночь на 12 октября у мыса Эсперанс их соединение, используя радиолокаторы, внезапной атакой нанесло поражение японской эскадре, радиолокаторов не имевшей. Бой вызвал большой моральный подъем у американцев, которым, наконец, удалось одержать верх в классическом морском сражении без участия авиации.

14 октября японцы обстреляли Хендерсон-Филд, уничтожив 48 самолетов из 90 и повредив почти все остальные. 21 октября они начали наступление с целью захватить аэродром. Через четыре дня наступление, натолкнувшись на упорное сопротивление, захлебнулось. Аэродром остался в руках американцев, но и им не удалось развить успех. Продолжалась борьба на истощение в условиях постоянной нехватки продовольствия и свирепствовавших болезней. Японцы в полной мере проявили качества, которые и позже отличали их действия на суше: исключительная храбрость солдат и их полное презрение к смерти в сочетании с отсутствием тактической грамотности командиров. Те, как правило, при первой же возможности бросали части в атаку, а при неудаче просто повторяли их до полного истребления сил, что приводило к большой диспропорции в потерях. Отдавая должное отваге японцев, морская пехота США вскоре пришла к тому же выводу, что и авторы полевого наставления вермахта, составленного по опыту Восточного фронта: «при наличии достаточного количества боеприпасов и крепких нервов бояться таких атак нечего».

Стремясь переломить ход событий в свою пользу, стороны стягивали к Гуадалканалу новые силы. В сражении с участием авианосцев 26 октября у острова Санта-Крус успех был на стороне японцев, однако общая ситуация для них не улучшилась. На Новой Гвинее наступление на Порт-Морсби не удалось. На Гуадалканале они не смогли захватить Хендерсон-Филд, а на море все сильнее сказывалось преимущество американцев. Задействованные у Гуадалканала авианосцы потеряли более 100 самолетов и противостоять авиационной группировке противника не могли. Поэтому японцы решили переломить ситуацию на суше, перебросив на Гуадалканал еще одну дивизию, хотя это шло в ущерб операциям на Новой Гвинее. Американцы, также планировавшие наступление, направили к острову конвои транспортов с подкреплением.

В ночь на 13 ноября японский конвой натолкнулся на американскую эскадру. Бой сразу превратился в неуправляемое побоище с хаотичной стрельбой на минимальной дистанции; царившая неразбериха приводила даже к случаям обстрела своих же кораблей. Японцы потеряли 2 эсминца, но сумели потопить крейсер и 4 эсминца, повредив все остальные американские корабли, однако авиация не дала им воспользоваться успехом. Днем американские самолеты потопили 6 транспортов конвоя и повредили еще один; оставшиеся 4 смогли прибыть к месту назначения и разгрузиться, но были потоплены авиацией на следующий день. В ночь на 15 ноября произошло очередное морское сражение, после которого японцы отказались от использования у Гуадалканала крупных кораблей, утратив господство на море. В итоге их войска на острове превратились из осаждающих в осажденных. Голод и болезни все больше ослабляли гарнизон.

В ходе боев у острова в начале декабря обе стороны понесли большие потери в кораблях, из-за чего пролив восточнее Гуадалканала был прозван «пролив Железное дно». Американцы усилили авиацию и стали активнее использовать торпедные катера, у японцев не знали устали эсминцы, но они уже не причаливали к Гуадалканалу, а сбрасывали контейнеры с грузом вблизи него в надежде, что течением их прибьет к острову. В ночь на 4 декабря 7 эсминцев сбросили 1500 контейнеров, но выловить удалось только 310. Долго снабжать гарнизон таким образом было невозможно, но другого способа не было. В японском руководстве не было единства мнений по поводу сложившейся ситуации: одни выступали за эвакуацию Гуадалканала во избежание больших потерь, другие были против как по практическим, так и по моральным соображениям. Однако преимущество американцев становилось подавляющим: к концу года численность их войск на острове превышала 50 тысяч, в то время как японцев осталось менее 20 тысяч. 31 декабря императорская ставка решила эвакуировать Гуадалканал. Эвакуация началась 1 февраля и закончилась через неделю. Эсминцы успешно справились с задачей: несмотря на активное противодействие, им удалось с небольшими потерями вывезти уцелевших — около 11 тысяч человек, еле живых от голода, малярии и дизентерии. На острове погибло более 20 тысяч японцев, союзники потеряли до 7 тысяч человек. Неудачей закончились для японцев и бои на Новой Гвинее, где их войска также были лишены необходимой поддержки с воздуха и нормального снабжения.

Напряженная борьба за Гуадалканал обострила наметившиеся проблемы в авиации и флоте Японии и обозначила утрату

инициативы в кампании на Тихом океане. К тому времени японцы потеряли около тысячи самолетов и более 2 тысяч опытных летчиков, ветеранов предыдущих кампаний. Если возместить потери в технике было возможно, то нехватка подготовленного летного состава ощущалась все сильнее. Стала очевидной крупная ошибка командования флота (основную тяжесть боев несла морская авиация), укомплектовавшего части отлично обученными экипажами, но не позаботившегося о подготовке достаточно-го резерва. Ощутимые потери были в боевых кораблях, а многие оставшиеся требовали ремонта. Большую тревогу вызывала ситуация на морских коммуникациях: к концу 1942 г. самолеты и подводные лодки США потопили грузовые суда общим тоннажем более 850 тыс. тонн. Стало не хватать кораблей для одновременного проведения наступательных операций и обеспечения бесперебойных поставок сырья с завоеванных территорий. Осознав угрозу, японцы приступили к формированию противолодочных групп и стали сводить транспорта в конвои, однако сил для охраны коммуникаций было недостаточно. В результате им пришлось, не отказываясь от частных наступательных операций, перейти к стратегической обороне.

Перехватив инициативу и обладая преимуществом в силах, американское командование могло развернуть масштабные наступательные операции, но этого не произошло. Кризис был преодолен, и в Вашингтоне решили вернуться к первоначальной стратегии борьбы, прежде всего с Германией. На Тихом океане все еще ощущалась нехватка авианосцев и транспортных судов; подавляющая часть личного состава не имела боевого опыта, а быстрое увеличение количества частей и соединений привело к трудностям в управлении ими. Поэтому командующий силами союзников в юго-западной части Тихого океана Д. Макартур избрал стратегию наступлений с ограниченными целями, «от пальмы к пальме», создавая условия для более масштабных операций. Наступать было решено от Соломоновых островов и Новой Гвинеи, поскольку это направление давало наилучшие шансы прорыва оборонительного периметра японцев при одновременной близости своих линий коммуникаций. Ситуация в Бирме в то время существенно не менялась: в начале 1943 г. англичане провели небольшими силами две частные наступательные операции, но успеха не имели.

Утратив Гуадалканал, японское командование приняло меры к сдерживанию противника на Новой Гвинее. Стремясь перехватить инициативу, оно задумало провести воздушное наступление, для чего к Соломоновым островам были стянуты дополнительные

силы авиации. 7–11 апреля японские самолеты нанесли несколько сильных ударов по аэродромам и якорным стоянкам в Порт-Морсби, у Гуадалканала и восточного побережья Новой Гвинеи, однако желаемого превосходства в воздухе не добились.

Вскоре японцев ждал сильнейший удар — гибель адмирала Ямамото. Благодаря дешифровке радиосообщений, американцы узнали о его планах посетить передовую. Адмирал Нимиц поначалу сомневался в целесообразности «охоты» на Ямамото, поскольку она могла навести японцев на мысль, что их шифр взломан, но в конечном итоге разрешение на это было дано. Операцию спланировали так, чтобы перехват выглядел случайной встречей с истребителями, осуществлявшими обычное патрулирование. 18 апреля над островом Бугенвиль самолет адмирала был перехвачен и сбит. Японское правительство задержало публикацию сообщений о его гибели, но когда об этом стало известно, страна погрузилась в траур. Некоторые историки предполагают, что Ямамото, понимавший невозможность для Японии выиграть войну, намеренно отправился в поездку с нарушением всех мер безопасности, избрав таким образом замаскированную форму самоубийства. Прямых подтверждений этой версии нет, но нужно признать, что для адмирала смерть в бою стала наилучшим выходом: он не увидел гибели возглавляемого им флота и крушения страны, служению которой посвятил всю жизнь.

После апрельских боев у Соломоновых островов наступило некоторое затишье. Внимание противников временно переключилось на Алеутские острова, где американское командование решило провести образцово-показательную десантную операцию. Для высадки на Атту, японский гарнизон которого насчитывал 2,5 тыс. человек, были выделены дивизия (11 тыс. человек) и корабельное соединение в составе 1 авианосца, 3 линкоров, 6 крейсеров и 19 эсминцев, а также 260 самолетов. Высадка началась 11 мая и поначалу проходила без осложнений, но затем гарнизон начал оказывать ожесточенное сопротивление, которое было сломлено только к 30 мая. Соотношение потерь гарнизона — более 2,3 тыс. убитых и только 28 пленных — позже стало привычным в боях и за другие удерживаемые японцами острова. Американцы потеряли 1,8 тыс. убитыми и ранеными.

США начали превосходить японскую авиацию не только количественно, но и качественно. Накопив достаточно сил, они начали операцию по овладению Соломоновыми островами. 21 июня морская пехота высадилась на острове Нью-Джорджия. Численность японского гарнизона, у которого подходили к концу запасы продовольствия, не превышала 10 тыс. человек, почти

половина из которых была больна. Тем не менее японцы оказали самое упорное сопротивление. Затяжные бои продолжались до конца августа, пока защитники не были эвакуированы на остров Коломбангара, где командование планировало создать новый рубеж обороны. Около него начались бои между снабжавшими гарнизон эсминцами и американскими кораблями. В одной из таких стычек ночью 2 августа эсминец «Амагири» таранил и потопил горпедный катер «РТ-109», которым командовал лейтенант Джон Ф. Кеннеди, однако будущего президента США и большую часть его экипажа удалось спасти. Японскому командованию стало ясно, что удержать Коломбангару не удастся. В ставке было принято решение оставить центральную часть архипелага и сосредоточить силы севернее, на Бугенвиле, на подступах к Рабаулу.

Начавшие поступать на Тихий океан новые авианосцы позволили американскому командованию сформировать авианосные соединения и проводить ими набеговые операции. 31 августа — 1 сентября самолеты одного такого соединения совершили 275 вылетов против острова Маркус на дальних подступах к Японии. Масштаб удара был невелик, нанесенный ущерб еще меньше, но это было лишь предвестие воздушного наступления, которое готовили США.

Завершение борьбы за центральную часть Соломоновых островов ознаменовало окончательный перелом в войне на Тихом океане. Последовательно потеряв Гуадалканал, Нью-Джорджию и Коломбангару, не в состоянии существенно помочь своим частям на Новой Гвинее и не имея господства в воздухе, японское командование окончательно лишилось возможности проведения наступательных операций. Исходя из сложившейся обстановки, 30 сентября ставка приняла план дальнейших действий. Он предусматривал жесткое удержание оборонительного периметра, сдерживание наступательных операций противника и скорейшее пополнение авиации и флота для перехода в контрнаступление. Япония окончательно втянулась в затяжную войну ресурсов, шансов выиграть которую у нее не было.

Захватив инициативу, американское командование продолжало действовать в соответствии со стратегией последовательных небольших ударов. Было решено продолжить наступление вверх по Соломоновым островам и захватить Бугенвиль для последующего выхода к Рабаулу. Для обороны Бугенвиля японцы собрали более 40 тыс. человек, однако сложный рельеф местности делал маневр крайне затруднительным. На этом и строился замысел операции: десант (14 тыс. человек) предполагалось высадить на западном побережье, где, по имевшимся данным, японских войск почти не

было. Американцы рассчитывали на то, что до усиления десанта японцы не успеют перебросить к месту высадки свои главные силы. Высадка началась 1 ноября. Затратив несколько месяцев на подготовку операции, американцы так и не провели разведку места высадки, и, когда катера с десантом подошли к берегу, выяснилось, что впереди отвесные скалы. Высаживаться пришлось не там, где было целесообразно, а где можно было пристать к берегу. Японцы сразу поняли, что происходит, быстро заняли позиции и оказали сильное сопротивление, в результате чего десант увяз на плацдарме. Для противодействия высадке японцы начали стягивать в Рабаул авиацию и флот. Обнаружив это, американцы усилили удары с воздуха, и замысел был сорван. Пришлось отказаться от базирования кораблей в Рабауле, поскольку обеспечить там защиту от атак с воздуха было невозможно. В ходе боев за Бугенвиль 1–13 ноября японцы также понесли тяжелые потери. В конце декабря американцы начали осаду Рабаула.

Одновременно американское командование провело операцию по захвату островов Гилберта с целью расширения сети баз для последующего удара по Маршалловым и Каролинским островам, для чего было сформировано несколько оперативных соединений (18 авианосцев, 12 линкоров, 20 крейсеров и 51 эсминец). Операция началась 19 ноября. Силы японцев на островах Гилберта были крайне незначительны: например, против 4800 человек на атолле Тарава американцы высадили более 18 тыс. солдат — по защитники оказали ожесточенное сопротивление и почти все погибли. Флот и авиация помочь им почти ничем не смогли. Архипелаг был полностью занят к 28 ноября.

Все более тяжелой для японцев становилась ситуация с морскими грузоперевозками. Активность американских подводных лодок и эффективность их действий неуклонно возрастали: в течение 1943 г. японский торговый флот потерял суда тоннажем 1,8 млн. тонн. Американские подводники начали использовать немецкую тактику «волчьих стай», действуя не в одиночку, а группами из нескольких лодок. Большую помощь им оказали криптографы, продолжавшие взламывать шифры противника. Японскому подводному флоту создать такую же угрозу морским коммуникациям США не удалось. Японцы разработали передовую теорию применения авианосных соединений, довели до очень высокого уровня тактику надводных кораблей, но теория и практика применения подводных сил у них была абсолютно ошибочной. В то время как главной задачей подводных лодок всех воюющих флотов были действия на вражеских коммуникациях и недопущение грузоперевозок, японцы ставили задачей своим лодкам уничтожение крупных боевых

кораблей противника во взаимодействии с надводными эскадрами. На практике достичь этого было очень трудно, почему в других флотах от этой идеи давно отказались. Японцы упорствовали, но организовать желаемое взаимодействие так и не смогли. Их подводным лодкам удалось добиться некоторых успехов против крупных боевых кораблей, однако они оставляли без внимания растянутые и поначалу слабозащищенные морские коммуникации противника. Кроме того, подводные лодки постоянно отвлекались для решения несвойственных им задач: ведение разведки, снабжение островных гарнизонов, диверсионные действия и т.д.

Культура и общество в условиях «тотальной мобилизации»

Начало войны сопровождалось мощной пропагандистской кампанией в сочетании с репрессивными мерами (закон «О чрезвычайном контроле за словом, печатью, собраниями и организациями» от 16 декабря 1941 г. и др.), которые уничтожили последние остатки свободы слова. Коммунисты и левые интеллектуалы, которым уже запретили выступать в печати, оказались в тюрьмах; либеральным журналистам был закрыт доступ в массовую прессу. СМИ посвятили себя пропаганде военных успехов, систематически занижая свои потери и завышая потери противника. Вплоть до самого конца войны они в один голос предрекали победу «нового мирового порядка» и «неизбежную гибель Англии и Америки». Началась борьба за изгнание «вражеского» английского языка из системы образования. Правда, пропагандировать «священную войну» против «белого империализма» в странах Азии приходилось именно по-английски.

В Японии годы войны часто называют «долиной мрака», имея в виду моральное состояние общества в условиях диктатуры и принудительно введенного «единомыслия». Однако нельзя игнорировать тот факт, что немалое число видных деятелей культуры во главе с публицистом Токутоми Сохо, прозаиками Кикүти Кан и Кумэ Масао, поэтами Такамура Котаро и Сато Харуо активно включилось в правительственную пропагандистскую кампанию. Кавабата Ясунари в 1941 г. вместе с Хино Асихэй по приглашению командования Квантунской армии охотно посетил Маньчжурию, вернувшись в Японию за несколько дней до начала войны. 24 декабря 1941 г. начал функционировать Патриотический союз писателей. 26 мая 1942 г. были созданы Общество служения оте-

честву через литературу, а 23 декабря – через печать. Одной из их главных целей был объявлен сознательный «самоконтроль» со стороны писателей, журналистов, редакторов и издателей, распространявшийся на всю их деятельность, вплоть до рекламы. Еще в мае 1941 г. были введены правила, по которым редакторы журналов должны были заранее оповещать «министерство правды» – Информационное бюро кабинета министров, созданное в 1940 г. и насчитывавшее более 600 сотрудников, – о своих планах. Получила распространение практика «добровольной» предварительной цензуры, особенно текстов, связанных с армией и флотом, к которой редакторы и издатели прибегали во избежание возможных преследований. Постоянно расширялся список сведений, объявленных государственной тайной, и тем, запрещенных к упоминанию в печати, в соответствии с законом «Об охране военной тайны», принятым в 1899 г. и неоднократно дополнявшимся.

Периодические издания были подвергнуты принудительной «рационализации» и «унификации». В 1937 г. в Японии издавалось около 1200 ежедневных газет, в 1941 г. – 108, в 1943 г. всего 55 – по одной на префектуру плюс несколько крупнейших общенациональных. Для более эффективного контроля государство еще в 1940 г. взяло в свои руки распределение бумаги и других необходимых материалов, ссылаясь на условия военного времени (такая же тактика была принята в отношении производства кинофильмов). Только сопротивление газетных магнатов сорвало попытку объединения всей прессы страны в один гигантский концерн, полностью контролируемый правительством. Однако общее количество выпускавшейся печатной продукции оставалось внушительным. Более того, по мере ужесточения цензуры в отношении общественно-политической и философской литературы, доля беллетристики в общей массе книг постоянно росла.

Любое отклонение от официального канона, не говоря уже о противостоянии ему, влекло за собой репрессии. Широкую огласку получил случай со статьей Хосокава Кароку «Ход мировой истории и Япония», опубликованной в августовском и сентябрьском номерах влиятельного журнала «Кайдзо» за 1942 г.: полицейские власти пропустили ее, но военные круги объявили статью «коммунистической», что повлекло за собой конфискацию номеров и арест автора. Несмотря на полный разгром КПЯ к середине 1930-х годов, полиция и ультраправые продолжали поиск «красных», главным образом в учебных заведениях и СМИ. В июле 1944 г. «Тюо корон» и «Кайдзо», обвиненные в антимилитаристской и пацифистской пропаганде, были вынуждены «самоликвидироваться». Подвергались преследованиям даже такие

«благонамеренные» философы, как глава «киотосской школы» Нисида Китаро, Вацудзи Тэцуро, или перешедший на позиции панasiatизма бывший левый либерал Мики Киёси.

Строго говоря, «движение за служение отечеству через культуру» началось уже в 1940 г., когда в масштабах всей страны торжественно отмечалось 2600-летие императорского дома. Точкой отсчета было избрано начало правления первого легендарного императора Дзимму в соответствии с древней историко-мифологической хроникой «Кодзики», получившей в идеологическом каноне статус, близкий к священному, и уж во всяком случае свободной от любой критики. В ходе подготовки к юбилею представители националистической историографии и правых кругов развернули кампанию против известного историка Цуда Сокичи, подвергнувшего содержание «Кодзики» серьезной научной критике. Обвиненный в «оскорблении трона» и подвергнутый публичному ostracismу, он оставил кафедру в университете Васэда, но не «покаялся». Тогда четыре книги Цуда были запрещены, а против автора и издателя Иванами Сигэо возбуждено уголовное дело. Инакомыслие отныне не допускалось в отношении не только настоящего, но и далекого прошлого, а в историографии окончательно утвердились ультранационалисты во главе с профессором Токийского университета Хираидзуми Киёси.

В процессе формирования «новой политической структуры» в 1940–1941 гг. началось объединение деятелей культуры в единые национальные организации. В ходе принудительной унификации появились союзы подобные Ассоциации поэтов хайку и Ассоциации детской литературы, которые затем объединились в аморфное Центральное общество японской литературы, а в 1942 г. стали секциями Общества служения отечеству через литературу, взявшего на себя функции идеологического контроля. В отличие от довоенного периода, цензурным преследованиям подвергались не только оппозиционеры, но все, кто не спешил включаться в пропагандистскую кампанию, вроде Нагаи Кафу и Танидзаки Дзюнъитиро. В 1943 г. было запрещено продолжение журнальной публикации романа Танидзаки «Мелкий снег» – ностальгического повествования о жизни верхушки среднего класса в предвоенные годы. Произведения многих авторов, писавшиеся «в стол», например «Танцовщица» и «Орден» Нагаи, дошли до читателя только после войны, поэтому их следует рассматривать в контексте иной эпохи.

Доминирующее положение в официальной литературе занимали произведения на военные темы, вроде повести Ивата Томио «Флот». Те же сюжеты доминировали в кинематографе,

особенно в документальном, спонсированном армией и флотом. Важной новацией стала пропаганда идей не только «японизма», но и паназиатизма. 3 ноября 1943 г. в Токио открылся первый съезд писателей стран Великой Восточной Азии, широко освещавшийся прессой. Наряду с конференцией глав государств Великой Восточной Азии, открывшейся несколькими днями позже, он должен был способствовать мобилизации сил на борьбу за ее «освобождение», но стал не более чем помпезным пропагандистским мероприятием.

Непрерывно усиливался контроль над кино через «унификацию» студий, проверку персонала, лицензирование продукции и ограничение допустимого тематического диапазона, сужавшегося с каждым годом. Особое внимание уделялось радио, которое пользовалось огромной популярностью с начала регулярного вещания в 1925 г.; 20 августа была создана Японская радиовещательная корпорация (Нихон хосо кёкай), известная под сокращенным названием NHK. Если в 1925 г. в стране было 5,5 тыс. радиоприемников, то через три года — уже полмиллиона. В 1938 г. NHK развернула кампанию «радио в каждый дом», завершив ее к весне 1941 г.; многодетные семьи и семьи находящихся на фронте были освобождены от платы за пользование радиоприемниками.

На массовом уровне пропаганда «для внутреннего употребления» оказалась весьма эффективной. Преуменьшая трудность действительной ситуации на фронте и в тылу, она не отрицала ее полностью, становясь по мере ухудшения положения более реалистической, но не позволяя сомневаться в конечной победе. Акцент делался на необходимости напряжения всех сил для «последнего решительного» боя, который будет трудным и для многих гибельным, но завершится триумфом Японии. Поэтому для пропаганды стали характерны иррациональные, мистические и апокалиптические мотивы. Чем глубже было ее воздействие, тем сильнее оказался шок, испытанный абсолютным большинством японцев с окончанием войны.

Заключительный этап боевых действий

К началу 1944 г. американцы в зоне Тихого океана имели заметное преимущество: 1,6 млн. человек и 6,6 тыс. самолетов. Значительно усилился флот: 13 линкоров, 28 авианосцев, 32 крейсера, до 200 эсминцев и 120 подводных лодок. Наличие «плавучего тыла» — большого количества десантных кораблей и вспомогатель-

ных судов — позволяло свободно маневрировать силами, создать подавляющее численное преимущество в выбранном районе и проводить крупномасштабные десантные операции на большом удалении от основных баз. Кроме того, американцы теперь имели не только количественное, но в ряде аспектов (подготовка летчиков, радиолокация, противовоздушная оборона) и качественное превосходство над противником.

У японцев в южной части Тихого океана было около 600 тысяч человек и более 3 тысяч самолетов, однако значительная часть войск была разбросана по островам, где их легко могла изолировать американская авиация. Основные надежды командование возлагало на флот, еще представляющий значительную силу: 9 линкоров, 13 авианосцев, 31 крейсер, 78 эсминцев и 70 подводных лодок. Осознавая превосходство противника, оно ставило только оборонительные задачи, рассчитывая упорной обороной сорвать планы американцев по дальнейшему захвату островов в центральной части Тихого океана.

Поначалу союзное командование придерживалось плана планомерного неторопливого продвижения и по завершении операции на островах Гилберта начало подготовку к захвату Маршалловых островов. Японцы имели на архипелаге 12 тыс. человек и до 100 самолетов. Для его захвата было задействовано 50 тыс. человек десанта, 750 самолетов и около 300 кораблей. Операция началась 29 января усиленной бомбардировкой, но оборону японцев, больше половины которых погибло под бомбами и снарядами еще до высадки десанта, удалось сломить только к 7 февраля. Американцы действовали по отработанной схеме: выбранный в качестве цели остров сначала подвергался усиленной обработке с воздуха, затем в дело вступал главный калибр линкоров и крейсеров, окончательно сравнивавший укрепления с землей. После этого высаживался десант, методично уничтожавший последние очаги сопротивления оглохших и контуженных после непрерывных бомбежек японцев.

Прорыв через Маршалловы острова ставил под угрозу Марианские и Каролинские острова, особенно расположенную на островах Трук главную базу Объединенного флота. Для удара по Труку американцы направили оперативное соединение, ядром которого были 9 авианосцев. 17–18 февраля по базе были нанесены сильные удары, но японцы успели увести оттуда главные силы. Как база флота Трук перестал существовать; японские корабли стали базироваться на островах Палау и на Сингапур. Это значительно уменьшило их возможности по поддержке островных гарнизонов в южной и центральной части Тихого океана.

Занятием в конце марта острова Манус, крупнейшего из островов Адмиралтейства, американцы замкнули кольцо осады вокруг Рабаула, который обороняло около 75 тыс. человек. Еще более тяжелым было положение группировки на Новой Гвинее. После шести недель непрерывных авиаударов по аэродромам, в результате чего была уничтожена практически вся базировавшаяся на острове авиация, 22 апреля началась высадка десанта на северо-восточном побережье. Американцы достигли большого успеха, отказавшись от ранее практикуемого фронтального «выдавливания» противника и проведя обходной маневр, чего японцы не ожидали. Десант высадился в тылу противника, прервав сообщение между группировкой на востоке Новой Гвинее и основными силами японцев на острове. Снабжать отрезанные части (около 50 тыс. человек) возможности не было, прорваться к своим они не могли. Остатки этой непрерывно таявшей группировки держали оборону вплоть до конца войны.

В результате весенней кампании 1944 г. общая ситуация для Японии значительно ухудшилась. Был прорван восточный «фас» оборонительного периметра, на юге положение было ненамного лучше. Вооруженные силы США прочно удерживали инициативу и захватили ряд важных опорных пунктов, создав на них сеть аэродромов и баз и не давая японцам возможности принять действенные контрмеры. Авианосные соединения американцев практически свободно действовали внутри оборонительного периметра. Эффективного противодействия японцы организовать не могли, поскольку из-за тяжелых потерь в авиации лишились прикрытия с воздуха, а без него любые действия были заранее обречены на провал.

В Объединенном флоте положение дел становилось все более тяжелым, хотя весенний натиск американской авиации он пережил без больших потерь. Несмотря на усиливавшуюся нехватку необходимых материалов, японские верфи продолжали успешно ремонтировать поврежденные и строить новые корабли, авианосцы получили новые самолеты. Однако возможности флота все больше ограничивала нехватка топлива. С февраля 1944 г. танкеры стали приоритетными целями для американских подводных лодок и самолетов. В результате больших потерь в танкерах японцам пришлось базировать свои корабли не там, где это было целесообразно с оперативной точки зрения, а поближе к источникам нефти. К лету главные силы Объединенного флота стали базироваться на остров Тавитави у северо-восточного побережья Борнео. Из-за перебоев с горючим пришлось существенно сократить программу обучения палубных авиагрупп, что не могло не сказаться на уров-

не их подготовки. Тем не менее, понимая, что без радикальных мер ситуация станет еще хуже, командование задумало решительный удар главными силами Объединенного флота.

Тяжелым было и положение японцев в Бирме, где у них насчитывалось 200 тыс. человек. До начала 1944 г. там не проводилось крупных операций в связи с недостатком сил и трудным характером местности. В марте японцы начали наступление с целью захвата района Импхал, но оно завершилась неудачей. В результате серии наступательных операций летом и осенью британские войска захватили северную часть Бирмы и значительно продвинулись на приморском направлении. В ходе кампании японцы потеряли половину группировки — большей частью от тропических болезней, от которых страдали и их противники.

У союзников план летней кампании созрел не сразу. Поначалу англичане, опасавшиеся ослабления своих позиций в Азии, но не имевшие сил, чтобы самостоятельно вернуть утраченное, попытались склонить американцев к наступлению из района Бирмы и Индийского океана. В Вашингтоне эту идею встретили прохладно: там главным фронтом войны с Японией обоснованно считали Тихий океан. Не было единства мнений и при планировании действий. Макартур, командовавший силами союзников в юго-западной части Тихого океана, выступал за наступление через Новую Гвинею на южные Филиппины; Нимиц, возглавлявший силы союзников в центральной части Тихого океана, считал более разумным удар через Каролинские и Марианские острова. В конечном итоге был принят план Нимица.

Марианский архипелаг имел для японцев стратегическое значение как связующее звено между метрополией и захваченными территориями; кроме того, здесь базировалось более 600 самолетов. Захватом островов американцы рассчитывали перерезать линии коммуникаций, связывавшие Японию с источниками сырья на юге, а также планировали устроить на них базы тяжелых бомбардировщиков В-29, которые могли бы действовать по территории самой Японии. В-29, базировавшиеся в Китае, начали бомбить Японию в середине июня. Психологический эффект бомбардировок был велик, но требовались новые базы, для чего идеально подходили Марианские острова.

Операция по захвату островов началась 11 июня с массированного налета на аэродромы. 15 июня началась высадка десанта (67 тыс. человек) на остров Сайпан, где было задействовано 550 кораблей. Ему противостоял гарнизон численностью 30 тыс. человек. Несмотря на неравенство в силах, японцы, основные укрепления которых были разрушены уже при артподготовке, оказали

такое сопротивление, что американцам приходилось буквально «прогрызать» оборону противника.

Тем временем главные силы японского флота шли с Филиппин к Марианским островам. По пути они несколько раз обнаруживались американскими подводными лодками, что позволило союзному командованию своевременно сосредоточить там все наличные силы. Эскадре адмирала Одзава (9 авианосцев, 5 линкоров, 9 крейсеров и 27 эсминцев) противостояло оперативное соединение адмирала М. Митшера (15 авианосцев, 7 линкоров, 21 крейсер и 59 эсминцев). Чтобы упредить противника, Одзава решил поднять в воздух самолеты с авианосцев вне радиуса действия американской авиации, нанести удар и посадить самолеты на Гуа-ме, откуда, заправившись и пополнив боезапас, они должны были нанести второй удар. Утром 19 июня в воздух поднялись 328 самолетов, но ожидаемого удара не получилось. Проблемы начались уже при взлете: молодые летчики не справлялись с волнением, произошел целый ряд аварий. Из-за неудовлетворительной штурманской подготовки часть ударных групп не смогла сразу найти цель. Не удалось и добиться внезапности — радиолокаторы засекли самолеты за 150 миль от американского соединения, и в условиях отличной видимости они были перехвачены истребителями. Разгорелся ожесточенный бой, в котором у американцев было полное преимущество. Эскадрильи японцев были сильно потрепаны, а немногие самолеты, которые сумели прорваться к кораблям, натолкнулись на плотный зенитный огонь. В результате японцы потеряли более 200 самолетов, добившись только одного попадания авиабомбой, американцы — всего 18 истребителей, из-за чего они прозвали этот бой «Марианской охотой на индюшек». Одновременно американские самолеты разгромили авиационную группировку противника на Гуа-ме, выведя аэродромы из строя.

Потеряв 2 авианосца и узнав о разгроме на Гуа-ме, Одзава приказал отходить. Американцы желали довершить разгром, но из-за сбоев в работе авиаразведки обнаружили японские корабли только к вечеру 20 июня. Противников разделяло триста миль; полет на такое расстояние был на пределе радиуса действия самолетов, но Митшер решил рискнуть, подняв в воздух 216 машин. Уцелевшие японские истребители делали все возможное, но их было слишком мало для успешного отражения атаки. Их противники столкнулись с другой проблемой: при возвращении на авианосцы в условиях темноты и нехватки горючего разбилось 70 машин, в то время как в бою они потеряли всего 20. Американцы не стали продолжать преследование, и главные силы японского флота избежали уничтожения. Однако это сражение, известное как сра-

жение в Филиппинском море, закончилось для японцев тяжелым поражением: они потеряли 3 авианосца и более 400 самолетов, в то время как противник потерь в кораблях не имел, а его боевые и небоевые потери в самолетах достигали 130 машин. Сражение выявило полное превосходство американской палубной авиации. Японские летчики, по словам их противников, имели очень много мужества, но очень мало боевой подготовки. Флот США окончательно завоевал господство в Тихом океане.

Устранив угрозу со стороны флота, американцы продолжили операцию на Сайпане. К началу июля исход боев за остров был ясен. Японцы продолжали упорно сопротивляться, но превосходство противника в силах было подавляющим. 6–8 июля остатки гарнизона, в том числе раненые и часть гражданского персонала, провели отчаянные штыковые контратаки. 9 июля были уничтожены последние очаги организованного сопротивления на острове, хотя разрозненные группы продолжали вылазки до следующей весны. Почти все японцы, в том числе гражданские лица, погибли; в плен попало менее 2 тыс. человек. Американцы, привыкшие, что японские солдаты в плен не сдаются, были поражены тем, что и большинство гражданского населения поступали в соответствии с требованиями устава императорской армии «никогда не сдаваться врагу».

Следующей целью стал Гуам. Высадке, начавшейся 21 июля, предшествовали почти две недели интенсивной артиподготовки и воздушных налетов. 54 тыс. человек десанта противостоял гарнизон в 19 тыс. человек, который, несмотря на упорную оборону, не смог сдержать противника. Организованное сопротивление прекратилось 11 августа. Более 10 тыс. японцев погибло, всего 98 попало в плен. Остатки гарнизона укрылись в джунглях, продолжая партизанскую борьбу до конца войны и даже позже: последний солдат гарнизона Гуама вышел из джунглей в 1972 г.

Захват Марианских островов позволил создать на них передовые базы, прежде всего для тяжелых бомбардировщиков В-29. Чтобы подготовить условия для дальнейшего продвижения, американское командование решило овладеть группой островов Палау. Подготовка к высадке десанта началась с массированных авианалетов 6–8 сентября. 9–10 сентября атаке подверглись аэродромы на Минданао, ближайшем из Филиппинских островов, 12–14 сентября – аэродромы в центральной части Филиппин. Потеряв всего 54 машины, американцы уничтожили более 1000 японских самолетов, устранив авиацию противника как фактор в борьбе за Каролинские острова. При разработке операции по захвату островов американцы окончательно перешли от страте-

гии наступления «от пальмы к пальме» к более гибкой стратегии «лягушачьих прыжков»: десант высаживался не на все острова подряд, а только на имевшие важное значение, захват которых мог дать удобные базы и плацдарм для последующего наступления. Это позволило ускорить продвижение к Японским островам и избавило от излишних потерь в боях с гарнизонами изолированных островов, которые просто обходились. Захват Палау тоже начался с усиленной артиллерийской подготовки 13–14 сентября. Несмотря на абсолютное превосходство в огневой мощи, десанту удалось подавить сопротивление защитников только к концу декабря. Главным результатом операции был захват атолла Улити, что позволило американцам перевести главную передовую базу флота с атолла Энвиеток на 1800 миль западнее.

Руководство США сочло, что созданы все необходимые условия для занятия Филиппин. Решение высаживать десант на подготовленные к обороне острова с гарнизоном более 200 тысяч человек заметно контрастирует с решением не ввязываться в бои на Новой Гвинее. Американская историография традиционно мотивирует это тем, что захват Филиппин был необходим для окончательного перерезания коммуникаций между Японией и Голландской Индией и Бирмой. Однако и так, благодаря действиям подводных лодок, японский торговый флот таял, а вместе с этим катастрофически падали поставки сырья в метрополию: к осени ввоз нефти снизился по сравнению с январем 1944 г. на 70%. В плане борьбы на коммуникациях захват Филиппин мало что мог добавить. Современные авторы все чаще говорят, что высадку на Филиппинах «пробил» Макартур, желавший отомстить за свое поражение зимой 1941/42 г. Генерал нашел понимание в Вашингтоне: там хотели быстрее вернуть под контроль бывшее владение и не дать развернуться местному повстанческому движению, с которым потом могли быть серьезные проблемы.

Операция началась с завоевания полного господства в воздухе. После сентябрьских набегов авианосцев воздушная мощь японцев на Филиппинах была подорвана. Стремясь исключить любые сюрпризы, американское командование 10–15 октября провело массированные удары по аэродромам на Тайване и Окинаве, в результате чего японцы потеряли более 500 самолетов (потери американцев были в пять раз меньше). Захват Филиппин начался 17 октября с десантирования передовых частей на острове Лейте; американские военнопленные на Филиппинах, томившиеся в заточении третий год, отреагировали на это горькой шуткой: «Better Leyte than never». К основной фазе операции – высадке частей 6-й армии генерала У. Крюгера – приступили 20 октября. Гарнизон

поначалу особого противодействия не оказал, отойдя на запасные позиции. При усиленной поддержке авиации десант начал продвижение вглубь острова.

Командование Объединенного флота задумало разгромить силы вторжения двусторонним охватом: с севера соединением адмирала Курита Такэо (5 линкоров, 12 крейсеров и 15 эсминцев), с юга соединениями адмиралов Нисимура Сёдзи и Сима Киёхидэ (2 линкора, 3 крейсера и 11 эсминцев). Авианосное соединение адмирала Одзава (4 авианосца, 2 линкора, 3 крейсера и 8 эсминцев) к северу от Филиппин должно было отвлекать внимание от главного удара на Лейте. Противостоявшие силы американцев насчитывали 35 авианосцев, 12 линкоров, 25 крейсеров и 140 эсминцев. В ночь на 23 октября их подводные лодки обнаружили соединение Курита, лишив японцев элемента внезапности. Корабли попали под следовавшие одна за другой атаки авиации, в ходе которых был потоплен линкор «Мусаси» — один из двух типа «Ямато», крупнейших линкоров в мире. На основании преувеличенных докладов о потерях противника командующий 3-м флотом адмирал У. Хэлси решил, что соединение Курита разгромлено, и перенацелил главные силы против соединения Одзава. Но Курита, несмотря на потери, продолжал следовать к Лейте. Соединение Нисимура в ночь на 25 октября вошло в пролив Суригао у южного берега Лейте, где было обнаружено американской эскадрой. В начавшемся бою все преимущества были на стороне американцев: у японцев не было радиолокаторов, в узком проливе их корабли не могли маневрировать, в результате чего соединение было разгромлено. Следовавший за ним Сима, видя разгром, повернул свои корабли назад. Столь же неудачным для японцев стал бой соединения Одзава, которое сумело отвлечь от Лейте главные силы 3-го флота, но было практически уничтожено, потеряв все авианосцы.

Несмотря на эти успехи, в американских штабах начался невероятный переполох, когда вблизи Лейте появилось соединение Курита, которое считалось разгромленным. Японцы вышли к соединению авианосцев, транспортов и десантных кораблей, не имевших почти никакого прикрытия, и нанесли ему ощутимые потери. Положение американцев было критическим, но Курита допустил ошибку: приняв эти корабли за главные силы 7-го флота, он приказал отходить. В тот же день американцев ждало новое потрясение: их корабли были атакованы самолетами, которые не пытались бомбить, а сразу пошли на таран, потопив 1 авианосец и повредив еще 3. Это была первая встреча флота США с камикадзе.

В итоге победа осталась за американцами, преследовавшими разбитый Объединенный флот. В серии боев 23–26 октября, названных Филиппинским сражением и ставших самым крупным морским сражением Второй мировой войны, японцы потеряли 4 авианосца, 3 линкора, 9 крейсеров и 8 эсминцев (американцы – 3 авианосца и 3 миноносца). Падение Филиппин становилось вопросом времени, поскольку теперь у защитников, которыми командовал срочно вызванный из маньчжурской полуопалы «малайский тигр» Ямасита, не было сил, способных эффективно противостоять натиску. Ноябрь и декабрь прошли в напряженной борьбе за архипелаг. Флот и авиация японцев как могли оказывали поддержку своим войскам, но превосходство американцев было настолько велико, что атаки самолетов противника были для них «булавочными уколами», а за его кораблями шла настоящая охота. В отчаянной попытке переломить ход войны на море японцы 20 ноября впервые применили подводный вариант камикадзе – управляемые смертниками торпеды *кайтэн*. Однако, сумев потопить только один танкер, повлиять на ход войны они не могли. С конца декабря, после потери Лейте, японцам приходилось сражаться без поддержки с моря и почти без поддержки с воздуха. В боях за Филиппины с октября 1944 г. по январь 1945 г. они потеряли примерно 2500 самолетов.

К началу кампании 1945 г. военное положение Японии стало безнадежным. Были разгромлены наиболее боеспособные силы флота и авиации, а восполнить эти потери не представлялось возможным. Япония еще обладала значительными группировками сухопутных войск (более 3 млн. штыков, не считая войск в Китае), но, разбросанные на обширных территориях и лишенные прикрытия с воздуха, они были обречены на пассивную оборону. Авиация насчитывала около 6 тысяч самолетов, но уровень подготовки экипажей был низок, что вынуждало все больше полагаться на действия камикадзе. У флота оставалось 6 авианосцев, 5 линкоров, 10 крейсеров, 44 эсминца и 57 подводных лодок, однако из-за нехватки топлива эти корабли в основном стояли в базах. Несмотря на все еще высокий моральный дух, никаких шансов на победу не было. Поэтому командование рассчитывало обескровить и измотать войска противника жесткой обороной, затянуть войну, одновременно изыскивая пути для заключения мира на приемлемых условиях. 20 января 1945 г. императорская конференция приняла предложенную Генеральным штабом новую «Общую программу боевых операций армии и флота». Развернулась подготовка к «решительному сражению в метрополии», имевшая, впрочем, преимущественно пропагандистский характер: населе-

нию предлагалось встретить противника... бамбуковыми пиками и «пасть всем как один» в боях за «землю богов».

Положение США было совсем иным: на Тихом океане они имели 1,8 млн. человек и более 25 тыс. самолетов; флот насчитывал 77 авианосцев, 25 линкоров, 50 крейсеров, 250 эсминцев, 188 подводных лодок. Количественное и качественное преимущество в силах, полное господство в воздухе и отлично налаженное снабжение позволяли осуществлять широкий маневр, создавая на выбранных направлениях абсолютное превосходство. Руководство флота, полагаясь на не прямые действия, т.е. экономическое истощение Японии путем усиления бомбардировок и подводной блокады, предлагало захватить Иводзиму и Окинаву и высадить десант в Китае. Армия ждать не хотела: Макартур представил план грандиозной десантной операции (более 5 млн. человек) на Японских островах, венцом которой должна была стать битва на Токийской равнине. Учитывая возможность ожесточенного сопротивления, конец боев намечался на осень 1946 г., а возможные потери оценивались в 1 млн человек. В Белом доме поначалу склонялись к плану флота, но затем отвергли его как слишком осторожный и затягивающий войну. В итоге был принят комбинированный план: началась подготовка десантов на Иводзиму и Окинаву, за которыми должна была последовать высадка на Кюсю.

Но прежде надо было закончить борьбу за Филиппины. Теперь американцы занялись Лусоном, главным островом архипелага, где дислоцировалась основная группировка японцев — 250 тыс. человек при поддержке около 400 самолетов; крупных кораблей у них не было. Им противостояло 275 тысяч человек, 2200 самолетов и около 1000 кораблей. Высадка, сопровождавшаяся поддержкой с моря и воздуха, началась 9 января. Командовавший группировкой Ямасита оставил главные силы в глубине острова, рассчитывая на своевременный подход резервов и мощный контрудар, но реализовать этот замысел не удалось. В феврале американцы развернули наступление на Манилу. В ходе ожесточенных боев за город погибло около 100 тыс. его жителей. 3 марта Манила пала.

«Битва за Японию» и поиски выхода из войны⁷

Отдельные представители правящих кругов Японии стали задумываться о путях выхода из войны после свержения Муссолини (25 июля 1943) и капитуляции Италии (8 сентября 1943),

⁷ Раздел написан Г. Б. Брылевским и В. Э. Молодяковым.

означавших, что «ось» надломилась. Министр иностранных дел Сигэмицу предложил направить в Москву специального посла, намечая на эту роль бывшего премьер-министра Хирота, и оказать содействие советско-германскому примирению, но эти предложения были отвергнуты СССР. В октябре 1943 г. на Московской конференции министров иностранных дел антигитлеровской коалиции Сталин, в обстановке строгой секретности, впервые озвучил решение советского руководства о вступлении в войну с Японией, которое было зафиксировано на Тегеранской конференции «большой тройки» в конце ноября – начале декабря того же года. 27 ноября в Каире, по пути в Тегеран, Рузвельт и Черчилль встретились с Чан Кайши и приняли декларацию с требованием безоговорочной капитуляции Японии, опубликованную 1 декабря. В апреле 1944 г. Сигэмицу повторил свои мирные предложения в связи с заключением советско-японского рыболовного соглашения, но Москва снова ответила отказом. Премьер Тодзио был сторонником «войны до победного конца», поэтому до смены кабинета в июле 1944 г. других шагов для выхода из войны не предпринималось.

В кабинете Койсо (июль 1944 – апрель 1945) главными сторонниками скорейшего заключения мира были Сигэмицу, сохранивший свой пост, и морской министр Ёнаи. 12 сентября Сигэмицу провел секретное совещание для обсуждения плана задуманных им переговоров с СССР. Они должны были гарантировать продление Пакта о нейтралитете, для чего предлагался ряд уступок: 1) разрешение на проход советских торговых судов через пролив Цугару; 2) урегулирование торговых отношений между Японией, Маньчжоу-го и СССР; 3) расширение советского влияния в Китае и других районах «сферы сопроцветания Великой Восточной Азии»; 4) демилитаризация советско-маньчжурской границы; 5) использование Советским Союзом Северо-Маньчжурской железной дороги (бывшей КВЖД); 6) признание советской сферы интересов в Маньчжурии; 7) ликвидация рыболовной конвенции; 8) уступка Южного Сахалина; 9) уступка северных Курильских островов; 10) отмена Тройственного пакта; 11) отмена Антикоминтерновского пакта. Ряд источников указывает, что Япония была готова пойти также на пересмотр Пекинской конвенции 1925 г. Новые зондажи также не дали результатов, хотя еще в июле 1944 г. советский посол в Токио Я. А. Малик подготовил секретный доклад о том, какие вопросы «территориального, военно-стратегического, экономического и политического порядка» могут возникнуть «в свете неизбежности краха японского империализма». В нем он подробно перечислил возможные

условия нового двустороннего соглашения, идущие несравненно дальше, чем план Сигэмицу⁸.

В Китае тем временем продолжалась «странная война». Японские войска наблюдали за враждующими друг с другом китайскими группировками (нанкинское правительство, коммунисты и Гоминьдан), которые воевали не столько с японцами, сколько друг с другом. При этом ни японцы, ни китайцы военной активности не проявляли. Полное отсутствие единства у противника и его пассивность позволили японскому командованию без больших усилий контролировать обширные территории, а в апреле — июне 1944 г. провести наступление с целью перерезать сквозную наземную коммуникацию, проходившую с севера на юг Китая. Наступление развивалось удачно, однако неблагоприятно складывавшаяся для Японии общая обстановка не позволила развить его в более существенный успех.

Одновременно была предпринята попытка договориться с гоминьдановским режимом на условии ухода японцев из Китая, за исключением Маньчжурии. С августа 1944 г. находившийся в Шанхае глава Юридического юаня нанкинского режима Мао Бинь, старый член Гоминьдана, сохранивший связи в окружении Чан Кайши, вступил в контакт со знакомыми в Чунцине, рассчитывая со временем придать им официальный характер. Такие же зондажи осуществлял министр пропаганды нанкинского правительства Чэн Гуньбо, преемник скончавшегося в ноябре 1944 г. Ван Цзинвэя. В марте 1945 г. Мао Бинь приехал в Токио и вступил в неофициальные переговоры с премьером Койсо. Министр иностранных дел, а также военный и морской министры резко осудили эту акцию как авантюру, дискредитирующую японское правительство. Это стало одной из главных причин падения кабинета.

К концу 1944 г. война вплотную приблизилась к Японским островам: бомбардировщики В-29 с аэродромов на Марианских островах начали наносить удары по метрополии. Поначалу им не удавалось достичь желаемых результатов по подрыву ее промышленной мощи, но сам факт сильных налетов на «священную землю Ямато», оказавшуюся фактически беззащитной, производил тяжелое впечатление и на руководство страны, и на рядовых граждан. Ухудшение ситуации ускорило формирование «партии мира», группировавшейся вокруг бывшего премьера Коноэ. 14 февраля 1945 г. он представил императору доклад, назвав поражение в войне неизбежным и предупредив о возможности «коммунистичес-

⁸ Славинский Б. Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941—1945. М., 1995.

кого» переворота в Японии, движущей силой которого считал... «обновленческие» круги армейского офицерства⁹. Коноэ призвал к немедленным репрессиям против них, что, по его мнению, должно было смягчить непримиримую позицию Вашингтона и Лондона, но доклад остался без последствий.

Доклад Коноэ по времени почти совпал с Ялтинской конференцией союзников, на которой Сталин согласился на вступление СССР в войну с Японией «через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе», выдвинув следующие условия: 1) сохранение статус-кво Внешней Монголии, т.е. МНР; 2) восстановление прав, утраченных Россией в результате русско-японской войны, а именно: возвращение СССР южной части Сахалина, интернационализация Дайрена, восстановление аренды Порт-Артура как военно-морской базы, совместная эксплуатация КВЖД и ЮМЖД; 3) передачу СССР Курильских островов. Содержание соответствующей декларации, подписанной 11 февраля Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем, сохранялось в строгом секрете. Заместители наркома иностранных дел И. М. Майский и С. А. Лозовский осторожно высказали сомнения в целесообразности участия СССР в войне на Тихом океане, но их суждения были проигнорированы.

Тем временем американцы начали операцию по захвату острова Иводзима, главного препятствия для бомбовых ударов по Японии: базировавшиеся на его аэродромах истребители перехватывали В-29 на пути к целям, а радиолокаторы предупреждали о налетах. 19 февраля после мощной артиллерийской подготовки началась высадка десанта, насчитывавшего 70 тыс. солдат (против 22 тыс. гарнизона Иводзимы), при поддержке 600 кораблей и более 1000 самолетов. Японцы дали противнику высадиться практически беспрепятственно и открыли огонь, лишь когда американцы вышли на заранее пристрелянный участок. Десант понес большие потери и смог продолжить наступление только благодаря вводу дополнительных сил. Несмотря на подавляющее преимущество (гарнизон сражался без поддержки флота, авиация совершила лишь несколько налетов камикадзе), бои оказались исключительно тяжелыми и ожесточенными. Американцам долгое время не удавалось выбить японцев из подземных бункеров. 23 марта от остатков гарнизона была получена прощальная радиogramма, 26 марта японцы провели на острове последнюю атаку.

Захват Иводзимы значительно облегчил ВВС США осуществление бомбардировок. Теперь они изменили тактику, перейдя от

⁹ Текст: История войны на Тихом океане. Т. IV, с. 252–258.

ударов по отдельным военно-экономическим целям к «ковровому бомбометанию» зажигательными бомбами по жилым районам. Первый такой налет 10 марта против Токио унес жизни более 80 тыс. жителей, а самый печально известный 25 мая — около 200 тыс. Всего из 1,5 млн. убитых и пропавших без вести в годы войны 600 тыс. жертв пришлось на мирное население; от 9 до 13 млн. человек осталось без крова.

5 апреля 1945 г. Молотов сообщил послу Сато Наотакэ о желании СССР денонсировать Пакт о нейтралитете в соответствии с его третьей статьей, мотивировав решение тем, что «Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза». Посол попросил разъяснений о положении, наступающем в двусторонних отношениях с этого момента. Молотов, судя по его собственной записи, заявил, что «фактически советско-японские отношения вернутся к тому положению, в котором они находились до заключения пакта», но в ответ на указание Сато, что пакт заключен сроком на пять лет со дня ратификации и должен действовать до 25 апреля 1946 г., пояснил, что «по истечении пятилетнего срока действия договора советско-японские отношения, очевидно, вернутся к положению, которое было до заключения пакта... Срок действия пакта не окончился». 29 мая Молотов повторил Сато: «Мы не разорвали пакта, а отказались продлить его»¹⁰. Из этого японское правительство сделало вывод, что до весны 1946 г. СССР в войну не вступит.

Заявление Молотова совпало со сменой кабинета в Токио. 7 апреля правительство сформировал адмирал Судзуки Кантаро (апрель-август 1945). Военный и морской министры, начальники Генерального штаба и Главного штаба флота остались на своих постах. МИД снова возглавил Того, известный как сторонник хороших отношений с СССР.

Готовясь к вторжению на территорию Японии, американское командование приступило к захвату Окинавы. Гарнизон острова насчитывал 110 тыс. человек; для его обороны предполагалось задействовать все немногое, что оставалось от авиации и флота. Японцы надеялись упорной обороной нанести противнику неприемлемые потери и вынудить его к заключению мира. Намерения американцев тоже были серьезными — высадка на Окинаве стала крупнейшей десантной операцией войны на Тихом океане. На небольшом острове должно было высадиться 250 тыс. чело-

¹⁰ Впервые: Славинский Б. Н. Цит. соч.

век; флот поддержки насчитывал более 1000 кораблей. Высадка началась 1 апреля и поначалу не встретила противодействия, но по мере продвижения вглубь острова бои стали ожесточенными. Чтобы переломить ход событий, японцы направили к Окинаве последние боеспособные корабли во главе с линкором «Ямато», имевшим запас топлива только для перехода в одну сторону. Он должен был пристать к берегу и действовать как артиллерийская батарея, а его экипаж — присоединиться к гарнизону. 7 апреля американская авиация разгромила эскадру: «Ямато», крейсер и 4 эсминца были потоплены. 6 апреля начались массированные атаки камикадзе в невиданных ранее масштабах: только в первом налете участвовало 355 самолетов, а до конца июня всего в них было задействовано 1900 самолетов. Камикадзе нанесли немалые потери американскому флоту, потопив 26 кораблей и повредив более 200, но и такие акты самопожертвования не могли исправить положение. Гарнизон Окинавы медленно погибал под сокрушительным огнем противника. К 22 июня организованное сопротивление на острове прекратилось.

Токио заявил официальный протест по поводу капитуляции Германии, но этот акт патетического бессилия только подчеркнул безнадежность положения. 12 мая морской министр Ёнаи потребовал срочно приложить усилия для улучшения отношений с СССР, все еще веря в возможность этого. Хирота было поручено вступить в неофициальные переговоры с послом Маликом, которым в случае согласия советской стороны предполагалось придать официальный статус. Они начались 3 июня в курортном местечке Гора, куда из разбомбленного Токио был эвакуирован дипломатический корпус. На первой же встрече Хирота заявил: «Твердо обеспечить безопасность Азии можно только на основе сотрудничества СССР, Японии и Китая. А базой для этого должна быть дружба Японии с СССР», предложив закрепить ее новым договором. Конкретные предложения, включая нейтрализацию Маньчжоу-го по окончании войны и отказ от рыболовных прав, он сообщил только 29 июня. Посол имел указания только выслушивать предложения, не отвечая ни на какие авансы, так что переговоры были обречены на провал¹¹. 12 июля японское правительство объявило о желании направить в Москву принца Коноэ со специальной миссией, формальным поводом которой было вручение советскому руководству послания императора. Текст послания, сообщенный в Москву, не содержал никаких

¹¹ Документы: За кулисами тихоокеанской битвы (японо-советские контакты в 1945 г.) // Вестник МИД СССР. № 19 (77). 1990, 15.10.

конкретных предложений, кроме «пожелания, чтобы на благо человечества в кратчайший срок был восстановлен мир». На этом основании СССР 18 июля официально отказался принять миссию Коноэ.

К середине лета Япония была практически разгромлена, авиация и флот почти перестали существовать. Когда в начале июля американские корабли обстреляли побережье в районе Иокогама–Ёкосука, японцы не смогли оказать им никакого противодействия. Оставшиеся сухопутные войска без поддержки с воздуха были способны только на пассивную оборону. В стране не было нефтепродуктов, прекратились поставки сырья даже из Китая, поскольку суда не имели шансов прорваться сквозь завесы подводных лодок, а подступы к портам были плотно заминированы. В руинах лежали крупнейшие города: Токио, Осака, Кобэ, Иокогама, Нагоя.

26 июля Потсдамская декларация США, Великобритании и Китая (Чан Кайши поставил подпись «по телеграфу») потребовала немедленной безоговорочной капитуляции Японии: «Выбора никакого нет. Мы не потерпим никакой затяжки... Иначе Японию ждет быстрый и полный разгром». СССР ее не подписывал – более того, был поставлен перед фактом только накануне обнародования, когда Молотов получил копию текста «для сведения». 27–28 июля японское правительство и Высший совет по руководству войной решили «убить молчанием» (*мокусайу*) декларацию, т.е. проигнорировали ее, не отказываясь и не принимая. Это привело к фатальным последствиям.

8 августа в 17 часов по московскому времени Молотов заявил Сато, что с полуночи 9 августа (по токийскому времени, т.е. всего через час) СССР и Япония находятся в состоянии войны, сославшись на отклонение требований Потсдамской декларации и верность «союзническому долгу». Токио отреагировал официальным протестом, квалифицировав действия СССР как нарушение Пакта о нейтралитете. Вечером 9 августа на совещании высшего руководства страны в присутствии императора премьер заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны»¹². Япония соглашалась на капитуляцию при следующих условиях: 1) императорская система остается в неприкосновенности; 2) войска, находящиеся за пределами страны, демобилизуются после свободного их отвода с

¹² Цит. по: Савин А. С. Японский милитаризм в годы Второй мировой войны. М., 1979.

занимаемых территорий; 3) военные преступники будут подлежать юрисдикции японского правительства; 4) оккупация Японии минимальными силами. Однако союзники отказались рассматривать любые условия или контрпредложения. 6 августа американцы сбросили атомную бомбу на Хиросиму, где находилось много резервных частей, складов вооружения и боеприпасов, 9 августа — на крупный порт Нагасаки, ранее практически не подвергавшийся бомбардировкам. Только вмешательство выдающегося ученого-японоведа С. Г. Елисеева, профессора Гарвардского университета, имевшего доступ к Макартуру, спасло от атомной бомбы древнюю столицу Киото.

Группировка советских войск на Дальнем Востоке, общее руководство которой осуществлял маршал А. М. Василевский, насчитывала 1,7 млн. человек, более 2 тыс. танков и самоходных орудий, 5 тыс. самолетов, 24 тыс. орудий и минометов. Основная часть этих войск, переброшенных после окончания войны с Германией, была оснащена самой современной техникой и имела богатый боевой опыт. Квантунская армия генерала Ямада Отодзо уже не представляла собой той силы, какой она была в конце 1930-х годов. Ее численность достигала 700 тыс. человек, но самые боеспособные части ранее уже перебросили в другие районы, а оставшиеся были укомплектованы далеко не лучшими офицерами и недостаточно обученными солдатами. В командовании преобладали генералы, «проштрафившиеся» на других фронтах. Практически все вооружение армии было устаревшим и не шло ни в какое сравнение с советским, отсутствовали современные танки, не было поддержки с воздуха.

Рано утром 9 августа советские войска пересекли границу и начали продвижение вглубь территории Маньчжурии. Особенно успешно действовала 6-я гвардейская танковая армия, преодолевшая горный хребет Большой Хинган и за три дня прошедшая 450 км при полном отсутствии сколько-нибудь организованного сопротивления. Через три дня после начала боевых действий фронт был прорван на всех направлениях, а после захвата портов на севере Кореи морские коммуникации с метрополией окончательно перерезаны. 19 августа в Мукдене был интернирован император Маньчжоу-го Пу И. 16 августа из Токио поступил приказ о прекращении боевых действий. 18 августа Ямада на встрече с советским командованием огласил приказ о разоружении Квантунской армии. Однако операции продолжались. 22–23 августа советские войска высадились в Порт-Артуре и Дайрене (Дальнем), к 25 августа полностью заняли южную часть Сахалина, а к 5 сентября — Курильские острова.

Официальная историография США и СССР всячески подчеркивала тот решающий вклад, который внесли в окончание войны на Тихом океане, соответственно, атомные бомбардировки и разгром Квантунской армии. С такими трактовками можно согласиться лишь отчасти. Япония и ее вооруженные силы были разгромлены, и ни уничтожение еще двух городов, даже при помощи принципиально нового и разрушительного оружия, ни капитуляция отдаленной и не самой сильной (хотя и многочисленной) группировки уже ничего не меняли. Япония прекратила сопротивление потому, что после вступления СССР в войну исчезла последняя надежда на «почетный мир». Атомные бомбардировки же вообще нужно рассматривать в контексте не войны с Японией, а послевоенного устройства мира — американцам требовалось испытать в «полевых условиях» новое оружие и убедительно продемонстрировать его Советскому Союзу.

14 августа правительство по настоянию Ёнаи и Того после долгих дискуссий выработало текст рескрипта о капитуляции. 15 августа император — впервые в истории — обратился к нации по радио; этот день считается в Японии днем окончания войны. На рассвете того же дня военный министр генерал Анами Корэтика, до последнего выступавший против капитуляции, совершил *сэппуку*. Премьер Судзуки подал в отставку и был смещен принцем Хигасикуни (август-сентябрь 1945 г.).

Переговоры о подготовке к капитуляции начались 19 августа в Маниле. Для обеспечения прекращения сопротивления и предотвращения возможных «инцидентов» члены императорской фамилии направились в распоряжение войск, находившихся в Юго-Восточной Азии и в Китае. После императорского рескрипта сдача в плен в целом проходила организованно. Квантунская армия капитулировала 21 августа в Мукдене; войска в Китае, Северном Индокитае и на Тайване (генерал Окамура Ясуцугу) — 9 сентября в Мукдене; войска в Юго-Восточной Азии (фельдмаршал Тэраути Хисаси) — 12 сентября в Сингапуре. Капитуляция и сдача оружия отдельными частями в основном завершились к ноябрю.

28 августа на аэродроме Ацуги, недалеко от Токио, высадился передовой отряд американской армии, 30 августа туда прибыл генерал Макартур, назначенный верховным командующим союзными силами. 2 сентября на борту линкора «Миссури» в Токийском заливе министр иностранных дел Сигэмицу и начальник Генерального штаба Умэдзу Ёсидзиро, представлявшие правительство и Ставку, подписали Акт о безоговорочной капитуляции Японии. Его заключительный параграф гласил: «Власть импера-

тора и японского правительства управлять государством будет подчинена верховному командующему союзных держав, который будет предпринимать такие шаги, какие он сочтет необходимым для осуществления этих условий капитуляции».

В войне на Тихом океане Япония могла рассчитывать на успех только при условии, что ее противники прекратили бы боевые действия после первых же неудач. Поскольку Вашингтон и Лондон решили бороться до победы, поражение Японии стало лишь вопросом времени. Во-первых, разница в ресурсах и экономической мощи противников была несоизмерима. Промышленность США, даже ориентированная прежде всего на обеспечение войны с Германией, производила боевой техники значительно больше, чем промышленность Японии. Понимая ограниченность имевшихся в его распоряжении ресурсов, японское командование, как и германское, приняло стратегию «блицкрига», весьма успешную в Европе, но не оправдавшую себя на Тихом океане. Япония захватила обширные и богатые ресурсами территории, но это не имело фатального воздействия на противника. В Европе немцы быстро захватывали экономические центры и столицы врага, лишая его воли и возможности сопротивляться, а если и не могли захватить (Англия), то создавали угрозу коммуникациям — достаточную, чтобы держать противника в напряжении до конца войны. Японцы же не могли «дотянуться» до жизненно важных центров и артерий врага, в то время как их экономические центры и коммуникации почти сразу же попали под удар. Единственным шансом на успех была грамотная оборона: только измотав противника, нанеся ему неприемлемые потери, особенно в личном составе, и тем самым подорвав волю к продолжению борьбы, японцы могли рассчитывать на «почетный мир».

Однако при подготовке и ведении боевых действий японцы совершили ряд крупных ошибок, в значительной степени способствовавших их поражению. Прежде всего они оказались не готовы к защите своих коммуникаций, не усвоив один из важнейших уроков Первой мировой войны. Японцы осознали эту угрозу и начали принимать меры, когда было уже поздно: подвоз сырья прекратился и промышленность почти встала. Порочной была и тактика японской армии: слепо уверенная в своей непобедимости и склонная наступать в любых условиях, она напоминала предвоенную Красную Армию. Японцы не терпели такого сокрушительного поражения, как РККА летом 1941 г., но все их бои, особенно в 1943–1944 гг., сводились к непрерывным и неподготовленным атакам, которые приводили к быстрому

разгрому своих же сил. Японские командиры, надеясь на силу духа больше, чем на технику и тактику, и подражая самураям прошлого, искали героической смерти в бою, забывая, что времена изменились. В новых условиях девиз командира должен быть «наша задача не в том, чтобы отдать жизнь за родину, а в том, чтобы помочь противнику сделать это за свою». Несмотря на годы подготовки к «большой войне», в Японии не было создано достаточного обученного резерва личного состава, прежде всего в авиации и на флоте; очень плохим было взаимодействие между руководством армии и флота, соперничавшим, а не сотрудничавшим друг с другом. Кроме того, их политика на завоеванных территориях, проводившаяся под лозунгом «освобождения» Азии, на деле оказалась репрессивной, чем японцы лишили себя потенциальных союзников. Поэтому, несмотря на безусловную доблесть войск и мужество гражданского населения, Япония потерпела полное поражение — одно из наиболее сокрушительных в мировой истории.

ОККУПАЦИЯ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ (1945–1955)

Политические и экономические последствия войны. – Возрождение партий и первые послевоенные парламентские выборы. – Конституция 1947 г. – Международный военный трибунал для Дальнего Востока. – Послевоенные системные реформы. – Первые коалиционные кабинеты и утверждение Ёсиды во власти. – Подготовка заключения мирного договора с Японией. – Сан-Францисская система договоров. – Возрождение духовной жизни.

Политические и экономические последствия войны

С окончанием Второй мировой войны в Японии началась оккупация, закончившаяся в апреле 1952 г. Она продолжалась 6 лет и 8 месяцев. Ее своеобразие состояло в том, что верховная власть в стране находилась в руках Штаба оккупационных войск (ШОВ) США во главе с генералом Д. Макартуром, в последний год его сменил генерал М. Риджуэй. В результате наметившегося противоборства между СССР и западными союзниками по вопросу послевоенного мирового устройства правительство США сумело осуществить оккупацию только своими силами, хотя официально действовало от имени союзных держав и в оккупационные войска входил небольшой контингент войск стран Британского содружества наций (но их участие, безусловно, имело главным образом символический характер). Из-за советско-американских разногласий создание международного механизма контроля над осуществлением условий капитуляции продвигалось с большим трудом.

Лишь в конце 1945 г. на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании было принято

решение об учреждении международных структур для претворения в жизнь курса, определенного Потсдамской декларацией. В Вашингтоне была создана Дальневосточная комиссия из представителей 11 стран (СССР, США, Великобритания, Китай, Франция, Голландия, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Индия и Филиппины). Она провозглашалась директивным органом, который определял основные принципы оккупационной политики союзных держав в Японии. Решения Комиссии принимались большинством при совпадении голосов представителей СССР, США, Англии и Китая (принцип единогласия великих держав). Формально она была поставлена над главнокомандующим оккупационными войсками — генералом Макартуром, но ее влияние на оккупационную политику США в стране не было решающим: она не могла без согласия правительства США провести какое-либо мероприятие в Японии, а ее многие важные директивы саботировались оккупационными властями.

Одновременно в Токио был создан совещательный орган — Союзный совет для Японии из представителей СССР, США, Китая и одного представителя от четырех держав — Англии, Австралии, Индии и Новой Зеландии. Союзному совету надлежало осуществлять контроль за тем, как проводятся в жизнь директивы Дальневосточной комиссии. Каждый член Совета имел право приостановить действия главнокомандующего оккупационных войск и передать спорную проблему на обсуждение Дальневосточной комиссии.

В период оккупации политика Соединенных Штатов в отношении Японии прошла два этапа, которые отражали изменения международной ситуации и внешнеполитической американской стратегии прежде всего на Дальнем Востоке. Первый — 1945–1948 гг., когда они хотели уничтожить своего соперника и конкурента на Дальнем Востоке, и второй — 1948–1952 гг., когда после создания КНР, а затем войны в Корее они решили превратить Японию в подконтрольного себе союзника, т.е. начался так называемый «обратный курс».

Политика США на первом этапе оккупации определялась документом «Основные принципы политики США в отношении Японии в начальный период оккупации» (этот документ был разработан еще в ходе войны и передан 6 сентября 1945 г. в виде директивы генералу Макартуру). В одном из разделов данного документа следующим образом определялись цели оккупации: «Обеспечить, чтобы Япония не стала вновь угрозой для США или для мира и безопасности во всем мире», «создать миролюбивое и ответственное правительство, которое уважало

бы права других государств и поддерживало бы американские цели, отраженные в идеалах и принципах Устава Организации Объединенных Наций»¹.

И этот курс был предложен стране, народ которой был ввергнут в полосу лишений, полуголодного существования, духовной растерянности. Тяжелым бременем легла на население хозяйственная разруха — закрыты предприятия, шахты, электростанции, нарушена инфраструктура, острая нехватка продовольствия и предметов первой необходимости, инфляция. В результате воздушных налетов американской авиации потеряли кров более 8 млн. человек, было разрушено примерно 2,5 млн. различных домов, что составило примерно 1/4 имевшегося в стране жилого фонда, поскольку бомбежкам подвергалось прежде всего мирное население страны. Так, в Токио были уничтожены огромные жилые кварталы, но не пострадала военно-морская база Ёкосука с ее военно-промышленными и оборонительными сооружениями, которые закрывали вход в Токийский залив (в настоящее время используется США совместно с Японией как военно-морская база); не подвергся разрушению и крупнейший в Японии металлургический комбинат Явата на о-ве Кюсю.

Японский народ понес неисчислимые жертвы, но размеры материального ущерба страны относительно ее материального богатства были сравнительно невелики. В значительной степени был сохранен основной капитал тяжелой промышленности, наибольшее сокращение производственных мощностей произошло в легкой промышленности (текстильной, пищевой), ибо десятки тысяч предприятий здесь были демонтированы еще во время войны, а их оборудование превращено в сырье для тяжелой промышленности. Тем не менее производство резко упало, импорт сырья, топлива и продовольствия был практически прекращен, поскольку Япония была лишена возможностей поддерживать непосредственные связи с другими странами, а свои колонии, откуда ввозила продовольствие, энергоресурсы, металлы, потеряла.

Вследствие этого и хозяйственной разрухи имеющиеся производственные мощности не могли быть использованы в полной мере. Объем промышленного производства в 1946 г. был менее 1/3 довоенного 1936 г. и 1/5 наивысшего уровня военных лет (1944 г.), сельскохозяйственного — около 60%. Наибольший ущерб понесли такие ведущие отрасли, как машиностроение и химическая промышленность, было уничтожено 25% мощностей не-

¹ Цитируется по: Reischauer E. O. The United States and Japan. Cambridge (Massachusetts), 1965, p. 341.

фтеперегонной промышленности, свыше половины мощностей азотных заводов, 30% мощностей тепловых электростанций, потоплено 80% торгового флота, большие потери понес и рыболовецкий флот. По условиям демилитаризации экономики страны было запрещено строительство судов и самолетов. Оборудование для их производства было признано объектом репараций (лишь в 1947 г. репарационные санкции были несколько ослаблены, что дало возможность приступить к конверсии военно-промышленного комплекса, а в 1949 г. вообще приостановлены). Резко вырос уровень цен, процветал черный рынок. Рацион питания японцев, не очень высокий и до войны, значительно снизился².

Наиболее остро население страны переживало кризисную ситуацию с продовольствием. И до войны Япония не могла себя полностью обеспечить продовольствием, стоимость его импорта оценивалась примерно в 17%. После войны импорт риса из бывших колоний прекратился. Кроме того, первые два послевоенных года были неурожайными. Все это породило спекуляции на продовольственном черном рынке.

Большим бременем на сверхмилитаризованную экономику Японии, и так мало дававшую мирному населению, легли огромные потоки миграции. Она была вызвана прекращением военного производства, демобилизацией армии и флота, репатриацией японцев из бывших колоний и оккупированных во время войны территорий. Это привело к появлению почти 10-миллионной армии безработных. В то же время появилось значительное число рабочих рук, которые могли быть использованы в народном хозяйстве. Численность населения в Японии, несмотря на людские потери во время войны, увеличилось с 70,3 млн. человек в 1936 г. до 80,2 млн. на 1 августа 1948 г.

В этих условиях Соединенные Штаты взяли на себя обязательство ввозить в страну продовольствие и оказывать другую помощь по специально созданным фондам ГАРИОА (Правительственные ассигнования для оказания помощи на оккупированных территориях) и ЭРОА (Экономическое восстановление оккупированных территорий). За 1945–1951 гг. по линии этих фондов Япония получила товаров на сумму почти в 2 млрд. долл. Поступления от реализации этих товаров зачислялись на особый счет государственного бюджета и использовались для финансирования восстановления экономики.

² Пигулевская Е. А. Обновление основного капитала японской промышленности и развитие послевоенного цикла. М., 1960, с.8–11; Воспроизводство общественного продукта в Японии. М., 1970, с. 37.

В обществе царила духовная растерянность. Она была вызвана тем, что буквально в одночасье были поколеблены и в значительной степени разрушены традиционные ценности национального самосознания. В частности, была уничтожена вера в божественную и историческую миссию Японии в мире, в национальную исключительность ее народа, и впервые за всю историю страны на архипелаге появились иностранные войска.

Директивой штаба оккупационных войск (4 января 1946 г.) была проведена «чистка» государственных учреждений и политических организаций от лиц с милитаристским прошлым. Однако ей подвергся лишь незначительный слой самой высшей бюрократии. В принципе был сохранен старый государственный аппарат во главе с императором. Безусловно, он был несколько перестроен и обновлен в ходе проведенных позже новых «чисток». В результате все послевоенные демократические преобразования проводились прежними бюрократами так называемого второго ряда. Все они так же, как и многие политики, получили образование в самых лучших университетах страны. Рассказывая о биографии того или иного крупного государственного деятеля, обязательно столкнешься с одним из престижных университетов – Токийским или Киотоским императорскими университетами, университетами Кэйо и Васэда. Достаточно упомянуть нескольких японских премьеров 1950–1960-х годов: Ёсида Сигэру, который до войны занимал пост заместителя министра иностранных дел, Киси Нобусукэ – министра торговли и промышленности, Икэда Хаято – начальника главного налогового управления, Сато Эйсаку – начальника управления по надзору за железными дорогами. С полным правом можно сказать, что в послевоенные годы бюрократия не только выжила, но и эффективно руководила нацией, четко определяя во взаимодействии с политиками национальные приоритеты. Ведь представители этой плеяды государственных деятелей были не только политиками, но и, как это видно из их прежних должностей, профессионалами-управленцами, опыта которых так не хватало последующим руководителям страны.

Таким образом, фактически старому бюрократическому аппарату было поручено проведение в жизнь директив о послевоенном преобразовании страны. Свою власть Штаб оккупационных войск, и это чрезвычайно важно, осуществлял руками японского правительства. Бюрократия, бывшая одним из столпов довоенной административной системы, несмотря на ряд «чисток», практически оказалась нетронутой и являлась важным элементом преемственности. Оставаясь в системе управления, она получила

возможность в определенной степени выхолащивать директивы оккупационных властей. Поэтому проводимая в стране политика не вызывала серьезного недовольства населения.

На начальном этапе оккупации США исполняли ряд государственных функций: полностью взяли в свои руки финансы и внешнюю торговлю, поставили под контроль все органы правосудия, полицию, составление государственных бюджетов, ограничили власть парламента и присвоили себе мандат на проведение внешней политики страны.

В первые же дни существования оккупационного режима были приняты меры по ликвидации авторитаризма во всех сферах жизни общества. Было официально объявлено о роспуске ультранационалистических обществ, секретных правых организаций, изданы директивы о роспуске всех вооруженных сил и запрещении военного производства, о роспуске Политической ассоциации Великой Японии, о ликвидации тайной полиции.

В соответствии с директивой оккупационных властей от 10 октября 1945 г. из тюрем на свободу вышли более трех тысяч политических заключенных, в том числе руководители Коммунистической партии Японии (КПЯ), лидеры рабочего движения. Были арестованы и преданы Международному военному трибуналу для Дальнего Востока 28 главных военных преступников.

11 октября 1945 г. японское правительство получило директиву Макартура о проведении пяти крупных реформ: о предоставлении рабочим права на организацию профсоюзов, о демократизации системы просвещения, ликвидации абсолютизма, предоставление равных с мужчинами прав женщинам и демократизации экономики. Затем последовали директивы о замораживании собственности дзайбацу и их роспуске, меморандум о земельной реформе.

В ряду системных демократических преобразований чрезвычайно большое значение придавалось проблеме отношения религии и государства, религии и общества. Ее решение началось практически сразу же после подписания акта о капитуляции с принятием ШОВ ряда важнейших документов, в частности директивы «Об отмене государственного покровительства, сохранения, управления и распространения государственного синто» от 15 декабря 1945 г. Таким образом, раз и навсегда был ликвидирован государственный синто. Однако связь синто с милитаристской идеологией, более того, ассоциация его с существовавшим в предшествующие годы авторитарным режимом и проводимой им политикой, вкупе с другими факторами, весьма негативно сказались на положении национальной религии в контексте религиозной жизни послевоенной Японии.

Исключительно важным было очищение сферы образования от упоминаний или использования синтоистских доктрин в любой форме и любыми средствами. В учебных заведениях полностью прекратилось изучение теологии синто и мифологии, что составляло ранее основное содержание важнейшего предмета преподавания — морального воспитания. Учебники по истории страны переписывались, а мифы изучались только как памятники литературы, вне связи с историей императорской династии. Были запрещены учебные поездки школьников в святилища, но, поскольку многие из них являлись историческими памятниками или располагались в исторических местах, это ограничение затем было снято.

Буквально с первых дней оккупации встал вопрос не только об ответственности императора за преступления военных лет, но и о существовании самого института императора. Политическая элита сразу же решила показать, что спокойно провести демобилизацию, подготовить нацию к предстоящей оккупации, держать ситуацию в стране под контролем может только императорская семья. Поэтому после объявления акта о капитуляции 15 августа 1945 г. до ее подписания 2 сентября 1945 г. — 17 августа впервые было создано правительство во главе с членом императорской фамилии фельдмаршалом принцем Хигасикуни Нарухико (он был женат на девятой дочери императора Мэйдзи, а его сын — на дочери Хирохито). Это было сделано для того, чтобы использовать авторитет императорского дома для безболезненного проведения всего комплекса мероприятий, связанного с поражением.

Однако этот шаг оказался малоэффективным, поскольку правительство Хигасикуни было совершенно неспособно стабилизировать ситуацию в стране, перевести экономику на мирные рельсы; более того, оно отказалось выполнять директиву ШОВ от 4 октября 1945 г. о демократических свободах и правах. Ближайший советник императора Кидо предложил Ёсида Сигэру возглавить новый кабинет, но получил отказ, поскольку тот, очевидно, не хотел брать на себя ответственность в столь сложное и непредсказуемое время, предпочитая оставаться на вторых ролях. И император, по рекомендации Кидо, единолично (в нарушение традиций) при неофициальном одобрении ШОВ назначил в октябре 1945 г. главой правительства представителя старой бюрократии атлантистской ориентации Сидэхара Кидзюро, которого значительная часть японцев считала давно умершим.

Сидэхара, как и Ёсида, во время войны уже не занимал высоких постов в административных органах и находился как бы в оппозиции внешнеполитическому агрессивному курсу военщины. Эта кандидатура была согласована Ёсида с генералом Мака-

туром, с которым у него сразу сложились хорошие отношения. Ёсида же стал министром иностранных дел в кабинете Сидэхара и фактически занял ведущее положение в правительстве. Оккупационные власти именно на него сделали ставку в своих контактах с политической элитой страны.

Не получив большинства на парламентских выборах 1946 г., кабинет Сидэхара в апреле ушел в отставку. К власти 22 мая пришел первый кабинет Ёсида. Сидэхара затем еще дважды избирался депутатом палаты представителей, и даже в 1949 г. был спикером этой палаты.

Сразу же после окончания войны начал формироваться новый образ императора Хирохито. Уже в акте о безоговорочной капитуляции он представал как пацифист, антимилитарист, пассивный зритель военных лет. В обществе дискутировался вопрос об отречении императора. Объяснения этому были разные. Близкие родственники (принц Микаса) и ближайшее окружение (маркиз Кидо) желали отречения Хирохито ради спасения императорской системы как таковой и сохранения у власти основной части прежнего истеблишмента. Но среди американского руководства возобладало мнение о необходимости сохранения императора как гаранта стабильности в очень беспокойном в то время японском обществе. Таким образом, личное желание Хирохито не оставлять трон и прагматичный подход генерала Макартура совпали. Во время первой встречи императора с Макартом (по инициативе императора) 27 сентября 1945 г. в присутствии только личного переводчика императора он заявил: «Я пришел к Вам, генерал Макартур, чтобы предать себя в руки правосудия тех держав, которые Вы представляете, как единственный, на ком лежит ответственность за каждое принятое военное и политическое решение и за каждое деяние, совершенное моим народом в течение войны. Что касается моей личной судьбы, то это не имеет значения. Я отдаю себя в Ваши руки, я буду согласен с любым решением»³.

Немаловажную роль в том, что император не был признан военным преступником, сыграло его новогоднее обращение к нации 1 января 1946 г., известное как «Декларация человека». Это был совместный американо-японский документ, который во многом предопределил сохранение института императора. В этом обращении император Сёва публично отказался от своего божественного происхождения, т.е. сменил статус «живого бога» на статус обычного человека. В декларации император, в частности, заявил:

³ Приводится по: Toland G. The Rising Sun. The Decline and Fall of Japanese Empire. N.Y. 1970, p. 875.

«Связи между мной и моим народом всегда основывались на взаимном доверии и взаимной любви. Эти отношения не зависят от легенд и мифов. И они не основываются на ложной концепции, что император является божеством и что японцы — высшая раса, предназначенная повелевать миром»⁴.

Однако самым главным в этом обращении был не отказ от божественного происхождения императора, а утверждение, что монархия в Японии совместима с демократией еще со времени Клятвы императора Мэйдзи 1868 г. (имелось в виду обещание созвать «публичное собрание и решать административные дела по общему согласию»). «Причина, по которой я обратился к Клятве, — сказал император Сёва на одной из пресс-конференций в 1977 г., — состояла в том, что в то время, когда в Японии была сильна власть Соединенных Штатов и других иностранных государств, я был очень обеспокоен тем, что японский народ подвергнется их сильнейшему влиянию. Мы приняли демократию, потому что это было желание императора Мэйдзи... Конституция Мэйдзи была выстроена на этой основе, и поэтому я думаю, что было крайне необходимо показать, что демократия не является чем-то импортированным»⁵.

Содержательная сторона навогоднего обращения императора была высоко оценена в США. Газеты писали, что этим выступлением император заявил о себе как о величайшем реформаторе в истории Японии, что оно открыло путь для политических реформ, которые могут превратить страну в подлинно конституционное государство, а это означает переход Японии от восточной деспотии к современной демократии⁶.

Наиболее важным в отречении от идеи «божественного происхождения» было то, что и император, и правящая элита в тяжелейших условиях краха милитаристской идеологии и оккупации сочли необходимым сохранить преемственность японской государственности. Стержнем этой преемственности как раз и явилось сохранение института императора, позже объявленного в Конституции 1947 г. «символом государства и единства народа».

В соответствии с директивами ШОВ, изданными на основе Потсдамской декларации, несколько тысяч человек, главным образом из руководства крупных компаний, были подвергнуты «чистке» как активно участвовавшие в проведении милитаристской политики — отстранены от должности и лишены права занимать ее в

⁴ Isamu Kanaji. Hirohito. Japan's Compassionate Emperor. Tokyo, 1989, p. 27.

⁵ Такахаси Хироси. Хэйка-о тадзунэ мосиагэмасу (Ваше величество, разрашите обратиться). Токио. 1988, с. 252–253.

⁶ Nakamura Masanori. The Japanese Monarchy. L., 1992, p. 112.

течение 10 лет. Одновременно этой процедуре подлежали политические деятели, чиновники, журналисты, писатели, ученые и, конечно, представители армии и флота. К числу «нежелательных лиц» были также отнесены влиятельные члены государственных довоенных организаций – Ассоциации помощи трону, Политической ассоциации Великой Японии и сотрудничавших с ними организаций, руководящие деятели предприятий и финансовых органов, имевших отношение к колониальной политике. Примечательно, что число привлеченных к ответственности «военных преступников» было значительно меньше, чем планировалось в Вашингтоне, но зато подвергшихся «чистке» как «нежелательные лица» – намного больше. В частности, в эти списки попало около 2 тыс. правительственных чиновников. Тысячи были уволены или вынуждены уйти сами: почти все служащие полиции (4800 человек), около 116 тыс. учителей ушли в отставку, в том числе подпали под «чистку» свыше 5 тыс. Всему спектру репрессивных мер подверглось свыше 200 тыс. человек.

Бывший в то время премьером Ёсида в принципе не возражал против «чистки». Он лишь критиковал ее масштабы, считая, что на местах она может привести к анархии, хаосу и экстремизму. Он прилагал немалые усилия, чтобы не допустить снятия с должностей такого большого числа специалистов, считая, что нельзя лишать администрацию профессионалов. В своих мемуарах он признался, что ухитрился сократить число подлежащих «чистке» работников корпораций, используя при переводе на английский названия более низших должностей⁷.

Но уже с начала 1948 г. американские власти сами открыто признали, что многие из тех, кто создавал японскую военную машину, – способные бизнесмены и что их услуги необходимо использовать для экономического восстановления страны. С апреля 1949 г. начался процесс их реабилитации Штабом Макартура, а с начала 1951 г. – японскими властями. К концу оккупации были освобождены и вернулись к активной работе около 200 тыс. человек, остальные – сразу после заключения мирного договора. Некоторые из них были немедленно привлечены Ёсидой к работе в качестве экономических советников, другие пополнили ряды полиции и военных организаций.

Однако для многих (практически не имевших отношение к тем, кто развязал войну) даже после реабилитации «чистка» создала значительные трудности для получения работы, достижения достойного положения в обществе. Но были случаи, когда

⁷ Yoshida Shigeru. The Yoshida Memoirs. Boston. 1962, p.155–156.

она дала обратный результат. Например, удачно отразилась на судьбе никак не связанного с экстремистами одного лейтенанта-резервиста военно-морского флота. Ему запретили преподавать в Токийском технологическом институте, и он поступил на работу в только что созданную небольшую электронную компанию. Это был талантливый инженер и будущий гениальный предприниматель, президент корпорации «Сони» Морита Акио.

В результате первых демократических преобразований общество раскололось как бы на две части – одни пришли в состояние эйфории от «вседозволенности», другие погрузились в «послекапитуляционную летаргию».

Возрождение партий и первые послевоенные парламентские выборы

Буквально с первых дней оккупации началось возрождение старых и создание новых политических партий, неподконтрольных государству. Уже в октябре после освобождения из тюрьмы руководителей практически полностью разгромленной еще в первой половине 1930-х годов компартии Японии предпринимаются активные шаги по ее восстановлению. Этот процесс возглавил Токуда Кюити, прошедший в тюрьмах 17 лет. На первом легальном съезде КПЯ в декабре 1945 г. он стал ее генеральным секретарем. В 1946 г. Токуда был избран депутатом парламента. С его именем связано радикальное направление в деятельности коммунистов в послевоенный период.

В январе 1946 г. в страну после длительного периода эмиграции возвратился еще один видный деятель коммунистического движения Носака Сандзо. Он долгие годы представлял КПЯ в Исполкоме Коминтерна, в период войны находился в Яньане, где занимался организацией антивоенной пропаганды в японской армии. На V съезде КПЯ в феврале 1946 г. он стал членом политбюро, секретарем ЦК КПЯ и в том же году был избран депутатом палаты представителей парламента. Носака придерживался курса осуществления революции мирным путем в условиях оккупации.

Курс КПЯ, принятый на IV (декабрь 1945 г.) и V съездах, предусматривал полное претворение в жизнь положений Потсдамской декларации, осуществление глубоких демократических преобразований (ликвидация императорской системы, создание демократической республики, искоренение милитаризма, проведение аграрной реформы и т.д.).

В ноябре 1945 г. было провозглашено создание Социалистической партии Японии (СПЯ) на основе объединения социал-демократов всех оттенков — от крайне правых (Нисио Суэхиро, Катаяма Тэцу) до крайне левых (Сасаки Кодзо), при руководящей роли первых. Поэтому с самого начала СПЯ не была единой, крепко сплоченной партией, придерживающейся определенной идеологии. Она объявила себя объединением трудящихся, стремящимся к учреждению демократической системы и обеспечению гражданских свобод. Программа партии предусматривала построение социализма для обеспечения стабилизации и подъема жизни народа. Под социализмом СПЯ подразумевала не ликвидацию капиталистических производственных отношений, а проведение некоторых социальных реформ. Она даже признавала построение социализма в условиях существования императорской системы. С самого момента своего создания соцпартия была нацелена на парламентскую деятельность.

Тогда же была образована Либеральная партия (ЛП), ядро которой составили политики довоенной Сэйюкай. Лидером партии был избран Хатояма Итиро, в прошлом один из лидеров Сэйюкай, но в ходе «чистки» он был лишен права заниматься политической деятельностью (этот запрет был снят в 1951 г.). Всего в этой партии «чистке» подверглись 30 депутатов парламента из 43. Хатояма в довоенные годы 13 раз избирался депутатом парламента от партии Сэйюкай. И даже в течение двух лет занимал пост секретаря этой партии. После восстановления права на политическую деятельность внутри партии возглавил оппозицию ставшему ее лидером Ёсида Сигэру. Либеральная партия представляла интересы крупной буржуазии.

В ноябре же была учреждена Прогрессивная партия (ПП), в которую вошли члены довоенных буржуазных партий Минсэйто и Сэйюкай (в частности, ее членом стал премьер-министр Сидэхара). Эта партия также представляла интересы части крупной буржуазии, помещиков и богатых крестьян. Она придерживалась идеи антикоммунизма и сохранения старой государственности. В ее рядах 260 депутатов из 274 были отстранены от политической деятельности.

В декабре появилась Японская кооперативная партия (ЯКП), которая в мае 1946 г. была переименована в Кооперативно-демократическую (КДП). Программа партии базировалась на принципах классового сотрудничества и кооперации. Она отражала интересы средней и отчасти мелкой буржуазии.

В целом консервативные партии представляли интересы отдельных групп финансового капитала, а радикальные — различных социальных слоев населения. Поэтому ни между первыми, ни между вторыми типами партий не было и не могло быть ника-

ких согласованных действий, о чем свидетельствовали результаты нескольких первых послевоенных выборов в парламент.

Параллельно с воссозданием партий шел и процесс образования профсоюзов по принципу «каждому предприятию свой профсоюз», в котором активная роль принадлежала КПЯ и СПЯ. Оккупационные власти поначалу поддерживали этот процесс, поскольку рассчитывали, что профсоюзное движение поможет демократизации во всех сферах жизнедеятельности общества. Для упорядочения бурно развивающегося процесса создания профсоюзов на предприятиях (к концу 1945 г. было создано 509 организаций, а годом позже их стало 17 тыс. с числом членов 4,9 млн человек, т.е. 39,8% общего числа рабочих) разрабатывается соответствующее законодательство. В декабре 1945 г. был опубликован закон о профсоюзах, согласно которому впервые в истории страны всем рабочим, включая и работников государственных учреждений и предприятий, было предоставлено право на создание своих организаций, на коллективные переговоры и забастовки.

Японский тип пофирменных профсоюзов в принципе отличается от такого рода организаций, например, в США. Там они возникают по инициативе администрации. В Японии их создание никем не инспирируется. Они независимы в своих действиях от предпринимателей, хотя испытывают давление с их стороны. Расположенный на территории компании профсоюз волей неволей попадает в определенную зависимость от администрации. Однако такая структура помогала работникам в первые послевоенные годы добиваться повышения заработной платы и улучшения условий труда по мере развития самого предприятия. Именно она позволяла более детально учитывать его возможности на каждый конкретный момент и со знанием дела развертывать борьбу за свои интересы.

По мере роста организованности трудящихся активизируется их борьба за улучшение условий труда и против увольнений. Рабочее движение становится главной силой более широких народных выступлений, в то время, прежде всего, с требованием ускорить решение продовольственной проблемы.

Дальнейшее организационное оформление профсоюзного движения привело к созданию двух национальных профсоюзных центров. В августе 1946 г. была создана Японская федерация профсоюзов (Содомэй, 850 тыс. членов), которая стала массовой опорой правого крыла социалистической партии. Чуть позже в том же месяце прошел учредительный съезд другого национального объединения — Всеяпонского конгресса производственных профсоюзов (Самбэцу кайги, 1,6 млн. человек), руководящая роль в котором принадлежала коммунистам. Таким образом, произошло резкое

размежевание послевоенного профсоюзного движения на два основных течения — радикальное (классовое) и реформистское (соглашательское). Весь ход развития послевоенного профсоюзного движения определялся взаимоотношением этих двух течений.

В силу особенностей возникновения профсоюзов, в создании которых значительная роль принадлежала соцпартии и компартии, их борьба отличалась заметной политической окраской. Тем не менее им удавалось договариваться о проведении совместных действий. Например, под руководством Всеяпонского комитета совместной борьбы профсоюзов, объединившего 4,5 млн. человек, эти организации сумели достичь согласия о проведении всеобщей бессрочной стачки 1 февраля 1947 г. Однако накануне проведения эта акция, которую можно рассматривать как кульминацию борьбы трудящихся в эти годы, была запрещена директивой ШОВ. Хотя стачка и не состоялась, ее подготовка все же сыграла существенную роль в улучшении условий труда, прежде всего на частных предприятиях.

Рабочее движение способствовало усилению политической активности других слоев трудящихся. В частности, крестьяне начали давать отпор помещикам, стремившимся согнать их с земель в преддверии земельной реформы. Немаловажное значение для дальнейшей борьбы за демократические преобразования в сельском хозяйстве имело создание в феврале 1946 г. Всеяпонского крестьянского союза, объединившего 4 тыс. организаций.

Таким образом, в этот период были предприняты шаги по включению в процесс демократических преобразований разнообразных общественных сил, чья политическая активность прежде искусственно ограничивалась и подавлялась.

Важным шагом на пути демократизации оккупационные власти считали разработку нового закона о выборах, который был принят в декабре 1945 г. В соответствии с ним впервые право участия в выборах наравне с мужчинами получили женщины. Возраст активного избирательного права снижался с 25 до 20 лет, а пассивного — с 30 до 25 лет.

Первые послевоенные выборы 10 апреля 1946 г. прошли при большой активности всех слоев населения, и на них убедительную победу одержали консерваторы. Большинство в парламенте получила Либеральная партия — 140 мандатов из 485, Прогрессивная — 94 мандата, социалистическая — 92, кооперативная — 14, коммунистическая — 5 мандатов⁸. Впервые палата представителей парламента стала многопартийной.

⁸ Масудзима Хироси. Гэндай Нихон-но сэйто то сэйдзи (Политические партии и политика современной Японии). Токио, 1969, с. 341.

Избирательная кампания шла под лозунгом свержения правительства Сидэхара, которое не оправдало надежды на улучшение положения населения. Оккупационные власти, подавив мирную демонстрацию трудящихся за три дня до выборов, зримо поддержали консерваторов. Однако в результате массовых выступлений трудящихся 19 апреля 1946 г. в парламенте по инициативе СПЯ четырьмя партиями (либеральной, кооперативной, социалистической и коммунистической) был образован комитет борьбы за свержение правительства Сидэхара. Эту борьбу поддержало первое мощное политическое выступление трудящихся, главной руководящей силой которого был рабочий класс. И 22 апреля 1946 г. Сидэхара подал в отставку.

В результате сложившейся ситуации Ёсида, глава Либеральной партии, в течение месяца не мог сформировать правительства. И лишь получив поддержку оккупационных властей, создал свой первый кабинет. В течение этого месяца в стране происходили массовые митинги, первомайские демонстрации (впервые после 11-летнего перерыва). В Токио перед императорским дворцом 1 мая собралось более полумиллиона человек, а в митингах с требованием обеспечения населения рисом участвовало свыше 250 тыс. человек. Продовольствие в эти годы выдавалось по карточкам. Средняя норма риса была снижена с 1 коку (примерно 150 кг) на человека в год (около 0,4 кг в день) почти наполовину.

По воспоминаниям Ёсида Сигэру, такие выступления стали его постоянным кошмаром. Он очень боялся действий левых профсоюзов и коммунистов. Ему всюду мерещилась «красная угроза», виделись «красные флаги», не забывались демонстрации в начале 1946 г., накануне его вступления в должность премьер-министра, и в конце года, требовавшие его отставки. В своем новогоднем выступлении в 1947 г. он назвал лидеров рабочего движения «незаконными элементами», используя термины времен Танака конца 1920-х годов.

Образование кабинета Ёсида ознаменовало некоторую стабилизацию внутривнутриполитической позиции крупной буржуазии и помогло оправиться от пережитых потрясений. С конца мая 1946 г. началась бурная «эра Ёсида». Она вместила в себя принятие демократической конституции (внесение проекта которой 17 апреля в парламент было последним актом правительства Сидэхара), волну репрессий против коммунистов и профсоюзов, проведение экономических реформ, войну в Корее и создание Сан-францисской мирной системы. Другими словами, находясь на посту премьер-министра в течение 1946–1954 гг. (с небольшим перерывом), он сыграл чрезвычайно важную роль в становлении после-

военной Японии, определив в целом направление внутренней и внешней политики страны на годы вперед.

Человек консервативных взглядов, сформировавшийся как политик задолго до войны, искусный дипломат и прагматик, он сумел понять значимость момента и сделать для своей страны в тех условиях максимум возможного. Ярый консерватор, он слыл западником и либералом. Не сделав блестящей карьеры в предвоенные годы (высшим его достижением были должности посла в Риме и Лондоне и заместителя министра иностранных дел в кабинете Танака), он всегда верил в свою звезду (когда ему предложили в 1916 г. стать личным секретарем премьер-министра Тэраути, он отказался, заявив, что мог бы согласиться на пост премьер-министра, но должность секретаря премьера ему не подходит⁹).

Когда война подходила к концу, Ёсида возглавил группу военных, политиков и дипломатов (находившихся в большинстве своем не у дел), которая начала зондировать почву для заключения сепаратного мира. Весной 1945 г. он был арестован по подозрению в государственной измене. Несколько недель заключения стали для него надежным «страховым полисом» на послевоенный период и принесли хорошие политические дивиденды. Он был одним из немногих бюрократов, которые имели репутацию антимилитаристов, атлантистов и либералов. Отказ Ёсиды в ответ на предложение Макартура стать премьер-министром в сентябре 1945 г. не повлиял на их дальнейшие прекрасные отношения. Возможно, генералу импонировала личность Ёсиды, который вел себя с достоинством и не заискивал перед победителем, а может быть, он прислушался к мнению Дж. Грю. Стоит заметить, что у Ёсиды и Макартура было много сходного, что, видимо, облегчало их общение и взаимопонимание: практически однолетки, принадлежали к элите, были независимы и уверены в себе, консервативны по своим политическим взглядам.

Конституция 1947 года

Важной позитивной мерой по изменению государственно-го устройства Японии явилось принятие 3 ноября 1946 г. новой конституции, вступившей в силу 3 мая 1947 г.¹⁰ Она послужила фундаментом политико-правовых реформ послевоенных лет и морально-юридической основой существования японского госу-

⁹ Ёсида Сигэру. Оисо-но сёрай (Будущее Оисо). Токио. 1965, с. 205.

¹⁰ Текст конституции см.: Современная Япония. Справочник. М., 1973, с. 756–773.

дарства на протяжении более полувека. Эта конституция не претерпела изменения и по сегодняшний день.

Подготовка этого важного документа шла по линии разработки трех проектов. Первые два были определены на встречах Макартура еще в октябре 1945 г. с одним из приближенных императора, министром внутренних дел Коноэ Фумиморо и чуть позже с премьером Сидэхара. Японская сторона первоначально предполагала лишь слегка реформировать конституцию Мэйдзи. Первый проект, созданный по поручению императорского двора группой ученых, не получил дальнейшего развития. А сам Коноэ, объявленный военным преступником, покончил с собой, не дожидаясь ареста. По представлению Сидэхара, кабинет министров принял решение о создании специального комитета для изучения проблемы пересмотра конституции во главе с государственным министром Мацумото Сёдзи. Работа в этом комитете шла чрезвычайно медленно, поскольку ее участники вообще подвергали сомнению необходимость пересмотра конституции. Известный до войны своими либеральными взглядами профессор Минобэ Рёкити считал возможным проведение демократических преобразований и в условиях действия мэйдзийской конституции.

Подготовленный комитетом Мацумото проект конституции был одобрен кабинетом министров, доложен императору, затем в переводе на английский язык с объяснительной запиской 1 февраля 1946 г. отослан в штаб Макартура. Этот проект оказался даже более консервативным, чем первый, и, естественно, не мог удовлетворить оккупационные власти. 3 февраля Макартур дал указание группе американских юристов административного отдела ШОВ (под руководством К. Уитни, одного из наиболее близких и доверенных советников генерала по политическим вопросам) подготовить новый проект конституции на основе его кратких письменных рекомендаций, включая положение об отказе от войны как суверенного права нации. 10 февраля проект был готов, 12-го утвержден генералом и 13 февраля передан представителям японского правительства. При этом Уитни дал понять, что у японского правительства и императора нет другого выхода, как принять его, в противном случае оккупационным властям будет сложно гарантировать благополучную судьбу императора, которого значительная часть общества и некоторые союзные державы требовали признать военным преступником.

Следует заметить, что оккупационные власти не пытались принудительно имплантировать в Японию западные стереотипы общественного устройства. По свидетельству Ёсида, они выслу-

шивали японских экспертов и официальных лиц и во многих случаях принимали их предложения. Наибольшие споры вызвали положения об отказе от войны и новом статусе императора. В ходе дискуссии Уитни настоял, чтобы «отказ от войны» был внесен в конституцию отдельной статьей, а не просто декларировался в преамбуле как один из общих принципов. После длительного и сложного процесса согласования проект конституции 22 февраля был одобрен императором и 6 марта официально обнародован.

Проект конституции был представлен общественности как созданный самостоятельно японским правительством. В июне 1946 г. одобренный тайным советом он был передан на рассмотрение парламента. Проект был поддержан премьер-министром Ёсида (хотя тот и считал, что основы демократии были заложены еще в Клятве императора Мэйдзи и Конституции 1889 г. и что только нарушение ее милитаристами привели Японию к унижительному поражению) и единодушно одобрен Дальневосточной комиссией. Поправки, внесенные в него, имели уточняющий редакционный характер, и 7 октября 1946 г. проект был утвержден парламентом. В ходе дебатов в парламенте премьер-министр убеждал оппонентов, что эта конституция не меняет национальную структуру Японии, что она – результат волеизъявления народа, который хочет жить по демократическим принципам¹¹.

В новом Основном законе можно было найти отзвуки конституции 1889 г., но в целом это был совершенно новый документ. Прежде всего потому, что утверждался принцип народовластия: «народ является носителем суверенной власти». При этом, как и в старой конституции, первая глава определяла статус императора, но принципиально по-иному: «император является символом государства и единства народа, его статус определяется волей всего народа, которому принадлежит суверенная власть». Таким образом в политической системе современной Японии были соединены институт феодального происхождения – монархия и главный постулат демократии – принадлежность суверенитета народу (принцип народного суверенитета).

Японская традиция отношения к императору, вылившаяся в приведенную конституционную формулировку, в принципе уже не требовала введения понятия главы государства. Согласно традиции, император всегда воспринимался как символ народа даже в период дуальной структуры власти «император-сёгун»¹². Такое

¹¹ Иноки Масамити. Хёдэн Ёсида Сигэру (Критическая биография Ёсида Сигэру). Токио, 1981. Т. 3, с. 191.

¹² См. подробнее: Молодякова Э. В. Историческая преемственность: император Сёва // Япония второй половины XX века. Проблемы и судьбы. М., 2003, с. 34–54.

восприятие имеет глубокие исторические корни. Ведь император всегда осуществлял важнейшие религиозные и государственные ритуалы, символизировал гармонию, и поэтому сохранялась его позиция как главы государства. Его власть базировалась на иррациональном, но чрезвычайно важном социальном аспекте национальной религии синто — культе предков. Таким образом, слово «символ» в новой конституции не было для японцев чем-то экстраординарным или привнесенным извне. Оно уходило корнями вглубь японской истории, поэтому император был императором только для японцев, но не для других народов, входивших в свое время в состав Японской империи.

Из всех политических реформ, закрепленных в конституции 1947 г., наибольшие, если не собственно политические, то моральные и духовные последствия имели положения ее первой главы — «Император». Поскольку отстранение императора от власти и уничтожение императорской системы не встретили бы поддержки ни у политической элиты, ни у народных масс, институт императора был сохранен, но конституция официально лишила его какой бы то ни было политической власти. Более того, законодательное отделение религии от государства (ст. 20) дополнительно лишало его государственной власти в духовной сфере, хотя император формально оставался первосвященником синто.

В конституции были четко определены все положения, касающиеся статуса императора. В частности, в статье 3 говорилось: «Все действия императора, относящиеся к делам государства, могут быть предприняты не иначе как с совета и одобрения Кабинета, и Кабинет несет за них ответственность», а в статье 4 указывалось: «Император осуществляет только такие действия, относящиеся к делам государства, которые предусмотрены настоящей Конституцией, и не наделен полномочиями, связанными с осуществлением государственной власти». При этом в Основном законе были определены все прерогативы императора — созыв парламента, роспуск палаты представителей и объявление всеобщих парламентских выборов, промульгация поправок к конституции, законов, договоров и правительственных указов, назначение премьер-министра, подтверждение назначения и отставок министров, а также полномочий дипломатических представителей Японии, назначение председателя верховного суда, подтверждение амнистии, пожалование наград, прием иностранных дипломатических представителей (ст. 7). Однако наделение императора этими функциями имеет формальный характер, поскольку его инициатива в их осуществлении не предусмотрена (целый ряд функций является всего лишь церемониальным).

Статус императора в новой конституции породил различные точки зрения на форму правления в стране при отсутствии ее определения в тексте. Наиболее распространено суждение о том, что современная Япония – парламентская монархия (по форме правления), поскольку имеется наследственный монарх (*тэнно*), а создание и функционирование правительства обусловлено доверием палаты представителей парламента. Существует также мнение, что в Японии по сути уже нет монархии и что это – республика с монархическими атрибутами, имеющими лишь формальное значение.

Главными положениями новой конституции стали гарантии обеспечения основных демократических прав и свобод и создание всеобъемлющего и дееспособного (впервые в истории Японии) механизма разделения властей.

В основу новой системы разделения властей был в целом положен американский принцип «сдержек и противовесов». Необходимо было покончить с диктатом исполнительной власти и с полной зависимостью от нее судебной. В конституции глава «Парламент» предшествовала главе «Кабинет» – в соответствии с общепринятым порядком перечисления ветвей власти. Парламент, состоящий из двух палат – палаты представителей и палаты советников, был провозглашен «высшим органом государственной власти и единственным законодательным органом государства» (ст. 41). Парламент и кабинет министров получили равные права в отношении законодательной инициативы, кроме вопроса о бюджете, разработка которого является исключительной прерогативой кабинета.

Система «сдержек и противовесов» ясно видна в характере взаимоотношений правительства и парламента как высших органов двух ветвей власти. Кстати, правительство «высшим органом» исполнительной власти в тексте конституции прямо не называется; сказано лишь, что «исполнительная власть осуществляется кабинетом» (ст. 65). «Премьер-министр выдвигается резолюцией парламента из числа членов парламента». т. е. главой исполнительной власти автоматически становится лидер большинства (партии или коалиции) в высшем законодательном органе (ст. 67). В конституции также сказано, что «кабинет при осуществлении исполнительной власти несет коллективную ответственность перед парламентом» (ст. 66). Это – важнейшая новация по сравнению с законодательством эпохи Мэйдзи, когда вся вертикаль исполнительной власти подчинялась императору и несла перед ним ответственность.

В то же время исполнительная власть получила по конституции достаточно действенное средство контроля над парламентом.

Кабинет наделен правом решать вопрос о роспуске и созыве палаты представителей, играющей главную роль в работе парламента (ст. 54); в случае вынесения вотума недоверия правительству кабинет (т. е. фактически премьер-министр) может распустить палату представителей и назначить новые выборы, если примет решение не уходить в отставку (ст. 69).

Поэтому история политической власти в послевоенной Японии — это история борьбы партий за доминирование как в законодательной, так и в исполнительной власти, поскольку только в этом случае возможно реальное использование властью всех предоставляемых ей полномочий.

По конституции 1947 г., судебная власть стала действительно независимой и равноправной с законодательной и исполнительной, хотя, может быть, и не равнозначной. Вся полнота судебной власти принадлежит Верховному суду (ст. 76). Однако «назначение судей Верховного суда подлежит пересмотру народом при проведении первых после данного назначения всеобщих выборов в палату представителей и повторному пересмотру при проведении первых выборов в палату представителей по прошествии десяти лет» (ст. 79). Если большинство избирателей высказывается за смещение того или иного судьи, он лишается своего поста.

Исключительной прерогативой Верховного суда считается осуществление конституционного надзора: он является «судом высшей инстанции, полномочным решать вопрос о конституционности любого закона, приказа, предписания или другого официального акта» (ст. 81). Это дает судебной власти определенную возможность контролировать и парламент, и правительство, однако на практике три ветви власти выступают заодно и проводят, по существу, единую политику.

Таким образом, конституция 1947 г. создала все необходимые условия для того, чтобы парламент и правительство, а вслед за ними и прочие органы законодательной и исполнительной власти на соответствующих уровнях превратились, по сути, в единую устойчивую, динамическую и работоспособную систему, исключаящую верховенство или преобладание одной из ветвей власти. В целом на протяжении вот уже почти полувека закрепленная в конституции система разделения властей успешно действует, соответствуя политическим реалиям.

Демократические тенденции содержатся также в разделе «Права и обязанности народа» (ст. 10–40), где торжественно заявляется, что «народ беспрепятственно пользуется всеми основными правами человека», что право людей «на жизнь, свободу и стрем-

ление к счастью должно являться... высшим предметом заботы в области законодательства и других государственных дел».

Конституция провозгласила равенство всех людей перед законом и запретила политическую, экономическую и социальную дискриминацию по мотивам расы, религии, пола, социального положения и происхождения. Были провозглашены принципы подлинно всеобщего избирательного права, введен институт избираемых населением муниципальных собраний. Кроме того, были определены гарантии соблюдения декларируемых гражданских прав и свобод: свободу мысли и совести, свободу собраний, слова, печати и «всех иных форм выражения мнений», свободу научной деятельности, а также «право трудящихся на создание организаций, коллективные переговоры, прочие коллективные действия» (ст. 28).

Наиболее значимой в конституции является 9 статья, которая поистине представляет собой законодательное новшество мирового значения и потому привлекает всеобщее внимание как в Японии, так и за рубежом. Согласно этой статье, «японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров». Сразу же после принятия конституции националистически настроенная часть общества яростно выступила против нее и особенно 9 статьи, заявляя, что конституция представляет собой не что иное как «писанину двух евреев из Штаба оккупационной армии». История появления 9 статьи конституции до сих пор неясна. По одним свидетельствам, в частности Ёсида, это была инициатива Макарура, по словам же самого Макарура – премьера Сидэхара.

Стоит обратить внимание на то, что Основной закон 1947 г. был принят прежними органами власти при формальном соблюдении процедур, установленных конституцией 1889 г. Кроме того, его разработчики сочетали достижения демократии передовых на то время стран мира с национальными традициями, сохранением привычных для японцев форм государственного устройства. Таким образом, несмотря на то что в составлении проекта конституции важную роль играли американские эксперты, новая конституция в целом учитывала японскую традицию парламентской демократии и в большей степени была ориентирована на английскую модель конституционной монархии. Как известно, монарх в Великобритании продолжал оставаться главой государства, но постепенно превращался лишь в номинальную главу исполнительной власти. Это привело к «отчуждению» короля от кабинета, что способствовало сосредоточению функций по руководству

кабинетом в руках премьер-министра. Правительство стало действовать от имени «Его Величества», но фактически самостоятельно.

После принятия новой конституции с целью приведения текущего законодательства в соответствие с ее положениями резко активизировалось законотворчество. Особенно сильно было демократизировано конституционное право. Закон о парламенте утверждал верховенство парламента, приоритет палаты представителей, самостоятельность палат, личные гарантии депутатов и пр. Пересмотренный закон о выборах в палату представителей допускал женщин к управлению государством, снижал возрастной ценз, смягчал ограничения на проведение избирательной кампании. Закон о выборах на публичные должности детально определял нормы проведения избирательных кампаний и процедуру выборов. Впервые в стране был создан институт выборного местного самоуправления, для чего была разработана целая серия законопроектов.

Продолжением конституционной реформы стали изменения, внесенные в Гражданский кодекс и юридическую систему. Наряду с принятием новых законов сохранялись (с изменениями или без них) некоторые довоенные. В частности, в обновленном виде продолжают действовать Гражданский кодекс 1898 г. и Уголовный кодекс 1907 г. В области гражданского права были полностью пересмотрены части Гражданского кодекса, посвященные семейному и наследственному праву. Например, был провозглашен принцип уважения личности и равенства полов. Изменения в области уголовного права состояли больше в отмене старых законов, нежели принятии новых. Была, в частности, отменена серия репрессивных актов, были усилены наказания за злоупотребление властью.

Практически заново было разработано трудовое законодательство с принятием законов о профсоюзах (1945), о трудовых отношениях (1946), о трудовых стандартах (1947), а также о страховании и компенсации при несчастных случаях (1947), об обеспечении занятости и страховании по безработице (1947). В соответствии с этими законами впервые в стране были установлены 8-часовой рабочий день (до войны он достигал на ряде предприятий 14–18 часов, а во время войны был практически неограничен) и 6-дневный оплаченный отпуск (при наличии годового стажа работы). Наниматель обязывался оплачивать сверхурочную работу в размере 25-процентной надбавки к заработной плате, отвечать за охрану труда, за санитарно-гигиенические условия на производстве, за профессиональное обучение. Рабочие получили право на забастовки, на страхование по безработице, на компенсацию при несчастных случаях.

Международный военный трибунал для Дальнего Востока

3 мая 1946 г. в Токио начал работу Международный военный трибунал для Дальнего Востока (МВТДВ), судивший главных японских военных преступников. Его иногда называют вторым или Дальневосточным Нюрнбергом. Он был образован в январе 1946 г. из представителей 11 стран: СССР, США, Великобритании, Китая, Франции, Австралии, Канады, Новой Зеландии, Голландии, Индии и Филиппин. И обвинители и члены трибунала представляли страны, находившиеся в состоянии войны с Японией и одержавшие над ней победу. Отсутствовали представители большинства бывших колоний, нейтральных стран и самой Японии. Среди судей не было единства мнений, о чем может свидетельствовать хотя бы тот факт, что индийский судья Р. Пэл подал пространное «особое мнение» (более 1200 страниц машинописи), в котором детально и аргументированно оспорил не только конкретные детали, но и саму правомочность трибунала и концепцию приговора. К нему присоединился французский судья А. Бернар, заявивший: «Вердикт, вынесенный Трибуналом в результате незаконной процедуры, не может быть правомочным». Он же жаловался на то, что подготовка решений от имени судей велась уже изначально с ориентацией на мнение оформившегося неофициального большинства, а точкой зрения остальных даже не интересовались.

Перед судом предстали 28 человек. Всех подсудимых можно разделить на несколько условных категорий. Бывшие премьер-министры – Тодзио Хидэки, Хирота Коки, Хиранума Киитиро, Койсо Куниаки. К этой группе отвечавших за общее руководство можно отнести и маркиза Кидо Коити. Дипломаты – бывшие министры иностранных дел Мацуока Ёсукэ, Того Сигэнори, Сигэмицу Мамору, бывшие послы – Осима Хироси и Сиратори Тосио. Военные руководители – бывшие военные и морские министры, начальники генеральных штабов армии и флота, командующие армиями и группами армий в различных регионах, всего 13 человек. Бюрократы из администрации военного времени – Хосино Наоки, Кая Окинори, Судзуки Тэйити. Деятели националистического движения и участники офицерских заговоров 1930-х годов – Окава Сюзэй и Хасимото Кингоро.

Следует отметить, что далеко не все главные военные преступники Японии были посажены на скамью подсудимых. На процессе бросалось в глаза отсутствие многих значимых фигур, место

на котором им было уготовано по должности. Некоторые из числа военных предпочли добровольную смерть унижениям плена и суда. Неудачную попытку самоубийства совершил при аресте и ставший затем преступником номер один Тодзио. Несколько потенциальных подсудимых умерли еще во время войны или до начала процесса. Формирование списка военных преступников на Токийском процессе проходило в условиях начинавшейся холодной войны и несло на себе отпечаток противостояния между СССР и США. Безусловно, доминировало влияние последних, но и они вынуждены были идти на определенные уступки. Намечавшиеся, например, в свидетели обвинения Сигэмицу Мамору и бывший командующий Квантунской армии под давлением советской стороны были включены в список только в апреле 1946 г. И, возможно, по этой же причине не попал в него известный своими прорусскими симпатиями адмирал Ёнаи Мицумаса. Но поскольку число подсудимых было оставлено прежним, из списка были исключены генералы Абэ Нобуюки и Мадзаки Дзинсабуро.

Первоначально обвинительное заключение содержало 55 статей, из которых до приговора дошло только 10, от остальных обвинению пришлось отказаться. Остались: 1-я статья — заговор против мира, 27-я — агрессия против Китая, 29-я — против США, 31-я — против Британского содружества, 32-я — против Нидерландов, 33-я — против Франции, 35-я и 36-я — агрессия против СССР на озере Хасан и на Халхин-Голе, 54-я — отдавание приказов или разрешение вести военные действия, 55-я — пренебрежение служебным долгом по предотвращению преступлений против обычаев войны.

Итоговый вердикт Трибунала вырабатывался в ходе достаточно острых разногласий. Конкретные приговоры утверждались простым большинством в ходе тайного голосования судей. Достоверно известно, как шло голосование по смертным приговорам, выносившимся большинством 7 против 4 (в случае Хирота — 6 против 5). Против всех смертных приговоров голосовали австралийский (председатель Трибунала), советский, индийский и французский судьи. Английский, китайский, филиппинский и новозеландский судьи голосовали за все смертные приговоры, в том числе и тем подсудимым, кому они в итоге не были утверждены. Обвинители и большинство судей искренне полагали, что руководствуются благородными намерениями покарать преступников и навсегда покончить с агрессивными войнами. Они выступали, естественно, не как частные лица, а как представители пославших их держав и сознавали ответственность своей высокой миссии. Советский судья генерал-майор юстиции И. М. Зарянов получал прямые указания от Политбюро, а фактически от

И. В. Сталина. Ему было предписано никакого «особого мнения» не подавать, публичного несогласия с вердиктами Трибунала не высказывать, но постараться включить в него как можно больше свидетельств об агрессивных намерениях и планах Японии против СССР, голосовать против всех смертных приговоров.

Продолжавшийся свыше двух с половиной лет Международный военный трибунал закончился в ноябре 1948 г. вынесением приговора по делу 25 главных японских военных преступников (категория А). К смертной казни через повешение были приговорены семь человек: Тодзио Хидэки, Итагаки Сэйсиро, Хирота Коки, Мацуи Иванэ, Доихара Кэндзи, Кимура Хэйтаро, Мута Акира. 16 подсудимых были приговорены к пожизненному заключению, Того Сигэнори к 20 годам, Сигэмицу Мамору к 7 годам лишения свободы. Ни один из подсудимых не был оправдан. Приговор над семью военными преступниками, осужденными на смертную казнь, был приведен в исполнение в ночь с 22 на 23 декабря 1948 г. во дворе тюрьмы Сугамо в Токио в присутствии членов Союзного Совета для Японии.

Токийский процесс, как и Нюрнбергский, имел скорее политический, чем юридический характер. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что подсудимые были объявлены военными преступниками не только до вынесения приговора, но даже и до предъявления им официального обвинения. Обвинению и защите на практике не были предоставлены равные права и возможности. При этом следует отметить, что американские адвокаты самоотверженно боролись за своих подзащитных, которых обвиняли по сути их коллеги и сослуживцы. Более того, обвиняемых судили в том числе и за преступления, которые не были классифицированы соответствующим образом на момент их свершения, то есть на основе неюридического принципа *ex post facto*, или «обратной силы закона». Кроме того, в основу концепции обвинения было положено понятие «заговора против мира», заимствованное из англосаксонского права и еще не получившего в то время международного признания. По этой статье из всех обвиняемых были оправданы только Мацуи и Сигэмицу. Теория «заговора» предполагает наличие единой группы заговорщиков, в то время как в японской политической элите не было единого определяющего начала, не было единого плана, ни какого бы то ни было единства мнений и позиций даже среди тех, кто оказался на скамье подсудимых. Создается впечатление, что все конфликтовали со всеми, но особенно отличалась в этом армия. Она боролась с флотом по вопросу об определении главного противника (СССР или США), главного направления экспансии («север» или «юг»), с диплома-

тами в отношении методов и форм экспансии, с министерством финансов, требуя постоянного увеличения военного бюджета. Да и в самой армии шла непрерывная фракционная борьба, не говоря о столкновении личных амбиций¹³.

Военные преступники группы А понесли наказание за «глобальные» преступления. А за совершенные в годы войны в Китае, а затем и во всей Азии «преступления против обычаев войны» отвечать должны были конкретные организаторы и исполнители (категории В и С). В ходе так называемых «малых» процессов в Сингапуре, Маниле, Гонконге, на острове Гуам, в Иокогаме по делам о военных преступлениях было казнено свыше 1000 человек. В Советском Союзе в 1949 г. состоялся Хабаровский судебный процесс над бывшими японскими военными служащими, которых обвиняли в подготовке и применении бактериологического оружия.

Послевоенные системные реформы

Послевоенные реформы проводились в условиях оккупации страны. Но именно эти условия и сыграли позитивную роль в подготовке и проведении поистине революционных для Японии преобразований (вспомним реформы мэйдзийского периода!). Оккупационная администрация, привлекая экспертов – крупных американских специалистов различных областей народного хозяйства, – разработала конкретные мероприятия в соответствии со стратегическим направлением политики США в отношении поверженного соперника – демилитаризации и демократизации.

За этой глобальной стратегической целью, безусловно, стояло стремление уничтожить конкурента. Но именно жесткие действия оккупационных властей, которые могли позволить так безжалостно себя вести, ибо это была чужая страна, обеспечили радикализм реформ и проведение их в сжатые сроки. В первые послевоенные годы политическая стабилизация, столь необходимая для нормализации жизнедеятельности общества, также обеспечивалась не всегда демократическими методами. Но в конечном результате все это работало на достижение поставленных целей. Безусловно, любая оккупация не может быть абсолютным благом, ибо даже при всех позитивных последствиях она ущемляет чувство национальной гордости и сказывается на мироощущении народа¹⁴.

¹³ См. подробнее: Молодяков Василий. Подсудимые и победители. Токио, 1996.

¹⁴ Подробнее см.: Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. Японское общество: книга перемен. М., 1996.

Но, конечно, не только и не столько успехами демократических реформ японцы обязаны оккупационным властям. Отдавая должное политике оккупационных властей, Э. Рейшауэр писал: «Трансформацию послевоенной Японии нельзя рассматривать по преимуществу как результат внешнего воздействия. Опыт войны – провал имперских претензий и национальный крах, к которому привели эти амбиции, – в любых случаях заставил бы Японию двигаться в направлении, по которому она пошла в условиях оккупации. Она не смогла бы выжить экономически иначе, как на основе мирной внешней торговли. Парламентская демократия со всеми ее ошибками представляется единственной альтернативой несчастьям, которые принесло с собой авторитарное правление... Реформы оккупационных властей прошли успешно в значительной мере благодаря тому, что отвечали направлению, которым шла сама Япония»¹⁵.

Действительно, хотя толчком к проведению реформ послужило поражение в войне, предпосылки к ним были заложены уже в предшествующие годы, точно так же, как и в период Мэйдзи. Ведь естественный ход развития был полностью прерван милитаризацией страны лишь во второй половине тридцатых годов. А до этого постепенно расширялись избирательное право и социальные гарантии, сокращался рабочий день, появлялись рабочие и крестьянские организации, радикальные политические партии. В стране достаточно эффективно действовала административная система, были высокий уровень грамотности населения, хорошая организация производства, более чем полувековой опыт функционирования парламентских институтов.

Правительство, представлявшее политическую элиту, естественно, и само было бы вынуждено резко изменить политический и экономический курс ради сохранения своей власти. Но в условиях прежнего государственного строя оно никогда не сумело бы совершить столь радикальный поворот. В ходе преобразований осуществлялось разделение функций между оккупационными властями и японским правительством. Первые определяли содержание реформ, вторые проводили их в жизнь. Поэтому у населения не возникало чувства неприятия реформ как чего-то чужеродного, и это в значительной мере содействовало успеху их осуществления. Такое восприятие кардинальных перемен в обществе во многом шло в русле японской традиции – доминирования общественных интересов над личными и беспрекословного принятия решений государственной властью.

¹⁵ Reishauer E. O. The Japanese. Tokyo, 1977, p.109.

Развернувшееся сразу после поражения движение прогрессивной общественности за демилитаризацию и демократизацию также работало на реформы. Борьба велась в городе и в деревне, профсоюзными и крестьянскими организациями, левыми политическими партиями. Она была вызвана не только бедственным положением в стране, но и подавляемой долгие годы военно-полицейским режимом политической активностью населения. Борясь за свои права, трудящиеся в общей массе поддерживали подчас исключительно жесткие экономические мероприятия, которые тяжелым бременем ложились прежде всего на плечи широких слоев народа. Достаточно вспомнить «движение за сбережения в интересах спасения страны». Речь идет о денежных средствах рядовых японцев, которые они помещали в почтово-сберегательные кассы под сравнительно низкие проценты. С одной стороны, эта тяга к сбережениям была вынужденной, так как люди опасались за свое будущее в условиях нестабильности, но с другой — это был осознанный шаг — желание внести свой вклад в дело восстановления народного хозяйства. И поэтому подобное отношение для японцев было вполне оправданным.

Характерными чертами послевоенных реформ являются их комплексность и сжатые сроки проведения. Практически все основные преобразования были успешно реализованы за пять неполных лет, а новый тип землевладения был создан всего за два года. Все реформы были радикальными, имели антимонопольную, антиавторитарную, демократическую направленность. Они стали поворотным пунктом в истории страны и, несомненно, стоят в одном ряду с мэйдзийскими. Как и в то время, они явились результатом целенаправленной деятельности правящих кругов.

Еще до проведения основных экономических реформ правительства Сидэхара и сменившего его Ёсида предприняли ряд попыток стабилизировать экономическую ситуацию. В марте 1946 г. был принят закон «О чрезвычайных мерах в области экономики и финансов». В соответствии с ним предусматривалось замораживание вкладов в банках и других кредитных учреждениях, объявлялось об обмене старых денег на новые, и населению было предложено сдать все имеющиеся старые денежные знаки. Из этих денег определенная сумма выдавалась ежемесячно главе семьи и некоторые дополнительные выплаты на содержание членов семьи (один человек мог получить лишь 100 иен, неработающий глава семьи — 300 иен, члены семьи — по 100 иен). Трудящиеся получали строго фиксированную сумму выплат в месяц (зарплата не должна была превышать 500 иен), а заработанные сверх нее

денши поступали на замороженные текущие счета¹⁶. Инфляция была несколько приторможена, но уровень цен на черном рынке (который наполнялся товарами, передававшимися министерствами армии и флота местным властям втайне от оккупационных сил) продолжал подниматься, вследствие чего фиксированные цены регулярно пересматривались.

В августе 1946 г. по указанию оккупационных властей при кабинете министров были созданы Штаб экономической стабилизации во главе с премьер министром и Управление по регулированию цен. Штабу вменялось в обязанность составление общих государственных планов и программ в области производства и распределения товаров, потребления, рабочей силы, финансов, транспорта и пр. Характерно, что несмотря на приверженность к рыночному типу хозяйства, правительство в экономической политике использовало плановый подход и прибегало прежде всего к административным мерам регулирования — был установлен жесткий контроль за ценами на важнейшие потребительские и производственные товары, за распределением материальных и финансовых ресурсов, осуществлялось регулирование деятельности кредитных институтов, действовала система государственных лицензий, фиксированной зарплаты и т.п. Твердые цены на основные товары производственного назначения и тарифы на электроэнергию были ниже себестоимости и покрывались дотациями из бюджета. Одновременно был введен механизм изменения этих цен в соответствии с изменениями цен черного рынка; по мере улучшения положения номенклатура регулируемых цен сокращалась.

В основу экономического курса была положена активная политика поощрения производства, которая приняла форму «приоритетных производств». Самыми приоритетными стали угольная промышленность и металлургия, а также производство удобрений для сельского хозяйства и электроэнергетика. Приоритетными «второго ряда» были объявлены базовые материалы для промышленности (добыча железной руды, нефтепереработка и пр.) и сельского хозяйства, которые Япония не могла импортировать. По просьбе штаба экономической стабилизации оккупационные власти обеспечили срочный ввоз в страну мазута и коксующего угля, а также продовольствия. Производства, объявленные приоритетными, получали льготные кредиты через специально созданную Корпорацию финансирования восстановления.

¹⁶ Такэути Хироси. Сёва кэйдзай си (Экономическая история эпохи Сёва). Токио, 1990, с.107.

Система приоритетных производств стала первым шагом послевоенной промышленной политики. Следует заметить, что в указанных отраслях для государственной поддержки были выделены лишь определенные предприятия, которые действовали под жестким административным контролем. Кроме того, развитие приоритетных производств шло не в автономном режиме, а они все были взаимоувязаны¹⁷. Схема такой взаимоувязки была, например, следующая: получаемое из США топливо направлялось в первую очередь в металлургию, что вело к росту производства металла; последний шел прежде всего на производство угледобывающего оборудования, что способствовало повышению угледобычи; уголь направлялся в металлургию и т.д.

В целом, несмотря на то что первая попытка справиться с инфляцией полностью не удалась, а до восстановления промышленности было еще очень далеко, все эти мероприятия создавали определенную основу для начала проведения системных реформ.

Среди послевоенных преобразований трудно переоценить социально-экономическое значение земельной реформы. В деревне господствовала система помещичьего землевладения. Крупным и мелким помещикам принадлежала примерно половина всей обрабатываемой площади, большую часть которой они сдавали в аренду крестьянам мелкими участками, некоторые из них совсем не обрабатывали свои земли, а другие даже и не жили в деревне (так называемые отсутствующие помещики). Около 30% крестьян вообще не имели собственной земли. Арендная плата осуществлялась главным образом в натуральной форме и доходила до половины, иногда 60%, урожая. Помещики в большинстве своем не были заинтересованы в развитии отрасли и вкладывали денежные средства от арендных платежей в другие сферы экономики.

К концу войны сельское хозяйство находилось в состоянии коллапса, крестьянство было разорено войной, не хватало удобрений и других необходимых для сельскохозяйственного производства товаров, цены на них росли быстрее, чем на продукцию отрасли, а помещики часто пытались согнать арендаторов с земли и припрятывали рис, чтобы взвинтить цены на черном рынке.росло число арендных конфликтов.

Сразу же после окончания войны в министерстве сельского и лесного хозяйства был разработан закон о поправках к закону об упорядочении сельскохозяйственных земель (он получил название «первой земельной реформы»), который с рядом серьезных

¹⁷ Подробнее см.: Япония: лики страны в разные времена. М., 1994, с. 22–30. Японский опыт для российских реформ. М., 1997, вып. первый, с. 5–19.

поправок в пользу помещиков был принят парламентом в декабре 1945 г. и должен был войти в силу в марте 1946 г. Но эта реформа была отклонена как Штабом оккупационных войск, так и при обсуждении в Союзном Совете для Японии. Свои проскты выдвинули представители Советского Союза (наиболее радикальный, включающий конфискацию помещичьих земель) и Великобритании (согласованный с представителями ряда других стран, в том числе американцами), который и был принят для рекомендации японскому правительству.

В соответствии с этим проектом правительство Ёсида разработало законодательство о земельной реформе (так называемая вторая земельная реформа), которое вступило в силу в конце 1946 г. Оно состояло из двух законов: Закона об особых мерах по созданию хозяйств крестьян-собственников и Закона о поправках к Закону об упорядочении сельскохозяйственных земель. Они предусматривали выкуп государством у помещиков обрабатываемой земли сверх установленной нормы и последующую продажу ее крестьянам (приоритет на приобретение земли имели арендаторы данной площади). Цена за землю, покупаемую крестьянами, была сравнительно низкой (0,1 га стоил примерно столько же, сколько несколько килограммов риса в то время¹⁸), а инфляционный рост цен делал выкупные платежи легкодоступными для арендаторов. Кроме того, желающим предоставлялась рассрочка на 24 года из расчета 3,2% годовых. Некоторые японские историки считают, что фактически земля была конфискована у помещиков и распределена между арендаторами¹⁹.

У «отсутствующих» помещиков земля выкупалась полностью. Аналогичные меры применялись и к тем, кто хотя и жил в своих поместьях, но землю не обрабатывал, а целиком сдавал в аренду. «Обрабатывающим» помещикам, как и крестьянам, разрешалось иметь не более 3 га земли. По префектурам эта величина разнилась, на Хоккайдо, например, она составляла 12 га²⁰. Аренда земли разрешалась в пределах от 1 до 4 га (целью всех этих ограничений было недопущение возврата к крупному землевладению паразитического характера). Запрещалось взимание натуральной арендной платы и вводились ограничения на размеры денежной.

¹⁸ Оуги Цутому. Нихон сихонсюги то ногё мондай (Японский капитализм и проблемы сельского хозяйства). Токио, 1952, с. 268.

¹⁹ См., например: Japanese Capitalism since 1945. N.Y., 1989, p. 80.

²⁰ Хоккайдо начал осваиваться японцами лишь в конце XIX века. Наличие на острове обширных свободных земель, пригодных для обработки, и протекционистская политика правительства содействовали созданию там сравнительно крупных земельных владений.

Она не должна была превышать 25% стоимости урожая с затопляемых рисовых полей и 15% – с суходольных. Были введены налоговые льготы для тех, кто впервые стал собственником земли. Они имели право в первый год ограничить сумму платежей государству в пределах одной трети стоимости урожая. Практическое проведение реформы было возложено на выборные земельные комитеты, в состав которых входило 5 членов от арендаторов, 2 – от крестьян-собственников, 3 – от помещиков. В 1952 г. был принят Закон о сельскохозяйственной земле, в котором были отражены все вышеприведенные положения реформы.

Реформа была в основном завершена к 1949 г. и проходила достаточно спокойно, хотя наблюдались некоторые эксцессы. Всего в собственность крестьян перешло примерно 2 млн. га земли. Арендуемая площадь, достигавшая в 1947 г. 40% обрабатываемой, в 1950 г. составила менее 14%. Фактическая арендная плата была очень низкой: в 1947 г. она равнялась 0,3% стоимости урожая, в 1950 г. – 4%²¹. Таким образом в течение примерно двух лет была ликвидирована помещичья собственность на землю и создан слой мелких независимых фермеров. По своей радикальности, по мнению экспертов, эта реформа не имела аналогов в мировой практике. Реформа имела не только экономическое, но и политическое значение, ибо был упразднен класс помещиков.

Одновременно с реформой и в ее развитие был принят ряд законов и положений, способствующих улучшению положения крестьянства и прогрессу сельского хозяйства. Они касались создания на демократических началах сельскохозяйственных кооперативов (Закон о сельскохозяйственных кооперативах был представлен парламенту также в соответствии с директивой ШОВ, касавшейся земельной реформы), кредитования и субсидирования отрасли, улучшения возможностей получения крестьянами средств сельскохозяйственного производства, в первую очередь удобрений и сельскохозяйственных машин, создания производственной инфраструктуры, упорядочения сферы обращения сельскохозяйственной продукции, развития сельскохозяйственной науки и внедрения ее в практику, повышения доходов крестьянских хозяйств.

Все эти мероприятия вместе взятые создали благоприятные условия для развития сельского хозяйства. В условиях отсутствия рентных платежей у крестьян возникла заинтересованность осуществлять инвестиции в технические новшества, что привело к росту сельскохозяйственного производства и, прежде всего,

²¹ Такэути Хироси. Сёва кэйдзай си (Экономическая история эпохи Сёва). Токио, 1990, с. 99.

урожаев риса. Практически за два года был ликвидирован продовольственный кризис (а в начале 50-х годов уровень производства достиг довоенной отметки), положение в деревне стабилизировалось, она перестала быть источником социальных конфликтов и базой радикальных политических сил, правящая элита получила весьма устойчивый электорат. Действительность подтвердила слова Макарура, сказанные им в связи с принятием парламентом закона о второй земельной реформе: «Не может быть прочнее фундамента для здоровой и умеренной демократии и крепче бастиона против давления экстремистской философии»²².

Реформа благоприятно отразилась и на народном хозяйстве в целом: она способствовала расширению внутреннего рынка как на основе производственного, так и за счет роста личного потребления сельскохозяйственного производителя; содействовала также решению проблем пополнения рабочей силы для начавших развиваться промышленности и сферы услуг.

Земельная реформа начиналась (1946 г.) и заканчивалась (1949 г.) при правительстве Ёсида, симпатии которого были на стороне помещиков. Он считал, что деятельность большинства крупных землевладельцев имела скорее новаторский характер, чем феодальный, скорее патерналистский, чем эксплуататорский или паразитический (речь идет об «отсутствующих» помещиках, которых часто называли паразитическими). Обращаясь к своему министру сельского и лесного хозяйства, Ёсида говорил, что, будучи консерватором, не может принять эту реформу в принципе. Но эти слова выдавали скорее его эмоциональный настрой, ибо в то время помещики уже не играли серьезной роли в экономике и политике. И когда во время его третьего кабинета консерваторы приложили немало усилий, чтобы внести изменения в проводимые реформы, земельная не была затронута. Бюрократия и городская элита, которых представляла его партия, считали, что было бы неразумным лишать собственности крестьян, которые к тому же стали основой электората консерваторов.

Весьма высокую оценку заслуживают и мероприятия, касающиеся ликвидации *дзайбацу* – крупнейших монополистических объединений страны, замкнутых семейных концернов, которые играли ведущую роль в структуре японской экономики. Достаточно сказать, что только в руках четырех *дзайбацу* находилось 40% национального богатства Японии. Но и в этом случае, как и с земельной реформой, первый проект, представленный японским правительством в октябре 1945 г., был отвергнут государственным

²² Oriental Economist. 26.10.1946.

департаментом США. Он был подготовлен главой концерна Ясуда и вошел в историю как «план Ясуда». План предусматривал создание так называемой ликвидационной комиссии, которой должны были быть переданы все акции холдингов, их владельцы — получить облигации на эту сумму без права их продажи или залога в течение 10 лет, а высшие служащие — уйти со своих постов.

Для изучения этого вопроса в Японию была направлена миссия во главе с одним из руководителей антитрестовского департамента министерства юстиции профессором К. Эдвардсом, которая и подготовила осенью 1946 г. новый, более радикальный проект, предусматривающий ликвидацию всех холдингов, разукрупнение торговых домов, запрет на занятие руководящих постов в нескольких фирмах и пр. Государственный департамент представил его в Дальневосточную комиссию, в которой был составлен документ ДВК-230. Его положения оказались еще более жесткими: предлагалось, в частности, разукрупнить все отраслевые компании. Впоследствии эти условия были несколько смягчены во избежание развала японской экономики. В сентябре 1947 г. в списки предназначенных к роспуску вошли 83 холдинга и связанные с ними 4500 компаний. Торговые дома концернов Мицуи и Мицубиси — «Мицуи буссан» и «Мицубиси сёдзи» предлагалось разделить соответственно на 184 и 139 компаний; их служащим, начиная от начальника отдела и выше, запрещалось создавать новую компанию и двум служащим этого ранга не разрешалось служить в одной компании; 100 служащим более низких рангов запрещалось создавать новую компанию или работать вместе в одной фирме; не разрешалось использовать бренды «Мицуи буссан» и «Мицубиси сёдзи».

В соответствии с директивой Дальневосточной комиссии в апреле и декабре 1947 г. японский парламент принял два закона, составивших основу антимонопольного законодательства: о запрещении частных монополий и обеспечении честных и справедливых сделок и о ликвидации чрезмерной концентрации экономической мощи. Была создана ликвидационная комиссия, переименованная в существующую до сих пор комиссию по честным и справедливым сделкам.

В соответствии с этим законодательством головные держательские компании подлежали роспуску, а акции, принадлежащие семьям крупных концернов, — изъятию и последующей открытой продаже. Запрещалось создание в дальнейшем такого рода компаний, а также монополистических объединений, картелей и других организаций, которые могли препятствовать свободной конкуренции. Подобная мера была принята и в отношении

продажи по необоснованно высоким или низким ценам, а также занятия одним лицом руководящих должностей одновременно в нескольких фирмах. Слияние фирм или покупка одних компаний другими разрешались лишь с санкции комиссии по честным и справедливым сделкам. Межкорпоративная собственность ограничивалась 25% акций другой компании. Кредитно-финансовые институты (банки, страховые и доверительные компании) могли владеть лишь 5% акций промышленных и других компаний, а акции родственников им по характеру фирм запрещалось приобретать вообще. Наиболее крупные компании ведущих концернов подлежали разделению.

В декабре 1948 г. в связи с изменением американской политики директива 230 была отменена, и из первоначально предназначенных к расчленению 600 компаний осталось лишь 18, в том числе «Мицубиси дзюкогё» (машиностроительная) и «Ниппон сэйтэцу» (металлургическая) были разделены на 2–3 компании, а торговые дома, как и планировалось, соответственно на 184 и 139 фирм; из 83 холдингов, подлежащих роспуску, были распущены 42 и 26 их вновь созданных дочерних фирм. Акции концернов были распроданы: примерно три четверти их поступили в широкую продажу, часть была продана в рассрочку рабочим и служащим самих компаний. К 1949 г. почти 70% акций оказалось в собственности населения, что для довоенной Японии было абсолютно нехарактерно.

Хотя мероприятия по ликвидации монополий не имели столь радикального характера, как предполагалось, они с самого начала нанесли чувствительный удар по прежним концернам с их архаичной организацией. Лишь за два года была проведена крупнейшая операция по перераспределению прав собственности, была создана новая предпринимательская среда и новый тип корпораций, подконтрольных акционерам и рынку ценных бумаг, начался процесс образования современных финансовых групп, вступивших в соперничество друг с другом. В эти же годы были созданы новые экономические организации взамен распущенных: Ассоциация руководителей корпораций (Кэйдзай доюкай) – мозговой центр японского бизнеса, и Федерация экономических организаций (Кэйданрэн) – главный координирующий центр крупного капитала, Японская торгово-промышленная палата (Ниссё), Федерация организаций предпринимателей (Никкэйрэн)²³, влияющая на формирование государственной экономической и социальной политики. Эти объединения провозгласили своей целью пере-

²³ В 2002 г. Кэйданрэн и Никкэйрэн объединились в Нихон кэйданрэн.

строительству экономики и ее демократизацию. На первых порах они в известной степени заменили так называемые контролирующие ассоциации военного времени, осуществляя координационные функции среди субъектов национального хозяйства, затем начали играть важную роль в выработке стратегии и тактики экономического развития страны.

В дальнейшем жесткая конкурентная борьба положительно повлияла на накопление капитала и рост производительности труда. Наряду с другими факторами она привела к высоким темпам роста и до сих пор является одной из основ экономической структуры на всех уровнях предпринимательства.

Ряд упомянутых выше мероприятий правительства — административный контроль над ценами, система приоритетных производств, американская помощь и др. благотворно повлияли на оживление промышленности, но рост был все еще очень незначительным, требовалась серьезная структурная перестройка. Кроме того, большую угрозу представляла хроническая инфляция, которую подпитывало увеличение бюджетных расходов, вызванное прежде всего выплатой компенсаций по займам военного времени и субсидиями, направляемыми в промышленность. В Штабе экономической стабилизации начали разрабатывать среднесрочный план экономического восстановления. Решительных преобразований в связи с этим требовала сфера финансов и денежного обращения. Японские варианты плана сводились к постепенному оздоровлению денежного хозяйства путем привязки денежной эмиссии и либерализации цен к темпу восстановления промышленности, получения американской помощи и открытию доступа иностранному капиталу.

Американцы же считали необходимым действовать быстро. По рекомендации американских экспертов (в частности, миссий Дрейпера-Джонсона в марте-апреле 1948 г. и Янга в мае того же года) и по согласованию с государственным департаментом США Макартур в декабре 1948 г. предложил японскому правительству так называемые девять принципов программы стабилизации (скорейшее достижение сбалансированного бюджета путем обеспечения доходов и резкого снижения расходов; усиление сбора налогов и применение уголовных наказаний к неплательщикам налогов; обеспечение кредитами только тех предприятий, которые вносят вклад в дело восстановления экономики; выработка эффективной программы для стабилизации заработной платы; усиление и в случае необходимости расширение системы контроля над ценами; улучшение контроля над внешней торговлей и валютными расчетами, чтобы можно было передать эти функции

японским властям; улучшение действующей системы распределения с целью максимального развития экспорта; увеличение производства японских сырьевых и промышленных товаров; увеличение возможностей снабжения продовольствием). Осуществление программы экономической стабилизации было поручено американскому банкиру Дж. Доджу (автору проекта денежной реформы в Германии), который прибыл в Японию по поручению президента Трумэна в феврале 1949 г.

Эта программа получила название «линии Доджа» и предусматривала прежде всего жесткое сбалансирование бюджета на основе резкого сокращения всех видов государственных субсидий и ликвидации компенсационных выплат, а также установление единого обменного валютного курса. Над бюджетными расходами был установлен контроль Банка Японии. Часть государственных предприятий преобразовывалась в корпорации, не пользующиеся бюджетным финансированием. Было проведено сокращение численности работников государственных предприятий. Вместо государственных безвозмездных субсидий компании начали получать кредиты у частных банков (средства которым, однако, предоставлялись из государственной казны).

Иначе говоря, промышленность была поставлена под контроль рынка. Прекратилось регламентирование внутренней торговли. Частные компании получили право заниматься внешней торговлей при сохранении строгой системы квотирования импорта и получения валюты, так что отечественная промышленность была защищена. Кроме того, в бюджете появилась статья о субсидировании импорта продовольствия, сырья и полуфабрикатов, введен (в апреле 1949 г.) фиксированный курс иены (360 иен = 1 долл.), просуществовавший 22 года до 1971 г.

Выступая на пресс-конференции с изложением своей программы, Додж заявил: «Японская экономика сидит на бамбуковой лошади, две ноги которой не касаются земли. Одна — это американская помощь, вторая — система внутренних субсидий. Если эти ноги станут слишком длинными, то можно упасть и сломать голову»²⁴.

Как и по поводу других преобразований, японский премьер не был согласен с такими жесткими, по его мнению, мерами. Он неоднократно встречался с Доджем, убеждая последнего, что они нанесут серьезный вред стране. Додж в частных беседах даже говорил о попытках премьер-министра «саботировать» программу. Однако возглавляемое им правительство, и прежде всего новый министр финансов Икэда Хаято (будущий премьер-министр, зара-

²⁴ Цит. по: Такэути Хироси. Сёва кэйдзай си, с. 118.

ботавший политические дивиденды именно благодаря успешным результатам «линии Доджа»), в ту пору, по японским меркам, молодой человек, неукоснительно проводили программу стабилизации в жизнь. Отношение к политике Доджа в период ее провозглашения и после реализации довольно удачно выразил Миядзава Киити (будущий министр иностранных дел, министр финансов и премьер-министр): «Мы считали его ужасным стариканом, но через несколько лет все оказалось так, как он и предполагал»²⁵.

В 1949 же году была осуществлена налоговая реформа Шоупа, названная по имени его разработчика, профессора Колумбийского университета К. Шоупа. Реформа предусматривала введение прогрессивного налогообложения личных доходов при сокращении максимальной ставки с 80 до 55%; снижение необлагаемого минимума (что вызвало рост поступлений в бюджет и сбило ажиотажный спрос); налогов на имущество, юридических лиц и прибыль (максимальная фиксированная ставка налога на прибыль устанавливалась в 35%); введение системы резервных фондов, не подлежащих обложению; значительное сокращение налогового бремени в сельском хозяйстве. По рекомендации Шоупа в начале 50-х годов была проведена переоценка основных фондов, что увеличивало сумму амортизационных отчислений и способствовало накоплению капитала.

Процесс ломки системы контроля (резкое сокращение субсидирования, ограничение кредитов, подорожание импортных товаров в связи с введением единого валютного курса и ряд других мер, принятых в соответствии с программой экономической стабилизации) был весьма болезненным, особенно для широких масс трудящихся. Он привел вначале к некоторому снижению производства, сокращению общественных работ, замораживанию заработной платы и безработице, но одновременно эта «шоковая терапия» принесла свои плоды в деле восстановления экономики.

По мнению ряда исследователей, Японию «извлекла» из трясины экономического кризиса только война в Корее, начавшаяся в июне 1950 г. Конечно, американские «специальные заказы» (Япония производила ремонт военной техники, поставляла боеприпасы, бронемашины, грузовики и другое военное оборудование, ее флот участвовал в переброске американских войск и военного снаряжения на корейский фронт; только за 1951–1953 гг. валютные поступления превысили 2200 млн. долл.²⁶) сыграли очень большую роль, ускорив процесс, начавшийся с приня-

²⁵ Цит. по: Finn R.B. *Winners in Peace*. Berkeley, 1992, p. 222.

²⁶ Такэути Хироси. *Сёва кэйдзай си*. Токио, 1990, с. 131.

птем «линии Доджа», но именно она направила экономику по пути поступательного развития. Уже в 1949/50 фин. год денежная эмиссия была прекращена (-0,4%, в то время как за 1947/48 фин. год она равнялась 89%, за 1948/49 фин. год – 43%), бюджет стал оздешдефицированным, средний уровень потребительских цен снизился на 10% (хотя в предыдущие годы, наоборот, рос достаточно быстро), цены черного рынка упали примерно на 1/3 (соответственно на 32% на средства производства и 33% – потребления), рост заработной платы в промышленности составил в среднем 14%²⁷. В 1950 г. был создан Банк развития и появились первые технологические соглашения с иностранными фирмами в области электроэнергетики, угольной и сталелитейной промышленности, судостроения. Американские «специальные заказы» на военные нужды во время войны в Корее особенно положительно отразились на внешней торговле страны. Именно война в Корее еще теснее связала Японию с американской экономической и военной политикой и направила ее внешнюю торговлю в сторону США и Юго-Восточной Азии.

Кардинальной реформе было подвергнуто образование; она полностью изменила всю его систему, которая в целом продолжает действовать и в настоящее время. Ее основные принципы и цели, нашедшие отражение в принятых затем законах, были определены в Директиве № 74 ШОВ от 27 марта 1947 г. Американские эксперты пришли к выводу, что японское образование никоим образом непригодно для дальнейшего использования и подлежит коренному реформированию. По выражению английского ученого и дипломата Дж. Сэнсома, американцы полагали, что дать Японии новую систему образования так же просто, как портному – сшить костюм. Но японцы, как всегда, решали и эту проблему путем компромиссов, учитывали национальные традиции. Именно поэтому новые законы не отвергались населением. Но их постоянно корректировали. Это – Основной закон об образовании и Закон о школьном образовании, которые были приняты в 1947 г. Они, как и большинство других, с одной стороны, представляют собой тщательно проработанные документы, а с другой – оставляют свободу для их расширенного толкования.

В Основном законе об образовании отражены неизменные приоритеты японской системы образования. В ст. 1 говорится: «Целью образования является формирование гармонично развитой личности, приверженной правдолюбию и справедливости, уважающей

²⁷ Подробнее о послевоенных экономических реформах см.: Такэути Хироси. Сёва кэйдзай си, с. 93–122; Япония: лики страны в разные времена, с. 31–48; Нихон рэкиси. Кодза (История Японии. Лекции). Т. 11, с. 94–100.

индивидуальность и трудолюбие, обладающей чувством ответственности и независимости, которые необходимы строителям миролюбивого государства и общества»²⁸. Закон предусматривал бесплатное девятилетнее образование, провозглашал принципы равных возможностей и совместное обучение мальчиков и девочек, запрещал целенаправленную политическую агитацию. Он признавал важную миссию педагога, его ответственность перед обществом и определял его высокий статус, что соответствовало национальной традиции.

Закон о школьном образовании закреплял новую систему, которая была скопирована с американского образца. Учреждались начальные (6 лет обучения), средние первой (3 года) и второй ступени (3 года) школы, университеты, профессиональные училища, специальные школы для детей с физическими или умственными недостатками и детские сады. Право открывать школы признавалось за государством, органами местного самоуправления, а также за юридическими лицами, действующими в системе образования. В соответствии с этим существуют государственные, префектуральные (префектура – основная административная единица), муниципальные, а также частные школы. Реформа в сфере образования в значительной степени демократизировала содержание учебных программ, предоставила большую свободу преподавателям. В целом она имела эгалитарный характер.

Уточнения и внесение поправок в принятые в 1947 г. законы начались сразу же после обретения страной суверенитета. Это делалось потому, что американская модель не совсем отвечала японским условиям. Для выработки собственной политики в сфере образования, науки и культуры в 1952 г. был учрежден Центральный совет по образованию как совещательный орган при министерстве просвещения. По его рекомендации в 1956 г. выборные члены отделов образования на местах были заменены назначаемыми сверху. В структуру системы образования с началом периода высоких темпов экономического роста были введены пятигодичные технические колледжи с целью подготовки высококвалифицированных кадров. Их создание явилось своего рода ответом правительства на пожелания крупного бизнеса.

Осуществленная децентрализация управления образованием облегчила создание более широкой сети специализированных колледжей и институтов. Объективно это ускорило темпы подготовки кадров среднего звена, молодых специалистов для

²⁸ Компакуто роппо (Краткий свод законов). Токио, 1989, с. 235.

восстановления и развития промышленности, способствовало повышению квалификации работников, что было одним из условий технической реконструкции экономики. В дальнейшем в политике правящих кругов все более четко начало просматриваться стремление приспособить систему образования к общим задачам повышения качества рабочей силы в условиях быстрого прогресса науки и техники. Уже в 1950 г. доля продолжавших образование в полной средней школе достигла 43%, а в 1970 г. превысила 82%. Высокий уровень образованности японцев сыграл не последнюю роль в успешном экономическом развитии страны.

Первые коалиционные кабинеты и утверждение Ёсида во власти

Принятие новой конституции требовало создания новой власти. Выборы в парламент проводились в соответствии с принципом избрания депутатов относительным большинством по многомандатным избирательным округам. Такой порядок выборов способствовал формированию многопартийного парламента. Выборы по многомандатным округам затрудняли завоевание подавляющего большинства какой-либо одной партией и увеличивали шансы избрания кандидатов партий, имеющих опору в разных слоях общества. Накануне выборов в марте 1947 г. произошла перегруппировка политических сил в лагере консерваторов. Была распущена Прогрессивная партия и создана Демократическая партия (ДП). Одновременно в результате слияния Кооперативно-демократической партии с Народной партией (НП) возникла новая партия — Народно-кооперативная партия (НКП).

Достаточно радикальная предвыборная программа социалистов (обещание вывести страну из экономического кризиса, покончить с инфляцией, поднять производство путем установления государственного контроля над основными отраслями промышленности и т.д.) обеспечила им убедительную победу на выборах в нижнюю палату парламента. За ее кандидатов было подано 26,3% голосов избирателей, что обеспечило ей 143 мандата. Либеральная партия получила 131 мандат, Демократическая — 124, Народно-кооперативная — 31, Коммунистическая — 4. Впервые в истории Японии на всеобщих выборах на первое место вышла партия, выступающая за социализм.

Несмотря на победу СПЯ, консервативные партии сохранили парламентское большинство, располагая 255 мандатами против 178, полученных социалистами и теми, кто мог выступить в их поддержку. При такой расстановке сил 24 мая 1947 г. формировать коалиционное правительство было поручено лидеру соцпартии Катаяма Тэцу. Но его кабинет просуществовал лишь до февраля 1948 г.

Окончив Токийский императорский университет, Катаяма, социалист по убеждениям, работал в христианском союзе молодежи, а затем в Японской федерации труда; был советником Всеяпонского крестьянского союза и активным участником социалистического движения; в 1946 г. стал генеральным секретарем СПЯ. На совещании генеральных секретарей Социалистической, Либеральной, Демократической и Народно-кооперативной партий было достигнуто четырехпартийное соглашение о политике правительства. Одоблив это соглашение, руководство Либеральной партии буквально в последнюю минуту заявило, что не будет участвовать в коалиционном правительстве и вообще сотрудничать с соцпартией, пока в ее рядах находятся левые социалисты. Очевидно, лидер либералов Ёсида не видел перспективы такой коалиции.

Не располагая большинством в парламенте, правительство социалиста Катаяма не могло осуществить заявленную перед выборами программу, чему не в малой степени способствовали острые разногласия в самой партии. Возлагавшие на это правительство большие надежды профсоюзы весьма быстро разочаровались в его способности решить экономические проблемы. Провал продовольственной политики, резкий скачок цен на продукты в августе 1947 г. усилили недовольство трудящихся. Отпуск 600 тыс. т продовольствия из американских резервов сверх установленного лимита лишь ненадолго отсрочил отставку кабинета Катаяма, которая состоялась 10 февраля 1948 г.

Несмотря на требование профсоюзов и других общественных организаций провести выборы, 10 марта 1948 г. был сформирован новый коалиционный кабинет во главе с демократом Асида Хитоси, ушедшим в отставку уже осенью 1948 г. Окончив Токийский императорский университет, Асида занимал ряд видных постов в министерстве иностранных дел, был депутатом парламента, редактором влиятельнейшей газеты на английском языке «The Japan Times» — рупора правительства для распространения информации за границей. В октябре 1945 г. вошел в состав первого послевоенного кабинета министров, в кабинете Катаяма Тэцу занимал пост министра иностранных

дел, принимал участие в создании Либеральной партии, а затем Демократической²⁹.

На этот раз ради участия в правительстве социалисты пошли на отказ от значительной части прежних требований. Это правительство взяло курс на решение экономических проблем посредством привлечения иностранного капитала и ухудшения положения грудящихся, что естественно привело к обострению стачечной и антиправительственной борьбы. Более того, правительство Асида в соответствии с директивой генерала Макартура приняло декрет 211, позже утвержденный парламентом, по которому государственные служащие лишались права на забастовки и заключение коллективных договоров (в 1952 г. такой же дискриминации подверглись муниципальные служащие). Изъятие из юрисдикции Закона о профсоюзах большого отряда трудящихся ослабляло политическую активность всего профсоюзного и рабочего движения. Поводом для отставки кабинета Асида послужило разоблачение фактов коррупции политиков и правительственных чиновников, незаконного получения ими пожертвований на партийную деятельность от компании «Сёва дэпко». В числе причастных к этим скандалам оказался и сам Асида, что привело к его отставке осенью 1948 г.

Участие соцпартии в коалиционных правительствах обострили внутрипартийные трения и привели к выходу из ее рядов группы диссидентов. В декабре 1948 г. они создали Рабоче-крестьянскую партию (РКП).

19 октября 1948 г. Ёсида сформировал второй кабинет. Но он тоже просуществовал всего несколько месяцев, поскольку правительству был объявлен вотум недоверия. Ёсида стал лидером Демократическо-либеральной партии (ДЛП), созданной еще в марте 1948 г. на базе Либеральной партии и группы Сидэхара из Демократической партии. Эта партия представляла интересы довольно широкого круга крупной и средней буржуазии, помещиков, зажиточной части крестьянства. Однако уже в декабре того же года Ёсида распускает палату представителей и назначает новые выборы, с которых и началось долговременное устойчивое пребывание консерваторов у власти.

Можно сказать, что на выборах в январе 1949 г. тотальную победу в своих масштабах одержали консерваторы и коммунисты.

²⁹ Можно сказать, что случайная встреча в Париже в начале 1917 г. сотрудника японского посольства Асида со старым знакомым по Токио нашим соотечественником С. Г. Елиссевым оказалась знаковой в судьбе будущего «отца» японоведения во Франции, США, Швеции и других странах. Асида предложил только что эмигрировавшему из России бедствующему молодому ученому работу в посольстве, и вскоре он уже начал большую научную и преподавательскую деятельность.

Демократическо-либеральная партия получила 264 места (против 152), а компартия 35 (против 4). Таким образом правящая партия завоевала устойчивое большинство. Тяжелое поражение потерпели социалисты, получив лишь 48 мест (вместо 144), а также демократическая партия – 69 (против 124). По итогам выборов Ёсида сформировал третий кабинет.

В своем заявлении в связи с формированием правительства Ёсида подчеркнул, что он будет «твердо и честно проводить в жизнь девять принципов экономической стабилизации и в то же время давать решительный отпор деятельности Коммунистической партии Японии»³⁰. Он признавал преимущество западного демократического устройства, но не стремился слепо копировать его. Как прагматик Ёсида предпочитал определять политический курс страны в контексте складывающейся международной ситуации, максимально используя ее в интересах Японии. В условиях обострявшейся советско-американской конфронтации Ёсида полностью встал на сторону США, рассчитывая использовать выгоды от тесного с ними сотрудничества для экономического возрождения страны – дела всей своей жизни.

Крупный для коммунистов успех на выборах сыграл с ними злую шутку. Они переоценили свое влияние на массы и призывали к борьбе за народно-демократическую власть, признавая ее непосредственной практической задачей дня. Лежавшая в основе стратегического курса партии формула «возможности мирной революции в условиях оккупации» абсолютно не соответствовала реальности. Например, после грандиозной демонстрации в Токио 30 мая 1950 г. любые народные выступления в столице вообще были запрещены. Именно в это время в соответствии с официальным решением правительства были проведены массовые увольнения коммунистов и им сочувствующих лиц, прежде всего в государственных учреждениях. Эта акция получила название «чистки красных».

В июле 1950 г. по инициативе реформистских профсоюзных лидеров и оккупационных властей был создан Генеральный совет профсоюзов Японии (далее Сохё), насчитывающий 2,8 млн. человек, или половину всех членов профсоюзов. Он стал главной силой численно преобладавшего в профсоюзном движении радикального крыла. Более половины его состава представляли профсоюзы работников государственных предприятий и учреждений, чьи конституционные права ущемлялись трудовым законодательством. Сохё опирался на союзы горняков и шахтеров,

³⁰ Синобу Сэйдзабуро. Гэндай сэйдзиси нэмпё (Хронология современной политической истории). Киото–Токио. 1960, с. 201.

имеющих опыт активной борьбы первых послевоенных лет. Инициаторы создания этого объединения полагали, что оно станет неким подобием американской Федерации труда, послушным проводником их политики. Однако Сохё ввиду его состава быстро перешел на радикальные позиции.

Выступая за всемерное развитие экономики Ёсида ставил целью становление ее мирных отраслей, что определило послевоенную модель развития страны в условиях демократии. Во внешней политике это нашло отражение в так называемой «экономической дипломатии». Но даже в этих условиях проблема перевооружения оставалась в поле зрения правительства и оккупационных властей.

Оппоненты Ёсида обвиняли его в ремилитаризации, но следует заметить, что темпы наращивания вооруженных сил были весьма умеренными, намного более низкими, чем того требовали США. Незадолго до корейской войны между японцами и американцами обсуждался вопрос о трех обязательствах, которые должна взять на себя Япония в условиях холодной войны: иметь американские базы на своей территории, развивать военную промышленность и осуществлять перевооружение. Ёсида возражал против последнего. Но американцы настаивали на создании японской армии, рассчитывая использовать ее в своих целях. Американских военных прельщали хорошо известные им по войне на Тихом океане высокие боевые качества японских солдат, дешифровщики их содержания и неприхотливость. Генерал Эйкельбергер говорил: «японец является самым дешевым солдатом в мире, к тому же он уже ветеран, его пища проста, его снаряжение может быть изготовлено в Японии... японские солдаты являются мечтой командира, они из тех солдат, которые удерживают позиции пока не умрут»³¹. Но правительство не торопилось с созданием вооруженных сил.

Однако начало корейской войны изменило ситуацию, и в стране появились полицейский резервный корпус (в июне 1950 г., в августе 1952 г. переименован в корпус национальной безопасности), силы которого приравнивались к четырем легким пехотным дивизиям (75 тыс. человек), корпус морской полиции (затем — морские силы безопасности) и руководящий орган — Управление национальной безопасности.

В дальнейшем премьер-министр всячески придерживал перевооружение, как его темпы, так и масштабы, хотя и не отрицал его необходимости, неоднократно повторяя, что отрицание войны не означает отрицания права на самооборону³².

³¹ Приводится по: Кутаков Л. Н. Внешняя политика и дипломатия Японии. М., 1964, с 275.

³² Подробнее см.: Finn R. B. *Winners in Peace*. Berkeley, 1992, p. 385–389.

Подготовка заключения мирного договора с Японией

Проблема мирного урегулирования отношений с Японией в той или иной степени постоянно находилась в поле зрения всех заинтересованных сторон. Советский Союз неизменно стоял за подписание с Японией справедливого мирного договора, обеспечивающего развитие страны по пути мира и демократии. Исходя из Потсдамского соглашения об учреждении Совета министров иностранных дел из представителей СССР, США, Великобритании и Китая, советское правительство считало, что подготовка договора должна быть возложена на этот Совет. По мнению советского правительства, при этом также должны быть учтены интересы государств, которые внесли свой вклад в дело общей победы над Японией и входили в состав Дальневосточной комиссии.

Соединенные Штаты, главный инициатор мирного договора, приложили максимум усилий, чтобы свести на нет участие в его подготовке Советского Союза. Они стремились обойти Совет министров, поскольку их не устраивал установленный там принцип единогласия. В июле 1947 г. они предложили созвать в августе того же года конференцию по составлению мирного договора с Японией из представителей 11 держав – участников Дальневосточной комиссии. Таким образом они хотели использовать механизм голосования, обеспечивающий выгодное для них решение. Не дожидаясь ответа СССР и не консультируясь с Англией и Китаем, США в одностороннем порядке начали подготовку мирной конференции. Советское правительство выразило несогласие с предложенным США порядком подготовки мирного договора. Другие же члены Дальневосточной комиссии под давлением США согласились с американской позицией, правда, с некоторыми несущественными оговорками.

Игнорируя позицию Советского Союза, американское правительство осенью 1949 г. решило заключить сепаратный договор с Японией. Премьер-министр Ёсида заявил, что одобряет заключение сепаратного мирного договора как предпосылку заключения всестороннего мирного договора. Уже летом 1950 г. вопрос о сепаратном мирном договоре перешел в стадию конкретной разработки, которой руководил видный деятель Республиканской партии, советник госдепартамента Джон Фостер Даллес. После начала войны в Корее американское правительство начало форсировать вопрос о мирном договоре, стремясь, во-первых, как можно скорее подключить Японию к своей стратегии на Дальнем

Востоке, во-вторых ослабить народное движение за вывод оккупационных войск и, в-третьих, сохранить американское военное присутствие, подведя юридическую базу. Таким образом суверенная Япония могла быть использована более эффективно.

В сентябре того же года правительство США без согласия других великих держав начало переговоры с представителями стран – членами Дальневосточной комиссии во время 5-й сессии ГА ООН. Вслед за этим США направили специальную миссию в Англию, Францию и ряд азиатских и тихоокеанских стран для проведения формальных консультаций по составлению мирного договора. Это была своего рода ширма для прикрытия по сути односторонних действий США.

Выработанные государственным департаментом США общие принципы мирного договора с Японией в виде специального меморандума правительства США в октябре 1950 г. были разосланы членам Дальневосточной комиссии. 26 октября 1950 г. этот меморандум был вручен Даллесом советскому представителю в Совете безопасности Я. А. Малику при их личной встрече, состоявшейся по просьбе американской стороны. В меморандуме особо был выделен вопрос об обеспечении безопасности Японии: «До того как ООН возьмет на себя ответственность за гарантию безопасности Японии... она не будет препятствовать размещению или сохранению на ее территории иностранных вооруженных сил в соответствии с каким-либо двусторонним или многосторонним соглашением, которое может быть заключено между одной или несколькими союзными державами, с одной стороны, и Японией – с другой»³³. Другими словами, американцы упорно проводили курс на сохранение своих баз на территории страны.

При том что участниками договора признавались все страны, воевавшие с Японией, подход к решению территориальной проблемы был дифференцированным. Признавалась независимость Кореи, опека ООН над островами Рюкю и Бонин с передачей в доверительное управление США, а решение вопроса о статусе Формозы (Тайваня), Пескадорских островов, Южного Сахалина и Курильских островов откладывалось на неопределенное будущее. И это несмотря на то, что вопрос о статусе этих территорий уже был решен на Каирской (1943) и Ялтинской (1945) конференциях. Меморандум предусматривал также присоединение Японии ко всем многосторонним международным договорам, в которых она участвовала до 1937 г., и принятие ее в члены ООН.

³³ Сирё. Сэнго нихон нидзю нэн си (Материалы по истории послевоенной Японии за 20 лет). Т. 6. Токио, 1967, с. 24.

В памятной записке по поводу меморандума советская сторона просила сделать ряд уточнений: о сроках вывода оккупационных войск, о судьбе американских военных баз, о перспективах воссоздания японских вооруженных сил; об участниках процесса выработки и подписания мирного договора с Японией; об окончательном решении проблемы о статусе вышеупомянутых территорий. Советская сторона предлагала также выяснить точку зрения КНР по вопросу о мирном договоре. Практически все поставленные вопросы Даллес оставил без ответа.

Под давлением Соединенных Штатов их верный союзник Великобритания сама отказалась от своих предложений по установлению ограничений на развитие судостроения и текстильной промышленности (где японская сторона была главным конкурентом Англии, но не США) и согласилась на отсутствие на мирной конференции представителя и КНР, и Гоминьдана (хотя КНР она и признала). Великобритания не знала о тайной договоренности американцев с японским правительством о том, что оно признает правительство Чан Кайши единственным правительством Китая и подпишет с ним мирный договор.

В нарушение международного права США проводили обсуждение международного договора по дипломатическим каналам и предполагали подписать идентичные двусторонние документы. Таким путем было легче давить на отдельные страны, не давая им возможности скоординировать свои усилия. Они изначально не желали проведения мирной конференции, опасаясь сложностей при переговорах с СССР. Даллес и его помощники колесили по миру, положив начало так называемой челночной дипломатии, использовали встречи в ООН. По словам Даллеса, эти двусторонние переговоры (середина сентября 1950 г. – август 1951 г.) по сути стали «11-месячной мирной конференцией».

Согласованный американо-английский проект мирного договора в июне 1951 г. был передан Советском Союзу. Эти же две страны в нарушение ранее достигнутых договоренностей выступили приглашающей стороной на международную мирную конференцию, хотя, конечно, ее состав определяли Соединенные Штаты.

Мирная конференция состоялась в Сан-Франциско 4–8 сентября 1951 г. В ней участвовали 52 страны, включая Японию, но не были приглашены представители Корейской народной демократической республики (КНДР), Монгольской народной республики (МНР), Демократической республики Вьетнам (ДРВ), а главное – Китая, ни КНР, ни Тайваня, что и явилось одним из серьезнейших камней преткновения между СССР и США. Крупные азиатские

государства Индия и Бирма, бывшие жертвами японской агрессии во время Второй мировой войны, отказались от участия в конференции из-за отсутствия китайского представителя. Как отметил премьер-министр Индии Неру, «эта конференция была созвана не для переговоров». Кроме того, правительство Бирмы полагало, что договор «дает возможность Японии уклониться от ответственности за выплату репараций», в чем были заинтересованы многие страны. Не участвовала в конференции и Югославия.

В то же время на нее были приглашены многие неазиатские страны, не участвовавшие в войне против Японии, все латиноамериканские страны, небольшие европейские государства, такие как Греция или Люксембург. Советский Союз, Польша и Чехословакия, хотя и были несогласны с составом участников, приняли участие в конференции, стремясь использовать ее трибуну для разоблачения американской политики. Кроме того, советское правительство не хотело, чтобы его отказ присутствовать на конференции был расценен как нежелание иметь нормальные отношения с Японией; и еще одно — надо было быть в курсе событий, о которых еще до конференции оно обещало уведомлять КНР. Решение Советского Союза участвовать в конференции вызвало панику у Даллеса, который опасался, что СССР своими непредсказуемыми действиями может сорвать подписание уже готового мирного договора с Японией.

Еще до начала работы конференции государственный департамент разработал правила процедуры, исключавшие возможность серьезного и делового обсуждения проекта договора. Этот документ был оглашен перед началом работы конференции на специально созванном совещании, куда не были приглашены представители СССР, Польши и Чехословакии. Советская делегация заявила протест против нарушения элементарных принципов проведения международных форумов.

Эта конференция была беспрецедентной как по масштабам, так и по характеру. По числу участников она была значительно больше, чем Парижская мирная конференция 1919 г. и Парижская мирная конференция 1946 г. Что касается характера, то она не предусматривала обсуждения основного документа или внесения каких-либо поправок, а лишь подписание готового текста. Проподя таким образом мирную конференцию, Соединенные Штаты как бы ставили широкоформатный спектакль.

Чрезвычайно короткий срок работы конференции (всего 5 дней, причем один день ушел на церемонию открытия и еще один на церемонию подписания) физически не давал возможность выступить представителям всех стран. Если бы они это сделали, то

оставшиеся три дня им пришлось бы работать по 18 часов. В такой ситуации некоторые произносили по одной фразе, как, например, представитель Ирака, заявивший, что «не будет комментировать предложенный проект мирного договора», и покинул трибуну, другие вообще отказались выступать. Сверхкороткий срок, отпущенный на конференцию, американская сторона объясняла просьбой администрации оперного театра (опера-хауз), в помещении которого проводилась конференция, освободить зал к 9 сентября, чтобы подготовить помещение к новому театральному сезону. No comment! В выступлении главы советской делегации А. А. Громыко были изложены принципы формулирования мирного договора на основе обеспечения гарантий демократизации общественной и политической жизни страны против возрождения милитаризма.

Вечером 7 сентября глава японской делегации Ёсида заявил: «Представленный конференции мирный договор не содержит каких-либо карательных или репрессивных положений. Он также не навязывает Японии каких-либо постоянных ограничений или бесправия. Этот договор полностью восстанавливает суверенитет, равенство и свободу и принимает ее в международное сообщество в качестве свободного и равноправного члена. Это не договор о возмездии, а инструмент умиротворения. В качестве полномочного представителя Японии я с радостью подписываю этот справедливый и великодушный договор». Не обошлось и без курьеза. Свиток с его речью был написан в соответствии с древней японской традицией на прекрасной рисовой бумаге. Невежественным американским журналистам не пришло ничего лучше в голову, чем сравнить его с рулоном туалетной бумаги.

Церемония подписания мирного договора с Японией состоялась 8 сентября. В алфавитном порядке его подписали представители 49 стран, среди которых было 21 латиноамериканское государство, 7 европейских и 7 африканских, последним поставил подпись представитель Японии. Представители СССР, Польши и Чехословакии на этой церемонии не присутствовали. На пресс-конференции, состоявшейся в тот же день, А. А. Громыко обосновал причины отказа Советского Союза от подписания договора тем, что его страна рассматривает этот договор как сепаратный. Мирный договор не прекращал состояние войны между Японией, с одной стороны, и Советским Союзом, Китаем, Индией, Бирмой и другими государствами, насчитывающими более миллиарда человек населения, — с другой.

На позицию Советского Союза в отношении участия в Сан-Францисском мирном процессе влияли несколько факторов.

СССР имел мало шансов на юридическое подтверждение прав на территориальные приобретения ввиду фактически полной изоляции социалистического лагеря на международной арене (в ООН, Дальневосточной комиссии) из-за его поддержки КНДР в корейской войне. Кроме того, ставка в то время была сделана на КНР как на главного стратегического партнера, который, как уже говорилось, не был приглашен на конференцию. Но такая позиция оставляла неурегулированным территориальный вопрос на долгий срок. Однако, оценивая этот шаг в реалиях того времени, нельзя считать его фатальной ошибкой.

Через несколько часов после официальной церемонии заключения Сан-Францисского мирного договора был подписан японо-американский «договор безопасности». Символизируя его военный характер, эта церемония состоялась в Сан-Францисском клубе сержантского состава американской армии. Государственный секретарь Д. Ачесон и С. Ёсида подписали этот договор и обменялись официальными письмами. Таким образом, конференция закончилась в полном соответствии с намеченным США планом.

Сан-Францисский мирный договор вступил в силу после его ратификации 28 апреля 1952 г. Условием ее стало заключение Японией в апреле 1952 г. мирного договора с правительством Чан Кайши и отказ от каких-либо взаимоотношений с КНР, а также подписание «административного соглашения», о чем речь ниже.

Сан-Францисская система договоров

Мирный договор с Японией представляет собой обширный документ, состоящий из 27 статей, распределенных по 7 главам³⁴. Главной его задачей было возвращение Японии в систему международных отношений и поэтому, естественно, в первой главе, озаглавленной «Мир», в статье 1 говорилось о прекращении состояния войны между Японией и каждой из Союзных держав. Под определение союзной державы попадали государства, находившиеся в войне с Японией, или любое государство, которое раньше составляло часть территории государства, перечень которых дан в статье 23, при условии, что в каждом случае такое государство подпишет и ратифицирует договор.

Важнейшим для всех заинтересованных сторон (в первую очередь Советского Союза, Китая и США) было решение территори-

³⁴ Текст мирного договора см.: История войны на Тихом океане. Т.V. М., 1958, с. 337–359.

альной проблемы на основе ранее достигнутых международных договоренностей. Во второй главе «Территория» в статье 2 Япония, признавая независимость Кореи, отказывалась от всех прав, правооснований и претензий на Корею, Формозу и Пескадорские острова, на Курильские острова и ту часть острова Сахалина и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому мирному договору от 5 сентября 1905 г.; а также на остров Спратли и Парасельские острова.

Именно эта статья породила впоследствии проблему территориального размежевания между СССР/Россией и Японией, поскольку не было упомянуто, кому переходят юридические права на Курильские острова и южную часть Сахалина. Таким образом Советский Союз не получил титула на владение этими территориями. Возникновению этой проблемы способствовал отказ Советского Союза подписать Сан-Францисский договор, что дало вполне законные основания Японии не признавать Ялтинских договоренностей, хотя в соответствии со статьей 8 главы четвертой «Политические и экономические постановления» Япония обязывалась признать «полную силу всех договоров, заключенных союзными державами в настоящее время или в будущем, для прекращения состояния войны, начатой 1 сентября 1939 г., а также любые другие соглашения Союзных держав, заключенные для восстановления мира или в связи с восстановлением мира». Но СССР в соответствии со статьей 25 не подпадал под приведенное выше определение «Союзной державы» и потому не получал каких-либо прав, правооснований или преимуществ, предоставляемых данным договором.

К проблеме урегулирования территориальных отношений с СССР/Россией имеет статья 26, в которой говорится: «С любым государством ... которое... не является стороной, подписавшей настоящий договор, Япония будет готова заключить двусторонний мирный договор на тех же или в основном на тех же условиях, которые предусмотрены в настоящем договоре, но это обязательство со стороны Японии истечет через три года после вступления в силу настоящего договора». Но СССР не использовал и этот шанс.

По Сан-Францисскому мирному договору позиция Японии по проблеме территориального размежевания не так уж бесспорна. Стоит под ним подпись Советского Союза или нет, но с юридической точки зрения Япония от них отказалась, т.е. Курилы ей не принадлежат. Она должна доказать, что четыре острова не Курилы, а это сделать очень трудно.

В статье 3 Япония соглашалась с любым предложением Соединенных Штатов и Организации Объединенных наций о передаче

под систему опеки ООН (с Соединенными Штатами в качестве управляющей власти) островов Нансэй Сёто, расположенных к югу от 29° северной широты (включая острова Рюкю и Дайто), Нампо Сёто к югу от Софу Ган (включая острова Бонин, остров Роккарио и острова Волкано) и островов Парес Вела и Маркус. До окончательного решения этого вопроса Соединенные Штаты получали право осуществлять над этими территориями всю административную, законодательную и судебную власть. Таким образом узаконивалась фактическая передача части исконной японской территории Соединенным Штатам, которые в полной мере исполняли свое право победителя.

Глава третья «Безопасность» определяла все обязанности, которые принимала на себя Япония в соответствии со статьей 2 Устава Организации Объединенных наций. В частности, Япония должна решать международные споры мирными средствами, оказывать ООН всемерную помощь во всех действиях. Союзные державы, со своей стороны, признавали за Японией как суверенным государством право на индивидуальную или коллективную самооборону, о которой говорится в статье 51 Устава ООН, и добровольное вступление в соглашения о коллективной безопасности.

В этой главе наибольший интерес представляет статья 6, в которой было четко записано, что «ничто... не должно воспрепятствовать размещению или сохранению иностранных вооруженных сил на японской территории в соответствии или вследствие каких-либо двусторонних или многосторонних соглашений, которые заключены или могут быть заключены между одной или несколькими союзными державами, с одной стороны, и Японией — с другой».

Последующие главы договора содержали статьи, касающиеся политических и экономических проблем послевоенного урегулирования и процедуры вступления договора в силу. В целом устанавливая не слишком тяжелый для Японии порядок разрешения разнообразных проблем, и в частности репарационных, договор открывал перед ней возможность для развития всесторонних отношений с большинством стран международного сообщества.

В то же время Сан-Францисский договор не решил многих проблем. В частности, с его заключением не было юридически прекращено состояние войны между Японией и рядом государств; признание полного суверенитета Японии имело в некоторой степени формальный характер, ибо на территории страны сохранялись иностранные военные базы.

Однако при всех своих недостатках Сан-Францисский мирный договор не имел характера военного пакта. В условиях конфронтационности США и Англия были вынуждены в известной мере

учитывать мнение Советского Союза, требования японского народа и мировой общественности. Но заключенный одновременно с ним двусторонний японо-американский «договор безопасности»³⁵ имел ярко выраженный военный характер и заложил основы военного союза между Японией и Америкой.

Американские разработчики мирного договора долго размышляли над тем, как совместить получаемый Японией полный суверенитет с положениями договора о сохранении американских баз и оккупационных войск на ее территории. По свидетельству американского исследователя Дж. Гюнтера, «никто так и не мог разработать формулу, позволявшую Соединенным Штатам уйти (из Японии) и в то же время обеспечить ее безопасность... а также безопасность для нас – Соединенных Штатов – на Дальнем Востоке»³⁶.

Выход из положения был найден заключением «договора безопасности». В его преамбуле говорилось, что Япония как суверенная страна, имеющая неотъемлемое право на индивидуальную и коллективную самооборону, желает, чтобы Соединенные Штаты Америки в течение определенного времени содержали вооруженные силы на ее территории для предотвращения вооруженного нападения. США согласились с этим, ожидая, однако, что постепенно Япония будет принимать на себя все большую ответственность за собственную оборону. В соответствии с этими общими договоренностями в статье 1 договора указывалось: «Япония предоставляет и Соединенные Штаты Америки принимают по вступлении в силу мирного договора и настоящего договора право размещать наземные, воздушные и морские силы в Японии и вблизи нее». Эти силы, говорилось далее, «могут быть использованы в целях содействия делу поддержания международного мира и безопасности на Дальнем Востоке». Предоставляя базы на своей территории, Япония становилась звеном в осуществлении стратегии США в этом регионе.

Обращало на себя внимание положение договора о том, что эти силы будут использованы не только для обеспечения безопасности Японии от вооруженного нападения извне, но и для подавления по просьбе японского правительства крупных внутренних бунтов и беспорядков в стране. Это свидетельствовало о том, что японское правительство не без оснований серьезно опасалось обострения внутривнутриполитической ситуации. Поддержка правящими кругами корейской войны и косвенное участие в ней, выступ-

³⁵ Текст договора см.: История войны на Тихом океане, с. 368–370.

³⁶ Приводится по: Кутаков Л. Н. Внешняя политика и дипломатия Японии. М., 1964, с. 265.

ления трудящихся за всесторонний мирный договор, за национальную безопасность способствовали разворачиванию в стране мощного движения за мир. Японский народ не только испытал все ужасы войны, но и пережил, единственный в мире, атомные бомбардировки. Поэтому в антивоенных выступлениях принимали участие самые различные слои населения, в том числе и творческая интеллигенция.

Положения статьи 2 договора запрещали Японии предоставлять без предварительного согласия Соединенных Штатов какие-либо базы или разрешать транзит через ее территорию вооруженных сил третьих стран, что лишало ее самостоятельности в определении военной политики, закрепляло на неопределенный срок главенство американской стороны над внешней политикой и тем самым существенно ограничивало суверенитет страны.

Статьей 3 договора предусматривалось определение конкретных условий регулирования размещения вооруженных сил США в Японии и вблизи нее административными соглашениями, заключенными двумя правительствами. Расплывчатая формулировка в статье 4 условий прекращения действия договора делало его срок практически неограниченным, и американские войска получали право бессрочно оставаться на территории страны.

«Административное соглашение»³⁷ (подписанное в январе 1952 г.) фактически являлось конкретным толкованием положений «договора безопасности». Поэтому американская сторона считала его не менее важным, чем сам «договор безопасности». В соответствии с ним США закрепили за собой право создавать военные базы в любом районе Японии, использовать любые порты и аэродромы, а японское правительство брало на себя удовлетворение потребностей американских вооруженных сил в рабочей силе, сырье, оборудовании и т.д. На основе вышеуказанных договоров Япония потеряла юрисдикцию над значительной частью площади своего архипелага. В стране даже появилось ходячее выражение: «американцы захватили у нас целый Сикоку» (один из четырех основных островов страны). Принятие «административного соглашения» обеспечивало американской стороне контроль над Японией не только в военной, но и в экономической области. Однако вследствие сопротивления японской стороны, как показали дальнейшие события, ей не удалось достичь своих целей в полной мере.

«Административное соглашение» делало американские базы своего рода «государством в государстве», изымая их из-под

³⁷ Текст соглашения см.: История войны на Тихом океане, с. 370–399.

юрисдикции японского правительства. Более того, ряд положений этого документа был сформулирован в довольно туманных выражениях, что позволяло США произвольно толковать их, добиваясь тем самым расширения предоставленных американским войскам прав и преимуществ. Занятие американскими вооруженными силами земли под свои базы и по сей день является постоянным источником недовольства населения. Линия борьбы против реквизиции земель под военные базы США протянулась от выступлений жителей деревни Утинада (преф. Исигава) в 1953 г. через десятилетия к протесту жителей острова Окинава в середине 1990-х годов.

Американским военнотружущим и их семьям предоставлялось право экстерриториальности и ряд других важных привилегий. По статье 17 «административного соглашения» американские власти и военные суды в Японии получили право осуществлять исключительную юрисдикцию в отношении своих военнотружущих. Однако рост антиамериканских настроений в стране и частые уголовные преступления, совершаемые американскими военнотружущими, вынудили японское правительство поднять вопрос об ее пересмотре. Новый текст этой статьи признавал в отношении военнотружущих и членов их семей как юрисдикцию США, так и юрисдикцию Японии. Другими словами, совершившие преступление могли быть наказаны как по законам США, так и Японии, хотя практика применения японских законов имела массу недочетов. Важность этого решения подтвердили дальнейшие события.

Боясь взрыва народного возмущения, правительство Ёсида в нарушение конституции страны не решилось даже внести «административное соглашение» на утверждение парламента, хотя оно по своему содержанию являлось договором, который подлежит обсуждению и ратификации парламентом.

Все три вышеупомянутых документа вступили в силу 28 апреля 1952 г. Органы военной администрации были ликвидированы, и государственное управление перешло в руки японских властей. Обычно невозмутимый премьер-министр Ёсида, выступая на пресс-конференции в Токио 28 апреля 1952 г., воскликнул: «Наконец-то мы свободны! Мы независимы! Япония теперь как равная и суверенная страна вступила в семью наций».

Ратификации принятых документов предшествовали острая политическая борьба и бурные дискуссии в обществе. Однако критики договоров не сумели преодолеть разногласия в собственной среде. Более того, Социалистическая партия раскололась на левую и правую. Движение за всесторонний мирный договор и

и защиту мира не сумело сплотить демократические силы в национальном масштабе. Общий результат голосования по этим договорам можно оценить как внушительный успех либеральной партии и правительства Ёсида.

С окончанием оккупационного периода снимались ограничения на внешнеполитическую и внешнеэкономическую деятельность Японии. Это безусловно способствовало оживлению как в области экономики (делались шаги по пути осуществления технической реконструкции и обновления основного капитала, Япония вступила в Международный валютный фонд), так и во внешней политике, которая способствовала развитию внешней торговли.

В то же время обострилась политическая борьба, прежде всего среди консерваторов: в самой Либеральной партии сложилась сильная фракция противников Ёсида во главе с Хатояма Итиро, его старого соперника. Борясь с оппозицией, Ёсида в августе 1952 г. распускает парламент. В октябре прошли новые выборы и был образован 4-й кабинет Ёсида.

Одновременно начались трения между Японией и США. Первой проблемой, в отношении которой в полной мере проявились японо-американские противоречия уже после обретения страной независимости, был вопрос о перевооружении страны. Во время Сан-Францисской мирной конференции и в течение следующих нескольких лет американцы безуспешно настаивали на масштабном перевооружении Японии, в частности на доведении численности сухопутных сил до 325–350 тыс. человек. Премьер шел очень осторожно навстречу американцам, полагая, что экономика не выдержит масштабного перевооружения, молодое поколение, пережившее оккупацию, что является шоком для любой страны, не стремится добровольно вступать в армию, а конституция запрещает введение воинской повинности. Но все же в июле 1954 г. был принят закон о создании сил самообороны на базе вышеупомянутых корпусов и о переименовании Управления национальной безопасности в Управление национальной обороны (УНО). В результате в конце «эры Ёсида», т.е. к концу 1954 г., в Японии были армия (силы самообороны), небольшой флот и началось создание военно-воздушных сил, численность военного персонала в целом составляла 180 тыс. человек. Но, конечно, подготовка кадров (большую роль в этом сыграли американские советники) и техническое оснащение были первоклассными

Однако главным в политике Ёсида в целом было экономическое развитие страны. Для защиты от иностранной конкуренции осуществлялась протекционная политика. На основе ранее принятых законов создавались препятствия чрезмерному проник-

новению иностранных товаров, и преимущество отдавалось импорту иностранной техники. Был установлен строгий валютно-лицензионный контроль над экспортно-импортными операциями, над всеми валютными поступлениями, составлялся валютный бюджет, лицензии выдавались только на приобретение машин и сырья. Другими словами, ограничивалось иностранное проникновение в Японию. В проведении этой политики рука об руку шли правительство (в 1949 г. было создано министерство внешней торговли и промышленности) и бизнес в лице своих крупных экономических организаций.

Либеральная партия во главе с Ёсида в целом ориентировалась на политический и экономический союз с Соединенными Штатами, рассчитывая на получение крупной помощи для развития экономики и проникновение на внешние рынки, прежде всего азиатские. Фракция же Хатояма и большая часть членов Прогрессивной партии, созданной в феврале 1952 г. на базе Народно-демократической партии, признавая важность для страны союза с США, одновременно поддерживали идею установления экономических связей со всеми странами, особенно с СССР.

Эти противоречия в лагере консерваторов отражали интересы различных финансово-промышленных кругов. В марте 1953 г. они привели к выражению вотума недоверия правительству. Внешним поводом к этому было вызывающее поведение Ёсиды в парламенте, обозвавшего дураком депутата от правой СПЯ. В ответ он распустил парламент, который пресса окрестила «дурацким». В день внесения вотума недоверия правительству фракция Хатояма вышла из Либеральной партии и создала так называемую либеральную партию Хатояма, которая на последующих выборах выступала самостоятельно, т.е. произошел открытый раскол в Либеральной партии.

Парламентские выборы 1953 г. отразили ослабление влияния всех консервативных партий и определенные успехи партий социал-демократической ориентации. Однако несмотря на все противоречия в консервативном лагере, Ёсида сумел добиться поддержки и в мае 1953 г. сформировал 5-й кабинет.

Отвечая на пожелание крупного бизнеса о консолидации всех консервативных сил, Ёсида весной 1954 г. безуспешно попытался объединить либеральную партию с прогрессивной под своим руководством. В деле создания новой партии инициатива перешла в руки либеральной партии Хатояма и значительной группы членов Прогрессивной. Главным их требованием было уход Ёсиды с политической арены, что в принципе было поддержано крупным капиталом.

Последний момент нахождения у власти Ёсида был омрачен тем, что так называемых политических пожертвованиях, что можно рассматривать как начало коррупционных скандалов. В одном из первых был замешан ведущий деятель Либеральной партии, член кабинета, будущий премьер-министр Сато Эйсаку.

В поябре 1954 г. усилиями сторонников Хатояма и Прогрессивной партией была создана новая Демократическая партия Японии. Руководящий состав новой партии поистине можно назвать «сверхзвездным». В него вошли несколько будущих премьер-министров: Хатояма Итиро (председатель), Киси Нобусукэ (генеральный секретарь), Исибаси Тандзан (советник), а также бывший премьер Асида Хитоси (советник); заместителем председателя стал Сигэмицу Мамору.

Программа партии отражала устремление ее лидеров к диверсификации внешнеполитических и внешнеэкономических связей. Эта партия впервые выразила идею о пересмотре японо-американского договора безопасности в сторону установления равноправных партнерских отношений. Против вновь образованной партии резко выступило руководство Либеральной партии, вопрос о пребывании которой у власти был предрешен. В декабре 1954 г., после вынесения вотума недоверия правительству, 5-й кабинет Ёсида подал в отставку. Так закончилось его семилетнее, рекордное для Японии, пребывание на посту премьер-министра.

10 декабря 1954 г. Хатояма Итиро сформировал кабинет, который просуществовал до выборов в декабре 1955 г. Министром иностранных дел в этом кабинете стал Сигэмицу Мамору. Правительство провозгласило политику восстановления независимости Японии, имея в виду ослабление политической и экономической зависимости от США, восстановление экономических позиций Японии в Азии и других районах мира. Большинство министров кабинета Хатояма не занимали официальных постов при оккупационном режиме. Исключение составлял Сигэмицу Мамору, который служил своего рода противовесом Хатояма. Тот самый Сигэмицу, который в качестве министра иностранных дел последнего кабинета военного времени 2 сентября 1945 г. от имени правительства подписал акт о капитуляции. Тот самый Сигэмицу, который, как уже говорилось, был объявлен военным преступником и, выйдя из тюрьмы, снова занялся политической деятельностью. Последние годы своей жизни (умер в 1957 г.) он опять находился в центре международных событий. Всю внешнеполитическую работу делали вместе Хатояма и Сигэмицу, хотя их подходы были зачастую различны.

Мирный договор, «договор безопасности», «административное соглашение» и подписанное в марте 1954 г. «соглашение о помощи в обеспечении взаимной обороны» между Японией и США (дававшее возможность держать под контролем использование Японией предоставляемой помощи), ратификация договора о дружбе, торговле и мореплавании (август 1954 г.) сформировали систему Сан-Францисских договоров. Она стала юридической основой японо-американского военно-политического союза. Специфической особенностью этого союза была его изначальная асимметричность, зародившаяся на неравноправной основе. Соединенные Штаты как несравненно более сильный партнер сохранили за собой ряд прав и привилегий, которыми располагали со времен оккупации.

Вместе с тем эти договора отменили многие ограничения, сковывавшие деятельность японского крупного бизнеса и правительства, на активную поддержку которых рассчитывали американцы. Бизнес, со своей стороны, надеялся использовать военно-политический союз с США для укрепления экономической мощи и положения на мировых рынках. А правительство с помощью американского партнера надеялось восстановить армию и оснастить ее современным оружием. Таким образом, военно-политический союз, сложившийся на базе трех рассмотренных документов, был выгоден обеим сторонам. Но это не снимало глубочайших противоречий между ними, которые становились все острее по мере того, как Япония набирала силы.

Возрождение духовной жизни

Любая война несет с собой хаос и упадок всех сторон жизни населения. В Японии, которая на протяжении всей истории не испытала вторжения чужестранцев на свои острова и познавшая ужас единственной в мире атомной бомбардировки, летом 1945 г. пережила вселенский шок. По замечательному определению писательницы Миямото Юрико, 15 августа 1945 г. (выступление императора по радио о капитуляции), в томительной тишине, охватившей всю страну, «история беззвучно пересворачивала свою большую страницу»³⁸. Произошел крах националистической милитаристской идеологии японизма с отказом от таких категорий, как божественное происхождение императора и его культ, уникальность японской нации, концепции *кокутай*.

³⁸ Миямото Ю. Равнина Бансю.// Японские повести. М., 1957, с. 120.

Почти полный отказ от прежних духовных идеалов создал своеобразный идеологический вакуум. Чувство растерянности оклонило в первую очередь интеллигенцию, которая старалась в острых дискуссиях о взаимоотношениях национального и западного найти выход из идейного тупика. Отрицание ультранационалистических принципов ассоциировалось с принятием всего западного, которое представлялось новым, прогрессивным и демократическим, в то время как традиционное японское – реакционным и устаревшим. До некоторой степени это было повторением пути, пройденного страной во второй половине XIX века. Однако в отличие от того времени население впервые столкнулось с носителями западной цивилизации у себя дома, которые прежде всего были представлены американской оккупационной армией. Контакты с иностранцами в таких условиях не могли не оказать в большинстве своем угнетающего воздействия на сознание японцев. В это время шел весьма мучительный процесс формирования системы новых основных мировоззренческих установок.

Духовная жизнь, как и все в стране в этот период, находилась под строгим контролем военной администрации США. При Штабе оккупационных войск было создано специальное Управление гражданской информации и просвещения, которое руководило всеми сферами культуры на основе его директив, инструкций и распоряжений. Прежде всего, под контроль была поставлена деятельность средств массовой информации. Цензуре подвергалось содержание корреспонденций, радиопередач, книг, пластинок, фильмов, пьес и даже рукописных текстов бродячих рассказчиков, которые выступали на улицах перед детьми, иллюстрируя свои рассказы показом картинок.

Уже в сентябре 1945 г. Управление издало Директиву «О направлении творческой деятельности в кино и театре». В ней были сформулированы основные принципы, которыми следовало руководствоваться деятелям этих видов искусств с тем, чтобы Япония вновь не стала угрозой миру и безопасности человечества и прочно встала на путь демократизации. Согласно Директиве к антидемократическим видам искусства был отнесен традиционный театр (кабуки, ноо, бунраку, дзёрури), поскольку в его репертуаре было много пьес, в которых воспевалась, по мнению чиновников ШОВ, феодальная идеология, неприемлемая в современном мире. Под запрет попал фактически весь репертуар традиционного театра. Одновременно предписывалось вводить новые пьесы, ежегодно обновляя репертуар на одну треть. Не обошла цензура и кинематографию. Все началось с запрета демонстрации старых

фильмов, которые, естественно, были проникнуты духом национализма, милитаризма, монархизма.

В то же время отмена многих ограничений милитаристских времен давала определенную свободу действий деятелям культуры и образования. Немаловажное значение в этом плане имели уже упоминавшиеся Директива ШОВ «Об отмене ограничений на политические, гражданские и религиозные свободы» и Директива «Об отмене государственного покровительства, сохранения, управления и распространения государственного синто». Таким образом, вводился полный запрет пропаганды и распространения милитаристской и ультранационалистической идеологии, которая находила отражение в доктринах, практике, ритуалах и церемониях синто. Однако борьба с государственным синто оказала очень плохую услугу самой национальной религии. Несмотря на непоследовательность и противоречивость оккупационной политики США, проводившиеся демократические преобразования создавали предпосылки для возрождения культурной жизни. Ликвидация прежней цензуры, а также резкое увеличение числа печатных изданий открыли новые возможности, прежде всего, перед японскими литераторами. Первыми выступили классики Нагаи Кафу, Танидзаки Дзюнъитиро, Сига Наоя, Исигава Тацудзо и другие. Продолжал плодотворно работать и будущий лауреат Нобелевской премии Кавабата Ясунари. Одновременно в литературу вошла группа молодых, еще не известных писателей (Нома Хироси, Сиина и другие). Эти писатели отказались от популярного жанра эгобеллетристики и привычных форм несколько натуралистического бытописательства. В своем творчестве они ставили вопрос о самоценности человеческой личности.

В это время в литературном мире сложились два писательских объединения — Общество новой японской литературы, которое объединяло участников довоенного пролетарского культурного движения, и Послевоенная группа, участники которой стремились к углубленному изображению личности, формированию «современного свободного человека». Наиболее яркими представителями первого были Миямото Юрико, расцвет творчества которой пришелся на эти годы, а также Токунага Сунао. С переводами их произведений на русский язык знаком отечественный читатель. Представители второй группы часто обращались в своем творчестве к теме войны, показывая ужас причиненных ею страданий. Им также была близка судьба маленького человека, обманутого ложными идеалами. Отличительной чертой участников Послевоенной группы было то, что ведущую роль играла не художественная, а критическая литература. Их интересовала

проблема соотношения искусства и политика, и они признавали полную независимость искусства от политики. Среди этих писателей у нас в стране известно творчество Нома Хироси.

Как это ни парадоксально, очень скоро национальный театр пережил своего рода ренессанс. Были сняты репертуарные ограничения и вновь появились постановки традиционных пьес. Более того, полностью был реабилитирован такой жанр, как *кэнгэки*, пьесы с театрализованным сражением на мечах. Интерес к национальной традиции очень ярко проявился в творчестве молодого тогда писателя и драматурга Киносита Дзюндзи, который широко использовал фольклор для написания своих пьес. Народные предания и сказки он воспринимал как отражение жизни народа, что и принесло успех его работам. Созданные в 1946–1949 гг. пьесы этого автора ставились театральными коллективами разных творческих направлений и жанров. Наиболее популярная из этих пьес «Журавлиные перья» до сих пор не сходит со сцен драматических и кукольных театров. Она была экранизирована и послужила основой одной из первых японских опер.

Послевоенная кинематография Японии началась с хроникально-документальных лент. Фильм о Хиросиме был снят спустя три недели после бомбардировки и назывался «Эффективность атомной бомбы». Эту двухчасовую ленту показали в штабе оккупационных войск и сразу же конфисковали. Весь отснятый материал вывезли в США. Японские кинематографисты сумели спрятать один полный смонтированный экземпляр этого уникального документа и сохранить его для истории.

В это время активно и очень плодотворно продолжали работать классик кинематографа Мидзогути Кэндзи и молодой Куросава Акира. Каждый по-своему был новатором. Мидзогути еще в 1920-е годы освободил кино от влияния средневекового театра и превратил его в традиционное отечественное кино. Куросава — новатор-разрушитель сломал установившийся канон японского экрана; он не только привнес в фильмы достижения современного кино, но и развил их. Могучий темперамент, бурная динамика, глубокое понимание языка современного киноискусства в его произведениях находились в резком контрасте с привычным течением художественной мысли в японском кино. Различен мир героев фильмов этих мастеров: у Мидзогути центральная фигура — женщина, у Куросава — сильные самураи. Очевидно, неслучайно ленты именно этих двух режиссеров получили первые международные награды.

Фильму Куросава «Расёмон» на Венецианском кинофестивале 1951 г. был вручен главный приз «Золотой лев Св. Марка»,

что стало значительным событием культурной жизни. Вскоре к нему прибавилась награда американской киноакадемии «Оскар». События ленты относились к далекому средневековью, но конфликты, психологические характеристики, философия оказались современными и актуальными, а старина условной. Фильм Мидзогути «Женщина Сайкаку» привез с Венецианского фестиваля 1952 г. «Серебряного льва Св. Марка». В 1954 г. на Каннском фестивале Гран-при получила лента одного из великих новаторов японского кино Кинугаса Тэйносукэ «Врата ада», которая в следующем 1955 г. была признана американской академией киноискусства лучшим иностранным фильмом и удостоена «Оскара». Жан Кокто назвал его едва ли не самым прекрасным фильмом в мире. Именно «Врата ада», японский вариант легенды о Тристане и Изольде, разворачивающейся в XIII в., считается высшим достижением Кинугаса. За свою 45-летнюю режиссерскую карьеру (1921–1966 гг.) он поставил свыше ста фильмов. Благодаря ему мир познакомился с совершенно неожиданной и изощренной визуальной культурой. Воплотить национальное цветовое видение мира он смог, используя впервые в Японии систему Eastman-colour.

Все это было международным признанием малоизвестной кинематографии. В стране оканчивался духовный разброд, и она обретала веру в собственное будущее, стремилась войти в мировое пространство. Важно было любое признание за рубежом, поскольку оно влекло за собой широкую популярность и на родине. С «Расёмон» началась блистательная актерская карьера Мифунэ Тосио, и на долгие годы сложился творческий тандем Куросава–Мифунэ. Актер играл в большинстве картин (16) режиссера. По словам Мифунэ, известностью во всем мире японское кино обязано главным образом картинам Куросава, а своей личной популярностью как актера на родине и за границей он также обязан этому режиссеру.

К началу 1950-х годов относится появление «независимого кино». Оно существовало за счет материальной помощи зрителей и сумело создать свою прокатную сеть, что обеспечило ему коммерческую независимость от крупных кинокомпаний. Уже в 1952 г. небольшая студия снимает фильм «Дети атомной бомбы» по сценарию Синдо Канэто, который стал позже известным режиссером. Уроженец Хиросимы – он в день бомбардировки потерял всю семью. Выполненный в стилистике документального кино фильм произвел огромное впечатление на японского зрителя, принес невиданный доход и обошел экраны многих стран. Творчество Имаи Тадаси, также работавшего в документально-

реалистическом стиле, заставило говорить о появлении японского нореализма.

Одновременно шла широкая экспансия на кинорынок страны американской кинопродукции, значительную часть которой составляли фильмы с откровенными любовными сценами. Японский зритель, абсолютно не привыкший к таким сюжетам, смотрел их не без интереса. Местные кинопромышленники, открывшие возможность хорошо заработать, очень быстро наладили выпуск своих «фильмов с поцелуями» и «фильмов с обнаженным телом».

Обстановка в стране благоприятствовала развитию киноиндустрии, которая в середине 1950-х выросла в наиболее масштабную в мире. Пять крупных компаний, так называемая «большая пятерка» («Дайэй», «Тоэй», «Никкацу», «Сётику», «Тохо»), выпускали в среднем более 500 полнометражных фильмов в год. Основная масса была коммерческими, развлекательными лентами.

Возрождение всех сфер духовной жизни шло на фоне проникновения американской культуры. В эти годы именно США воспринимались японцами как страна с высоким уровнем культуры, демократическими идеалами и свободами, которой надо подражать, у которой надо учиться. Вначале речь шла лишь о наглядно-примитивной пропаганде американского образа жизни. А затем по воздействию происходило уже на более высоком уровне – заимствование опыта в области образования, средств массовой информации, индустрии развлечений и пр., т.е. «догоняющая» модель развития проявлялась и в культурной сфере. Не без влияния американцев на телевидении, радио, в прессе, кино широко пропагандировались и воспринимались западные духовные ценности.

ПЕРИОД ВЫСОКИХ ТЕМПОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА (1955–1973)

Предпосылки и начальный этап быстрого экономического развития. – Условия создания политической «структуры 1955 г.» – Восстановление советско-японских отношений и внутриполитическая борьба в ЛДП. – Пересмотр японо-американского «договора безопасности» и внимание к Азии. – На пути превращения в одну из ведущих экономических держав. – Появление новых политических партий и образование новых профцентров. – Развитие американского и азиатского направления во внешней политике. – Нормализация отношений с КНР и кабинет Танака. – Выход в мировое культурное пространство.

Предпосылки и начальный этап быстрого экономического роста

Проведение жестких структурных реформ в области экономики заложило основы поступательного развития страны. Некоторый спад производства в 1949–1950 гг., о чем уже говорилось, а затем в 1953–1954 гг. после окончания войны в Корее и соответствующего свертывания военных заказов лишь ненадолго придержал этот рост. В целом экономическое положение постоянно улучшалось. В основе этого процесса лежала высокая норма накопления капитала (отношение суммы инвестиций в основной капитал к валовому национальному продукту (ВНП): в 1951–1955 гг. она составляла около 20%, в 1956–1960 гг. – около 26%¹. Обновление промышленного оборудования (путем роста инвестиций, покупки современной техники и технологий, а также патентов и лицензий), с одной стороны, и постепенное повышение уровня жиз-

¹ См.: Кёкумин сётоку токэй нэмпо (Статистический ежегодник национального дохода). Токио, 1966, с.134.

ни — с другой, начали создавать устойчивый спрос на внутреннем рынке на средства производства (как в городе, так и в деревне) и на предметы потребления. К 1955 г. был достигнут довоенный уровень промышленного производства; в области сельского хозяйства это произошло еще в самом начале 50-х годов.

Политика кабинетов Хатояма (декабрь 1954 — ноябрь 1956), в котором министром внешней торговли и промышленности был Исибаси Тандзан — поборник экономической экспансии Японии, а министерство финансов возглавил президент Банка Японии Итимага Наото, прозванный «отцом» финансового мира страны, была направлена на ослабление зависимости от США, на восстановление экономических позиций, прежде всего в странах Азии. В то же время большое внимание уделялось и вопросам перевооружения.

Развитие народного хозяйства, прежде всего промышленности, было обусловлено рядом факторов. Важную роль в стимулировании производства играло государство. Политика промышленной рационализации на основе Закона о форсировании рационализации была одной из составляющих государственных усилий по подъему экономики. Она предусматривала повышение эффективности производства и технического уровня промышленных компаний путем инвестиций в модернизацию оборудования, импорта современной техники и технологий, улучшение качества используемого сырья и материалов, осуществление модернизации всей системы управления, в том числе усовершенствование кадровой политики, системы оплаты труда, контроля за качеством продукции, а также реорганизацию межфирменных отношений.

Все это требовало серьезных инвестиций и усилий прежде всего со стороны частных компаний. Государство оказывало им большую помощь. Одна за другой появлялись программы рационализации отдельных отраслей промышленности и, соответственно, законы о чрезвычайных мерах по рационализации того или иного производства (стали, угля, сульфат-аммония и пр.). Доля государственных инвестиционных расходов в 1951–1955 гг. составляла 43%. В стране действовала программа займов и инвестиций, которая, по сути, представляла собой дополнительный бюджет страны, средства которого направлялись сугубо на инвестиции. Основными источниками осуществления этой программы был специальный счет Бюро доверительного фонда (образуемого из счет резервных средств почтово-сберегательных касс, пенсионных фондов, государственной системы страхования здоровья), специальный счет промышленных инвестиций (создан на основе «Эквивалентного фонда», в котором аккумулировались средства от реализации на внутреннем рынке так называемой помощи

США, осуществляемой в товарной форме) и др. Финансирование осуществлялось на льготной основе по специальным ставкам для приоритетных производств. Доля таких кредитов в 1954–1955 гг., например, Японского банка развития, превышала 80%.

Инвестиционная деятельность частных компаний стимулировалась, прежде всего, низким налогообложением, которое сыграло важную роль в накоплении капитала. В Японии налоговое бремя в целом было сравнительно невелико. Например, в первой половине 50-х годов поступления от налогов оценивались в 16,5% национального дохода (в США и Канаде – около 22%, в ФРГ – 24%, в Великобритании – 35,5%)².

Особо следует отметить систему ускоренной амортизации для технологически нового оборудования (приобретенного или произведенного), по которой разрешалось дополнительно списывать 50% стоимости оборудования равными долями в течение трех лет. В начале 50-х годов она касалась 431 вида машин и оборудования, в 1957 г. – 725 видов и к 1960 г. была распространена на 1432 вида оборудования, в том числе для мелких и средних предприятий.

Кроме того, в Японии действовала система беспошлинного ввоза новейшего оборудования в целях технического обновления промышленности. С 1954 г. она распространялась на 361 вид техники, но по мере осуществления программ рационализации этот список сокращался, и в 1960 г. осталось 150 видов. Для поощрения экспорта промышленной продукции (что было необходимо прежде всего для получения средств для все увеличивающегося импорта в связи с развитием производства) в стране была введена практика освобождения от налогообложения до 50% суммарной экспортной выручки, в 1955 г. эта доля уже составляла 80%, а с 1957 г. вводилась система пропорционального частичного освобождения от налога той части экспортной выручки, которая превышала больше чем на 50% сумму дохода от экспорта предыдущего года.

Нельзя не отметить неоднократное проведение переоценки активов. Речь шла о повышении их номинальной стоимости, улучшении структуры капитала и увеличении амортизационных отчислений. В 1957 г. эта практика начала действовать и в отношении мелких и средних предприятий. Определенный эффект дало также снижение ставки налога на юридических лиц в отношении целевых резервных фондов для проведения рационализации.

Но все преимущества в области льготного налогообложения, получения кредитов, импортных квот, тарифов и другие льготы

² Япония: Послевоенная государственная политика: вызовы и ответы. М., 1998, с. 66.

предоставлялись лишь так называемым выделенным производственным приоритетных отраслей. Одновременно за этими предприятиями был организован строгий государственный контроль: они должны были иметь определенные достижения по ряду показателей (объем производства, снижение издержек и пр.). Критериев «выделения» приоритетных производств было достаточно много: базовые отрасли, «узкие места» в промышленной структуре, импортзамещающие, ключевые экспортные, имеющие мультипликационный эффект, т.е. дающие стимул развитию других производств и т.д.

Серьезную лепту в развитие народного хозяйства внесло государство, финансируя (в основном через бюджеты местных органов власти) разного рода общественные работы по созданию производственной инфраструктуры — строительство портов, обустройство уже имеющихся, прокладку железных дорог и пр., что сокращало предприятиям издержки на обустройство инфраструктуры и приобретение земли и соответственно ускоряло процесс рационализации.

Развитию экономики способствовало и существование антимонопольного законодательства (хотя с течением времени допускались различные временные изъятия, в частности создание «депрессионных» или «рационализационных» картелей), которое содействовало развитию конкуренции и формированию нормального ценообразования. Стимулировало экономическое развитие и общественное движение за повышение производительности всех ресурсов (капитала, энергии, сырья, труда). В соответствии с программой технического сотрудничества с США в стране в 1955 г. был учрежден Японский центр производительности, функционирующий при поддержке правительства и деловых кругов. Основными принципами его деятельности были повышение производительности при увеличении занятости, сотрудничество работодателей и наемных работников, в том числе справедливое распределение между ними результатов повышения производительности. По этой программе для изучения иностранного опыта налаживания «человеческих отношений» начали выезжать группы японцев — наемных работников, управленцев, ученых, преподавателей; в Японию приезжали американские эксперты, которые проводили необходимые консультации и семинары, с 1958 г. этим занялись уже и японские специалисты.

К началу 1960-х годов практически не осталось ни одного предприятия, где бы не был внедрен принцип «человеческих отношений». Крупный бизнес полагает, что без человеческих отно-

шений невозможно поступательное развитие экономики. Эта концепция в Японии попала на весьма благоприятную почву, ибо на протяжении тысячелетий в жизни общества соблюдался один из важнейших этических принципов – *ва* (гармония, динамическое равновесие). *Ва* означает правильные отношения, способность поддерживать нечто в состоянии подвижного равновесия, уравнивать одно другим, что позволяет целому не распадаться; это дает возможность снимать конфликты, примирять враждующие стороны. Соблюдение принципа *ва* в японской политической культуре ведет к конформизму, подчиненности лидеру, что сказывалось, в частности, на характере трудовых отношений. Внимание к трудовым ресурсам стало важным правилом менеджмента в стране. Не случайно один из крупнейших предпринимателей послевоенной Японии Мацусита Коносукэ говорил: «“Мацусита дэнки” – это компания, которая создает людей. Кроме того, она выпускает электротовары»³.

Сам К. Мацусита из-за тяжелого материального положения семьи сумел получить лишь начальное образование, прошел тяжелые годы ученичества в магазине по продаже велосипедов, а в 14 лет принял первое самостоятельное решение, которое определило его дальнейшую жизнь. Он поступил на работу в компанию «Осака лайт», занимавшуюся проведением линий электропередач. В 19 лет он решил открыть свое собственное дело, располагая капиталом в 100 иен, что было эквивалентно его зарплате в компании. И с этого момента начинается история стремительного развития его фирмы. Начав с производства четырех видов продукции с 20-ю наемными работниками, к началу 1930-х годов фирма выпускала более 200 наименований, а к концу 1930-х годов на ней работало уже более 6,5 тыс. человек.

Пройдя через горнила первых послевоенных лет, занесение компании в черный список *дзайбацу*, «Мацусита» с 1950 г. вступила на путь, приведший ее к превращению в одного из крупнейших в мире производителей и экспортеров электробытовой техники и вошедшей в десятку самых известных фирм в Японии⁴. С именем «Мацусита» и «Сони» в мире ассоциируются блестящие экономические успехи Японии.

В начале 1955 г. был принят первый в Японии пятилетний план экономического развития на 1956–1960 гг. Его главной целью было достижение экономической самостоятельности и ликвида-

³ Цит. по: Лебедева И. П. Управление производством по-японски: Мацусита Коносукэ // Япония второй половины XX века. Проблемы и судьбы. М., 2003, с. 181.

⁴ Там же, с. 181–195.

нии безработицы. Со второй половины 1955 г. в стране начался экономический бум, названный по имени мифического основателя императорской династии Японии – Дзимму. Имена богов и событий, описанные в космогонических книгах, прочно вошли в жизнь Японии, художественную литературу, искусство, материалы прессы, рекламу. Правящие круги использовали древние сказания, являющиеся самым ярким воплощением народного духа и потому близкие народу, чтобы именно с ними ассоциировались успехи Японии. В данном случае вполне применимо образное высказывание К. Маркса, что люди «боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуя у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории»⁵.

В 1956 г. частные капиталовложения выросли на 59% против предыдущего года, ВВП – на 13%, промышленное производство – на 22%. Наиболее высокие темпы прироста были зафиксированы в машиностроении, текстильной, химической и энергетической отраслях, что предопределило постепенное изменение отраслевой структуры промышленности.

В то же время рост производства, естественно, вел за собой увеличение импорта техники, сырья и энергетических ресурсов (в подавляющем большинстве из США: свыше 80% угля, примерно 40% хлопка и фосфоритов и пр.; в 1957 г. американский экспорт в 2 с лишним раза превышал импорт японских товаров в США), что значительно ухудшило торговый баланс страны. Япония была вынуждена ограничить ввоз сырья из-за недостатка валюты. Кроме того, платежный спрос населения отставал (хотя заработная плата постепенно росла – за 1955–1961 гг. в среднем на 5%⁶) от темпов развития экономики. Это вызвало сокращение производства в ряде отраслей (текстильная промышленность, металлургия) и привело к замедлению темпов развития, сокращению рабочей силы и даже увольнению рабочих в металлургической, текстильной и угольной промышленности. Правительство Киси Нобусукэ (февраль 1957 – июль 1960) разработало «новый долгосрочный экономический план» на 1958–1962 гг., внося определенные коррективы в уже действующий. Основной целью нового плана был устойчивый рост производства, улучшение платежного баланса, сокращение ряда инвестиционных программ и повышение уров-

⁵ К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 8, с.119.

⁶ Japanese Capitalism since 1945. 1989.N.Y., p.54.

ния капиталовложений за счет внутренних ресурсов, а также обеспечение полной занятости.

В целом несмотря на спад 1957–1958 гг., прирост ВВП за 1955–1960 гг. составил 9,7%, промышленности – 16,1%, в том числе в машиностроении – 28,5%. Еще в 1956 г. по объему спущенных на воду судов Япония заняла первое место в мире (что дало большой мультипликационный эффект, поскольку эта отрасль является материало- и энергоемкой). В 1960 г. Япония вышла на четвертое место по производству стали и электроэнергии. По производству телевизоров и радиоприемников, синтетических смол и волокон – на второе⁷. А еще в 1954 г. Даллес высокомерно говорил Ёсида: «Япония не может рассчитывать на значительный американский рынок, ибо не производит товары, в которых мы заинтересованы». В это время Япония поставляла США лишь продукцию легкой промышленности – термометры, ленты для пишущих машинок, однодолларовые кофточки. Но в целом японские товары были еще редкостью на мировых рынках. «Приятной» неожиданностью для всего мира явилось в конце 50-х годов признание корпорации «Сони» одним из немногих изготовителей транзисторных приемников во всем капиталистическом мире. В 1960 г. была образована «Сони корпорэйшн ов Америка» – зримое выражение выхода на мировой рынок. Совсем недавно именитые коллеги по цеху («Телефункен» и «Филипс») и американские авторы идеи отнесли к первому созданному японцами маленькому транзисторному приемнику как к курьезу и не сочли достойным внимания такое производство. Новичку дали возможность закрепиться на рынке. Цена этой ошибки – становление мощной «Сони корпорэйшн»⁸.

Определенные положительные изменения наметились и в сельском хозяйстве. С 1955 г. благодаря внедрению высокоурожайных сортов и новых технологий началось устойчивое получение высоких урожаев риса, а также оснащение отрасли малогабаритной техникой собственного производства.

Экономическая дипломатия, начало которой было положено в эпоху Ёсиды, продолжала оставаться важным орудием укрепления связей со странами Юго-Восточной Азии. Главным средством проникновения Японии в этот регион служили репарационные платежи, выплата которых была предусмотрена Сан-Францисским договором. Нерешенная этим договором проблема нормализации отношений с рядом стран Азии, улажива-

⁷ Воспроизводство общественного продукта в Японии. М., 1970, с. 4, 20, 44.

⁸ См. подробнее: Акио Морита. Сделано в Японии. М., 1990 г.

ные проблемы репараций и обеспечение условий для широкого проникновения на рынки региона стали одним из важнейших направлений дипломатии кабинета Киси. Индонезия, Филиппины, Бирма требовали выплаты репараций (первые две страны по 8 млрд. долл., третья — 400 млн. долл.) в качестве компенсации за огромный ущерб, причиненный им во время войны Японией. Ганланд настаивал на возмещении убытка за выпуск в это время оккупационной валюты. Переговоры начались практически сразу после обретения Японией суверенитета, шли трудно, часто прерывались ввиду непомерных требований азиатских стран и неспособностью Японии удовлетворить их, поскольку репарации ложились тяжелейшим бременем на ее экономику.

В 1954-1955 гг. Япония разработала систему репарационных платежей, основанную на принципе выплаты в виде поставок промышленного оборудования и других товаров, оказания услуг, кредитования совместных предприятий. Такие методы и формы экономических связей обеспечивали долгосрочные, устойчивые заказы японской промышленности, проникновение на рынки азиатских стран и давали возможность влиять на их экономическую жизнь. Примером может служить заключенное первым в ноябре 1954 г. японо-бирманское соглашение о репарациях и экономическом сотрудничестве. Сумма репараций была определена в 200 млн. долл. в виде поставок промышленных товаров и услуг в течение 10 лет. Япония обязалась сделать капиталовложения в смешанные предприятия на сумму 50 млн. долл. Одновременно был подписан мирный договор. Эти условия были довольно благоприятными для Японии. Аналогичное японо-филиппинское соглашение было подписано лишь в мае 1956 г. Сумма репараций составила 550 млн. долл. В ноябре того же года удалось достигнуть соглашения с Индонезией и подписать мирный договор. Япония обязалась выплатить в течение 12 лет 223 млн. долл., списать на сумму 177 млн. долл. индонезийских долгов по торговле, вложить на частной коммерческой основе 400 млн. долл. в развитие экономики этой страны. Соглашение о выплате Южному Вьетнаму репараций в сумме 39 млн. долл. было подписано лишь в 1958 г. В счет репараций Япония построила две электростанции на р. Камран, которые снабжали энергией расположенные в районе Даниме американские базы.

Долгосрочные репарационные соглашения обошлись Японии более чем в 1,5 млрд. долл., не считая частных займов и инвестиций на сумму 700 млн. долл. И эта сумма выплат была во много раз меньше той, на которой первоначально настаивали пострадавшие страны. Кроме того, Япония отклонила все требования

о выплате наличными и настояла на том, чтобы практически вся сумма репараций и безвозмездной помощи выплачивалась поставками товаров и оборудования, путем оказания «технической помощи». Все соглашения о репарациях сопровождалось, а иногда и подменялись соглашениями об экономическом сотрудничестве, в рамках которых предусматривалось предоставление кредитов и займов на государственной и частной основе и пр. Кроме того, оговаривалась позиция наибольшего благоприятствования для Японии в той или иной стране.

Япония начала активно проникать на рынки стран азиатского региона при помощи уже упоминавшейся политики экономической дипломатии, суть которой состояла в обеспечении максимально благоприятных условий для такого проникновения посредством различных внешнеполитических актов и договоров. При этом правительство брало на себя весь риск, связанный с капиталовложениями и другими формами экономического проникновения. Ставка была сделана на сочетание трех элементов: американских капиталов, японской техники и сырьевых ресурсов азиатских стран.

Торговля с КНР велась лишь через частные фирмы. В 1958 г. было заключено четвертое японо-китайское торговое соглашение на неправительственной основе: Япония поставляла сталь в обмен на уголь, железную руду и пр.

Таким образом, стратегическим направлением в экономическом развитии Японии в этот период была структурная перестройка: создание самого широкого набора отраслей обрабатывающей промышленности, прежде всего дающих экономию на масштабах производства и мультипликационный эффект; создание новых рабочих мест, необходимых для поглощения главного в то время экономического ресурса страны — наемных работников; увязка развития производства с емкостью внутреннего рынка; решение задач замещения импорта, насыщения внутреннего рынка и развития экспорта.

В то же время, несмотря на серьезные успехи экономического развития, Япония продолжала отставать от развитых стран Запада по очень важным показателям, прежде всего по объему национального дохода на душу населения, производительности труда, уровню издержек производства, качеству многих видов продукции; торговый баланс сводился с дефицитом, а платежный лишь в 1960 г. показал положительное сальдо, и то благодаря американским «специальным заказам». Из-за потери прежних рынков и изменения структуры мирового рынка (в частности, падения спроса на шелк-сырец — традиционную статью японского экспорта) экспортная выручка (которая только в 1959—1960 гг. превысила

послевоенный уровень) была недостаточной для оплаты все увеличивавшегося импорта. В значительной степени эти недостатки были связаны с протекционистской политикой государства, тепличными условиями, в которых развивалась национальная экономика.

В декабре 1960 г. после серьезной проработки был принят новый план по перестройке экономики под названием «План удвоения национального дохода».

Условия создания политической «структуры 1955 г.»

На протяжении первого послевоенного десятилетия всем заново возрожденным и вновь появившимся партиям пришлось адаптироваться к совершенно иной политической ситуации и определить свою стратегию и тактику в условиях демократизации всех сторон жизни общества. Говоря о демократии в Японии, не следует забывать, что она никогда не была свойственна ее политической культуре, что характерно, впрочем, и для других азиатских стран, находящихся в ареале распространения конфуцианства. Несмотря на заявку демократии де-юре в Конституции Мэйдзи (1889 г.), по-настоящему она была привнесена в страну лишь в послевоенный период. При этом не были утрачены традиции и национальная идентичность.

Политическая элита страны проявила максимум прагматизма и реально оценила сложившуюся ситуацию. По уже упомянутому замечанию американского дипломата и ученого Э. Рейшауэра, она прекрасно понимала, что парламентская демократия со всеми, по ее мнению, недостатками представляет собой альтернативу несчастьям, которые принесло Японии авторитарное правление. Демократизация была единственным способом сохранить власть в руках правящей элиты. Повторим, она была осуществлена руками прежних бюрократов и политиков так называемого второго эшелона.

Как уже говорилось в главе 5, консервативные партии возникали под разными названиями, создавали коалиции, объединялись и вновь раскалывались, соперничая в борьбе за власть. Постепенно в консервативно ориентированных кругах укреплялось понимание необходимости более четко определить курс действий и сплотить силы для удержания власти в своих руках. Крупный бизнес, реально оценив экономические последствия проведенных системных реформ, стал подталкивать эти партии к объединению и оказал им мощную финансовую поддержку.

На выборах в феврале 1955 г. Демократическая партия во главе с Хатояма одержала крупную победу. Она получила 185 мест, т.е. на 61 место больше, чем имела прежде. Примерно столько же потеряла Либеральная партия. Другими словами, произошло перераспределение мест среди консервативных партий, при небольшом уменьшении общего числа (на 7 мест). На этих же выборах впервые социал-демократические партии получили вместе более одной трети мандатов (162). 19 марта 1955 г. Хатояма сформировал второй кабинет. Именно на него бизнес возложил инициативу объединения всех консервативных сил, что потребовало искусства лавирования и достижения компромиссов.

К 1955 г. на политической арене остались в конечном счете две влиятельные партии — Демократическая и Либеральная. Они договорились и объединились в единую Либерально-демократическую партию (ЛДП). Это произошло 15 ноября 1955 г. на учредительном съезде.

В новое объединение вошли три фракции из Либеральной партии (возглавляемые Ёсида Сигэру, Огата Такэтора, Оно Бамбоку) и пять из Демократической партии и Партии реформ и прогресса (Хатояма Итиро, Исибаси Тандзан, Киси Нобусукэ, Сигэмицу Мамору, Мацумура Кэндзо, Мики Такэо). Из них жизнеспособными оказались лишь фракции Ёсида, Хатояма, Киси и Мацумура—Мики. Остальные были позже распущены.

Первым председателем новой партии был избран Хатояма Итиро уже на внеочередном съезде ЛДП (апрель 1956 г.). Его избрание явилось результатом договоренности между лидерами фракций, что несомненно в определенной степени связывало ему руки. Наличие фракций являлось особенностью структуры ЛДП. С самого начала они вели упорную борьбу за лидерство внутри партии и соответственно за власть в стране, поскольку ее председатель автоматически становился премьер-министром. Достижение альянса соперничавших фракций, соблюдение баланса сил — залог успеха в борьбе за высший пост в партии.

Формирование правящей элиты либерал-демократов было изначально связано с существованием фракций. На первых порах они представляли собой достаточно независимые от центрального руководства объединения с жесткой дисциплиной и субординацией, подчиненностью лидеру, со своими, что особенно важно, финансовыми средствами. Однако постепенно политические различия между ними (в целом весьма несущественные) стирались, а личностные отношения ослабевали. Фракционность стала базироваться на прагматичности, практицизме, взаимовыгоде и взаимосвязи ради обретения власти.

Во фракции входило большинство депутатов ЛДП в обеих палатах парламента, для депутатов палаты представителей принадлежность к какой-либо фракции практически обязательна, но без такой поддержки весьма затруднительно молодому политику получить мандат депутата. Фракционность ЛДП была связана в первую очередь с многовариантностью финансовой поддержки, что привело к формированию симбиоза политиков, бюрократов и бизнеса.

Борьба между фракциями происходила не на идеологическом или доктринальном уровне. Эта была борьба за право в данный момент возглавить партию и правительство. В определенной степени межфракционную борьбу можно уподобить межпартийной. Фракции сменяли друг друга в руководстве партии, и, казалось бы, власть демократическим путем переходила от одной группировки к другой. Но в соответствии с японской системой принятия решений движение к достижению согласия шло путем утрясок и компромиссов, скрытно и закулисно, а обществу преподносилось уже готовое решение, поэтому внутрипартийная жизнь практически была недоступна для публичного контроля. Такое положение сохраняется и сегодня.

ЛДП с самого начала создавалась как партия избирательного типа, максимально ориентированная на достижение прагматичной цели — завоевание и сохранение политической власти. Поэтому в ее работе основное внимание уделялось парламентской деятельности и проявлялось определенное пренебрежение искомой. Явившаяся результатом объединения практически всех консервативных сил, ЛДП сразу же обеспечила себе господствующее положение в палате представителей парламента и упрочила свои позиции в палате советников.

В программных документах ЛДП («Декларация об учреждении партии», «Программа», «Хартия партии», «Миссия партии», «Политическая программа партии») она декларировала себя как народная, пацифистская, прогрессивная, парламентская партия. Либерал-демократы искали поддержки главным образом у крупного капитала, городской средней и мелкой буржуазии, крестьянства, у всех слоев консервативной ориентации. Главной целью ЛДП признавала «построение государства благосостояния». Достигнуть этого она хотела на основе «свободного предпринимательства», содействия расширению производства путем придания ему «комплексного и планового характера» и проведения «сильной политики социального обеспечения». Либерал-демократы выразили стремление к «активному развертыванию мирной дипломатии», призывали к запрещению ядерного и водородного оружия. Движе-

ние против угрозы термоядерной войны приобрело внушительные масштабы после взрыва США водородной бомбы в районе Бикини (март 1954 г.), в результате чего 37 японских моряков судна «Фукурю мару» подверглись облучению. В 1955 г. был создан Японский совет борьбы за запрещение атомной и водородной бомбы (Гэнсуйкё), сыгравший большую роль в развитии в стране движения в защиту мира.

Чуть раньше, в октябре того же 1955 г., состоялся объединительный съезд левой и правой соцпартий в единую Социалистическую партию Японии (СПЯ), которая явилась результатом компромисса, достигнутого между различными течениями социал-демократии. До этого партия пережила два раскола — в 1950 и 1951 гг. Первый произошел в связи со спорами по определению внешнеполитического курса. На этот раз ушли правые социалисты, не согласившись с предложенными левыми «четырьмя принципами мира», которые включали поддержку всестороннего мирного договора, постоянный нейтралитет, отказ от предоставления японской территории под военные базы другой страны, недопущение ремилитаризации. Однако в их поддержку выступил Сохё, что свидетельствовало об определенном полевении его политики. Таким образом, это детище оккупационных властей не оправдывало их надежд. Раскол продолжался 75 дней, правые вернулись в партию, но разногласия не были преодолены. Вторым раскол продолжался четыре года. В 1951 г. СПЯ раскололась на две самостоятельные партии — левую и правую. Причиной послужили серьезные расхождения в оценках Сан-Францисского мирного договора и договора безопасности. Левые высказались против обоих договоров, а правые отвергли договор безопасности, но одобрили заключение мирного договора.

Председателем объединенной партии был избран левый социалист Судзуки Масабуро, а генеральным секретарем — центрист, но тяготевший к правым, Асанума Инэдзиро. При воссоединении определенные преимущества получили левые социалисты, поскольку у них была довольно сильная поддержка профсоюзов, значительное число депутатов в парламенте и органах местного самоуправления, кроме того, они были лучше подготовлены в теоретическом плане. Однако им пришлось пойти на значительные уступки правым, признав предложенный ими проект программы (разработанный под влиянием идей Социнтерна) как объединительный, несмотря на наличие своего собственного.

Объединенная соцпартия намеревалась взять в свои руки политическую власть, осуществить революционные преобразования в обществе демократическим путем, без всякого насилия, завоевав

поскопное большинство в парламенте, получив поддержку широких слоев населения. Своей основной задачей она провозглашала борьбу за «преодоление коммунизма», полагая, что он «фактически приводит к подавлению демократии, отрицанию права на свободу личности и достоинство человека», за осуществление социалистической революции мирным путем, достижение полной независимости Японии.

СПЯ объявила себя «классовой партией трудящихся масс», прежде всего рабочего класса, крестьянства, мелких и средних предпринимателей. Члены СПЯ, которые считались рабочими, были главным образом работники профсоюзов или кандидаты на выборные должности в этих организациях. Позже из каждых десяти членов СПЯ один являлся депутатом какого-либо представительного органа, многие занимали посты в отраслевых профсоюзах, территориальных советах профсоюзов, 70% членов партии на предприятиях были представлены профсоюзными активистами. Главной опорой соцпартии был профцентр Сохё⁹.

На долгие годы СПЯ стала главной и первоначально практически единственной силой оппозиции, поскольку бывшая тоже в оппозиции компартия восстанавливалась с большим трудом и потерями. Выбранный ею ошибочный стратегический курс способствовал развитию в партии сектантских и левацких тенденций, что в условиях обрушившихся на партийное руководство репрессий привело к расколу ее рядов, сокращению численного состава, падению влияния в массовых организациях. Переживаемые компартией трудности были связаны с теоретическими проблемами: оценкой положения в стране, определением направления стратегического удара, главного врага, выбором союзников и пр. Созданию такого положения в немалой степени способствовало прямое вмешательство во внутренние дела компартии со стороны Информбюро (Информационное бюро коммунистических и рабочих партий), ВКП(б) и КПК. Речь шла о статье «К положению в Японии», опубликованной в центральном органе Информбюро, о «Программе 1951 г.», разработанной при консультациях в Пекине, а затем и в Москве, в том числе непосредственно со Сталиным.

В документе Информбюро резкой критике подвергалась концепция Носака о возможности мирного перехода к социализму в условиях оккупации. В программе не содержалось прямых призывов к применению вооруженных методов для осуществления «национально-демократической революции». Но она способст-

⁹ Подробнее см.: Сенаторов А. И. Политические партии Японии. 1945–1992. М., 1995.

вовала утверждению в практической деятельности коммунистов «военного курса», применению китайского опыта «народной войны», вплоть до создания военных баз в горах, формированию из крестьян отрядов самообороны и ведения вооруженной борьбы. Этот ультралевый курс абсолютно не соответствовал реальной ситуации в стране.

Неожиданно для основной партийной массы Политбюро при поддержке Токуда исключило из своего состава «группу семи» во главе с Миямото Кэндзи, позже ставшего одним из ведущих деятелей компартии, распустило ЦК, ушло в подполье, оставив вместо себя в нарушение Устава Временное центральное руководство. Это привело к открытому расколу партии, возникновению фракционной борьбы и организационной неразберихе. Токуда со своими сторонниками эмигрировал в Китай, где и скончался в 1953 г. Туда же нелегально прибыл и Носака.

Серьезные подвижки на политической арене, приведшие к поляризации двух противостоящих сил, потребовали от компартии пересмотра прежних тактических установок, укрепления ее рядов. Первым шагом было проведение VI Национальной конференции КПЯ в июле 1955 г. и принятие в следующем году решения о подготовке проекта новой программы, которую возглавил набравший влияние К. Миямото.

Он, так же как и другие лидеры партии, получил прекрасное образование, закончив Токийский императорский университет (Токуда и Носака вышли из стен Университета Японии и университета Кэйо). Он всегда был не чужд интереса к литературе и культуре (до войны издавал литературный журнал «Кайдзо», а после войны был редактором журнала «Дзэнъэй» – теоретического органа компартии). И, наверное, неслучайно известная писательница Миямото Юрико стала его женой.

В образовавшейся в 1955 г. политической структуре на одном полюсе сосредоточились все консервативные силы в лице ЛДП, а на другом – все социал-демократические в лице СПЯ. Казалось, что в стране может сложиться двухпартийная система классического европейского образца. И для этого были оптимистические предпосылки: на выборах в палату представителей парламента в 1958 г. СПЯ получила 166 мандатов (35,5% общего числа), а ЛДП – 287 (61,5%). Партии придерживались различных политических взглядов и были приверженцами различных политических ценностей, что соответствовало делению общества на два лагеря – консервативный и прогрессивный. В целом это было адекватно структуре международной системы периода «холодной войны».

Восстановление советско-японских дипломатических отношений и внутриполитическая борьба в ЛДП

Уже первый кабинет Хатояма, сменивший откровенно проамериканское правительство Ёсида, выразил готовность нормализовать японо-советские отношения. Начались неофициальные переговоры между японским премьером и исполняющим обязанности советского торгового представителя в Токио А. И. Домницким. Хатояма было передано письмо советского правительства, в котором выражалась готовность начать переговоры о нормализации двусторонних отношений. Затем консультации по этому вопросу были продолжены в ООН между постоянным представителем СССР А. А. Соболевым и наблюдателем от Японии в этой международной организации Савада. Информация о налаживающихся контактах между СССР и Японией вызвала тревогу и недовольство американских правящих кругов. В частности, сенатор Хэмфри считал угрожающими для американских интересов советские предложения о развитии торговли с Японией. Он писал: «Советы стараются просунуть свой торговый “нос” в японскую палатку. Советы также хотят достигнуть некоего сотрудничества с японцами, чтобы удержать их от эффективного сотрудничества с Западом, а именно с Соединенными Штатами и нашими союзниками».

Подобная позиция ближайшего союзника не могла не сказаться на политике Японии. Уже в ходе предварительных переговоров с Советским Союзом японская сторона начала чинить разного рода препятствия, в чем был весьма искусен министр иностранных дел М. Сигэмицу, как известно, бывший оппонентом Хатояма в решении этого вопроса. В частности, камнем преткновения стал вопрос о месте ведения переговоров. Япония настаивала на Нью-Йорке, что неизбежно увеличивало возможность вмешательства американцев в ход переговоров. Советский Союз предложил Токио или Москву, а затем высказался за любой пункт третьего государства, кроме США. В конце концов остановились на Лондоне.

В японских правящих кругах все еще не было согласованного мнения по вопросу об отношении к СССР и перспективах японо-советских отношений. Сторонники Ёсида противодействовали курсу правительства и, создавая трудное положение, стремились вынудить уйти его в отставку. Не было единства мнений и в самом правительстве. Хатояма предлагал формулу: «сначала прекращение войны, затем урегулирование нерешенных вопросов», а Сигэмицу настаивал на формуле: «сначала решение неурегулированных вопросов, затем декларация о прекращении состояния войны».

Сигэмицу, как уже говорилось, был своего рода противовесом Хатояма в правительстве. Он считал себя более опытным и заслуженным государственным деятелем, чем Хатояма. Имели значение его давние связи с государственными кругами Англии, где накануне войны он был послом и близко знал Черчилля и Галифакса. Эти британские государственные деятели в специальном письме в Международный военный трибунал выгораживали Сигэмицу, доказывая его приверженность интересам западных стран. Кроме того, Сигэмицу испытывал личную неприязнь к Хатояма. Но во внешнеполитической деятельности они действовали на равных, хотя взгляды и особенно подходы зачастую были различными.

Официальные переговоры начались в Лондоне 3 июля 1955 г. Их вели со стороны Советского Союза посол в Англии Малик, со стороны Японии — посол в Англии Мацумото Сюнъити. Советский представитель Малик настаивал на том, что рассмотрению основных вопросов должны предшествовать ликвидация состояния войны и установление дипломатических отношений. Советская сторона представила свой проект мирного договора. Но японская делегация не захотела обсуждать вопрос о договоре по существу. Советская делегация как на пленарных заседаниях, так и в беседах с японским делегатами предлагала начать поэтапное обсуждение проекта, решить наиболее легкие и бесспорные вопросы, а затем уже заняться решением более сложных проблем. Однако японская сторона настаивала на том, чтобы начать непосредственно с обсуждения территориального вопроса как наиболее сложного, а также вопроса о проливах, правах и обязанностях Японии. Она стремилась поставить судьбу переговоров в зависимость от решения территориального вопроса. Мацумото утверждал, что «ключом к зданию» является именно этот вопрос.

Позиция Советского Союза в проекте мирного договора была отражена в статье 5. В ней говорилось: «Япония признает полный суверенитет СССР над южной частью Сахалина и Курильскими островами и отказывается от всех прав, правооснований и претензий на эти территории». Японская сторона не согласилась с таким предложением и как компромиссное решение советской стороной была предложена возможность включения в текст мирного договора статьи о передаче Японии в качестве жеста доброй воли островов Малой Курильской гряды — Хабомаи и Шикотана. В статье предполагалось констатировать, что с их передачей территориальные претензии между СССР и Японией будут считаться урегулированными.

Позиция Японии по этой проблеме в ее проекте мирного договора формулировалась следующим образом: «на территориях Японии, оккупированных СССР в результате войны, в день вступления в силу настоящего договора будет восстановлен полный суверенитет Японии». Однако Мацумото поторопился снять это требование и предложил компромиссный вариант: Япония, соглашаясь с возвращением Хабомаи и Шикотана, дополнительно требует возвращения еще двух островов — Кунашира и Итурупа. Судьбу остальных территорий предлагалось передать на обсуждение и решение союзных держав, подписавших Сан-Францисский мирный договор. Непомерные требования Японии к СССР о возвращении четырех островов завело переговоры в тупик, и 20 марта 1956 г. они были прерваны по инициативе японской стороны на неопределенный срок. В этом немалую роль сыграло давление со стороны Соединенных Штатов. Они пригрозили Японии притормозить осуществление программы американской помощи, если она пойдет на контакты с коммунистическими режимами.

Несмотря на то что японское правительство демонстративно отказалось от урегулирования взаимоотношений с Советским Союзом, это не снимало необходимости немедленного разрешения ряда важнейших для Японии проблем. Возможно, самая главная — требование части крупного бизнеса, который был заинтересован в развитии экономических связей с Советским Союзом. Прежде всего речь шла об урегулировании проблем, связанных с рыболовным промыслом, а также о создании возможностей получения из СССР необходимого сырья и сбыта туда японских промышленных товаров.

После вступления в силу Сан-Францисского договора японские рыбопромышленные компании активно и масштабно восстановили промысел лососевых в северо-западной части Тихого океана. Они вели нерегулированный, по существу, хищнический лов в районах, прилегающих к побережью Камчатки и Курильских островов. Это наносило огромный ущерб всему комплексу рыбоохранных мероприятий, проводимых советской стороной в течение многих лет. Для упорядочения рыбного промысла в этих районах советским правительством было принято специальное постановление, которое предусматривало установление зоны регулируемого лова в части Берингового моря и водах Тихого океана, смежных с территориальными водами СССР. Действие этого постановления приостанавливалось после заключения соответствующего соглашения заинтересованными странами. Давление рыбопромышленных кругов Японии было столь велико, что уже

в конце апреля в Москву прибыла японская делегация во главе с министром земледелия и лесоводства Коно Итиро, который сам, так же как и министр промышленности и торговли Такасаки, был теснейшим образом связан с рыбопромышленниками.

Переговоры завершились подписанием в мае 1956 г. конвенции о рыболовстве и соглашения по оказанию помощи людям, терпящим бедствие на море. Эти документы должны были вступить в силу одновременно с мирным договором, или восстановлением дипломатических отношений между СССР и Японией. Стремясь урегулировать главные политические проблемы, советское правительство в полной мере использовало рыболовные переговоры для ускорения нормализации советско-японских отношений. Имевшая первостепенное значение проблема рыболовства оказала значительное влияние на судьбу политических отношений между обеими странами.

В ходе переговоров в неофициальном порядке был решен вопрос о прибытии в Японию главы представительства СССР в стране С. Л. Тихвинского вместо А. И. Домницкого. Таким образом признавался официальный статус советского представительства, которое игнорировалось японскими властями после вступления в силу Сан-Францисского договора. Японская печать окрестила его «рыболовным представительством». МИД Японии официально признал за С. Л. Тихвинским права «официального представителя, отвечающего за вопросы, связанные с подписанием конвенции и соглашения».

После подписания конвенции в качестве жеста доброй воли советское правительство удовлетворило пожелание японских рыболовецких кругов о разрешении лова лососевых в путину 1956 г., не ожидая вступления в силу мирного договора или установления отношений между СССР и Японией, как это предусматривалось конвенцией о рыболовстве. Подписание рыболовных конвенций всегда служило определенным барометром уровня отношений между двумя странами. Так было и на этот раз. Переговоры о нормализации дипломатических отношений были возобновлены в июне 1956 г. уже в Москве. К этому времени нерешенным оставался только территориальный вопрос.

Японскую делегацию возглавил Сигэмицу. Переданные советской стороне предложения по территориальному вопросу очень напоминали предложенные на переговорах в Лондоне. В них Япония подтверждала передачу Советскому Союзу Южного Сахалина и Курил, от которых она отказалась по Сан-Францисскому договору, а Советский Союз передает ей в обмен четыре острова, которые японская дипломатия стала называть «север-

ными территориями», что было связано с их толкованием географического понятия Курильских островов. Об этом, как известно, во время подготовки Сан-Францисского договора вообще ничего не говорилось, т.е. Япония отказалась от суверенитета на Курилы без всяких изъятий.

Советская сторона, естественно, не могла согласиться на это предложение. Ее представитель заявил, что согласие на возвращение Японии группы островков Хабомаи и острова Шикотан — это предельная уступка, на которую согласно советское правительство. Советская сторона потребовала от Японии принятия решения до 13 августа, поскольку министр иностранных дел должен был принять участие в конференции по Суэцкому каналу в Лондоне. Сигэмицу в соответствии с разработанным в Токио планом запросил инструкции у своего правительства и в ожидании ответа временно прервал переговоры и тоже выехал в Лондон. Вместе с тем Сигэмицу рекомендовал заключить мирный договор на условиях, предложенных Советским Союзом. Политическая обстановка в Японии вынуждала его это сделать, поскольку он вместе с Хатояма являлся инициатором нормализации отношений с СССР, а почти двухлетние переговоры не дали никаких результатов.

Желая помешать достижению компромисса на советско-японских переговорах, американская сторона вновь попыталась оказать давление на своего японского партнера. Государственный секретарь США Д. Ф. Даллес, тоже находившийся в Лондоне, фактически предъявил Сигэмицу ультиматум, известный как «угроза Даллеса». Суть его состояла в том, что в случае согласия Японии на подписание мирного договора с СССР на его условиях США навеки оставят за собой Окинаву.

В ходе последующего обмена посланиями между двумя правительствами было согласовано, что дальнейшие переговоры целесообразно вести на основе так называемой «формулы Аденауэра» (восстановление дипломатических отношений без подписания мирного договора). Вместе с тем японская сторона выдвинула условия гарантии со стороны Советского Союза продолжения переговоров о заключении мирного договора, включая и территориальный вопрос, после нормализации дипломатических отношений. Советская сторона такие гарантии дала. Они были зафиксированы в нотах, которыми обменялись заместитель министра иностранных дел А. А. Громыко и японский представитель Мацумото 29 сентября 1956 г. В октябре в Москве прошли переговоры на высшем уровне и 19 октября 1956 г. была подписана Совместная декларация СССР и Японии.

Эта декларация решила чрезвычайно важные вопросы международных отношений и международного статуса Японии. Перед ней был открыт путь в ООН и в полном объеме были восстановлены отношения между СССР и Японией. В тот момент для Японии решение проблем возвращения в мировое сообщество было важнее, чем окончательное, по ее мнению, решение территориального спора с Советским Союзом. Еще не обладая полным суверенитетом, Япония высказывала свою заинтересованность в участии в этой международной организации. При этом она стремилась действовать в тех рамках, которые отвечали ее экономическим интересам. Она начала участвовать в специализированных организациях ООН — Союзе электротехников, Генеральном соглашении по торговле и тарифам (ГАТТ), Плане Коломбо, а также активно содействовала созданию МАГАТЭ. В стране проводились заседания международных организаций ООН, Япония вносила пожертвования в фонд этой организации для палестинских беженцев и средства на восстановление Республики Корея.

Для дальнейшего развития этих международных связей японская сторона пошла на компромисс, согласившись на подписание Совместной декларации без конкретного упоминания в ней, что последующие переговоры о мирном договоре будут включать какие-либо другие территориальные притязания, помимо передачи Японии островов Шикотан и группы мелких островов Хабомаи.

В статье 9 Совместной декларации было записано: «СССР и Япония согласились на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между СССР и Японией переговоров о заключении мирного договора. При этом СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между СССР и Японией».

Советский Союз полагал, что Совместная декларация фактически урегулировала послевоенные вопросы между СССР и Японией, в том числе и территориальный. Японские же дипломаты считали, что Советский Союз обязался передать Японии острова Хабомаи и Шикотан по Совместной декларации, а также дал согласие на продолжение переговоров о возвращении Кунашира и Итурупа, что было зафиксировано в обменных письмах. Таким образом, японцы рассматривали обменные ноты и декларацию в одном пакете, в то время как советская сторона считала, что Совместная декларация закрыла все проблемы. Громыко ставил этот документ вровень с мирным договором, отмечая, что «в Сов-

поступную декларацию вошли практически все вопросы, которые обычно составляют основу мирного договора»¹⁰.

В первой половине декабря 1956 г. представители двух стран обменялись в Токио ратификационными грамотами, и декларация вступила в силу. И буквально сразу же при активной поддержке Советского Союза Япония была принята в члены ООН (и уже в начале следующего года на два года стала непостоянным членом Совета безопасности этой организации). Это вызвало искреннюю благодарность японской стороны, о чем премьер-министр Хатояма писал в специальном послании на имя Председателя Совета министров СССР.

Среди правящих кругов Японии не было единого мнения относительно только что подписанной Совместной декларации. Часть из них выражала опасение, что улучшение отношений с Советским Союзом может привести к ухудшению отношений с США. Под давлением этой группы Хатояма уже в декабре 1956 г. вынужден был уйти в отставку, сославшись на ухудшение состояния здоровья. Таким образом, восстановив отношения с Советским Союзом и добившись принятия Японии в ООН, Хатояма ушел с политической арены. За полтора месяца до своей смерти на трибуну Генеральной ассамблеи ООН, официально представляя Японию, вошел Сигэмицу Мамору.

На съезде ЛДП в декабре того же года Исибаси Тандзан стал председателем партии и на 25-й очередной сессии парламента 23 декабря — пятым послевоенным премьер-министром. Выходец из семьи настоятеля буддийского монастыря, выпускник университета Васэда, журналист, ученый-экономист, обладающий энциклопедическими знаниями, политик, автор многочисленных работ по экономике, он основал действующее и поныне издательство «Гёё кэйдзай». По своим убеждениям он всегда был либералом. Занимал пост министра финансов в первом кабинете Ёсида, в 1954 г. стал министром внешней торговли и промышленности в кабинете Хатояма.

Кандидатура Исибаси против кандидатуры Киси Нобусукэ прошла в острейшей напряженной борьбе лишь потому, что две фракции, выдвинувшие своих претендентов, договорились при голосовании во втором туре ее поддержать. Но при этом Исибаси для поддержания гармонии в партии был вынужден назначить Киси, который был в то время генеральным секретарем ЛДП, на пост министра иностранных дел.

При выборе главы партии и правительства столкнулись не только личности, но и политические ориентации. Главным пун-

¹⁰ Подробнее см.: Курилы. Острова в океане проблем. М., 1998, с. 249–254.

ктом разногласий были проблемы Азии. К этому времени Ёсида нормализовал отношения Японии с США, Хатояма — с Советским Союзом и добился принятия Японии в ООН, а Исибаси признал главной политической задачей нормализацию отношений с КНР (он выступал за мирный альянс Японии, КНР, США и СССР). Киси же сделал ставку на некоммунистические страны Азии, не исключая и дружественные Советскому Союзу (Индия и Индонезия).

Киси обладал «темным» политическим прошлым: был министром торговли и промышленности во втором кабинете Тодзё, а также «военным преступником категории А». Освободившись из тюрьмы, попал под действие «чистки» и был лишен права заниматься политической деятельностью или служить в государственном аппарате. Однако «отравленный», по его собственному признанию, политикой, он начал готовиться к тому, чтобы вернуться к активной политической деятельности.

Немаловажную роль для карьеры Киси сыграла поддержка прежних единомышленников, крупных бизнесменов, наживших свои состояния не всегда честным путем (в частности, Кодама Ёсио, Сасакава Рёити, Сиина Эцудзабуро, Фудзияма Айитиро). Неофициальную, но действенную помощь оказал ему его брат Сато Эйсаку, входивший в ближний круг Ёсиды, хотя с самим Ёсидой отношения у Киси не сложились. Отчасти он осуждал его экономическую и социальную политику и недостаточное внимание к японским традициям и патриотическим настроениям. Но основой неприязни были, пожалуй, личные мотивы: стареющий властный Ёсида (ушел в отставку в 76 лет) видел в Киси, бывшего на 18 лет его моложе, опасного соперника. И в результате Киси вернулся в политику как представитель оппозиционного лагеря. Позже Фудзияма, Сиина и Сато станут тремя столпами правительств Киси.

В феврале 1957 г. правительство Исибаси нормализовало отношения с Польшей и Чехословакией. Но, кроме этого, ему не удалось осуществить ни одного пункта из намеченных планов, поскольку через 71 день по болезни он был вынужден уйти в отставку. В партии вновь развернулась борьба за высшие посты, победу в которой одержал Киси Нобусукэ и 25 февраля 1957 г. сформировал первый кабинет. Второй он создал после первых для ЛДП выборов в нижнюю палату парламента в июне 1958 г., на которых она сохранила большинство. Министром финансов стал его брат Сато Эйсаку (их разные фамилии объясняются тем, что Киси Нобусукэ, по японскому обычаю, был усыновлен бездетной семьей Киси, чтобы их род не пресекся). В прессе этот кабинет окрестили «кабинетом братьев Киси».

Пересмотр японо-американского «договора безопасности» и внимание к Азии

По мере наращивания экономического потенциала и вхождения в международную политику «договор безопасности» становился темповым для Японии, и правящие круги стали задумываться о достижении большего равноправия в японо-американских отношениях. Борьба за обретения более равноправного партнерства стала одним из важных направлений внешнеполитической деятельности кабинета Киси. Переговоры о пересмотре «договора безопасности» и заключении нового «договора о взаимном сотрудничестве и безопасности» начались уже осенью 1958 г. Со стороны Японии их вел министр иностранных дел Фудзияма, со стороны США — посол в Токио Д. Макартур II. В переговорах были заинтересованы обе стороны. Соединенные Штаты стремились глубже втянуть Японию в проведение своей стратегии в Азии. В японской внутривластной элите не было единого мнения по этому вопросу. Киси и его сторонники прекрасно понимали значимость отношений с США для укрепления позиций своей страны в мире. Не менее важными были и экономические факторы, а также внутривластная межфракционная борьба за власть и влияние. Но главное — Япония хотела большего равноправия в рамках договора. О непросто́м характере переговоров свидетельствует то, что только официально представители сторон встречались 25 раз.

Договор в основном повторял положения «пакта безопасности» 1951 г., за исключением трех положений, вызывавших наибольшие возражения со стороны Японии, поскольку они имели явно неравноправный характер. Речь шла о статье, предоставляющей вооруженным силам США, дислоцированным на территории Японии, полицейских функций, а также о статье, запрещающей Японии без предварительного согласия США предоставлять базы или разрешать транзит через ее территорию вооруженных сил третьих держав. И в отличие от предыдущего, бессрочного, договора срок нового ограничивался десятью годами. Однако предусматривалось, что после окончания этого срока действие его автоматически продлевается (что и было сделано в 1970 г.) до тех пор, пока одна из сторон не заявит за год о своем желании его денонсировать.

Отказ от этих статей свидетельствовал об определенном успехе Японии в борьбе за приобретение полной независимости. Но сохранялись военные базы на ее территории и оставалось неопределенным понятие Дальнего Востока, на который распростра-

нялись действия американских вооруженных сил, дислоцированных на японских островах. Позже японский МИД разъяснил, что «под зоной Дальнего Востока» следует иметь в виду районы, включающие в себя Японию, территорию, лежащую к северу от Филиппин, побережье Китая и приморскую область.

В соответствии с новым договором Япония взяла на себя серьезные обязательства по дальнейшему наращиванию военного потенциала. Но главным в выравнивании большего партнерства сторон можно считать введение механизма о «предварительных консультациях». Суть их сводилась к тому, что договаривающиеся стороны будут время от времени консультироваться между собой по требованию одной из договаривающихся сторон. Такие консультации следовало проводить при: 1. Значительных переменах условий дислокации войск США в Японии; 2. Значительном изменении в их оснащении; 3. Использовании баз на территории Японии для проведения боевых операций. Безусловно, наиболее важным был второй пункт, потому что под изменениями оснащения американских войск подразумевались ввоз ядерных боеголовок и ракет средней и большей дальности и строительство баз для них. Это вызывало возмущение всего населения страны, тем более что Япония признала так называемые три безъядерных принципа (не производить, не ввозить, не применять). Под давлением США статья о предварительных консультациях была перенесена из текста договора в обменную ноту, что, безусловно, снижало ее значимость. Однако за всю историю существования этого договора не было проведено ни одной консультации, что японское правительство оценивает как согласованные действия сторон. Договор был подписан в Вашингтоне 19 января 1960 г. государственным секретарем США Гертером и премьер-министром Японии Киси. Одновременно с небольшими изменениями было подписано административное соглашение.

Поездке Киси во главе делегации предшествовала напряженная закулисная борьба с Фудзияма. Оба честолюбивых политика сражались за то, чтобы этот договор вошел в историю под их именем по аналогии с такими знаменательными событиями, как Сан-Францисский мирный договор, именовавшийся договором Ёсида, или нормализация японо-советских отношений, прочно связанная с именем Хатояма.

Прогрессивные силы Японии развернули широкомасштабную борьбу против «договора безопасности» и в парламенте, и на массовых митингах. В марте 1959 г. был создан Национальный совет борьбы против военного договора с США, в который вошли представители КПЯ, СПЯ, Сохё и других массовых организаций.

Осенью того же года повсеместно проходили выступления на митингах. Менее чем за год было проведено 22 кампании (единых действий) против подписания, а затем ратификации нового договора. В каждой из этих кампаний принимало участие от трех до шести миллионов человек. История не знала такого размаха народной борьбы в стране.

Особенно острые формы она приняла во время ратификации этого договора, когда Киси пошел на применение жестких действий, не считавшись с ярко выраженным отрицательным общественным мнением, и поставил под удар свою политическую репутацию. В ночь с 19 на 20 мая 1960 г. по его приказу в здании парламента было размещено более 500 полицейских. Всю процедуру ратификации скомкали. Спикер нижней палаты парламента объявил об открытии сессии. Депутаты-социалисты прорвались на подиум и попытались не допустить его к микрофону. Канэмару Син (в 1980-е годы king maker премьер-министров и «теневой сёгун» политического мира), пробравшись сквозь ряды оппозиционеров, добрался до испуганного спикера, поднял его над головой и, используя приемы бродячего цирка, притащил к микрофону через разъяренную толпу. У спикера тряслись ноги, но это не помешало ему объявить голосование. Применяя грубую физическую силу, полицейские вытаскивали из здания депутатов-социалистов. Отказалась участвовать в этом спектакле и часть депутатов от правящей партии, не согласных с правительственной позицией. И договор, который касался судьбы страны, был официально ратифицирован лишь частью законодательной власти, однако их число было достаточно для этой акции.

Напряженная обстановка в стране привела к беспрецедентному отказу от государственного визита президента США Д. Эйзенхауэра в связи с проблемой обеспечения его безопасности. А прилетевший в страну для подготовки этого визита его личный представитель Хэгerti вертолетом был вывезен из аэропорта Ханнода, поскольку толпа не пропустила бы его машину. Американцам ничего не оставалось, как сделать хорошую мину при плохой игре, хотя это было большим ударом по престижу США, прежде всего в этом регионе. Опасаясь, что договор не будет ратифицирован палатой советников, правительство использовало конституционное положение о том, что принятый нижней палатой закон автоматически вступает в силу по истечении тридцати дней, если не будет роспуска парламента или иного его решения. Стараясь продержаться этот срок у власти, правительство стянуло полицейские силы в Токио со всех концов страны, вызвало на подмогу полицию и даже наняло банды якудза. В итоге «договор о взаимном сотрудничестве и безопасности» вступил в силу.

Сохранение прежнего договора означало бы продолжение вассальной зависимости от США, но выйти из американской военно-политической орбиты не рискнул бы ни один японский лидер ввиду исключительной значимости японо-американского стратегического партнерства, которое было основой внешней политики Японии. Киси добился от Вашингтона максимума самостоятельности, на который Япония могла реально рассчитывать. Кроме того, ее позиция подкреплялась активной политикой Киси на азиатском направлении, о чем речь ниже.

Заключение договора вызвало в Японии глубокий политический кризис. Опасаясь дальнейшего обострения внутривнутриполитической ситуации в стране, развертывания демократического движения, правящие круги принудили правительство Киси уйти в отставку, что произошло в конце июня 1960 г. Это оправдало политические надежды противников премьера по партии, которые хотели, чтобы новый договор послужил «почетной дорожкой», по которой Киси ушел бы с политической арены. Однако, и уйдя, он остался лидером одной из фракции ЛДП, которую потом передал своему зятю, будущему министру иностранных дел Абэ Синтаро; был депутатом парламента и продолжал оказывать влияние на японскую политику через своих друзей, единомышленников и последователей — от Сато и Сиина до Фукуда и Накасонэ, активно продолжавших его «азиатскую дипломатию». Новым премьером 19 июля 1960 г. стал Икэда Хаято.

Избирательная кампания по выборам в палату представителей парламента в октябре 1960 г. была омрачена трагическим событием — убийством на массовом митинге председателя СПЯ Асанума Инэздиро. Десятки миллионов телезрителей видели, как проскользнувший словно тень семнадцатилетний ультраправый националист-террорист заколол его самурайским кинжалом. В этот день шла дискуссия на тему о порядочности на выборах. Премьер-министр Икэда несколько запаздывал и выступал лидер СПЯ. Асанума после окончания университета Васэда, где состоялось его первое знакомство с идеями социализма, сразу же включился в активную политическую деятельность в социалистических, рабочих и крестьянских организациях. После войны он был одним из организаторов возрождения соцпартии. За энергию и неутомимость этого высокого массивного человека друзья прозвали «человек-локомотив», а противники, имея в виду его непреклонный характер, — «бульдогом».

Пересмотр «договора безопасности» вызвал недовольство советской стороны и привел к ужесточению позиций ее дипломатии. Она считала, что новый договор является угрозой миру

на Дальнем Востоке, препятствует развитию советско-японских отношений и что в этих условиях Советский Союз не может перестать обещанные острова, поскольку они могут быть использованы под американские военные базы. Уже в январе 1960 г. советское правительство, обеспокоенное антисоветской направленностью договора, в памятной записке японскому правительству заявило, что зафиксированное в Совместной декларации передача островов Хабомаи и Шикотан может быть определена «только при условии вывода всех иностранных войск с территории Японии».

Это было чисто политическое решение, в то время как декларация, ратифицированная Верховным Советом, имела законодательную силу, поскольку международные соглашения принимаются законодательной, а не исполнительной властью. Через некоторое время это политическое решение советского правительства трансформировалось в тезис о том, что «территориальный вопрос между СССР и Японией решен». Впервые этот тезис был сформулирован в памятной записке советского правительства от 11 апреля 1960 г. Он на многие годы определил позицию СССР в вопросе заключения мирного договора с Японией и впоследствии способствовал наступлению длительного застоя в советско-японских отношениях.

Киси понимал важность отношений с СССР (6 декабря 1957 г. в Токио был подписан первый в истории японо-советский торговый договор и соглашение о товарообороте и платежах) и КНР (при том, что он не мог пойти на отмену договора с Тайванем). Он заявил, что Япония «будет строить отношения практически, а не идеологически» и что Япония и КНР экономически взаимозависимы друг от друга.

В мае и ноябре 1957 г. премьер-министр Киси совершил два турне по Азии. Сначала он посетил Индию, Пакистан, Цейлон, Голланд, Тайвань, а после визита в Вашингтон — Южный Вьетнам, Камбоджу, Лаос, Малайю, Сингапур, Индонезию, Австралию, Новую Зеландию и Филиппины. Эта беспрецедентная в то время поездка, которую противники Киси язвительно сравнивали с инспекционной поездкой Тодзио по завоеванным азиатским странам, принесла конкретные политические дивиденды в виде деклараций, соглашений, договоров и пр., а также несколько подправила имидж Японии даже в таких странах, как Филиппины и Австралия, где во время войны были наиболее сильны антияпонские настроения.

Киси приносил извинения за содеянные в годы войны преступления, возлагал венки к памятникам погибшим, и в то же время призывал открыть новую эру экономического и политического

сотрудничества, предложил проект создания Азиатского фонда развития. Но это амбициозное предложение не было реализовано по многим причинам: оно вызывало в памяти идею «сфер сопроцветания Великой Восточной Азии»; страны – лидеры движения неприсоединения (Индия, Индонезия) не желали осложнять отношения с СССР и КНР, которые были против любых подобных планов; не поддерживали эту идею и США.

На пути превращения в одну из ведущих экономических держав

Значительной вехой на пути превращения Японии в экономическую супердержаву стал «План удвоения национального дохода», известный в истории страны также как «План Икэда». Новый премьер Икэда Хаято именно развитие экономики поставил во главу угла своей политики. И судя по его биографии, это было не случайно. Получив высшее юридическое образование в Киотоском императорском университете, он поступил на работу в 1925 г. в министерство финансов, и многие его успехи были достигнуты затем именно на этом поприще. По свидетельству его личного секретаря, Икэда был прирожденным экономистом, обладал страстью к числам, натренированной памятью и превосходной финансовой интуицией. Он прекрасно разбирался в экономической жизни страны, а также обладал бесценным для политика качеством – мог хорошо ладить с представителями бизнеса. И это несмотря на то, что он не разбирался в тонкостях этикета, говорил на резком хиросимском диалекте, грубым, хриплым голосом. Недруги дали ему прозвище «хиросимский мужичок».

После войны он стал заместителем министра финансов, затем министром финансов, министром внешней торговли и промышленности. Как экономист он всегда выступал за либерализацию народного хозяйства. Икэда имел одну слабость: любил давать интервью журналистам. На одной из неформальных встреч с ними, когда еще никто не мог даже предположить, какое блестящее будущее ждет Японию, он убежденно заявил, что через 10 лет народ будет жить в два раза лучше. Похоже, что «план Икэда» родился у него задолго до того, как он занял высший пост в правительстве. Будучи депутатом парламента, возглавлял одну из самых сильных фракций ЛДП, был ее генеральным секретарем и, как уже говорилось, сменил Киси на посту премьера. Он трижды занимал этот пост.

«План удвоения национального дохода» был составлен в Управлении экономического планирования. Его основные цели — максимизация экономического роста, повышение уровня жизни народа, полная занятость — отражали стратегию развития страны. Он был рассчитан на 10 лет (1961–1970 гг.). За это время уровень национального дохода должен был удвоиться. Среднегодовые темпы прироста промышленного производства определялись в 10,5%, ВНП — в 7,3%. План предусматривал также модернизацию сельского хозяйства, средних и мелких предприятий в промышленности, развитие отсталых районов, рационализацию экономики, повышение уровня конкурентоспособности отечественных товаров на мировых рынках.

Авторам плана — квалифицированным специалистам удалось правильно оценить потенциальные возможности экономики страны, предсказать высокие темпы ее развития на ближайшие годы. Основные контрольные цифры были перевыполнены: темпы прироста в промышленности составили 13,8%, ВНП — 10,7%. Некоторый спад производства в 1964 г. не сыграл существенной роли, а в 1965 г. начался новый подъем, известный в стране как «бум Идзанаги». Он был назван так по имени одного из главных божеств пантеона синто, что соответствовало традиции искать ассоциации в историческом прошлом.

В этот период объем промышленного производства вырос на 70%, в то время как в других развитых странах в лучшем случае на 80%. Уже в 1968 г. Япония перегнала по этому показателю все другие страны, кроме США, а в начале 1970-х годов и по объему ВНП, став второй экономической державой капиталистического мира (в 1956 г. она делила 6-е и 7-е место с Италией). Таким образом, экономическое развитие страны по так называемой «догоняющей модели» было успешно завершено.

После 1970 г. среднегодовой прирост ВНП несколько снижился (составив 9,3%¹¹), но все равно оставался достаточно высоким (одной из причин снижения темпов было изменение технологической структуры капиталовложений: увеличение доли инвестиций в отрасли с низкой отдачей, такие как жилищное строительство и сфера услуг, а также некоторое сокращение производства в ряде отраслей из-за перепроизводства). В 60-е годы снизилась доля живого труда и основного капитала как факторов экономического роста, хотя инвестиции в основной капитал продолжали играть важную роль.

¹¹ Подсчитано по: Цуру Сигэто. Конец японского «экономического чуда». М., 1981, с. 31.

За эти же годы еще более возросла норма накопления капитала (свыше 30%), намного превысив аналогичный показатель в других развитых странах¹². Ее рост обеспечивал высокие темпы прироста инвестиций, которые составили в среднем за год в 1955–1971 гг. около 16%. Источниками финансирования были, как и в предыдущий период, главным образом личные сбережения (доля которых в совокупных сбережениях в Японии была основной (40–57%)), увеличение нераспределенной прибыли, средства государственного бюджета, внешние кредиты. Доля сбережений в личном располагаемом доходе японцев была намного выше, чем в других странах. Это объяснялось целым рядом причин: традиционной склонностью к бережливости и неприхотливостью, что дополнялось низким уровнем социального обеспечения в то время, незначительными размерами доходов, которые сложно непосредственно вкладывать в производство и более надежно держать в сберегательных кассах, и т.п. Важным стимулом накопления капитала продолжал оставаться низкий уровень налогообложения: в 1972 г. он почти в два раза был меньше, чем в странах Европы.

Особенно важным было эффективное использование этих крупных капиталовложений. В 1965–1970 гг. предельный коэффициент капиталоемкости (отношение прироста основного капитала к приросту продукции) был примерно в два раза ниже, чем в других странах. Значительно повысилась и производительность труда в промышленности. Темпы ее прироста составили в среднем за год около 9%. Они были выше этого показателя в других развитых странах и намного обгоняли рост трудовых доходов населения, что обеспечивало низкий уровень затрат труда на единицу продукции и снижало издержки производства. Производительность труда в обрабатывающей промышленности в 1972 г. достигла 38,3% этого показателя США.

Росту производительности труда во многом содействовал научно-технический прогресс. Доля его в среднегодовом приросте в первой половине 60-х годов равнялась 41%, во второй – 68% и соответственно снизилась в этом приросте доля фондовооруженности труда (доля основного капитала на одного занятого)¹³. Другими словами, интенсивные факторы экономического роста стали превращаться в ведущую силу развития.

Япония в больших масштабах приобретала не только современную технику, но и лицензии на новейшие технические дости-

¹² Воспроизводство общественного продукта в Японии. М., 1970, с. 48.

¹³ Монополистический капитал Японии на рубеже 60–70-х годов. М., 1977, с. 23.

ления (по контрактам о технической помощи, главным образом из США). До середины 60-х годов по количеству закупаемых лицензий и размерам платежей по ним Япония занимала второе место после США, со второй же половины она вышла на первое место в капиталистическом мире. И если в 1950-е годы подавляющая доля контрактов приходилась на машиностроение, металлургию и химическую промышленность, то с 1960-х годов заметно вырос удельный вес контрактов для развития новых отраслей — электроники, нефтехимии и т.д. Верные своей традиции приспособлять любые новшества к своим реалиям, японские специалисты, как правило, усовершенствовали приобретаемые лицензии и получали лучшие результаты, чем они были в странах-изобретателях.

Кроме того, Япония начала расширять собственные научные исследования и разработки. Расходы на них за 1960–1973 гг. выросли в десять раз. Уже в 1970 г. она вышла по этому показателю на второе место в мире после США и примерно в это же время Япония стала четвертой страной, запустившей искусственный спутник Земли. По количеству заявок на патенты во второй половине 1960-х годов страна заняла первое место в капиталистическом мире. Ряд японских ученых был удостоен Нобелевской премии по физике (Юкава Хидэки в 1949 г., Томонагава Синъитиро в 1965 г., Эсаки Лео в 1973 г.).

В стране из года в год появлялись все новые виды промышленной продукции. По производству судов, кино- и фотоаппаратов, химических волокон, электронной аппаратуры, автомобилей, серной кислоты, искусственного шелка, а также по выплавке стали и производству электроэнергии Япония заняла ведущее место в мире. Но к началу 1970-х годов она продолжала отставать в таких отраслях, как атомная энергетика, большие вычислительные машины, высококачественные пластики, крупные многоцелевые металлООбрабатывающие станки, сверхзвуковые самолеты.

С конца 1950-х годов начинается индустриализация сельского хозяйства, постепенное превращение его в современную отрасль. На привычных для сельской Японии залитых водой квадратах полей вместо крестьян, высаживающих хрупкие ростки рисовой рассады, начинают появляться машины. Немаловажную роль в этом процессе сыграл Основной сельскохозяйственный закон (1961 г.), принятый в рамках «Плана удвоения национального дохода». Он предусматривал изменение структуры сельского хозяйства в целом, ибо существующее мелкотоварное хозяйство уже не отвечало требованиям времени. К концу 1950-х годов обозначилась тенденция к падению эффективности капиталовложений, хотя уровень механизации был еще очень низким. Уровень производительности

труда в отрасли заметно отставал от этого показателя в промышленности и в сельском хозяйстве других развитых стран.

В соответствии с принятым законом правительство взяло курс на создание в деревне сравнительно крупных хозяйств с высоким уровнем производительности труда, а также на диверсификацию отраслевой структуры производства. Значение нового закона было столь велико, что некоторые специалисты оценивали его как проведение второй земельной реформы. Был провозглашен поворот от принципа ограничения размеров землепользования к их увеличению, от упора на рост производства риса к его сокращению, от контроля над импортом сельскохозяйственной продукции к его либерализации.

Однако в отличие от подавляющего большинства экономических планов программа в области сельского хозяйства не была выполнена, и прежде всего в отношении роста сравнительно крупных хозяйств. Но отраслевая структура производства стала более сбалансированной (выросла доля животноводства при одновременном снижении удельного веса земледельческих отраслей и шелководства). Темпы роста капиталовложений в основной капитал в неизменных ценах росли очень быстро, благодаря чему за рассматриваемый период производительность труда в отрасли выросла почти в 2,5 раза. Большой вклад в развитие сельского хозяйства внесла протекционистская политика государства, которое оказывало ей финансовую поддержку и, несмотря на политику либерализации внешней торговли, ограничивала импорт более дешевой продукции. За этот период заметно повысились доходы крестьянских хозяйств. Однако уровень развития отрасли продолжал оставаться сравнительно низким: высокие издержки производства и, соответственно, цены на отечественную продукцию превышали цены мирового рынка, и структура производства по-прежнему не отвечала новым потребностям населения.

Но в ряде отраслей экономики, например транспорте, произошли поистине революционные перемены. Уже в 1964 г. был построен первый отрезок высокоскоростной железнодорожной магистрали Токио—Осака (515 км), который опять же, по традиции, был назван Токайдо (так называли знаменитую дорогу средневековой Японии, которая соединяла Киото и Эдо /нынешний Токио/). Это расстояние преодолевалось сначала за 4 часа, затем за 3 часа 10 минут, а теперь за 2,5 часа. Это был всемирно известный *синкансэн* (в переводе — «новая колея», ставшая в стране нарицательным именем для такого типа дорог). По этой колее с огромной скоростью двинулись суперэкспрессы характерной ракетобразной формы. Почти одновременно со строительством *синкансэна* началось сооружение ско-

ростных автострад, и к началу 1970-х годов Япония заняла третье место в мире по протяженности автомобильных дорог. Мировой океан бороздили супертанкеры, построенные на японских верфях, что обеспечило ее морскому флоту одну пятую всех морских грузоперевозок капиталистических стран.

Развитие экономики в период высоких темпов роста привело к изменению структуры народного хозяйства: снизилась доля первичных отраслей, выросла вторичных и третичных. Сократился удельный вес отраслей добывающей промышленности (прежде всего угледобыча) и сельского хозяйства, возрос – обрабатывающей промышленности (прежде всего тяжелой и химической) и сферы услуг. Аналогичные изменения произошли и в структуре занятости.

Быстрыми темпами развивалась внешняя торговля. За 1960–1970 гг. доля Японии в мировом экспорте выросла с 3,6 до 7,6%; импорте – с 3,8 до 6,1%¹⁴. В конце 1960-х годов в экспорте начала преобладать продукция тяжелой промышленности. Япония заняла ведущие места в мировом экспорте текстильного оборудования, швейных машин, хлопчатобумажных и синтетических тканей, судов, автомашин, стали, радиоприемников, фотоаппаратов, телевизоров и др. В целом за период высоких темпов роста стоимостный объем экспорта в долларовом исчислении вырос в 28 раз. В начале 1970-х годов на экспорт направлялось свыше 30% продукции черной металлургии, более 40% легковых автомобилей и часов, свыше 60% производства фотоаппаратов и фотопринадлежностей, и около 80% судов¹⁵.

С конца 1960-х годов в результате экспортной экспансии торговый баланс начал сводиться с положительным сальдо. Накопленные валютные резервы позволили начать уже экспорт капитала. Но если инвестиции направлялись главным образом в развивающиеся страны, то вывоз товаров распространялся и на развитые, что не раз приводило к серьезным международным конфликтам (можно упомянуть японо-американскую «торговую войну» в связи с ввозом дешевого текстиля, и Японии после серьезного сопротивления все же пришлось добровольно ограничить его экспорт). Под нажимом США и таких организаций, как Международный валютный фонд (МВФ) и Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), Япония была вынуждена проводить либерализацию импорта, т.е. снимать количественные ограничения на ввоз иностранной продукции, но делала это очень осторожно и пос-

¹⁴ Монополистический капитал Японии..., с. 207.

¹⁵ Конец японского «экономического чуда», с. 73, 76, 77.

тепленно. В 1960-е годы этот процесс ускорился, и Япония даже согласилась на либерализацию иностранных капиталовложений в ряде отраслей. Одновременно принимались различные протекционистские меры для защиты внутреннего рынка. И хотя уровень таможенных пошлин постепенно понижался, вплоть до начала 1980-х годов японские оставались самыми высокими среди развитых стран.

Важным фактором продвижения Японии на внешних рынках была высокая конкурентоспособность ее товаров, как из-за их сравнительной дешевизны в связи с низкими издержками производства (прежде всего из-за низкой стоимости рабочей силы, хотя зарплата наемных работников постепенно росла) и фиксированным, уже заниженным, курсом иены в 1960-е годы, так и за счет значительного повышения их качества. Брэнд «Сделано в Японии» стал символом высококачественной продукции. Характерно, что этому достижению страна обязана внедрению концепции всеобщего контроля качества, которая, как и многие другие новшества, была разработана в США, но наиболее успешно применена в Японии.

В основе высоких темпов роста в Японии лежали макро- и микроэкономические факторы, а также социопсихологические особенности ее населения. К ним относились – уже обозначенные высокая норма накопления и соответственно исключительно высокий прирост капиталовложений, внедрение достижений научно-технического прогресса, целенаправленное государственное регулирование, в частности дифференцированное и прогрессивное налогообложение, выгодный валютный курс, поощрительные правительственные субсидии, экспортная ориентация ряда отраслей промышленности, а также незначительная доля военных расходов (никогда не превышающая 1% ВВП, хотя законодательно это и не было оформлено), низкий в сравнении с другими развитыми странами уровень заработной платы, благоприятные условия для импорта передовых технологий, широкие возможности для ввоза по сравнительно низким ценам сырья и материалов, всеобщая грамотность населения, использование исторически сложившихся традиций (например, отношение к труду наемных работников) и т.п.

Немаловажную роль в быстром развитии страны сыграла ее предпринимательская структура, состоящая из горизонтальных и вертикальных объединений. Первые – это крупные корпорации с головными банками и универсальными торговыми компаниями, связанные между собой перекрестным владением акциями. Вторые – объединения так называемых группированных предприятий (*кэйрэцу*) – крупной фирмы в той или иной отрасли про-

мышленности со средними и мелкими в единые группы. Они были связаны между собой субподрядными отношениями, а также акционерным владением, предоставлением технологий, командированием персонала, оказанием финансовой помощи и других услуг. Это — специфически японская структура, которую графически можно изобразить в виде треугольника, на вершине которого находится головная компания, а средние и мелкие фирмы — на расположенных ниже уровнях. Наибольшее их число находилось в основании треугольника. Эта система приносила экономическую выгоду обеим сторонам но, конечно, в большей степени работала в интересах головных компаний: в период неблагоприятной конъюнктуры основные тяготы ложились на субподрядные предприятия. Особые отношения для поставщиков и сбытчиков в рамках группирования подчас затмевали такие важнейшие показатели, как эффективность, цена и продукция. Другими словами, эти связи были в известной мере нерыночными.

Экономическим успехам содействовали также свойственные именно японской модели управления система «пожизненного» найма, оплата труда в соответствии с выслугой лет, методы административного контроля, высокая степень регламентации хозяйственной деятельности, т.е. государственное регулирование в очень широких масштабах, государственный протекционизм в отношении ряда секторов экономики.

Однако достигнутые большие экономические успехи страны, а также социальные достижения — практическое отсутствие безработицы и улучшение жизни населения (зарплата в обрабатывающей промышленности росла в среднем ежегодно в 1965—1973 гг. примерно на 9%, опережая рост потребительских цен) — не могли перекрыть отрицательного воздействия ряда старых и возникших новых проблем. В их числе следует назвать загрязнение окружающей среды (прежде всего из-за непомерно развитых материалопроизводящих отраслей: доля тяжелой индустрии и химии достигла 75% промышленного производства¹⁶), нехватку пресной воды, рост розничных цен, архаичные формы заработной платы, отставание инфраструктуры, недостаточную численность молодой рабочей силы, сохранение большого удельного веса трудоемких производств в легкой промышленности, несбалансированность регионального развития и т.д.

Все эти проблемы потребовали перестройки промышленности, перехода к новому типу развития, при котором на первый план выходят интенсивные факторы роста. Отдельные успехи

¹⁶ Конец японского ..., с. 43.

в разрешении возникших проблем уже наблюдались, в частности, в борьбе с загрязнением окружающей среды: было принято специальное законодательство и установлен строгий контроль за его исполнением. Но эволюционный переход к новой модели был прерван изменением условий воспроизводства: повышением официального курса иены в 1971 г. и переходом к так называемому плавающему курсу (что, кстати сказать, было преодолено достаточно безболезненно), а главное — резким увеличением в конце 1973 г. цен на сырье и материалы, особенно на нефть. «Нефтяной шок» привел к экономическому кризису 1974–1975 гг., который захватил весь мир, но именно в Японии он был самым глубоким и продолжительным. Это был конец периода высоких темпов роста, после которого начался новый этап.

Появление новых политических партий и образование новых профцентров

В начале 1960-х годов происходят серьезные перемены в социальной структуре общества, связанные с активным процессом урбанизации. Этот процесс вызвал к жизни мощные миграционные потоки, обусловившие появление новых оппозиционных партий и разного рода слияния и размежевания профсоюзов. Но власть в стране по-прежнему безраздельно принадлежала Либерально-демократической партии, авторитет которой как правящей партии укреплялся. Принятые во второй половине 1960-х годов новые программные документы ЛДП («Хартия основ ЛДП», «Молодежная хартия ЛДП», «Трудовая хартия ЛДП», «Женская хартия») свидетельствовали о том, что партия стремится включить в сферу своего внимания самые разнообразные слои населения с их специфическими проблемами. Либерал-демократы отстаивали формулу «здоровой парламентской демократии», придавали серьезное значение достижению гармонии и согласия на производстве (сама партия считала себя посредником между предпринимателями и наемными работниками), защите общественного порядка и сотрудничества во имя общего процветания страны.

В эти годы правящая ЛДП шла по восходящей линии, а главная оппозиционная партия — СПЯ — по нисходящей. Для этого существовали объективные причины: первоначальный успех СПЯ был связан с послевоенной демократизацией общества, а в условиях периода высоких темпов экономического роста партия не сумела адаптировать свою политику к серьезным переменам,

произошедшим в сознании и образе жизни людей, что вело к резкому сокращению ее социальной базы, главным образом представленной профсоюзами в лице Сохё.

Серьезным испытанием для социалистов оказался выход из рядов партии правого крыла социал-демократов и создание ими в 1960 г. самостоятельной Партии демократического социализма (ПДС). В новую партию перешло около 5% членов СПЯ, но ее поддержало руководство реформистских профцентров – Всенемецкого конгресса профсоюзов (Дзэнро, создан в 1954 г. работниками ведущих отраслей промышленности, второй по величине после Сохё) и Национального конгресса профсоюзов (Синсамбэцу, создан в 1949 г. в результате раскола уже упоминавшегося Синсамбэцу кайги). Причиной раскола СПЯ была несовместимость взглядов правых социалистов по важнейшим вопросам с официальным курсом партии. Как отмечалось в программе новой партии, основной причиной выхода из СПЯ были «идеологические противоречия между демократическим социализмом и марксизмом-ленинизмом». Программа ПДС была близка идеям западноевропейской социал-демократии на четкое размежевание с коммунизмом, озвученное, в частности, во Франкфуртской программе Социалистического интернационала (1951 г.). С момента создания партия заявила о намерении сотрудничать с «партиями демократического социализма, принадлежащими к Социнтерну и Конференции социалистических партий Азии» в деле сохранения условий для развития индивидуальности всех людей. В своей программе ПДС сохранила многие элементы программы СПЯ, но не перешла барьер, отделяющий ее от правящей партии.

ПДС заявила, что не считает себя партией, представляющей интересы только «определенного класса, на который возложена историческая миссия построения социалистического общества», и провозгласила себя «народной партией». Основная цель этой партии – реформистским путем «построить государство благосостояния трудящихся», а в дальнейшем добиваться «построения общества демократического социализма». Именно реформы и «реалистическая политика» должны были обеспечить политический, экономический и общественный порядок. Демократические социалисты взяли ориентир на приход к власти, добиваясь привлечения тех сил, которые находились в сфере влияния консерваторов, и исключения сторонников тоталитаризма из социалистического лагеря. Таким образом, партия сразу дала понять, что готова к компромиссу с правящей ЛДП, и заявила о непримиримой позиции в отношении КПЯ и находящихся под ее влиянием организаций. Безусловно, создание ПДС на какое-то время вне-

сло разброд в ряды СПЯ, подорвало позиции демократических сил в парламенте, усилило раскол в профсоюзном движении.

На первых для ПДС выборах в палату представителей парламента в октябре 1960 г. она понесла сильный урон, потеряв 23 мандата и получив лишь 17 мест. СПЯ сумела увеличить свое представительство на 23 места и имела 145 мандатов. Коммунисты, за которых было подано 2,9% голосов избирателей, провели трех кандидатов. Все оппозиционные партии получили на выборах 39,2% всех поданных голосов. За ЛДП проголосовало 57,6%, что обеспечило ей 196 мест в нижней палате.

Учитывая сложившуюся ситуацию в стране, СПЯ в 1966 г. утвердила обширный документ программного значения «Путь Японии к социализму». Не отменяя Программу 1955 г., партия считала необходимым дать теоретическое разъяснение «по всем важнейшим ее пунктам, обеспечивающим мирное осуществление социалистической революции». СПЯ подчеркивала свой классовый характер, необходимость опоры главным образом на рабочий класс и приверженность революционной идеологии. В оценке современной эпохи японские социалисты придерживались линии, которую проводило международное коммунистическое движение. СПЯ установила контакты с коммунистическими партиями Советского Союза и КНР. В документе был провозглашен курс на «невооруженный нейтралитет», который должен был пайти непосредственное выражение «в ликвидации на территории Японии и Окинавы военных баз, превращении сил самообороны в народную полицию... учреждении в Азии и бассейне Тихого океана зоны без ядерного оружия». Ставя целью установление социалистической власти, СПЯ предусматривала необходимость переходного периода, когда она в различных комбинациях с другими партиями возглавляла бы правительство. Но к началу 1970-х годов социалисты окончательно убедились, что надежды на их единоличный приход к власти нереалистичны, более того, проблематичны даже в коалиции.

В 1964 г. на политической карте страны появилась партия, представлявшая собой японский вариант клерикализма – Партия чистой политики (Комэйто). Она была создана абсолютно нетрадиционным для политической культуры страны путем – по воле крупнейшей буддийской организации Сока гаккай (Общество по установлению ценностей), более 10 миллионов адептов вместе с членами семей которой стали основой электората Комэйто. Сока гаккай возникло еще до Второй мировой войны, но в военные годы его деятельность была запрещена, поскольку не согласовывалась с насаждавшимся авторитарным мышлением. Отделение религии

от государства после капитуляции Японии позволило ему развить религиозную пропаганду, прежде всего в крупных городах, куда устремились на заработки массы людей. В основе идеологии Сока гаккай лежало вероучение буддийского религиозного деятеля XIII в. Нитирэна, которое было модифицировано и увязано с требованием социальных реформ. Это учение провозглашалось «философией жизни» и было призвано преобразовать как человеческую личность, так и общество в целом путем обращения всех его членов в «истинную веру». Идея «всеобщего спасения» как бы окрашивала это учение в «демократические» тона.

В период с середины 1950-х до конца 1960-х годов движение Сока гаккай получило наибольшее развитие. Занимаясь активной миссионерской деятельностью, оно сумело втянуть в свою орбиту большое число мелких предпринимателей, наименее обеспеченных неорганизованных городских трудящихся из числа недавних выходцев из деревни. Сока гаккай на основе обширной технической базы издавало газеты, журналы, разнообразную литературу. У общества были сеть общеобразовательных школ и университет (создан в 1971 г. в г. Хатиодзи). Все это помогало занять определенную нишу в обществе. Понимая, что успех проповеди религиозных догм может быть успешным лишь тогда, когда она связывается с ответами на волнующие людей вопросы общественной жизни, руководители общества обосновали закономерность его участия в политической жизни. Они взяли на вооружение концепцию *«обуцу мёго»* (слияние политики и религии) и провозгласили лозунг создания «справедливого и умиротворенного государства».

Серьезная политизация Сока гаккай осуществлялась под руководством ставшего в 1960 г. его президентом Икэда Дайсаку. Он родился в Токио в 1928 г., окончил столичный колледж Фудзи, начал свою деятельность в обществе, возглавив его молодежный отдел. Икэда Дайсаку — динамичный, напористый, очень быстро занимал командные посты в Сока гаккай. Он уделял большое внимание превращению этого общества в своего рода мощную корпорацию со своими образовательными учреждениями, предприятиями, издательствами. Икэда придавал важное значение международной деятельности своей организации, буквально колесил по миру, встречаясь с лидерами многих стран и получая почетные звания в различных университетах. Ныне он — почетный президент этого общества и президент созданного в 1975 г. Международного объединения национальных обществ Сока Гаккай.

Учитывая определенную настороженность в обществе относительно религиозной догматики (в частности, *«обуцу мёго»*

отождествлялось с теократическим государством), Икэда, став его президентом, начал делать акцент на общность буддизма и демократии. В 1961 г. общество создало свою политическую организацию — Лигу чистой политики, которая провозгласила осуществление «политики, при которой процветание общества находится в единстве со счастьем отдельных людей». Проведя тщательную подготовку, Лига приняла участие в выборах в палату советников в 1962 г. и добилась крупного успеха, выйдя на третье место по числу депутатов. Успех сопутствовал этой организации и на выборах в местные органы власти в 1963 г. От Лиги было избрано 824 депутата (около 98% выдвинутых кандидатов). Всего после выборов в различные органы местной власти более 1100 депутатов поддерживали Сока гаккай. Там, где Лига не выставляла своих кандидатов, она поддерживала представителей ЛДП.

Результатом активизации политической активности Сока гаккай и явилось создание своей партии, которой после роспуска Лиги было поручено заниматься такой деятельностью. Программа новой партии формировалась на базе теорий буддийского толка, но она просуществовала недолго, поскольку ее религиозная окраска ограничивала социальную базу Комэйто адептами Сока гаккай, затрудняла работу среди нетрадиционных для этой организации групп населения. Кроме того, в обществе вызвали опасение жесткая структурированность и дисциплина. Все это отрицательно сказывалось на Комэйто, поэтому в январе 1970 г. ее лидеры оставили высокие посты в Сока гаккай, и Икэда заявил о четком разделении Сока гаккай как религиозной организации и Комэйто как политической партии.

Пересмотренная, очищенная от религиозных терминов новая программа была принята в 1970 г. Текст этого декларативного по своему характеру документа уместился на одной страничке. В нем не содержалось сколько-нибудь конкретизированных положений. Это позволило партии в будущем менять свои позиции по актуальным проблемам. Комэйто провозгласила себя «народной партией», идущей «по среднему пути уважения человеческого достоинства», осуществляющей на практике политику обновления (реформирования), разделяющей концепцию «гуманного социализма». Курс «среднего пути» основывался на четырех принципах: гуманизме (все делается ради лучшей доли человека), целостности (признание многополюсности мира, отказ от использования двухполюсных категорий), постепенности (длительность изменения не только системы, но и человека), пацифизме. Под «гуманным социализмом» Комэйто подразумевала достижение

поставленных целей «без каких бы то ни было жертв». Партия широко использовала популярные этические термины, пришедшие с буддизмом.

Целью партии признавалось построение «общества благосостояния», в котором обеспечивалось бы процветание всего общества и счастье отдельных граждан. Краткость программы компенсировалась постоянными дополнительными комментариями, которые делались во время подготовки решений ежегодных съездов партии, при разработке партийной платформы во время избирательных кампаний. Появление на политической сцене новой, довольно влиятельной партии осложнило расстановку политических сил. Перетянув на свою сторону часть трудящихся, составляющих так называемые новые городские слои, Комэйто сократила сферу влияния КПЯ и СПЯ, но в то же время расширила лагерь оппозиции. Теперь консерваторы должны были учитывать возможность создания коалиции оппозиционных сил, которая могла выступить против правящей ЛДП.

Принятая на VIII съезде КПЯ в 1961 г. программа на долгие годы определила ее стратегические установки. Прежде всего, в программе была изложена концепция двух этапов революционного процесса. В Японии, которая оценивалась как высокоразвитое капиталистическое государство, зависящее тем не менее от американского империализма, предстоящая революция рассматривалась как новая демократическая революция народа против двух врагов — американского империализма и японского монополистического капитала. Затем следовал социалистический этап революции. Средством построения социализма признавалась диктатура пролетариата.

В программе был взят курс на всемерное использование «мирных возможностей развития революционного процесса». В связи с этим важным признавалось формирование «единого фронта прогрессивных сил» как решающего фактора в борьбе за завоевание власти мирным путем. Получив большинство в парламенте, этот единый фронт мог бы прийти к власти. Таким образом, компартия взяла курс на мирные, парламентские формы политической борьбы. Но старым партийным кадрам было чрезвычайно сложно перестроиться, отказаться от левачества и сектантства. Не случайно у японских коммунистов встретили поддержку призывы Пекина разворачивать повсеместную «борьбу с современным ревизионизмом» (имелась в виду борьба с КПСС), которая на долгие годы стала официальным курсом КПЯ и мешала преодолению догматизма. КПЯ навязывала ее многим общественным организациям, что нередко приводило к их расколу.

К началу 1970-х годов компартия, наконец, осознала бесперспективность подобной деятельности и заявила о разворачивании политической борьбы за парламент, что требовало разработку новых, привлекательных для масс избирателей идей, отвечающих условиям высокоразвитой капиталистической страны, народ которой ценит свои демократические завоевания. Руководство партии разработало концепцию «народного парламентаризма», суть которой определялась как «серьезное внимание к подлинно демократической, прогрессивной системе представительства» в условиях многопартийности.

Если партии среднего пути раз и навсегда отвергли сотрудничество с КПЯ, то СПЯ колебалась. Достигая соглашений на локальном уровне, партии добивались успехов на выборах глав местных администраций. В пяти префектурах — Токио, Киото, Осака, Окинава, Сайтама, а также в ряде городов руководителями местных органов власти (губернаторами и мэрами) стали представители прогрессивных сил.

Как видно из вышесказанного, все японские политические партии декларировали свой народный, общенародный характер. Но практически только ЛДП представляла общенациональные интересы, а оппозиционные партии — интересы отдельных слоев и групп населения.

С первых послевоенных лет просматривалась прямая и тесная связь оппозиционных партий с профсоюзами. Их отношения традиционно строились по принципу «одна партия — один профсоюзный центр». Все члены такого объединения, включая и членов их семей, были обязаны поддерживать только одну связанную с ним партию. Таким образом, в лице того или иного профцентра партии обретали опору в рабочем движении и создавали стимул для повышения интереса профсоюзов к политической деятельности. В 1964 г. создается Конфедерация японских профсоюзов (далее Домэй) — второй после Сохё по численности (2,12 млн. человек) профцентр, сразу же поддержавший ПДС. Кроме того, созданные ранее Совет связи независимых профсоюзов (1956, 1,59 млн. человек, далее Тюрицу рорэн) и Новый конгресс производственных профсоюзов (1952, 62 тыс. человек, далее Синсамбэцу) также придерживались центристской ориентации и играли заметную роль в проведении кампаний так называемых «весенних наступлений», направленных на завоевание трудящимися социальных гарантий (о чем речь ниже).

В 1960-е годы между профцентрами и партиями оформляется специфическая система отношений. Долгие годы в политической системе Японии функционировали достаточно устойчивые

профсоюзно-партийные блоки Сохё—СПЯ, Домэй—ПДС. Блокирование привело к тому, что профсоюзы всемерно поддерживали «свои» партии (финансами, людскими ресурсами, мобилизационными возможностями), а те, в свою очередь, успешно проводили собственную политику в профсоюзах. Однако главное состояло в том, что каждый участник блока добивался осуществления своих целей с помощью друг друга, а вместе они содействовали динамичному развитию общества. Например, без блока Сохё—СПЯ был бы невозможен подъем демократического движения в стране, не приобрела бы масштабность борьба в защиту мира и конституции.

Первоначально в этом блоке Сохё в какой-то мере замещал на политической арене ослабленную разногласиями СПЯ. По мере укрепления эта партия превратилась в своего рода политический отдел или парламентскую фракцию Сохё. Значительная часть депутатов от СПЯ была или членами профцентра, или выдвигалась при его поддержке (в разные годы их доля колебалась от 30% до 60%) общего числа депутатов-социалистов. Между Сохё и СПЯ существовала взаимовыгодная связь — ни один кандидат партии практически не мог добиться успеха без поддержки профсоюзов, но в то же время принадлежность профсоюзных функционеров к СПЯ давала им возможность избираться во все представительные органы власти и обеспечивала подъем по социальной лестнице. До некоторой степени происходило слияние соцпартии и профсоюзов, которые как бы восполняли отсутствие у нее сильных низовых организаций. При такой системе отношений Сохё фактически выступал в парламенте как политическая сила.

Ориентированная лишь на парламентскую деятельность, СПЯ рассматривала Сохё исключительно прагматически, как базу для проведения избирательных кампаний, упуская из виду необходимость действенной программы сплочения разобщенного профсоюзного движения. Это привело впоследствии к тому, что реорганизация профсоюзной системы пошла по сценарию, предложенному блоком Домэй—ПДС. Положение Сохё осложнялось наличием в нем, как и в соцпартии, различных фракций, что значительно ослабляло его и создавало предпосылки для отрыва от него профсоюзов как справа (на сторону блока Домэй—ПДС), так и слева (на сторону КПЯ). Это подрывало позиции и СПЯ, и Сохё, сужало сферу их влияния в обществе в целом, вынуждая постоянно уступать инициативу политическим соперникам.

Блок Домэй—ПДС, в котором конфедерация в силу своей отпосительной монолитности сразу же стала играть ведущую роль, сумел активно включиться в движение по сплочению рабочего

фронта. В отличие от Сохё Домэй сразу же предложила конкретную программу действий – распустить все профцентры и создать на их основе единое объединение, придерживающееся курса социального компромисса. Это направление оказалось весьма перспективным. Успешному продвижению блока Домэй–ПДС способствовали структурная перестройка экономики и связанные с ней изменения в составе наемной рабочей силы, распространение системы участия работников в управлении производством, объединение профсоюзов работников ведущих отраслей промышленности частного сектора, большинство которых входило в конфедерацию. Ослабление позиций Сохё и укрепление, соответственно, Домэй были объективным процессом, отражавшим социально-экономическую ситуацию в стране.

В середине 1950-х годов, в условиях первой послевоенной перестройки промышленности, прежде всего крупнейших частных предприятий ведущих отраслей, начавшегося быстрого экономического подъема на базе движения за повышение производительности труда и рационализации производства, профсоюзы, ограниченные рамками предприятия, не могли эффективно вести борьбу в защиту прав трудящихся. Поиск профсоюзами путей преодоления отрицательного воздействия специфики пофирменной структуры на эффективность их борьбы был очень трудным. Первоначально стали организовывать совместную борьбу в рамках отрасли, затем межотраслевую в общенациональном масштабе. Так создавалась база для всемирно известных «весенних наступлений» японских трудящихся в защиту своих прав. Началось все с образования в 1954 г. пятью отраслевыми профсоюзами Комитета совместной борьбы за повышение заработной платы и улучшение условий труда, в следующем году к ним присоединилось еще три. В 1956 г. к отраслевым профсоюзам частного сектора примкнула Национальная федерация профсоюзов государственных служащих. С этого момента и начался отсчет «весенних наступлений». Эта форма борьбы не имеет аналогов в других развитых странах.

Для их проведения ежегодно создавался Объединенный комитет, в который входили основные профцентры. Он выполнял координационные функции. Профсоюзы на предприятиях отрасли согласовывали под руководством отраслевого союза требования о повышении заработной платы, процедуру одновременного проведения переговоров и забастовок. На основе тактики «весенних наступлений» появилась возможность вести переговоры в масштабе всей отрасли путем организации единых действий и одновременных забастовок, вплоть до общенациональных. Причем

увеличение заработной платы работников одной отрасли вело, как правило, к такому же ее повышению в других. Ежегодные весенние кампании стали инструментом социального регулирования оплаты труда наемных работников, с помощью которого обеспечивался общий подъем ее уровня на протяжении нескольких десятилетий.

Ежегодное повышение заработной платы в Японии проводится всегда весной. Это было обусловлено несколькими причинами. В апреле окончившие обучение молодые люди нанимаются на работу. Одновременно многие компании повышают заработную плату, как это предусмотрено системой оплаты по старшинству, которая вместе с пофирменными профсоюзами и системой пожизненного найма составляла базу трудовых отношений в стране. Кроме того, в это же время заканчивается финансовый год, и фирмы готовят балансовые счета, проводят перемещение и поощрение персонала и пр. В период зарождения «весенних наступлений» их поддерживало всего лишь 15% организованных работников, а в 1960-е годы они уже стали массовыми, социально значимыми кампаниями.

Основной формой проведения «весенних наступлений» были забастовки, в которых принимали участие миллионы трудящихся. Например, в 1965 г. в них участвовало 6,7 млн. наемных работников. Соотношение спроса и предложения на рынке труда (нехватка молодой рабочей силы, необходимой для развития новых отраслей промышленности) благоприятствовало осуществлению требований работников. Это вело к резкому увеличению числа участников этих кампаний, и им удавалось добиваться значительного повышения заработной платы. Ежегодная прибавка составляла около 19%, а в отдельные годы достигала 20–30%. Самой высокой она была в 1974 г. – 32,9%, именно на этот год пришелся пик активности «весенних наступлений».

До середины 1960-х годов имели место достаточно серьезные трудовые конфликты, и интересы сторон вступали в глубокое противоречие. Нефтяной кризис послужил как бы поворотным моментом, и число трудовых конфликтов и потерянных часов, достигнув пика в 1974 г., начало постепенно уменьшаться. Японская система трудовых отношений прошла путь от острых конфликтов 1950-х годов к модели сотрудничества последующих десятилетий. Причина таких изменений лежит не в культурных традициях, а в сознательных усилиях покончить со старой системой конфронтации и создать новую систему отношений с упором на доверие и совместные консультации: она более продуктивна для экономического развития.

Развитие американского и азиатского направлений во внешней политике

В 1960-е годы во внешней политике Япония продолжала четко придерживаться линии на расширение и укрепление японо-американских связей, но стремилась при этом соблюдать прежде всего свои экономические интересы. Лидеры страны исходили из того, что экономическое развитие и политическая стабильность играют важную роль в американской стратегии «сдерживания коммунизма». Это был серьезный довод отклонять настойчивые требования США относительно увеличения военного потенциала страны. Учитывая стратегическое значение Японских островов как военной базы на Дальнем Востоке, США шли на определенные экономические уступки, тем более что в первой половине 1960-х годов они имели положительное сальдо в торговле с Японией.

В то же время противоречия между странами охватывали широкий круг проблем и приобретали подчас довольно острый характер. Речь шла о серьезных расхождениях по вопросу о расчетах за так называемую американскую помощь в первые послевоенные годы, о возвращении островов Рюкю, об обострении конкурентной борьбы за рынки сбыта, за господство на морских торговых путях, за расширение воздушно-транспортных линий.

Обострение отношений между партнерами произошло в середине 1960-х годов, когда Япония отмежевывалась от американских бомбардировок ДРВ (но в действительности активно поддерживала политику США), а японский экспорт в США превысил по стоимости импорт из этой страны. Но главной причиной было усиление экономической мощи Японии. Острые дебаты шли и по вопросу о судьбе договора безопасности. США выступали за его автоматическое продление, а Япония предлагала продлить на десять лет.

Судьба этого договора рассматривалась в контексте провозглашенной США в 1969 г. так называемой Гуамской доктрины Никсона. Согласно ей, предусматривалось сокращение физического военного присутствия США в странах Азии и более широкое использование военной силы их азиатских союзников. Особое место отводилось Японии, которая должна была взять на себя бремя расходов по поддержанию экономической и политической стабильности азиатских союзников США. Неслучайно Никсон заявил, что «наше партнерство с Японией даст ключ к успеху этой доктрины в Азии». Лидеры Японии прекрасно понимали, куда может привести страну такая политика, и поэтому, в частности, не допус-

принципа втягивания страны непосредственно в военные действия во Вьетнаме. Другими словами, японцы старались проводить более осторожный и взвешенный внешнеполитический курс.

Проводником этой политики был Сато Эйсаку, бывший председателем ЛДП и премьер-министром Японии с ноября 1964 по июнь 1972 г. За эти годы он сформировал четыре кабинета. Сато установил абсолютный рекорд продолжительности пребывания на этом посту. Как и большинство политических лидеров страны старшего поколения, Сато, конечно же, учился в Токийском императорском университете и еще в студенческие годы «баловался политикой», участвуя в студенческих политических дискуссиях. После окончания университета долгие годы работал на железнодорожном транспорте, где в итоге занял достаточно высокий пост. Многие отзывались о нем как о человеке, наделенном здравым смыслом, осмотрительном, миролюбивом по характеру и очень аккуратном. После окончания войны начинается его успешная политическая карьера, которой не в малой степени способствовал его дальний родственник Ёсида Сигэру. Сато последовательно занимал ряд важных должностей в правительствах Ёсиды, Киси, Икэды. После ухода по болезни в отставку Икэды в конце 1964 г., он становится премьер-министром. На время его премьерства пришлось завершение превращения Японии в один из крупнейших центров капиталистического мира. Это требовало повышения ее роли в мировой политике и особенно в Азии, на чем и настаивал Сато. Ему удалось решить целый ряд серьезных внешнеполитических проблем. За нормализацию японо-южнокорейских отношений он получил Нобелевскую премию мира в 1974 г.

В ходе переговоров с США по вопросу о «договоре безопасности» Япония добилась благоприятного для себя решения проблемы возвращения административных прав на Окинаву. В совместном коммюнике было заявлено, что эта территория будет возвращена Японии в 1972 г. Соглашение о ее возврате в значительной степени изменило характер «договора безопасности», поскольку на нее распространялось действие статьи 5 «договора безопасности», и таким образом она включалась «в сферу обороны Японии». В июне 1970 г. японское правительство опубликовало официальное заявление об автоматическом продлении японо-американского «договора безопасности». Этим договором Япония еще теснее привязывалась к стратегии США на Дальнем Востоке и в странах Юго-Восточной Азии.

В ноябре 1961 г. премьер Икэда отправился с 15-дневной «миссией доброй воли» в Индию, Пакистан, Бирму и Таиланд. Однако главной задачей было склонить Индию и Бирму к пересмотру их

политики в обмен на обещание увеличить экономическую помощь, но добиться этого ему не удалось. Во время этой поездки Икэда явно выступал как эмиссар США, задачей которого было «предотвращение распространения коммунизма путем оказания экономической помощи». Кроме того, США были не прочь направить сюда потоки японских товаров, ослабить давление на свой внутренний рынок и тем самым сгладить остроту японо-американских противоречий.

В середине 1960-х годов в азиатской политике Японии наблюдалось резкое расширение всех форм и методов экономического проникновения на базе возросшей мощи ее экономики. ЮВА в это время заняла особое место во внешнеэкономических связях страны. Наряду с США регион стал важнейшим рынком сбыта для японской промышленности. Кабинеты Икэда уделяли большое внимание внешнеэкономической деятельности. Наблюдалось теснейшее переплетение экономических и политических целей, и выдвигались далеко идущие планы создания «азиатско-тихоокеанского сообщества» и региональных блоков в различных формах под эгидой Японии.

Премьер-министр Сато в октябре 1967 г. посетил Южную Корею, Южный Вьетнам, Таиланд, Филиппины, Лаос, Бирму, Индонезию, Малайзию, Сингапур, Австралию и Новую Зеландию. Он пропагандировал политику так называемого «нового лидерства» и особое внимание уделил странам, входившим в созданный с участием Японии в 1966 г. Азиатско-тихоокеанский совет (АЗПАК). Это был политический союз стран, большинство из которых имело военные договоры с США. Все они в той или иной степени поддерживали агрессию США во Вьетнаме, так же действовало и правительство Сато. Наряду с морально-политической поддержкой американской агрессии, Япония внесла существенный вклад в материально-техническое обеспечение военных действий. Более того, США широко использовали военные базы на японской территории.

В плане диверсификации внешнеполитических отношений Японии можно рассматривать и восстановление дипломатических отношений с Республикой Корея в 1965 г. Япония всегда считала Корейский полуостров сферой ее жизненно важных интересов. Оттуда пришла континентальная цивилизация в Японию и туда же в начале XX века пришла сама Япония. Несмотря на ее уход после капитуляции, на отношениях двух народов и по сей день лежит груз прошлого. Специфика отношений с двумя корейскими государствами заключалась именно в том, что многие неурегулированные материальные, финансовые, политические, политико-

психологические проблемы уходят в колониальное прошлое. Все это сказалось на затяжном характере переговоров о нормализации дипломатических отношений, которые начались в 1952 г. и закончились только в 1965 г.

Сразу же выявилась разность подходов обеих сторон к условиям их урегулирования. Корейская сторона выдвинула чрезвычайно завышенные материальные требования (800 млн. долл.), что было непосильным бременем для японской экономики, и потребовала признания так называемой линии Ли Сынмана (имелось в виду запрещение рыболовства в районе открытого моря в 150–200-мильной зоне от берегов Кореи), что причиняло серьезный ущерб японскому рыболовству. На жесткую позицию корейского правительства влиял и личный антияпонский настрой Ли Сынмана, энергично боровшегося против Японии в иммиграции. Поэтому переговоры шли очень трудно, неоднократно прерывались по требованию то одной, то другой стороны.

В результате серьезных перемен во внутривластной жизни в Республике Корея в 1960–1961 гг. (уход Ли Сынмана в отставку и установление режима Пак Чжонхи) меняется внешнеполитическая ориентация страны. Этому содействовал прояпонски настроенный Пак Чжонхи, который прекрасно говорил по-японски, знал японскую культуру и видел в Японии модель для развития своей страны. В нормализации двусторонних отношений каждая из сторон, а также Соединенные Штаты преследовали свои цели. Япония была заинтересована в южнокорейском рынке. Южная Корея искала новые источники финансирования ввиду сокращения экономической помощи со стороны США. А Соединенные Штаты стремились создать единую военно-политическую и экономическую систему противостояния «советскому экспансионизму» и «сдерживания коммунизма в Азии» (другими словами, для США был очень важен военный аспект).

Добившись согласия на выплату 500 млн. долл. репараций и перенос «линии мира» на 12 миль от берегов Кореи, обе стороны подписали в 1965 г. Основной договор об отношениях между Японией и Республикой Корея. При этом Япония пошла на серьезные уступки. Во-первых, уже само заключение этого договора являлось уступкой с ее стороны, поскольку в течение многих лет она считала необходимым предварительно решить все спорные вопросы. Во-вторых, она согласилась на предложенный Южной Кореей формат документа – договор, а не декларация, хотя не была решена территориальная проблема (притязание на острова Такэсима). И самое главное – Япония признала, что правительство Республики Корея является «единственным законно учрежден-

ным правительством на корейском полуострове». Одновременно были подписаны соглашения по экономическим вопросам, рыболовству, а также о статусе проживающих в Японии корейцев. Вклад Японии в развитие экономики Южной Кореи стал основой ее экономического чуда, но и Япония имела здесь надежный рынок сбыта своих товаров и источник дешевой рабочей силы.

Стремясь установить добрососедские отношения с Японией, советское правительство энергично содействовало развитию экономических связей с этой страной. Ставка была сделана на реальную заинтересованность партнера в природных ресурсах Сибири и Дальнего Востока. После длительных переговоров было подписано долгосрочное «Соглашение о товарообороте между СССР и Японией на 1960–1962 гг.», взаимовыгодное для обеих сторон. Советская сторона размещала в Японии заказы на сухогрузы, танкеры, железнодорожный подвижной состав, оборудование для пищевой, химической и машиностроительной промышленности. Япония получала коксующийся уголь, сырую нефть, мазут, руду. Затем были заключены соглашения по рыболовству и добыче морской капусты, подписан контракт на приобретение советской технологии по непрерывной разливке стали. В 1967 г. было открыто регулярное авиасообщение между Москвой и Токио на условиях совместной эксплуатации новой линии. Успешное развитие советско-японских экономических связей вызывало недовольство США. Несмотря на все сложности, Советский Союз последовательно и настойчиво проводил политику укрепления добрососедских отношений с Японией на основе развития взаимовыгодных экономических связей и культурного сотрудничества.

Нормализация отношений с КНР и кабинет Танака

Неучастие КНР в Сан-Францисской мирной конференции и подписание мирного договора Японии с Тайванем (что было результатом жесткого давления со стороны США) на долгие двадцать лет отодвинули установление полнокровных дипломатических японо-китайских отношений. В то же время эти двусторонние отношения – пример практицизма Японии на международной арене, когда внешнеэкономические соображения берут верх над всякого рода политическими и идеологическими. На подходе Японии к Китаю сказывалась масса факторов, которых

нет в отношениях с другими странами. Среди них можно назвать и вечное преклонение перед китайской цивилизацией, вина за действия во время прошедшей войны, географическая близость великой, богатой природными ресурсами страны. Но главное состояло в том, что подход японского правительства к Китаю находился в прямой зависимости от позиции США.

Несмотря на отсутствие официальных отношений, между Японией и КНР существовали достаточно широкие возможности для налаживания экономических, торговых, культурных и других контактов и обменов на неправительственном уровне. Торговля осуществлялась между частными японскими фирмами (в основном мелкими и средними, в то время как крупные были ориентированы на США) и внешнеторговыми организациями КНР. Такая форма торговых связей не имела прецедента и выходила за рамки всех общепризнанных форм и правил мировой торговли. По замечанию Э. Рейшауэра, «Япония добилась в рамках неофициальных отношений большего, чем Великобритания и Франция, официально признавшие Китай»¹⁷.

Особенно активно двусторонняя торговля развивалась по инициативе китайской стороны начиная с 1958 г. по линии так называемых дружественных фирм. Такой статус получали те из них, которые давали «гарантии дружественного отношения» к КНР и были рекомендованы одной из идеологически близких Пекину политических или общественных организаций (КПЯ, СПЯ, Общество китайско-японской дружбы и пр.). С 1962 г. вплоть до восстановления дипломатических отношений торговля шла также в соответствии с меморандумом «Ляо-Такасаки» и пользовалась поддержкой обоих государств. Подход Японии к развитию отношений с Китаем являлся примером осуществления в сфере внешней политики принципа «отделения политики от экономики». Реализации торгово-экономических интересов Японии в условиях отсутствия официальных отношений между государствами в значительной мере способствовала постепенная переориентация Пекина на развитие отношений с капиталистическими странами.

В то же время существовал и целый набор факторов, которые тормозили развитие отношений. В первую очередь к ним относилась существовавшая в то время биполярная структура международных отношений, вовлечение Японии в американскую стратегию «сдерживания Китая» (вначале это было «сдерживание путем изоляции», позже – «сдерживание без изоляции»), наличие договора с Тайванем.

¹⁷ Reischauer E. Asian Dilemma: United States, Japan and China. 1969, p. 6.

Став к началу 1970-х годов второй промышленной державой капиталистического мира, Япония, как уже говорилось, начала задумываться о большей самостоятельности в сфере внешней политики. Отношения с КНР играли немаловажную роль в продвижении к этой цели. Но главной причиной, которая стимулировала изменение политики США и Японии в отношении КНР, состояла в том, что в это время ввиду последовательного противостояния Пекина Москве «китайская угроза» более не воспринималась как составная часть общей коммунистической угрозы.

Нормализации японо-китайских отношений предшествовали длительные переговоры на неофициальном уровне. С середины 1950-х годов установились довольно регулярные контакты между деловыми и политическими кругами Японии и китайским руководством. В конфиденциальных переговорах японская сторона использовала представителей оппозиционных партий (СПЯ, ПДС, Комэйто), которые имели хорошие связи с китайскими лидерами. К концу 1960-х годов в стране сложилось достаточно широкое «пропекинское лобби», в которое входили представители правящей партии и оппозиции. Несмотря на наличие в рядах ЛДП влиятельной протайваньской группировки, ее члены не выступали против нормализации японо-китайских отношений, но хотели, чтобы они шли медленно, при сохранении тесных связей с Тайванем.

Однако непосредственная подготовка японского руководства к акту нормализации отношений с КНР проходила в обстановке поспешности и смятения, которые были вызваны неожиданным для него визитом президента США Р. Никсона в феврале 1972 г. в Пекин. Во время визита было объявлено о готовности Вашингтона к существенному улучшению американо-китайских отношений. Реакция японской стороны на эти действия США получила название «шок Никсона». Это был удар по репутации Японии, которая позиционировала себя как посредника в отношениях США и Запада с КНР. Инициатива Вашингтона в отношении КНР оценивалась как посягательство на интересы Японии, которая рассматривала Китай как традиционную зону своих интересов. Кроме того, в условиях существовавших экономических трений с США возникало подозрение относительно возможности использования Китая США как противовеса Японии в АТР.

В такой ситуации от японского руководства требовалось быстрое реагирование, на которое оказалось неспособно правительство Сато. Кроме того, Пекин открыто требовал отставки его кабинета, что, в общем, не противоречило преобладающим к тому времени настроениям в стране, переживавшей нарастающий внутрисполитический кризис. Начавшийся спад деловой активнос-

инфляционные явления обостряли социальные противоречия, способствовали росту массового недовольства политикой ЛДП. Непопулярность к началу 1970-х годов приобрела проблема загрязнения окружающей среды отходами промышленных предприятий и транспорта, и правительство было вынуждено принять серию законов, ограничивающих вредоносную деятельность предприятий. Партия фактически теряла инициативу в парламенте, стараясь лишь преодолевать многочисленные кризисные ситуации по мере их возникновения (уступка правительства в решении вопроса о военных расходах, недопущение оппозицией принятия закона об охране государственной тайны в целях ограничения деятельности печати и т.д.).

Еще с осени 1971 г. в политических кругах начали обсуждать предстоящий уход Сато с поста премьер-министра, который он занимал в течение 7 лет, самый длительный срок. В вину его правительству ставили не только вышеперечисленные социально-экономические причины, но и некоторое обострение отношений с США, негибкость позиции по китайскому вопросу, уклон в сторону Тайваня, представитель которого в 1971 г. был изгнан из ООН. Медлив с решением китайской проблемы, Сато при поддержке заинтересованных деловых кругов расширял экономическую экспансию в сопредельные азиатские регионы, где в лице КНР видели не столько потенциального экономического контрагента, сколько соперника в борьбе за политическую гегемонию в ЮВА. Согласно опросу общественного мнения, престиж правительства резко упал: кабинет Сато поддержали 19% опрошенных, а 64% высказались против него. В июне 1972 г. правительство Сато ушло в отставку.

Сразу же развернулась жесткая борьба за высший партийный пост в ЛДП. Кроме бывших членов кабинета Сато — Фукуда Такэо и Танака Какуэй, на него претендовали председатель совета по общим вопросам Накасонэ Ясухиро и бывшие министры иностранных дел Охирэ Масасэи и Мики Такэо. Предпочтительными были позиции первой пары, и особенно Танака, который обладал обширными связями в деловом мире. Перед вторым туром голосования Охирэ и Мики сняли свои кандидатуры. Накасонэ сделал это еще раньше, и победа Танака 7 июля 1972 г. стала очевидной. Официально он всего два года пребывал на посту председателя и премьера, но оказал огромное влияние на политическую жизнь. Его правительство представляло собой коалицию группировок, оказавших ему поддержку на выборах на пост председателя партии. Охирэ получил портфель министра иностранных дел, Накасонэ — министра МВТП, Мики — заместителя премьер-министра.

Фукуда не смирился с поражением и начал реорганизацию своей фракции, готовясь к предстоящей борьбе.

В обстановке нараставшего в стране «китайского бума» наблюдалась редкая активизация общественного интереса к дипломатическому признанию Китая. В сентябре 1972 г. в Пекине правительственные делегации двух стран подписали Совместное заявление о восстановлении межгосударственных отношений. С точки зрения достигнутых договоренностей в отношениях с Пекином Токио пошел дальше США.

Подписав Совместное заявление, Япония признавала правительство КНР как «единственно законное правительство Китая» (пункт 2). По поводу Тайваня было сказано: «Правительство КНР повторяет, что Тайвань представляет собой неотъемлемую часть территории КНР. Правительство Японии с полным пониманием и уважением относится к этой позиции правительства КНР и твердо придерживается Потсдамской декларации» (пункт 3). Формулировка этого пункта являлась примером дипломатического решения деликатного вопроса. В принципе Япония не возражала против признания Тайваня частью территории КНР. Более того, по Сан-Францисскому мирному договору она отказалась от каких-либо притязаний на этот остров. Но по этой же причине, с юридической точки зрения, она была не вправе выражать «понимание и уважение» позиции Китая по этому вопросу. Выход был найден в виде ссылки на Потсдамскую декларацию, в которой говорилось, что условия капитуляции Японии требовали признания положений Каирской декларации (1943) о возвращении Японией Китаю всех захваченных территорий.

Так же деликатно был решен вопрос о ликвидации действовавшего двадцать лет японо-тайваньского договора. В соглашении говорилось: «Ненормальное состояние отношений, существовавшее до сих пор между Японией и КНР, прекращается в день опубликования совместного заявления» (пункт 1). Под «ненормальным состоянием» подразумевалось существование договора 1952 г. На основе этого компромиссного решения бывший в то время министр иностранных дел Японии Охира Масаёси официально объявил на пресс-конференции в Пекине, что этот договор утратил силу. В преамбуле соглашения говорилось о раскаянии Японии в том, что она вела войну против Китая. «Японская сторона глубоко осознает ответственность за тот серьезный ущерб, который Япония нанесла в прошлом во время войны китайскому народу, и глубоко сожалеет об этом». Впоследствии эта формулировка стала основой извинений японского правительства перед

пародами Азии. Одновременно Пекин отказался от репарационных претензий к Японии (пункт 5).

В Совместном заявлении отмечалось, что «нормализация отношений между Китаем и Японией не направлена против третьих стран». Обе стороны обязались не добиваться гегемонии в АТР, а также выступать против усилий любой другой страны или группы стран к установлению такой гегемонии (пункт 7). Это – так называемый пункт о гегемонизме в то время не привлек особого внимания ни участников переговоров, ни соседних стран. Но он стал самым трудным, решающим на переговорах о заключении японо-китайского договора о мире и дружбе¹⁸.

Нормализация отношений между Японией и КНР была осуществлена на основе взаимных уступок и позволила каждой из держав добиться полного или частичного достижения некоторых своих целей. Она открыла путь для известного сближения, но отнюдь не сняла все разногласия и противоречия в области экономических и политических связей.

После успешной нормализации отношений с КНР, Танака во время своего официального визита в СССР по приглашению советского правительства (октябрь 1973) надеялся на серьезный прорыв в двусторонних японо-советских отношениях. В итоге переговоров было подписано совместное советско-японское заявление, в котором лидеры обеих стран отметили важность урегулирования нерешенных вопросов, оставшихся со времен Второй мировой войны, и заключения мирного договора между СССР и Японией. Прорыва в этом направлении не произошло.

Серьезно осложняла положение кабинета Танака неспособность справиться с инфляцией в связи с развитием энергетического кризиса, что привело к крупнейшей за всю историю «весенних наступлений» всеобщей забастовке профсоюзов работников государственных железных дорог, почт, телеграфа и телефона. К ней примкнули работники частных железных дорог, и ее поддержали служащие органов местного самоуправления (всего 3,6 млн. человек). Не увенчалась успехом попытка пересмотра избирательной системы, которая предусматривала введение одномандатных округов в интересах правящей партии. В этом случае она могла бы обеспечить себе 80% депутатских мандатов даже в случае получения всего 40% голосов избирателей.

В ноябре 1973 г., воспользовавшись кончиной министра финансов К. Аити, Танака провел реорганизацию кабинета для преодоления серьезнейшего экономического кризиса. Из 19 ми-

¹⁸ История Японии 1945–1975. М., 1978, с. 428–429.

нистров 11 были назначены заново, но ближайшие соратники премьера — будущие премьеры Охира, Мики, Накасонэ сохранили свои посты. Министром финансов был назначен главный соперник Танака — Фукуда, который всегда резко критиковал его экономическую политику. Этот шаг был сделан ради укрепления позиций правительства в целом. Кроме того, в нем было сокращено число членов кабинета — с пяти до трех, которые принадлежали к фракции Танака, и соответственно увеличено по одному от фракций Фукуда и Накасонэ.

Но это не улучшило положения, и после неудачных для ЛДП очередных выборов в палату советников летом 1974 г. Мики и Фукуда ушли в отставку и принялись резко критиковать политику правительства. Начался глубокий кризис кабинета Танака, в основе которого, как уже говорилось, лежали экономические трудности.

Программу разрешения этих трудностей К.Танака изложил в своей нашумевшей книге «План преобразования японского архипелага»¹⁹, которую он опубликовал еще будучи министром внешней торговли и промышленности. Это была долгосрочная программа развития Японии, рассчитанная на 12–15 лет. В ее основе лежало преодоление диспропорций в территориальном размещении производительных сил и развитие отсталых районов, выполнение крупномасштабных строительных проектов. Вокруг книги сразу же возник политический бум. Она выдержала более 30 изданий, разошлась в миллионных экземплярах.

Однако даже просто предложенные методы разрешения насущных экономических проблем вызвали резкое повышение цен на землю, что еще больше подогрело инфляцию. План подвергся серьезной критике прежде всего потому, что его реализация потребовала бы увеличения налогового бремени. Но несмотря на это, на заседании экономического совета во время обсуждения Базового плана экономического и социального развития на 1973–1977 гг., который предусматривал высокие темпы роста, Танака, уже будучи премьер-министром, настоял, чтобы в него были включены основные положения его плана. Однако реальное развитие экономики пошло по другому пути.

Проведя в ноябре еще одну реорганизацию правительства, премьер попытался упрочить свое положение, но потерпел фиаско. У него не оставалось иного выхода, кроме отставки, что и свершилось в ноябре 1974 г.

¹⁹ Нихон рэтто кайдзо рон (План преобразования японского архипелага). Токио, 1972, 219 с.

Выход в мировое культурное пространство

Первую половину 1950-х годов с полным правом можно назвать золотым веком японского кинематографа, когда он получил мировое признание. Затем японская культура заявила о себе плеядой блестящих писателей. В это время создавали новые произведения классики Танидзаки Дзюнъитиро и Кавабата Ясунари, приращенные традициям многовековой национальной литературы.

Далекий от какой-либо идеологии Кавабата в своих произведениях преклонялся перед бесконечно меняющейся красотой природы своей страны, ее гармонией. В его творчестве было воплощено традиционное представление японцев о красоте, о прекрасном как быстротекущем, ненавязчивом, внутренне благородным. В то же время он признавал необходимость обмена духовными ценностями разных народов, ибо главное, по его убеждению, это их духовная красота, нравственные ценности, лежащие в основе любой культурной традиции.

К своим известным довоенным произведениям «Танцовщица из Идзу» и «Снежная страна» в послевоенный период Кавабата добавил романы «Мастер», «Стон горы», «Тысяча журавлей». В них автор использует законы традиционной поэтики, передает особенности мироощущения японцев. Действия его романов развиваются на фоне прекрасных пейзажей, архитектуры, что воссоздает своеобразный колорит жизни японцев. За воспевание японской красоты во всех ее проявлениях он был удостоен в 1955 г. звания «человек-сокровище». Высшим международным признанием его литературных заслуг было присуждение ему в 1968 г. Нобелевской премии.

В постановлении Нобелевского комитета говорилось, что премия присуждена за «писательское мастерство, которое с большим чувством выражает суть японского образа мышления». Речь шла о самобытном понимании прекрасного в произведениях этого писателя, о специфике его художественного видения мира, корни которого уходят в древнюю культуру страны. Свою нобелевскую речь, не случайно названную «Красотой Японии рожденный», он начал стихотворением дзэнского поэта Догэна (1200–1253): Цветы — весной, кукушка — летом, осенью — луна, холодный чистый снег — зимой. «Здесь простые образы и простые слова, они незамысловаты, даже подчеркнуто просто поставлены рядом, но они-то и передают сокровенную суть японской души»²⁰, — говорил Кавабата. Он понимал, что это небольшое стихотворение

²⁰ Кавабата Ясунари. Повести, рассказы, эссе. М., 1971, с. 388.

Догэна может показаться европейцу примитивным, банальным, неуклюжим набором образов времен года, но его оно поражаало тонкостью, глубиной и теплотой чувства. Он считал, что красота есть всегда... Кавабата умел ее видеть и, может, потому его младший брат по литературному цеху, тоже традиционалист Мисима Юкио уподобил его «журавлю, парящему над бездной».

Мисима Юкио, как и Абэ Кобо, и Хотта Ёсио, и другие, относился к появившейся в это время так называемой «второй послевоенной группе» писателей. Но он был ярким приверженцем традиционализма, хотя в отличие, например, от Кавабата, абсолютно по-иному интерпретировал национальные эстетические и этические ценности, что делало их творчество и мировоззрение принципиально различными.

Творческая жизнь и физическая смерть Мисима Юкио уложилась в 1950–1960-е годы. Известный писатель, актер и режиссер Мисима по праву считается ярким и своеобразным прозаиком послевоенного поколения. Окончив аристократическую Школу пэров, рано начал писать, и литературное дарование вкупе с редкой эрудицией принесли ему славу и богатство. В начале творческого пути Мисима мало интересовался политикой и посвящал свои романы анализу темных сторон человеческой психики, увлекался фрейдизмом, уходя в сторону подсознательного. Его первый роман «Признание маски» (1949) был назван критикой «самым мужским романом века» и прозвучал апологией гомосексуализма. Сам Мисима с юных лет имел пристрастие к содомскому греху, что наложило отпечаток на его творчество. В следующем романе «Рокот волн» (1954) он попробовал взглянуть на мир новым, просветленным взором, с подлинным реализмом описывая суровую жизнь рыбаков. Однако вскоре вновь вернулся к изображению любимого героя – разрушителя, страдающего различными комплексами.

1950–1960-е годы были чрезвычайно плодотворными для Мисима. Он создал десятки романов, повестей, новелл, драм, сценариев, эссе и различных литературно-публицистических произведений. Мировое признание получил его роман «Золотой павильон» (1956), герой которого, сжигающий это средневековое архитектурное чудо, воплотил идею Мисима о бренности красоты и ее стремлении к самоуничтожению. Писатель старался возродить принципы традиционной эстетики на основе западного модернизма. В романе «После пира» (1960) высказывалась концепция о том, что «сильная личность» подавляет неорганизованную массу людей. Позже она стала основой жизненной философии писателя, его литературной и общественной деятельности. Увлечение древностью и мысль о необходимости воспитания

«сильной личности» сформировала его националистические построения. Он уверовал, что именно на пути отстаивания «немеркнущих духовных ценностей» самурайской морали можно помочь «возрождению нации» в его понимании. Он пропагандировал идею «красивой смерти». При этом творчество Мисима по своей сути можно назвать модернистским, ибо его произведения пронизаны духом неверия, пессимизма, взглядом на искусство как на тайный культ, присущий лишь элите, а также поэтизацией ущербной психики как знака избранности.

Актер и психолог, он любил устраивать разного рода «театральные» действия, пример которых — попытка обреченного на неудачу военного мятежа и ритуальный обряд классического *харакири* (*сэппуку*). Мисима декларировал, что общество становится театром, массы — зрителями телепередач, и искусство в конечном счете — явлением политическим, а политика театрализуется. Ареной пропаганды своих идей он выбрал силы самообороны, но они не встретили там поддержки. Тогда он решил действовать. 25 ноября 1970 г. с группой соратников он проник в штаб восточной армии в центре Токио и с балкона обратился к солдатам с призывом возродить боевой самурайский дух. Не встретив отклика, на глазах изумленных телезрителей (корреспонденты газет и телевидения были заранее оповещены о готовящемся выступлении) он разыграл по своему сценарию кровавый спектакль: выхватил короткий меч и всадил его в живот, а ближайший друг длинным мечом отрубил ему голову, а затем сам совершил харакири. Мисима надеялся, что широко разрекламированное самоубийство породит вокруг его имени героическую легенду, подобную средневековому преданию о 47 верных долгу самураях, всколыхнет в массах угасшие националистические настроения. Этот граничный фарс не оправдал его надежд, но лучшие произведения писателя не дадут забыть его имя.

На 1960-е годы приходится наиболее плодотворный период творчества одного из самых известных японских писателей Абэ Кобо. За свое первое значительное произведение — повесть «Стена» (1951), лейтмотив которой неустроенность, одиночество человека, он получил престижную литературную премию имени Акутагава Рюносукэ. Опубликованный в 1958 г. роман «Четвертый ледниковый период», в котором переплелись черты научной фантастики, детектива и западноевропейского модернистского романа укрепил положение Абэ в литературном мире Японии. Мировое признание ему принесли романы «Женщина в песках» (1962), «Чужое лицо» (1964), «Сожженная карта» (1969), «Человек-ящик» (1973).

В написанных в авангардистской манере произведениях писатель доводит до абсурда, до гротеска происходящие в жизни события. В них рассматриваются отношения между личностью и обществом. В аллегорической форме он повествует о многих аспектах социальных и нравственных проблем человека современного общества. Писатель скорее стремился выразить реальную действительность, передать ее сущность в самой обобщенной форме, а не отражать ее. Но «абсурдные», с точки зрения нормального человека, действия его героев, находящихся в духовной изоляции, всегда подчиняются своей внутренней логике. Такая манера давала повод критикам и литературоведам сравнивать его с А. Камю, Ж.-П. Сартром, Ф. Кафкой и М. Прустом.

Самым успешным, самым популярным, самым титулованным среди японских писателей стал Оэ Кэндзабуро. Он привлек к себе внимание читателей и критиков во второй половине 1950-х годов еще будучи студентом. Друзья даже прозвали его «писатель-студент». За один из первых рассказов в 23 года он получил премию имени Акутагава. А спустя 10 лет уже вышел шеститомник его избранных произведений. Темы его творчества, посвященного молодежи, — описание внутреннего мира личности, подавление ее, унижение человека в этом несовершенном мире, его отчужденности. Возможно, в этом отразился мир впечатлительного и замкнутого в детстве Оэ, который до 18 лет не видел даже паровоза, потому что жил в маленькой деревушке на острове Сикоку, но стремительно ворвавшегося в городскую жизнь столицы. По собственному определению Оэ, он был представителем «опоздавшего поколения», у которого после поражения были утрачены все иллюзии. С первых же шагов Оэ был признан как писатель необыкновенно яркой индивидуальности.

Творчество Оэ разнообразно. Это — рассказы, повести, романы, произведения для радио и телевидения. На протяжении чуть более 10 лет им было написано и издано семь романов, среди которых такие как «Опоздавшая молодежь» (1962), «Футбол 1860» (1967), «Объяли меня воды до души моей» (1973). Произведения писателя удивительно социальны, неразрывно связаны с жизнью современной Японии, проблемами молодежи. В первом говорится о судьбе героя, опоздавшего на войну, которая колечит сознание человека, превращает его в слепое орудие. Во втором, сложном по структуре, события героев нашего времени соотносятся с событиями столетней давности, когда на родине героя вспыхнуло крестьянское восстание.

На мир творчества Оэ Кэндзабуро повлияло трагическое событие в его жизни — рождение сына-первенца инвалидом, лишен-

ным дара речи. Писатель говорит, что он познавал все волнующие его проблемы через своего больного сына. Но радости и удачи ждали его впереди.

Представителями одного с Оэ Кэндзабуро поколения можно назвать имена еще двух, разных по характеру творчества, но очень популярных писателей – Исихара Синтаро и Кайко Такэси. Наиболее сенсационным было появление на литературном поприще Исихара, которому за повесть «Солнечный сезон» присудили премию Акутагава. В этом произведении впервые были показаны начавшие распространяться новые свободные нравы и формы времяпрепровождения определенной части молодежи, которые рассматривались как ниспровержение норм общепринятой морали. Позже Исихара стал депутатом парламента от ЛДП и все больше проповедовал националистические взгляды. В нашумевшем романе «LSD» конца 1960-х годов он высмеивал антивоенные настроения интеллигенции и призывал ее не вмешиваться в дела тех, кто ее ведет. «Может быть, воюющим самим хочется воевать», – цинично писал Исихара. Творчество Кайко было более созвучно настроениям Оэ. Писатель отразил в своих произведениях пустоту и абсурдность современного общества, которое подавляет личность.

В эти годы японское киноискусство переживает трудный период. Десять лет бурного процветания кинопромышленности ушли, казалось, навсегда. Сокращалось число картин, закрывались кинотеатры. Немаловажную роль сыграло в этом бурное развитие телевидения. Одновременно крупные компании ради сохранения доходов вкладывали капиталы в индустрию развлечения. Кинофирмы обрастали театральными залами, мюзикхоллами, ресторанами, торговыми центрами.

Тем не менее продолжали работать кинорежиссеры, чье творчество уже заставило говорить о них. Инагаки Хироси успешно делал римейки своих довоенных лент, которые принесли ему международную известность. За римейк на ленту «Миямото Мусаси» 1940 г. он удостоился в 1954 г. премии Оскар, а за римейк на «Жизнь Мухомасу» 1943 г. (в российском прокате «Человек-риксша») в 1958 г. получил «Золотого льва Св. Марка». В 1959 г. Синдо снял фильм «Трагедия “Счастливого дракона”», в котором рассказывается о трагедии команды японского рыболовного судна «Фукурю-мару» («Счастливый дракон»), ставшей жертвой взрыва водородной бомбы на атолле Бикини. За фильм «Голый остров» (1960), в котором он воспел две близкие ему темы – поэзию моря и поэзию труда, режиссер получил приз на очередном Московском международном кинофестивале. В 1971 г. опять же

на Московском фестивале он был удостоен Гран-при за фильм «Обнаженные девятнадцатилетние» (в советском прокате – «Сегодня жить – умереть завтра»).

В на шумевшей ленте Куросава «Красная борода» (1964) Мифунэ сыграл одну из лучших своих ролей – доктора в больнице для бедных. Действие происходит в начале XIX в. В этом фильме наиболее ярко была отражена основная мысль работ Куросава – личность реализует себя только тогда, когда творит добро. За роль в этом фильме Мифунэ стал лауреатом Московского кинофестиваля.

В это время значительное место в кинематографе занял своеобразный жанр самурайских фильмов («тямбара»). В них безукоризненная пластика фехтовальщиков напоминает танцевальную пластику актеров театра Кабуки. История этого жанра пестра и неровна. Он переживал времена взлетов и полного забвения. До войны такие фильмы – львиная доля проката, после войны – запрещены. В 1950-е годы жанр снова ожил. Однако в начале 1960-х производство опять сократилось. Этот жанр не ломал свой канон, не перестраивался в угоду зрителю, и интерес к нему вновь пробудился у крупных режиссеров, ибо это история, традиция, национальные ценности и национальный характер.

Куросава много привнес в самурайский фильм от американского вестерна. Он считал, что американцы создали основы для блестящего занимательного жанра, но и они, в свою очередь, учились у «тямбара». Достаточно вспомнить прославленную американскую ленту «Великолепная семерка» – римейк одного из лучших фильмов Куросава «Семь самураев», снятого еще в 1954 г. В 1960-е годы популярностью героев самурайского фильма воспользовалось телевидение, выпуская на этом материале множество передач, например, нескончаемая серия «Знаменитые бойцы на мечах».

«Большая пятерка» пошла по пути производства массовой продукции. Экраны захлестнула волна жестокости и секса. Еще недавно секс был принадлежностью так называемых пинк-эйга – низкопробных поделок, которые демонстрировали в маленьких кинозалах в районах с дурной славой. Теперь он завладел большим экраном.

В конце 1950-х годов независимое кинопроизводство не выдержало конкуренции с «большой пятеркой». На его место пришли новые независимые кинофирмы, которые большей частью создавали именитые режиссеры и актеры, например, Куросава и Мифунэ. Такие объединения стали называть «про-стар», т.е. «кинофирмы звезд». Эти фирмы зависели от проката «большой

пятерки», но были относительно самостоятельны в решении творческих задач. Неслучайно большая часть среди лучших десяти фильмов 1960-х годов была создана на «про-стар». К началу 1970-х годов прокат «большой пятерки» во многом стал зависеть от продукции этих кинофирм.

Бурное развитие экономики страны дало мощный толчок ширококомасштабному градостроительству, что резко выдвинуло японскую архитектуру на одно из первых мест в мире. Местные архитекторы – Тангэ Кэндзо, Исодзаки Арата, Ёсида Исоя – можно сказать, ворвались в мировую архитектуру и быстро стали ее классиками. Оказавшись как бы на пересечении двух культур – восточной и западной, они сумели использовать такое положение в своем творчестве. «Архитекторы наших дней не стремятся больше восславить японский национальный характер, они отвергают и эклектизм, и просто пытаются решать стоящие перед ними проблемы, пользуясь международным языком выразительных средств современной архитектуры, – писал критик Като Сюити. – И тем не менее в их произведениях весьма часто проявляется именно то, что можно назвать чисто японскими особенностями восприятия: тонкое чувство света, гармония форм, изящество линий и т.д. Японский характер архитектуры обусловлен целым рядом объективных факторов (климатические условия страны, природное окружение, душевный склад автора и пр.), а не навязыванием архитектору извне каких-либо концепций. И если мы считаем работы Тангэ Кэндзо японскими по духу, то именно в том смысле, в каком французскими кажутся нам произведения Ле Корбюзье»²¹.

Японские архитекторы, безусловно, многое заимствовали на Западе. Так, функционализм был привнесен в японскую архитектуру такими известными архитекторами, как Маэкава Куншо и Сакакура Дзюндзо, которые еще до войны стажировались в Париже у Ш.Э.Ле Корбюзье. Этот стиль воплотился прежде всего в строительстве многоквартирных жилых домов, так называемых «апато».

Но японцы не только заимствовали западные образцы. Японская архитектурная традиция обогатила мировое зодчество новыми представлениями об организации внутреннего пространства, использовании в интерьере раздвижных перегородок, сухих садов, сочетаний камней, зелени и воды внутри здания. Японские архитекторы распространили в мире принцип модульности, обеспечивший необходимую для современной строительной

²¹ Курьер ЮНЕСКО. 1973, март, с. 32.

индустрии стандартизацию архитектуры. Размер традиционного жилья измеряется в *татами* — циновках фиксированного размера и площади, по количеству которых определяется тип комнат и число людей, живущих в них. Отсюда родилась идея организации интерьера из целых пространственных блоков. Сейчас в связи с возвратом архитекторов к идее простоты традиционная японская архитектура вновь оказалась востребованной.

Огромный интерес в мире вызвали спортивные сооружения (национальный гимназиум и малый гимназиум), созданные Тангэ в районе Ёёги к Олимпийским играм 1964 г. в Токио. В этой работе архитектор уже отошел от чистого функционализма, но остался верен принципам рационализма. Его здания отличались динамизмом, скульптурностью и экспрессивностью. Спортивные сооружения Тангэ поразили всех новыми на то время конструктивными решениями — огромное открытое пространство интерьера было перекрыто оболочками сложной формы, напоминающими раковины. Эта объемно-пространственная композиция повторяла очертания внутренней части здания. А в целом облик этих сооружений напоминал архитектуру древних японских храмов. Не менее, если не более, близки к национальному зодчеству спортивный комплекс в парке Комадзава (Мурата Масатика и Асихара Ёсинобу). Еще более ассоциируется с древней архитектурой здание первого Государственного театра Кокурицу гэкидзё, построенного в 1966 г. Ивамото Хироюки в Токио, неподалеку от императорского дворца.

Соединение традиции и современности обеспечивает поступательное развитие не только японской архитектуры, но и всего искусства. «Я лично считаю, — писал Тангэ, — что традиция сама по себе не может быть созидательной силой. Это как бы химическая реакция: чтобы возникло нечто новое, традиция должна послужить катализатором, но при этом традиционная форма, или то, что навеяно традицией, не должно открыто проявляться в конечном продукте»²².

Не осталась в стороне от современности и культовая архитектура. Достаточно упомянуть комплекс культовых зданий, построенный у подножия горы Фудзи обществом Сока гаккай архитектором Ёкояма Кимио (начат в 1950-х годах и закончен в 1972 г.). Эффектность и красота его внешнего облика (сочетание камня, бетона, металла, пластика и органического стекла) не снижает его функциональности. Подвижная крыша главного зала, вмещающего 6 тыс. человек, как бы подвешена на всевозможных опо-

²² Цит. по: Курьер ЮНЕСКО. 1968, сентябрь-октябрь, с. 60.

рах и по форме напоминает распростертые крылья журавля (это символично, ибо такие крылья – герб святого Нитирэна, учение которого положено в основу идеологии Сока гаккай). Храм прекрасно гармонирует с окружающей природой, что всегда было свойственно японской традиционной архитектуре.

В это время японские архитекторы уже решили и проблему строительства высотных зданий в условиях повышенной сейсмической активности, разработали надежные строительные конструкции. Сейсмоустойчивая система традиционной деревянной конструкции была переведена на язык железобетона. Первые высотные здания были возведены уже в конце 1960-х годов. Высокое строительство изменило силуэт японских городов и принципы градостроительства.

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ПРОБЛЕМЫ ВТОРОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕРЖАВЫ (1974–1990)

Экономический кризис и начало структурной перестройки. – Неустойчивое равновесие сил правящей партии и оппозиции. – Влияние «суперфракции Танака» на политическую жизнь. – Кабинет Накасонэ и административно-финансовая реформа. – Азиатский вектор внешней политики. – Структурные сдвиги в экономике и формирование новой модели роста. – Отношения Японии со странами Западной Европы и политика в формате «семерки». – Истоки политических коллизий 1990-х годов. – Массовая культура общества потребления.

Экономический кризис и начало структурной перестройки

В 1974–1975 гг. все развитые страны были охвачены экономическим кризисом. Япония не была исключением, более того, именно в этой стране он был наиболее глубоким и продолжительным. В предшествующий период наблюдались спады производства, но тогда речь шла лишь о снижении темпов роста. На этот же раз прекратился его рост, а затем началось и непрерывное падение. Впервые в послевоенный период кризисом было охвачено все народное хозяйство. Последовавшая депрессия растянулась почти до конца 1977 г., когда был восстановлен докризисный уровень.

Глубина падения производства достигла почти 23%. В это время простаивали 2/5 мощностей обрабатывающей промышленности. Резко сократились объемы производственных капиталовложений и количество отработанных часов, началась инфляция, значительно выросло число безработных, достигнув 2% самодетельного

населения. В наибольшей степени были затронуты материало- и капиталоемкие отрасли. Это так называемые базовые отрасли, связанные с переработкой первичного сырья: черная и цветная металлургия, целлюлозно-бумажная промышленность, производство цемента, химия, нефтепереработка, нефтехимия; очень пострадало и судостроение. Многие предприятия, в основном средние и мелкие, потерпели банкротства, произошли массовые увольнения.

Специфика этого кризиса определялась тем, что циклические факторы переплелись со структурными, происходившими как внутри страны, так и в мировой экономике в связи с обострением энергетической и сырьевой проблем. Толчком к кризису послужило резкое повышение цен на энергоносители и сырье на мировом рынке. Оно последовало за четырехкратным ростом цен на нефть за короткий период – сентябрь 1973 г. – январь 1974 г., что было вызвано войной на Ближнем Востоке.

Для Японии, которая, как известно, больше, чем любая другая развитая страна, зависит от импорта сырья, удар был особенно ощутимым. Рост импортных цен вызвал увеличение издержек производства, а также оптовых и розничных цен (в 1977 г., в частности, уровень розничных цен превысил показатель начала 1970-х годов в два раза) на продукцию многих отраслей. Все это привело к снижению нормы прибыли. В 1978 г. степень загрузки производственных мощностей обрабатывающей промышленности составила 83%, в ряде ведущих отраслей она была ниже: в выплавке алюминия простаивала треть мощностей, в судостроении – 60%. Ряд отраслей сумели повышением цен на свою продукцию перекрыть рост издержек (в частности, автомобилестроение, перегонка нефти, производство бытовых электроприборов), другие остались нерентабельными и получили название «структурно больных». К ним относились отрасли, которые либо утратили конкурентоспособность (ряд энергоемких отраслей, текстильная), либо имели низкую загрузку оборудования.

В середине 1970-х годов в стране начали проводить рационализацию производства, предусматривавшую сокращение его издержек: снижение объемов потребляемых ресурсов – сырьевых, энергетических, финансовых, трудовых. Речь шла о масштабном введении в промышленности новых материало-, энерго- и трудосберегающих технологий. Такого курса придерживалось абсолютное большинство компаний во всех отраслях промышленности, а также население в повседневной жизни. Уже к 1980 г. значительно снизилась энергоемкость продукции обрабатывающей промышленности. Эффективность достигалась главным образом за счет применения новейшей техники, машин и оборудования

с более высоким коэффициентом полезного действия. Речь шла о внедрении программного управления, автономных манипуляторов, роботов, что повышало производительность труда.

Одновременно принимались меры к диверсификации источников энергии. В 1974 г. министерство внешней торговли и промышленности (МВТП) начало осуществление программы «Саншайн». Она предусматривала использование альтернативных нефти источников энергии – солнца, геотермальных вод, водорода, ветра, приливов, океанских течений и пр. В 1978 г. появилась программа «Мунлайт», нацеленная на разработку новых технологий выработки энергии из топлива, систем батарей для хранения электроэнергии, современных газовых турбин и пр. Более быстрыми темпами начала развиваться атомная энергетика. В 1979 г. был принят Закон о рациональном использовании энергии, который предусматривал комплекс мер по ее эффективному применению во всех сферах народного хозяйства и создание нового энергосберегающего оборудования. В соответствии с законом был создан штат специальных контролеров, которые следили за соблюдением норм расхода всех видов энергии. В случае нарушений налагались серьезные штрафы.

В целях снижения зависимости от импортных поставок проводились мероприятия по удельному сокращению потребления сырья. Например, в химической и строительно-керамической промышленности за 1973–1980 гг. материалоемкость снизилась соответственно больше чем на 1/3 и 1/5. В известной мере снижение удельного потребления сырья было осуществлено и за счет использования вторичного, что, в свою очередь, положительно отразилось на состоянии окружающей среды. В целом за период 1973–1984 гг. промышленное производство выросло на 43,8%, а потребление сырья и энергии сократилось на 2,4%.

Однако несмотря на ряд принятых мер, положение во многих отраслях продолжало оставаться тяжелым, и в 1978 г. был принят Закон о чрезвычайных мерах по стабилизации «структурно больных» отраслей. В соответствии с ним было ликвидировано свыше 30% мощностей в алюминиевой промышленности и судостроении, 56% в производстве хлопчатобумажной пряжи, 20% – нейлона, 45% – мочевины. Государство взяло на себя значительную часть издержек по ликвидации устаревшего и излишнего оборудования (были даны кредитные гарантии фирмам и предоставлены бюджетные субсидии для выплаты выходных пособий и переобучения персонала).

Одновременно прилагались большие усилия для развития наукоемких производств. Для этого в 1978 г. был принят новый Закон

о чрезвычайных мерах по стимулированию ряда отраслей машиностроения и индустрии информации (первый вступил в силу еще в 1971 г.). Он предусматривал систему лицензий в этих отраслях и их поддержку со стороны государства. Значительно увеличилось производство станков с числовым программным управлением (ЧПУ), сверхбольших интегральных схем, ЭВМ, промышленных роботов, аэрокосмической техники, оборудования для АЭС, самолетов и пр. Постепенно начала меняться отраслевая структура промышленности. Сдвиги в этой структуре, и прежде всего опережающее развитие машиностроительных отраслей, также вносили свой вклад в снижение материалоемкости производства. По подсчетам экономиста И. П. Лебедевой, за счет структурных сдвигов материалоемкость конечной продукции в обрабатывающей промышленности была снижена за 1965–1980 гг. на 8,5%¹.

Экономическая ситуация начала 1970-х годов обнаружила уязвимость японской экономики, точнее экстенсивной модели экономического роста, на которой базировался так называемый «догоняющий» этап развития страны и которая уже исчерпала себя. Речь идет об ориентации на вертикальные формы участия в международном разделении труда, осуществление экономии на масштабах производства, об освоении передового зарубежного научно-технического опыта, высоком уровне государственного регулирования. Кризис 1974–1975 гг. стал определенным этапом развития японской экономики. Уже в середине 1970-х годов наблюдались умеренные темпы экономического роста. Именно кризис и депрессия середины 1970-х годов подготовили условия быстрого изменения структуры производства.

Перестройка экономики была неразрывно связана с развитием научно-технического прогресса, в частности с внедрением микроэлектроники. Все большее значение приобретали собственные исследования, росла их финансовая (главным образом за счет частного капитала), материальная и кадровая база. По величине расходов на НИОКР Япония в середине 1970-х годов вышла на второе место в мире, при значительном отставании от США, но к началу 1980-х она обошла Западную Европу и быстрыми темпами начала сокращать разрыв с США.

В результате экономического кризиса, внедрения трудосберегающего оборудования, развития наукоемких отраслей и массовых банкротств промышленных предприятий произошло сокращение занятых в отраслях материального производства.

¹ Лебедева И. П. Структурные изменения в японской промышленности. М., 1986, с. 59.

Особенно пострадали «структурно больные», где увольнению подвергались не только временные, но и постоянные работники. И как следствие – выросла безработица, ухудшились условия найма. Резко возросло число временных работников и занятых неполный рабочий день.

При этом крупные компании старались сохранить у себя квалифицированную рабочую силу и, как правило, в условиях кризиса не прибегали к увольнениям, а предоставляли работникам длительные отпуска – оплаченные или без сохранения содержания. В 1974 г. была расширена система страхования по безработице. Теперь она распространилась и на постоянных работников мелких и мельчайших предприятий. Был продлен и срок выплаты пособий. В 1977 г. была создана служба стабилизации занятости. Государство начало возмещать половину расходов предприятиям, которые они несли в результате временного увольнения рабочих с сохранением заработной платы, при организации профессионального переобучения или материального стимулирования увольняющихся добровольно.

Все эти мероприятия были призваны смягчить негативные последствия неблагоприятной конъюнктуры и структурных перемен. Число трудовых конфликтов и потерянных часов, достигнув пика в 1974 г., постепенно начало уменьшаться. Доминантой развития экономики стал стабильный и мирный характер трудовых отношений. Посредниками между предпринимателями и наемными работниками были профсоюзы. В процессе коллективных переговоров, заключения трудовых соглашений и проведения консультаций они достаточно успешно отстаивали интересы работников, но при этом всегда учитывали экономическое положение своего предприятия. Именно они в годы кризиса разработали теорию «приспособления к трудностям экономики». В принципе предприниматели пошли на сохранение рабочих мест при соглашении профсоюзов на замораживание заработной платы. Это было проявлением основной черты сложившихся трудовых отношений: ориентации на предприятие, на сотрудничество партнеров ради достижения главной цели – повышения производительности.

Предприниматели рассматривали наемных работников не только как рабочую силу, но и как фактор производства (по выражению Мацусита, главное достояние компании – это ее работники). Предприятие в большинстве японских компаний становилось для работников тем местом, где они объединены общими целями и интересами и где ощущают себя членами одной общности (во многом такое ощущение воспитано на конфуцианском догмате сыновней почтительности, которая трансформировалась в лояльность). Оно

фактически охватывало весь его жизненный цикл — от свадьбы до похорон через систему собственного социального обеспечения. Все это позволяло сохранять благоприятный социальный климат в компании и в стране, гарантируя социальную стабильность в обществе. Все новое в трудовых отношениях, что постепенно пробило себе дорогу, например признание индивидуальных интересов работников, вводилось весьма осторожно и аккуратно. И именно поэтому структурная перестройка, не лучшим образом отражавшаяся на наемных работниках, прошла в Японии достаточно гладко, без серьезных конфликтов, которые происходили в других развитых странах в аналогичных ситуациях. В этих условиях неудивительно, что реальная заработная плата работников в течение всего рассматриваемого периода была сокращена лишь однажды, в остальные годы наблюдался даже ее рост.

Что касается сельскохозяйственного производства, то оно развивалось в эти годы медленными темпами, прежде всего из-за сокращения обрабатываемых площадей и оттока молодой рабочей силы. И его рост не поспевал за увеличением численности населения и его потребностей, что привело к снижению уровня самообеспеченности продовольствием. В конце 1970-х годов была завершена механизация рисоводства, других отраслей — лишь в 1980-е годы. При механизации сельского хозяйства были использованы отечественные разработки техники, приспособленной к местным природным (поля, расположенные на равнинах, составляют лишь 20% обрабатываемой площади, а почти 30% — это достаточно крутые склоны) и хозяйственным (мелкие размеры хозяйств, выращивание риса рассадным методом) условиям. Крупные животноводческие хозяйства также были почти полностью механизированы и автоматизированы. В структуре сельскохозяйственного производства выделялся опережающий рост интенсивных отраслей — промышленного птицеводства, свиноводства и садоводства закрытого грунта. В крупных хозяйствах этих отраслей наблюдалось усиление концентрации производства и быстрый рост производительности труда.

В то же время выросла материало- и капиталоемкость производства, а также его издержки. Это снижало конкурентоспособность японской продукции на мировом рынке, хотя и повышало производительность труда. Сельскохозяйственный доход рос главным образом за счет государственной поддержки цен на производимую продукцию, особенно на рис. Но это вело к росту бюджетного дефицита.

В 1970-е годы происходило дальнейшее углубление участия Японии в международном разделении труда, где основной фор-

мой была торговля, которая росла быстрыми темпами. С начала 1970-х годов по объему внешней торговли страна занимала третье место в мире (в 1951 г. — 14-е). В импорте, как и раньше, главное место прочно удерживало сырье (на долю Японии приходилось в 1978 г. 15% мирового импорта сырья), в экспорте — готовые изделия, что обуславливало остроту конкурентной борьбы с США и странами Западной Европы. Но при этом изменилась структура торговли, особенно экспорта, отражая отраслевые сдвиги в промышленности. Так, за 1970–1979 годы в импорте снизилась доля готовой продукции, в том числе машин и оборудования, текстильного и металлургического сырья, а в два раза выросла доля минерального топлива. В экспорте в два раза сократилась доля изделий легкой промышленности и увеличилась тяжелой и химической, в том числе машин и оборудования. В середине 1970-х годов Япония занимала первые места в мире по вывозу ряда товаров, в частности мотоциклов, судов, автомобилей, текстильных изделий, черных металлов. Главным внешнеторговым партнером Японии в этом десятилетии продолжали оставаться Соединенные Штаты, хотя их доля и снизилась. Затем шли страны Юго-Восточной Азии, доля которых в импорте значительно возросла. Но больше всего, более чем вдвое, вырос удельный вес импорта из стран Ближнего и Среднего Востока. Быстрыми темпами увеличивались инвестиции Японии за границей и росла численность занятых на ее зарубежных предприятиях.

Начавшийся в конце 1970-х годов рост производства отличался от докризисных лет умеренными темпами прироста (примерно 5%). Эпоха быстрого экономического роста ушла в прошлое. Высокие темпы сыграли свою роль в условиях «догоняющей» модели развития экономики. Этот быстрый рост был обусловлен преобладанием крупномасштабных капиталовложений, направленных на расширение производственных мощностей, и имел экстенсивный характер. При переходе же к преимущественно интенсивным факторам роста, когда «технологии рожают технологии» (в отличие от принципа «инвестиции рожают инвестиции»), положение коренным образом меняется, здесь нет мультипликативного эффекта и темпы роста становятся умеренными. Но это совсем неплохо. «Судить о темпах роста следует не только по их абсолютным размерам, — пишет экономист Я. А. Певзнер, — но и по тому, какова при данном их размере пропорциональность развития различных сфер экономики... каковы равномерность и устойчивость экономического роста. С точки зрения общественных интересов высокий средний рост... может оказаться фактором более отрицательным, чем

рост умеренный, но стабильный»². И именно стабильное развитие стало характерным для экономики на последующие десять лет.

По подсчетам экономиста Е. Л. Леонтьевой, сделанным на основе статистики ООН, в конце 70-х годов объем промышленного производства Японии достиг 44% американского и почти 48% совокупного стран «Общего рынка». Производительность труда приблизилась к среднему уровню западноевропейских стран, в значительной степени преодолев разрыв со странами Запада. В целом размер ВВП на одного занятого в 1978 г. составил 69% американского уровня и 79% среднего по странам ЕЭС³. В то же время мероприятия по проведению структурной перестройки промышленности в 1970-е годы в связи с замедлением темпов роста снизили объем собираемых налогов и вынудили правительство активно использовать практику бюджетного дефицита. Это привело к огромному росту государственного долга (в 1975 г. дефицит государственного бюджета составил 26% общей суммы ассигнований, в 1979 г. — 40%), кризису государственных финансов в целом, снижению возможностей капиталонакопления. Поэтому в начале 1980-х годов на повестку дня встал вопрос о проведении административно-финансовой реформы. Речь шла об изменении методов государственного регулирования: сокращении правительственных расходов и государственной собственности, смягчении ограничений на деятельность частного сектора для усиления конкуренции (аналогичный курс был взят и в других развитых странах в этот период: в Англии, например, он был известен как «гэтчеризм», в США — как «рейганомика»). В 1979 г. был принят новый семилетний план социально-экономического развития с упором на свободу рыночных отношений.

Неустойчивое равновесие сил правлящей партии и оппозиции

На протяжении почти двадцати лет после создания «структуры 1955 г.» соотношение правящей партии и оппозиции отражало реальную картину общества. Как уже говорилось, ЛДП представляла общенациональные интересы, а оппозиционные партии, за исключением СПЯ, — отдельных, сравнительно небольших групп населения. Некоторые политические обозреватели сравнивали

² Япония: экономика, общество и научно-технический прогресс. М., 1988, с. 9, 10.

³ Япония. М., 1981, с. 30.

правлящую партию с универмагом, который может предложить покупателям товары на любой вкус, а известный американский японовед Д. Окимото, назвав ее «большой коалицией», по сути подтвердил это определение⁴. ЛДП вполне успешно вела борьбу за сохранение в своих руках парламентского большинства и утверждение на господствующих позициях в местных выборных органах власти. Этому во многом содействовали мощная поддержка: финансовая — крупного бизнеса, пропагандистская — многих СМИ, религиозных и массовых общественных организаций консервативной ориентации, острое соперничество и, как следствие, разобщенность оппозиции, а также особенности избирательной системы.

Диверсификация национальных интересов, усложнение социальной структуры общества, возникновение гражданских движений (в частности потребителей, домохозяек, против загрязнения окружающей среды и пр.) постепенно начали «портить» безоблачную картину либерально-демократического господства. Симптоматичными явились, в частности, уже выборы в палату представителей парламента в 1972 г. На этих выборах ЛДП несколько ослабила позиции, получив 271 место и потеряв 17. СПЯ и КПЯ добились значительного успеха. Первая завоевала 118 депутатских мест, на 28 больше, чем на предыдущих выборах, а вторая получила 38 мандатов (прежде было 14). КПЯ стала третьей по численности парламентской партией и приобрела право вносить законопроекты в палате представителей. Серьезное поражение потерпели партии «среднего пути»: Комэйто получила 29 депутатских мест, на 18 меньше, чем раньше, а ПДС потеряла 12, сохранив лишь 19. Выборы в палату советников в 1974 г. продолжили обозначившуюся тенденцию изменения соотношения сил: представительство ЛДП уменьшилось на семь человек, КПЯ получила девять новых мест, в результате чего ее парламентская фракция и в этой палате получила право законодательной инициативы, СПЯ добавила три мандата, Комэйто — один, ПДС потеряла один.

Определенное изменение соотношения политических сил способствовало обострению борьбы между правящей партией и силами оппозиции, возродило к жизни различные идеи создания блоков оппозиционных партий в борьбе с ЛДП за власть. После прошедших выборов перед всеми партиями встала задача перестроить свою деятельность применительно к новой внутриполитической ситуации.

⁴ Okimoto D. The Liberal-Democratic Party's Grand Coalition. Stanford, 1988, p. 27.

Прежде всего, следует отметить сужение социальной базы либерал-демократов. В основном их по-прежнему поддерживали жители сельских районов, представители старших возрастных групп населения и работников строительной индустрии, т.е. слои, значение которых в обществе объективно шло на убыль. Одновременно появилась тенденция к абсентеизму. Речь шла не о протестном голосовании против консервативной идеологии, а о недовольстве конкретными шагами либерал-демократов, которые не учитывали интересы различных слоев населения. Голосуя за представителей оппозиции, так называемые новые городские слои как бы призвали ЛДП обратить внимание на их проблемы.

Внутри правящей партии всегда шла острая борьба между фракциями за право в данный момент возглавить партию и правительство. Однако после отставки Танака прежняя расстановка сил в партии претерпела изменения. До этого правительство обычно основывалось хотя бы на формальном «единстве правящей партии», поскольку в состав кабинета входили представители всех фракций. Теперь же партия разделилась на две противостоящие группировки. Одна в составе фракций Танака, Охира, Накасоно руководила партией и правительством, а другая, состоявшая из влиятельных фракций Фукуда и Мики (заметим, все лидеры фракций в будущем премьеры), заняла позиции внутренней оппозиции. При такой расстановке сил в партии создалось определенное равновесие, поскольку главные претенденты Охира и Фукуда не обладали достаточными силами для победы. Это повысило значение мелких, так называемых нейтральных фракций.

В такой ситуации все согласилось на кандидатуру Мики Такэо. Именно он в свое время содействовал приходу к власти Танака, и он же первым пошел на открытый разрыв с ним. Мики единогласно был избран председателем партии и стал премьер-министром 9 декабря 1974 г. Получив прекрасное образование (окончил университеты Мэйдзи и Калифорнийский), Мики рано занялся политикой, избирался в палату представителей парламента, начиная с 1937 г., принадлежал к высшему слою элиты ЛДП. По неписаным законам партийной иерархии политики, которые избирались по 6–7 раз депутатами парламента, составляли средний ранг элиты ЛДП. Те, кто избирался 8–10 раз, обладали значительным весом, а те, кто одерживал победы на выборах более десяти раз, входили в высший, очень небольшой слой партийной элиты.

В новом кабинете были представлены все основные группировки ЛДП, что демонстрировало его как бы «надфракционный» характер. Но ключевые посты были распределены только между фракциями Мики, Фукуда и Охира. Новое правительство должно

было ослабить недовольство большинства населения политикой прежнего кабинета, предотвратить дальнейшее падение престижа ЛДП. Мики выступил с резкой критикой Танака, призвал к проведению «чистой политики» и модернизации правящей партии, придерживался «гибкой» позиции в отношении оппозиционных сил и выступал за проведение «диалога» с ними.

Тактика «диалога» в основном была направлена на разобщение оппозиционных партий, вселяя в них надежду на возможность создания в перспективе консервативно-центристского правительства. В целом она помогла добиться довольно существенной стабилизации внутривнутриполитической ситуации, несколько укрепила позиции ЛДП и еще больше разобщила оппозицию. «Флирт» правительства Мики с оппозицией оказался недолгим, и вскоре политические противники вновь вернулись к прежней тактике открытой конфронтации.

Фракционная структура ЛДП неминуемо вела к ее окостенению, несменяемости лидеров, препятствовала не только притоку молодого поколения политиков, но и вызывала их недовольство политикой партии. Однако они не выступали за проведение коренных перемен. В июне 1976 г. небольшая группа молодых депутатов парламента от ЛДП, входивших во фракции Накасонэ, Мики и Танака, порвали с ЛДП и создали свою партию – Новый либеральный клуб (НЛК). Возглавил ее Коно Ёхэй, отец которого Коно Итиро активно содействовал в 1950-е годы нормализации советско-японских отношений.

С весны 1976 г. в ЛДП развернулась кампания за отстранение Мики от руководства партией и правительством, якобы в связи с его «неспособностью твердо руководить государством». Но дело было в том, что согласившиеся на его кандидатуру влиятельные фракции Танака, Охира и Фукуда, используя недовольство в обществе, сами стремились к руководящему положению в партии и правительстве. Большинство депутатов от ЛДП (271 из 391), в том числе 15 министров, бросили вызов Мики, открыто потребовав его отставки. В ответ премьер провел реорганизацию кабинета, справедливо полагая, что его противники не предпримут решительных действий, опасаясь негативных последствий предстоящих в декабре того же года выборов в палату представителей. Позиции Мики несколько упрочились, но руководящие посты остались у его соперников (Фукуда – заместитель премьера, Охира – министр финансов, генеральный секретарь ЛДП – Утида из фракции Охира).

Правительству удалось на внеочередной сессии парламента (16 сентября – 4 ноября) принять ряд неотложных законов о повышении цен за проезд на государственных железных дорогах (на

финансовые меры. После этого Фукуда демонстративно ушел с поста заместителя премьер-министра, а его сторонники выдвинули его кандидатуру на пост председателя ЛДП. Судьба кабинета Мики зависела от итогов выборов. В результате их проведения ЛДП лишилась устойчивого большинства, т.е. получила меньше половины общего числа мест (249). Простое большинство она сумела обеспечить лишь после присоединения «независимых» депутатов консервативной ориентации (11). (Та же ситуация повторилась на выборах в палату советников в 1977 г.) СПЯ сохранила место первой оппозиционной партии (123), а на второе переместилась Комэйто (55), к которой отошла значительная часть голосов избирателей, недовольных политикой правящей партии. Улучшила свои позиции ПДС (29). НЛК смог провести 17 депутатов, став определенной политической силой. Эта партия находилась в формальной оппозиции правящей ЛДП, но выступала на стороне консерваторов. Значительно ослабила позиции КПЯ (19). В такой ситуации партии среднего пути заявили о своем полном непризнании какого-либо сотрудничества с коммунистами и стали требовать этого же от социалистов.

Опыт НЛК по созданию новой партии повторили выходцы из рядов СПЯ, представители правого крыла которой создали в 1978 г. Социал-демократический союз (СДС). Эта организация, не заблуждаясь на счет своего политического потенциала, стремилась занять позицию между СПЯ и ПДС.

В соответствии с политической традицией Мики взял на себя ответственность за неуспех либерал-демократов на выборах и вышел в отставку. Новым председателем ЛДП и премьер-министром, как и следовало из логики межфракционных отношений, 24 декабря 1976 г. стал Фукуда Такэо. Впервые он был избран депутатом палаты представителей парламента в 1952 г. и достаточно быстро вошел в руководство ЛДП и правительства. Сформировав кабинет, Фукуда сразу же заявил о необходимости «коренных реформ» государственной политики и обновлении партии. Был утвержден новый порядок выбора председателя ЛДП с участием всех членов партии; учреждена Народная ассоциация в защиту свободного общества, предназначенная служить массовой опорой партии, а ее члены объявлялись «друзьями партии» и получали право участия в выборах председателя. В 1977 г. было объявлено о формальном роспуске фракций, что рекламировалось как существенная часть организационной реформы партии. Однако они благополучно продолжали существовать, по-прежнему контролируя поступающие денежные потоки и решая кадровые вопросы.

К осени 1977 г. стала очевидной необоснованность надежд правительства на быстрое улучшение экономической обстановки в стране. В этих условиях 28 ноября Фукуда провел реорганизацию кабинета, целью которой было не только снизить недовольство общества, но и продемонстрировать способность обновленного правительства к позитивным действиям. В августе наконец был подписан японо-китайский договор о мире и дружбе, который считался одной из самых острых проблем внешней политики (речь ниже). Серьезное внимание правительству пришлось уделить проблемам национальной обороны, на чем настаивал целый ряд официальных лиц и представители финансово-промышленных кругов. В частности, начальник УНО Канэмару Син заявлял, что нынешнее состояние японских вооруженных сил не позволяет «устрашать противника».

В ноябре 1978 г. состоялись очередные выборы председателя ЛДП и формирование нового кабинета министров. Несмотря на предпочтительные шансы премьера Фукуда, 7 декабря 1978 г. победу одержал генеральный секретарь партии Охира Масаёси. На период его двухгодичного премьерства пришлось создание двух кабинетов. При внешне демократических выборах председателя по новой схеме исход был предрешен очередной закулисной договоренностью лидеров сохранившихся на деле фракций. Охира, как и его предшественник, впервые стал депутатом палаты представителей парламента в 1952 г. Как видно из послужного списка нового премьера, он относился к высшему слою партийной элиты. Стремясь придать кабинету «новый облик», он доверил примерно половину портфелей в правительстве сравнительно малоизвестным деятелям правящей партии.

Несмотря на серьезные кризисные явления в ЛДП и некоторое ослабление в связи с этим ее позиций, ни одна из оппозиционных партий никогда не предлагала позитивных конструктивных действий, а лишь все подвергала критике. Учитывая усиление неоконсервативных настроений в своих рядах, эти партии заговорили о создании коалиционных правительств. Прежде всего, речь шла о трехпартийной коалиции: Комэйто—СПЯ—ПДС. Шагом на пути к достижению этой цели стало заключение в 1979 г. соглашения о платформе коалиционного правительства между Комэйто и ПДС, а в 1980 г. между Комэйто и СПЯ. Предполагалось, что консервативной партии будет противостоять партия социал-демократической ориентации. Однако состояние оппозиции быстро сделало абсолютно нереальной такую перспективу. Трехпартийная коалиция, несмотря на благие намерения инициаторов, была нежизнеспособной из-за коренных расхож-

иции ее участников, в первую очередь социалистов, по важнейшим вопросам (отношение к японо-американскому «договору безопасности», признании конституционности сил самообороны и т.д.). Более того, каждая партия имела непомерные амбиции, и все они были маргиналами. Либерал-демократы держали под контролем действия оппозиции и иногда подавали сигнал о возможном сотрудничестве с центристскими партиями, тем более что их центризм все больше сближался с неоконсерватизмом правящей партии.

В целом положение ЛДП в парламенте стало еще более неустойчивым, и обозначилась тенденция к зависимости от центристской оппозиции. В стране заговорили о «возвращении к консерватизму», о «возрождении консерватизма» и объявили этот процесс необратимым. Определенным подтверждением такой тенденции можно считать результаты общенациональных выборов в органы местной власти весной 1979 г. ЛДП при поддержке той или иной центристской партии сумела одержать победу на выборах губернаторов в 14 из 15 префектур. Большое значение для расстановки сил в общенациональном масштабе имела победа консервативно-центристского блока на выборах губернаторов Токио и Осака, где на протяжении соответственно 12 и 8 лет эти посты занимали представители прогрессивных сил. Сравнительно спокойно правительство провело через парламент закон о летосчислении по годам правления императоров, придававший юридическую силу архаической японской системе, при которой с воцарением нового императора отсчет начинается заново.

Несмотря на продолжающиеся коррупционные скандалы, один из которых разгорелся вокруг подкупа японских политических деятелей американскими авиастроительными компаниями «Друмман» и «Макдоннелл-Дуглас», правительство Охира посчитало возможным распустить нижнюю палату и объявить досрочные выборы в октябре 1979 г., но они не принесли успеха ЛДП. Лишь после присоединения к ней десяти независимых кандидатов она смогла получить незначительное большинство. Неудачными эти выборы оказались для НЛК, получившего всего четыре мандата, и СПЯ, которая сократила свое представительство со 123 до 107. Центристские партии несколько улучшили свои позиции: Комэйто получила 57 депутатских мест (было 55), а ПДС – 35 (29). КПЯ вместе с двумя «совместными кандидатами демократических сил» получила 41 депутатское место, восстановив и превзойдя позиции, утраченные на предыдущих выборах (19).

Охира назвал результаты выборов «суровым приговором» народа правительству ЛДП. Особое недовольство вызвало его наме-

рение ввести единый налог на потребительские товары и услуги (5% стоимости оборота всех товаров и услуг), против которого выступила даже часть либерал-демократов. Выборы не только не ликвидировали неустойчивость в политической структуре, но и усилили ее, а также привели к изменению расстановки сил внутри партии. Наибольшие выгоды получили фракции Охира, Танака, фракции же бывших премьеров Фукуда и Мики, а также бывшего генерального секретаря ЛДП Накасонэ с трудом сохранили свою численность. Несмотря на такое положение, внутри партии произошел явный «бунт» против Охира. Его противники выдвинули альтернативную кандидатуру на пост премьер-министра, что было беспрецедентным действием. Но «бунт» оказался безрезультатным, поскольку за спиной Охира стоял все еще могущественный Танака, который опасался, что смена верного премьера окажет нежелательное воздействие на ход его судебного дела, о чем подробнее ниже.

В 1980 г. большинством палаты представителей впервые за все годы правления ЛДП был вынесен вотум недоверия правительству, который активно поддержала оппозиция. Таким образом, соединились вместе парламентский и внутрипартийный кризис ЛДП. М. Охира предпочел не уходить в отставку, а распустить палату представителей и впервые назначить досрочные выборы на тот же день, что и очередные выборы в палату советников – 22 июня 1980 г. Это решение сильно осложнило положение оппозиционных партий, у которых были все-таки недостаточные финансовые возможности для одновременного ведения двух избирательных кампаний. Сама же правящая партия не испытывала недостатка в средствах.

В разгар избирательной кампании премьер-министр Охира скоропостижно скончался. Смерть лидера на время сплотила силы ЛДП, вызвала сочувствие к ней части населения, что и принесло ей внушительную победу, на которую она даже не рассчитывала. Оппозиционные партии, продолжая взаимные нападки, оказались неспособными создать реальную альтернативу власти ЛДП. В результате правящая партия получила значительно больше голосов и депутатских мандатов в обеих палатах по сравнению с предыдущими выборами. В парламенте сложилась новая ситуация, в которой ЛДП перестала зависеть от сотрудничества с частью оппозиции. Партия восстановила стабильное большинство в обеих палатах парламента, и разрыв между уровнями представительства в парламенте консервативных сил и оппозиции возрос с 22 до 99 мест в пользу первых.

Влияние суперфракции Танака на политическую жизнь

Дисфункциональный потенциал, во многом обусловленный фракционной структурой ЛДП, копился внутри партии на протяжении почти двадцати лет. Особенно он возрос, когда Танака создал свою суперфракцию. Она практически монополизировала власть внутри партии. К концу 1970-х годов борьба между лидерами фракций фактически сменилась борьбой за поддержку руководителя этой фракции, который стал могущественным теневым лидером, «теневым сёгуном», как говорят японцы. Это был чрезвычайно важный период для формирования будущей правящей политической элиты, ибо большинство и ныне активно действующих политиков не только правящей, но и оппозиционных партий – выходцы из этой суперфракции в рядах ЛДП. При Танака была создана своего рода двойственная структура власти: ЛДП в стране и суперфракции в партии.

Сам Танака, единственный из премьер-министров не имевший высшего образования, впервые получил депутатский мандат в 1947 г. Официально, как уже говорилось, он недолго пребывал у власти. Его отставка в основном была вызвана нарастанием экономических трудностей в стране и усилением внутрипартийной борьбы в ЛДП. Тем не менее до середины 1980-х годов Танака сохранял руководство своей суперфракцией, которая фактически регулировала назначение премьеров. При этом он никогда не предлагал на этот пост своих сторонников, поскольку не только не готовил себе преемников, но даже не допускал мысли об этом, справедливо полагая, что сильный лидер рядом – угроза его власти.

Фракция Танака действовала чрезвычайно успешно еще и потому, что в личном распоряжении ее лидера была мощная команда, которую называли «боевой отряд» (*гундан*). Он вербовал самых способных, деятельных и амбициозных политиков, которые работали в его агрессивной манере, но под его же строжайшим контролем. Танака оказывал своим сторонникам колоссальную финансовую и организационную помощь при завоевании депутатских мандатов в органах законодательной власти и получении постов в исполнительной. В ближайшее окружение Танака входили политики разных поколений и по-разному относящиеся к нему. Будущий премьер-министр Такэсита Нобору и богатейший беспринципный, но влиятельный политикан Канэмару Син, политическая карьера которых началась в 1950-е годы, уже состоялись как политики. А молодой Одзава Итиро (род. в 1942 г.) всем

был обязан лично Танака, который называл его «мой последний сын»⁵. Все они были связаны через женитьбы тесными семейными узами, что очень поощрял их лидер. В суперфракции царили квазипатерналистские отношения.

Танака, как и Канэмару, располагал огромным личным состоянием, которое было нажито путем спекуляций на перекупке земель, создания фиктивных акционерных компаний, утаивания реальных доходов от налоговых органов, расходования партийных средств и использования служебного положения в личных целях. Очевидно, не случайно первый громкий коррупционный скандал был связан с его именем, а последний — с именем Канэмару. В 1976 г. стали известны факты получения во время премьерства Танака им и другими правительственными чиновниками крупных взяток от американской авиастроительной фирмы «Локхид» в обмен на содействие в размещении в Японии заказов на самолеты этой компании. Бывший премьер был арестован, выпущен под залог, прошел через длительное судебное разбирательство (во время которого Танака неоднократно избирался депутатом парламента), закончившееся приговором к четырем годам тюремного заключения в 1983 г.

Покинув формально ряды ЛДП, Танака продолжал фактически возглавлять ее самую большую фракцию, без поддержки которой достаточно сложно было одержать победу в изнурительной межфракционной борьбе. Решающую роль при выборе на высший пост преемника, скончавшегося Охира, — Судзуки Дзэнко опять сыграла поддержка Танака. В результате его влияние в новом правительстве было даже больше, чем в предыдущем. Представителям фракции Танака были предоставлены важные посты руководителей пяти министерств и других ведомств, а также пост заместителя председателя партии и считающийся ключевым — председателя Руководящего совета ЛДП.

Судзуки явился компромиссной фигурой, которая удовлетворяла в данное время все фракции. С 1960 г. он неизменно занимал разные посты в правительстве и долгие годы был председателем Руководящего совета ЛДП, пользовался репутацией человека, способного улаживать межфракционные конфликты и не имевшего явных врагов. При формировании кабинета Судзуки максимально учел интересы всех фракций.

Успех ЛДП на выборах 1980 г. означал восстановление стабильного большинства в обеих палатах парламента и окончание длившегося несколько лет состояния неустойчивого равновесия

⁵ Schlesinger J. M. *Shadow Shoguns*. N.Y., 1997, p. 172–184.

ции. Консерваторы получили большинство во всех парламентских комиссиях и сосредоточили в своих руках посты председателей всех палат, всех постоянных и специальных комиссий. Это дало им возможность относительно свободно проводить свою политическую линию в высшем законодательном органе страны.

В целом новый кабинет продолжал прежнюю политику при некоторой активизации борьбы за пересмотр конституции, школьных учебников истории с целью изъятия из них разделов, осуждающих милитаристское прошлое Японии, за усиление так называемого здорового (или «правильного») национализма как духовной основы современных японцев. Речь шла о сочетании патриотизма с оттенком шовинизма, приверженности чисто японским ценностям и интернационализму, развитием цивилизаторской миссии за рубежом. При обсуждении бюджета на 1981/82 фин. год впервые за долгие годы в бюджетной комиссии палаты представителей парламента проект был одобрен голосами лишь правящей партии без участия депутатов оппозиции. Не раз оправдывая себя в прошлом тактика оппозиции бойкотировать заседания парламента окончилась неудачей, и был утвержден правительственный вариант бюджета без всяких изменений и в установленный срок, т.е. до начала финансового года с первого апреля.

Однако кризисные явления в экономике, сложности с попытками осуществить административно-финансовую реформу, которая должна была привести к ликвидации дефицита государственного бюджета, обострение борьбы внутри ЛДП привели к правительственному кризису и смене партийно-государственного руководства.

После отставки кабинета Судзуки, вновь при поддержке все еще влиятельной фракции Танака, получавшей мощную финансовую подпитку со стороны крупного бизнеса, 17 ноября 1982 г. победу одержал Накасонэ Ясухиро. При этом ни он, ни его фракция не имели решающего влияния в партии. В ответ на поддержку новый премьер предоставил фракции Танака два дополнительных министерских поста (всего стало семь) и пост генерального секретаря ЛДП. В прессе стали говорить, что без преувеличения новый состав правительства можно назвать «третьим кабинетом Танака».

Вынесение судебного приговора по «делу Танака» значительно осложняло внутривнутриполитическую ситуацию в стране, стимулировало рост массового движения против коррупции, против методов действий бывшего премьера, считавшего, что с помощью денег можно решить любую проблему. После вынесения обвинительного приговора, как известно, Танака сохранил за собой депутат-

ское место, несмотря на требования оппозиции. Ее поддерживали и бывшие его соратники и коллеги по премьерству – Мики, Фукуда, Судзуки. Ради преодоления парламентского кризиса Накасонэ обратился к нему с просьбой «помочь» преодолеть его и «добровольно» уйти из парламента, но Танака демонстративно отказался.

Как это ни кажется парадоксальным, после выборов в палату представителей в 1984 г. фракция Танака несколько увеличила свое влияние в партии, что отчасти было связано с тем, что руководивший избирательной кампанией генеральный секретарь ЛДП С. Никайдо (соратник Танака) при распределении партийных фондов учитывал, прежде всего, интересы этой фракции. Убедительная победа самого Танака, вне всякого сомнения, была достигнута с помощью огромных денежных средств, использованных его сторонниками. Более того, на выборах 1986 г., уже после вынесения приговора, который был обжалован в высшей судебной инстанции и никак не вступал в силу, в своем «родовом» округе он получил в два раза больше голосов, чем ближайший соперник из семи претендентов.

В 1985 г. произошли давно назревавшие, существенные перемены внутри суперфракции Танака. Ближайшие соратники (Такэсита Нобору, Канэмару Син, Одзава Итиро) исподволь готовились к его смещению. Они применили типичный для японской политической культуры прием – создали Общество творческой политики якобы для изучения положения внутри суперфракции, а на деле это было прикрытие, механизм для вербовки союзников. Прежние сторонники воспользовались тем, что в начале февраля 1985 г. в результате инсульта Танака был парализован и не мог принимать участие в политической жизни. Лидером в суперфракции стал Такэсита, и она по-прежнему оказывала большое влияние на внутрипартийную жизнь.

Кабинет Накасонэ и административно-финансовая реформа

В 1982 г. выбор в пользу назначения Накасонэ был сделан во многом потому, что правящие круги хотели видеть во главе государства «сильную» личность, способную проводить эффективную внутреннюю и внешнюю политику. Накасонэ, который, по традиции, окончил юридический факультет Токийского императорского университета, с началом Тихоокеанской войны был призван служить в военно-морской флот. После войны достаточно

быстро занялся политической деятельностью и с 1947 г. постоянно избирался депутатом палаты представителей парламента, а с 1959 г. неоднократно входил в состав правительства.

В силу традиционалистской консервативной политической ориентации Накасонэ (традиционалиста, консерватора, атлантиста), курс его кабинета можно охарактеризовать как определенный поворот вправо. Сам он настойчиво стал выступать за пересмотр конституции, за введение законодательства на случай «чрезвычайных обстоятельств», за усиление мощи сил самообороны и расширение их функций в военном сотрудничестве с США. Ему принадлежали высказывания о том, что военно-морские силы Японии в противостоянии Советскому Союзу должны заботиться о контроле над проливами и сделать Японское море «японским озером», а также о том, что Япония является «непотопляемым авианосцем США».

В первый же год работы нового правительства оно столкнулось с редким для политической жизни Японии событием: проведением в течение одного года трех избирательных кампаний. Раз в 12 лет совпадают общенациональные выборы в местные органы власти и в палату советников, в 1983 г. к ним добавились внеочередные выборы в палату представителей. Во время выборов в органы местного самоуправления ЛДП в целом удалось отстоять свои позиции, несмотря на весьма чувствительное поражение на важных выборах губернаторов Хоккайдо и промышленной префектуры Фукуока.

Выборы в палату советников проводятся по местным округам и общенациональному округу. С целью сохранения своих позиций либерал-демократы добились изменения порядка выборов по общенациональному округу. Раньше голосовавшие проводилось персонально по каждому кандидату, а теперь — по партийным спискам. Депутатские места распределялись между партиями пропорционально числу полученных ими голосов. Система выборов по местным округам осталась неизменной. Новый порядок был выгоден в первую очередь ЛДП, поскольку она обладала возможностью выдвигать большое число кандидатов. И действительно, правящая партия значительно увеличила свое представительство, получив 68 мест. Удачными оказались выборы по новой схеме и для КПЯ, которая провела семь своих депутатов, на два больше, чем подлежало переизбранию. Обладая устойчивым электоратом, эта партия получила дополнительные места при голосовании по партийным спискам. В целом расстановка сил в палате советников существенно не изменилась.

В ноябре 1984 г. правительству Накасонэ был объявлен вотум недоверия. В результате состоявшихся после роспуска парламента

выборов в палату представителей ЛДП потеряла 36 мест, не добившись даже большинства в этой палате. Более того, потерпели провал на выборах три министра кабинета. Причиной было не только подорвавшее престиж правящей партии «дело Танака», но и общее недовольство курсом кабинета Накасонэ на всемерное укрепление военно-стратегического сотрудничества с США, на определенную милитаризацию страны, на активизацию японских «ястребов». Заметного успеха на выборах добилась СПЯ: она завоевала 113 мест по сравнению со 101 на момент роспуска парламента. Наиболее удачными они оказались для Комэйто: провела 59 кандидатов, на 25 больше, чем было прежде. На 39 депутатов возросло представительство ПДС, увеличившись на восемь мест. Несколько ослабили позиции КПЯ и НЛК, которые потеряли по два депутатских мандата.

Таким образом, произошло возвращение к существовавшему в конце 1970-х годов примерному равенству сил между правящей партией и оппозицией. Другими словами, в палате представителей вновь возникло неустойчивое политическое равновесие, при котором правительство опиралось на минимальное большинство и зависело от оппозиционных партий при проведении законов через парламент. Ради сохранения власти в руках консерваторов и обеспечения способности правительства контролировать обстановку в стране крупный бизнес в межфракционных переговорах поддержал сохранение за Накасонэ поста премьер-министра. Под давлением соперников в партии он признал свою ответственность за поражение на выборах и подчеркнул, что заслуживает отставки с поста председателя ЛДП. В целях соблюдения традиции ответственность за неудачу на выборах взял на себе генеральный секретарь партии Никайдо и вышел в отставку.

При новой расстановке сил в парламенте либерал-демократы были не в состоянии контролировать ситуацию и предложили сотрудничество НЛК. Была создана парламентская фракция двух партий – Национальный союз. Лидеру НЛК был предоставлен пост министра по делам органов местного самоуправления. Таким образом, впервые за всю историю своего существования ЛДП была вынуждена пойти на создание фактически коалиционного правительства. Это был шаг по формированию пока консервативной коалиции. До серьезных перемен в этом направлении оставалось меньше десяти лет.

На период премьерства Накасонэ пришелся наиболее активный этап проведения административно-финансовой реформы, и глава кабинета лично контролировал процесс. Эта проблема затрагивалась в правительственных планах уже в 1970-е годы. Но в

них внимание уделялось чисто административным вопросам и не касалось государственных финансов. В 1981 г. по предложению бывшего в то время директором административно-контрольного управления Накасонэ был сформирован второй временный комитет по административной реформе. Первый был создан в 1962 г. В его состав вошли представители правительства, предпринимателей, профсоюзов, академических кругов и средств массовой информации. Возглавлял его глава Кэйданрэн Доко Тосио. Комитет подготовил 5 докладов, которые легли в основу реформы. После роспуска комитета на его базе создавались временные советы содействия административной реформе.

Главными направлениями реформы были: 1) оздоровление государственных финансов (реорганизация системы субсидий, перестройка и сокращение административного аппарата), т.е. сокращение бюджетных ассигнований и более рациональное их использование; 2) отмена или смягчение бюрократического контроля и регламентаций в сфере создания новых предприятий, контроля над иностранной валютой, банковского дела; 3) реорганизация системы общественного предпринимательства – упразднение табачной и соляной монополии, проведение денационализации государственных железных дорог, телефонно-телеграфной корпорации и прочих, в большинстве своем убыточных, общественных предприятий. Иными словами, речь шла об ограничении рамок государственного регулирования экономики и использования во все больших масштабах рыночных механизмов в условиях перехода к пиковой, интенсивной модели роста, углубления процессов интернационализации экономики, а также в связи с возросшей финансовой, технической и организационной мощью частного капитала.

В результате намеченной к реализации программы, предложенной комитетом, правительство сумело остановить рост бюджетных расходов: уже с 1983 г. он был равен 0, а в 1984 г. сократился на 0,1%. Снизилась и доля зависимости бюджета от внешних заимствований – с 33% в 1980 г. до 0% в 1990 г. В 1985 г. была успешно завершена приватизация национальной телекоммуникационной корпорации. В 1987 г. осуществлено разделение корпорации государственных железных дорог на 6 региональных и одну общенациональную грузовую железнодорожную компанию и проведено их акционирование. В середине 1980-х были разобобществлены государственные табачная и соляная корпорации. Кроме того, была проведена пенсионная реформа: введены единые ставки пенсий вне зависимости от принадлежности работников к частному или общественному сектору. Был принят также ряд мер по оптимизации структуры

правительства. Увеличено число помощников премьер-министра, совет обороны был преобразован в совет национальной безопасности. Приняты решения о создании при премьер-министре консультативных совещательных органов по внешней и внутренней политике; ведомства получили свободу в организации своей внутренней структуры управления. Была рационализирована лицензионно-разрешительная система. «В целом итоги реформ 1980-х годов, — пишет историк Д. В. Стрельцов, — можно оценить, скорее, как положительные. Основные задачи, которые ставили перед собой организаторы реформы, были выполнены. Можно сделать вывод об успешности преобразований во всех трех плоскостях целевых установок реформы: приватизации общественных корпораций, составлявшей конъюнктурную задачу реформы, реформировании национальной пенсионной системы, составлявшей “профилактическую” задачу, и, наконец, дальнейшего количественного сокращения правительства и его удешевления, составлявшая ее долгосрочную макроэкономическую цель»⁶. На будущее осталась организационная реформа правительства на основе принципов централизации власти кабинета министров и усиления статуса его главы.

В это же время была разработана концепция превращения Японии в «международное государство». Это понятие означало, что страна не только органично вписывалась в мировое сообщество, но и представляла собой сбалансированный организм. Эта концепция была представлена в двух докладах правительственной комиссии, возглавляемой управляющим Банка Японии Х. Маэкава (так называемых докладов Маэкава в 1986 и в 1987 гг.). Первый доклад содержал общее понятие концепции, во втором были даны конкретные рекомендации для проведения изменения структуры отдельных областей экономики в средне- и долгосрочной перспективе, чтобы они стали соответствовать международным критериям. Прежде всего предлагалось сделать незамедлительные шаги к сокращению торгового дисбаланса, к переориентации промышленности с экспорта на внутренний спрос, добиваться более высокого уровня эффективности производства и производительности труда в таких областях, как распределение продукции, финансовые услуги, транспорт, сельское хозяйство, строительство и телекоммуникации. Для этого предусматривалось дерегулирование внутреннего рынка, расширение рамок доступа в страну импортной продукции, увеличение капиталовложений. В докладе

⁶ Стрельцов Д. В. Система государственного управления Японии в послесвоенный период. М., 2002, с. 93.

подчеркивалось, что страна будет ограничивать экономическую свободу лишь при форсмажорных обстоятельствах.

Кроме проведения административно-финансовой реформы, правительство Накасонэ решало проблемы увеличения военных расходов, активизации внешней политики страны (о чем подробнее речь ниже). В связи с истечением двухгодичного срока пребывания Накасонэ на посту председателя ЛДП вновь развернулась острая межфракционная борьба. За Накасонэ, как уже говорилось, был сохранен пост председателя в результате договоренности между лидерами фракций и при поддержке Танака. Накасонэ назначил генеральным секретарем Канэмару Син, а председателем Исполнительного совета партии Миядзава Киити. С их именами в скором времени будут связаны важнейшие события для партии и всей политической системы Японии.

Продлив еще на два года свои полномочия на посту председателя партии и главы правительства, Накасонэ провозгласил концепцию «подведения окончательных итогов послевоенной политики». Она отражала стремление правящих кругов покончить с «комплексом поражения» во Второй мировой войне, создать необходимые условия для превращения Японии в одну из ведущих мировых держав, причем не только в экономическом, но и в политическом и военном отношении. Эта концепция предусматривала серьезную перестройку в политической и идеологической сферах в условиях крупных перемен в социальной структуре общества в результате научно-технического прогресса и структурных сдвигов в экономике. Она предполагала создание благоприятных условий для пересмотра конституции, трудового законодательства и других демократических преобразований послевоенных лет, реформу системы образования, изменение военной политики и пр.

В идеологической сфере Накасонэ, ярый традиционалист, личным примером старался возрождать национальные духовные ценности. Например, 11 февраля 1985 г. он впервые присутствовал на церемонии в честь официально отмечаемого «Дня основания государства» (установлен в 1963 г.). Этот праздник представляет собой возрождение довоенного «Дня основания империи», учрежденного в память мифологического восшествия на престол первого японского императора Дзимму – «потомка богов».

Бурю протеста не только в Японии, но и в сопредельных странах вызвало официальное посещение Накасонэ 15 августа (в день 40-летия принятия Японией условий Потсдамской декларации, традиционно считавшимся в стране днем окончания войны на Тихом океане) церемонии в синтоистском святилище Ясукуни. В нем обожествлены воины, погибшие в боях за императора, в том числе

и главные военные преступники, казненные по приговору Международного Токийского трибунала. Премьер-министры и члены кабинета в последние годы посещали эту церемонию как частные лица, а Накасонэ подчеркнуто заявил, что он делает это как премьер-министр. Проводя курс на «подведение итогов послевоенной политики», он фактически нарушил все «политические табу» и пошел на такие шаги, на которые не решались его предшественники.

В том же 1985 г. были приняты новые программные документы ЛДП — «Особая декларация» и «Политическая программа», которые заменили «Политическую программу партии» 1955 г. В них выдвигались на первое место цели глобального характера, решение которых позволило бы Японии приспособиться к меняющемуся миру. ЛДП объявила себя «консервативной партией», закрепив тем самым мировоззрение консерватизма, провозгласила построение не просто государства благосостояния, как прежде, а народного благосостояния.

В следующем 1986 г. СПЯ утвердила «Новую декларацию» и объявила предыдущие программные документы принадлежащими истории, т.е. прекращалось их действие. В Декларации уже не было акцента на классовый подход, партия более не рассматривалась как «классовая партия», и подчеркивался ее общенародный характер. Социализм, как идеология рабочего класса, относился как бы к прошлому, а в настоящее время надлежало «решать более широкие общенародные задачи». Среди целей партии уже не употреблялось слово «революция», хотя наряду с реформами говорилось и о «качественном преобразовании общества». С принятием «Новой декларации» японские социалисты сближались по взглядам на социализм, задачам и методам своей деятельности с западноевропейской социал-демократией.

В это же время новым председателем соцпартии стала Дои Такако, первая в политической истории Японии женщина, занявшая такой пост. Окончив университет Досися в Киото, получив диплом юриста, она специализировалась на проблемах конституционного права и принимала самое активное участие в деле защиты конституции. С 1969 г. неизменно избиралась депутатом палаты представителей. Ее отличали яркий стиль политического лидерства, понимание проблем, стоящих перед партией, стремление к компромиссам и умение добиваться их. Дои заслужила признание коллег как специалист по проблемам внешней политики и обороны, окружающей среды, положения женщин. Под ее руководством соцпартии приходилось решать очень сложные задачи восстановления утраченных позиций в парламенте, поиска путей формирования нового облика партии.

Прошедшие одновременно съезды других партий убедительно показали, что оппозиционный лагерь очень далек от единства в оценке путей и средств обновления политики страны и не в состоянии выдвинуть реальную альтернативу власти либерал-демократов, сколько бы они это ни декларировали. Большая часть оппозиции стремилась так или иначе «вписаться» в существующую политическую систему. К этому их в определенной степени подталкивала и обстановка в профсоюзном движении. В последние годы в нем усиливалось влияние реформистских сил, которые направляли его развитие по пути тред-юнионизма. Главной движущей силой выступали профсоюзы крупнейших частных предприятий ведущих отраслей промышленности. Их объединение – Всеяпонский совет профсоюзов частных предприятий – за несколько лет превысило по численности все традиционные профцентры. Дальнейшее развитие профсоюзного движения привело к самороспуску всех ранее существовавших профцентров и созданию на их основе в 1989 г. нового национального профцентра – Японской конфедерации профсоюзов (Рэнго). Эта организация стала третьим по числу членов профобъединением в развитых странах после АФТ-КПП в США и Британского конгресса тред-юнионов.

К середине 1980-х годов находившаяся в полной изоляции Компартия Японии скорректировала партийную программу, с тем чтобы закрепить проводимый уже достаточно давно на практике политический курс. Это было сделано на XVIII съезде в ноябре 1985 г. Следует напомнить, что еще на XIII съезде (июль 1976 г.) из программы был изъят термин «диктатура пролетариата», а понятие «марксизм-ленинизм» заменено «научным социализмом». Теперь же КПЯ старалась новшествами в стратегической линии несколько приблизить ее к реальным условиям страны с высоким уровнем демократии. Партия признала расширение представительства в парламенте центральным направлением деятельности.

В октябре 1986 г. истекал определенный уставом ЛДП срок предельного пребывания Накасонэ на посту председателя партии. Подтверждая свой имидж «сильной личности», он вновь использовал тактику «двойных» выборов: распустил палату представителей парламента и объявил досрочные выборы в один день с очередными выборами в палату советников. Успех либерал-демократов превзошел все их ожидания. По словам Накасонэ, итоги выборов были «голосом неба». Они получили серьезный перевес над оппозицией в палате представителей – 304 мандата из 512 и улучшили свои позиции в палате советников – 143 мандата из 251. Результаты выборов были неутешительными для СПЯ и цен-

тристских партий, а НЛК просто перестал существовать. Большинство его членов вернулись в свою альма-матер — ЛДП.

При формировании правительства Накасонэ, по-прежнему отдавая предпочтение суперфракции Танака—Такэсита, сумел удовлетворить аппетиты и других фракций. В результате в сентябре текущего года руководители ведущих фракций согласились продлить еще на один год срок его пребывания на высших постах ввиду особых заслуг перед партией. В устав ЛДП была внесена соответствующая поправка. Мандат Накасонэ на руководство страной был продлен до осени 1987 г.

Ободренный успешным проведением ряда внутривластных реформ и победой ЛДП на «двойных» выборах 1986 г., Накасонэ попытался одним махом решить сложнейшую проблему налоговой реформы. Он провозгласил задачей кабинета утверждение парламентом одного из налоговых законопроектов — о введении 5%-ного налога с продаж. В результате должны были вырасти налоговые выплаты всей торговой цепи, что, в свою очередь, привело бы к повышению цен и снижению покупательского спроса. Необходимая для развития экономики реформа неизбежно сопровождалась бы серьезными социальными издержками. Накасонэ, как всегда, решил действовать силовыми методами, но старая тактика консерваторов проталкивать необходимые законы без оппозиции на этот раз не сработала. Тем более что против налоговой реформы выступил и ряд депутатов правящей партии.

Разразился невиданный по масштабам парламентский кризис, который нанес удар по престижу Накасонэ. Неудача ЛДП на выборах в органы местной власти тоже сыграла свою роль. Отставка премьер-министра была очевидной и разгорелась привычная достаточно длительная борьба претендентов на этот пост. Не сумев договориться, лидеры фракций решили вручить своеобразный мандат премьер-министру, чтобы он сам определил себе преемника. Безусловно, Накасонэ в этом случае подчинялся закону реального соотношения противоборствующих сил, и его преемником 6 ноября 1987 г. стал Такэсита Нобору на посту председателя ЛДП и, соответственно, премьер-министра.

Азиатский вектор внешней политики

Во время первого визита японского премьера Киси в азиатские страны в 1957 г. в политических кругах заговорили о возвращении Японии в Азию. Тогда эти страны восприняли подобные заявле-

ния с большой опаской, а СССР и, в большей степени, США с явной нервозностью. На протяжении последующих почти двадцати лет Азия продолжала занимать значительное место во внешней политике Японии. По словам бывшего министром иностранных дел в кабинете Танака и будущего премьера Фукуда, «само собой разумеется, что Азия – самый важный район для Японии».

Однако серьезные перемены в отношении Японии к этому региону, прежде всего к Юго-Восточной Азии, произошли в середине 1970-х годов. В 1977 г. была провозглашена «доктрина Фукуда», которую в силу декларативного характера многих положений сложно считать полноправной доктриной. Но важным стал факт обращения японского премьер-министра к странам ЮВА. Следует отметить, что здесь в 1967 г. была создана Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которой предстояло решать совместными усилиями экономические проблемы входящих в нее стран. В значительной мере под давлением США первые десять лет своего существования она играла роль бастиона на пути «экспансии коммунизма» в Азии. Лишь после подписания в 1976 г. Декларации стран АСЕАН и Договора о дружбе и сотрудничестве в ЮВА экономические цели вышли на первый план.

Всей внешнеполитической стратегии Фукуда был свойствен «азиатизм». Он поспешил успокоить народы этого региона в отношении того, что Япония никогда вновь не станет военной державой, призвал к достижению чистосердечного взаимного доверия и понимания в политической, экономической, социальной и идеологической сферах и обещал полную поддержку усилиям стран АСЕАН по укреплению их солидарности. Одновременно Япония признала проведение такой же политики по отношению к странам Индокитая.

Начиная с Фукуда, японские премьер-министры выдвигали свои инициативы в отношении ЮВА. Охир провозгласил основой политики своего кабинета концепцию тихоокеанского сотрудничества, рассчитывая на привлечение к нему стран АСЕАН. Полагают, что главной движущей силой его планов и инициатив был министр иностранных дел его кабинета Окита Сабуро, крупный политический мыслитель и адвокат азиатско-тихоокеанского сотрудничества. Неожиданная смерть Охиры в 1980 г. и последовавшая смена кабинета замедлили темп усилий Японии на этом направлении.

Новый импульс отношениям Японии со странами региона придал Накасонэ. Он заметно отличался от своих предшественников на посту премьера активным личным участием в выработке и проведении внешней политики и особенно политики в

области обороны и безопасности. В осуществлении его внешне-политической стратегии ему помогал на посту министра иностранных дел единомышленник и соратник Абэ Синтаро. Он был зятем Киси (в кабинете которого состоялся дебют Накасонэ как министра) и унаследовал многие политические связи и авторитет тестя. Сам Абэ славился как специалист по международным проблемам.

Накасонэ предпринял неожиданный ход в отношении развивающихся стран АТР. Он как бы на время отвернулся от них, предоставив в первую очередь самим членам АСЕАН проявить инициативу. Во время своего турне по этому региону в 1983 г. он в основном прощупывал почву и разъяснял позицию Японии, но не стремился задобрить их. В частности, решительно отказал Индонезии в передаче оборонных технологий, но передал их США, однозначно продемонстрировав приоритеты своей политики. Безусловно, конфронтация не входила в планы премьера. Напротив, уже в следующем 1984 г. Абэ на встрече министров иностранных дел АСЕАН и индустриальных стран «Группы Диалога» впервые озвучил некоторые положения «доктрины Накасонэ» для стран АТР, в первую очередь для АСЕАН. Он говорил о «юности» и «динамизме» региона, о необходимости развития связей в области культуры и образования, неправительственных контактов, что должно было окончательно укрепить доверие и взаимопонимание между странами, и уже на этой базе развивать экономическое сотрудничество. Абэ предложил со стороны Японии посильную поддержку в борьбе с протекционизмом, готовность поделиться определенными новыми технологиями (информационными и телекоммуникационными). Он особо подчеркнул ответственность развитых стран за успех развития этого региона. В целом речь шла только об экономической помощи, без какого-либо экономического диктата, но это были заверения также и о том, что Япония никогда не превратится в военную державу и ориентируется исключительно на самооборону. Но выступление Абэ не рассеяло всех сомнений.

Накасонэ изложил свою доктрину в речи во время официального визита в Австралию. Назвав АТР «наиболее динамично развивающимся регионом мира», он призвал к тесному сотрудничеству его двух главных компонентов – индустриальных «Стран Диалога» и развивающихся стран АСЕАН: «В таком сотрудничестве роль более развитых стран – в полной мере уважать инициативу других государств и поддерживать их инициативы для создания базы регионального сотрудничества и развития». Таким образом, Накасонэ ненавязчиво подчеркнул, что инициатива должна исходить именно

от стран АСЕАН. Это был принципиально важный пункт. Отношения Японии и Австралии, которые он назвал «северной и южной опорой региона», он поместил в общий тихоокеанский контекст, определив важную роль этих двух стран в глобальном партнерстве в рамках АТР. Японская сторона полагала, что сотрудничество Японии и Австралии (в том числе неправительственные контакты деловых кругов) закладывают основу будущего глобального партнерства в АТР.

Как известно, в 1970-е годы произошел невиданный взлет так называемых новых индустриальных стран (НИС) – Гонконга, Сингапура, Южной Кореи и Тайваня. В основе его лежала эффективная индустриальная стратегия, суть которой сводилась к созданию экспортно-ориентированной модели экономического развития с помощью иностранных капиталов и технологий. Япония предоставила значительную долю и тех и других, а также свой внутренний рынок для сбыта товаров этих стран. В 1980-е годы началось достаточно успешное экономическое развитие стран АСЕАН по вышеуказанной модели, тем более что Сингапур входил в число новых индустриальных стран.

В отношениях с развивающимися странами ЮВА, безусловно, первостепенными были экономические проблемы. Япония являлась крупнейшим торговым партнером стран АСЕАН в целом и по отдельности. В частности, в 1983 г. объем торговли с членами ассоциации составил 35 млрд. долл., что было равно примерно 20% их совокупного товарооборота. Японии удалось значительно расширить сбыт своих товаров на рынке этих стран. В общей сумме их импорта на ее долю в начале 1980-х годов приходилось 20,9% (2 млрд. долл.), тогда как на долю США – 14,1%, стран Западной Европы – 8,2%. Япония создала в странах АСЕАН широкую сеть дочерних предприятий и компаний, что помогло установить контроль над рядом важных отраслей промышленности этих государств. Таким образом ее политическая роль в регионе опиралась на мощный экономический и торговый базис.

Второй главной задачей стала проблема безопасности. Японские политики нередко обходили ее, опасаясь вызвать кривотолки и сомнения у своих партнеров. При этом обе стороны полагались на сильное американское присутствие как основу обеспечения безопасности в регионе и выступали за его продолжение. Япония высказывала готовность участвовать в разрешении кампучийской проблемы (страны АСЕАН не признавали провьетнамский коммунистический режим Ханг Самрина и в то же время старались изолировать наиболее экстремистское, запятнавшее себя преступлениями и террором крыло «Красных

кхмеров» во главе с Пол Потом), в обеспечении стабильности на Корейском полуострове, в поддержке Сеульской олимпиады 1988 г., в проведении гибкой экономической политики.

Признанием действенности политики Японии в регионе явилось приглашение японского премьера — лидера единственной страны — не члена АСЕАН на саммит в 1987 г., проходившем в Маниле. Такэсита Нобору продолжил продуктивное развитие отношений Японии со странами АСЕАН, основы которого заложил Накасонэ, но жатва посеянного им во многом досталась его преемникам. В манильской декларации, одном из важнейших программных документов организации, Япония была названа среди важнейших партнеров АСЕАН. Это неудивительно, поскольку Такэсита пообещал создать фонд Япония — АСЕАН (из государственных и частных источников) для развития промышленности в регионе. Эти средства предполагалось направить, прежде всего, на развитие частного сектора в экономике стран АСЕАН. Ранее основное внимание уделялось налаживанию торгово-экономических связей с государственным сектором. С этого времени во внешнеполитическом и внешнеэкономическом курсе Японии в отношении стран АСЕАН прочно закрепилась линия при сохранении двусторонних связей активно развивать отношения с Ассоциацией как единым целым. Такая политика встретила поддержку лидеров стран — участниц этой организации.

Япония строила отношения со странами региона по системе «торговля—инвестиции—помощь». По-прежнему оставаясь для них главным торговым партнером, постоянно увеличивая инвестиции (лишь за один 1987/88 фин. год они выросли почти в два раза и составили соответственно 5,7 и 10,1% всех японских инвестиций за рубежом), со времени «эры Накасонэ» она сосредоточилась на развитии программ экономической помощи. Уже в 1986 г. выделила 5,634 млрд. долл. помощи развивающимся странам, превратившись таким образом во вторую крупнейшую в мире донорскую державу. Не менее важное значение имело и достижение договоренности о проведении регулярных консультаций по вопросам обороны и безопасности между Японией и странами АСЕАН. Такэсита, выступая на саммите лидеров стран — участниц ассоциации в 1989 г. в Джакарте, предложил им слоган — «думать вместе и двигаться вместе». В программной речи он изложил задачи своей страны: 1. Уважение к позиции стран АСЕАН. 2. Развитие и усиление системы свободной торговли, открытой для всего мира. 3. Поощрение и развитие многоцелевого и многоаспектного сотрудничества. Программа была встречена с воодушевлением.

Структурные сдвиги в экономике и формирование новой модели роста

Административно-финансовая реформа была хотя и очень важной, но лишь частью структурной перестройки экономики. Несмотря на серьезные успехи на этом пути в 1970-е годы, процесс был еще далек от завершения. Поэтому в 1983 г. в соответствии с Законом о чрезвычайных мерах по перестройке некоторых отраслей была принята вторая программа по структурной адаптации. В наибольшей степени она коснулась выплавки алюминия (где было утилизировано 57% мощностей), производства этилена и мочевины (36%), окиси этилена (26–27%), аммиака и виниловых смол (20–24%)⁷. После повышения курса иены в конце 1985 г. были приняты дополнительные планы по ликвидации мощностей в черной металлургии, судостроении, нефтепереработке. Но при этом, например, по выпуску судов Япония продолжала удерживать первое место в мире.

Одновременно продолжалась политика сокращения материало- и энергоемкости производства. Коэффициент эластичности (отношение относительного изменения потребления материалов к относительному изменению ВВП) еще более снизился по сравнению с предыдущим периодом, а по некоторым видам он составил даже отрицательную величину. Для дальнейшего сокращения энергопотребления принимались и административные меры. В первой половине 1980-х годов был издан ряд инструкций по рациональному использованию энергии в административных зданиях и жилых помещениях. За период с середины 1970-х до конца 1980-х годов удельная энергоемкость промышленного производства была снижена примерно на одну треть, материалоемкость – более чем наполовину. На снижение энерго-, материалоемкости и трудоемкости положительно повлияли и изменения в отраслевой структуре промышленности (о чем ниже).

В конце 1980-х годов Япония стала одним из мировых лидеров в области атомной энергетики: мощность ее реакторов достигала почти десятой части суммарной мировой мощности. В 1986 г. доля АЭС в производстве электроэнергии составила 27,8% против 2,1% в 1973 г. В 1987 г. была пересмотрена долгосрочная программа развития атомной энергетики (принята еще в 1957 г.). Она была нацелена на интенсификацию фундаментальных исследований в этой области, повышение безопасности функционирования АЭС, углубление сотрудничества с другими странами.

⁷ Смена модели экономического роста. М., 1990, с.13.

Характерной чертой промышленности до середины 1980-х гг. оставалась ее ориентация на экспорт: в это время Япония вывозила на внешний рынок от 50 до 90% произведенных велосипедов, мотоциклов, автомашин, синтетических тканей, судов, электрокалькуляторов, часов, фотоаппаратов, видеомagneтофонов и пр. Однако к середине 1980-х годов экспортно-ориентированная модель себя исчерпала. Во многом это было связано с удорожанием иены. В сентябре 1985 г. на совещании министров финансов ведущих капиталистических стран в Нью-Йорке было принято решение о согласованном противодействии повышению курса доллара путем асимметричного снижения учетных ставок процента, что должно было сократить приток капиталов в США и спрос на доллары (так называемое Плазское соглашение). Банк Японии был вынужден продать доллары из своего резерва, и курс иены резко пошел вверх: за три года, с 1985 по 1987 г., иена подорожала вдвое, что сильно ухудшило условия для японского экспорта и потребовало переориентации развития экономики на преимущественное использование внутренних факторов. Для преодоления негативных последствий повышения курса иены, особенно в экспортно-ориентированных отраслях, проводилась политика ликвидации излишних мощностей, развития производств с высокой долей добавленной стоимости, автоматизации производства, сокращения численности персонала и пр. Для снижения трудоемкости производства усилился вывоз предприятий за рубеж, в основном в развивающиеся страны, куда ранее экспортировалась соответствующая продукция и где оплата рабочей силы была гораздо ниже. Начала формироваться новая структура международного разделения труда Японии с другими странами.

В результате структурной перестройки японская промышленность превратилась в интеллектуальную отрасль с низкой материало- и энергоемкостью. Основой ее стали высокотехнологичные отрасли — производство сверхбольших интегральных схем, микропроцессоров, станков с ЧПУ, новых средств связи, робототехнических комплексов и т.п. Таким образом появилась качественно новая технологическая база экономики.

Темпы экономического роста в этот период были на уровне 5%, и экономика развивалась достаточно стабильно. Основным фактором ее развития на этом этапе оставался научно-технический прогресс, т.е. интенсивные факторы роста. Его основные направления — электронизация, совершенствование энергетической базы производства, разработка новых материалов, биотехнологии. По оценкам японских ученых, вклад НТП в обес-

печение экономического роста в 80-е годы составил примерно 60%⁸. Причем важным элементом в этом процессе являлось все большее усиление роли собственных НИОКР. Расходы на них в этот период выросли более чем в три раза. В то же время Япония продолжала оставаться крупнейшим среди развитых стран покупателем лицензий. НТП был одним из главных составляющих и роста производительности труда. Индекс ее за 1974–1990 гг. в обрабатывающей промышленности вырос в 2,5 раза, в сельском хозяйстве – в 2,4 раза⁹.

Вместе с тем рост производства в сельском хозяйстве продолжал оставаться незначительным, а импорт рос. В то же время именно благодаря внедрению технических новшеств, и прежде всего механизации, росли и издержки производства, поскольку укрупнение хозяйств шло очень медленно, и возможность экономить на масштабах производства была минимальной. Для поддержания сельскохозяйственных доходов правительство из года в год повышало государственные закупочные цены на основные виды продукции. И деревня чувствовала себя достаточно комфортно, но дефицит сельскохозяйственного бюджета вырос до огромных размеров. В условиях проведения административно-финансовой реформы правительство было вынуждено сначала заморозить государственные закупочные цены, а затем начало их снижать. Кроме того, в русле политики дерегулирования был проведен ряд мероприятий, направленных на внедрение рыночных отношений в отрасли.

Высокие внутренние цены на сельскохозяйственную продукцию негативно сказывались на ее конкурентоспособности на мировом рынке и препятствовали либерализации импорта, чего так усиленно добивались экономические организации страны и ее внешнеторговые партнеры. По их требованию (безусловно, прежде всего США с их огромными экспортными возможностями и впечатляющим ростом пассивного сальдо торгового баланса с Японией – в 1980 г. 7 млрд. долл., в 1987 г. – 52 млрд. долл.¹⁰), а также поддерживая репутацию приверженца принципов свободной торговли, Япония была вынуждена в 1988 г. согласиться на дальнейшую либерализацию импорта сельскохозяйственной продукции, которая была фактически приостановлена в 1973 г. Она обязалась снять ограничения на импорт 12 видов сельскохозяйст-

⁸ Япония: экономика, общество и научно-технический прогресс. М., 1988, с. 27, 28.

⁹ Подсчитано по: Ногё хакусё фудзоку токэйхё (Статистическое приложение к Белой книге по сельскому хозяйству). Токио, 1995, с. 58.

¹⁰ Ногё хакусё фудзоку токэйхё. 1988, с. 109.

венной продукции. В их числе были такие важные для страны, как говядина и апельсины, квоты на ввоз которых должны были повышаться в течение трех лет, а затем сняты. После их отмены Япония обещала постепенно снижать пошлины.

Характерной чертой развития экономики в 1980-е годы было развитие сферы услуг (так называемая сервизация). В США и Западной Европе этот процесс начался еще в 1960-е годы, в Японии – только в 1970-е, но развивался достаточно быстро. К концу 1980-х годов по удельному весу сферы услуг в структуре валового внутреннего продукта (ВВП) и рабочей силы Япония заняла четвертое место после США, Великобритании и Франции. В последние годы более быстрыми темпами росли отрасли деловых услуг, связи и организации досуга. В традиционных отраслях, например, в торговле, на транспорте появились новые виды услуг, в частности доставка мелких грузов непосредственно от отправителя к получателю. В сферу услуг начала широко внедряться высокопроизводительная электронно-вычислительная техника и новые средства связи. Шел процесс информатизации.

В 1980-е годы большое внимание уделялось развитию транспортной инфраструктуры – строительству новых сетей железных дорог и автомагистралей. Были построены новые линии *синкансэн*, которые протянулись в разные уголки островов Хонсю и Кюсю. К началу 1990-х годов протяженность автострад превысила 5 тыс. км. Закончился определенный этап соединения четырех главных островов в единое географическое пространство. В конце 1950-х годов в одном из крупных экономических журналов Японии «Даямондо» была опубликована статья под заглавием «Безрассудный проект»¹¹. Речь шла о поэтапном строительстве автострад, которые соединят всю страну. Автор назвал этот проект «безрассудным», ибо считал, что его нельзя было выполнить ни с технической, ни с экономической точек зрения. Но проект оказался достаточно жизнеспособным. В 1983 г. было завершено строительство тоннеля под Сангарским проливом, который соединил Хоккайдо и Хонсю, благодаря чему почти в три раза сократилось время пути от Токио до Саппоро. А в 1988 г. была осуществлена первая очередь строительства мостов между Хонсю и Сикоку через Японское внутреннее море. Шесть мостов под общим названием Сэто-Охаси (Большой мост через Внутреннее Японское море) соединил пять маленьких островов. Строительство Сэто-Охаси сократило время поездки с Хонсю до Сикоку с одного часа (требовавшегося для переправы на пароме) до 15

¹¹ Даямондо. 1956, № 44, с. 18, 31–33.

минут. Началось строительство транспортных магистралей еще в двух местах между этими островами.

Быстрыми темпами росла внешнеэкономическая экспансия, но содержание ее несколько изменилось. По экспорту промышленных товаров Япония в 1984 г. заняла первое место в мире. В том же году экспортная квота в машиностроении достигла своего пика. По сравнению с 1980 г. увеличился вывоз легковых автомобилей, полупроводников, видеомагнитофонов, оборудования для обработки информации, металлообрабатывающих станков, уменьшилась доля текстиля и практически исчезла – продовольствия, сократилась и экспортная квота химической и металлургической промышленности (пик ее пришелся на середину 1970-х гг.). В целом доля экспорта по отношению к ВВП со второй половины 1980-х годов начала снижаться, отражая ориентацию развития экономики на внутренний спрос, что и предлагалось в концепции, заявленной в докладе Маэкава. Некоторое повышение экспортной квоты с 1988 г. произошло за счет резкого роста экспорта услуг, доля же экспорта товаров продолжала снижаться. В то же время начался рост импорта готовых изделий, произведенных на предприятиях, вывезенных ранее в другие страны. Обозначилась тенденция к сужению несбалансированности между экспортом и импортом. Изменились и география внешней торговли. Главным партнером остались Соединенные Штаты, хотя доля их уменьшилась. Возросло значение стран Юго-Восточной Азии, особенно в области импорта, а также Западной Европы, сократилась доля импорта из стран Ближнего и Среднего Востока¹².

Происходил интенсивный процесс интернационализации хозяйственной жизни в стране. Ее кумулятивные зарубежные активы в 1980–1986 гг. выросли в 16 раз. Если в начале 1980-х годов они оценивались в 16% ВВП, то в середине – 37%¹³. По стоимости частного предпринимательского капитала за рубежом в конце 1980-х годов страна заняла третье место в мире после США и Великобритании. К этому времени практически все крупные японские компании, особенно в экспортных отраслях, стали транснациональными. Бурно разрастались и портфельные инвестиции за границей. Причем если раньше капиталовложения направлялись главным образом в развивающиеся страны, то в 1980-е годы почти 60% накопленного объема прямых частных зарубежных инвестиций было сосредоточено в развитых – США, Канаде и Западной Европе. Другими словами, постепенно менялся характер участия

¹² Смена модели экономического роста, с. 202.

¹³ Там же, с.204.

Японии в международном разделении труда – с вертикального на горизонтальный.

Оценивая в целом развитие экономики в эти годы, можно сказать, что Япония сменила модель развития. Если раньше экономический рост осуществлялся за счет преимущественно экстенсивных факторов, то теперь начали преобладать интенсивные. По мнению экономиста В. К. Зайцева, новая модель развития экономики, складывавшаяся в 1980-е годы и отражавшая новые условия воспроизводства, будет определять ее лицо, по крайней мере, на последующие 20–25 лет. Ее основные черты – снижение средних темпов прироста ВВП, изменение характера и интенсивности структурных сдвигов, повышение эффективности капиталовложений, смягчение амплитуды циклических колебаний, развитие новых форм участия в международном разделении труда¹⁴.

Переход к интенсивной модели развития привел к изменению отраслевой структуры народного хозяйства страны в целом: в валовом национальном продукте уменьшилась доля первичных отраслей, вырос удельный вес вторичных и особенно третичных. За рассматриваемый период в ВВП резко сократилась доля сельского хозяйства, в меньшей степени строительства, а доля финансов, страхования, недвижимости и сферы услуг в целом возросла. Соответственно изменилась и структура занятости: доля первичных отраслей снизилась более чем в два раза, а третичных повысилась почти на четверть.

В целом в течение рассматриваемого периода, несмотря на структурные кризисы, нефтяные шоки (правда, второй нефтяной шок, т.е. повышение цен на нефть в 1979–1980 гг., оказал незначительное по сравнению с другими странами влияние на японскую экономику, ибо уже сказались меры по сокращению удельных расходов на ресурсы), повышение курса иены в 1985–1987 гг. (к чему Япония сумела адаптироваться достаточно быстро) и некоторые другие неблагоприятные условия, экономика динамично развивалась. Более того, она умело приспособилась к новым условиям воспроизводства и заметно укрепила свои позиции в мире. Доля Японии в общем объеме промышленного производства развитых стран повысилась за 1975–1989 гг. с 13 до 18%, а экспорт – с 8 до 13%. Ее ВВП составил половину этого показателя США, а по его размерам на душу населения Япония заняла в 1988 г. первое место в мире. С середины 1980-х годов Япония стала крупнейшим мировым кредитором и заняла первое место в мире по размерам золотовалютных резервов.

¹⁴ Япония: экономика, общество и научно-технический прогресс. М., 1988, с. 20.

Исбывавшая экономическая экспансия позволяла японским компаниям буквально скупать по всему миру, в первую очередь в США, фирмы (например, «Бриджстоун»), недвижимость (Рокфеллер-центр или киноиндустрию – «Коламбия пикчерз»), произведения искусства (в частности, картину Ван-Гога «Подсолнухи» за рекордную цену в 37 млн. долл.), ценные бумаги (больше всего приобретались облигации американских государственных займов). Стремительный рост курса иены в совокупности с многократным увеличением стоимости активов вследствие повышения котировки ценных бумаг и цен на недвижимость в одночасье сделали японцев как бы вдвое богаче.

Экономический рост сопровождался повышением жизненного уровня населения (зарплата наемных работников превысила этот показатель в других развитых странах). С середины 1970-х годов намечилось медленное, неотвратимое снижение доли расходов на продукты питания, одежду и обувь, мебель и домашнюю утварь и повышение расходов на транспорт и связь, образование, отдых и развлечения. Расширился спрос на новый парк товаров длительного пользования – цветные телевизоры со стереофоническим звучанием, крупногабаритные холодильники, полностью автоматизированные стиральные машины, вакуумные пылесосы с программной системой, посудомоечные машины и пр. Все шире начала распространяться информатизация домашнего хозяйства. Следующий шаг – огромный спрос на люкс-товары и предметы роскоши: модная одежда и аксессуары к ней, автомобили престижных марок, изделия из кожи, духи, косметика, обувь, часы, ювелирные изделия, меха, шампанское, вина, крепкие напитки, хрусталь, фарфор, серебряная посуда. И все это – от ведущих дизайнеров. Японцы начали приобретать больше всех в мире золота, платины, драгоценностей, престижных автомобилей и других предметов роскоши, разъезжать по всему миру. Стабильность стала ключевым понятием общества.

«Тот факт, что в такое состояние умудрились впасть японские потребители, – утверждает экономист В. Б. Рамзес, – красноречивее, чем что-либо иное, доказывает, насколько далеко зашла, вопреки всем естественным и искусственным препонам, интернационализация общественного сознания и насколько мощно повлияла она на потребительское поведение»¹⁵.

Образно говоря, за несколько десятилетий по мере улучшения жизненного уровня японцы трижды сменили набор так называемых «трех с». Вначале это были кухонная электропечь (cooker),

¹⁵ Япония: конец века. М., 1996, с. 88.

центральное отопление (central heating) и дешевые загородные домики (cottage). Затем последовали машины (car), цветной телевизор (colour television), кондиционер (conditioner) и, наконец, культура (culture), коммуникативность (community), творчество (creativity). Другими словами, совершился переход от ориентации лишь на материальные блага к большей приоритетности духовных сторон жизни, созданию «культурно-интенсивного» общества, в котором люди могли бы свободно применить свой опыт на индивидуальном и глобальном уровне.

В то же время небывалый экономический бум, финансовая либерализация, невероятное повышение курса акций и цен на землю, огромные суммы заимствований в условиях неоправданно завышенных ожиданий процветания японской экономики (известно, что в средствах массовой информации в разных странах не раз говорилось о том, что XXI век будет веком Японии) привели к весьма серьезным диспропорциям, к той ситуации, которая получила название «экономики мыльного пузыря» (термин ведет происхождение от скандала, разразившегося в Англии в XVIII в. вокруг спекуляций с акциями компании «South Sea» и ряда других аналогичных фирм).

Отношения Японии со странами Западной Европы и политика в формате «семерки»

До начала 1960-х годов, несмотря на восстановление дипломатических отношений со странами Западной Европы, они занимали второстепенное место во внешней политике Японии. В то время в центре внимания дипломатии были, естественно, США, страны ЮВА, позже СССР и КНР. Географическая отдаленность, неоднородность проблем, стоящих перед дипломатией стран Западной Европы и Японии, а также определенная антипатия европейцев по отношению к японцам, особенно жителей стран, которые столкнулись с ними на полях сражений (Великобритания, Голландия), предопределили такой характер отношений.

Еще в 1955 г., когда Япония подписала Генеральное соглашение по тарифам и торговле, 14 ведущих европейских стран применили к ней ст. 35, согласно которой страны – участницы ГАТТ могут отказать в предоставлении статуса наиболее благоприятствуемой нации новым членам. Таким образом, Япония стала неравноправным партнером, как это было во второй поло-

ные XIX в. (вспомним Ансэйские договоры). Как и в те времена, отмена ограничительных статей стала главной задачей японской дипломатии.

С началом 1960-х годов положение стало быстро меняться. В связи с созданием в 1958 г. и укреплением Европейского экономического сообщества (ЕЭС) деловые круги Японии начали испытывать тревогу по поводу изоляции на международной арене ввиду односторонней ориентации на Соединенные Штаты. Планы вступления Великобритании в это объединение усугубили положение. Новая ситуация потребовала от японской дипломатии добиться расширения экономических и политических связей со странами Западной Европы. В экономическом плане отношения с ними приобретали особое значение в связи с быстрым ростом их удельного веса в мировой экономике. Япония не могла игнорировать те возможности, которые открывались в области связей с Западной Европой, особенно в условиях разворачивающейся научно-технической революции и резкого увеличения доли продукции машиностроения во внешнеторговом обороте. В это время обозначились трудности с расширением японского экспорта в США и страны Азии. Увеличив политические связи с ведущими западноевропейскими странами, Япония хотела использовать их как противовес своим отношениям с США, для дипломатических маневров в будущем.

Главным направлением деятельности дипломатии Японии в 1960-е годы стал прорыв единого фронта этих стран, всемерно ограничивавших доступ ее товаров на свои рынки. Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург облагали японские товары ввозными пошлинами, которые как минимум в три раза превышали пошлины на аналогичные товары из других стран. Кроме того, европейские страны резко сокращали номенклатуру ввозимых из Японии товаров. Например, в 1961 г. Франция ограничила ввоз из нее 394 видов продукции, а из США, Канады и стран Западной Европы — только 134.

В 1962 г. был подписан японо-английский договор о торговле и мореплавании, согласно которому Япония получала статус наибольшего благоприятствования, т.е. Лондон отказался от применения к Японии ст. 35 ГАТТ, но оставлял за собой право в экстренных случаях вводить односторонние ограничения на определенные позиции японского импорта. Во время поездки по ряду европейских стран (1962 г.) бывший в то время премьер-министром Икэда Хаято доказывал своим партнерам, что дискриминационные тарифы подрывают экономику страны и тем самым ослабляют весь капиталистический мир, поскольку Япония явля-

ется стабилизирующим фактором в противодействии национально-освободительным движениям в Азии. США в определенных пределах поддерживали требования Японии, потому что хотели ослабить давление ее товаров на свой рынок и переориентировать товарные потоки на Западную Европу.

Во время визита во Францию японского премьера Икэда президент де Голль весьма недипломатично и неэтично назвал его «продавцом транзисторов». Но это определение по сути отражало реальное положение вещей. Япония в это время прорывалась на мировые рынки со своими высококачественными, конкурентоспособными товарами. Первыми были как раз транзисторы, и лидеры страны не гнушались рекламировать их. Используя все средства дипломатического и экономического нажима, Япония добилась заключения в 1962–1964 гг. торговых договоров с ведущими странами Западной Европы. Тем временем там углублялись интеграционные процессы и в 1967 г. было образовано Европейское сообщество (ЕС).

До конца 1960-х годов торговля Японии с европейскими странами была в целом сбалансированной, но японский импорт неуклонно возрастал: в 1973 г. положительное сальдо в пользу Японии достигло 1 млрд. долл., в 1976 г. – 3,6 млрд. долл. Под мощным давлением Европейского сообщества, после длительных и весьма сложных переговоров, Япония в 1978 г. согласилась на сокращение своего активного торгового сальдо и на увеличение ввоза в страну западноевропейских товаров, что было зафиксировано в совместном коммюнике. В 1979 г. в Брюсселе было открыто представительство Японии при ЕС.

Японские компании начали создавать в Европе дочерние предприятия или совместные с участием местного капитала. А банки открыли свои филиалы в крупных европейских странах и организовали широкую кредитную сеть для финансирования своих фирм, поскольку европейские банки не спешили давать кредиты конкурентам. Важным орудием расширения японского экспорта здесь стал ввоз товаров только наивысшего качества и переход к продаже технически сложной и трудоемкой продукции. Марка «сделано в Японии» стала такой же престижной, как и «сделано в Германии».

Однако в начале 1980-х годов трения вновь обострились (в 1981 г. положительное сальдо торгового баланса достигло 10 млрд. долл.), главным образом из-за вывоза автомобилей, цветных телевизоров и видеомагнитофонов. Япония была вынуждена согласиться на сокращение поставок автомашин в Германию на 10% против 1980 г., в Бельгию и Люксембург – на 7%; ввоз их во

Францию, по договоренности, не должен был превышать 3% регистрируемых новых машин в этой стране; экспорт в Италию — не более 3,3 тыс. в год; с Англией было заключено джентльменское соглашение. В 1983 г. был сокращен также экспорт в Западную Европу цветных телевизоров и видеомagneтофонов.

В связи с нарастанием антияпонских настроений в странах ЕС Япония пошла на серьезные уступки. Она понимала, что, введя самоограничения на определенные товары, сможет путем диверсификации экспортной продукции обойти рогатки в странах Западной Европы и укрепить здесь свои позиции. Она не хотела обострять отношения с западноевропейскими странами, поскольку с их помощью стремилась облегчить себе доступ в третьи страны, аффилированные с общим рынком. Наиболее тесные отношения складывались у нее с Германией и Францией, хотя последняя более жестко выступала за ограничения в торговле. С Великобританией Японию сближали особые отношения обеих стран с США.

Несмотря на все соглашения, торговый дефицит стран Европы с Японией достиг в 1987 г. 20 млрд. долл. Вместо увеличения экспорта японцы начали наращивать прямые капиталовложения в сферу услуг, электротехнику и автомобилестроение западноевропейских стран. В 1989 г. их сумма оценивалась в 14 млрд. долл. В Европе появились предприятия, выпускающие продукцию с маркой «Сони», «Панасоник», «Тоёта» и др.

На протяжении всех 1980-х годов восприятие Японии в Западной Европе определялось хроническим торговым дефицитом и приливом ее капитала. Здесь заговорили даже о «японском вызове». Но это было явным преувеличением, поскольку до середины 1980-х годов главным инвестором для Европы выступали США, а японские капиталовложения практически отсутствовали. Ощущение опасности возникало потому, что увеличение активности Японии в различных сферах оказалось для Европы неожиданным. Более того, закрытость ее рынка создавало ощущение несправедливости. Западноевропейские партнеры стали обвинять Японию в «нечестной торговой игре», в том, что она «играет не по правилам». Таким образом, в рассматриваемый период отношения Японии со странами Западной Европы были преимущественно экономическими, серьезная политическая составляющая появилась в 1990-е годы.

С созданием в 1973 г. Совещания руководителей государств и правительств промышленно развитых стран (неформальное название «группа семи» при участии председателя Европейской Комиссии) у Японии появилась, пожалуй, первая масштабная

возможность активно подключиться к механизму выработки и принятия решений по вопросам глобальной стратегии. Участвуя в саммитах «Большой семерки», она смогла продемонстрировать всему миру, что ее политические лидеры становятся все более активными в процессе принятия решений по важнейшим стратегическим проблемам западного мира. Для страны, которая не являлась постоянным членом СБ ООН, не входила ни в НАТО, ни в ЕС, участие в саммитах было единственной возможностью использовать свое влияние как одной из ведущих промышленно развитых стран на ход мировых процессов.

На саммитах, начиная с первой встречи (1975 г., Рамбуйе), Япония, верная своим союзническим обязательствам, по многим вопросам в принципе поддерживала США или в лучшем случае занимала нейтральную позицию. Но одновременно она отстаивала интересы собственного бизнеса и подчеркивала стремление считаться с интересами не только развитых, но и развивающихся стран.

Несмотря на благие намерения о согласованном регулировании глобальных проблем, каждый участник Совещания старался навязать свою линию. Япония предлагала обсуждать проблемы, исходя из общей ситуации в мире и положения в каждой данной стране, другими словами, учитывая позиции всего сообщества. А ее партнеры прежде всего хотели решать трудности в отношениях именно с Японией (вспомним, например, проблему торгового дисбаланса). В этом США и страны Западной Европы были едины. В то же время Соединенные Штаты делали все возможное, чтобы направить внешнеторговую экспансию Японии именно в страны Западной Европы.

Япония, со своей стороны, старалась на этих встречах не допускать создания единого фронта своих партнеров и добиваться ослабления их натиска на свои позиции, используя противоречия между ними. В частности, ее представители подчеркивали, что важнейшей проблемой является недопущение протекционизма во внешней торговле. Об этом говорилось в декларации, принятой на саммите в Лондоне в 1977 г. Но практика всех участников Совещания расходилась с декларативными заявлениями. Запад и США давили на Японию, а она упорно различными методами защищала свой внутренний рынок, расширяя в то же время внешнеторговую экспансию.

Со временем постепенно приоритет выдвигаемых Японией проблем менялся. Это было связано с расширением ее участия в глобальной политике, стремлением занять место в мире, соответствующее ее экономическому потенциалу. В соответствии с

тим Япония стремилась повысить свою роль в формате «семерки» не только при решении экономических, но и политических проблем. Постепенно обозначилось ее повышенное внимание к глобальным международным вопросам, включая проблемы разоружения, охраны окружающей среды, внешней задолженности развивающихся стран.

Япония начала переходить от преимущественно экономической дипломатии к диверсифицированной. Во многом это была адекватная реакция на набиравший силу процесс интернационализации. «Изменение на мировой арене требует, чтобы Япония самостоятельно и активно участвовала в формировании и укреплении международных отношений. Роль, которую должна сыграть наша дипломатия, становится важной в условиях возросшей за последние годы динамичности и нестабильности международной обстановки в политической, военной и экономической сферах», — указывалось в Голубой книге МИД за 1981 г.¹⁶

США, начиная со встречи в Венеции в 1980 г., начали смещать акценты с экономических проблем на политические. Япония полностью разделяла позицию США с тем, чтобы отвлечь внимание партнеров от острых проблем в несбалансированности торговли с ней. Ее торговые партнеры требовали полного открытия японского рынка для иностранных товаров и капитала. Переводя стрелку на политические проблемы, Япония рассчитывала сыграть роль посредника между Соединенными Штатами и странами Западной Европы по узловым вопросам. Но это ей не удалось.

Особенно усилилась политизация работы саммитов после встречи в Вильямсберге в 1983 г., на которой Япония практически заявила о своей готовности работать по осуществлению стратегии НАТО. Наиболее ярко эта тенденция перехода в значительной мере к решению политических проблем проявилась на токийской встрече в 1986 г. Впервые в центре внимания оказался вопрос о политическом терроризме (что было связано с одобрением агрессии США против Ливии). Однако Япония отказалась принять участие в экономической блокаде этой страны. Это было продолжением линии на поддержку арабских стран в арабо-израильском конфликте, поскольку и в том и другом случае затрагивались ее экономические интересы.

Одновременно Япония попыталась использовать формат «семерки» для придания международного звучания некоторым частным вопросам своей внешней политики, решению отдельных

¹⁶ Вага гайко-но кинкё (Современное положение в нашей дипломатии). Токио, 1981, с.1.

экономических вопросов. На встрече в Торонто в 1988 г. по настоянию бывшего в то время главой японского правительства Такэсита в текст политической декларации было включено положение о «советской военной угрозе на Дальнем Востоке». Кроме того, в политических дискуссиях он впервые поставил вопрос о «северных территориях», стремясь таким образом пересмотреть итоги Второй мировой войны. Это было время, когда Советский Союз начинал устанавливать контакты с «группой семи».

К концу 1980-х годов японскому правительству удалось добиться существенного изменения соотношения сил в рамках японо-американского союза, в первую очередь речь шла об установлении в принципе равного партнерства и о взаимодополняемости двух стран, что сказалось и на более активной позиции Японии в работе саммитов «семерки».

Истоки политических коллизий 1990-х годов

Новый премьер-министр Такэсита Нобору принадлежал уже к послевоенному поколению политиков. Окончив в 1947 г. престижный университет Васэда, он некоторое время работал учителем в школе, а затем занялся политической деятельностью. Впервые став депутатом парламента в 1958 г., он сделал быструю и успешную политическую карьеру, с самого начала связав свою судьбу с фракцией Танака. Такэсита входил в самый близкий круг соратников ее лидера и пользовался у него особым доверием. Во втором кабинете своего патрона он стал генеральным секретарем кабинета министров, т.е. занял пост, который доверялся одному из наиболее близких к премьеру членов фракции.

Во время рекордной по продолжительности 113-й внеочередной сессии парламента, которая с перерывом продолжалась в общей сложности 163 дня, начавшись в июле и закончившись в декабре 1988 г., был принят пакет законов с незначительными поправками, которые обеспечивали проведение налоговой реформы. Уже продолжительность сессии говорила о больших сложностях, с которыми пришлось столкнуться либерал-демократам при решении вопроса, затрагивающего интересы всех слоев населения. Однако оппозиционные партии в очередной раз не смогли предложить собственный совместный альтернативный проект.

На время премьерства Такэсита пришелся, пожалуй, один из самых масштабных коррупционных скандалов — дело компании «Рикруто». Эта компания установила связи со многими видными

попугаями, депутатами парламента, государственными чиновниками и через их ближайшее окружение продавала по сильно заниженным ценам акции до того, как они объявлялись к продаже на бирже. Владельцы акций затем продавали их с большой выгодой. Это была завуалированная форма взятки. В получении таких взяток оказались замешаны Накасонэ, Такэсита, Миядзава и другие. Практика денежных пожертвований различных корпораций парламентариям на их политическую деятельность — элемент политической культуры. Однако дело «Рикруто» оказалось слишком скандальным и имело серьезные последствия для политических кругов. В нем оказались замешанными около 100 человек, 43 из них были вынуждены оставить свои посты. Кабинет был скомпрометирован неэтичными действиями видных политиков, и Такэсита объявил о своей отставке. Он предложил в качестве своего преемника бывшего в то время министром иностранных дел Уно Сосукэ, который 3 июня 1989 г. официально занял пост премьер-министра.

С отставкой Такэсита последовала несвойственная японской политической системе чехарда с премьер-министрами — за один 1989 г. сменилось три главы государства. В условиях отсутствия общепризнанной кандидатуры на пост премьера все согласились на компромиссную фигуру Уно. Он был полон решимости бороться с коррупцией и развивать азиатское направление внешней политики, но его кабинету было суждено стать одним из самых неудачных и недолговечных в послевоенной истории. Уно не был замешан в скандалах, связанных с коррупцией, но неожиданно всплыла история с любовницей-гейшей, которая на страницах журнала «Майнити уикли» представила своего бывшего «друга» в неприглядном виде. Это не очень сочеталось с обликом борца за «моральную чистоту». Через два месяца после формирования правительства Уно ушел в отставку, когда ЛДП потерпела сокрушительное поражение на выборах в палату советников в июле 1989 г., впервые потеряв там большинство. На одну треть увеличилось представительство СПЯ, и расстановка сил стала: 110 мандатов ЛДП против 142 у оппозиции. Поражение ЛДП было обусловлено неблагоприятным стечением обстоятельств: скандал с делом «Рикруто», трудности с введением потребительского налога, недовольство крестьян либерализацией импорта сельскохозяйственных продуктов, персональный скандал с премьером. Все это создавало крайне неблагоприятный фон для правящей партии. С каждой по отдельности проблемой либерал-демократы, возможно, могли бы справиться с меньшими потерями.

После этих выборов впервые в послевоенной Японии сложилась ситуация своего рода «парламентского двоевластия», кото-

рое проявило себя уже при выборах нового премьера в августе того же года. ЛДП явно была нужна передышка, и премьером на этот раз был предложен сравнительно малоизвестный, но имевший имидж «чистого» политика Кайфу Тосики. Для либерал-демократов очень неприятным фактом явилось выдвижение палатой советников на пост премьер-министра как альтернативы Кайфу лидера социалистов Дои Такако. По существующим правилам, преимущество имеет решение нижней палаты, и Кайфу сформировал свой кабинет 10 августа 1989 г. Его назначение энергично поддержал уже упоминавшийся Канэмару Син. Биография Кайфу типична для политика высшего ранга: с 1960 г. — депутат палаты представителей, был заместителем генерального секретаря кабинета министров и министром просвещения.

С уходом из жизни 7 января 1989 г. 87-летнего императора Хирохито закончилась эпоха Сёва, самая длительная в истории страны — 62 года. За этот период Япония пережила взлеты и падения, которые во многом персонифицировались в судьбе этого человека. По традиции он вошел в историю под именем императора Сёва по названию годов его правления, что означает «мир и спокойствие». Случай с императором Сёва — весьма парадоксальный, поскольку на период его правления пришлись особенно трагические события в истории Японии. Как свидетельствовал генерал Уитни из ШОВ США, император несколько раз говорил, что название годов его правления в послевоенные годы кажется циничным, но он желает сохранить его (в истории бывали случаи, когда названия менялись, если происходили неблагоприятные события) и надеется прожить достаточно долго, чтобы действительно обеспечить мирное правление.

На примере судьбы императора Сёва отчетливо прослеживается тенденция сохранения императором (точнее, институтом императорского дома) устойчивого положения в системе государственной власти, хотя он и не всегда играл в ней решающую роль. Разного рода перипетии в личной судьбе императора и в истории императорского дома в целом можно оценить только в контексте исторического процесса. В результате целенаправленной пропагандистской деятельности в послевоенные годы у японцев сложился двойственный образ императора Сёва: человеческого монарха, ученого, добропорядочного семьянина, разделяющего демократические и либеральные ценности, с одной стороны, и традиционалиста и даже консерватора (но не реакционера) — с другой. Известно, что поначалу он был против выбора своим наследником невесты из буржуазной семьи. Ему вообще не нравилась идея «открытости» монархии, но, будучи

прагматиком, он оценил альянс с семьей представителя крупного бизнеса как возможность укрепить легитимно и политически ослабленный институт императора.

Спустя три часа после кончины императора Сёва была проведена синтоистская церемония престолонаследия, во время которой регалии хризантемового трона вместе с императорской и государственными печатями были переданы наследнику. Решением правительства она проводилась как государственный акт. Получалось, что, с одной стороны, император выступал как частное лицо, а с другой – в общественной ипостаси. В соответствии с Конституцией и Законом об императорском доме 1947 г. трон занял наследный принц Акихито. Он стал 125-м императором Японии. Японская императорская династия Ямато не только старейшая из существующих в мире, но и самая древняя из всех известных, поскольку она опирается на сакральную генеалогию и национальную религию синто. В тот же день в торжественной обстановке на заседании парламента бывший в то время генеральным секретарем кабинета министров Обути Кэйдзо, будущий премьер-министр, провозгласил новую эру – эру Хэйсэй («усовершенствование мира»). После положенного траура в январе 1990 г. началась серия церемоний, связанных с восшествием на престол нового императора в соответствии с синтоистским каноном.

Ныне здравствующий император Акихито родился в 1933 г. и как личность сформировался уже в новой демократической Японии. В годы оккупации наставницей у него была американка Элизабет Грей Вайнинг. Несмотря на то что большая часть его жизни прошла рядом с отцом, он человек современной формации. Но как император Японии Акихито многое унаследовал от своего предшественника на хризантемовом троне.

Массовая культура общества потребления

На протяжении нескольких послевоенных десятилетий в духовной жизни общества параллельно с процессом отрицания старых ценностных ориентаций шел процесс формирования новой мировоззренческой концепции, которую определяли идеи мира, прогресса, демократии. Если в первой половине XX в. эталоном нравственности служили бережливость и аскетизм, то начиная с 1970-х годов все средства массовой коммуникации, роль которых неизмеримо возросла в условиях научно-технического прогресса, провозглашали в качестве «национальной добродетели» всепог-

лощающее потребление и гедонизм. Потребитель занял ведущее положение в обществе.

В этих условиях в массовой литературе прочно утвердился «газетный роман». Учитывая многомиллионные тиражи общенациональных, местных, а также бульварных газет, из которых ни одна не обходилась без «романа с продолжением», их читательская аудитория была весьма велика. Каждая газета имела свой круг читателей: одни, как, например, общенациональные «Нихон кэйдзай» и «Санкэй», были рассчитаны на высокообразованную публику, другие отвечали вкусам широких слоев населения.

Всей газетной художественно-литературной продукции было присуще одно общее качество: она непритязательна, но занимательна. В таких романах обычно изображалась обеспеченная жизнь жителей больших городов, являвшаяся пределом мечты для большинства населения. Отличительной чертой «газетного романа» являлась также сентиментальность. Сюжет его нередко был взят из газетной хроники городской жизни. «Газетный роман» — не новое явление в японской литературе. В начале XX в. многие ставшие затем классиками писатели работали в этом жанре, в частности плодотворно сотрудничал с «Асахи симбун» Нацумэ Сосэки, в различных газетах работал Кикути Кан.

Показателем популярности этого жанра у читателя служит тот факт, что списки наиболее обеспеченных налогоплательщиков литературного мира занимали мастера «газетного романа» — Мацумото Сэйтё, Сиба Рётаро, Нисимура Дзюнко, Ватанабэ Дзюнъити. Но такие романы отнюдь не единообразны. Например, известный мастер детективного жанра Мацумото открыл в «большую прессу» дорогу для так называемого социального романа, в котором в занимательной форме поднимались острые социальные проблемы. Безусловно, основная масса такой продукции — «роман нравов» (его разновидность — «семейный роман», «любовный роман»), «исторический роман» и детектив. Пройдя апробацию на страницах периодической печати, что гарантировало коммерческий успех, многие романы затем выходили отдельными изданиями и становились бестселлерами. Феноменален успех писателя детективного жанра Акагава Дзиро. К 36 годам, публикуя несколько произведений в год, он имел на счету 99 романов, многие из которых стали бестселлерами.

Детектив был чрезвычайно популярен у японского читателя, чему весьма способствовали средства массовой информации, раздувая ажиотаж вокруг такой литературы. Он характеризовался повышенным вниманием к сценам насилия, которые, как

правило, сопровождалось описанием половых извращений. В свою очередь, элементы детектива проникали в порнографическую литературу. Тема секса оправдывала себя в коммерческом отношении и потому занимала одно из ведущих мест в массовой литературе.

Нельзя не отметить появление, особенно в 1980-е годы, порнографического романа на страницах бульварной прессы. Такой роман выделился в отдельный жанр со своими авторами. Причины его популярности усматривали в традиционном отношении к этой проблеме, искали истоки в классической средневековой литературе, в произведениях Ихара Сайкаку, а также в творчестве, в частности, Танидзаки Дзюньитиро. Издание на страницах «Асахи симбун» его нашумевшего романа «Любовь глупца» в середине 1920-х годов было прервано цензурой, но это был классический эротический роман. А в 1980-е годы, когда открытая порнография практически вытеснила эротизм, цензура стала не столь строга к писателям этого жанра и, ограничивая «по мелочам», начала закрывать глаза на насаждение идеи сексуальной вседозволенности, культа дешевых наслаждений.

Излюбленным жанром в газетной прозе оставался «исторический роман», который культивировал чувство принадлежности к своей нации, непосредственной причастности к историческому прошлому. Особенно были популярны так называемые самурайские романы, в которых рассказывалось о суровых воинах прошлого. Правда, для героев этих романов характерен эпикуризм вместо аскетизма, они поклоняются культу силы и насилия, действуют по принципу вседозволенности. В этом жанре успешно работали Сибата Рэндзабуро и Сиба Рётаро.

В 1970–1980 гг. продолжали выходить романы Оэ Кэндзабуро, без пристального исследования творчества которого, по мнению японских критиков, невозможно понять сущность современного литературного процесса в стране. Писателю присущи широкий охват действительности, начиная с военных лет и кончая сегодняшним днем, глубина постижения сложнейших проблем современности. Своеобразна писательская манера Оэ: изображение событий зачастую отходит на задний план, уступая место описанию мироощущения человека. Рассказ от первого лица позволял автору глубже заглянуть в тайники человеческого «я», проникнуть в психологию героя.

В романе «Записки пинчраннера» (1976) писатель проводит мысль о том, что человек ответствен за все происходящее в мире. «Воды потопа, страшного потопа, который может привести к концу света, уже дошли до нашей груди. Помочь нам не в силах ник-

то, даже бог. Спасти себя должны мы сами»¹⁷, — пишет Оэ. Ему неважно, правда или вымысел все, что происходит в романе, потому что важны не сами события, а их философское осмысление, что и составляет стержень этого романа.

На творчество Оэ, по его собственному признанию, большое влияние оказала русская литература. Он писал в 1977 г.: «Писать я учился у русской литературы... Я очень многому научился у мира, где господствует русский язык». Он считал Достоевского и Толстого своими учителями, а Булгаков, по его выражению, «помог выработать силу воображения»¹⁸.

В 1983 г., за год до достижения совершеннолетия его сыном-инвалидом, Оэ начал выпускать циклами сборник эссе «Проснись, новый человек!», навеянный одноименной строчкой из стихотворения Блейка. В этом автобиографическом произведении очень откровенно и подробно выписана история взросления сына писателя, которая оказала огромное влияние на жизнь всей семьи.

Как и прежде, большой интерес вызвал очередной роман Абэ Кобо «Тайное свидание» (1977), повествующий о трагедии человека в мире зла. В абсурдном мире, который создает писатель, каждый без труда может узнать приметы того, с чем человек сталкивается в повседневной жизни — бездушная бюрократическая машина, антигуманность власти, одиночество, страх перед завтрашним днем. Абэ показал это общество изнутри, вскрыл механизмы, которые им движут. По оценке профессора Колумбийского университета Дональда Кина, «В “Тайном свидании” есть немало тем, которые проходят через все творчество Абэ. В нем, как и в прошлых романах, Абэ предстает драматургом, врачом, математиком, но здесь он выступает и в новом качестве — в качестве моралиста, напоминающего Вольтера»¹⁹.

Трудно удержаться от желания привести также слова Оэ Кэндзабуро, сказанные им о своем коллеге. «Создав это произведение (“Тайное свидание”), Абэ может с полным основанием считать себя лидером современной мировой литературы. Правда, он не особенно оптимистичен относительно своих произведений. Постороннему же всегда трудно давать их оценку, но, если бы мне было позволено сделать это, я бы сказал, что новый роман воплотил в себе все написанное им ранее».

Абэ широко известен на родине и во всем мире не только как прозаик, но и как драматург, сценарист и режиссер. Этот широкообразованный человек, прекрасно знающий мировую лите-

¹⁷ Иностранная литература. 1981. № 11–12.

¹⁸ Кэндзабуро Оэ. М., 1978. с. 19, 20.

¹⁹ Цит. по: Абэ Кобо. Миккай (Тайное свидание). Токио, 1977, с. 1.

рангу, отдавал первенство русской литературе в определении его жизненных и литературных позиций. Он причислял себя к ученикам Гоголя и Достоевского. Все основные произведения Абэ неоднократно издавались на русском языке. Многие из них были экранизированы.

Вот уже не одно десятилетие японцы являются ярыми приверженцами *манга* (японские комиксы) и *анимэ* (японский стиль анимации) — этих продуктов массовой культуры. В ответ на скептическое замечание известного японоведа Карела ван Вольферена о том, что японцы не создали ничего равновеликого их экономике ни в литературе, ни в искусстве, можно заметить, что страна берет реванш не только в Азии, но и, похоже, во всем мире своими *манга* и *анимэ*, которые стали такими же привычными для иностранцев словами, как «гейша» или «икэбана».

Идея современных *манга* безусловно имеет американские корни, но, как всегда, она была адаптирована к японским традициям и стала явлением национальной культуры. И это неудивительно, ибо современные *манга* в принципе восходят к традициям национального изобразительного искусства. Вспомним, что так назывались произведения всемирно известного японского художника Хокусаи Кацусика. Это были графические гротескные изображения человека во всем многообразии его деятельности. Но, возможно, традиции *манга* восходят к еще более отдаленным временам — к памятнику изобразительного искусства XII века «Тёдзюгига» (собственность буддийского монастыря Кодзандзи, г. Киото), который был создан буддийским монахом и художником, более известным в истории как Тоба Содзё (Тоба — имя, созё — буддийский священнослужитель высокого ранга). Этот памятник состоит из четырех свитков, выполненных в монохромной технике. На двух из них представлены сцены из жизни людей, разыгранные животными и птицами, а на остальных — пародийные сцены жизни монахов²⁰. В XVII–XVIII вв. среди горожан были очень популярны книжки с картинками (фантастические, юмористические, эротические), выполненные в технике гравюры, которые можно отнести к жанру массовой культуры того времени.

Начало производства *манга* было положено в 1930-е годы, но развитие оно получило в конце сороковых. Темой послевоенных *манга* были разрушенные выжженные города (что вообще стало местом действия всей послевоенной литературы), точно и выпукло изображенные в черно-белых тонах. По словам японского

²⁰ Описано по репринтному изданию, которое находится в собственности авторов.

профессора С. Сираси, они передавали читателям «Действительный Опыт и Действительную Картину». Он писал: «На этом пространстве были разрушены все старые структуры авторитетов, моральных ценностей и верований... Изображение было только медиумом, который передавал соответствующее послание»²¹.

В те годы без всякой рекламы 200-страничная книжечка комиксов издавалась тиражом по 400 тыс. в год. Именно тогда появился стиль, получивший название повествовательный комикс. Его творцом по праву считается Осаму Тэцуо. Он превратил жанр причудливых сказок для детей в мощное выразительное средство, не уступающее повестям и кинофильмам. Он даже сделал версии в стиле *манга* таких литературных шедевров, как «Фауст» Гёте или «Преступление и наказание» Ф. Достоевского. Техника «изготовления» *манга* пошла по пути увеличения числа картинок для детализации того или иного сюжета. Это уже было своего рода визуальное послание читателю, который мог за 20 минут «проплотить» 320-страничный журнал комиксов.

Японские мастера *манга* использовали философию традиционного японского монохромного рисунка кистью, где минимальными художественными средствами достигалась максимальная выразительность. При этом они всегда использовали все технические новинки. Так, в частности, широкое распространение при создании современных *манга* получила техника ксерокопирования. Создавались целые каталоги своего рода «задников», на фоне которых изображался сюжет.

На заре появления комиксов никто не воспринимал их всерьез. А в конце века *манга* составляли большую часть печатной продукции. В 1990-е годы уже выпускалось более 600 видов книг и журналов в стиле *манга*. Комиксы составляли свыше половины всех журналов. Десять наиболее популярных еженедельных журналов *манга* имели тираж свыше 1 млн. А самый популярный из них «Сёнэн джамп» устойчиво сохранял тираж 5–6 млн. Такие журналы, как правило, состояли из 300–400 страниц и продавались по цене 2 долл. Пользовались популярностью и сериалы, продолжения которых писались разными авторами. В 1995 г. свыше четверти (28%) всей печатной продукции Японии приходилось на *манга*. Такими тиражами подобная литература не издавалась ни в одной стране. В том же году было продано 1,9 млрд. книг и журналов в стиле *манга*, т. е. их покупали не раз каждый мужчина, женщина и ребенок в стране. Общая сумма продаж *манга* составила примерно 5 млрд. долл., что равнялось

²¹ Culture in Development and Globalization, Tokyo, 1995, p. 179.

около 23% суммы, вырученной от сбыта всей печатной продукции в стране²². И крупнейшие наиболее престижные японские издатели не делали секрета из того, что продажа продукции этого жанра субсидирует издание серьезной литературы.

Манга читают люди всех возрастов и социального положения, они пронизывают интеллектуальную жизнь страны на самом высоком уровне и оказывают влияние на другие виды искусства и литературы. Поистине нельзя понять современную жизнь Японии, не оценив роль *манга* в жизни общества. Всего один пример: бывший сравнительно молодой премьер-министр Японии Хасимото Рютаро, по словам его жены, практически каждый вечер читает *манга*, а другой бывший премьер, весьма почтенный Миядзава, в 1995 г. начал вести колонку в журнале «Big Comic Spirits», скорее всего потому, что почти полтора миллиона его читателей – потенциальные избиратели. В современной Японии печататься в журналах *манга* – верное средство обратиться к широкой аудитории и привлечь внимание общественности. *Манга* – это такой вид массовой культуры, герои которого близки простому человеку, и поэтому он легко отождествляет себя с ними.

Все чаще появляются так называемые образовательные *манга*, которые несут большой объем знаний по конкретным предметам. В книжных магазинах подобные *манга* стоят уже не в отделах комиксов, а научно-популярной литературы. Моментально разошелся двухмиллионный тираж ставшего бестселлером *манга* на тему «Введение в японскую экономику». В ней весьма реалистично в виде отдельных конкретных сюжетов излагались сложные экономические проблемы. Задача такого рода литературы, по мнению специалистов – авторов *манга*, передать точную информацию легкодоступным путем. Этой книгой заинтересовались в Китае, Германии, Великобритании, Франции, где она и была переведена. На язык комиксов была переложена и всемирно известная книга бывшего президента корпорации Сони А. Морита «Сделано в Японии». О неизменной популярности комиксов у подрастающего поколения красноречиво свидетельствует факт изложения в этом жанре японского древнего литературного памятника Кодзики, являющегося своего рода священным писанием национальной религии *синто*. Похоже, что венчурный бизнес информационного *манга* может занять свое место на рынке информации, ибо языком *манга* уже пишутся пособия, учебники, отчеты, проекты, перспективные планы, истории компаний и пр. Японцы используют *манга* как один из

²² Сюппо-гаппо. 1996, март, с. 4–9.

каналов для пропаганды своей культуры, образа жизни, морали, стараясь избегать в комиксах жестокости и насилия.

В последние десятилетия *манга* стали переводить на язык видео- и анимационных фильмов, что сформировало новый тип культуры визуального восприятия событий и информации. Япония – признанный лидер в этой сфере масскультуры. С 1960-х годов, когда телевидение практически вошло в каждую японскую семью, началось производство ставших впоследствии всемирно известных анимационных фильмов. Это было очень дорогостоящее дело: 30-минутная программа стоила до 10 тыс. долл. Но оно очень быстро принесло большие доходы. Очень популярна стала созданная в 1978 г. на «Асахи тереби» анимационная версия комикса о Дораэмо́не, коте-роботе, посланном мальчику наших дней его потомками из 22 века, который не только помогает мальчику в повседневной жизни, но и обучает его обращаться с «высокими технологиями» будущего.

Из аудио-видеосферы Дораэмон перешел в мир игрушек, на детскую одежду, зонтики, коробочки для *бэнто*, ранцы, календари. Его можно было видеть повсюду на плакатах на улицах и в парках. По словам уже упоминавшегося Сираси, он стал неотъемлемой частью повседневной семейной жизни и виртуальным старым другом семьи для поколения японцев, появившегося во время первого демографического послевоенного бума рождаемости.

Дораэмон стал одним из наиболее популярных экспортных телевизионных продуктов. В 1980-е годы с ним познакомились в Италии, Гонгконге, Китае, Тайване, Корее, Малайзии, Сингапуре, Индонезии, Таиланде, России, Испании, Бразилии и других странах Латинской Америки, а также на Среднем Востоке. Конечно, во многих случаях это были пиратские копии. Похоже, что такого рода масскультура, несущая информацию в общество, и дальше будет процветать.

ПЕРЕД ЛИЦОМ НАЗРЕВШИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ (1990–2000)

Десятилетие экономической депрессии. — Новые тенденции в социальной сфере. — Окончание функционирования «структуры 1955 г.» и начало эры коалиционных правительств. — Основные проблемы внешней политики. — Внутриполитическая жизнь на рубеже веков. — Укрепление позиций в мировом культурном пространстве.

Десятилетие экономической депрессии

Переломным моментом для всей японской экономики стал крах «мыльного пузыря» — специфического механизма экономического роста на основе повышения цен на акции и землю. Создание «мыльного пузыря» во второй половине 1980-х годов было проявлением таких фундаментальных слабостей экономики, как недостаток внутреннего спроса и избыточный пригон денежных средств за счет гипертрофированной ориентации на экспорт и высокого уровня личных сбережений населения. Норма сбережений граждан хотя постепенно и снижалась, но в 1980-х годах продолжала оставаться достаточно высокой — до 17% располагаемого дохода семьи. Экспортный бум постоянно пополнял активное сальдо платежного баланса. Объем вкладов в банках во второй половине 1980-х годов увеличился почти в 5 раз. Курсы акций в этот период намного отклонились от своей базы — прибыли, они выросли практически в три раза, цены на землю — более чем на 60%.

Рост цен на землю и акции увеличивал возможность получения под их залог кредитов, которые снова можно было использовать на приобретение земли и акций. Это был механизм инфля-

ции финансовых активов, оторванной от их реальной доходности. Другими словами, спекулятивный характер экономического бума абсолютно не был связан с деятельностью реального сектора экономики. Во второй половине 1980-х годов доля доходов от производственной деятельности и, прежде всего, спекуляций, почти сравнялась с долей доходов промышленных фирм. В основе «мыльного пузыря» лежали неоправданно оптимистические ожидания роста японской экономики как со стороны частнокапиталистического предпринимательства и сектора домашних хозяйств, так и со стороны правительства.

Свою долю в создавшееся положение внес и Банк Японии, который был вынужден в соответствии с Плзским соглашением, о чем уже упоминалось, продавать доллары, чтобы курс этой валюты не поднимался. В результате вырос курс иены, что ухудшило положение экспортеров, и Банк Японии начал снижать учетную ставку, надувая «мыльный пузырь». Не меньшую роль сыграла и закрытость структуры капитала японских корпораций и банков, а также медленная реакция на изменение конъюнктуры правительства и, прежде всего, министерства финансов. Когда же в конце 1989 г. ставка была повышена, пузырь лопнул: курс акций и цены на землю покатались вниз.

Общая стоимость акционерного капитала снизилась за 1990–1992 гг. на 60%, падение цен на землю составило 15–20%. Индекс курса акций в течение 1990-х годов колебался, но так и не достиг уровня 1990 г. Цены на землю продолжали падать до конца века. Индекс оптовых цен с начала 1990-х годов проявлял тенденцию к понижению, розничные же оставались почти на одном уровне¹.

Больше всего пострадали банки, которые внезапно обнаружили, что предоставлявшиеся ими без серьезного мониторинга финансового положения заемщиков кредиты привели к образованию огромных сумм «плохих» долгов. В стране начался беспрецедентный кризис банковской системы, приведший к краху не только местных, но и двух крупных банков («Хоккайдо такусёку», «Хёго), а затем – четвертой по величине брокерской компании (Ямаити сёкэн) и резкому снижению рейтингов других банков. Были объявлены неплатежеспособными Банк долгосрочного кредита и Японский кредитный банк. Сумма безнадежных долгов, включая обязательства перед региональными банками и кредитными кооперативами, составила на август 2000 г. свыше 80 трлн. иен, хотя не раз принимались меры по их списанию.

¹ Кэдзай токэй нэнкан (Ежегодник экономической статистики), 2001. Токио, 2000, с. 132–133; 138–139.

Возможность легкой наживы соблазнила и мелкие компании и даже рядовых японцев (для получения, например, средств для покупки собственного дома), которые приняли участие в биржевой игре и, конечно, очень сильно пострадали. В секторе домашних хозяйств потери составили с конца 1989 г. по конец 1992 г. свыше 60 грлн. иен. Общее число банкротств с 1992 г. ежегодно составляло 14–16 тыс., а в 1998 г. превысило 19 тыс.

На протяжении 1990-х годов наблюдалось два спада конъюнктуры – в 1992–1993 гг. с замедлением темпа роста ВВП и абсолютным падением промышленного производства и в 1997–1998 гг. с абсолютным падением обоих показателей. Динамика ВВП в первый период поддерживалась временным снижением налогов, увеличением расходов на общественные работы (традиционные для Японии способы поддержания конъюнктуры) и экспортом, а во второй – только экспортом. Среднегодовые темпы прироста ВВП в 1990–1999 гг. держались на уровне 1,9%². В 2000 гг. они составили 1,5%.

Предпринимательская структура, методы управления трудом и система государственного регулирования, сложившиеся в предыдущие периоды, весьма эффективно действовали, когда Япония развивалась по так называемой «догоняющей модели», когда есть уже готовые схемы других промышленно развитых стран, имеются в наличии продвинутые технологии, когда можно заимствовать доказавшие свою эффективность экономические институты. Все это осуществлялось при активном участии государства в социально-экономическом процессе: правительство определяло приоритеты, разрабатывало программы, формулировало концепцию развития и, что особенно важно, успешно претворяло все это в жизнь.

В то же время сосредоточение усилий на развитии экспортно-ориентированных отраслей при сохранении протекционистской политики на внутреннем рынке, т.е. преднамеренное ограничение конкуренции, привело к снижению общего уровня производительности, углубило отраслевые диспропорции, вызвало разрыв между ценами внутреннего и мирового рынка. Таким образом, то, что в свое время было двигателем ускоренного развития, теперь, в условиях зрелой экономики и интернационализации всей хозяйственной жизни, стало тормозом. Эта система уже не могла обеспечить эффективное распределение капитала, труда, земли и технологий, поскольку в развитой и открытой экономике правительство уже не знает и не может знать всех нужных направлений развития хозяйства в целом. И страна медленно, но верно должна

² В ценах 1995 г. (Кэйдзай токэй нэнкан. 2001, с. 230).

была менять приоритеты: от преобладания государственного контроля к большему значению свободного рынка.

Короче говоря, Японии не удалось вовремя добиться переориентации экономики на внутренний спрос в соответствии с рекомендациями упоминавшегося доклада Маэкава. Но доклад, собственно, и был представлен лишь в виде декларации, согласно которой Япония должна будет придерживаться принципа экономической свободы и ограничивать ее только в исключительных случаях; в нем высказывались общие намерения либерализовать финансовые рынки и сдерживать рост цен на землю. «Структура хозяйства, — пишет экономист Е. Л. Леонтьева, — оказалась законсервированной... не была достаточно быстро осознана необходимость реформировать прежние институты. Япония задержала реформу государственного капитализма, который выполнил свою миссию в процессе «догоняющего» развития»³.

На повестку дня встал вопрос о более интенсивном переходе к открытой экономике, что требовало прежде всего сужения рамок государственного регулирования. С этой целью был пересмотрен ряд законов и положений. С 1994 г. правительство начало принимать годовые программы дерегулирования. Были упрощены процедуры лицензирования торговли табачными изделиями, алкогольными напитками и пр., введены новые тарифы на электроэнергию и газ, сняты ограничения на создание универмагов и супермаркетов, пересмотрены законы об авиакомпаниях, телекоммуникациях, грузовых перевозках и т.д., а в 1998 г. была принята трехлетняя программа дерегулирования и введена регулярная отчетность по ее реализации. Одним из важнейших ее мероприятий была ликвидация (в марте 2000 г.) отраслевых картелей и картелей мелких и средних предприятий (ранее их разрешали как исключение из Антимонопольного закона). Кроме того, программа предусматривала дерегулирование деятельности телекоммуникаций, транспорта и электроэнергетики, сделок с недвижимостью, банковского дела, страхования операций с ценными бумагами. В большинстве своем эти меры были выполнены к концу века, а в марте 2000 г. программа была пересмотрена и дополнена пенсионной реформой и реформой медицинского страхования.

В 1998 г. был пересмотрен Закон о валютных и внешнеторговых операциях, в соответствии с которым был отменен институт уполномоченных банков, резидентам разрешалось иметь счета в любой валюте в иностранных банках, а промышленные фирмы получили право вести мультивалютные расчеты и клиринг на

³ Япония: с чем в третье тысячелетие? М., 1999, с. 48, 49.

интернем рынке. Был введен в действие новый закон о банкротстве. С конца века акционерные компании начали переходить на новые правила бухгалтерского учета и ответственности. Была начата реформа бюджетной системы и новая волна приватизации государственных и смешанных предприятий. На повестке дня стал вопрос о пересмотре Коммерческого кодекса, т.е. изменения корпоративного права.

Процесс реформирования коснулся и сельскохозяйственной отрасли. Было принято два новых закона: в 1995 г. — Закон о стабилизации спроса и предложения основных продуктов питания и цен на них и в 1999 г. — Основной закон о продовольствии, сельском хозяйстве и деревне. Оба были направлены на смягчение регулирующей роли государства в этой сфере и определяли курс аграрной политики в области производства и сбыта сельскохозяйственной продукции в новых условиях интернационализации экономики.

В период 1992–1999 гг. правительство разработало девять крупномасштабных программ стимулирования экономики (на общую сумму 1,2 трлн. долл.). Эти колоссальные расходы привели к значительному бюджетному дефициту (в отношении к ВВП он составлял в 1990–1999 гг. 1,4 – 7,8%) и большому государственному долгу, который ложится тяжелым бременем на экономику (в 1990 г. — 56% ВВП, в 1999 г. — 96,5%). Однако «выздоровление» экономики затянулось надолго не только в связи с тяжелым наследием «мыльного пузыря», но часто и из-за просчетов правительства. Например, повышение ставки потребительского налога в 1997 г. сорвало наметившийся было рост экономики.

Правительство активно занималось проблемой ликвидации «плохих» долгов, приняв пакет мер по их списанию, и финансовой поддержке банков, включая финансирование их капиталной базы. Одни банки были национализированы, другие закрыты, третьим предлагалось объединиться в обмен на получение государственных средств. Однако практически не удавалось преодолеть дефляцию цен и затяжной кризис банковской системы. Стало ясно, что в обществе назрела потребность полномасштабной реформы всей управленческой структуры (административного аппарата, государственных финансов, системы общественного предпринимательства, полномочий органов власти, механизма взаимоотношений государства и бизнеса).

Реформирование финансовой системы началось с 1999 г. по программе, разработанной еще при правительстве Хасимото. Она должна была стать более транспарентной и доступной. Были пересмотрены законы о банках, сделках с ценными бумагами, биржах и страховых операциях. В результате был ослаблен государственный

контроль, предоставлены налоговые скидки для корпораций и ограничены регуляторские полномочия министерства финансов. Для осуществления программы были созданы комиссия по финансовой реконструкции и финансовое контрольное управление.

При разработке финансовой реформы японцы опирались на опыт Великобритании, где в середине 80-х годов были проведены мероприятия, получившие название «большой взрыв» (Big Bang). Их задача в Японии – не только оздоровление фондовой биржи (что было в Англии) и ликвидация некоторых препятствий на пути проникновения иностранного капитала, но и изменение функционирования всех финансовых рынков, включая банковскую сферу.

Ранее большая часть огромных финансовых сбережений размещалась в банковском секторе или системе почтовых сбережений. Затем под низкие проценты при жестком правительственном регулировании они давались в качестве займов государственным предприятиям или компаниям-фаворитам. Теперь же появилась необходимость стимулировать рынок капитала. Число крупных банков сократилось с 21 до 15; предполагается, что затем их останется только 10. С начала XXI в. начали появляться финансовые холдинги, в первый – «Мидзухо» (апрель 2001 г.) вошли такие ведущие банки, как «Дайити Кангё», «Промышленный банк» и банк «Фудзи». Одновременно проводилось дерегулирование финансовой сферы, которое было направлено на открытие финансовых рынков, на поощрение инноваций, на ликвидацию препятствий для деятельности иностранных компаний и введения новых финансовых продуктов. Тем самым создавались институциональные возможности для работы японской экономики в условиях глобализации.

Одной из основных форм избавления от избыточных мощностей и реструктуризации бизнеса стало слияние компаний. При пересмотре Антимонопольного законодательства в 1998 г. были учтены предложения министерства внешней торговли и промышленности об ускорении слияний и поглощений, был отменен запрет на слияние крупных фирм, введена система принудительного обмена акций миноритарных акционеров на акции фирмы, купившей контрольный пакет. Число слияний резко возросло: в 1998 и 1999 гг. их было соответственно свыше 1000 и 1600, что в три раза превысило цифру 1995 г. Подавляющее большинство слияний приходилось на японские фирмы и лишь примерно треть из них происходила между ними и зарубежными компаниями.

В целом значительно вырос объем прямых иностранных инвестиций, рекордно высокий приток которых был достигнут в

конце 1990-х годов, составив в 2000/01 фин. г. 3125 млрд. иен (около 26 млрд. долл.). Значительно возросло число сделок (за 1995–2000 гг. более чем в пять раз), когда иностранные компании покупают японские (но при этом число сделок, при которых японские фирмы приобретают иностранные, было большим). Начала активизироваться скупка акций иностранными компаниями, что еще недавно считалось невозможным.

Например, в финансовой сфере под контроль американской инвестиционной компании «Меррил Линч» попала значительная часть местных отделений брокерской фирмы «Ямаити сёкэн», а малоизвестная американская финансовая структура «Риплвуд» начинает подчинять себе Японский банк долгосрочного кредитования – один из крупнейших в стране. Иностранные брокеры захватили почти 40% рыночной доли на Токийской фондовой бирже, а американская фирма «Голдман Сакс» за три года стала в Японии шестой по величине компанией по управлению взаимными фондами.

Но в связи с резким падением прибыльности японские фирмы, в свою очередь, вынуждены были обращаться к иностранным инвесторам. В конце 1990-х годов они владели более 30% акционерного капитала в 27 японских фирмах, акции которых котируются на Токийской фондовой бирже. Так, например, французская компания «Рено» приобрела 36,8% акций корпорации «Ниссан» и ее президентом стал бразилец К.Гона (впервые японскую корпорацию возглавил иностранец), «Даймлер-Крайслер» – 43% акций «Мицубиси Моторс», «Бритиш телеком» – совместно с американской «Эйти энд Ти» – 30% акций «Джапан телеком».

Другими словами, вторая мощнейшая экономика в мире впервые в значительных масштабах открывалась для зарубежных инвесторов. Но прямые иностранные инвестиции по-прежнему сталкивались в Японии со многими трудностями (что было связано также с разными культурными традициями и особенностями менталитета японцев). На 1998 г. их совокупная стоимость составила менее 1% ВВП Японии (в США этот показатель в десять раз больше).

Справедливости ради надо заметить, что филиалы иностранных фирм в Японии обеспечивали рабочие места (например, американские компании предоставляли работу примерно 400 тыс. человек). Прибыль на вложенный капитал и размер выплачиваемых дивидендов у них тоже были значительно (примерно в 3 раза) выше. Кроме того, они импортировали в два раза больше товаров и услуг, чем экспортировали; на их долю приходилось 14% японского импорта. Это было особенно важно ввиду несбалансированности внешнеторгового баланса Японии.

В условиях неблагоприятной конъюнктуры многие промышленные компании терпели убытки из-за избыточных мощностей и рабочей силы, а также невыплаченных займов. Это было связано также с растущей стоимостью капитала, низкими прибылями, усилением глобальной конкуренции и революцией в сфере информационных технологий. Поэтому компании стремились провести реструктуризацию путем консолидации и слияний. В целях повышения эффективности они добровольно снижали административные расходы, осуществляли кадровые перемещения, снижали заработную плату управленческого аппарата, т.е. сокращали расходы и сосредоточивали внимание на наиболее прибыльных аспектах деятельности, уходили из неприбыльных видов бизнеса. Получение прибыли ставилось превыше всего. Это приводило к нарушению принципов группирования, и компании постепенно начали сокращать практику перекрестного владения акциями.

В процессе реструктуризации промышленности встал вопрос о мелких и средних предприятиях, которые играют в Японии особую роль, составляя 99% общего числа предприятий и поглощая почти 89% рабочей силы. Многие из них составляют нижние слои вертикальных объединений *кэйрэцу* и при реструктуризации и сокращении производства в головной компании их положение резко ухудшается из-за уменьшения объемов заказов (субподрядных работ), снижения цен и пр. За последнее десятилетие XX века закрылось примерно 35% субподрядных предприятий. Катастрофическое число банкротств заставило правительство в 1998 и 1999 гг. разработать меры по гарантии кредитов мелких и средних предприятий. В этих условиях многие компании вынуждены были отказываться от традиционного предпочтения ведения дел на основе партнерства в рамках объединений и заботиться больше о ценах и конкурентоспособности товаров, чем о своих обязательствах перед другими членами группы.

В то же время, несмотря на весьма серьезные трудности, переживаемые вот уже десять лет экономикой, несмотря на вялые, а в отдельные годы и отрицательные показатели экономического роста в эти годы, Япония продолжала оставаться одной из наиболее развитых стран современного мира, имела достаточный потенциал и неплохие возможности для выхода из создавшейся ситуации.

ВВП, экспорт и личные доходы населения в эти годы продолжали расти. Япония, как и прежде, занимала одно из первых мест в мире (в 1999 г. – 6-е) по размерам национального дохода на душу населения, значительно превысив соответствующий показатель таких стран, как Германия, Швеция или Великобритания.

Япония сохраняла за собой место крупнейшего мирового кредитора. В 2000 г. ее прямые зарубежные инвестиции составили 1,1 трлн. иен, а чистые внешние активы, которые в 1990-е годы постоянно росли (исключение – 1994 г., хотя в долларовом выражении падения не было), оценивались в 133 трлн. иен. С середины 1989 г. Япония прочно удерживала первое место среди развитых стран по размерам Официальной помощи развитию (ОПР). Эти средства направлялись главным образом на создание производственной и социальной инфраструктуры в развивающихся странах. Они являлись важной частью внешнеэкономической стратегии страны. По расходам на НИОКР и числу занятых в этой сфере Япония на конец 90-х годов занимала второе место в мире после США, намного (примерно в два раза) опередив следующую за ней Германию.

Страна продолжала оставаться одним из крупнейших экспортеров и импортеров в мире после США и Германии. В 2000 г. на нее приходилось 7,5% общего объема мирового экспорта и 5,7% импорта. Уровень конкурентоспособности японской продукции был и в конце века достаточно высок, хотя в мировом рейтинге по этому показателю в 1999 и 2000 гг. она переместилась с 14-го на 21-е место, а по производительности труда отставала от многих развитых стран, особенно от США⁴. Продолжала меняться и структура внешней торговли: Япония уходила от участия в международном разделении труда «по вертикали», что было характерным для закрытой экономики. В частности, в структуре импорта в 2000 г. доля промышленного сырья, топлива и полуфабрикатов уже немного превышала 40% (в 1980 г. – около 80, в 1990 г. – 54%), а удельный вес производственного оборудования вырос против 1990 г. в два раза⁵. В стране постепенно началось снятие разного рода ограничений во внешней торговле. В конце 1990-х годов начались переговоры по вопросам заключения двусторонних соглашений о свободной торговле с рядом стран.

В течение рассматриваемого периода сохранялся активный торговый баланс, который в отдельные годы достигал 13–14 трлн. иен. За Японией оставалось и первое место в мире по золотовалютным резервам, которые на конец 2000 г. составили свыше 360 млрд. долл., примерно в пять раз превысив цифру 1990 г.⁶ Сохранялась высокая норма личных сбережений (хотя

⁴ В 1998 г. индекс этого показателя (Япония=100) в США составил 141, в Италии 128, во Франции 121, в Испании 111, в Канаде 113, Австрии 112 (The Asahi Shimbun Japan Almanac, Tokyo, 2002, p. 110).

⁵ Япония: экономика, политика, общество на заре XXI в. М., 2003, с. 146.

⁶ Кэйдзай токэй нэнкан 2001, с. 233, 127.

это, как уже говорилось, не всегда положительно влияло на экономику в условиях недостатка потребительского спроса): частные финансовые активы населения в 1997 г. оценивались в 1230 млрд. иен, или 9,7 млрд. долл. В стране был самый низкий среди развитых стран уровень налогообложения: поступления от налогов здесь составляли в 1997 г. лишь 22% ВВП против, например, 26 и 29 – в США и Германии, 36 и 39 – во Франции и Великобритании⁷.

Огромный государственный долг в сопоставлении с ВВП на самом деле был не намного больше, чем в других развитых странах, тем более что половина государственных ценных бумаг находилась в фондах, являющихся собственностью правительства. Кроме того, лишь 10% ценных бумаг японского правительства находилось в руках иностранцев (в США, например, – 40%). Учитывая в целом патриотический настрой японцев, правительство пока что могло не очень беспокоиться, что жители все сразу внезапно предъявят их к оплате (как это могут сделать иностранцы). Особенно большим должником Японии являлись США, поскольку японские инвесторы накопили значительное количество облигаций их государственного займа. Продажа хотя бы половины этих облигаций, имеющихся в портфелях японских финансовых институтов, позволила бы раз и навсегда покончить с «плохими» долгами. Япония, конечно, никогда не поступила бы так (кроме всего прочего, это привело бы к резкому снижению курса доллара и, соответственно, краху ее собственных финансовых рынков), но при этом она вполне могла отвергать вмешательство в ее внутренние дела как со стороны США, так и международных финансовых институтов.

Таким образом, Япония имела все предпосылки для дальнейшего поступательного развития. Конечно, темпы роста уже никогда не могли быть столь высокими, как были ранее (но для развитой экономики этого и не требуется).

Новые тенденции в социальной сфере

Затянувшаяся экономическая стагнация практически не сказалась на уровне и качестве жизни населения. Стабильность продолжала оставаться ключевым понятием в жизни общества.

Хотя в 1990-е годы замедлился рост доходов населения (реальная заработная плата увеличилась за 1990–2000 гг. только на 10

⁷ The Asahi Shimbun Japan Almanac. Tokyo, 2002, p. 89.

продуктов⁸), в целом по объему и структуре расходов на приобретение товаров и услуг Япония находилась на уровне большинства развитых стран, а по степени распространения электронной и компьютерной техники занимала одно из первых мест в мире. Структура питания японцев воспринималась в Европе и США как пример здорового, правильного питания. Кроме того, был достаточно высоким уровень медицинского обслуживания, благоприятная экологическая ситуация, низкий уровень преступности (Токио считался самым безопасным среди крупных городов мира) и высокая раскрываемость преступлений, особенно тяжких (в 1998 г. было раскрыто 98,5% убийств). Несмотря на то что по доле в ВВП и по расходам на душу населения в сфере социального обеспечения Япония все еще несколько отставала от других развитых стран, положение и здесь значительно улучшилось. В целом можно сказать, что условия жизни японцев были достаточно комфортны. Зримым тому доказательством являлась самая высокая среди развитых стран продолжительность жизни – в 1998 г. 84,01 года для женщин и 77,16 лет для мужчин.

В то же время появилось немало новых проблем. В частности, при сохранении низкого уровня безработицы по сравнению с другими развитыми странами к 2000 г. он вплотную подошел к 5%-ному барьеру (это было скорее прямым следствием проводимой реструктуризации промышленности, чем результатом экономических трудностей). Пока проблема безработицы не имела деструктивный характер: несмотря на банкротства, увольнения и прочие негативные явления, система трудовых отношений, основанная на консенсусе и компромиссе, продолжала обладать высокой адаптивной способностью, гибкостью, эластичностью. Однако без принятия надлежащих мер она могла привести к определенной напряженности.

Для смягчения этой проблемы правительство разработало пакет мероприятий. Он включал создание больших возможностей для получения новых профессий потерявшим работу, усиление роли агентств по их вторичному найму, защиту прав временных рабочих и работающих неполный рабочий день. И неудивительно, что в течение 1990–1999 гг. в результате забастовок ежегодно терялось максимум лишь 3 рабочих дня, в то время как в Швеции – 50, США – 40, Англии – 29 и Германии – 12 дней⁹.

Изменения в экономической сфере не могли не повлиять на существующую систему трудовых отношений. И хотя сложившаяся

⁸ Кэйдзай токэй нэнкан. 2001, с. 44.

⁹ БИКИ 23.06.2001.

в период высоких темпов роста базисная триада развития и регулирования трудовых отношений продолжает действовать, постоянно идет процесс их трансформации и модернизации в целом и отдельных компонентов. Определенное влияние на размывание традиционной системы трудовых отношений оказывали и иностранные предприятия, работавшие в стране.

В условиях неблагоприятной конъюнктуры особенно остро проявились негативные стороны системы пожизненного найма. Она поставила работника в такую зависимость от предприятия, что он был не в состоянии подчас разорвать отношения с фирмой, хотя в ряде случаев они уже стали путями в его личной судьбе. Особенно это относилось к молодым людям, которые все в большей степени стремились получить возможность менять место работы. Молодежь в возрасте 20–30 лет начала рассматривать свою первую работу как «предварительную» и уже не хотела окончательно определять свой жизненный путь сразу после окончания учебного заведения. Проведенный в декабре 1999 г. опрос студентов (средний возраст 20,4 года) престижных университетов в Токио показал, что восемь из десяти респондентов хотят иметь постоянную работу, но при этом большинство не собирается связывать свое будущее только с одной компанией, пожизненный найм для многих из них ассоциируется с неинтересной работой.

И фирмам, в свою очередь, нередко стало теперь экономически невыгодно сохранять прежние отношения с работниками. Кроме того, для динамичного развития хозяйства уже настоятельно требовалось перемещение их из неконкурентных отраслей и секторов в новые, быстро растущие. В современных условиях стало невозможным приспособливаться к переменам в экономике традиционными методами, не увольняя наемных работников, а перемещая их в рамках одной компании, снижая заработную плату, ожидая выхода их на пенсию по достижении предельного возраста работы для данного предприятия или по возрасту вообще. Большинство фирм начали платить наемным работникам за то, чтобы они раньше уходили на пенсию. Но все же даже в этих условиях компании строили свои планы реструктуризации, опираясь на досрочный уход работников и замораживание заработной платы, а не прибегая к массовым увольнениям по американскому образцу.

Все в большей степени предприниматели начали распространять систему оплаты труда по вкладу, вносимому работником, а не по выслуге лет, большее значение стали придавать его индивидуальным качествам. Фирмам нужны были не просто образованные, квалифицированные работники, а творческие, инициативные и активные. И неудивительно, что, согласно опросу 787 компаний

в 1999 г., среди приоритетных качеств новых работников первое место было отдано «индивидуальности»¹⁰.

Уже в начале 1980-х годов экономист Моритани Масанори писал: «Сейчас Япония остро нуждается не в одноликой массе просто способных студентов, а в людях необычайно одаренных, нестандартных, в людях, располагающих потенциалом для решения самых сложных задач»¹¹. И в конце 1990-х годов на повестку дня встала реформа образования, нацеленная на формирование творческих личностей.

Постепенно начало меняться отношение японцев к труду: формула «жить, чтобы работать» заменялась на «работать, чтобы жить». Все больше времени люди начали отдавать разным видам досуга.

Одной из важных проблем, с которой столкнется в недалеком будущем рынок труда в Японии, являются серьезные перемены в возрастной структуре населения – сокращение рождаемости и быстрое старение населения. Правда, по классификации, используемой экспертами ООН, японское общество в настоящее время еще не самое старое, но скорость его старения велика: только за 1995 – 2000 гг. доля лиц старших возрастов выросла с 14,6 до 17,5%. И перспективы в этом направлении далеко не утешительные. По прогнозам, к 2015 г. доля лиц старше 65 лет возрастет до 25,2%, а к 2050 г. – до 32,3%.

Особую озабоченность вызывает перспектива сокращения численности экономически активного населения, особенно его молодой когорты, нехватка в скором времени рабочей силы, с одной стороны, и увеличение бремени лиц работоспособного возраста – с другой. Если в конце века отношение численности 20–64-летних к группе старше 65 лет составляла 4 : 1, то через 25 лет, в 2025 г., оно будет 2 : 1, т.е. один пенсионер будет приходиться на двух работающих, а в 2050 г. уже на 1,5 человек¹². Эта проблема влечет, безусловно, за собой серьезные социально-экономические последствия, являясь в целом тормозом экономического развития, увеличивая бремя социальных расходов и вызывая необходимость изменения менталитета, прежде всего молодого поколения, на которое как раз и падет социальная нагрузка.

В определенной степени проблема нехватки рабочей силы пока что решалась за счет все большего участия в сфере труда женщин и лиц старших возрастов. В 2000 г. в числе работающих

¹⁰ Nikkei Weekly. 10.07.2000, p. 3.

¹¹ Моритани Масанори. Современные технологии и экономическое развитие Японии. М., 1988, с.139.

¹² The Daily Yomiuri, 26.03.2000.

было 40,8% женщин¹³. Зачастую они шли работать не только для того, чтобы иметь возможность пополнить семейный бюджет. Немаловажной причиной их трудовой активности стали психологические факторы, потребность и возможность раскрытия творческих способностей и самовыражения. Достаточно упомянуть, что только за 1970–1990 гг. число женщин, окончивших колледжи, увеличилось в 3,8 раза, университеты – в 4,7 раза¹⁴.

Во многом увеличению числа работающих женщин способствовал закон о равных возможностях найма, принятый в 1986 г. и исправленный в апреле 1999 г. Он гарантировал женщинам одинаковые права с мужчинами при найме, непосредственно на предприятии, на рабочих местах, при подготовке и переподготовке кадров, получении льгот и ограждал их от сексуальных домогательств на производстве. Вместе с тем все большее участие женщин в трудовом процессе ведет к сокращению рождаемости.

Еще один резерв рабочей силы – лица пожилого возраста, большинство которых продолжают работать и стремятся в той или иной степени участвовать в общественной жизни, например в волонтерской деятельности. По мнению специалистов, эта проблема может быть смягчена, если зачислять в группу «пожилых» лиц не с 65-, а с 70-летнего возраста. Тогда, по их мнению, «из тех, кого поддерживает система социального страхования», они превратятся в «тех, кто поддерживает эту систему»¹⁵. А состояние их здоровья позволяет это сделать¹⁶.

Правительство и предприниматели начали принимать меры, чтобы адаптировать систему занятости к перспективам новой демографической ситуации и сформировать общество наемных работников «без возраста». При найме приоритет начали отдавать индивидуальным достоинствам претендента без различия возраста, пола и прочих условий. Согласно поправкам, внесенным в 1997 г. в Закон о стабилизации найма лиц пожилого возраста, государство, местные органы власти и работодатели должны прилагать максимум усилий к тому, чтобы предоставлять лицам старших возрастов возможность работать в соответствии с их способностями и желаниями, обеспечивать условия для их переподготовки для повторного найма.

¹³ Подсчитано по: кэйдзай токэй нэнкан, с. 49.

¹⁴ Подсчитано по: Нихон токэй нэнкан (Японский статистический ежегодник). Токио, 2000, с. 52.

¹⁵ Подробнее см.: Daily Yomiuri, 07.11.99.

¹⁶ Об этом свидетельствует, например, тот факт, что в возрастной группе 60–70 лет лишь 1,5% людей нуждаются в уходе по болезни.

Кроме того, в ожидании нехватки рабочей силы правительство начало принимать законодательные меры для привлечения на работу иностранных специалистов, делая их пребывание в стране достаточно комфортным. В 1990-е годы был ослаблен контроль над въездом и выездом иностранцев, ускорена процедура рассмотрения визовых заявок на въезд, упорядочены статусы пребывания иностранных граждан и одновременно введены меры против нелегалов и несанкционированного их найма на работу. По расчетам специалистов ООН, Японии придется принять к середине XXI в. свыше 33 млн. иностранцев (включая и членов их семей). В конце века они составляли примерно лишь 1,2% от общего числа населения (нелегалы, конечно, не включены), хотя их число в последнее десятилетие все время увеличивалось. В то же время в связи с ростом числа иностранцев в Японии возникает проблема их социальной адаптации, поскольку традиционно японское общество, признающее гомогенность важнейшим элементом национального самосознания, в принципе враждебно относится к иммигрантам. Учитывая такой настрой населения, разрешение этой проблемы потребует значительных усилий как со стороны японцев, так и со стороны иностранцев.

Окончание функционирования «структуры 1955 года» и начало эры коалиционных правительств

Пожалуй, ни один период послевоенной истории Японии не был так насыщен серьезными переменами во внутриполитической жизни, как 1990-е годы. События этих лет имели столь неожиданный поворот и казались такими радикальными, что создавалось впечатление, будто понятие «кризис власти» отражает их сущность. Однако у власти по-прежнему осталась консервативно ориентированная политическая элита, принявшая обладающую специфическими чертами демократию и содействовавшая укоренению ее в стране. Поддержка Либерально-демократической партии основной массой населения способствовала обеспечению стабильности в обществе, а неизменные «симпатии» бизнеса — политическое доминирование. Именно ЛДП всегда выступала и продолжает выступать гарантом действенности законодательной системы и относительной согласованности в отношениях между парламентом, партиями, бюрократией.

Несмотря на единоличное правление ЛДП, японское общество выглядело в целом плюралистическим, поскольку в нем свободно действовали различные политические партии и объединения. Однако в стране не сложилась и, несмотря на все политические коллизии 1990-х годов, все еще не появилась оппозиция, равно- великая ЛДП.

Т. Кайфу как премьер связал свою судьбу с проведением политической реформы, и это не было случайностью. Она стала приоритетом внутренней политики, за ее проведение выступали все политические партии, но каждая преследовала свои цели. ЛДП надеялась с помощью, прежде всего, реформы избирательной системы и системы контроля за поступающими в партийные фонды финансовыми средствами подправить свой облик в глазах избирателей, «потускневший» от перманентных коррупционных скандалов. Однако межфракционная закулисная борьба обнаружила неспособность правительства принимать решения и привела к отставке Кайфу в октябре 1991 г.

Именно во время премьерства Уно и Кайфу полностью обнажился стиль действия двойственной системы власти, т.е. стало абсолютно ясно, у кого реальная политическая власть — у правительства или суперфракции. Американский политолог Я. Шлезингер писал: «И в Токио и за границей не заблуждались насчет того, что японский премьер-министр был не более чем церемониальной фигурой. Даже когда Такэсита оставил официальный пост, президент США Дж. Буш направил ему послание с просьбой о продолжении сотрудничества. В последующие два года Такэсита регулярно посещал Белый дом, а Одзава и Канэмару вели деликатные переговоры с США и другими странами»¹⁷. И это несмотря на то, что, например, Кайфу был очень популярен в стране: по опросам общественного мнения, его поддерживало более 50% населения.

Главная причина такой ситуации была в том, что сложившийся специфический механизм взаимодействия так называемой железной триады (симбиоз политиков, бюрократии и бизнеса) с середины 1970-х годов начал давать сбои, а в 1990-е годы перерос в острый кризис, разрешение которого требовало немедленного и одновременного проведения политической, административной, финансовой и других реформ. Иными словами, изменились условия, в которых функционировала двойственная структура власти, созданная Танака. Страна стояла перед новыми вызовами, а ЛДП должна была ответить на них. Для этого требовалось, прежде всего, перегруппировка сил внутри самой партии.

¹⁷ Schlizinger J.M. Shadow Shoguns. N.Y., 1997, p.178.

На посту премьер-министра Кайфу 5 ноября 1991 г. сменил Миядзава Киити. С приходом на высший пост этой сильной личности связывались большие надежды на то, что политическая реформа станет инструментом оздоровления политики. Но именно на период его нахождения у власти и пришелся пик кризиса правящей элиты, приведшего к серьезным переменам внутри ЛДП.

К. Миядзава принадлежит к потомственной политической элите страны, он парламентарий в третьем поколении, связан семейными узами с несколькими финансово-промышленными кланами. До того как стать премьер-министром, он уже четыре десятка лет был депутатом парламента, занимал 13 различных постов в правительстве, в том числе министра финансов, который вновь получил в 1998 г. в кабинете Обути Кэйдзо (небывалый случай для Японии, чтобы бывший премьер-министр занимал пост министра). Интеллектуал и бюрократ Миядзава был антиподом политикам типа Танака и Канэмару, но ему пришлось поступиться своими амбициями, чтобы заручиться поддержкой их суперфракции.

В августе 1992 г. разразился очередной громкий скандал, когда выявились факты тайного получения депутатами парламента крупных денежных сумм от транспортной компании «Токио Сагава кюбин». В этом скандале оказался замешанным и был впоследствии арестован Канэмару, этот king maker, непосредственно участвовавший в назначении Кайфу и Миядзава. В этих условиях премьер Миядзава подтвердил намерение правительства осуществить «глубокую политическую реформу», и в декабре того же года парламента принял поправки к некоторым соответствующим законам.

В том же году была создана Новая партия Японии (НПЯ). Начально она была ориентирована на своего лидера Хосокава Мориhiro, и в ее рядах не было ни одного равноценного ему деятеля. Личность М. Хосокава, ставшего первым премьер-министром коалиционного правительства 9 августа 1993 г., заслуживает некоторого внимания ввиду своеобразия его места в правящей элите. По материнской линии он принадлежит к 18-му поколению одной из древнейших аристократических фамилий периода Хэйан (его дед — принц Коноэ, как уже говорилось, не раз был премьер-министром в довоенное время). Политический старт М. Хосокава принял во фракции Танака. Пробыв 12 лет (1971—1983) депутатом палаты советников парламента, на 8 лет занял пост губернатора преф. Кумамото (1983—1991) и стал видным деятелем органов местного самоуправления. За его партию на выборах в палату советников в 1992 г. и палату представителей в 1993 г. проголосова-

ли в основном средние слои больших городов, разочаровавшиеся в прежних партиях.

После ухода с политической арены Канэмару, сразу же встал вопрос о новом руководителе крупнейшей фракции (108 человек). В результате сложной борьбы она раскололась на две соперничающие: одна во главе с Обути Кэйдзо, который впоследствии стал премьер-министром, другая — с Одзава Итиро, хотя ее официальным лидером считался Хата Цутому, тоже будущий премьер, поскольку у него был более приемлемый имидж публичного политика. Создавая фракцию, Одзава и Хата, возможно, не предполагали раскалывать партию. Ведь одно дело быть фракцией внутри правящей партии, а другое — заняться дорогостоящим и рискованным созданием новой партии. Но последствия этого события имели чрезвычайный характер: ушло в прошлое доминирование суперфракции, которая фактически контролировала ситуацию в партии, т. е. была как бы скорректирована нормальная деятельность. Однако жесткая межфракционная борьба продолжалась. Образовавшиеся новые фракции для выдвижения своих лидеров на ключевые посты должны были вновь вступать в затяжные изнурительные переговоры.

Новые руководители Обути и Одзава относились ко второму поколению парламентариев послевоенной Японии. При всей их непохожести они пришли в большую политику примерно одним путем. Обути был избран в палату представителей парламента с первой попытки в 1963 г. в возрасте 26 лет (одновременно со своим одноклассником Хасимото Рютаро, тоже будущим премьер-министром) после смерти отца (в 1968 г. его путь повторил Одзава). Активная политическая деятельность Обути была связана с Такэсита. Он был одним из главных участников процесса смещения Танака, после чего возглавил секретариат суперфракции. На этой должности проявились его способности добиваться консенсуса различных фракций. В 1991 г. он был назначен генеральным секретарем ЛДП, а в 1994 г. стал заместителем председателя партии. Но пик его политической карьеры был впереди.

Одзава с самого начала политической карьеры не любил находиться на переднем плане, выступать с речами, общаться с прессой, а предпочитал закулисные игры. Он был типичным «серым сёгуном», который в соответствии с японской политической культурой вершит дела в тиши традиционных ресторанов. В 47 лет он стал генеральным секретарем ЛДП, более десяти лет занимался организацией избирательных кампаний партии. Под его непосредственным контролем либерал-демократы одержали убедительную победу в 1990 г. на всеобщих выборах, получив 275

мандатов. Одзава даже называли «богом избирательных кампаний». Но его манера действий работала против имиджа современного демократического лидера. С начала 1990-х годов он поменял тактику и начал появляться на публике.

Раскол суперфракции был вызван в значительной степени недовольством молодого поколения политиков жесткой системой засилья «старших», которое зрело в предшествующие два десятилетия. Образовался определенный «разрыв» поколений. Раскол вылился в борьбу за власть и влияние между лидерами новых фракций. Одзава выступал под знаменем реформы партии и политической системы. Свои взгляды на необходимость проведения «структурных реформ японского общества» он изложил в известной книге «Проект переустройства Японии»¹⁸. Переход на курс реформ обеспечил ему поддержку молодежного крыла фракции. Позиции молодых членов партии были достаточно уязвимы, поскольку пока они не располагали прочной системой поддержки в своих избирательных округах. Среди сторонников Одзава не было почти никого, кто избирался бы в парламент более 5 раз, в основном 1–2 раза. Ветераны партии вообще были не слишком заинтересованы связывать себя с реформаторами. Из членов суперфракции Обути поддержали 62 человека, а Одзава – 44.

Одзава и Хата планировали сместить с поста премьер-министра Миядзава, используя вотум недоверия правительству в связи с неспособностью последнего решить вопрос о пакете законопроектов, касающихся политической реформы. Они рассчитывали, что будет избран новый лидер партии и премьер, при котором их фракция станет главной силой. Но Миядзава поступил не по их сценарию: распустил парламент и назначил новые выборы. В такой ситуации Одзава и Хата со своими сторонниками покинули ЛДП и создали Партию обновления (ПО, председатель Хата, генеральный секретарь Одзава). Чуть ранее аналогичным образом поступили несколько человек из разных фракций ЛДП и организовали Новую партию Инициативы (для удобства далее по тексту будет использоваться ее японское название – Сакигакэ).

Уход «диссидентов» из ЛДП лишил ее большинства в парламенте, которое она не сумела восстановить на последовавших всеобщих выборах в 1993 г. и впервые за всю историю своего существования оказалась в оппозиции. Таким образом, окончилось тридцативосьмилетнее единоличное правление Либерально-демократической партии, и ушла в прошлое политическая «структура 1955 г.». Произшедшие серьезные перемены на политичес-

¹⁸ Ozawa Ichiro. Bluehint for a New Japan. Tokyo, 1994.

кой арене свидетельствовали о поисках формирования новой по составу правящей элиты, но в пределах консервативного лагеря. К ней теперь присоединились, правда, в качестве неравноправного партнера, и социалисты, окончательно сдавшие свои идеологические и политические позиции. Особняком, но тоже в рамках истеблишмента стояла Коммунистическая партия, прочно сохранявшая занятую ранее нишу.

С уходом в 1993 г. ЛДП в оппозицию сложилась ситуация, когда практически впервые в послевоенной истории страны устанавливается правление коалиционных правительств. В такое правительство после выборов в нижнюю палату парламента в июле 1993 г. вошли представители восьми партий, т.е. фактически всех существовавших, кроме КПЯ и ЛДП. 9 августа 1993 г. главой его стал М. Хосокава. Он пришел во власть не в результате внутренней борьбы в ЛДП, как всегда было прежде, а как премьер коалиционного правительства (став им в 55 лет; более молодым — в 54 года этого поста добился Танака). Это было время серьезнейшего кризиса правящей элиты, когда самые влиятельные политики предпочитали оставаться в тени, чтобы не ставить под удар свое политическое будущее. Согласно послевоенной японской политической традиции дважды в разное время занять высший пост в карьере политика было невозможно.

Подобное «многоглавое» содружество очень скоро показало свою нежизнеспособность, ибо партии-участницы привнесли в деятельность правительства «фракционные» противоречия. Более того, через девять месяцев, в апреле следующего 1994 г., Хосокава был вынужден уйти в отставку в связи с обвинениями в финансовых нарушениях. После долгих переговоров премьер-министром 28 апреля 1994 г. стал Хата Цутому, но, как выяснилось, всего на два месяца. Эти два кабинета, находившиеся под фактическим контролем Одзава, оказались неустойчивыми из-за серьезных расхождений их участников относительно важнейших проблем (СДПЯ создала даже своего рода оппозицию внутри этих правительств). В результате они продолжали прежнюю политику ЛДП, так как за недавними бывшими членами этой партии сохранились наиболее важные министерские посты.

В итоге появилась новая, казавшаяся немыслимой, коалиция непримиримых ранее противников — ЛДП и СДПЯ. В нее вошла и партия Сакигакэ. Первый кабинет по новой схеме 29 июня 1994 г. возглавил лидер социалистов Мураяма Томиити, который ради участия своей партии во власти осуществил крутой поворот в политике, признав конституционность «сил самообороны» и японо-американский «договор безопасности». Премьеры Хосокава и

Мураяма, которых пресса окрестила «любителями» в политике, в принципе были маргиналами. Имея определенную популярность, но не владея технологией власти, опытом государственного управления, они по определению были обречены.

Полной противоположностью им был следующий премьер-министр Хасимото Рютаро, сформировавший кабинет 11 января 1996 г. В тот момент в его личности увидели тип лидера, способного решить внутри- и внешнеполитические задачи. По происхождению он принадлежал к верхушке либерально-демократической элиты. Его отец был депутатом парламента, министром здравоохранения и социального обеспечения, возглавлял министерство просвещения. Окончив университет Кэйо, Хасимото включился в политическую деятельность. Он унаследовал, если можно так сказать, семейный бизнес — был министром здравоохранения и социального обеспечения, курировал в партии и парламенте комитеты, которые занимались решением социальных проблем. Другими словами, он возглавлял парламентский клан законодателей (*дзоку* — лоббистская группа какого-либо сектора экономики), связанных с блоком этих проблем. В своих кабинетах он доверял этот пост ближайшим сподвижникам, среди них был и будущий премьер-министр Коидзуми Дзюнъитиро..

Связь через министерство со значительным сектором экономики, включавшим предприятия, производящие медицинское оборудование, лекарственные препараты и косметические товары, позволяли Хасимото привлекать в партийную кассу колоссальные финансовые средства. Но, располагая ими, он тем не менее не создал своей фракции, оставаясь во фракции Обути.

Новая коалиция хотя и включала ранее непримиримых противников, оказалась более интегративной системой. Правительство во главе с ЛДП, в отличие от предшественников, продемонстрировало пример открытой, готовой к компромиссам политики и сумело достигнуть определенной стабильности. Став премьером, Р. Хасимото в полной мере показал свои способности решать сложные вопросы (например, о судьбе военных баз США на Окинаве), в то время как предыдущие кабинеты откладывали это на будущее. Но слишком разные базовые позиции участников коалиции (СДПЯ и Партии Сакигакэ) требовали реформирования правительства, и ЛДП начала активно готовиться к всеобщим выборам по новой избирательной системе.

Введение этой системы — одно из звеньев в цепи политических реформ, главная задача которых — утверждение норм так называемой чистой политики, свободной от коррупции, зависимости партий и политики от крупного бизнеса. В соответствии с новой сис-

темой устанавливались 300 одномандатных округов и вводилось пропорциональное представительство по партийным спискам в 11 региональных блоках (200 мандатов, в 2000 г. – 180). Целью этой реформы являлось повышение значимости политических партий, перенесение центра тяжести в избирательных кампаниях с отдельных кандидатов на партии в целом, привлечение внимания электората к их программам.

В целом новая система благоприятствовала только крупным партиям, не оставляя практически места малым. Она не вполне адекватно отражала мнение конкретных избирателей: кандидат, провалившийся в одномандатном округе, мог пройти в парламент по партийному списку – на выборах 1996 г. таких было 84 из 500. Голоса, отданные за провалившегося кандидата, терялись. Число «потерянных» голосов на тех же выборах составило 30 млн., что превысило цифру 1993 г. более чем в два раза. Подобный процесс шел на фоне роста абсентеизма.

Перегруппировка сил на политической арене привела к созданию в 1994 г. второй по величине после ЛДП общенациональной консервативной оппозиционной Партии новых рубежей (ПНР). В нее вошли совершенно разные партии и группы: ряд выходцев из ЛДП, недовольных прежним партийным руководством и явным кризисом в партии, Комэйто, Партия демократического социализма и некоторые небольшие объединения, выступавшие за политические реформы. Всего в ПНР вошли четыре партии и девять парламентских групп. Ведущими силами были Партия обновления Одзава и Комэйто, что с самого начала создавало напряженность в руководстве и в итоге привело к ее самороспуску.

Накануне выборов в палату представителей в 1996 г. на политической арене появилась Демократическая партия Японии (ДПЯ). Сенсацией это не стало, так как нечто подобное ожидалось давно. Инициаторами ее создания выступили братья Хатояма – Кунио и Юкио. Один – бывший генеральный секретарь и председатель партии Сакигакэ, другой был ключевой фигурой в ПНР. Они принадлежали едва ли не к самому старому политическому клану. Их прадед был парламентарием, дед – Хатояма Итиро – закаленным в политических интригах до войны деятелем партии Сэйюкай и премьер-министром после войны, отец – министром иностранных дел. Премьер – брат, зять или внук премьера – дело довольно обычное.

Инициаторы создания новой партии поставили целью оформить широкий альянс «неоконсервативных и либеральных сил». Костяк новой партии составили выходцы из Сакигакэ. СДПЯ поначалу попыталась войти в блок с демократами, но сделка не состоялась, и социалистам пришлось просто смириться с пере-

ходом ряда своих парламентариев в ряды ДПЯ. Партия заявила, что не стремится любой ценой добиваться участия в каком-либо коалиционном правительстве и предпочитает свободу рук оппозиционной партии, рассматривает себя как партию городского населения, а опора на горожан – верный путь для политической силы, которая рассчитывает на длительную перспективу и хочет действовать в соответствии с социально-экономической ситуацией, складывающейся в Японии на рубеже веков. Таким образом происходила все большая поляризация пристрастий городских и сельских избирателей.

На первых всеобщих выборах, проводившихся по новой избирательной системе в октябре 1996 г., победу одержала ЛДП, получив 239 мест. Причин убедительной победы либерал-демократов было несколько. Прежде всего, новая избирательная система, как уже говорилось, благоприятствовала лишь «тяжеловесам» вроде ЛДП и ПНР, оставляя мало места мелким партиям. Кроме того, избиратель буквально вырос в условиях многолетнего монопольного господства ЛДП и привык связывать с ней большинство успехов страны. В то же время правление коалиционных правительств без ее участия характеризовалось нестабильностью и неуверенностью. Важной и несомненной причиной успеха либерал-демократов была и слабость соперников – отсутствие равновеликой оппозиционной партии.

Оппозиция всегда была достаточно многочисленна, но отличалась раздробленностью и неспособностью к единым действиям. На выборах 1996 г. СДПЯ получила всего 15 мандатов, а партия Сакигаке потеряла практически все, сохранив лишь два из прежних девяти мандатов. Ее лидер потерпел поражение в одномандатном округе и не прошел по партийному списку, поскольку не возглавлял его. Партия новых рубежей потеряла четыре места в палате представителей, а Демократическая партия ничего не прибавила к имеющимся у нее мандатам.

Заслуживает внимания успех компартии, которая увеличила свою фракцию с 15 до 26 депутатов, или почти на 70% – рекордный показатель даже с учетом сравнительно малых абсолютных величин. Она стала четвертой партией в нижней палате парламента после ЛДП, ПНР и ДПЯ. Главный резерв для увеличения электората коммунистов состоял в том, что в период коалиционных правительств резко увеличилось число разочарованных в политике избирателей, которые не связывали свои интересы и пристрастия с определенной партией. КПЯ усиленно акцентировала внимание на том, что она единственная из всех партий не запятнана и никак не связана с непопулярными действиями коалиционной админис-

трации. Японские коммунисты, не поступаясь идеологическими принципами, весьма искусно играли на настроениях в обществе, используя проблему коррупции, непопулярное повышение потребительского налога, напряженность вокруг американских баз на Окинаве и т.д. Им легче, чем другим партиям, было демонстрировать свою принципиальность, что вызывало симпатии к ним у определенной части населения. Некоторые голосовали за них, разочаровавшись во всех других партиях, но при этом точно зная, что коммунисты не победят.

После выборов право ЛДП формировать кабинет было неоспоримо, и 7 ноября 1996 г. Хасимото создал кабинет без участия в нем потерпевших сокрушительное поражение прежних партнеров, которые согласились поддерживать правительство, находясь вне его рамок, т.е. была своего рода формальная коалиция. Либерал-демократы, как и в былые времена, создали однопартийный кабинет. Но это не было возвратом к прежнему положению: не располагая простым большинством в палате представителей, ЛДП была вынуждена действовать с оглядкой на разномастную оппозицию. Расстановка сил показала, что была выбрана система правления большинства, хотя и без непосредственного участия младших партнеров в кабинете.

Хасимото попытался по мере возможности назначить нужных людей на нужные посты. Однако полностью избавиться от прежних «грехов» при формировании правительства ему не удалось: снова много «стариков» и неизменное соблюдение баланса фракций. В кабинете не было ни одного человека, кто избирался бы депутатом менее четырех раз. Трудности с формированием кабинета отчетливо показали неотложность реформирования структуры партии, прежде всего принятия кардинального решения относительно фракций (несмотря на формальный запрет, они продолжали действовать). Тем не менее создание однопартийного кабинета Хасимото позволяло говорить, хотя и с оговорками, о тенденции к преодолению кризиса внутри ЛДП, чего нельзя было сказать об оппозиции в целом и об отдельных составляющих ее партиях и политических объединениях.

Основные проблемы внешней политики

На протяжении пяти послевоенных десятилетий внешнеполитическая деятельность Японии была практически полностью подчинена достижению главным образом экономических целей, а

ее непосредственное участие в решении мировых проблем имело пассивный характер в силу приверженности стратегической ориентации на США. Эти два основополагающих принципа делали внешнюю политику страны неизменной и достаточно предсказуемой. Дипломатия обеспечивала мирное развитие страны и ограждала ее от участия в разного рода международных конфликтах.

В Японии, как ни в какой другой стране, внешняя и внутренняя политика обслуживает потребности экономики, во многом правильно выбранный курс которой отвечает национальным интересам. По мере возрастания экономического могущества Японии, которое все явственнее ощущалось в мире, расширялся и спектр ее внешнеполитической активности. Как уже отмечалось, в 1980-е годы политическая элита страны всерьез была озабочена тем, чтобы Япония заняла в мировой политике место, адекватно отражающее экономический потенциал страны. В результате наблюдалось некоторое повышение японского фактора в международных делах, несмотря на ограниченные возможности, которыми она располагала из-за Конституции 1947 г. и специфики отношений с США. Союз с этой державой гарантировал принадлежность Японии к западному миру и обеспечивал ее безопасность от «угроз», исходивших от коммунистического лагеря, в первую очередь от СССР. Предполагалось, что страна может противостоять «советской военной угрозе» с помощью сочетания американской военной мощи с относительно небольшим японским военным потенциалом.

Окончание «холодной» войны, прекращение острой межсистемной конфронтации в мире, сдвиги в геополитическом раскладе сил, появление новых проблем и угроз на глобальном и региональном уровнях заставили Японию начать пересмотр стратегических и тактических задач во внешней политике, активизировать усилия по их претворению в жизнь. Распад СССР и крах коммунистической идеологии создали предпосылки для эволюции всей послевоенной системы безопасности, так как она базировалась на советско-американской конфронтации. Непосредственно на японо-американский альянс завершение периода «холодной» войны прямого воздействия не оказало, но изменения послевоенной системы международных отношений не могли не сказаться на внешней политике страны. Оставаясь в рамках союза со своим главным стратегическим партнером, Япония начала активизировать практически все направления внешнеполитической деятельности.

Определяя приоритеты на 1990-е годы, МИД страны выдвинул на первый план программу расширения международного сотрудничества с упором на увеличение экономической помощи, активное участие в деятельности ООН, в том числе в миротворческих

операциях, расширение культурного обмена, решение экологических проблем, поддержание международной торговли. И только затем в порядке их значимости перечислялись географические направления внешней политики – США, Западная Европа, Азия, СССР, Китай. Япония не только расширяла свои глобальные позиции, но и искала пути более глубокого проникновения в мировое экономическое пространство. Другими словами, можно говорить про начало глобализации внешней политики страны.

В марте 1990 г. бывший в то время премьер-министр Т. Каифу сформулировал свое понимание нового мирового порядка, основанного на: 1) укреплении мира и безопасности, 2) уважении свободы и демократии, 3) гарантии всемирного процветания через открытую рыночную экономику, 4) обеспечении развития, гарантирующего всем людям достойную жизнь, 5) создании стабильного мирового порядка, основанного на диалоге и сотрудничестве¹⁹.

Затем эти принципы были инкорпорированы в ряд программных документов правительства, которые подчеркивали необходимость участия страны в мерах по ослаблению международной напряженности, развитию экономического сотрудничества и системы свободной торговли, пропаганде интернационализации. При этом открыто признавалось, что реакция Японии на мировые события до сих пор была пассивной, а механизм принятия решений медлителен и неадекватен стремительно меняющейся ситуации, когда «сила» все еще остается важным фактором международных отношений.

В августе того же года агрессией Ирака против Кувейта был брошен вызов всему новому мировому порядку, неотъемлемой частью которого провозглашала себя Япония. Война в Персидском заливе оказала серьезное влияние на изменение внешней политики Японии, прежде всего в отношении обороны и безопасности, а также затронула и внутривнутриполитические проблемы. Осуждение Ирака как агрессора в той или иной степени было единодушным в стране. Все были согласны, что Япония должна участвовать в коллективных акциях по его наказанию, но относительно форм и методов участия мнения были полярными.

Встал вопрос о необходимости приведения 9-й статьи Конституции в некоторое соответствие с потребностью участия во внешнеполитических акциях по наказанию агрессора, а также о степени подчиненности внешнеполитического курса страны в отношении обороны и безопасности политическому курсу США. Япония, как известно, сильно зависит от ближневосточного ре-

¹⁹ Toshiki Kaifu. Japan's Vision. – Foreign Policy. № 80 (Fall 1990).

Япония как источника получения нефти (до 70%), поэтому была неизбежна и коррекция в ее отношениях со странами Ближнего и Среднего Востока.

Участие Японии в акциях мирового содружества против Ирака кратчайшим сводилось к дилемме: деньги или люди и деньги. Другими словами, должна ли страна оказывать только финансовую и техническую помощь в проведении операции «Буря в пустыне», или личный состав ее армии — «сил самообороны» — должен принять непосредственное участие в боевых действиях. Как известно, Япония не располагала законодательной базой для прямого и непосредственного участия армии в миротворческих операциях сил ООН. Соотношение сил на внутривосточной арене осенью 1990 г. вынудило правящую партию отозвать из парламента законопроект «О содействии мирным усилиям ООН», который позволял бы направлять военных за границу. Учитывая также сформировавшееся в послевоенные годы сильнейшее антивоенное настроение нации, правительство сосредоточилось на оказании финансовой поддержки странам Персидского залива, понесшим материальный ущерб, и многонациональным вооруженным силам антииракской коалиции. Всего Япония выделила 13 млрд. долл., из них только 2 млрд. пошло на помощь арабским странам, а остальные — многонациональным силам.

Несмотря на это, мировое сообщество, в первую очередь США и страны Западной Европы, достаточно негативно отнеслись к позиции Японии, обвинив ее в том, что она снова решила «отсидеться», «откупиться» от решения общих проблем. Сильнее зазвучали такие характеристики страны, как «экономическое животное», «политический карлик с большим кошельком» и т.д. Позицию Японии не без иронии в зарубежной прессе оценивали формулой «слишком мало, слишком поздно». О ней говорили как о странной политической аномалии: «экономическая сверхдержава без соответствующей военной политики и политического руководства».

Без преувеличения можно сказать, что война в Персидском заливе стала определенным переломным моментом в послевоенной истории Японии, заставив политическую элиту более активно и более кардинально переосмыслить политическую роль страны на международной арене, повысить ее значимость в решении общих проблем. События выявили, прежде всего, разность подходов к ним в Японии и за рубежом. Внутри страны тоже не было единства. Пацифистски ориентированные силы решительно высказались против любой отправки личного состава «сил самообороны» за рубеж, опасаясь, в том числе, создать прецедент на будущее. «Голубая книга» по внешней политике 1990–1991 гг. осторожно

критиковала тех, кто, придерживаясь буквы конституции, не понимал изменений в мировой ситуации и, соответственно, в международных обязательствах Японии как ответственного члена мирового сообщества.

За рубежом пацифизм Японии называли проявлением безответственности и попыткой оправдать бездействие. Изоляционистская позиция страны нанесла несомненный ущерб ее международному престижу и поставила под сомнение дееспособность внешней политики. Особенно жесткую позицию заняли США, проявлением чего явилась отмена запланированного визита президента Дж. Буша-старшего в Токио в начале апреля 1991 г., незадолго до посещения страны президентом СССР М. С. Горбачевым.

Спешным визитом в Вашингтон бывший в то время премьером Т. Кайфу постарался ликвидировать возникшие в результате войны в заливе трения, признав, что японская конституция ограничивала вклад страны в действия союзников определенными рамками. Американский президент вместе с тем потребовал от Японии сотрудничества по созданию нового мирового порядка. Речь шла о том, что ей надлежит взять на себя еще большее экономическое бремя для решения глобальных задач (оказание помощи ряду стратегических союзников США в Латинской Америке и других регионах), а также об уступках с ее стороны на переговорах в рамках ГАТТ (ныне ВТО) о либерализации импорта продовольствия.

Кроме того, министр иностранных дел Японии не был приглашен после окончания боевых действий на мирную конференцию по Ближнему Востоку в Мадриде вместе с представителями США, Великобритании, Франции, Германии. Наиболее открыто выразил свое недовольство позицией страны сам Кувейт. Его правительство закупило целую рекламную полосу в «Нью-Йорк таймс», чтобы выразить благодарность всем, кто принимал участие в его освобождении, но не включил в список только Японию (вспомним, что ее расходы в 13 млрд. долл. превысили даже расходы США).

Япония в принципе не имела своей четко выраженной политики на Ближнем и Среднем Востоке, не считая центристской (с большей долей проарабской окраски) в арабо-израильском конфликте 1973 г. Однако, располагая значительными финансовыми возможностями, имея благоприятные дипломатические отношения со многими арабскими странами, Япония демонстрировала приверженность планам ближневосточного урегулирования. В частности, она внесла 200 млн. долл. из 2,1 млрд. долл., которые в течение пяти лет по решению международной конференции по вопросам содействия мирному урегулированию на Ближнем

Востоке (октябрь 1993 г., Вашингтон) выделялись странам региона. Она активно участвовала в заседаниях Экономического совета по Ближнему Востоку, увеличивала экономическую помощь участникам процесса мирного урегулирования – Израилю, ООП, Ливану, Сирии, Иордании, Египту.

Позиция Японии во время войны в Персидском заливе вновь подтвердила зависимость ее оборонной политики от военной политики США. Можно с уверенностью сказать, что она не слишком опасалась за судьбу нефтеносной зоны, понимая, что нежелательного исхода США просто не допустят. Другими словами, японцы вновь вручили защиту своих национальных интересов главному стратегическому партнеру. Основное внимание Японии в это время было направлено на страны АСЕАН, ее собственный внешнеполитический курс был спроецирован на АТР.

Стоит напомнить, что на третью важнейшую встречу глав государств АСЕАН (1987 г.) в Маниле только лидер Японии Н.Такэсита был приглашен от стран – не членов этой организации. В Манильской декларации (одном из важнейших программных документов за всю историю существования АСЕАН) Япония была обозначена как важнейший партнер этой ассоциации. Н.Такэсита привез поистине «царский» подарок – создание фонда для развития промышленности в регионе в размере двух миллиардов долларов из государственных и частных источников – сверх программы официальной помощи развитию. Манильский саммит и инициативы Н.Такэситы окончательно закрепили изменения последних лет во внешнеполитических действиях правительства применительно к странам АСЕАН, а именно, не отказываясь от двусторонних отношений, активно сотрудничать с АСЕАН как единым целым, что было с благодарностью встречено лидерами входящих в нее стран.

Похоже, что в 1990-е годы Япония переживала переходный период, когда в противоположность лозунгу «Уйти из Азии, присоединиться к Европе», появившемуся после реставрации Мэйдзи, выдвинулся лозунг «реазианизации», т.е. возвращение ее в альма-матер – Азию при сохранении и укреплении позиций как члена западного сообщества. Именно здесь она попыталась выступить с самостоятельной внешнеполитической инициативой. Речь шла об урегулировании камбоджийской проблемы.

Смягчение конфронтации между двумя сверхдержавами на рубеже 1980–1990 годов, потепление отношений между Китаем и Вьетнамом создали благоприятные возможности для поисков путей и способов урегулирования конфликта в Камбодже. Политические инициативы Японии в этом направлении явились, по сути,

первой серьезной попыткой опрокинуть бытующее на мировой арене мнение относительно Японии как «экономическом гиганте, но политическом карлике».

Япония сосредоточила именно здесь свои усилия в силу ряда причин: во-первых, она не имела отношения к возникновению конфликта, во-вторых, эта страна занимает важное стратегическое место в рамках ЮВА (уход сверхдержав образовывал вакуум сил в регионе, который Япония хотела бы заполнить и, интегрировав страны Индокитая и АСЕАН, превратить ЮВА в единое целое в противовес Китаю) и урегулирование положения здесь является ключом к налаживанию сотрудничества и взаимодействия между странами Индокитая и АСЕАН, в-третьих, она является объектом борьбы за политическое влияние между субрегиональными лидерами — Таиландом и Вьетнамом, усиления которых за счет Камбоджи нельзя было допустить.

Решением поставленной задачи Япония могла бы продемонстрировать свои возросшие возможности как влиятельной азиатской и мировой державы, повысить вес в ООН. Впервые для участия в операциях ООН по поддержанию мира в Камбоджу был отправлен инженерный батальон сухопутных «сил самообороны». Это стало возможным благодаря принятию парламентом в июне 1992 г. Закона о сотрудничестве в операциях ООН по поддержанию мира. Однако в нем были сделаны очень серьезные оговорки: разрешалось направлять только невооруженный контингент «сил самообороны» при условии соглашения о прекращении огня между противоборствующими сторонами, при их согласии на участие Японии в миротворческой деятельности; запрещалось участие в действиях, связанных с применением военной силы. Но, безусловно, главным рычагом дипломатии в Камбодже была финансовая помощь. Важной дипломатической победой Япония признавала и избрание ее в конце 1991 г. временным членом СБ ООН.

Уроки войны в Персидском заливе и мировая реакция на позицию Японии переломили общественное мнение в стране по вопросу об участии в миротворческих операциях ООН. Но требовалось также успокоить и азиатские народы относительно того, что Япония не претендует на роль мощной военной державы. Выступая в парламенте в 1992 г. бывший в то время премьер-министром К. Миядзава заявил: «Наши соглашения о безопасности с Соединенными Штатами являются незаменимым основанием для мира и процветания в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и Япония будет строго их придерживаться. В соответствии с нашей мирной Конституцией и базовыми принципами об исключительно оборонительном характере страны и непревращении в военную держа-

ну, которая может угрожать другим государствам, Япония будет продолжать усилия по укреплению достаточной обороноспособности со строгим гражданским контролем в соответствии с тремя незыблемыми принципами»²⁰.

Для повышения политической роли в АТР у Японии есть мощный экономический и торговый базис. Она является крупнейшим торговым партнером стран АСЕАН в целом и по отдельности. Следует отметить особенность экономического проникновения в страны региона. Японские инвестиции направляются, прежде всего, на создание базы для завершения производства продукции, которая затем идет на японский рынок или рынок третьих стран, не составляя, таким образом, конкуренции местному бизнесу. Японская сторона не устает подчеркивать этот момент. Устраивает такое положение и страны АСЕАН, в том числе в плане решения проблемы занятости (хорошо известно, каковы там темпы роста населения).

Японии удавалось убеждать страны АТР, что цель ее внешнеэкономической деятельности в регионе — не подчинение их своему диктату, а решение здесь собственных экономических проблем. В сфере обороны и безопасности «правительства АСЕАН рассматривают Японию в целом как дружественную страну, усилия которой по самообороне способствуют региональной и глобальной стабильности»²¹. Руководство страны постоянно подчеркивало, что ее военная политика направлена на самооборону и не выходит за пределы военного сотрудничества с США, точнее говоря участия в их региональной военной политике. При этом обе стороны признавали безусловную значимость их военного присутствия в АТР.

Однако по мере постепенного уменьшения физического американского военного присутствия в Азии Японии как бы приходилось брать на себя некоторые прежние функции и обязательства Соединенных Штатов. Она с удовольствием выступала здесь в роли миротворца, стремясь изгладить из памяти азиатских народов тяжелые воспоминания периода Второй мировой войны. В 1993 г. бывший тогда премьер-министром М. Хосокава начал серию извинений перед народами региона за действия Японии в 1930–1940 гг., назвав их «агрессивной войной», что вызвало недвусмысленное недовольство консерваторов, которые считали, что вопрос давно закрыт. Однако учитывая опасения насчет возрастания оборонительной роли Японии в регионе по мере

²⁰ Асахи симбун. 09.05.1992.

²¹ Political and Security Cooperation: a New Dimension in ASEAN–Japan Relations? Tokyo, 1987, p. 6.

вывода американских войск из ЮВА, ее лидеры продолжали подчеркивать, что японская и американская политика преимущественно осуществляется в экономической форме, что не вызывало аллергии и внутри страны. Например, оказание помощи Турции, Пакистану, Египту, Ямайке было продиктовано исключительно интересами США. По мнению влиятельного политика З. Бжезинского, увеличение Японией экономической помощи третьим странам является ее важным вкладом в дело двустороннего политического сотрудничества с США.

Во внешнеэкономическом и внешнеполитическом курсе применительно к странам АСЕАН Япония в основном придерживалась принципа «отделения политики от экономики». В идеале он предусматривает отказ от сугубо политической мотивировки экономической политики и независимости мира бизнеса от мира политики: кабинета и парламента. Иными словами, торговать, если речь не идет о чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих национальной безопасности. В данном регионе этот принцип работал неплохо, но правительство забывало о нем, когда это было невыгодно, например в отношениях с Россией.

Япония, тщательно учитывая особенности каждого отдельного этапа развития совокупной ситуации в АТР, а также свои собственные реальные и потенциальные возможности, создала объективные условия зависимости от нее азиатских стран в области их экономического развития. Именно на этом и базируются ее позиции в Азии и реализуются национальные интересы. Подобная стратегия на глобальном уровне и в АТР осуществлялась при теснейшем взаимодействии государства и частного капитала, а основной формой завоевания рынков служили прямые инвестиции.

Основой регионального оборонительного сотрудничества Японии и АСЕАН при участии США был так называемый принцип обороны зоны в тысячу морских миль от берегов Токийского залива. При этом «присутствие сил США в Азиатско-Тихоокеанском регионе является общепризнанным стабилизирующим фактором не только в военном, но и в политическом отношении», — отмечалось в Белой книге по Японии²².

На основе этого общего положения была сформулирована так называемая доктрина Миядзава, которая предусматривала: 1) активное участие в создании нового порядка в сфере гарантий безопасности стабильного развития в АТР, 2) дальнейшее углубление открытости экономики АТР и содействие жизнеспособному эко-

²² White Papers of Japan. 1991–1992. Tokyo. 1993, p. 24.

номическому развитию региона, 3) совместную с региональными странами борьбу «за развитие демократии, достижения гармонии между экономическим развитием и сохранением окружающей среды, 4) сотрудничество с АСЕАН в деле построения мира и процветания Индокитая. Премьер образно сформулировал действия Японии и стран АСЕАН «совместно думать и совместно действовать» при создании многосторонней системы безопасности с неизменным участием США.

Очевидно, Япония намеревалась повысить свою политическую роль в АТР за счет углубления сотрудничества с АСЕАН, рамки которой постепенно расширялись (вступление в 1997 г. Мьянмы и Лаоса). Модернизация экономик этих стран наряду с Вьетнамом (их называют «больным человеком» АСЕАН) вряд ли была возможна без экономической помощи Японии. Укрепление связей между Японией и АСЕАН можно рассматривать как одно из важнейших достижений ее дипломатии. Но экономическая кризисная ситуация в Азии в конце 1990-х годов, когда и АСЕАН и АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, создано в 1989 г.) обнаружили свою несостоятельность и недееспособность, потребовала от Японии адекватной реакции. Пока она не смогла предложить азиатским странам пути оживления их экономики. Япония нуждалась в позитивной, экстравертной экономической и внешней политике.

Проявлением ее отчасти можно признать предложенную в 1997 г. так называемую евразийскую дипломатию Р. Хасимото, в которой были четко обозначены новые направления в дипломатии — японо-российское, японо-китайское и сотрудничество со странами Великого шелкового пути. Выступая в Обществе экономических единомышленников (Кэйдзай доюкай, крупнейшая организация предпринимателей), он подтвердил приверженность страны японо-американской системе безопасности, признал основополагающей целью дипломатии поддержание мира и процветания в Азии, создание здесь региональных структур и одновременно обозначил необходимость вырабатывать новые внешнеполитические подходы, которые и назвал «евразийской дипломатией». Немаловажное значение имело и превращение в том же году на саммите в Денвере «большой семерки» в «большую восьмерку».

Р. Хасимото отметил, что «в отношениях между США, КНР, Японией, Россией, которые оказывают важное влияние на мир и стабильность в АТР, японо-российские отношения оказались наиболее отставшими в развитии.... улучшение их является одной из приоритетных задач, которые должны решить правительства

обеих стран, находясь на пороге XXI века»²³. Японская сторона предложила три принципа развития двусторонних отношений: «доверие», «взаимные интересы», «долгосрочные перспективы».

Главным камнем преткновения в отношениях с Россией являлась нерешенная проблема территориального размежевания или, как ее называют японцы, проблема «северных территорий» (речь идет о передаче Россией четырех островов Южно-Курильской гряды – Кунашира, Итурупа, Шикотана, Хабомаи, которые Япония считает своей территорией, потерянной после поражения во Второй мировой войне) и заключение мирного договора. Безусловно, отсутствие мирного договора между Японией и Россией, дипломатические отношения между которыми с 1956 г. развивались с переменным успехом, но явно не худшим образом, явление ненормальное. Все это время договор не был заключен из-за того, что японская сторона жестко увязывала этот вопрос с решением «территориальной проблемы», а советская долгие годы просто не признавала существования такой проблемы.

Прорыв в территориальном вопросе японская сторона связывала с первым в истории двусторонних отношений визитом высшего советского должностного лица – президента СССР М. С. Горбачева в 1991 г. Япония рассчитывала на «подарок» с его стороны – решение о передаче хотя бы части требуемых территорий, т.е. односторонних уступок. Однако эти надежды не сбылись. После затяжных и трудных переговоров в Совместном заявлении стороны лишь упомянули Совместную декларацию 1956 г., выразив намерение в целях скорейшего заключения мирного договора «использовать весь позитив, который был накоплен в двусторонних переговорах в разные годы, начиная с 1956 г., когда Япония и СССР совместно декларировали прекращение состояния войны и восстановление дипломатических отношений между ними». Расплывчатый характер и разные толкования Заявления не давали четкого ответа на вопрос – согласна ли советская сторона признать договоренность 35-летней давности относительно передачи островов Шикотан и Хабомаи?

Первым шагом конструктивного подхода в японо-российских отношениях можно считать Токийскую декларацию 1993 г., подписание которой явилось результатом визита Б. Н. Ельцина в Японию. Этот документ реанимировал и выводил на новый качественный уровень двусторонние отношения по многим показателям. Стороны, «выразив общее понимание необходимости

²³ Выступление премьер-министра Японии Р. Хасимото в Обществе экономических единомышленников 24 июля 1997 г. Посольство Японии в России. 1997, с. 7.

преодоления в двусторонних отношениях тяжелого наследия прошлого, провели серьезные переговоры о принадлежности вышеупомянутых островов и согласились с тем, что следует продолжать переговоры с целью заключения мирного договора путем решения указанного вопроса, исходя из исторических и юридических фактов, а также на основе совместно выработанных документов, принципов законности и справедливости, и, таким образом, полностью нормализовать двусторонние отношения»²⁴.

До середины 1990-х годов японский истеблишмент был глубоко убежден в том, что в развитии двусторонних отношений заинтересована, прежде всего, Россия, которая ради «японских денег» (будь то инвестиции, технологии или гуманитарная помощь) может пойти на серьезные односторонние территориальные уступки. Но Япония, скорее всего, была не в состоянии дать российской экономике столько средств, сколько необходимо, чтобы они радикально или хотя бы заметно могли улучшить положение в стране, которое зависело от внутренних факторов. А при острой поляризации мнений внутри России в то время ни один лидер не мог бы согласиться на ту сумму, которую Япония реально могла бы предложить.

Р. Хасимото был первым из высшего японского руководства, кто сумел более реалистично оценить ситуацию и понять, что договор должен представлять взаимовыгодный обмен, а не одностороннюю уступку. В официальных документах (в частности, Белых и Голубых книгах) значительное внимание начало уделяться России, содержание их стало более конструктивным. Большую роль в двусторонних переговорах сыграла персональная дипломатия — «встречи без галстуков» Б. Н. Ельцина и Р. Хасимото в Красноярске (1997 г.) и Кавано (1998 г.). Однако, несмотря на договоренности приложить все усилия для заключения долгожданного договора до конца столетия, чтобы не «тащить» эту проблему в будущее, решить этот вопрос не удалось.

Продолжением достаточно продуктивных переговоров между лидерами двух стран явилась Московская декларация об установлении созидательного партнерства между Японией и Российской Федерацией (1998 г.). Дальнейшим продвижением к поставленной цели, т.е. к установлению отношений партнерства, можно считать официальный визит Президента России В. В. Путина в Японию в сентябре 2000 г. Углубленному, содержательному и результативному характеру переговоров В. В. Путина и бывшего тогда премьер-министра Мори Ёсиро способствовали их преды-

²⁴ Японо-российские отношения. Посольство Японии в России. 1998, с. 4.

душие неформальные встречи (апрель 2000 г., Санкт-Петербург и июль того же года, Окинава, во время саммита «восьмерки»). По сути дела, в Петербурге и на Окинаве впервые в истории российско-японского диалога стороны на высшем уровне зафиксировали единое понимание стратегической важности их взаимоотношений в современном мире. «Россия и Япония – крупные, влиятельные и ответственные державы – не находятся более в состоянии некоего соперничества или тем более конфронтации, а, наоборот, объединены общей заинтересованностью в сотрудничестве в интересах решения актуальных проблем мирового сообщества, а также в развитии двусторонних отношений и нахождении взаимоприемлемых развязок имеющихся в них проблем, что, по общему мнению сторон, является важным фактором укрепления стабильности в АТР и на международной арене в целом»²⁵.

Во время переговоров обсуждались проблемы стратегического сотрудничества в мировых делах, развития двусторонних торгово-экономических отношений, заключения мирного договора и по каждой из них был достигнут определенный прогресс. Что касается первой проблемы, то впервые обе страны подписали Совместное заявление о взаимодействии в международных делах. При этом были не только зафиксированы совпадающие или близко подходящие позиции, но и выражена поддержка в вопросах, представляющих взаимный интерес. Например, Япония признала важность интеграции России в ВТО и выразила готовность сотрудничать в деле продвижения вопроса об ее участии в переговорном механизме Азия–Европа (АСЕМ). Россия высказалась в поддержку кандидатуры Японии в постоянные члены СБ ООН, что являлось одной из важнейших стратегических целей ее дипломатии.

Итогом визита явилось и подписание Программы углубленного сотрудничества в торгово-экономической области между двумя странами, которая расширяла действующий до сих пор «План Ельцина–Хасимото» по следующим направлениям: 1) проявление инициативы по сотрудничеству в области инвестиций, 2) содействие интеграции российской экономики в международную экономическую систему, 3) расширение содействия реформам, 4) содействие программе по подготовке управленческих кадров для российских предприятий, 5) углубление диалога по вопросам энергетики, сотрудничество по использованию атомной энергии в мирных целях.

Результатом предметного и откровенного разговора на высшем уровне по проблеме мирного договора, включая и вопрос

²⁵ Галузин М. Размеренная поступь в отношениях с Японией // Международная жизнь. № 10, 2000, с.74.

территориального размежевания, явилось Заявление Президента России и премьер-министра Японии по этой проблеме. Стороны договорились продолжать переговоры с целью подготовки мирного договора путем решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан, Хабомаи, опираясь на все выше-рассмотренные договоренности. Исходя из своих специфических интересов в решении важных для нее двусторонних вопросов с Россией, Япония постаралась создать и на окинавском саммите «восьмерки» благоприятную для нашей страны атмосферу. Правительство Японии не раз подчеркивало на стадии подготовки к нему свое намерение, чтобы он был успешным для России и президента В. Путина, помог решить в рамках «восьмерки» актуальные для нее проблемы. Японская сторона неоднократно акцентировала внимание на геополитической стратегии России в качестве связующего звена между Европой и Азией, выражала желание взаимодействовать с ней в осуществлении «диалога цивилизаций» в контексте саммитов.

В последние годы, несомненно, возрастала роль китайского фактора не только в российско-японских отношениях, но и во всей внешней политике страны. Долгие годы Япония рассматривала КНР как безусловного противника СССР и противовес «советской угрозе». Но кардинальные перемены на Дальнем Востоке вкуче с мощным экономическим прогрессом Китая и ростом его военной мощи изменили баланс сил в регионе. Кроме того, Россия и Китай не только покончили с враждебными отношениями, но и заявили о переходе к стратегическому партнерству. В такой ситуации одним из ключевых компонентов японской внешней политики стал учет «китайского фактора»: поиски рычагов воздействия на Китай с тем, чтобы удерживать его от шагов, способных обострить ситуацию в Азии, и планировать свою политику с учетом его реакции на нее.

В настоящее время Китай наряду с США, Европой и Японией превратился в глобальный стратегический рынок, на котором транснациональные компании могут быстро получать прибыль. Для Японии Китай стал вторым по значению после США торговым партнером, а она занимает первое место среди его торговых партнеров. При этом постоянно возрастает активное сальдо торгового баланса в пользу Китая (в 1995 г. 14 млрд. долл.), что не имеет прецедента среди торговых партнеров Японии. Она ищет пути выхода из такой ситуации за счет расширения вывоза капитала при одновременном уменьшении товарного экспорта. Японскому капиталу всегда принадлежала существенная роль в экономическом развитии КНР, которая получала крупные кредиты,

причем большая часть их — правительственные (всего с 1979 г. страна получила 1,6 трлн. иен, а по четвертой программе — 1996–1998 гг. — предусматривалось 580 млрд. долл.)²⁶. Япония преследует не только чисто экономические цели (обеспечение гарантированного импорта китайского сырья и своего товарного экспорта), но и политические — способствовать поддержанию мира и стабильности в регионе и во всем мире.

Несмотря на все происходящие перемены в торгово-экономических отношениях между Японией и Китаем, растущее соперничество за влияние на экономики соседних государств, КНР пока сохраняет для Японии стереотип развивающейся страны (вывоз топливно-энергетических ресурсов, перенос туда не вполне современного производства, предоставление морально стареющих технологий). Но именно эти отношения являются стабилизирующим фактором во всем комплексе двусторонних отношений, где остается напряженность (тайваньская проблема, территориальный спор о принадлежности островов Сэнкаку, компенсация материального и морального ущерба, причиненного Японией во время войны 1937–1945 гг., ядерные испытания Китая).

Учитывая совокупную мощь «китайской экономической зоны» (КНР, Гонконг, Тайвань), а также возможность подключить потенциал китайской диаспоры в странах Восточной Азии (на начало 1990-х годов хуацяо принадлежало пять из шести ведущих компаний в Таиланде, три из шести в Малайзии, четыре из шести на Филиппинах), Япония понимает, что Китай может претендовать на лидирующие позиции в экономической жизни региона. Не случайно Р. Хасимото уделил особое внимание КНР в своей евразийской концепции. «Ввиду исторического опыта и положения обеих наших стран в современном мировом сообществе, неизменная стабильность и развитие в наших двух странах, направленные в XXI век, чрезвычайно важны не только для наших двусторонних отношений, но и для мира и процветания в АТР, а значит, и в целом во всем мире. Мы должны признать тот факт, что все это возлагает на наши два государства большую ответственность»²⁷.

Более того, стремясь как бы усилить «азиатское звучание» саммита «восьмерки» на Окинаве (2000 г.), сыграть роль посредника и подчеркнуть свое лидерство в Азии, Япония проявила инициативу пригласить на него Китай, Индию, Индонезию и Республику Корею для отдельной встречи за рамками официальной программы этого форума. Речь, конечно, шла прежде всего о Китае.

²⁶ Нихон кэйдзай симбун. 10.01.1995.

²⁷ Выступление премьер-министра Японии..., с.12.

Японское правительство вообще считало чрезвычайно важным поддерживать тесный контакт между «восьмеркой» и Китаем, и, в частности, направлять в Пекин своих представителей для обсуждения итогов происходящих саммитов. Однако этот зондаж вызывал негативную реакцию как со стороны партнеров по «восьмерке», так и в самом Китае. По мнению китайского руководства, формат «восьмерки» не отвечает современному многообразию международных отношений, а ее усилие может питать амбиции подменить собой СБ ООН. Но в принципе это вряд ли могло быть возможно, ибо у этих международных организаций разные цели и функции, которые могут осуществляться достаточно продуктивно, но разными способами. Вместе с тем к концу 1990-х годов стало абсолютно ясно, что правительства стран «восьмерки» не могли единолично решать экономические проблемы, поскольку теперь появились новые сильные игроки, влияющие на изменение структуры мировой экономики.

По-прежнему «осью японской внешней политики» остаются японо-американские отношения, несмотря на то, что в первой половине 1990-х годов двусторонние переговоры по вопросам внешней политики зашли в тупик. В феврале 1994 г. лидеры двух стран откровенно заявили о невозможности достижения на данном этапе соглашения или даже компромисса в данной области. Но это не означало, что в отношениях между Японией и США существуют неразрешимые проблемы, и в последующем напряженность была снята. Оба государства на сегодня связаны тесными узами как в области политики, так и безопасности, чрезвычайно взаимозависимы в сфере экономики. Более того, в последнее время усилилось совместное сотрудничество по решению глобальных проблем, и партнерство получило название «Общей повестки дня».

По итогам визита Б. Клинтона в Токио в 1996 г. была подписана Совместная японо-американская декларация безопасности, которая не только подтвердила важную роль двустороннего военного союза для безопасности самой Японии, но и подчеркнула роль стратегического партнерства Японии и США для мира и безопасности в АТР. Более того, этим документом были заложены основы для будущего, совершенно нового по своему наполнению, двустороннего сотрудничества в сфере безопасности. В соответствии с ним в сентябре 1997 г. были опубликованы Основные направления военного партнерства и сотрудничества США и Японии, которые заменили аналогичный документ 1978 г. Признавая все прежние договоренности, главной целью сотрудничества было обозначено обеспечение результативной и быстрой координации действий сторон в случае возникновения критической ситуации.

Япония проявила готовность предоставлять материально-техническое обеспечение для коллективных усилий в области обороны за пределами ее границ. Ранее это ограничивалось только ее собственной территорией. Безусловно, снятие некоторых ограничений на действия «сил самообороны» вне ее территории, как уже отмечалось, позволило бы ей играть равноправную роль в японо-американском военном союзе. В условиях расползания ядерного оружия страна вряд ли пойдет на ядерное вооружение, но она начала проявлять заинтересованность в Проекте противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД). Бурные дебаты по этой проблеме были интенсифицированы ядерными испытаниями в Индии и Пакистане, испытаниями ракет КНДР, когда одна из них пролетела через архипелаг.

В 1990-е годы четко обозначились новые тенденции в отношениях Японии со странами Западной Европы. Во многом этому способствовал отказ последних от малоэффективной тактики нажима и угроз в адрес своего партнера и переход к прагматичной и гибкой политике. Подобная политика была зафиксирована в Совместной декларации об отношениях между Европейским сообществом и входящими в него странами и Японией, подписанной в Гааге в 1991 г. Этот документ базировался на трех принципах — сотрудничестве, здоровая конкуренция и диалог.

В соответствии с первым принципом — сотрудничество — были определены сферы взаимодействия в мировой политике и экономике; вторым — конкуренция — стороны обязывались на равноправной основе предоставлять друг другу свои рынки и устранять структурные и другие преграды на пути расширения торговли и инвестиций на основе «сопоставимых возможностей»; третьим — диалог — создавался трехуровневый механизм проведения консультаций. Этот механизм предусматривал ежегодные встречи между премьер-министром Японии и представителями Совета Европы и Комиссии европейских сообществ (КЕС), ежегодные совещания на уровне министров и проводимые дважды в год встречи министра иностранных дел Японии с так называемой «внешнеполитической тройкой ЕС», в которую входили два министра от стран Сообщества и член КЕС, отвечающий за внешнеполитические связи.

Подобный механизм помогал регулировать отношения Японии со странами Западной Европы. В марте 1995 г. КЕС приняла документ, в котором была подтверждена приверженность развитию диалога в политической сфере и отношений сотрудничества в экономике и других областях. Немаловажное значение придавалось сотрудничеству в области обеспечения безопасности. В 1992 г.

Япония впервые была приглашена на совещание руководителей государств – членов Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в Хельсинки. С этого времени, не будучи членом ОБСЕ, страна получила право участвовать в важнейших форумах этой международной организации, а также вносить положительный вклад в проведение различных экономических форумов под ее эгидой.

После получения в 1996 г. статуса наблюдателя при Совете Европы Япония начала вести регулярный диалог и постепенно насыщать его политической проблематикой. Первоначально сотрудничество сводилось лишь к совместному участию в программе КЕДО по строительству атомной электростанции в КНДР и координации действий по предоставлению помощи африканским государствам. На саммите «Япония – ЕС» в 2000 г. речь шла уже о партнерстве в деле укрепления мира и безопасности, включая такие азиатские проблемы, как урегулирование на Корейском полуострове, в Восточном Тиморе и оказание помощи Индонезии. Кроме того, обсуждались позиции по актуальной международной проблематике – положение на Балканах, проблема контроля над распространением легкого стрелкового оружия, ближневосточное урегулирование и пр.

На 8-й министерской конференции ОБСЕ (ноябрь 2000 г., Вена) Япония признала важной стратегической задачей в отношениях с объединенной Европой осуществление «перекрестной поддержки» в вопросах урегулирования конфликтов на европейском и азиатском «полях», а также совместную защиту политических интересов при возникновении каких-либо региональных конфликтов. Становление японо-европейского политического взаимодействия в решении актуальных международных проблем резко ускорилося в контексте балканского кризиса. Япония – щедрый донор в восстановлении в Боснии и Косово. Безусловно, двусторонние отношения также играют немаловажную роль. Особенно показательны плодотворные связи Японии с Великобританией и Францией.

В последние годы века Япония активизировала связи и с НАТО. В двусторонних контактах с альянсом японская сторона придерживалась тезиса о неделимости проблемы безопасности в Европе и Азии. Признавая исчезновение «советской угрозы», Токио по-прежнему выступал за сохранение военных союзов ввиду незавершенности конфронтационных процессов. При этом Япония достаточно сдержанно относилась к расширению НАТО на восток, полагая, что это приведет к конфронтации с Россией, ускорит ее сближение с Китаем и отрицательно скажется на становлении системы много-

образного мира, с укреплением которой она связывала свои надежды на рост самостоятельности в международных делах.

Задачи союзов в новых условиях, по мнению японской стороны — противодействовать потенциальным вызовам или возникновению чрезвычайных ситуаций, а потому НАТО и японо-американский союз признавались ключевыми инструментами обеспечения, в частности региональной безопасности. В то время как многосторонние форумы (ОБСЕ, АРФ) важны лишь как «дополнительные» механизмы, Япония выступала за целесообразность координации действий НАТО и США. Однако ее не устраивала перспектива глобального доминирования одной державы или замкнутой военной группировки и она не приветствовала любые попытки присвоения права проведения военных акций без мандата СБ ООН.

В последние годы века Япония не только укрепила торгово-экономические связи со странами ЕС (экспортировала в Европу около 15% своих товаров, а доля европейских стран в японском импорте была близка к 14%), но и расширила политический диалог, но он пока значительно уступал уровню ее отношений с США и странами Азии. По мнению лидеров страны, одним из наиболее эффективных форумов для углубления «многоуровневого партнерства» с объединенной Европой являлся механизм встреч «Азия—Европа» (АСЕМ), запущенный на учредительном саммите в Бангкоке в марте 1996 г.

Европейские страны проявляли «более мягкий и конструктивный» взгляд на проблемы оздоровления японской экономики, чем США. Руководство Еврокомиссии выражало надежду на сохранение лидирующей роли Токио в процессе восстановления экономик азиатских стран. В ответ Япония дала понять, что заинтересована в развитии сотрудничества с ЕС с учетом конъюнктуры в мировой экономике. Между партнерами была достигнута принципиальная договоренность о заключении соглашения о взаимном признании экспортных стандартов, создан двусторонний механизм консультаций накануне переговоров в ВТО по вопросам либерализации торговли. Позиции сторон во многом совпадали и в рамках ведущейся в этой организации дискуссии, где европейцы и японцы фактически вступили в полемику с американцами по проблемам охраны окружающей среды, продовольственной безопасности и защиты здоровья людей. Япония и объединенная Европа стремились к расширению экономического сотрудничества и по проблемам официальной помощи развитию, глобализации и сохранению культурного многообразия.

Участие Японии в саммитах «восьмерки» имело для нее особый смысл, поскольку это — единственный форум, где она, как

одна из ведущих промышленно развитых держав, могла оказывать влияние на мировые дела, представлять интересы стран АТР и тем самым укреплять свои позиции в качестве азиатского лидера. Токио активно пытался использовать формат «восьмерки» для продвижения своих внешнеполитических доктрин. В частности, в Денвере (1997 г.) он выступил с предложением о посредничестве в урегулировании кампучийского кризиса, о противодействии международному терроризму, по борьбе с инфекционными заболеваниями, содействию развитию африканских стран, а в Бирмингеме (1998 г.) поддержал решения по проблемам борьбы с международной преступностью, занятости, экологии.

Япония полагала чрезвычайно важным сочетать шаги по линии «восьмерки» с действиями СБ ООН, но признавала важность сохранения главенствующей роли этого механизма в поддержании международного мира и равенства всех принципов международного права. Страна старалась привести свой формальный статус в рамках ООН в соответствие с фактическим положением вещей. Однако она не добилась места постоянного члена СБ, хотя восемь раз избиралась временным членом, что является своеобразным рекордом. Японские лидеры справедливо замечают, что их страна, вторая экономическая держава мира, занимает не менее важное положение, чем Россия и Китай, и, несомненно, более важное, чем Великобритания и Франция, несмотря на наличие у двух последних ядерного оружия. Как большая победа была расценена в Японии отмена в 1995 г. статей Устава ООН, которые служили формальным препятствием на пути ее вхождения (как и Германии) в СБ в качестве постоянного члена — если, конечно, Генеральная Ассамблея все-таки решит увеличить число таковых.

С начала 1990-х годов Япония все более активно поднимала вопрос о так называемом равном представительстве в СБ, ссылаясь на то, что число стран — членов ООН возросло со времени основания с 51 до 185 (1998 г.), а число постоянных членов СБ осталось неизменным при некотором увеличении числа непостоянных — с 11 до 15. В июле 1993 г. Япония представила в ООН свои «соображения» относительно реформы СБ. При этом лидеры страны заявили, что Япония «сожалеет» по поводу своих прежних акций (имелось в виду ее позиция во время войны в Персидском заливе) и готова впредь вносить максимальный вклад в деятельность ООН, причем не только деньгами, но и людскими ресурсами.

Успех реформы ООН Япония увязывала, прежде всего, с увеличением постоянных членов СБ при обязательном своем участии, равно как и Германии. Кроме того, она считала необходимым

участие на постоянной основе по одному представителю от Азии, Африки и Латинской Америки (это могли быть Индия, Бразилия) по принципу ротации. Число непостоянных членов предусматривалось увеличить на четыре места на основе соблюдения баланса интересов регионов, одно из которых должно принадлежать странам Восточной Европы. Япония категорически отвергала идею расширения СБ только за счет непостоянных членов, считая, что подобное решение не отвечает интересам усиления эффективности деятельности этого органа. По проблеме права вето японская сторона проявляла большую сдержанность, будучи не склонной форсировать рассмотрение этого чувствительного вопроса, и откладывала его решение на будущее.

Свое требование на получение места постоянного представителя в СБ Япония обосновывала, в частности, размером финансового вклада в бюджет ООН. Он составлял более 20%. Являясь вторым по значению финансовым спонсором ООН, Япония вносила больше, чем Великобритания, Франция и КНР, вместе взятые, а доля Германии превышала долю каждого из упомянутых постоянных членов СБ в отдельности. Подчеркивая необходимость повышения роли и эффективности этой международной организации в деле формирования нового мирового порядка в XXI веке, лидеры страны активно выступали за неотложное проведение административной и финансовой реформы ООН. Предусматривался, прежде всего, пересмотр системы определения суммы средств, вносимых в бюджет ООН, на основе соответствия взноса и ВВП каждой страны.

На протяжении последних десятилетий дипломатический курс Японии полностью был ориентирован на приверженность принципам, провозглашенным ООН. Во многом благодаря этому страна неоднократно добивалась широкой поддержки на выборах непостоянным членом Совета безопасности, Экономического и социального совета (ЭКОСОС) и других ооновских структур, а также встретила понимание многих стран ее стремления занять место постоянного представителя СБ ООН. Однако, несмотря на попытки проведения более гибкого и независимого курса в ООН, Япония во многом зависела от отношений с США и зачастую вынуждена была, вопреки своей воле, следовать в фарватере американского лидера. Эта зависимость во многом сковывала действия и внешнеполитическую активность Японии и являлась одним из препятствий в приобретении желанного статуса «великой державы».

Японское руководство, оценивая 1990-е годы как репетицию XXI века и исходя из того, что его ключевыми понятиями станут глобализация, региональная интеграция и национализм (который

лияется реакцией на два первых процесса), следующим образом определила цели своей внешней политики. Во-первых, в новом столетии неизменными останутся японо-американские отношения и по-прежнему будет отдаваться предпочтение двусторонним мероприятиям в области обороны, которые рассматриваются как основное средство сдерживания разного рода вызовов. Во-вторых, признавая взаимосвязь Китая с внешним миром средством обеспечения стабильности в Азии, Япония будет углублять взаимозависимые отношения с этой страной. В-третьих, учитывая большой потенциал российско-японских отношений и схожесть точек зрения и анализа многих проблем, отмечается возможность на этой основе отдавать приоритет проблемам, представляющим взаимный интерес. В-четвертых, признавая отсутствие дипломатических отношений с КНДР реликтом «холодной войны», налаживанием их Япония хочет закрыть все послевоенные проблемы. В-пятых, базовой основой дипломатии остается усиление и расширение партнерства со всеми странами и регионами, включая такие отдаленные, как Африка, а также признание помощи зарубежным странам стратегией обеспечения безопасности Японии. Таким образом, четко прослеживается курс на диверсификацию и глобализацию дипломатии Токио.

Внутриполитическая жизнь на рубеже веков

Во второй половине 1990-х годов наиболее заметные подвижки происходили в лагере оппозиции. Пестрый состав Партии новых рубежей, борьба в ее рядах трех бывших премьер-министров (Хосокава, Хата, Кайфу) между собой и против не менее амбициозного И.Одзава, тяготение многих членов к альма-матер – ЛДП предопределили ее недолговечное существование. Хата, которого Одзава быстро сместил с поста председателя, уже в декабре 1996 г. создал Партию солнца, которая, по его замыслу, могла бы стать катализатором сплочения консервативной оппозиции. ЛДП, со своей стороны, была готова «держатъ двери открытыми» для членов ПНР, поскольку все они в недавнем прошлом были и, по сути, оставались либерал-демократами.

Приняв решение о роспуске Партии новых рубежей в начале 1997 г., Одзава, чтобы отсечь все противостоявшие ему группировки и создать новую монолитную партию, повторил классическую ленинскую тактику – чтобы объединиться, надо сначала размежеваться. Он полагал, что появится два-три достаточно

крупных объединения, но никак не ожидал, что партия расколется на шесть мелких. Самым крупным из них оказалась Либеральная партия самого Одзава.

ДПЯ сумела воспользоваться расколом ПНР и вместе с несколькими новыми партиями в апреле 1998 г. создала так называемую новую, или обновленную, Демократическую партию Японии. Она стала самой большой оппозиционной силой в стране. В ДПЯ одним из сложнейших вопросов всегда было определение ее характера. Все участники были согласны, что это – демократическая центристская партия, но одни хотели видеть ее партией «левоцентристской ориентации», другие – «консервативно-центристской». Пока политика ДПЯ представляла «сборную солянку» взглядов лидеров вошедших в нее объединений. Двери ее были открыты для всех политических сил, придерживавшихся среднего пути и выступавших против ЛДП. Но опять же одни считали, что самое важное на том этапе – коалиция с разнообразными силами, другие же выступали за всемерное укрепление структуры партии, чтобы превратить ее во вторую главную партию в будущей двухпартийной системе.

Ратуя за оппозиционное положение своей партии, один из ее лидеров Ю. Хатояма при этом выступал инициатором создания межпартийной исследовательской группы для гальванизации консервативных сил, способных противостоять ЛДП. Одновременно ДПЯ проявляла повышенный интерес к возродившейся в октябре 1998 г. Новой Комэйто. Другими словами, начинался процесс собирания всех оппозиционных ЛДП сил.

По мнению Ю.Хатоямы, значительная популярность ДПЯ – свидетельство не ее широкой поддержки населением, а временного ослабления позиций ЛДП из-за политических просчетов. Во время выборов в палату советников парламента в июле 1998 г. по общенациональному округу, где существовало пропорциональное правительство, ДПЯ поддержал в основном так называемый плавающий электорат, т.е. тех, кто не поддерживал определенную партию²⁸. Население в целом доверяло правящей партии больше, чем другим, связывая только с ней успехи в стране и стабильность в обществе и понимая, что пока оппозиция не является серьезным конкурентом ЛДП. Своим протестным голосованием электорат побуждал либерал-демократов серьезно заняться решением внутриполитических и внутрипартийных проблем.

Деятельность кабинета Р. Хасимото отличалась высокой активностью, особенно в сфере экономики, где, к сожалению, ре-

²⁸ Ёмиури симбун. 13.07.1998.

результаты оказались невелики, и внешней политики. Премьер выступил инициатором проведения глубоких системных преобразований, провозгласив курс «шести больших реформ»: административной, бюджетной, финансовой, экономической структуры, системы социального обеспечения, образования. Программа административной реформы, на проведении которой было сосредоточено внимание и последующих кабинетов, предусматривала разностороннее дерегулирование, определенную децентрализацию, реорганизацию центральных правительственных органов и совершенствование методов их деятельности, продолжение приватизации и упорядочивание государственных предприятий. Полное ее завершение предусматривалось в 2001 г.

Основное внимание уделялось повышению роли закона в административной деятельности (и, соответственно, отказ от практики «административного руководства») и отделению процесса выработки политики от ее практического осуществления. К 2010 г. предполагалось сократить государственный аппарат на 25%. Этот план не вызывал особых разногласий у всех игроков на политической арене. Одной из главных целей реформы являлось расширение функций премьер-министра в сфере проявления законодательной инициативы, что должно было снизить значимость бюрократии в формировании политики и повысить роль политиков. Еще одна важная особенность административной реформы — использование в государственном аппарате методов и стиля работы частного сектора, а также привлечение предпринимателей в качестве советников по вопросам экономики и финансов²⁹.

Одновременно кабинет Хасимото решал проблемы, связанные с угрожающим ростом дефицита государственного бюджета, пытался создать условия для выхода экономики из состояния длительного застоя, восстановить расстроенную банковскую систему. Однако одновременный прорыв в глубоком структурном реформировании и в решении насущных экономических задач оказался невыполним. По оценке японской прессы, «в основном, в экономической политике, правительство Хасимото потерпело «тотальное поражение», его обвиняли, и достаточно обоснованно, в практике «бросаемых на полпути политических решений». Другими словами, весьма энергичная по своему характеру деятельность правительства на деле обернулась крупным провалом в области экономики, что сказалось на результатах очередных выборов в палату советников парламента в июле 1998 г.

²⁹ Подробнее см.: Молодякова Э. В. Устойчивые и подвижные элементы в бюрократической системе Японии // Япония 2000: консерватизм и традиционализм. М., 2000, с. 60–78.

ЛДП понесла тяжелый урон, сократив свое представительство в этой палате, которое и раньше не обеспечивало ей желаемое большинство. До простого большинства не хватало 24 мандатов. Согласно политической традиции, премьер-министр Хасимото взял на себя ответственность за поражение партии и ушел в отставку. Его преемником на этом посту 30 июля 1998 г. стал К. Обути. Доработав срок своего предшественника, он вновь был избран председателем партии 21 сентября 1999 г. и реорганизовал кабинет. При избрании его премьер-министром ему пришлось столкнуться с тем, что в палате советников победу одержал один из лидеров ДПЯ Кан Наото, а палата представителей оказала поддержку ему. Это был второй случай в истории парламента, когда палаты поддерживали разных претендентов (вспомним, что в 1989 г. в верхней палате большинство голосов было отдано Т. Дои против Т. Кайфу).

Обути Кэйдзо родился в 1937 г. в преф. Гумма. После окончания университета Васэда предпринял девятимесячную поездку по 38 странам, зарабатывая себе на жизнь. Находясь в США, встретился с министром юстиции Р. Кеннеди. В 1963 г. в возрасте 26 лет стал самым молодым членом нижней палаты парламента. С тех пор неоднократно избирался от своей префектуры, занимал различные посты в парламенте и в правительстве, в сентябре 1997 г. стал министром иностранных дел в кабинете Хасимото.

К. Обути считался осторожным и умеренным политиком, но, по мнению многих обозревателей, ему не хватало решимости и он не обладал характером лидера. Это не вполне справедливо. Обути был закаленным бойцом. На протяжении всей политической карьеры ему приходилось вести избирательную кампанию в третьем избирательном округе преф. Гумма наряду с такими политическими тяжеловесами, как бывшие премьеры Т. Фукуда и Я. Накасонэ. При старой избирательной системе многомандатных округов он всегда занимал последнее место в своем округе, т.е. приходилось играть роль второй скрипки. Возможно, поэтому Обути с определенным вызовом уподоблял себя небольшой харчевне — *рамэн* среди больших ресторанов. На выборах в палату представителей парламента в 1996 г. ему пришлось выставить свою кандидатуру по партийному списку. Несмотря на то что он был председателем отделения ЛДП в преф. Гумма, Я. Накасонэ в союзе с сыном Т. Фукуда не допустили его избрания в одномандатном округе. Но Обути все-таки стал председателем партии и премьер-министром. Правда, государственный секретарь США М. Олбрайт позволила себе неуважительно отозваться о новом японском премьер-министре, заявив, что невелика радость иметь дело с холодной пиццей. На

это он заметил, что пиццу можно разогреть в микроволновке. Оби-ти было отпущено недолго исполнять свои обязанности. 1 апреля 2000 г. он был госпитализирован в тяжелом состоянии. Ему поставили нередкий в Японии для трудоголиков диагноз «заработался до смерти» (*кароси*) и вскоре он скончался. 5 апреля 2000 г. новым председателем ЛДП и премьером стал влиятельный политик Мори Ёсиро. Он родился в 1937 г. в преф. Исикава, закончил университет Васэда, в политике — с 1969 г. Неоднократно избирался в парламент от своей префектуры, занимал различные посты в правительстве и либерально-демократической партии.

В это же время усиливалась фрагментарность внутри правящей партии. Прежде всего, часть влиятельных политиков ЛДП была непротив достижения согласия с бывшими диссидентами, т.е. выступала за создание консервативно-консервативного блока. Другие через межфракционные объединения создавали свои фракции. Возможно, такие подвижки в структуре партии явились результатом поисков путей ее реорганизации после серьезного поражения на выборах в палату советников летом 1998 г.

Анализ межфракционной структуры ЛДП и заявления наиболее влиятельных ее лидеров дают возможность говорить о том, что центристские силы в партии в то время превалировали над центробежными. Межфракционный баланс по-прежнему играл главную роль при выдвижении и избрании председателя партии и, соответственно, премьера. Однако зависимость личных действий партийных лидеров от фракционной принадлежности заметно уменьшалась. В этих условиях была возможна известная многовариантность внутрипартийного регулирования, включая ротацию руководства партии. Но ЛДП все еще крупнейшая партия в стране, являющаяся ядром всей политической жизни. Согласно опросу общественного мнения, проведенного газетой «Асахи» летом 1998 г., накануне выборов в палату советников парламента 31% реципиентов поддержал ЛДП, 5% — ДПЯ, остальные партии получили значительно меньше³⁰. Кроме того, ЛДП встала на путь создания коалиций, в которых даже больше, чем она сама, были заинтересованы ее партнеры.

Начиная с 1999 г. либерал-демократы не без серьезных тренировок формировали коалиционные правительства сначала с Либеральной партией Одзава, затем к ним присоединилась Новая Комэйто. Позже в коалицию вместе с Новой Комэйто вошла Консервативная партия. Эта партия появилась в апреле 2000 г. в результате раскола Либеральной партии, покинувшей прави-

³⁰ Асахи симбун. 20.05.1998.

тельствующую коалицию. Безусловно, в этих коалициях ведущие позиции сохранялись за ЛДП.

Появление ДПЯ означало, что основным соперником ЛДП становится не оппозиционная консервативная партия, будь то Либеральная или Консервативная, а центристская, располагающая определенными шансами стать достойным соперником правящей партии. У обеих партий – ЛДП и ДПЯ – есть поле для маневра – сотрудничество с Новой Комэйто – второй по численности оппозиционной партией. Эта партия оговаривает свой независимый статус и старается не акцентировать внимание на партнерстве с либерал-демократами. Как показал анализ распределения голосов на выборах 2000 г., так называемые плавающие голоса ушли не к Демократической партии Японии, на которые, казалось, она могла рассчитывать, а к Либеральной партии и отчасти к СДПЯ, от бывшего влияния которой практически не осталось следа, а ранее упоминавшаяся Сакигакэ вообще сошла с политической арены.

Коммунистическая партия Японии (которая, как уже говорилось, находится в полной изоляции на политической арене, где, однако, она прочно занимает свою нишу, обладая хорошо отобранной и голосующим за нее электоратом) предпринимает весьма серьезные попытки по смягчению своего имиджа в глазах избирателей и заявляет о готовности «без колебаний вести совместную борьбу и чистосердечно взаимодействовать с другими оппозиционными партиями по вопросам, представляющим совместный интерес»³¹. Однако, понимая всю сложность выхода из изоляции и не имея альтернативы, руководство ДПЯ по-прежнему продолжает обвинять другие оппозиционные партии в том, что они все еще действуют в политическом формате, где доминирует ЛДП, и не могут создать фундамент, на котором можно развернуть борьбу с этой партией.

В настоящее время в Японии сложилась и эффективно действует политическая система, основанная на демократических выборах, четком разделении ветвей власти, что обеспечивает поступательное развитие страны на базе рыночной экономики при сохранении достаточно серьезных элементов государственного регулирования.

Именно в условиях японского типа демократии смогла почти на сорок лет утвердиться власть одной партии – Либерально-демократической. Преодолев потерю в 1993 г. этой власти (притом что она находилась в руках тех же либерал-демократов, недавно покинувших ее ряды), она вновь единолично овладела ею в 1996 г. Но

³¹ The Daily Yomiuri. 20.09.2000.

это не было возвратом к прежнему положению вещей. Теперь ЛДП старается действовать в коалиции с той или иной оппозиционной партией для создания законодательной базы в целях проведения глубоких системных преобразований. Поэтому вполне правомерно связывать бурные события 1990-х годов с кризисом внутри политической элиты, который назревал со второй половины 1970-х.

Движение Японии по пути совершенствования демократических институтов государственного управления, осуществления экономических реформ в целом предопределяет стабильность и предсказуемость общего направления развития страны на достаточно долгую перспективу. Однако в самое последнее время внутриполитическая ситуация характеризуется некоторой неустойчивостью, что определяется недовольством части населения вялым экономическим ростом, продолжающимися коррупционными скандалами, альянсом ЛДП с Новой Комэйто, за которой стоит неоднозначно воспринимаемая в обществе буддийская организация «Сока гаккай», а также выступлением молодых членов правящей партии против засилья стариков.

На этом фоне правительство предприняло первые серьезные шаги по реорганизации органов государственной власти, создав вместо 22 министерств и управлений 12. Подобным шагом власть стремилась подправить чрезвычайно низкий рейтинг бывшего в то время премьер-министром Ё. Мори и «сцементировать» расширяемую внутренними противоречиями правящую партию. Главное, что волновало либерал-демократов — это предстоявшие 19 июля 2001 г. выборы в палату советников парламента. Неоднозначно воспринимаемая в обществе фигура Ё. Мори, которому дважды за короткий промежуток времени угрожал вотум недоверия, вполне могла дать негативные результаты на выборах. На внеочередном съезде ЛДП в конце апреля 2001 г. был избран новый председатель партии Д. Коидзуми, который 26 апреля стал, соответственно, премьер-министром.

Подводя итог беспокойным 1990-м годам, когда все-таки состоялась широкая политическая реформа, включая избирательную, административную, четко обозначился курс на реформы в других вышеобозначенных сферах. Можно сказать, что правящая элита сумела преодолеть многие кризисные явления и, взяв курс на создание правительственных коалиций, обеспечивает жизнедеятельность общества. В стране сложилась ситуация, в которой ЛДП практически не грозит потеря власти. Поэтому прагматики из оппозиционного лагеря предлагают добиваться такой расстановки сил в парламенте, при которой даже при наличии коалиции ЛДП–Новая Комэйто–Консервативная партия у либерал-демок-

ратов не было бы там большинства. Но пока у оппозиции нет для этого никаких реальных шансов.

Укрепление позиций в мировом культурном пространстве

В последней четверти XX века практически во всех сферах японской культуры появились культовые, знаковые фигуры – писатели, режиссеры, дирижеры, архитекторы, художники, кутюрье, ставшие в один ряд со своими западными коллегами и пользующиеся мировым признанием. Достаточно упомянуть такие имена, как Тангэ Кэндзо, соединившего в своих работах, представленных на всех континентах, восточную архитектуру с образом и ритмом современной западной жизни, или Одзава Сэйдзи, который как приглашенный дирижер руководил всемирно известными симфоническими коллективами в Европе и США, или известных всему миру кутюрье Ямамото Ёдзи и Миякэ Иссэй, или режиссера-авангардиста Судзуки Тадаси, который ставит русскую и английскую классику за границей, или кинорежиссера Китано Такэси. Причем многих из них на Западе воспринимают уже не как представителей национальной культуры, а как носителей мировой. Другими словами, японская культура стала органичной частью культуры мира, а ее деятели – мировым достоянием.

Большим событием культурной жизни страны стало присуждение в 1994 г. Нобелевской премии по литературе Оэ Кэндзабуро. Это было европейское признание новой литературы страны, что нашло отражение в полемической по своему характеру Нобелевской речи писателя. Оэ полемизировал с другим нобелевским лауреатом – Кавабата Ясунари, который в своей речи назвал себя «писателем прекрасной Японии». Оэ же свою речь назвал «Я писатель амбивалентной Японии» (*Аймайна Нихон-но ватакуси ва*), слово *аймайна* переводится как «неясный», «неопределенный», «двусмысленный», английский вариант этого слова сам Оэ определил как *ambiguous*). Учитывая прошлое Японии и оценивая действительность, он заявляет: «Я как человек, выросший в “этой” действительности и живущий, храня в душе горькую память “этого” прошлого, не могу сказать в унисон с Ясунари Кавабата, что “я писатель прекрасной Японии”»³². Кавабата в своей речи подчеркивал отличие японского искусства от западного. Оэ же считает, что его творчество вполне соотносится с эстетически-

³² Цит. по: Япония. Ежегодник 1997/1998. М., 1998, с.152.

ми концепциями западной литературы. Его кредо — всечеловеческая основа идей европейского гуманизма.

По мнению писателя, главная задача современной литературы — гуманизация жизни на земле. Он считает, что традиционное искусство его страны далеко от реальности современной действительности, и свой гражданский долг видит в том, чтобы мир узнал о японской цивилизации не только по ее передовой технологии, но и по уровню развития философии и искусства. И «мир природы» для него не только объект созерцания и благоговения, но и объект, который надо активно защищать от натиска «железного века». Иными словами, он вкладывает в традиционное понимание природы гуманистический смысл. По оценке литературоведа Кима Рёхо, синтетическое творчество Оэ имеет два источника: национальную жизнь и культуру европейского гуманизма. Недаром и сам Оэ в Нобелевской речи говорил, что пользуется художественной системой, позволяющей идти к универсализму и одновременно оставаться корнями в родной почве.

В 1990-е годы начался бум исторической литературы, посвященной как далекому, так и сравнительно недавнему прошлому. Например, Куроива Дзюго посвятил два своих романа, вышедших в середине 1990-х, персонажам древней истории страны — императрице Химико (III в.) и принцу Сётоку (VI–VII вв.). Критика отмечала художественные достоинства и историческую достоверность его произведений. Роман Ёсимура Акира «Восстание Тэнгу» повествует о событиях, связанных с антисёгунским выступлением в 1864 г. За роман «Жизнь Какидзаки Хакё» (1990), посвященный художнику, поэту и политическому деятелю конца Токугавского периода (1603–1868), автор Накамура Синъити получил премию газеты «Ёмиури». В нем затронуты проблемы историко-культурного развития страны на рубеже XVIII–XIX вв. В 1994 г. Агава Хироюки был удостоен премии газеты «Майнинги» и писателя Номы Хироси за написание биографии Сига Наоя — одного из самых ценимых в стране писателей.

Одним из ведущих жанров на пороге нового века стал условно-философский роман. Об этом, в частности, свидетельствует огромная популярность не только в Японии, но даже в большей степени за границей писателя Мураками Харуки. Приверженец «подлинной» литературы Оэ критиковал его за «несерьезность» и «отсутствие ярко выраженной тематики», а отечественный переводчик японской литературы профессор В. Гривнин назвал халтурщиком и конъюнктурщиком, а не писателем³³. Тем не менее

³³ Газета. 31.01.2005.

это культовый японский писатель, чьи произведения в странах Запада, в том числе и в России, лежат на полках рядом с Набоковым или Маркесом. По авторитетному мнению специалиста по американской и английской литературе профессора Сибата Мотоюки, современные молодые американские писатели считают Мураками одним из наиболее интересных авторов, а группа молодых писателей Республики Корея стала называть себя «поколением Мураками». Интерес к работам этого автора во всем мире позволил профессору университета Мэйдзи Гакуин Ёмота Инухико говорить о «буме Мураками», что было, по его мнению, абсолютно нетипично для японской литературы³⁴.

Весьма показательно, что, как и Мураками, некоторые деятели культуры зачастую пользуются большей известностью и популярностью за границей, чем у себя в стране, и только со временем их признают и дома. Так было, в частности, с А.Куросава. Это происходит, видимо, потому, что они выходят за рамки своей страны, включаясь в общемировой культурный процесс, но безусловно сохраняя при этом национальную специфику. В Японии Мураками считают автором американского стиля, на Западе и в России – ищут в его произведениях японский колорит, восточную эстетику.

Мураками – представитель постмодернизма, поклонник американской культуры и литературы, в частности детективной. В его произведениях (романах, эссе, повестях, рассказах) как бы стирается грань между «высокой» (классической) и «низкой» (массовой) литературой. Его работы не раз отмечались премиями, в том числе имени Нома Хироси. Огромную популярность принес ему роман «Норвежский лес» (1987), посвященный поискам молодежью своего места в жизни в условиях быстро меняющегося мира 1960-х годов. В 1995 г. вышел в свет роман «Подземка» – о трагедии в токийском метро. В 1997 г. появилось монументальное произведение в трех томах «Хроники птицы-предвестницы». В нем соединились воедино несколько жанров: роман-триллер, роман-сказка с колдовством и загадками, антивоенный роман и, наконец, романтический роман. А птица-предвестница переносясь во времени и пространстве, становится хроникером событий: она присутствует и во время войны и во дворе дома героя в современной Японии.

В своем творчестве Мураками сочетает элементы научной фантастики и детектива, мистории и антиутопии. По свидетельству самого писателя, он – «ужасный реалист. Но когда я пишу – я пишу мистику». Книги Мураками наполнены знаками и символами современной цивилизации: мелькают названия пластинок,

³⁴ Japanese Book News, № 44, Summer, 2005, p. 2.

различных рок-групп и брендов бытовых товаров, имен кинорежиссеров, джазовых исполнителей. Мир его героев достаточно пассивен и ограничен. Они болтают о кинофильмах и сновидениях, жонглируют цитатами, но не действуют. У них есть деньги, есть время, но они не знают, чего хотят.

В одном из интервью писатель говорил, что его герои – очень одинокие люди, не знающие, для чего живут, каковы у них цели, но они имеют свой стиль и стремятся просто выжить. Он подчеркивал, что «такая жизнь потребления и наслаждения не может продолжаться вечно. Настанет день, и она рухнет и исчезнет...»³⁵. Но она такая же, как и в других странах. Как известно, в России Мураками стал у части молодежи не менее культовым писателем, чем Пелевин или Сорокин. Эта молодежь поняла из первого же переведенного его произведения, что ее проблемы – такие же как и у других, в данном случае, у японской молодежи. Мураками в своих работах стоит на позициях универсального гуманизма. Об этом неоднозначно говорит его переводчик Д. В. Коваленин: «В чем гигантская заслуга Мураками и за что его ругают сами японцы? В том, что он научился разговаривать о японских проблемах на всеобщем языке»³⁶. Можно сказать, что Мураками – писатель эпохи глобализации, единого информационного пространства.

По мнению М. Сибата, произведения Кавабата и Мисима читают, чтобы что-то узнать о Японии, в очень небольшой степени это относится и к работам Оэ Кэндзабуро. А Мураками мало кто читает с этой целью. Его скорее воспринимают как представителя мировой, точнее англоязычной литературы.

Влияние Запада не прошло мимо и театральной жизни Японии. По свидетельству театроведа Н. Анариной, Япония входит в XXI век как великая театральная империя. «Современное состояние японского сценического искусства отличают крупность, масштабность, большое разнообразие, высокий профессионализм, вовлеченность в него значительной части населения... В конце XX в. мы можем смело утверждать, что японский театральный мир – самый обширный и многообразный из известных на планете»³⁷. В стране в полном объеме сохранился традиционный театр – Ноо, Кабуки, Бунраку, который, получив мировое признание, успешно сосуществует с развивающимися формами современного театра, в

³⁵ Цит. по: Мураками Харуки. Слушай песню ветра. М., 2002, с. 277, 291–292. Подробнее о литературе конца века см., например, статьи Н. Чегодарь и М. Григорьева в кн.: Япония: с чем в третье тысячелетие. М., 1999, с. 238–299.

³⁶ Александр Куланов. Тайва. Разговоры о Японии, разговоры о России. М., 2003, с. 208.

³⁷ С чем в третье тысячелетие? М., 1999, с. 301.

том числе авангардного, а также с ультрасовременными зрелищами, мюзиклами, поп- и рок-музыкой. Если раньше представители разных театральных течений вступали в ожесточенные дискуссии, то в конце XX в. они стали воспринимать различные театральные формы в контексте единого национального театрального пространства. Подлинным триумфом жанра современной драмы (Сингэки) стало открытие в 1997 г. государственного театра «Хяцудай». Сингэки появился незадолго до войны, но в конце 1990-х годов только в Токио действовало уже более чем 60 трупп. В новом государственном театре идут как классические пьесы (например, «Король Лир»), так и авангардные постановки.

Большой популярностью пользуются коммерческие театры, в репертуаре которых ревю, мюзиклы и серьезные пьесы. Если раньше мюзиклы были в основном зарубежные, то в конце 1990-х годов появились произведения и японских авторов. В конце XX в. в Токио было 35 театральных зданий, принадлежащих таким театрам.

Традиционный театр тоже приобрел ряд современных черт. По свидетельству Анариной, именно в XX веке он проделал сложный путь от средневекового цехового ремесла к современному репертуарному театру. Более того, теперь часто главные усилия исполнителей направлены на техническое совершенство исполнения, которое начинает играть самодовлеющую роль. В результате оттесняется на второй план смысл и «душа» драмы, что, конечно, беспокоит настоящих ценителей искусства. Не приветствуется и практика показа за границей лишь отдельных сцен из той или иной пьесы, которые в большей степени могут заинтересовать иностранцев.

Сочетание западных и восточных черт ярко демонстрирует изобразительное искусство, которое развивается по пути бесконечного экспериментирования с материалом, ниспровержения границ между различными видами искусств, сочетания древних и современных техник, стремления к синтезу. Одним из наиболее видных и интересных фигур среди плеяды таких мастеров является Андо Мисаки, профессор Киотоского университета искусства и дизайна, председатель Международной ассоциации деятелей искусств в Киото.

Сфера его творчества необычайно широка: живопись, скульптура, керамика, работы из стекла, инсталляции, икэбана, каллиграфия. На его становление как художника большое влияние оказали работы Пикассо, Ван Гога, Сезанна и других импрессионистов. В 1960–1970 годах он стажировался в Париже и Лондоне. В творчестве Андо гармонично сочетается традиционное искусство и авангардное западное. Его можно, пожалуй, без преувеличения считать олицетворением симбиоза культур.

В выборе средств выражения Андо свободен от любых условностей и всецело подчиняет их цели наиболее точного и экспрессивного воспроизведения авторского замысла. Он сумел овладеть несхожими между собой живописными средствами выражения, неканоническим сочетанием различных техник и материала. Он стремится к устранению границ между живописью и каллиграфией, между трехмерным искусством и перформансом. Он сочетает масло, гуашь, мел, пастель, чернила... Соединение различных стилей традиционно считалось дисгармонией, чем-то неловким. Но по выражению его учителя Суда Кокута, эта неловкость и есть дар Андо.

Его первая персональная выставка состоялась в 1988 г. в Токио, а затем они происходили ежегодно, иногда и по две-три, в том числе в США, Испании, Объединенных Арабских Эмиратах, России.

Мировой известностью пользуется и другой японский художник — Хасэгава Сёити, который живет в Париже. Он знаменит своими эстетскими офортами. В своем творчестве Хасэгава использовал досконально изученную европейскую графику. В результате его работы трудно отличить, например, от офортов австрийца Ф. Хундертвассера.

Абсолютно культовой фигурой в 1990-е годы в кинематографе стал Китано Такэси. Международное признание пришло к нему в 1997 г., когда его фильм «Фейерверк» занял первое место на Венецианском фестивале. Прежде чем стать режиссером, он перепробовал множество профессий: был таксистом, официантом, лифтером, комическим актером в стрип-кабаре, а затем, в начале 1980-х годов, попал на телевидение, где стал исключительно популярным телевизионным шоуменом. Тогда же он впервые снялся в кино. В первой режиссерской работе в 1989 г. он сыграл главную роль. Китано не только режиссер и актер, но и продюсер, сценарист, монтажер. Его перу принадлежит более шестидесяти книг: романов, эссе, стихов. Но при этом творчество Китано постигла та же участь, что и Куросава, и Мураками — признание за рубежом и весьма холодный прием в своей стране. Сам Китано объясняет это, прежде всего, тем, что в своих работах не приукрашивает японскую действительность, но, скорее, дело в том, что он прежде всего стремится быть интересным зарубежному зрителю, влиться в современный поток киноискусства.

В 1990-е годы обращает на себя внимание стремление японских мастеров искусства развивать свою национальную культуру на базе современных технологических и экономических достижений. Именно массивный экспорт высококачественной наукоемкой продукции стал в свое время основным каналом влияния на мировую материальную культуру, на быт людей, на содержа-

ние и методы их профессиональной деятельности. Эта тенденция проявилась в контексте формирования нового типа культурного развития, которое осуществлялось через внедрение информационных и коммуникационных технологий. Другими словами, речь идет о техногенной культуре.

Японская техногенная культура предложила разного рода концепции строительства всевозможных информационных и высокофункциональных городов, телепортов, торговых и курортных комплексов, крупных транспортных объектов, высокотехнологичных и научных «парков», «садов», «экополисов». Это стало дополнением к более чем двум десяткам технополисов, которые создавались уже в 1980-е годы³⁸.

Прорабатывается грандиозный проект слияния мелких и средних городов в коридоре Токио–Осака в мегаполис Токайдо (с населением около 90 млн. человек), в котором *синкансэн* в XXI веке будет играть роль пригородных поездов. Поистине городом будущего прямо на глазах становится телепорт Минато-Мираи XXI (в переводе – Порт будущего XXI в.), который создается в городской среде Иокогамы. Здесь возводятся здания, в которых предоставляются высокотехнологические информационные услуги, создаются культурные, торговые и жилые зоны. Новый комплекс займет 186 га прибрежной части города и насыпную территорию в заливе. Организующим началом служит самое высокое в Японии здание-башня (295 м или 70 этажей, скорость движения лифта в нем – 750 м в минуту). Это так называемый «интеллектуальный небоскреб». Подобные сооружения в будущем создадут сложную информационную инфраструктуру страны.

Но и в рамках техногенной культуры японцы не отказываются от своих основных художественных и мировоззренческих критериев. Такие принципы, как единство функциональной целесообразности и эстетическая образность, связь утилитаризма и красоты, нашли наиболее яркое проявление в современном дизайне.

Японцы всегда стремились создавать интерьеры, в которых человек ощущал бы гармонию и равновесие, отрешившись от суеты внешнего мира. Присущий им принцип минимализма удачно сочетается с высокими технологиями, продуктами которых буквально «набит» современный японский дом. Японцы традиционно делают вещи практичные и красивые. Примером может служить бытовая техника, которая является наиболее зримым и повседневным проявлением техногенной культуры страны во всем мире.

³⁸ См. подробнее: Тимонина И. Л. Региональное планирование в Японии. – Япония. 1994/95. Ежегодник. М., 1995, с. 51–67.

И как всегда, во всем японцы сочетают традиционное и современное. Например, создавая современную западную одежду, японские модельеры не отказываются от национальной специфики. Западные мастера моды еще в довоенный период начали использовать не только крой японской одежды (каждый знает о покрое рукава «японка»), но и рисунки для тканей, черпая их из живописных гравюр *укиё-э*. Современные кутюрье, например Армани или Ферре, также не остались в стороне от магии японского национального костюма. По свидетельству отечественного модельера Вячеслава Зайцева, именно японской традиционной графике он обязан пониманием и искусством владения линией.

В свою очередь японские модельеры (Мори Ханаэ, Такада Кэндзо, Миякэ Иссэй, Кавакубо Рэй, Ямамото Ёдзи) еще в 1970–1980 гг. перешагнули границы страны и вышли на мировые подиумы моды. Они принесли эстетические принципы своего традиционного искусства, в частности созерцательное отношение к природе, а также влияние высокого уровня технических достижений страны. В то же время они создают очень европейскую по стилю одежду, используя при ее конструировании (в первую очередь для вечерних туалетов) традиционную ткань для кимоно, комбинируя ее с современными тканями. Но при всем при том у японских модельеров ощущается присутствие национальных традиций в форме, цвете, декоре. Их рейтинг в мире достаточно высок. По мнению В. Зайцева, они идут в одной шеренге с лидерами мировой моды, они оказывают сильное влияние на формирование новых взглядов на одежду и среди европейцев³⁹.

Яркой фигурой в мире кутюрье стал, например, Миякэ Иссэй – не только модельер, но и художник, в том числе и по театральным костюмам, автор книг о моде. Его заместили европейские специалисты уже с первой коллекции, показанной в Токио. Но мировая известность пришла в Париже. Его девиз – «Моя одежда становится инструментом творчества для того, кто ее носит». Его модели рассчитаны на творческого, креативного потребителя, их стиль абсолютно узнаваем.

Продолжают свое шествие по планете и пользуются не меньшей популярностью у себя дома *манга* и *анимэ*. И здесь, как и в других видах искусства, можно видеть культовую фигуру аниматора Миядзаки Хаяо, «мультсказкам» которого могло бы позавидовать «взрослое» художественное кино. Его ленты давно стали хитами домашнего кино, а работа «Унесенные призраками» была удостоена премии Оскар.

³⁹ Александр Куланов. Тайва, с. 262.

Техногенная культура вносит коррективы в устоявшееся понятие «культурное наследие». Разработчики программы по охране наследия материальной и духовной культуры исходят из принципа, что «однажды потерянное нельзя восстановить». В докладе специального консультативного комитета при правительстве рекомендовалось в культурном наследии, наряду с архитектурой, крупными формами скульптуры и письменными памятниками выделить в отдельные категории науку и технологию, а также ввести новую позицию — «культуру быта». Предметы, которые в современной жизни кажутся обыденными, лет через 50 могут стать ценными экспонатами музеев.

Непрерывную линию развития национальной культуры, обогащенную плодами сменяющих друг друга эпох и заимствований, японцы продемонстрировали двум миллиардам телезрителей планеты на церемонии открытия зимних Олимпийских игр в Нагано в 1998 г. На ультрасовременном стадионе, буквально напичканном уникальными образцами высочайших технологий, был установлен помост, на котором известные борцы *сумо* совершили ритуал очищения территории спортивных баталий. Олимпийский огонь зажгла Ито Мидори (серебряная медалистка зимней Олимпиады 1992 г. в Абервилле), облаченная в одежды синтоистской жрицы. А об открытии игр оповестили удары колокола древнейшего буддийского храма Дзэнкодзи (XII в.). К слову сказать, сам спорт представляет неизбывную форму искусства, почитавшуюся великими философами древности.

К концу XX в., вне всякого сомнения, Япония заняла свое прочное место в современном мировом культурном пространстве. Ее вклад в значительной мере связан с техногенной культурой. В то же время неуклонным расширением своего места на этом пространстве Япония самым непосредственным образом была обязана стойкой верностью древним эстетическим принципам. Они диктуют созерцательное отношение к природе и вместе с тем необходимость общения с нею, адаптации к ее законам, а также возведение в абсолют профессионального мастерства гармоничности искусства, воссоздающего картину реального мира в образах или его идеализированную модель, поддержание прочного симбиоза традиционной и техногенной культур. Тенденцию взаимоотношения национальной культуры с культурами народов других стран японцы строили по схеме «развитие—культура», имея в виду «неизменность» духовной сферы (культура) и изменчивость материальной (развитие). Но если в прошлом она, как правило, адаптировала материальную культуру, то теперь стала и ее творцом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первая половина 2000-х годов связана с именем Коидзуми Дзюньитиро и проводимой им политикой. Молодой, по японским меркам (1942 г. рождения), 28-й премьер-министр в послевоенной Японии и 20-й председатель правящей либерально-демократической партии (пятидесятилетний юбилей создания которой отмечался в ноябре 2005 г.) занимает эти посты с апреля 2001 г., и срок его полномочий истекает в сентябре 2006 г. Он станет третьим (после Ёсида Сигэру и Сато Эйсаку) премьером-долгожителем на политическом олимпе страны.

Коидзуми пришел к руководству партией и правительством в 2001 г. неслучайно. Целый ряд факторов, и в первую очередь положение в самой ЛДП, которой на предстоявших летом того же года выборах в палату советников маячил провал, повлияли на выбор политической элитой именно Коидзуми лидером партии и правительства. В связи с отставкой из-за серьезных ошибок бывшего в то время премьер-министром Ё. Мори ему предстояло доработать срок полномочий предшественника, который истекал в сентябре того же года. На выборах председателя партии Коидзуми получил ошеломляющую поддержку делегатов с мест, которых долгие годы «прикармливали» вегераны партии. Это было своего рода народное голосование, сыгравшее решающую роль в общей победе над Хасимото и его фракцией, которая долгие годы успешно контролировала партию.

Выдвижение популярного у электората и популистски настроенного политика был вынужденный, но хорошо просчитанный ход. Успех Коидзуми на выборах обеспечивал сохранение либерал-демократов у власти, а неудачу можно было списать на его счет. Он пользовался поддержкой не только молодых членов партии, но и значительной части населения, живущего ожиданием перемен. На его хорошо раскрученную репутацию и возлагались немалые надежды ЛДП. Коидзуми старательно позиционировал себя как эксцентричного политика, любой ценой добивающегося популярности у избирателей. Но путь его прихода во власть пока-

зал, что он прекрасно ориентируется во внутрипартийных фракционных делах и умеет играть по правилам.

Безусловно, стиль действий нового премьеры отражал его личностные качества. Он сразу же стал действовать весьма оперативно, в агрессивной манере, добиваясь осуществления поставленных задач, оправдывая вполне заслуженную репутацию реформатора и человека, склонного к неординарным решениям. При формировании кабинета 2001 г. он нарушил традицию соблюдения межфракционного баланса, назначил на министерские посты пять женщин, ввел в состав правительства трех беспартийных специалистов по экономическим и финансовым проблемам, не являвшихся даже депутатами парламента. На выборах в палату советников Коидзуми привел партию к знаменательной победе: у ЛДП был лучший с 1992 г. результат голосования за ее кандидатов.

Став премьером, Коидзуми провозгласил знаменитый слоган «Изменим ЛДП. Изменим Японию» и определил приоритеты политики, заявив при этом, что не будет «священных коров» и ничто не застраховано от преобразований. Он сразу же обнародовал программу трансформации государственного управления на основе приватизации и дерегулирования, введения новой налоговой системы, решения проблемы безнадежных долгов, взятия под контроль бюджетного дефицита, освобождения от мелочной опеки органов местного самоуправления, сокращения общественных работ и перетряски сектора специальных общественных корпораций. Другими словами, провозгласил курс на проведение структурных реформ.

И до прихода Коидзуми во власть многие понимали необходимость таких реформ. Было ясно, что традиционные методы зачисления огромных бюджетных средств в общественные работы (зачастую абсолютно бесполезные) ради временного улучшения экономической ситуации только увеличивают бюджетный дефицит. Но никто в правительстве ничего не хотел менять, не предлагал альтернативные меры, дабы не вступать в конфликт с воротилами строительного бизнеса, которые всегда оказывали мощную финансовую поддержку ЛДП. Другими словами, сокращение расходов на общественные работы лишало старую гвардию мощного источника влияния на электорат, еще один удар по ним должна была нанести приватизация почтовой службы, которая стала стержнем структурных реформ Коидзуми.

В Японии эта служба помимо прямых обязанностей выполняет функции сберегательной кассы и страховой компании, аккумулируя огромные средства населения, являясь крупнейшим в мире финансовым учреждением, сосредоточившим четверть денеж-

ных активов домашних хозяйств в стране. На настоящий момент фонды этой службы оцениваются в 3 трлн. долларов. С помощью этих средств формируется фактически второй государственный бюджет путем покупки пакетов облигаций центрального правительства и органов местного самоуправления и пр., т.е. экономический вес этой службы весьма велик.

Приватизируя эту службу, Коидзуми хочет решить несколько проблем, а именно покончить с ее монополией, что сказывается на качестве предоставляемых ею услуг, утвердить равенство стартовых возможностей для всех, кто хочет работать в этом бизнесе, перекрыть или хотя бы затруднить доступ к средствам почтовой службы тех либерал-демократов, кто лоббирует ее интересы и прикармливает за этот счет своих избирателей. Казалось бы, он разрушает финансовую основу власти ЛДП, а на самом деле он укрепляет власть своих сторонников.

Приватизация почтовой службы предусматривает передачу частному бизнесу максимума полномочий за счет свертывания доли государственного участия в региональных и экономических процессах, расчленение ее на несколько учреждений – собственно почту, страховую компанию, сберегательную кассу. Эти планы встретили явное и скрытое сопротивление внутри ЛДП, что грозит затянуть ее реформирование на долгие годы, тем более что решено его начать с 2007 г. и растянуть на 10 лет, доведя долю государственной собственности до 30%. Кроме 300 тысяч работников этой службы, над которыми нависла угроза увольнения, общество пока эта проблема мало волнует.

Взяв курс на проведение структурных реформ, Коидзуми сразу вступил в конфронтацию с политическими тяжеловесами внутри партии, пригрозив им роспуском фракций, которые объективно подрывают политические позиции премьера. Проведение заявленных реформ должно было помочь ему изменить политический ландшафт внутри ЛДП, для чего, прежде всего, следовало сплотить тех, кто желал перемен, и выступить против доминировавшей фракции Хасимото. Сопротивление противников проведения реформ было весьма значительным, и без его преодоления нельзя было двигаться вперед. Наличие в рядах ЛДП своих «левых» и «правых», несомненно, затрудняло выработку четкого и ясного видения неотложных проблем. Но как бы то ни было, Коидзуми начал проводить реформы, опираясь на свою партию, поскольку главная оппозиционная демократическая партия не предложила альтернативы.

Используя мощный экономический потенциал страны и проявив незаурядную политическую волю, кабинет Коидзуми сумел

начать выводить экономику страны из стагнации. Пути решения стоящих перед страной проблем были отражены уже в бюджете на 2001/02 фин. г.: увеличены ассигнования на образование и научные исследования, прежде всего развитие информационных технологий, на решение проблем окружающей среды, социальное страхование, создание новых рабочих мест и содействие трудовой мобильности.

За первые пять лет начала века обозначился заметный прогресс на пути оживления экономики. Прежде всего, началась частичная ликвидация слабых мест в банковском и корпоративном секторах: более чем вдвое снизилась доля недействующих кредитов у крупных банков, заметно сократился уровень задолженности в корпоративной сфере, уменьшилась здесь доля избыточных мощностей и складских запасов готовой продукции, возросла доходность активов, повысилась производительность труда, активизировались частные инвестиции в основной капитал предприятий обрабатывающей промышленности. Укрепление банковского сектора расширило возможности кредитования предприятий. В 2004 г. был зафиксирован самый высокий после 1980-х годов рост доходов в предпринимательском секторе и самый низкий уровень банкротств за последнее десятилетие (число обанкротившихся предприятий за первые восемь месяцев 2004 г. было более чем в два раза меньше, чем за тот же период предыдущего года). Начал сокращаться бюджетный дефицит. Крупные банки, чье положение улучшилось, начали возвращать свои долги: правительственную помощь, полученную в 1998–2002 гг. Пошли вверх цены на землю в городах и увеличился приток прямых иностранных инвестиций, что является свидетельством инвестиционного подъема и ведет к росту экономики. Экономический подъем начался с середины 2003 г., когда прирост ВВП составил 1,4%, в 2004 г. этот показатель повысился до 2,7%, в 2005 и 2006 гг., согласно оценкам, он составит 2%.

Особенностью развития экономики в первой половине 2005 г. стал рост внутреннего спроса на товары и услуги. До этого, как известно, главным фактором был рост экспорта в США и бюджетные стимулы в виде инвестиций в общественные работы. Отказ от стимулирования спроса путем бюджетных вливаний — новая составляющая экономической политики. Впервые за последние семь лет увеличилось число занятых полную рабочую неделю. Ранее постоянно рос временный найм, работа неполную рабочую неделю. Несколько снизилась норма безработицы. Постепенно растет заработная плата и, соответственно, потребительский спрос.

Другой особенностью подъема начала века является возвращение производственных мощностей в страну (примерно 40%

их было размещено за границей против 10% десять лет назад). Одна из причин такой тенденции – повышение уровня зарплаты за рубежом, в частности в КНР, неразвитая там инфраструктура и трудности в защите прав интеллектуальной собственности. Фирмы располагают конкурентоспособными новинками, которые предпочитают теперь выпускать дома. Появился целый набор новых технологий (жидкокристаллические и плазменные панели для телевизоров и компьютеров, материалы с использованием нанотехнологий, новые лекарственные препараты и т.д.).

Но, конечно, еще далеко не все проблемы решены. В частности, еще не изжиты дефляционные тенденции и сохраняется большой внутренний долг. Неслучайно в декабре 2004 г. была принята программа создания эффективной и гибкой финансовой системы, предусматривающая реструктуризацию, повышение доходности и рост конкурентоспособности во всех сферах экономики. Кроме того, безотлагательного принятия мер требуют процессы старения населения и иммиграции. Но при этом, как считают специалисты, при последовательном проведении структурных реформ вполне реально увеличение темпов экономического развития. И в целом экономическая ситуация начала XXI в. свидетельствует о том, что команда Коидзуми взяла правильный старт.

К началу 2005 г. Коидзуми расставил на ключевых постах своих соратников и «вертикаль» власти партии и правительства выглядела более монолитной и жесткоориентированной на лидера. В стране сохранялась стабильная внутриполитическая ситуация и ничего не предвещало форс-мажорных обстоятельств, которые привели к роспуску избранной в 2003 г. палаты представителей и проведению внеочередных всеобщих выборов. Уже летом политический истеблишмент пережил серьезное потрясение. После того, как премьеру удалось провести большинством всего в пять голосов правительственный пакет из шести законопроектов о приватизации почтовой службы в палате представителей, 8 августа он был отклонен в палате советников. В этом оппозиции помогли 17 депутатов от ЛДП, голосовавшие против реформаторской инициативы Коидзуми.

По словам премьер-министра, подобное голосование показало, что «реальные враги» почтовой реформы находятся в самой либерально-демократической партии. Точнее сказать, враги не только почтовой реформы, но и стремлений Коидзуми, как он декларировал при вступлении в должность, перестроить партию, ввести в ней единоначалие, индивидуальный стиль руководства, что несвойственно японской политической культуре. Премьер использовал голосование в палате советников для того, чтобы

очистить ряды партии от своих противников. Первым шагом в борьбе с «раскольниками», т.е. с оказавшимися нелояльными премьеру парламентариями, явилось решение отказать всем, кто голосовал против, в организационной и финансовой поддержке партии, как ее кандидатам на внеочередных выборах 11 сентября 2005 г. Коидзуми назвал эти выборы национальным референдумом по проблеме приватизации почтовой службы, пообещав уйти в отставку в случае поражения.

Согласно опросам общественного мнения, популярность Коидзуми резко возросла после роспуска парламента. Избирателям импонировала его позиция по отношению к антиприватизационным силам в партии, которую можно определить так: принимайте приватизацию или уходите. Роспуск парламента был вынужденным политическим шагом, но шансы на успех были достаточно высоки.

ЛДП одержала поистине оглушительную победу, получив 296 депутатских мест из 480, увеличив представительство на 83 мандата. Напомним: больше было только в 1986 г. – 300 мандатов. Партнер по коалиции Новая Комэйто, потеряв три места, имеет 31 мандат. Неудача постигла главную оппозиционную Демократическую партию, представительство которой сократилось со 177 мест до 133. В голосовании приняло участие 57,51% избирателей, что явилось самым высоким показателем их активности с момента вступления в действие новой избирательной системы в 1996 г. Эти выборы знаменательны для ЛДП поддержкой не только ее традиционного сельского избирателя, но и городскими жителями, которые не аффилированы с определенной партией. Этот сегмент электората традиционно считался опорой оппозиционных сил.

После победы на выборах Коидзуми успешно переизбрался на пост премьер-министра. За него как премьера проголосовали и те, кто ранее был против его законодательной инициативы, объясняя свои действия ярко выраженным ему доверием населения. Обеспечив безоговорочную поддержку реформы почтовой службы, Коидзуми предпринимает серьезные усилия для установления еще большего контроля над партией. Для начала руководство решило простить тех, кто в палате представителей голосовал против законопроекта о реформе почтовой службы, но наказать тех, кто был против в палате советников. Дела 59 депутатов парламента рассматривались в дисциплинарной комиссии ЛДП, 9 из них были исключены из партии.

Как известно, кризисные явления внутри правящей партии, особенно обострившиеся в 1990-е годы, непосредственно связаны с фракционной структурой и проблемой смены поколений. Обь-

явивший борьбу фракционности, Коидзуми прекрасно понимал, что невозможно решить эту проблему одним махом и, достаточно искусно маневрируя, ждал подходящего случая. Похоже, что триумфальный успех на последних выборах в палату представителей парламента его предоставил. Межфракционная борьба – это, по сути, борьба за власть в данное время, а именно лидер какой фракции имеет предпочтительные шансы победить на выборах председателя партии. Ослабление фракции снижает шансы ее лидера в этой борьбе. В настоящее время практически лидер ни одной фракции не может претендовать на то, чтобы стать преемником Коидзуми в следующем году. Поэтому только тот, кто лоялен лично нынешнему премьеру, имеет предпочтительные шансы. Он четко заявил, что следующим председателем партии и премьером станет только тот, кто полностью поддерживает его реформы.

Традиционно все депутаты парламента от ЛДП входят в ту или иную фракцию, что обеспечивает им карьерный рост. Поэтому Коидзуми озаботился тем, чтобы 83 новых депутата его партии остались бы самостоятельной силой и не распылились по фракциям. Многие депутаты, прошедшие в парламента на волне популярности премьера, продемонстрировали лояльность ему.

В настоящее время в политическом истеблишменте сформировалось новое поколение политиков, которых не устраивает руководство старых лидеров. Проблема смены поколений в ЛДП и вообще в партиях отнюдь не нова, но сейчас она приобретает все большую значимость. Представителей нового поколения объединяют общие характерные черты: они достаточно молодые, хорошо образованы, многие обучались за рубежом и имеют опыт работы там. Привержены демократическим ценностям, мыслят категориями национальных интересов, разбираются в бизнесе, хорошо понимают международный контекст. На выборах, как правило, избираются в одномандатных округах при поддержке населения. Вот на такой человеческий ресурс, который является залогом успешного будущего, и ориентируется нынешний лидер ЛДП.

Получив пополнение и почистив ряды партии, Коидзуми в какой-то степени реализовал свое намерение изменить ЛДП, точнее говоря, не изменить, а начать слом ее структуры. При формировании нового руководства партии и третьего кабинета в октябре 2005 г. Коидзуми еще больше утвердил свой стиль подбора кадров, а именно индивидуальный подход к назначению, выбор молодых политиков, нарушение принципа старшинства и баланса представительства фракций. Но главное было не только и не столько формирование руководящих органов, где высшие посты займут реформаторы, сколько кто из них станет преемником ны-

нешнего премьера, сможет ли он поддержать заданный темп реформ и продолжить перестройку партии. Короче, сделан первый шаг, а точнее, даже не шаг, а только маленький шажок.

В любом случае очевидно, что в настоящее время ЛДП является основной силой во внутривнутриполитической жизни страны и альтернативы ей в ближайшем будущем не предвидится. Можно сказать, она представляет интересы всего народа, а не отдельных его групп, и потому он доверяет ей больше, чем другим партиям. В значительной степени все успехи страны население связывает с правлением ЛДП. Знаменательный успех правящей партии на выборах именно в годовщину пятидесятилетия ее создания позволил премьеру как бы сказать: «доверьте ЛДП заботиться следующие полвека». Оппозиция вряд ли сможет сплотить свои ряды, тем более что третья парламентская партия Новая Комэйто однозначно высказалась за коалицию с правящей. В такой ситуации оппозиционные силы не в состоянии полноценно противостоять ЛДП.

Активные процессы внутривнутриполитической жизни страны не сопровождаются какими-либо серьезными переменами на внешнеполитическом направлении. Шкала приоритетов выглядит здесь следующим образом: проблемы отношений с азиатскими государствами (переговоры о нормализации японо-северокорейских отношений, смягчение трений по проблемам исторического прошлого с Китаем, в частности посещение премьером святилища Ясукуни, продвижение консультаций по вопросам создания зоны свободной торговли в ЮВА); вопросы укрепления японо-американского военно-политического союза и реструктуризации военного присутствия на японской территории, обеспечение вхождения Японии в число постоянных членов СБ ООН. Подтверждается преемственность политики в отношениях с Россией, направленной на кооперацию в сфере экономики и на международной арене с тем, чтобы охватить весь спектр интересующих проблем. Рефреном к заявлениям о необходимости продолжения и достижения прогресса в переговорах о заключении мирного договора между нашими странами по-прежнему остается проблема «северных территорий». Объективно говоря, ждать «прорывов» ни на одном из вышеперечисленных направлений не приходится. Более того, тенденция назначения на руководящие посты в правительстве политиков националистической ориентации, которая обозначилась в последние годы, может ужесточить внешнеполитический курс страны на ряде направлений. В определенной степени этому будет способствовать начинающийся процесс пересмотра некоторых статей конституции 1947 г. и внесения в нее поправок.

Нынешнее руководство страны называет проводимые реформы «чудом», проводя аналогию с двумя крупномасштабными преобразованиями – мэйдзийскими и послевоенными реформами и ставя их как бы в один ряд. Но будущее покажет.

Опыт предыдущего развития Японии дает возможность предположить, что и в XXI в. национальные особенности будут продолжать играть важную роль в успехе или неуспехе ее социально-экономического развития. Как ни одной азиатской стране, Японии присуща этническая, религиозная, культурная и социальная однородность, что вкупе с удаленным географическим положением обеспечивает определенную степень национальной сплоченности. Когда речь заходит о национальных интересах, а в данное время о кардинальных реформах, то возможно достаточно быстро установить консенсус, который поможет переломить ситуацию последнего десятилетия ушедшего столетия. Можно сказать, что позитивные сдвиги в экономике позволяют населению адаптироваться к грядущим переменам. За десять лет от начала провозглашения курса на структурные реформы они постоянно присутствовали в средствах массовой информации и люди в значительной степени привыкли к ним и приняли их. Однако, поскольку решение структурных проблем требует значительного времени, можно полагать, что позитивные результаты реструктуризации будут достигнуты не так быстро, особенно в условиях неустойчивого характера общемирового спроса в последнее время.

Основные даты истории Японии

1901	июнь 2	Первый кабинет Кацура
1902	январь 30	Заключение англо-японского союза (возобновлен в 1905 и 1911 гг.)
1904	февраль 9	Начало русско-японской войны
1905	январь 2	Падение Порт-Артура
	февраль 19	Мукденское сражение
	май 27–28	Цусимское сражение
	сентябрь 5	Заклучение русско-японского мирного договора в Портсмуте
	декабрь 22	Японо-китайский договор о переходе российских прав и интересов в Маньчжурии к Японии
1906	январь 7	Первый кабинет Сайондзи
1907	июль 24	Японо-корейский договор об установлении японского контроля над внутренним управлением Кореи
	июль 28	Русско-японский договор о торговле и навигации и рыболовная конвенция
1908	июль 14	Второй кабинет Кацура
	ноябрь 30	Соглашение Рут–Такахира
1910	август 22	Завершение аннексии Кореи
1911	август 30	Второй кабинет Сайондзи
1912	июль 30	Смерть императора Мэйдзи и вступление на престол императора Ёсихито (Тайсё)
	декабрь 21	Третий кабинет Кацура
1913	февраль 21	Первый кабинет Ямамото
1914	апрель 16	Второй кабинет Окума
	август 23	Объявление Японией войны Германии
1915	май 7	Принятие Китаем «21 требования»
1916	июль 3	Русско-японский договор о союзе
	октябрь 9	Кабинет Тэраути
1917	ноябрь 2	Соглашение Лансинг–Исии
1918	январь 12	Начало интервенции японских войск на Дальнем Востоке России
	август–сентябрь	«Рисовые бунты»
	сентябрь 29	Кабинет Хара

1919	январь— июнь	Участие Японии в Парижской мирной конференции
1921	ноябрь 12	Участие Японии в Вашингтонской конференции
	ноябрь 13	Кабинет Такахаси
	декабрь 13	Договор четырех держав о владениях на Тихом океане; прекращение действия англо-японского союза
1922	февраль 6	Договор девяти держав о Китае
	июнь 12	Кабинет Като Томосабуро
	октябрь 25	Эвакуация японских войск с Дальнего Востока России
1923	сентябрь 2	Второй кабинет Ямамото
1924	январь 7	Кабинет Киёура
	июнь 11	Кабинет Като Такааки (реформирован 2 августа 1925 г.)
1925	январь 20	Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией
	апрель 22	Закон об охране общественного порядка
	май 5	Закон о всеобщем избирательном праве для мужчин
1926	январь 30	Первый кабинет Вакацуки
	декабрь 25	Смерть императора Тайсё и вступление на престол императора Хирохито (Сёва)
1927	апрель 20	Кабинет Танака Гиити
1929	июль 2	Кабинет Хамагути
1930	январь 21—22	Участие Японии в Лондонской конференции по морским вооружениям
1931	апрель 14	Второй кабинет Вакацуки
	сентябрь 18	«Маньчжурский инцидент»; оккупация Маньчжурии квантунской армией
	декабрь 13	Кабинет Инукаи
1932	март 9	Провозглашение независимости Маньчжоу-го
	май 15	Военный мятеж в Токио
	май 26	Кабинет Сайто
1933	март 27	Выход Японии из Лиги Наций
1934	июль 8	Кабинет Окада
1936	январь 15	Уход Японии с Лондонской конференции по морским вооружениям

1936	февраль 26-29	Военный мятеж в Токио
	март 9	Кабинет Хирота
	ноябрь 25	«Антикоминтерновский пакт» Японии и Германии
1937	февраль 2	Кабинет Хаяси
	июнь 4	Первый кабинет Коноэ
	июль 7	Начало войны Японии против Китая
1938	март 3	Закон «о всеобщей мобилизации нации»
	август 11	Советско-японский инцидент у о. Хасан
1939	январь 5	Кабинет Хиранума
	май-август	Советско-японский военный конфликт
	июль 8	Указ о всеобщей трудовой повинности
	август 30	Кабинет Абэ
	сентябрь 4	Декларация о «неучастии» Японии в европейской войне
1940	январь 16	Кабинет Ёнаи
	июль 22	Второй кабинет Коноэ (реформирован 18 июля 1941 г.)
	сентябрь 27	Заключение Тройственного пакта между Германией, Италией и Японией
	октябрь 12	Создание Ассоциации помощи трону
	декабрь 7	Принятие программы «новой экономической структуры»
1941	апрель 12	Заключение Пакта о нейтралитете между СССР и Японией (денонсирован СССР 5 апреля 1945 г.)
	июль 18	Третий кабинет Коноэ
	октябрь 18	Кабинет Тодзио
	декабрь 7	Нападение на Пёрл-Харбор. Начало войны на Тихом океане
1942	февраль 15	Падение Сингапура
	июнь 4	Битва у атолла Мидуэй
1943	февраль 7	Эвакуация японских войск с о. Гуадалканал
1944	июнь 15	Высадка американских войск на о. Сайпан
	июль 22	Кабинет Койсо
1945	апрель 7	Кабинет Судзуки
	июнь 13	Роспуск Ассоциации помощи трону
	июль 26	Потсдамская декларация союзников
	август 6	Атомная бомбардировка Хиросимы

1945	август 9	Атомная бомбардировка Нагасаки
	август 9	Объявление Советским Союзом войны Японии
	август 14	Императорский указ о безоговорочной капитуляции Японии
	август 17	Кабинет Хигасикуни
	август 22	Начало оккупации Японии союзными войсками
	сентябрь 2	Акт о безоговорочной капитуляции Японии
	октябрь 9	Кабинет Сидэхара
	декабрь 27	Создание Союзного совета для Японии
1946	январь 4	Образование Международного военного трибунала для Дальнего Востока
	февраль 26	Образование Дальневосточной комиссии
	май 22	Первый кабинет Ёсида
1947	май 3	Вступление в силу новой конституции
	май 24	Кабинет Катаяма
1948	март 10	Кабинет Асида
	октябрь 15	Второй кабинет Ёсида (реформирован 16 февраля 1949 г., 30 октября 1952 г. и 21 мая 1953 г.)
	ноябрь 12	Приговор Международного военного трибунала для Дальнего Востока
1950	июль 8	Директива о создании Резервного полицейского корпуса и войск охраны на море
	июль 11	Учредительный съезд Генерального совета профсоюзов (Сохё)
	август 10	Правительственный декрет о создании Резервного полицейского корпуса
	сентябрь 1	Правительственное постановление о «чистке» красных в государственных учреждениях
1951	сентябрь 8	Мирный договор с Японией и японо-американский «договор безопасности»
1952	февраль 28	Японо-американское административное соглашение
	апрель 28	Вступление в силу Сан-Францисского мирного договора, «договора безопасности» и Административного соглашения
		Мирный договор между Японией и Тайванем
	апрель 8	Японо-американский договор о дружбе, торговле и мореплавании

1954	март 8	Японо-американское Соглашение о помощи в обеспечении взаимной безопасности
	декабрь 10	Первый кабинет Хатояма (реформирован 19 марта и 22 ноября 1956 г.)
1955	июль 27	6-я Национальная конференция КПЯ
	октябрь 13	12-й (объединительный) съезд СПЯ
	ноябрь 15	Слияние Либеральной и Демократической партий. Образование Либерально-демократической партии (ЛДП)
1956	май 14	Японо-советская конвенция о рыболовстве и Соглашение об оказании помощи терпящим бедствие на море
	октябрь 19	Совместная декларация СССР и Японии о восстановлении дипломатических отношений, Японо-советский торговый протокол о взаимном предоставлении режима наибольшего благоприятствования
	декабрь 18	Принятие Японии в ООН
	декабрь 23	Кабинет Исибаси
1957	февраль 25	Кабинет Киси (реформирован 12 июня 1958 г.)
	декабрь 6	Первый японо-советский торговый договор и Соглашение о товарообороте и платежах
1960	январь 19	Новый «договор безопасности»
	январь 24	Учредительный съезд Партии демократического социализма (ПДС)
	июль 19	Первый кабинет Икэда (реформирован 8 декабря 1960 г. и 9 декабря 1963 г.)
	октябрь 12	Убийство председателя СПЯ Асанума Инэдзиро
1961	июль 15–31	8-й съезд КПЯ. Новая программа партии
1963	август 14	Подписание Японией Московского договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах
1964	октябрь 10	Открытие в Токио XVIII Олимпийских игр
	ноябрь 9	Кабинет Сато (реформирован 17 февраля 1967 г. и 14 января 1970 г.)
	ноябрь 17	Учредительный съезд партии Комэйто
1965	июнь 22	Основной договор об отношениях между Японией и Южной Кореей
1968	апрель 5	Японо-американское соглашение о возвращении Японии о-вов Огасавара

1968	октябрь	Присуждение Кавабата Ясунари Нобелевской премии по литературе
	октябрь 23	Празднование столетия реставрации Мэйдзи
1969	ноябрь 21	Японо-американское совместное заявление (Сато-Никсон) о сохранении в силе «договора безопасности», о возвращении Японии о-вов Окинава и др.
1970	февраль 3	Подписание Японией Договора о нераспространении ядерного оружия
	февраль 11	Запуск первого японского искусственного спутника
1971	июнь 17	Японо-американское соглашение о возвращении Соединенными Штатами административных прав на о-ва Рюкю
1972	февраль 4–14	Зимние Олимпийские игры в Саппоро
	июль 6	Кабинет Танака (реформирован 22 декабря 1972 г.)
	сентябрь 19	Японо-китайское совместное заявление о нормализации отношений с 29 сентября 1972 г.
	сентябрь 29	Прекращение японо-тайваньских дипломатических отношений
1974	декабрь 9	Кабинет Мики
1976	декабрь 24	Кабинет Фукуда
1978	март	Создание Социал-демократического союза
	декабрь 7	Кабинет Охира (реформирован 9 ноября 1979 г.)
1980	июль 17	Кабинет Судзуки
1982	ноябрь 27	Кабинет Накасонэ (реформирован 27 декабря 1983 г. и 22 июля 1986 г.)
1987	ноябрь 6	Кабинет Такэсита
1989	январь 7	Смерть императора Сёва, восшествие на престол императора Акихито и провозглашение эры Хэйсэй
	июнь 3	Кабинет Уно
	август 10	Кабинет Кайфу (реформирован 28 февраля 1990 г.)
1991	апрель 16–19	Официальный визит первого президента СССР М.С.Горбачева
	апрель 19	Совместное заявление СССР и Японии

1991	июль 17	Совместная декларация об отношениях стран Европейского сообщества и Японии
	ноябрь 5	Кабинет Миядзава Киити
1993	август 9	Кабинет Хосокава Морихиро
	октябрь 12–13	Официальный визит президента РФ Ельцина
	октябрь 13	Токийская декларация о российско-японских отношениях
1994	апрель 28	Кабинет Хата Цутому
	июнь 29	Кабинет Мураяма Томоити
	октябрь	Присуждение Нобелевской премии по литературе Оэ Кэндзабуро
1996	апрель 17	Совместная японо-американская декларация безопасности
	январь 11	Кабинет Хасимото Рютаро (реорганизован 7 ноября того же года)
	август	Создание Демократической партии Японии (реорганизация в апреле 1998 г.)
1998	июль 30	Кабинет Обути Кэйдзо (реорганизован 21 сентября 1999 г.)
	ноябрь 13	Московская декларация об установлении созидательного партнерства между РФ и Японией
2000	апрель 5	Кабинет Мори Ёсиро
	сентябрь 3–5	Официальный визит президента РФ В. В. Путина
2001	апрель 26	Кабинет Коидзуми Дзюньитиро

- Абэ Дзиро 68
 Абэ Исоо 54, 55, 56, 106, 133
 Абэ Кобо 354, 355, 412, 413
 Абэ Нобуюки 154, 155, 186, 188, 190, 254, 488
 Абэ Синтаро 322, 390
 Агава Хироюки 469
 Адати Кэндзо 117, 120, 133, 157
 Аденауэр К. 315
 Аидзава 132
 Аити Киити 351
 Акагава Дзиро 410
 Акамацу Кацумаро 119, 121, 137, 157
 Акао Бин 159
 Акаси Мотодзиро 26
 Акихито 409, 491
 Акутагава Рюносукэ 67, 70, 109, 110, 355, 356, 357
 Алексеев Е.И. 19, 20, 24, 25
 Амо (Амау) Эйдзи 143
 Анами Корэтика 227
 Анарина Н. 108, 115, 471
 Андо Кисабуро 190
 Андо Мисаки 472, 473
 Андреев Л. 69
 Аоки Кадзуо 130, 189
 Араки Садао 119, 120, 121, 125, 129, 131–134, 147, 153, 157
 Арахата Кансон 106, 107, 108, 111, 146
 Ариакэ 71
 Арима Ёриясу 130, 136, 156, 158, 159
 Арисима Такэо 68, 69, 109, 112
 Арита Хати́ро 76, 147, 148, 150, 152–155, 165
 Армани 475
 Асано Мофу 116
 Асанума Инэдзиро 308, 322, 490
 Асида Хитоси 188, 272, 273, 289, 489
 Асихара Ёсинобу 360
 Асо Хисаси 106, 133
 Аурити Ж. 153
 Ачесон 281
 Ба Мо 195
 Байрон Дж. 70
 Байуотер Г. 86
 Бальмонт К. 72
 Бальфур А. 16, 29, 77
 Бамба Н. 97
 Бамбоку Оно 306
 Бао Дай 196
 Барбюс Анри 112
 Безобразов А.М. 19
 Беллами Э. 55
 Бернар А. 253
 Бжезинский З. 448
 Бисмарк О. 167
 Блейк У. 412
 Бос Субхас Чандра 195, 196
 Бриан А. 100, 124, 125
 Брюсов В.Я. 17, 34
 Бурлюк Д.Д. 116
 Бухарин Н.И. 106, 108
 Буш Дж. 432, 444

- Вайнинг Элизабет Грей 409
 Вакацуки Рэйдзиро 91, 93, 95,
 100, 118–120, 487
 Вакаяма Бокусуй 70
 Ван Гог 472
 Ван Цзинвэй 144, 147, 169
 Василевский А.М. 226
 Ватанабэ Дзюнъити 410
 Ватанабэ Масаносукэ 107, 108,
 133
 Вересаев В.В. 109
 Верлен 71
 Верхарн Э. 71
 Вильгельм II 15, 24
 Вильсон В. 73–75, 77
 Витгефт В.К. 24
 Витте С.Ю. 16, 19, 28, 31, 32
 Вознесенский А.Н. 90
 Вольферен Карел ван 413
 Вордсворт У. 71

 Галифакс Э.Ф. 312
 Гардинг У. 83
 Гарриман Э. 37, 38
 Гертер 320
 Гесс Р. 149
 Гёте Иоган Вольфганг 414
 Гинденбург П. 129
 Гитлер А. 149, 150, 152, 154, 168,
 169, 185, 186
 Гоголь Н.В. 413
 Голль Шарль де 402
 Гона К. 423
 Гондо Сэйкё 105, 121
 Горбачев М.С. 444, 450, 491
 Горький А.М. 69, 108, 115

 Гото Симпэй 35, 43–45, 50, 51,
 60, 78, 89–91, 94, 99
 Гото Фумио 129, 130, 132, 134,
 156, 158
 Гривнин В. 469
 Громыко А.А. 280, 315, 316
 Грю Дж. 171, 173, 245
 Гувёр Г. 123
 Гэнн Л. 50
 Гюго В. 71
 Гюнтер Дж. 284

 Даллес Джон Фостер 276–279,
 302, 315
 Дан Такума 121
 Джойс Дж. 111
 Джонсон 266
 Дзимму 209, 301, 385
 Дитерихс М.К. 82
 Догэн 353, 354
 Додж Дж. 267–269
 Дои Бансуй 71
 Дои Такако 386, 408, 464
 Доихара Кэндзи 119, 143, 255
 Доко Тосио 383
 Долин А.А. 65, 71, 72
 Домницкий А.И. 311, 314
 Доорман К. 183
 Достоевский Ф.М. 68, 69, 412–
 414
 Доуэр Д. 96
 Дрейпер 266
 Друммонд Э. 124
 Дуань Цижуй 64
 Дэбути Кацудзи 123

- Ёкояма Кимьо 360
 Елисеев С.Г. 226, 273
 Ельцин Б.Н. 450–452, 492
 Ёмота Инухико 470
 Ёнаи Мицумаса 133, 136, 145,
 148, 155, 165, 190, 220, 224,
 227, 254, 488
 Ёсано Акико 70
 Ёсано Тэккан 70
 Ёсида (Иосида) Сигэру 96, 97,
 129, 134, 230, 234, 236, 237,
 239, 241, 244, 245–247, 251,
 258, 261, 263, 271–276, 280,
 281, 286–289, 302, 306, 311,
 317, 318, 320, 343, 477, 489
 Ёсида Дзэнго 157, 166
 Ёсида Исоя 359
 Ёсидзава Кэнкити 123, 124, 125
 Ёсии Исаму 70
 Ёсимура Акира 469
 Ёсино Сакудзо 127
 Ёсино Синдзи 147

 Жофр Ж. 77
 Жуков Е.М. 160
 Зайцев В. 475

 Зайцев В.К. 398
 Зарянов И.М. 254
 Засулич М.И. 24, 25
 Золя Э. 55, 67
 Зомбарт В. 55

 Ибсен Г. 69
 Ивамоторо Хироюки 360
 Иванами Сигэо 209
 Ивата Томио 209
 Извольский А.П. 33
 Иида Сёдзиро 183
 Икки Китокуро 140
 Икэда Дайсаку 335, 336
 Икэда Сэйхин 147, 154, 157
 Икэда Хаято 234, 267, 322, 324,
 343, 344, 401, 402, 490
 Имаи Тадаси 294
 Инагаки Хироси 357
 Иноуэ Дзюнносукэ 94, 117, 120
 Иноуэ Каору 160
 Иноуэ Ниссо 121
 Инукаи Цуёси 86, 88, 91, 92, 120,
 121, 125, 126, 487
 Иоган Е. (Иолк Е.С.) 160
 Иоффе А.А. 82, 89
 Исибаси Тандзан 289, 297, 306,
 317, 318, 490
 Исивара Кандзи 119, 122, 124,
 134
 Исивата Сётаро 190
 Исии Кикудзиро 16, 60, 64, 77,
 85, 167, 486
 Исикава Такубоку 24, 70
 Исикава Тацудзо 162, 292
 Исихара Синтаро 357
 Исодзаки Арата 359
 Итагаки Сэйсиро 35, 119, 122,
 123, 146, 147, 148, 151
 Итикава Сёити 137
 Итимата Наото 297
 Ито Мидори 476
 Ито Сатио 70
 Ито Хиробуми 10, 16–18, 33–36,
 41, 49
 Ихара Сайкаку 411

Кавабата Ясунари 111, 163, 207,
 292, 353, 354, 468, 471, 491
 Каваи Эйдзиро 142
 Каваками Хадзимэ 137
 Кавакубо Рэй 475
 Кадзами Акира 136, 156, 158, 159
 Кайко Такэси 357
 Кайфу Тосики 408, 432, 433, 442,
 444, 461, 464, 491
 Калинин М.И. 99
 Калмыков И.П. 79
 Камю А. 356
 Кан Наото 464
 Канэко Ёбун 112
 Канэмару Син 321, 374, 377, 378,
 380, 385, 408, 432–434
 Карахан Л.М. 90
 Кассини А.П. 18, 46
 Катаяма Сэн 54–58, 106, 107, 108
 Катаяма Тэцу 241, 272, 489
 Като Кандзи 101
 Като Кандзю 146
 Като Сюити 359
 Като Такааки 16, 38, 44, 45, 59,
 62, 487
 Като Томосабуро 77, 82, 83,
 86–93, 487
 Кафка Ф. 356
 Кацура Таро 17, 19, 27–29, 31,
 34–41, 43–45, 49, 50, 52, 69,
 135, 486
 Кая Окиноори 129, 136, 145, 147,
 171, 253
 Келлерман Б. 72
 Келлог Ф. 100, 125
 Кемаль Ататюрк 104
 Кеннеди Джон Ф. 205

Кеннеди Р. 464
 Керзон Дж. 77, 83
 Керсновский А.А. 27
 Кидо Коити 136, 148, 155, 156,
 171, 190, 236, 237, 253
 Киёсава Киёси 186
 Киёура Кэйго 44, 88, 90–92, 487
 Кикүти Кан 69, 110, 163, 207, 410
 Киммель Х. 179
 Кимура Хэйтаро 255
 Кин Дональд 412
 Киносита Дзюндзи 293
 Киносита Мокутаро 71
 Киносита Наоэ 56, 66
 Кинугаса Тэйносукэ 164, 294
 Киплинг Р. 72
 Киси Нобусукэ 102, 129, 159,
 171, 190, 192, 234, 289, 301,
 303, 306, 317–324, 343, 388,
 390, 490
 Кита Икки 102, 103, 104, 133, 134
 Китано Такэси 468, 473
 Китахара Хакусю 71
 Китс Дж. 71
 Клемансо Ж. 73, 77
 Клинтон Б. 455
 Кобаяси Итидзо 159
 Кобаяси Такидзи 113, 117, 160
 Коваленин Д.В. 471
 Кодама Ёсио 318
 Кодзай Ёсисигэ 142
 Коидзуми Дзюньитиро 437, 467,
 477–479, 481–483, 492
 Койсо Куниаки 190, 220, 221, 488
 Кокто Ж. 294
 Колчак А.В. 79, 80

- Комаки Оми 112
 Комура Дзютаро 16, 17, 21, 28,
 30–32, 37
 Кондо Нобутакэ 198
 Кондратенко Р.И. 26
 Коно Ёхэй 372
 Коно Итиро 314, 372
 Коноэ Фумимаро 76, 130, 135,
 136, 145–148, 151, 155–159,
 170, 171, 194, 221, 222, 224,
 225, 246, 433, 488
 Конрад Н.И. 65, 67, 109, 111, 113,
 114
 Корбюзье Ш.Э. 359
 Котоку Сюсуй 54–57, 67, 70
 Крейги Р. 154, 165
 Крестовский Вс. 72
 Кропоткин П.А. 57, 105
 Крупенский В.Н. 79
 Крюгер У. 216
 Кубо Сакаэ 115
 Кумэ Масао 207
 Курино Синъитиро 18–21
 Курита Такэо 217
 Курихара Корэхито 114
 Курода Сэйки 34
 Куроки Тамэмото 24, 25
 Куропаткин А.Н. 21–25, 27
 Куросава Акира 293, 294, 358,
 470, 473
 Куросима Дэндзи 112
 Курусу Сабуро 166, 168, 172
 Кутузов М.И. 23
 Куусинен О.В. 160
 Кухара Фусаносукэ 94, 99, 134,
 156, 157
 Кюкин 71
 Ламздорф В.Н. 16, 18–22, 30, 31
 Лансинг Р. 60, 64, 85, 486
 Лаурель Хосе 195
 Ленин В.И. 34, 108, 114
 Ленсдаун 16, 17, 28
 Леонтьева Е.Л. 369, 420
 Линевич Н.П. 27
 Ли Сынман 345
 Литвинов М.М. 149
 Литтон 126, 127, 128
 Ллойд-Джордж Д. 73
 Лозовский С.А. 222
 Лоти Пьер 109
 Мадзаки Дзиндзабуро 131–134,
 254
 Майский И.М. 222
 Макаров С.О. 24, 26
 Макартур Дуглас 177, 180, 203,
 213, 216, 219, 226, 227, 230,
 231, 235, 236, 237, 239, 245,
 246, 251, 263, 266, 273
 Макартур Дуглас II 319
 Макино Нобуаки 73, 77, 133, 140
 Малевский-Малевич Н.А. 43, 44
 Малик Я.А. 220, 224, 277, 312
 Мао Бинь 221
 Маркес Г. 470
 Маркс К. 107, 301
 Мархлевский Ю.Ю. 82
 Масамунэ Хакут 67
 Масаока Сики 70
 Мацудайра Цунэ 82, 100
 Мацуи Иванэ 255
 Мацуката 34, 90
 Мацумото Сёдзи 246

- Мацумото Сэйтё 410
 Мацумото Сюнъити 312, 313, 315
 Мацумура Кэндзо 306
 Мацуока Ёсукэ 76, 128, 156, 157,
 165–171, 194, 253
 Мацусита Коносукэ 300, 366
 Мазкава Кунио 359
 Мазкава Х. 384, 397
 Маяковский В. 115
 Мейер 32
 Мейерхольд Вс.Э. 115
 Меркулов Н.Д. 82
 Меркулов С.Д. 82
 Мидзогути Кэндзи 164
 Мидзуно Рэнтаро 89
 Микава Гунъити 200
 Микаса 189, 237
 Мики Киёси 143, 209
 Мики Такэо 306, 349, 352,
 371–373, 376, 380, 491
 Микоян А.И. 99
 Милнер 77
 Минами Дзиро 123
 Минобэ Рёкити 246
 Минобэ Тацукити 139, 140
 Мисима Юкио 134, 354, 355
 Митамура Сиро 137
 Митшер М. 214
 Мифунэ Тосио 294, 358
 Мицукава Камэтаро 103, 104
 Миядзава Киити 268, 385, 407,
 415, 433, 435, 446, 448, 492
 Миядзаки Хаяо 475
 Миядзи Кароку 112
 Миядзима Сукэо 112
 Миякэ Иссэй 468, 475
 Миякэ М. 123
 Миямото Кэндзи 162, 310
 Миямото Юрико 142, 162, 290,
 292, 310
 Молотов В.М. 154, 155, 168, 169,
 223, 225
 Мори Ёсиро (Иосиро) 451, 465,
 467, 477, 492
 Мори Каку 96, 97, 120, 125, 126,
 156
 Мори Огай 67, 163
 Морита Акио 240, 302, 415
 Моритани Масанори 429
 Мори Ханаэ 475
 Мотоно Итиро 33, 42, 62, 77, 78
 Мураками Харуки 469, 470, 471,
 473
 Мурата Масатика 360
 Мураяма Томиити 436, 437, 492
 Мураяма Томоёси 115, 116
 Муссолини Б. 120, 130, 152, 219
 Мусякодзи Кинтомо 149, 150
 Мусякодзи Санэацу 68
 Муто Акира 255
 Муто Нобуёси 127
 Мэйдзи 486, 491
 Мэйдзи (Муцухито) 6, 7, 30, 33,
 42, 57, 65, 236, 238, 246, 247,
 249, 257, 305, 486
 Набоков В.В. 470
 Набэяма Садатика 137, 139
 Нагаи Кафу 67, 68, 110, 111, 209,
 292
 Нагаи Мацудзо 100
 Нагаи Рютаро 76
 Нагата Тэцудзан 133

- Нагацука Такаси 70
 Нагумо Тюити 178, 179, 183, 198, 199
 Накадзима Тикухэй 94, 132, 157
 Накамура Синъити 469
 Наканиси Иносукэ 112
 Накано Сигэхару 113, 142, 160, 162
 Накано Сэйго 76, 120, 133, 156–158, 187, 190
 Накасонэ Ясухиро 322, 349, 352, 362, 371, 372, 376, 379–383, 385–390, 392, 407, 464, 491
 Нацумэ Сосэки 66, 67, 70, 109, 410
 Неру Дж. 279
 Никайдо С. 380, 382
 Николай II 16, 20, 25, 28, 30, 32
 Никсон Ричард 342, 348
 Нимиц Ч. 198, 199, 204, 213
 Нисиваки Дзюндзабуро 114
 Нисида Китаро 209
 Нисимура Дзюнко 410
 Нисимура Сёдзи 217
 Нисио Суэхиро 241
 Ниси Токудзиро 18
 Нисихара Камэдзо 64
 Нитирэн 335, 361
 Нитобэ Инадзо 50, 68, 72, 76, 127
 Ниш И. 34
 Ноги Марэсукэ 25, 26
 Нодзу Митицура 25
 Нокс Ф. 40, 172
 Нома Хироси 292, 293, 469, 470
 Номура Китисабуро 154, 170–172
 Норо Эйтаро 8, 139, 142
 Носака Сандзо 240, 309, 310
 Обути Кэйдзо 409, 433–435, 437, 464, 465, 492
 Огата Такэтора 306
 Огура Масацунэ 159
 Одзава Дзисабуро 183, 214, 217
 Одзава Итиро 377, 380, 432, 434–436, 438, 461, 462, 465
 Одзава Сэйдзи 468
 Оикава Косиро 166
 Окава Сюмэй 102–105, 119, 121, 136, 253
 Окада Кэйсукэ 129, 132, 133, 487
 Окакура Какудзо 72, 102
 Окамото Токи 116
 Окамура Ясуцугу 227
 Окимото Д. 370
 Окита Сабуро 389
 Окума Сигэнобу 16, 35, 46, 58, 59, 62, 64, 86, 87, 90, 486
 Оку Ясуката 25
 Олбрайт М. 464
 Осаму Т. 414
 Осанаи Каору 111, 114, 115
 Осима Хироси 149, 151–153, 253
 Осуги Сакаэ 57
 Отани 79
 Отт О. 167, 168
 Охира Масаёси 349, 350, 352, 371, 372, 374–376, 378, 389, 491
 Оэ Кэндзабуро 356, 357, 411, 412, 468, 469, 471, 492
 Ояма Икуо 24, 106
 Пак Чжонхи 345

- Певзнер Я.А. 368
 Пелевин В.О. 471
 Персиваль А. 181
 Пикассо П. 472
 Пильняк Б.А. 109
 Питти М. 46
 Плеве В.К. 21
 Плеханов Г.В. 56, 57
 Пол Пот 392
 По Эдгар 163
 Пруст М. 111, 356
 Пу И 42, 126, 226
 Путин В.В. 451, 453, 492
 Пэл Р. 253
- Радек К.Б. 160
 Рамзес В.Б. 399
 Рейшауэр Э. 257, 305, 347
 Рембо А. 71
 Риббентроп И. фон 149–153,
 166–169
 Риджуэй М. 230
 Розен Р.Р. 18, 20, 21, 28, 29, 32
 Рояма Масамити 85, 136
 Рузвельт Т. 28, 29, 30, 32
 Рузвельт Ф. 86, 127, 169–173,
 176, 179, 186, 195, 220, 222
 Русин А.И. 19, 20
 Рут 40, 486
 Рыков А.И. 99
 Рю Синтаро 143
- Савада 311
 Сазонов С.Д. 42, 62, 63
 Сайго Такамоти 160
- Сайондзи Киммоти 11, 35, 36, 38,
 39, 41–45, 73, 77, 86, 87, 90, 93,
 95, 129, 133, 136, 147, 155, 486
 Сайто Макото 126, 129, 132, 133,
 487
 Сайто Мокити 70
 Сайто Такамоти 160
 Сайто Такао 155
 Сайто Хироси 83
 Сакаи Тосихико 54–57
 Сакакура Дзюндзо 359
 Сано Гаку 137, 138, 139
 Сартр Ж.-П. 356
 Сасакава Рёити 318
 Сасаки Кодзо 241
 Сато Наотакэ 223, 225
 Сато Харуо 207
 Сато Эйсаку 234, 289, 318, 322,
 343, 344, 348, 349, 477, 490,
 491
 Сёва (Хирохито) 76, 95, 121,
 236–238, 247, 408, 409, 487,
 491
 Сезанн П. 472
 Семенов Г.М. 79–81
 Сётоку 469
 Сиба Рётаро 410, 411
 Сибата Мотоюки 470, 471
 Сибата Рэндзабуро 411
 Сига Наоя 69, 110, 292, 469
 Сигэмицу Мамору 76, 152, 190,
 220, 221, 227, 253–255, 289,
 306, 311–315, 317
 Сидэхара Кидзюро 73, 83, 85,
 91–93, 95–97, 100, 101, 118,
 121, 123–125, 236, 237, 241,
 244, 246, 251, 258, 273, 489

- Сиина Эцудзабуро 129, 292, 318, 322
- Симада Сигэтаро 190
- Симадзаки Тосон 66, 70, 163
- Сима Киёхидэ 217
- Симаки Кэнсаку 161, 162
- Синдо Канэто 294, 357
- Сираси С. 414, 416
- Сиратори Тосио 83, 130, 149, 152, 157, 158, 169, 253
- Сираянаги Сюко 111
- Сметанин К.А. 170
- Соболев А.А. 311
- Соловьев Вл. 24
- Сорокин В.Г. 471
- Сталин И.В. 99, 168, 169, 185, 220, 222, 254, 309
- Станиславский 115
- Стессель А.М. 26
- Стимсон Г. 123–125, 128, 172
- Стрельцов Д.В. 384
- Сугияма 131, 136, 146, 190
- Суда Кокуто 473
- Судзуки Дзэнко 378, 379, 380
- Судзуки Кантаро 133, 223, 227
- Судзуки Кисабуро 94, 128, 129
- Судзуки Масабуро 308
- Судзуки Тадаси 468
- Судзуки Тэйити 130, 172, 253
- Суэцугу Нобумаса 146, 158
- Сэйюкай Судзуки 120
- Сэнда Торая 115, 116
- Сэнкэ Момотаро 114
- Сэнсом Дж. 269
- Тагор Р. 102
- Тайсё (Ёсихито) 36, 43, 45, 69, 73, 86, 105, 108, 109, 121, 486, 487
- Такабатакэ Мотоюки 102
- Такада Кэндзо 475
- Таками Дзюн 160
- Такамура Котаро 71, 207
- Такарабэ Такэси 100
- Такахама Кёси 70
- Такахаси Корэкиё 83, 87–89, 91, 92, 94, 117, 120, 129, 130–133, 487
- Такахаси Корэмоти 183
- Такахаси Синкити 114
- Такахаси Хироси 238
- Такахира 40, 486
- Такигава Юкитоки 137
- Такэсита Нобору 377, 380, 388, 392, 406, 407, 432, 434, 445, 491
- Тамура К. 74
- Танака Гиити 60, 73, 87, 90, 92, 94–100, 117, 244, 245, 487
- Танака Какуэй 296, 349, 351, 352, 362, 371, 372, 376–380, 382, 385, 388, 389, 406, 432–434, 436, 491
- Танака Райдзо 201
- Тангэ Кэндзо 359, 360, 468
- Танидзаки Дзюнъитиро 111, 163, 209, 292, 353, 411
- Танин О. (Тарханов О.С.) 160
- Тардьё А. 73
- Татибана Касабуро 105, 119, 121
- Татэкава Ёсицугу 169
- Тафт У. 37
- Таяма Катай 68
- Тинда Сутэму 73

- Тихвинский С.Л. 314
 Тоба Содзё 413
 Того Сигэнори 152, 154, 155, 169,
 172, 173, 189, 223, 227, 253,
 255
 Того Сэйдзи 116
 Того Хэйхатио 24, 27
 Тодзио (Тодзё) Хидэо 129–131,
 157, 158, 171, 172, 174, 182,
 185–187, 189, 190, 192, 195,
 220, 253, 255, 488
 Тодзио Хидэки 253, 255
 Тоёда Тэйдзиро 170, 171
 Токонами Такэдзиро 87, 88, 95
 Токугава Иэсато 83, 88
 Токуда Кюити 240, 310
 Токунага Сунао 113, 160, 292
 Токутоми Рока 66, 69
 Токутоми Сохо 207
 Толстой Л.Н. 57, 68, 69, 70, 105,
 115, 412
 Томонага Синъитиро 327
 Тосака Дзюн 142
 Тояма Мицуру 101, 120, 156
 Траутман О. 145
 Троцкий Л.Д. 78
 Трумэн Г. 267
 Тряпицын Я. 81
 Тургенев И.С. 66, 69
 Тэраути Масатакэ 49, 53, 60, 64,
 77, 78, 87, 131, 134, 135, 245,
 486
 Тэраути Хисаси 227
 Уальд Оскар 111
 Угаки Кацусигэ 91, 92, 119, 131,
 135, 147, 152, 153
 Уитмен У. 68, 71
 Уитни К. 246, 247, 408
 Умэдзу Ёсидзиро 143, 227
 Уно Сосукэ 407, 432, 491
 Утида 372
 Утида Косай 73, 77, 86, 89, 126,
 129
 Утида Рёхэй 101
 Утида Тому 164
 Уэсуги Синкити 102, 139
 Уэхара Юсаку 44
 Фадеев А. 109
 Фалчер Дж. 11
 Ферре 475
 Фош Ф. 77
 Франциск святой 68
 Фтабатэй Симэй 69
 Фудзияма Айитиро 318, 319, 320
 Фукуда Такэо 322, 349, 350, 352,
 371–374, 376, 380, 389, 464,
 491
 Фукумото Кадзуо 107, 108
 Фумон Гё 116
 Фусими 132
 Хагивара Кёдзиро 114
 Хамагути Осати 91, 93, 95, 100,
 101, 117, 118, 487
 Ханг Самрин 391
 Хани Горо 142
 Ханихара Масанао 83, 85, 90
 Хара Такаси 35, 36, 38, 39, 41, 45,
 73, 77, 80, 83, 86–88, 486
 Хасимото Кингоро 104, 105, 119,
 121, 134, 146, 153, 157, 158

- Хасимото Ёутаро 415, 421, 434,
437, 440, 449–452, 454, 462–
464, 477, 479, 492
- Хасэгава Сёити 473
- Хата Сюнроку 155
- Хата Цутому 434–436, 461, 492
- Хатояма Итиро 129, 132, 157,
188, 241, 287–289, 297, 306,
311, 312, 315, 317, 318, 320,
438, 490
- Хатояма Кунио 438
- Хатояма Юкио 438, 462
- Хаттори Сисо 142
- Хауз Э.М. 73, 77
- Хаусхофер К. 34, 85, 149, 169
- Хаяма Ёсики 112
- Хаяси Кюдзиро 123
- Хаяси Сэндзюро 131, 132, 134,
135, 154, 488
- Хаяси Тадасу 16, 17, 28, 29, 30,
38
- Хаяси Фусао 112, 160
- Хигасикуни Нарухико 227, 236,
489
- Хидзиката Ёси 114, 115–117
- Химики 469
- Хино Асихэй 162, 207
- Хиоки Эки 60, 62
- Хирада Рэнкити 114
- Хираидзуми Киёси 209
- Хираи Таро 163
- Хирано Ёситаро 142
- Хиранума Киитиро 129, 132, 135,
147, 151–153, 157, 159, 170,
253, 488
- Хираока Котаро 101
- Хирота Коки 132, 134–136,
143–147, 150, 151, 154, 190,
220, 224, 253–255, 488
- Хисайта Эйдзиро 112, 115
- Ходзуми Яцука 139
- Хокусай Кацусика 413
- Хомма Масахару 180
- Хондзё Сигэру 123, 134
- Хорват Д.Л. 79
- Хорнбек С. 123
- Хосино Наоки 129, 158, 159, 172,
253
- Хоси Тору 36
- Хосокава Кароку 208
- Хосокава Морихиро 433, 436,
447, 461, 492
- Хотта Ёсио 354
- Хундертвассер Ф. 473
- Хэвенс Т. 105
- Хэ Инцинъ 143
- Хэлл К. 170, 172, 173, 178
- Хэмфри 311
- Цин Дэчунъ 143
- Цуда Сокити 209
- Чан Кайши 97, 98, 99, 123, 128,
144–147, 165, 169, 172, 173,
183, 185, 220, 221, 225, 278,
281
- Черчилль У. 77, 171, 176, 186,
195, 220, 222, 312
- Чехов А.П. 68, 69, 115
- Чжан Сюэлян 99, 123, 124, 128
- Чжан Цзолинъ 77, 98, 99, 100
- Чиано Г. 168
- Чичерин Г.В. 75, 99

Шелли П. 70
Шефи Клара 69
Шлезингер Я. 432
Шолохов М.А. 109
Шорт У. 179
Шоуп К. 268
Штакельберг Г.К. 25
Штамер Г. 166, 167, 168

Эдвардс К. 264
Эйзенхауэр Д. 321
Эйкельбергер 275
Эмерсон Р. 105
Энгельс Ф. 107, 301
Эндо Ёсикадзу 149
Эрве Г. 57
Эренбург И.Г. 109
Эсаки Лео 327

Юань Шикай 42, 60, 62
Юаса Курахэй 135
Юз У. 75, 85, 90
Юкава Хидэки 327

Ямагата Аритомо 34–36, 39,
42–45, 63, 79, 86, 87, 131
Ямада Отодзо 226
Ямадзи Айдзан 56
Ямакава Хитоси 106, 107, 108,
146
Ямамото Гоннохё 44, 45, 52, 89,
92, 134, 486, 487
Ямамото Ёдзи 468, 475
Ямамото Исороку 86, 174,
197–199, 204
Ямамото Масаёси 139
Яманаси Хандзо 89
Ямасита Томоюки 181, 182, 218,
219
Янагава 157, 159, 170
Янаихара Тадао 142
Янасэ Масаму 116
Янг 266
Янсон К. 107
Ясуи Хидэдзи 136, 158, 159
Ясуока Масахиро 104

Указатель географических названий

- Абервилль 476
- Австралия 29, 75, 180–182, 196, 197, 200, 231, 253, 323, 390, 391
- Адмиралтейства о-ва 212
- Азия 33, 34, 59, 85, 103, 136, 151, 152, 160, 165, 177, 194–196, 207, 213, 224, 229, 256, 289, 296, 297, 302, 318, 319, 323, 333, 334, 342, 343, 345, 351, 388, 389, 401, 402, 413, 442, 445, 447–449, 452–454, 457, 458, 460, 461
- Алеутские о-ва 84, 181, 198, 199, 204
- Алжир 51
- Альбион 21
- Аляска 51
- Амами-Осима о-ва 84
- Америка 19, 68, 75, 113, 144, 153, 170–172, 175, 207, 284
- Англия 8, 10, 15–17, 19–21, 27–29, 31, 35, 37, 47, 62, 63, 71, 83, 84, 100, 104, 120, 131, 144, 149, 151–155, 165, 171, 173, 175–177, 179, 183, 207, 223, 228, 231, 276–278, 283, 312, 369, 400, 403, 422, 427
- Аннама 196
- Аньдун 60, 122
- Атлантика 176, 196
- АТР 348, 351, 390, 391, 445–449, 452, 454, 455, 459
- Атту о-в 199, 204
- Афганистан 28, 29
- Африка 48, 176, 460, 461
- Байкал 29
- Бали 183
- Батаан п/о 180, 184
- Бельгия 15, 83, 100, 401, 402
- Бенгальский залив 174, 183
- Берингово море 32, 313
- Берлин 17, 59, 99, 146, 149, 151, 152, 153, 168, 169, 184
- Бикини (атолл) 308, 357
- Бирма 174, 183, 184, 195, 200, 203, 213, 216, 279, 280, 303, 343, 344
- Бирманская ж.д. 165
- Бирмингем 459
- Ближний Восток 368, 397, 443, 444, 445
- Большой Хинган 226
- Бонин о-ва (Огасавара) 84, 277, 283
- Борнео о-в 183, 212
- Босния 457
- Босфор пролив 27
- Бразилия 416, 460
- Британия 16
- Британская Малайя 181
- Брюссель 402
- Бугенвиль о-в 204–206
- Бухара 21
- Вафангоу 25
- Вашингтон 18, 29, 32, 38, 46, 64, 78, 83, 85, 100, 124, 125, 144, 170, 172, 173, 177, 197, 203,

- 213, 216, 222, 228, 231, 239,
320, 322, 323, 348, 444, 445
- Великобритания 12–15, 21, 24,
38, 40, 42, 46, 62, 73, 75, 84, 98,
99, 123, 125, 132, 145, 147, 151,
173, 225, 230, 231, 251, 253,
261, 276, 278, 298, 347, 396,
397, 400, 401, 403, 415, 422,
424, 426, 444, 457, 459, 460
- Вена 457
- Венеция 293, 294, 405, 473
- Владивосток 19, 22, 24, 26, 30,
78, 79, 81–83
- Внешняя Монголия 33, 42, 143,
222
- Внутреннее Японское море
(Сэто найкай) 396
- Внутренняя Монголия 42, 60, 97,
172
- Волкано о-в 283
- Восточная Азия 28, 48, 59, 130,
143, 144, 167, 174, 189, 191,
194, 195, 210, 220, 454
- Восточная Европа 460
- Восточный Тимор 457
- Вьетнам 196, 303, 323, 343, 344,
445, 446, 449
- Гаага 49, 456
- Гавайи о-ва 48, 179
- Гавайские острова 178
- Германия 12–15, 17, 19, 24, 29,
35, 42, 48, 58, 59, 64, 71, 74,
75, 77, 85, 116, 121, 125, 130,
134, 145, 146, 149, 150–156,
165–170, 173, 176, 179, 185,
187, 196, 203, 222–224, 226,
228, 402, 403, 415, 424–427,
444, 459, 460, 486, 488
- Гилберта о-ва 180, 184, 206, 211
- Гириин (Цзилин) 34, 122
- Голландия 8, 83, 231, 253, 400,
401
- Голландская Индия (Индонезия)
165, 172, 177, 180, 183, 184,
195, 216
- Гонконг 84, 174, 177, 182, 256,
391, 454
- Греция 279
- Гуадалканал о-в 200, 201, 202,
203, 204, 205, 488
- Гуам 84, 180, 214, 215, 256
- Гумма преф-ра 464
- Дайрен (Дальний) 60, 82, 97, 222,
226
- Дайто о-в 283
- Дальневосточная республика 81
- Дальний 19, 31
- Дальний Восток 14, 15, 19–25,
27, 28, 30, 31, 37, 49, 58, 61–63,
73, 76–83, 85, 87, 89, 99, 106,
112, 125, 144, 153, 226, 230,
231, 235, 253, 277, 284, 319,
320, 322, 342, 343, 346, 406,
453, 486, 487, 489
- Даниме (район во Вьетнаме) 303
- Дарданеллы 27
- Датч-Харбор (база) 198
- Демократическая Республика
Вьетнам (ДРВ) 278, 342
- Денвер 449, 459
- Джохор (пролив) 182

Европа 22, 33, 34, 48, 59, 61, 71,
105, 109, 113, 127, 151–155,
165, 167, 169, 173, 177, 222,
228, 402, 403, 427, 445, 452,
453, 457, 458, 468

Египет 445, 448

Ёкосука 133, 225, 232

«Железное дно» (пролив) 202

Забайкалье 79, 80, 81, 82

Западная Европа 362, 365, 368,
391, 396, 397, 400–405, 442,
443, 456

Иводзима о-в 219, 222

Израиль 445

Импхал (район в Бирме) 213

Индийский океан 84, 183, 213

Индия 28, 29, 34, 48, 75, 183,
195, 196, 231, 253, 279, 280,
318, 323, 324, 343, 454, 456,
460

Индокитай 165, 171, 172, 175,
389, 446, 449

Индонезия 165, 174, 196, 303,
318, 323, 324, 344, 390, 416,
454, 457

Инкоу 122

Иокогама 33, 47, 89, 126, 225,
256, 474

Иордания 445

Ирак 280, 442, 443

Исикава (преф.) 286, 465

Испания 15, 416, 425, 473

Италия 15, 73, 75, 83, 125,
150–156, 165, 167–169, 173,
185, 187, 219, 325, 403, 416,
425, 488

Итуруп о-в 313, 316, 450, 453

Кавано 451

Кавите (база) 180

Каир 220

Калифорния 38, 40, 76

Камбоджа 323, 445, 446

Камран р. 303

Камчатка 82, 313

Канада 231, 253, 298, 397, 401,
425

Канто (район) 88, 89, 92

Кантон 147

Каролинские о-ва 59, 206, 211,
213, 215

Касумигасэки (район) 100

Квантун 26, 51, 52, 132

Киото 10, 47, 226, 274, 328, 338,
386, 413, 472

Китай 9, 11, 15, 16, 18, 19, 21, 22,
28, 30, 31, 33, 34, 37, 38, 40–42,
47–49, 58–64, 74, 76, 79, 83–85,
91, 95–102, 104, 105, 120,
123–128, 133, 138, 142–147,
151, 153, 154, 160–162, 171,
172, 175, 179, 184, 185, 195,
200, 213, 218–221, 224, 225,
227, 231, 253, 254, 256, 276,
278, 280, 281, 310, 320, 346,
347, 348, 350, 351, 415, 416,
442, 445, 446, 453–455, 457,
459, 461, 484, 486, 487, 488

Китайская республика 42, 85

- КНР 231, 278, 279, 281, 296, 304,
 318, 323, 324, 334, 346–351,
 400, 449, 453, 454, 460, 481
 Кобэ (Кобе) 184, 225
 Коломбангара о-в 205
 Коломбо 184
 Кораллово море 197
 Корейская народно-
 демократическая республика
 (КНДР) 278, 281, 456, 457, 461
 Корейский полуостров 344, 392,
 457
 Корейский пролив 27, 30
 Корея 11, 15, 16, 18–21, 23, 24,
 28–31, 33, 37, 38, 40, 41, 49–53,
 80, 87, 101, 105, 112, 118, 129,
 189, 190, 226, 231, 244, 268,
 269, 276, 277, 282, 296, 345,
 416, 486
 Коррехидор (крепость на Филип.)
 184
 Косово 457
 Кота-Бару (район Таиланда) 181
 Красноярск 451
 Куанченцзы (Чаньчунь) 62
 Кувейт 442, 444
 Кумамото пр-ра 433
 Кунашир 313, 316, 450, 453
 Курилы 282, 314, 315, 317
 Курильские о-ва 12, 48, 84, 220,
 222, 226, 277, 282, 312, 313,
 315
 Кэйдзё (Сеул) 53
 Кюсю 48, 219, 232, 396
 Лаос 323, 344, 449
 Латинская Америка 416, 444, 460
 Лейте о-в 216, 217, 218
 Либава 26, 27
 Либерия 76
 Ливан 445
 Ливия 405
 Лондон 16, 21, 28, 29, 71, 83, 84,
 100, 151, 152, 222, 228, 245,
 311, 312, 314, 315, 401, 404,
 472
 Лунчжоу 60
 Лусон о-в 180, 219
 Люксембург 279, 401, 402
 Лютяогоу 122, 143
 Ляодунский п/о 15, 19, 24, 25, 30,
 31, 37, 49
 Ляоян 23, 24, 25
 Мадрид 444
 Малайзия 344, 416, 454
 Малайя 174, 177, 181–184, 323
 Малая Курильская гряда 312
 Манила 176, 180, 219, 227, 256,
 392, 445
 Манус о-в 212
 Маньчжоу-го 126–128, 130, 131,
 144–146, 154, 171, 172, 195,
 220, 224, 487
 Маньчжурия 15–23, 29, 31–33,
 40, 41, 52, 80, 97, 98, 99, 119,
 122–124, 126–128, 132, 136,
 137, 171, 182, 185, 195, 207,
 220, 221, 226, 486, 487
 Марианские о-ва 59, 184, 211,
 213–215, 221
 Марку о-в 205, 283
 Маршалловы о-ва 184, 206, 211
 Мексика 12, 127

- Мидуэй атолл 197–199, 488
 Минато-Мираи 474
 Минданао о-в 215
 МНР 222, 278
 Момбаса 184
 Монголия 41, 98
 Монгольская народная
 республика (МНР) 278
 Москва 81, 82, 99, 106, 107, 125,
 138, 151, 153, 166, 167, 168,
 169, 172, 220, 224, 309, 311,
 314, 315, 346, 348
 Мукден 18, 20, 24, 26, 27, 96, 122,
 123, 226, 227
 Мьянма (Бирма) 449

 Нагано 476
 Нагасаки 226, 489
 Нагоя 184, 225
 Нампо Сёто о-в 283
 Нанкин 97, 98, 145, 146
 Нансэй Сёто о-в 283
 Нидерланды 15, 177, 254
 Николаевск-на-Амуре 79, 81
 Новая Гвинея 196, 197, 199,
 200–205, 212, 213, 216
 Новая Зеландия 231, 253, 323,
 344
 Новая Ирландия 182
 Нью-Джорджия о-в 204, 205
 Нью-Йорк 311, 394

 Оаху о-в 178
 Объединенные Арабские
 Эмираты 473
 Окинава 48, 216, 219, 223, 224,
 286, 315, 334, 338, 343, 437,
 440, 452, 454, 491
 Осака 55, 164, 225, 328, 338, 375,
 474
 Охотское море 32

 Пакистан 323, 343, 448, 456
 Палау о-в 211, 215, 216
 Парес Вела о-в 283
 Париж 71, 76, 85, 151, 152, 273,
 359, 472, 473, 475
 Пекин 18, 22, 33, 59, 60, 62, 64,
 90, 98, 99, 145, 309, 337, 347,
 348, 350, 351, 455
 Пёрл-Харбор 172, 173, 174, 176,
 178, 179, 181, 183, 184
 Персидский залив 442, 443, 445,
 446, 459
 Персия 28, 29
 Пескадорские о-ва (Пэнхуледао)
 49, 84, 277, 282
 Петроград 63, 76, 77
 Польша 127, 154, 279, 280, 318
 Порт-Артур 19, 22–27, 30, 31, 34,
 60, 222, 226, 486
 Порт-Морсби 197, 200, 201, 204
 Портсмут 28, 30, 37, 38, 49, 486
 Португалия 15, 83
 Приамурье 24, 80
 Приморский край 23
 Приморье 29, 30, 79, 80, 82, 89

 Рабаул (база) 182, 197, 200, 205,
 206, 212
 Рамбуйе 404
 Рангун 183

- Республика Корея 316, 344, 345, 454, 470
- Рим 151, 152, 153, 169, 245
- Розарио о-в 283
- Россия 8, 12, 15–25, 27–42, 45, 47–51, 55, 56, 58–60, 62–64, 71, 76, 77–79, 81, 83, 87, 101, 104, 112, 138, 168, 179, 222, 273, 282, 416, 448–453, 457, 459, 470, 471, 473, 484, 486, 487
- РСФСР 81, 82, 83
- Рюкю о-ва 11, 48, 51, 84, 277, 283, 342, 491
- Саво о-в 200
- Сайпан о-в 213, 215, 488
- Сайтама (преф.) 338
- Самоа о-в 197
- Сан-Франциско 278
- Сангарский пролив 396
- Сандепу р. 26
- Санкт-Петербург 16, 18, 20, 21, 23, 26, 28, 32, 43, 452
- Санта-Крус о-в 201
- Саппор 396, 491
- Сараево 122
- Сахалин о-в 27, 30–32, 49, 51, 80, 282
южная часть 32, 49, 222, 226, 282, 312
- Северная Африка 176
- Северная Корея 30
- Северная Маньчжурия 23, 80
- Северный Индокитай 227
- Северный Китай 97, 145
- Северный Сахалин 78, 80–83, 168
- Сеул 18, 49, 53
- Сиам (Таиланд) 76
- Сибирь 29, 77–81, 346
- Сикоку 285, 356, 396
- Сикотан о-в 316
- Сингапур 174, 181, 182, 195, 211, 227, 256, 323, 344, 391, 416
- Сирия 445
- Советская Россия 76, 81, 104, 110, 114, 138
- Советский Союз (СССР) 108, 136, 137, 144, 151, 167–170, 220, 223, 225, 227, 256, 261, 276, 278–282, 284, 311–313, 315–318, 323, 334, 346, 381, 406, 489
- Соломоновы о-ва 182, 184, 196, 197, 200, 203–205
- Софу Ган 283
- Спратли о-в 282
- Средиземное море 176, 196
- Средняя Азия 21
- СССР 80, 81, 89, 96, 99, 100, 104, 106, 107, 114, 116, 124–126, 131, 139, 144, 145, 149–156, 166–170, 172, 187, 196, 220–225, 227, 230, 231, 253–255, 276, 278, 279, 280–282, 288, 311–318, 323, 324, 346, 351, 389, 400, 441, 442, 444, 450, 453, 487, 488, 490, 491
- Стокгольм 26
- Суматра 183
- Сунгари р. 33
- Суригао (пролив) 217

Суэцкий канал 315

США 8, 12, 15, 18, 28, 29, 31,
37, 38, 40, 42, 46–49, 57, 62,
64, 73–75, 77, 78, 83–85, 90,
98–101, 104, 121, 124–127,
131, 132, 145–147, 149, 155,
165–167, 170–177, 179, 180,
182–184, 193, 196, 197, 199–
201, 203–206, 212, 216, 217,
219, 222, 223, 225, 228, 230–
232, 235, 242, 253–256, 260,
264, 266, 269, 273–278, 281,
283–293, 295, 297–299, 301,
302, 308, 311, 315, 317–322,
324–327, 329, 330, 342–350,
365, 368, 369, 381, 382, 387,
389–391, 394–405, 408, 423,
425–427, 432, 437, 441–445,
447–449, 453, 455, 458, 460,
464, 468, 473, 480

Сыпингайские позиции 27

Сэндай 47

Сэнкаку о-ва 454

Тавитави о-в 212

Тайвань (Формоза) 49–53, 61, 84,
108, 175, 189, 216, 227, 277,
278, 323, 346–350, 391, 416,
454, 489

Таиланд 76, 181, 195, 303, 323,
343, 344, 416, 446, 454

Тайхоку (Тайбэй) 53

Такэсима о-ва 345

Тарава (атолл) 206

Тарава атолл 206

Татарский пролив 80

Тегеран 220

Техас 127

Тибет 28

Тихий океан 205, 213

Токайдо 65, 328, 474

Токийская равнина 219

Токийский залив 133, 227, 232,
448

Токио 10, 16–19, 24, 28, 32, 33,
37, 38, 40, 42, 45, 47, 56, 58–62,
64, 70, 75–77, 79, 80, 81, 83, 84,
89, 90, 92, 97, 98, 106, 107, 113,
119, 120, 123, 124–127, 133,
144, 146, 147, 149, 151–153,
159, 165–167, 169, 171, 173,
178, 184–186, 195, 210, 220,
221, 223, 224–227, 231, 232,
238, 244, 253, 255, 273, 274,
286, 311, 315, 317, 319, 321,
323, 328, 335, 338, 346, 350,
355, 360, 375, 396, 427, 428,
432, 444, 455, 457–459, 461,
472–475, 487, 488, 490

Тринкомали (база) 184

Трук о-в 211

Тулага о-в 197

Турция 27, 104, 448

Тяньцзин 96, 145

Улити атолл 216

Уссурийский край 23

Ухань 147

Учан 42

Уэйк о-в 180

Фиджи о-ва 197

Филиппинское море 215

Филиппины 37, 84, 127, 174, 176,

- 180, 184, 195, 196, 213–219, 231, 253, 303, 320, 323, 344, 454
- Формоза (Тайвань) 49, 84, 277, 282
- Франция 8, 13–15, 24, 30, 38, 42, 59, 68, 71, 73, 75, 77, 83, 84, 112, 113, 123, 125, 151, 155, 165, 231, 253, 254, 273, 277, 347, 396, 401–403, 415, 425, 426, 444, 457, 459, 460
- Французский Индокитай 165
- Фудзи 65, 360
- Фуцзянь (провинция) 61
- Фушунь (ские копи) 52
- Хабаровск 79, 81, 82, 256
- Хабомай о-ва 312, 313, 315, 316, 323, 450, 453
- Халхин-Гол 254
- Ханой 147
- Ханэда 321
- Харбин 19, 30, 41, 62, 126
- Хасан о-в. 147, 254, 488
- Хельсинки 457
- Хиросима 226, 293, 294, 489
- Хоккайдо 48, 50, 189, 261, 381, 396
- Хонсю 396
- Хубэй р-н 185
- Хэбэй (пров.) 143
- Хэйлунцзян 124
- Цейлон 183, 323
- Целебес (Сулавеси) 84, 183
- Центральная Азия 22
- Центральный Китай 63, 97
- Цзинань 60, 98
- Цзиньчжоу 124
- Цзяочжоу (Циндао) 58
- Цицикар 124
- Цусимский пролив 27
- Цугару (пролив) 220
- Цусима о-в 27
- Чанчунь (Куаньченцзы) 31, 61, 82
- Чахар (провинция) 143
- Чемульпо 24
- Чехословакия 127, 279, 318
- Чита 19, 81, 82
- Чифу 60
- Шанхай 84, 97, 102, 125, 145, 221
- Шаньдун 59, 60, 97, 98
- Шаньдунский п/о 62, 74
- Шахэ р. 25, 26
- Швеция 149, 273, 424, 427
- Шикотан о-в 312, 313, 315, 316, 323, 450, 453
- Эниветок (атолл) 216
- Эсперанс (мыс) 201
- Юго-Восточная Азия 181, 227, 269, 302, 343, 368, 389, 397
- Югославия 127, 279
- Южная Корея 53
- Южная Корея (Республика Корея)

- 344–346, 391, 490
- Южная Маньчжурия 23, 24, 60
- Южно-Курильская гряда 450
- Южный Вьетнам 303, 323, 344
- Южный Китай 61, 97
- Южный Сахалин 12, 51–53, 189, 220, 277, 314
- Ява 183
- Ялу (Ялуцзян) р. 19, 24
- Ямайка 448
- Янцзы р. 61, 146
- Яп о-в 84
- Япония 6–22, 24, 27–34, 36–38, 40–67, 71–77, 78–111, 113–115, 116–121, 123–132, 136–139, 141, 143, 145–154, 156, 160, 165–179, 181, 182, 184–186, 191–197, 202, 204, 205, 207, 208, 210, 212, 213, 216, 218–235, 238–243, 245–251, 253, 255–257, 259, 260, 263–265, 267–269, 271, 274–291, 293, 294, 297–305, 309–320, 322–330, 332, 334, 335, 337, 338, 341–348, 350–353, 355, 356, 362, 263, 365, 367, 369, 378, 379, 381, 384–409, 414–416, 418–420, 422–427, 429, 431, 433–435, 438–463, 465–471, 474, 476–478, 484–492
- Японские острова 216, 219, 221 342
- Японское Внутреннее море 396
- Японское море 27, 32, 381

БИБЛИОГРАФИЯ

На русском языке:

- ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917–1941. М., 2001
- Воспроизводство общественного продукта в Японии. Под редакцией Я.А.Певзнера. М., 1970.
- Гальперин А.Л. Англо-японский союз, 1902–1921. М., 1947.
- Гольдберг Д.И. Очерк истории рабочего и социалистического движения в Японии в 1868–1908 гг. М., 1976.
- Государственно-монополистическое регулирование в Японии. Под редакцией Я.А.Певзнера. М., 1985.
- Григорьева Т.П. Красотой Японии рожденный. Т. 2. Японская литература XX века (традиция и современность). М., 2005.
- Золотарев В.А., Соколов Ю.Ф. Трагедия на Дальнем Востоке. Русско-японская война 1904–1905 гг. Кн. 1–2. М., 2004 (Серия «Военная история Государства Российского»).
- Исии К. Дипломатические комментарии. М., 1942.
- История войны на Тихом океане. Пер. с яп. Т. I–V. М., 1957–1958.
- История Японии. 1945–1975. Под редакцией В.А.Попова. М., 1978.
- История Японии. Т. II. 1868–1998. Под редакцией А.Е.Жукова. М., 1998.
- Кавабата Ясунари. Повести, рассказы, эссе. М., 1971.
- Катаяма С. Статьи и мемуары. М., 1959.
- Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов. 1907–1929. М., 2005.
- Конрад Н.И. Очерки японской литературы. М., 1973.
- Конрад Н.И. Японская литература. М., 1974.
- Курилы. Острова в океане проблем. М., 1998.
- Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904–1905 гг. Итоги войны. Спб., 2002.
- Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор, 1905–1945 гг. М., 1961.
- Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962.
- Кутаков Л.Н. Внешняя политика и дипломатия Японии. М., 1964.
- Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988.

Лебедева И.П. Структурные изменения в японской промышленности. М., 1986.

Лебедева И.П. Японские корпорации: стратегия развития. М., 1995.

Лебедева И.П. Малый бизнес в Японии. М., 2004.

Маркарьян С.Б. Научно-технический прогресс в сельском хозяйстве Японии. М., 1987.

Маркарьян С.Б. Аграрный сектор японской экономики. Основные проблемы 80-х годов. М., 1990.

Макаров А.А. Политическая власть в Японии. М., 1988.

Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии. М., 1999.

Молодяков Василий. Подсудимые и победители. Токио, 1995.

Молодяков В.Э. Несостоявшаяся «ось»: Берлин–Москва–Токио. М., 2004.

Молодяков В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929). М., 2005.

Молодяков В.Э. Россия и Япония: меч на весах. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929–1945). М., 2005.

Молодяков В.Э. Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949) - дипломат, политик, мыслитель. М., 2006.

Молодякова Э.В. Профсоюзы и общество в Японии. М., 1994.

Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б. Японское общество: книга перемен. М., 1996.

Монополистический капитал Японии на рубеже 60–70-х годов. Под редакцией В.А. Власова, С.Т.Мажорова. М., 1977.

Морита Акио. Сделано в Японии. Пер. с яп. М., 1990.

Моритани Масанори. Современные технологии и экономическое развитие Японии. Пер. с яп. М., 1988.

Николаев А.Н. Токио: суд народов. М., 1990.

Очерки новой истории Японии. Под редакцией А.Л.Гальперина. М., 1958.

Певзнер Я.А. Монополитический капитал Японии («дзайбацу») в годы Второй мировой войны и после войны. М.–Л., 1950.

Петров Д.В. Внешняя политика Японии после Второй мировой войны. М., 1965.

Петров Д.В. Япония в мировой политике. М., 1973.

- Пигулевская Е.А. Обновление основного капитала японской промышленности и развитие послевоенного цикла. М., 1960.
- Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны, 1895–1907 гг. М.–Л., 1955.
- Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. Под редакцией Э.В.Молодяковой. М., 2004.
- Русско-японская войны на море. Минск, 2004.
- Сенаторов А.И. Катаяма Сэн. Научная биография. М., 1988.
- Сенаторов А.И. Политические партии Японии. 1945–1992. М., 1995.
- Семин А.В. Внешнеполитические ориентиры Японии и Китай. М., 2001.
- Сила-Новицкая Т.Г. Культ императора в Японии. Мифы. История. Доктрины. Политика. М., 1990.
- Славинский Б.Н. СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945 гг. М., 1999.
- Сладковский М.И. Китай и Япония. М., 1971.
- Современная Япония. Справочник. Под редакцией И.А.Латышева. М., 1973.
- Современный монополистический капитализм. Япония. Под редакцией Я.А.Певзнера, Д.В. Петрова, В.Б.Рамзеса. М., 1981.
- СССР и Япония. Под редакцией И.А. Латышева. М., 1987.
- Стрельцов Д.В. Система государственного управления Японии в послевоенный период. М., 2002.
- Тимонина И.Л. Региональная экономика и политика. М., 2002.
- Того С. Воспоминания японского дипломата. М., 1996.
- Хаттори Т. Япония в войне 1941–1945 гг. М., 1973. СПб., 2000.
- Цуру Сигэто. Конец японского экономического чуда. Пер. с яп. М., 1981.
- Чегодарь Н.И. Литературная жизнь Японии между двумя мировыми войнами. М., 2004.
- Чудодеев Ю.В., Каткова З.Д. Китай и Япония: любовь или ненависть? М., 1995.
- Эволюция политической системы Японии. Под редакцией Д.В.Петрова. М., 1995.
- Япония без предвзятостей. Под редакцией В.Рамзеса. М., 2003.

- Япония в современном мире. Факторы стабильного развития и безопасности. Под редакцией В.Н.Павлятенко. М., 2000.
- Япония второй половины XX в. Проблемы и судьбы. Под редакцией Э.В.Молодяковой, С.Б.Маркарьян. М., 2003.
- Япония. Ежегодник 1972–2002. М., 1973–2005.
- Япония и глобальные проблемы человечества. Под редакцией В.Б. Рамзеса. М., 1999.
- Япония и мировое сообщество. Социально-психологические аспекты интернационализации. Под редакцией Д.В. Петрова. М., 1994.
- Япония и современный мировой порядок. Под редакцией А.Е.Жукова, И.П.Лебедевой. М., 2002.
- Япония: конец двадцатого века. Под редакцией Э.В.Молодяковой, С.Б.Маркарьян. М., 1996.
- Япония 2000: консерватизм и традиционализм. Под редакцией А.Е.Жукова, А.И.Кравцевича. М., 2000.
- Япония 90-х: кризис системы или временные сбои? Под редакцией А.И.Кравцевича, И.П. Лебедевой. М., 1998.
- Япония: лики страны в разные времена. М., 1994.
- Япония: мифы и реальность. Под редакцией А.И.Кравцевича, И.П.Лебедевой. М., 1999.
- Япония: полвека обновления. Под редакцией В.Б.Рамзеса. М., 1995.
- Япония. Послевоенная государственная политика: вызовы и ответы. Под редакцией А.И.Кравцевича. М., 1998.
- Япония: смена модели экономического роста. Под редакцией И.П.Лебедевой, А.И.Кравцевича. М., 1990.
- Япония: снова на марше? Под редакцией В.Б.Рамзеса. М., 2001.
- Япония. Справочник. Под редакцией Г.Ф.Кима, К.О.Саркисова, А.И.Сенаторова. М., 1992.
- Япония: с чем в третье тысячелетие? М., 1999.
- Япония: экономика, общество и научно-технический прогресс. Под редакцией В.К.Зайцева, Я.А.Певзнера, В.Б.Рамзеса. М., 1988.
- Япония: экономика, политика, общество на заре XXI в. Под редакцией В.Рамзеса. М., 2003.
- Японская экономика в преддверии XXI века. Под редакцией В.К.Зайцева, Я.А.Певзнера, В.Б.Рамзеса. М., 1991.
- Японский феномен. Под редакцией К.О.Саркисова. М., 1996.

- Allen G.C. A Short Economic History of Modern Japan. London, 1984.
- Barnhart, Michael A. Japan Prepares for Total War. The Search for Economic Security, 1919–1941. Ithaca, 1987.
- Berger, Gordon M. Parties Out of Power in Japan, 1931–1941. Princeton, 1977.
- Bix, Herbert P. Hirohito and the Making of Modern Japan. New York, 2000 (русский перевод: Бикс Г. Хирохито и создание современной Японии. М., 2002 — неудовлетворителен).
- Butow, Robert J.C. Tojo and the Coming of the War. Stanford, 1961.
- Connors, Leslie. Emperor's Adviser: Saionji Kinmochi and Pre-war Japanese Politics. London, 1987.
- Crowley, James B. Japan's Quest for Autonomy: National Security and Foreign Policy, 1930–1938. Princeton, 1966.
- Culture in Development and Globalization. Tokyo, 1995.
- Curtis, Gerald L. The Logic of Japanese Politics. Tokyo, N-Y., 1999
- Democracy in Contemporary Japan. N-Y., 1986
- Dower, John W. Empire and Aftermath. Yoshida Shigeru and the Japanese Experience, 1878–1954. Cambridge (Mass.), London, 1988.
- Dower, John W. Embracing Deafeat. Japan in the Aftermath of World War II. New York, 1999.
- Finn, Richard B. Winners in Peace. MacArthur, Yoshida and Postwar Japan. Berkeley, 1992.
- Fujitake Tadashi. The Japanese Social Structure. Its Evolution in the Modern Century. Tokyo, 1989.
- Humphreys, Leonard A. The Way of the Heavenly Sword. The Japanese Army in the 1920's. Stanford, 1995.
- Ichihashi Yamato. The Washington Conference and After. A Historical Survey. Stanford, 1928 (репринт New York, 1969).
- International Military Tribunal for the Far East. The Tokyo War Crimes Trial. Transcript of the Proceedings, Ed. R. John Pritchard and Sonia M. Zaide. Project Director Donald C. Watt. Vol. 1–22+Index and Guide. Vol. 1–V. New York–London, 1981–1987.
- Isamu Kanaji. Hirohito. Japan's Compassionate Emperor. Tokyo, 1989.
- Ishida Takeshi. Japanese Political Culture. London, 1983.

- Japan's Foreign Policy, 1868–1941. A research Guide. Ed. James W. Morley. New York–London, 1974.
- Japan's Road to the Pacific War. <Vol. I–V>. Ed. James W. Morley. New York, 1976–1992.
- Japanese Capitalism since 1945. N.Y., 1989.
- The Japanese Colonial Empire, 1895–1945. Ed. Ramon H. Myers, Mark R. Peattie. Princeton, 1984.
- Johnson, Chalmers. MITI and the Japanese Miracle. The Growth of Industrial Policy, 1925–1975. Tokyo, 1987.
- Matsusaka Yoshihisa Tak. The Making of Japanese Manchuria, 1904–1932. Cambridge (Mass.), 2001.
- Miner, Richard H. Victors' Justice. The Tokyo War Crimes Trial. Tokyo, 1984.
- Morley, James. The Japanese Thrust into Siberia, 1918. N.Y., 1957.
- Nakamura Masanori. The Japanese Monarchy. London, 1992.
- Nakane Chie. Japanese Society. Tokyo, 1987.
- Nish, Ian. Japanese Foreign Policy, 1869–1942. Kasumigaseki to Miyakezaka. London, 1977.
- Nishi, Toshio. Unconditional Democracy. Education and Politics in Occupied Japan, 1945–1952. Stanford, 1982.
- Nitobe, Inazo. Collected Works. Vol. I–V. Tokyo, 1974.
- Oka Yoshitake. Konoe Fumimaro. A Political Biography. Lanham–New York–London, 1992.
- Okakura Kakuzo. Collected English Works. Vol. I–III. Tokyo, 1982.
- Okimoto D. The Liberal-Democratic Party's Grand Coalition. Stanford, 1988.
- Ozawa Ichiro. Blueprint for a New Japan. Tokyo, 1994.
- Pearl Harbor as History: Japan-American Relations, 1931–1941. Ed. Dorothy Borg and Shumpei Okamoto. New York, 1973.
- Political Security Cooperation: a New Dimension in ASEAN–Japan Relations? Tokyo, 1987.
- Reischauer E.O. The United States and Japan. Cambridge (Mass.), 1965.
- Reischauer E. Asian Dilemma: United States, Japan and China, 1969.
- Reischauer E.O. The Japanese. Tokyo, 1977.
- Schlizinger J.M. Shadow Shoguns. N.Y., 1997.

Supreme Commander for the Allied Powers (SCAP). Political Reorientation of Japan. September 1945 to September 1948. Washington, 1949 (репринт: Westport, 1970).

Titus, David A. Palace and Politics in Prewar Japan. New York, 1974.

Toland, John. The Rising Sun. The Decline and Fall of Japanese Empire, 1936–1945. N.Y., 1970.

Wetzler, Peter. Hirohito and War. Imperial Tradition and Military Decision Making in Prewar Japan. Honolulu, 1998.

White Papers of Japan. 1991–1992. Tokyo, 1993.

Wolfenbarger V.K. The Enigma of Japanese Power. London, 1989.

Young, Louise. Japan's Total Empire. Manchuria and the Culture of Wartime Imperialism. Berkeley, 1998.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Япония накануне XX века	6
Глава I. СТАНОВЛЕНИЕ ИМПЕРИИ (1900–1918)	14
На пути в «клуб великих держав»	14
Русско-японская война: причины и ход	18
Портсмутский мир и изменение баланса сил на Дальнем Востоке	28
Власть и «политика компромисса»	34
Экономическая экспансия и создание колониальной империи	46
Эволюция социалистического и рабочего движения.....	54
Япония в Первой мировой войне.....	58
Старое и новое в японской культуре	65
Глава II. ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКАЯ СИСТЕМА И «ДЕМОКРАТИЯ ТАЙСЁ» (1919–1931)	73
Япония на Парижской мирной конференции	73
Участие в «союзной» интервенции на Дальнем Востоке	76
Вашингтонская конференция и ее итоги.....	83
«Демократия Тайсё» и партийные кабинеты.....	86
«Дипломатия Сидэхара» и «дипломатия Танака»	95
Радикализация политики и идеологии	101
Золотой век «пролетарской культуры».....	108
Япония в годы Великой депрессии.....	117

Глава III. «ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ВРЕМЯ» (1931–1941)	122
«Маньчжурский инцидент» и его последствия	122
«Кабинеты национального единства»	128
Новые тенденции в идеологии и обществе	136
«Китайский инцидент» и подготовка к «большой войне»	143
«Дипломатия разведенной туши»	149
«Новая политическая структура»	156
Культура предвоенного десятилетия	160
«Великое противостояние» и канун войны	165
Глава IV. ВОЙНА НА ТИХОМ ОКЕАНЕ (1941–1945)	174
Подготовка к войне. Силы и планы сторон	174
Период наибольших военных успехов Японии	178
Режим Тодзио: власть, политика и оппозиция	185
Военная экономика и «сфера процветания Великой Восточной Азии»	191
Перелом в ходе войны	196
Культура и общество в условиях «тотальной мобилизации»	207
Заключительный этап боевых действий	210
«Битва за Японию» и поиски выхода из войны	219
Глава V. ОККУПАЦИЯ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ (1945–1955)	230
Политические и экономические последствия войны	230
Возрождение партий и первые послевоенные парламентские выборы	240
Конституция 1947 года	245
Международный военный трибунал для Дальнего Востока	253
Послевоенные системные реформы	256

Первые коалиционные кабинеты и утверждение Ёсида во власти	271
Подготовка заключения мирного договора с Японией	276
Сан-Францисская система договоров.....	281
Возрождение духовной жизни	290

Глава VI. ПЕРИОД ВЫСОКИХ ТЕМПОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА (1955–1973)

Предпосылки и начальный этап быстрого экономического роста	296
Условия создания политической «структуры 1955 г.»	305
Восстановление советско-японских дипломатических отношений и внутривнутриполитическая борьба в ЛДП	311
Пересмотр японо-американского «договора безопасности» и внимание к Азии	319
На пути превращения в одну из ведущих экономических держав.....	324
Появление новых политических партий и образование новых профцентров	332
Развитие американского и азиатского направлений во внешней политике	342
Нормализация отношений с КНР и кабинет Танака.	346
Выход в мировое культурное пространство	353

Глава VII. ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ПРОБЛЕМЫ ВТОРОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕРЖАВЫ (1974–1990).....

Экономический кризис и начало структурной перестройки	362
Неустойчивое равновесие сил правящей партии и оппозиции	369

Влияние суперфракции Танака на политическую жизнь.....	377
Кабинет Накасонэ и административно-финансовая реформа.....	380
Азиатский вектор внешней политики	388
Структурные сдвиги в экономике и формирование новой модели роста.....	393
Отношения Японии со странами Западной Европы и политика в формате «семерки».....	400
Истоки политических коллизий 1990-х годов	406
Массовая культура общества потребления	409
Глава VIII. ПЕРЕД ЛИЦОМ НАЗРЕВШИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ (1990–2000)	417
Десятилетие экономической депрессии.....	417
Новые тенденции в социальной сфере.....	426
Окончание функционирования «структуры 1955 года» и начало эры коалиционных правительств	431
Основные проблемы внешней политики	440
Внутриполитическая жизнь на рубеже веков	461
Укрепление позиций в мировом культурном пространстве	468
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	477
Основные даты истории Японии.....	486
Указатель имен	493
Указатель географических названий	505
Библиография	514
Summary	526

Коротко об авторах

Маркарьян Седа Багдасаровна окончила Московский институт востоковедения. Доктор экономических наук. Ведущий научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН. Автор 4 индивидуальных монографий и четырех в соавторстве с Молодяковой Э. В., а также свыше 130 статей и разделов в коллективных монографиях.

Молодякова Эльгена Васильевна окончила Институт восточных языков (ныне – ИСАА) при МГУ. Доктор исторических наук, профессор. Руководитель Центра японских исследований Института востоковедения РАН. Автор 6 монографий, в том числе в соавторстве с Маркарьян С. Б., более 150 статей.

Молодяков Василий Элинархович окончил ИСАА при МГУ. Доктор политических наук, доктор философии. Старший научный сотрудник Института японской культуры Университета Такусэку (Япония). Автор 10 книг и более 100 статей.

Научное издание

Молодяков Василий Элинархович
Молодякова Эльгена Васильевна
Маркарьян Седа Багдасаровна

ИСТОРИЯ ЯПОНИИ XX ВЕК

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Корректор *Л. В. Хохлова*
Макет *А. Б. Дунаева*

Сдано в набор 25.02.06. Подписано к печати 17.07.06.
Уч.-изд. л. 33. Усл. п. л. 33.
Тираж 1000 экз. Заказ № 6841.

ИД № 040753 от 28 апреля 2001 г.

Институт востоковедения РАН
107031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел
Зав. отделом *Ю. В. Чудодеев*

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова».
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, д. 2